

Mil ler
Миллеръ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Г. Ф. МИЛЛЕР

СОЧИНЕНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РОССИИ

ИЗБРАННОЕ

Составление, статья

А.Б. КАМЕНСКОГО

Примечания

А.Б. КАМЕНСКОГО и О.М. МЕДУШЕВСКОЙ

МОСКВА
"НАУКА"
1996

ББК 63.3(2)46
М 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ":

*К.З. Ашрафян, Г.М. Бонгард-Левин,
В.И. Буганов (заместитель председателя),
Е.С. Голубцова, А.Я. Гуревич, В.А. Дунаевский, В.А. Дьяков,
М.П. Ирошников, Г.С. Кучеренко, Г.Г. Литаврин,
А.П. Новосельцев*, А.В. Подосинов (ученый секретарь),
Л.Н. Пушкарев, В.А. Тишков, В.И. Уколова (председатель)

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН В.И. БУГАНОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Е.В. АНИСИМОВ,
доктор исторических наук В.А. МУРАВЬЕВ

Миллер Г.Ф.

М 60 Сочинения по истории России. Избранное. — М.: Наука,
1996. — 448 с.
ISBN 5-02-009637-7

Сборник включает труды академика Г.Ф. Миллера (1705—1783) по различным проблемам истории России — летописанию, истории дворянства, географических открытий, событий конца XVII в., русских городов. Большая часть работ не переиздавалась с XVIII в., некоторые публикуются впервые. Все издаваемые сочинения не потеряли своего научного значения и входят в "золотой фонд" отечественной историографии.

Для специалистов по истории России и широких кругов читателей, интересующихся отечественной историей, развитием исторической мысли.

М $\frac{0503020200-166}{042(02)-96}$ 40—1995, II полугодие

ББК 63.3(2)46

ISBN 5-02-009637-7

- © А.Б. Каменский, составление, статья, примечания, 1996
- © О.М. Медушевская, примечания, 1996
- © Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Памятники исторической мысли" (разработка, составление, оформление), 1996

*О первом летописателе Российском
преподобном Несторе,
о его летописи и о продолжателях оныя*

Всем известно, что начало летописаний Российских приписать должно Киево-Печерскаго монастыря монаху преподобному Нестору. А поже сей писатель жил в последней половине XI века по рождестве Христове, Российския ж деяния с половины IX века описаны уже с довольными обстоятельствами, и от того времени с точным показанием лет, когда что достопамятнаго происходило, непрерывно продолжаются, то сие не прекословит принятому от некоторых мнению, якобы преподобный Нестор уже застал письменныя известия, по которым сочинил он свою летопись, хотя на оныя и не ссылается¹. Небеззнатное обстоятельство для показания важности Несторовой летописи есть то, что прочие славенские народы — поляки, богемцы, венецы и иллириане — подобной ей не имеют, ниже чтоб которая из их летописей либо древностию, либо обстоятельным и внятным объявлением происшедших дел сей нашей предпочитаема быть могла². Последующие Российские писатели повторяли в продолжениях своих описанное Нестором время по большей части собственными его словами. По крайней мере, они в его описании не отважились учинить никакой знатной перемены. Так сильно удостоверены были они о верности объявленных Нестором приключений, да как бы им таковым и не быть, когда и ныне никаких знатных недостатков в его летописи не видно, и когда точное согласие перваго нашего Российскаго летописателя с греческими тогдашних времен историками примечаем. Сам Стриковский, славный польский историк, не нашел лучшаго основания, кроме нашего Нестора, к сочинению своей Польской и Российской хроники³. Того ради для Российской истории весьма полезное бы дело было, и как от природных Российских, так и от иностранных давно желаемое, ежели бы повелено было к побуждению тех, кои Российскую историю основательно знать желают, или оную разысканиями своими больше изъяснить намерены, Несторову летопись купно с продолжениями оной напечатавши в народ издать. Сколько ж времени и иждивения тем будет сбережено, кое ныне на переписку оных летописей от охотников употребляется? И какое средство может надежнее быть того, которое подает нам печатание книг, чтоб миновать погрешности, кои при переписке нечувствительно и почти неминуемо случаются?

Подобное сему предпринять вознамерился покойный господин тайный советник Татищев, употребляя свободные часы на описание Российской истории. Он имел пред собою восемь списков Несторовой летописи с продолжениями, кои слыхал он один с другим и изо всех выбирал, что казалось ему быть обстоятельнейшее и справедливейшее⁴. Из сего сделалась новая летопись, которую он с примечаниями своими хотел напечатать. В самом деле не было бы лучшего способу как сей, естли б читатели иногда не желали сами разсматривать, с довольною ли осторожностью сжовены разные речения списков и всегда ли справедливейшия из них выбраны, чего сделать невозможно, ежели тот список которой за самой лучшей и за обстоятельнейшей почитается, от слова до слова верно не напечатается, а из прочих разных речения, которыя в самой вещи разность делают, присовокуплены не будут.

Но сколь нужна сама по себе есть Несторова летопись с продолжениями ея, чтоб в печать издана была, столько ж не можно почесть за излишнее, естли повелено будет и труды покойнаго господина тайнаго советника Татищева таким же образом напечатать⁵. Кто историю читает только для своего увеселения, тот подлинно сими его трудами будет доволен и еще предпочтет оные чтению разных первоначальных летописей, а кто далее желает поступить, тот может справляться с самим Нестором и с его продолжателями.

Между тем, пока учинено будет о сем определение, приняли мы намерение наперед объявить о преподобном Несторе и о тех, кои летопись его продолжали, отчасти из оставшихся после покойнаго господина тайнаго советника Татищева известий, а отчасти из собственного нашего исследования, что благосклонным нашим читателям здесь предлагаем.

В Патерике Печерском⁶, напечатанном в Киеве в 1702 году, находится на листе 258 и следующих описание жития преподобнаго Нестора, кое также внесено и в Четьи Минеи могилевской печати под 27 днем октября⁷. Содержание онаго есть вкратце следующее: "Нестор, будучи 17 лет от рождения, пришел к Антонию и Феодосию, кои тогда Печерской монастырь созидали, прося, чтоб приняли его в число монахов, на что они и позволили, однакож пострижение его прежде не возпоследовало, как при игумене Стефане, от котораго он и диаконом посвящен. Как братия вознамерились мощи святаго Феодосия перенести из пещеры в монастырскую церковь, то Нестор больше всех при том трудился. Прочия лета своей жизни препроводил он в сочинении своей летописи, а напоследок преставился и погребен в пещере"^{*}.

Для лучшего разумения сего надлежит из Несторовой летописи привесть еще то, что под 1051 годом о начале Печерскаго монастыря объявляет, сказывая при том сам о себе, как он в тот монастырь в монахи

* Здесь и далее в тексте слова, заключенные в кавычки, но не выделенные курсивом, представляют собой не цитату, а пересказ содержания "Киево-Печерскаго патерика". — Ред.

был принят: "Первую в Киеве пещеру ископал священный муж Иларион, который, имевши в ней жилище, возведен был великим князем Ярославом Владимировичем на престол митрополии Киевской и всея России. Спустя несколько времени некакой митрополит уроженец города Любеча, называемый Антоний, ходив в Грецию и приняв на святой Афонской горе иноческий чин, возвратился назад в Россию. Сей увидел от Илариона оставленную пещеру, которая ему столь понравилась, что пожелал достальной свой век препроводить во оной. Антоний разпространил пещеру, имел воздержное житие, и был в таком почтении, что некогда великий князь Изяслав сам с ближними своими посетил его. Тогда Антоний начал собирать братии и строить монастырь, в котором он сам был игуменом. Вскоре пристали к нему 12 братьев, кои пещеру еще более разпространили и сделали в ней кельи и церковь. Но в сем обществе Антоний не долго остался. Он поставил братьям инаго игумена именем Варлаама, а сам ископал себе в некотором разстоянии от первого места новую пещеру, в которой продолжал прежде свое уединенное житие, однако и после того имел главное надзирание над братиею. По его благословению братия, умножившиеся до двадцати, построили вне пещеры малую деревянную церковь и при ней кельи. А как им и то место стало быть тесно, то Антоний просил у великаго князя всей горы, в которой пещеры ископаны, под монастырь, коя ему и отдана. Тогда заложен был новой большой монастырь и во оном великая каменная церковь. А монастырь назван Печерским по пещерам, которыя к строению онаго случай подали. Между тем же временем великий князь Изяслав соорудил еще другой монастырь во имя святаго Дмитрия, которым именем наречен он во святом крещении, и выбрал начальником во оном монастыре игумена Варлаама, а на его место Антоний поставил игуменом Феодосия, которой первой снабдил монастырь прямым монашеским уставом, кой получил он из Царяграда из Студийскаго монастыря. Он же принимал всех приходящих к нему, между которыми был и Нестор. *"К нему же (сии собственныя Несторовы слова) и аз пришел худый и недостойный раб, и прият мя, лет 40 сущу ми в монастыри, а лет 17 от рождения моего постригохся во иноческий образ"**.

Из сношения сих последних слов с находящимся в Патерике известием совершенно подтверждается, что известная под Несторовым именем летопись сочинена ни кем иным, кроме его, хотя он сам о своем имени не упоминает, и только в немногих списках приписано, что прелодобнаго Нестора сочинения та летопись. При сем не можем мы преминуть, чтоб не объявить о погрешности, которая учинена в печатанной в 1732 году при Академии наук на немецком языке книге, называемой "Собрание Российской истории". Во оной Несторова летопись приписывается некоему игумену Феодосию, чему виновен был переводчик, коего изъяснение еще находится в заглавии той летописи, имеющейся в императорской биб-

* Здесь и далее курсив в тексте принадлежит Миллеру. — Ред.

лиотеке при Академии наук. Слова: "Книга летописец черноризца Феодосиева монастыря Печерскаго" переводчик толковал так, якобы написано было: "черноризца Феодосия" и проч.⁸ При употребляемом тогда списке той летописи не было показано о имени истиннаго сочинителя, по чему можно бы было о сей ошибке догадаться. Следовательно, сделались два Феодосия, один, который по 17 году принял на себя иноческой чин, другой, который, яко игумен, принял в монастырь сего 17-летнего отрока. А причина, для чего первого также игуменом назвали, произошла потому ж от неправильнаго некоторых речей той летописи толкования. А именно: в лето от создания мира 6624 (от рождества Христова 1116) показано о некотором игумене, которой в сочинении летописи имел участие. Сей сколько от первого писателя ни разнился, однако незнанием переводчика со оным смешался.

Время, в которое Нестор монастырское житие избрал, а потому и год его рождения можно нарочито исправно определить, ежели точно взять, в которое время начался Печерской монастырь. Сие обстоятельство в объявленном месте летописи не весьма ясно изображено, а находится в ином месте оной же летописи под 1075 годом, и в житии преподобных отец Антония и Феодосия, кои в Киевском Патерике описаны в первом месте. Здесь не говорится ни о начале киевских пещер, ни о первом собрании братии к преподобному Антонию, ни о малом деревянном монастыре, которой построен при игумене Варлааме, но о построении большаго Печерскаго монастыря с большею каменною церковию, чему причина была, что пещера и первая церковь при умножении братии тесны быть стали. Сие строение началось в 1072 году. Преподобный Антоний преставился в первом году онаго строения в 10 день июля 1073. После того скончался и преподобный Феодосий в 3 день мая 1074 года, а строение продолжал игумен Стефан, котораго Феодосий пред своею кончиною по избранию братии игуменом поставил. Понеже Нестор все сие наперед описывает, а потом уже о принятии своем в монастырь упоминает, к тому ж в Патерике точно объявляется, что Нестор в то время, когда Феодосий строил монастырь, к нему и к преподобному Антонию пришел*, а хотя игумен Феодосий и принял его в монастырь, токмо не он, но последовавший игумен Стефан его постриг, то из сего должно заключить, что Нестор пришел к Феодосию незадолго до Антониевой кончины, следовательно, был он в 1073 году 17 лет, почему рождение его было в 1056 году, и не мог он прежде как игуменом Стефаном постриженным быть, потому что надлежало ему жить один год под искусом⁹.

О игумене Стефане известны мы из жития его, находящегося в Патерике Печерском, что он в том чине в Печерском монастыре был

* "Сей бо блаженный отец наш Нестор, безмолвующу преподобному Антонию в пещере, блаженному же Феодосию строящу монастырь, прииде к ним, желая святаго ангельскаго иноческаго образа, имый точию семнадцать лет от рождения своего". (Здесь и далее все подстрочные примечания, кроме специально оговоренных, принадлежат Миллеру. — Ред.)

недолго, ибо братия изгнали его неповинно. После того построил он недалеко от Печерского монастыря на месте, называемом "на Клобе", новой монастырь, откуда на епископство во Владимире в Вольтинии поставлен¹⁰, где в 27 день апреля 1094 году и преставился. На его место в Печерском монастыре игуменом выбрали преподобного Никона, бывшего друга и верного помощника игумену Феодосию, при котораго кончине не было его в монастыре, чего ради не могли его еще тогда поставить на его место.

Никон, как в Патерике объявляется, создал на острове Тьмутаракане монастырь и построил церковь во имя Положения Ризы пресвятыя Богородицы по примеру Влахернского монастыря в Цареграде¹¹. Недолго по кончине Феодосиевой пришел он паки в Печерской монастырь, только ради посещения, и от того возпоследовала сия перемена. В 1083 году при игумене Никоне украшена Печерская церковь святыми иконами чрез иконописцов, пришедших из Царяграда в Киев. В 1085 году освящена сия церковь, и мощи преподобного Феодосия перенесены во оную в 1091 году при игумене Иоанне, причем преподобный Нестор в выкапывании оных трудился. О сих своих трудах упоминает писатель наш с такими же точно обстоятельствами*, как и в Патерике показано.

Теперь станем доискиваться, сколь долго Нестор жил и как далеко дошел в сочинении своей летописи. В Патерике мы ничего о том не находим. Только упоминается в нем следующее: *"Поживе лета довольна труждаяся в делех летописания и лета вечная поминая, и тако добре угоди Творцу летом, к нему же по летех временных довольных преста-вися на вечность, и положен есть в пещере"*. Посему не остается более как только искать следов в самой летописи, кои бы к решению объявленной трудности несколько способствовать могли. По мнению господина тайного советника Татищева, преподобный Нестор окончал свою летопись при 1093 году, а что после того году следует по 1116 год, оное приписал он первому той летописи продолжателю игумену святаго Михаила Сильвестру, которое свое мнение утверждал он на следующем: в некоторых списках Несторовой летописи в конце 1093 году находится увещание о согрешениях человеческих, кое аминем заключается. Такое же окончание находится и в 1116 году, где точно показано, что то говорит игумен Сильвестр. Сей аминь принял господин тайный советник Татищев за конец трудов каждого писателя. Однако кажется, что сколько проницателен он ни был в прочем, не вспомнил он, что Нестор сам упоминает о 40 годах своего пребывания в Печерском монастыре, и что

* "Игумен Печерский с иноки совет сотворше и реша: не добро есть лежати отцу нашему Феодосию, кроме монастыря и церкви своя, понеже той есть основатель церкви и черноризцы совокупил, и тако повелеша устроить место, идеже положиша мощи его, и преслевшу празнику Успения Пресвятыя Богородицы тремя деньми, и повеле игумен рушити, где лежат мощи отца нашего Феодосия, его же повелению бых аз грешный перьвое самовидец, еже скажу, не слухом бо слыша, но сам о сем начальник. Пришедшу же игумену ко мне и рекшу ми: "пойди в пещеру к Феодосиеви", аз же, пришед с игуменом, не ведуще никому же, разглядаше копати" и проч.

весьма невеликое время жизни его выдет, ежели положить, что он около 1093 года преставился. Старость, означенная в Патерике словами "*лета довольна*", с тем не согласуется. Также и невероятно, чтоб преподобный Нестор писать перестал прежде, как смертельная болезнь его к тому принудила. Мы полагаем, как выше показано, что Несторово в монастыре пребывание считать должно с 1073 года. Он зачал писать летопись свою в последних летах своей жизни. А когда он труд сей довел до того времени, как зачалось строение монастыря, тогда бытия его в монастыре, по собственному его объявлению, было 40 лет, которое время приходит в 1113 год. Потом мог он еще два года жить и, таким образом, приключения своего века довести до самая своя кончины. По одному месту той летописи при 1096 годе весьма ясно оказывается, что сочинитель еще тогда, как и прежде, был монахом в Печерском монастыре, а именно описывается там нападение половецкаго князя Бонака на Киев и особливо учиненное им опустошение Печерскаго монастыря, причем сочинитель говорит: "*нам сущим по келиям почивающим*"¹². А сие не можно разуметь о игумене Сильвестре святаго Михаила, ибо оной монахом Печерскаго монастыря не бывал, как то и в Патерике житии его не описано. Следовательно, полагаем мы конец жизни преподобнаго Нестора, также и конец его летописи в 1115 году. И потому всего жития его было 59 лет.

Приписываются еще преподобному Нестору и описания о житиях Печерских угодников, кои в перьвой части Патерика Печерскаго напечатаны. Ибо оной первой части надписание значит так: "*Часть первая, в ней же обретаются жития святых преподобных и богоносных отец наших Печерских, преподобным отцем нашим Нестором, летописцом Российским, написанныя*". Но ныне оныя уже и те описания, кои Нестор сочинял, часто постороннею рукою нечто во оныя вношено, и Нестор в третьем лице тут упоминается. Сие происходит от следующей причины: в предисловии к Патерику объявляется, что сочиненное Нестором описание жития преподобнаго Антония, а может быть и других святых, в военное время утратилось. Но оное читал известный свидетель Симон святой, епископ володимерский и суздальский, и из того выбрал достопамятнейшее*. Сему же Симону приписывают и описания, находящиеся в перьвой части Патерика о чудесах святаго Антония, о освящении и украшении гроба святаго Феодосия и о построении, украшении и освящении Печерския церкви. Он же сообщил и содержащиеся в житиях во второй части Патерика известия монаху Поликарпу, которой потом поставлен архимандритом Печерским, и находящиеся в третьей части жития сочинил

* "Нестор убо святыя разве летописания во иной книзе особой совершеннее житие преподобнаго отца нашего Антония написа, иже книга содержащая то житие его совершенное поминается во многих главизнах в Патериках Печерских, древле писанных, но чрез похищение ратное от нас удалися, обаче прочте ю известный свидетель Симон Святой, епископ владимирский и суздальский, и той нам, якоже лето, сие и месяц, и день преставления преподобнаго первоначальника сего и положения его у нас в пещере изъяви".

сам. Чего ради и его житие в Патерике приобщено прибавлением, но столь необстоятельно, что естли бы по другим известиям то не было известно, то бы и о времени, в которое он жил, не знали. О преподобном Поликарпе находим мы в его житии, что он во время великаго князя Ростислава Мстиславича и митрополита Иоанна третьяго, то есть в 1164 году поставлен архимандритом, и в 1182 году преставился. По сему можно положить время жития святаго Симона, которой несколько старше был Поликарпа, в середине вторагонадесять века.

Что до продолжения Несторовой летописи касается, то ни которое из них не находится особливо, также и в первойшия времена не случалось быть двум или больше писателям вдруг, кои бы об одном времени писали порознь. Один продолжатель следовал за другим, и к концу трудов своего предка присоединял свои труды. Не можно бы было иногда приметить разности, но почесть все за писание одного человека, ежели обыкновенной век человеческой не побуждал нас изыскивать оную разность. А где она есть, тут примечается более в материях, нежели в слоге, также иногда писатели и сами о себе объявляют.

О игумене Силвестре монастыря святаго Михаила, которой по кончине Несторовой летопись его продолжал, уже выше упомянуто. Начало сочинения его полагаем мы там, где покойный господин тайный советник Татищев думал быть концу. И сие для того: 1) понеже в начале 1116 году положенныя Силвестром слова не меньше походят на начало, как и на окончание*; 2) понеже он говорит там, что писал он при владении великаго князя Владимира Мономаха, кое началось в 1113 году; и 3) понеже Сильвестр тогда еще не преставился, и никакой притчины не видно, для чего бы ему перестать писать прежде своей кончины. В 1119 году поставлен он епископом в Переяславль¹⁴, где в 23 день апреля 1123 года скончался, и посему так далеко следует его продолжение¹⁵.

После Силвестра известия о Волынии и о Черной России становятся обстоятельнее прежняго, чего ради кажется, что ближайший, хотя неизвестный по нем продолжатель жил в той стране. Сие примечание есть покойнаго тайнаго советника Татищева; также и следующее, что оно обстоятельство не долее продолжается, как до кончины великаго князя

* "В лето 6624 се аз, грешный инок Силвестр, игумен святаго Михаила, написах книги сея, глаголемыя греческим языком "Хронограф", руским языком толкуется "Временник", еже есть Летописец во священно и божественно священно начальство господина Никифора, митрополита Киевскаго и всея Руссии, во обладании державы Киевския православнаго и благочестиваго князя Владимира Мономаха, сына Всеволожа, внука Ярослава, правнука великаго и равноапостольнаго святаго Владимира, нареченнаго во святом крещении Васяля, крестившаго всю Рускую землю. Писа же вся сия любве ради Господа Бога и Пречистыя Богородицы и Святых его, и своего ради отечества Руския земли, во спасение и пользу всем, и молю всех прочитающих книги сия, да помолятся о мне во святых своих молитвах, да сладостный и радостный глас услышу от Господа Бога в день он суда великаго, и избавлен буду безконечных мучений, а обещанных благ от Господа получу молитвами Пресвятыя Богородицы и всех святых. Аминь"¹³.

Георгия Владимировича, то есть до 1157 году, и что потом еще иное неизвестное продолжение следует, которое кончится на 1203 году.

До сего времени разные списки Несторовой летописи, также и продолжении оной, почти во всем между собою согласны, по крайней мере в том, что до главных приключений касается; в речах же почти каждой писатель по-своему переменил то или другое, или и небольшие старинныя приключения совсем выпустил, от чего, однако, в самом деле никакого замешательства не возпоследовало. Потом настало время, которое не меньше над летописями, как вообще над человеческим благополучием оказывало свое действие.

Как Россия от времени до времени более разделяема была на разныя княжения, то в каждом княжении востали особливые писатели, кои по обыкновению предпочитали приключения своей страны всем другим, и только то обстоятельно описывали, а из приключений прочих стран Российских больше не брали, как сколько для связания порядка необходимо надобно им показалось. Кто все таковыя писатели были, хотя того добратся и трудно, однако видно, что все были из духовенства, ибо в старинныя времена, также как и в других европейских государствах, знание и науки по большей части не выступали из пределов монастырских. Однако можно похвалить заслуги некоторых, кои отчасти упражнялись в описании истории их времен, а отчасти изыскивали способы, как бы привести истории, другими описанныя, в лучшей порядок. Из трудившихся в том наипаче достопамятны следующие.

О суздальском епископе Симоне, которой в 1226 году преставился, господин тайный советник Татищев объявляет, что он с 1203 года упражнялся в продолжении летописи, и некоторой новгородской священник, имянуемый Иоанн, пишет под 1230 годом о себе, яко о сочинителе летописи своего времени, что он очевидным был свидетелем при случившихся тогда приключениях. И как первый имел намерение описывать более главныя приключения всего Российскаго государства, а особливо великаго княжения во Владимире; так последний, напротив того, по большей части описал то, что в Новгороде происходило. Чего ради в продолжаемой им летописи не только своего времени дела новгородския предложил обстоятельно, но и прежних времен историю новгородскими приключениями дополнил. Доказательством онаго есть закон, данный новгородцам в 1019 году от великаго князя Ярослава Владимировича, содержащий тогдашния гражданския права, по которым суд и расправу чинить велено было¹⁶. Сей закон есть неоцененная вещь для Российской древности. Нестор в своей летописи об оном подробно не упоминает, но только пишет, что такой закон дан Ярославом, а между всеми списками Несторовой летописи один токмо новгородской с продолжением священника Иоанна, в котором оной по всему своему содержанию находится.

После сего более никакой продолжатель Несторовой летописи по имени неизвестен, хотя одно в императорской библиотеке при Академии наук находящееся продолжение даже до 1630 году простирается. Есть два

митрополита московские, которые по причине Российской истории достопамятны, а именно Киприан и Макарий, но они другой порядок при сочинениях своих наблюдали, то есть сочинили они так называемые Степенная книги, которым первой положил начало, а последней при владении царя Иоанна Васильевича оныя действительно к концу привел. По всему видно, сначала была только одна Степенная книга, но чрез частое переписывание выросло оных великое множество, из которых всегда одна другой обстоятельнее или недостаточнее, для того что многие списатели употребляли вольность по своему разсуждению иное прибавить, а иное выкинуть. Оныя книги называются Степенными потому, что по родословному порядку великих князей и царей Российских разделены на известныя степени, или поколения. Как из оных чаятельно выбраны были материи к последующим продолжениям Несторовой летописи, так и летописи, тогда бывшия, без сумнения служили основанием при сочинении Степенных книг.

Сюда можно еще причислить и келаря Троицы-Сергиевой Лавры Авраама Палицына, которой жил во время внутренних замешательств от ложных Димитриев даже до времени государствования блаженныя памяти царя Михаила Феодоровича, ибо он приключения своего времени описал в особливой летописи, которая, однако, весьма кратка, и слог в ней больше витиеватой, нежели чтоб с натуральною историческою простотою сходствовал.

Наконец, достойно похвалы и старание святейшаго Никона патриарха, при государствовании блаженныя памяти царя Алексея Михайловича, ибо от него имеем мы также список с Несторовой летописи, сделанной в Воскресенском монастыре, в котором он начальные листы сам своею рукою переметил. Сия есть та летопись, о которой выше упомянуто то, что доведена до 1630 году¹⁷.

И как сей список перед прочими написан весьма исправно, то может быть был бы он и совершенно достоин к произведению в печать, если бы не было причины дать первенство самым древнейшим по обыкновению всех тех, кои писменные истории в печать издают. Господин тайный советник Татищев хвалил некоторой старинной список Несторовой летописи, которой у него самого находился. Превосходная онаго древность показывается отчасти по писменам, кои на квадратныя древния греческия и римския походят, отчасти по тому, что написан на пергаменте, отчасти из многих находящихся в нем и в нынешния времена совсем не употребительных речей, и, наконец, из того, что оной не далее 1197 года простирается. По сему последнему обстоятельству не без вероятности заключается, что сей список в конце второгонадесять века писан. Има преподобнаго Нестора в начале онаго ясно означено¹⁸.

В императорской библиотеке при Академии наук находится еще другой изрядный список с Кенигсбергскаго подлинника, хотя и правда, что некоторыя места в нем сумнительны кажутся, чего ради весьма б надлежало оной еще сличить с подлинником, дабы увидеть, не последовали ли

какая в переписке ошибки. Подлинник сей хранится в библиотеке королевского замка в Кенигсберге между теми книгами, которые в 1668 году прусской наместник князь Богуслав Радзивилд туда отдал. Господин Лилиэнталь сочинил историю оной королевской библиотеки, которая напечатана в книге, называемой "Erleutertes Prussen", то есть "Изъясненная Пруссия", в первом томе на стр. 725 и следующих. Так же на 731 находим мы нечто об отдаче Радзивиловой библиотеки, а на стр. 753 объявлено, что блаженные и вечнодостойныя памяти государь император Петр Великий в 1711 году ноября в 21 день сию библиотеку смотреть изволил и об оной оказал особливое свое всемилостивейшее удовольствие. Может, сей список тогда по требованию государя императора и сделан или, как господин тайный советник Татищев объявляет, при случае вторичнаго государева проезда в феврале месяце 1716 году был изготовлен. Почти на каждой странице описанныя приключения изображены тут же раскрашенными фигурами. Но оныя фигуры не лучше ли в подлиннике, нежели в списке сделаны, и в каком состоянии самый подлинник в разсуждении писмен и бумаги находится, о том мы точнаго известия не имеем. Естли наш список полон, как то и надеяться можно, то сия летопись оканчивается с 1206 годом¹⁹.

После сих древнейших летописей надлежало бы при напечатании следовать прочим спискам, из которых бы всегда выбирать вернейшие и обстоятельнейшие, что на разсмотрение оставляем тому, кому сие дело поручено будет.

Впрочем, по объявлению некотораго писателя, которой пред не многими годами выдал книгу о старом и новом состоянии России на голландском языке (том I, стр. 232), хотя и кажется, якобы Несторова летопись по переводу некотораго епископа Коссовиа напечатана была уже на польском языке, однако сие мнится нам быть ошибкою²⁰. Силвестр Косов, будучи епископом мстиславским, сокращенно перевел из Патерика Печерскаго жития святых, преподобным Нестором сочиненныя, на польской язык, которые по Гербиниеву свидетельству (в книге о пещерах киевских на стр. 138) напечатаны в Киеве 1635 году²¹, а оной Силвестр потом поставлен митрополитом в Киев и в 1658 году скончался. Может быть, что сие побудило помянутаго голландскаго автора думать, будто бы и самая летопись Несторова переведена и напечатана уже на польском языке. Бude же есть перевод польской, а оной еще не напечатан, то подлинно не без пользы бы было, естли бы кто из польских ученых людей о издании онаго старание возымел, не токмо для того, чтоб нам можно было тот перевод сличить с нашим подлинником, но и по той причине, дабы тем скоряе и другие европейские народы, переводя оной на свои языки, могли оным пользоваться и сим способом вытти из той темноты, в которой они по сие время в разсуждении древней Российской истории находятся.

Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве

Всякой, читая со вниманием печатанные в чужестранных землях о Российской империи книги и сам имея некоторое знание в Российской истории и географии, не может спорить, что оныя книги наполнены премногими погрешностями, что очень много в них недостает того, что потребно к обстоятельному знанию о России и что повторяются в них разныя известия, писанныя лет тому назад за сто и за двести, к безславию Российскаго народа, равномерно как бы оныя времена еще не миновались, в коих предки наши более к войне, нежели к наукам склонны будучи, имевши с иностранными народами весьма малое сообщение, конечно от нас, их потомков, нравами и обхождением (в чем признаться нам не стыдно) несколько были отличны. Но за что нас попрекать всегда теми же пороками, когда оныя при возсиявшем наук свете, обстоятельным познанием должностей, коими мы Богу, ближнему и самим себе обязаны, коротко сказать, изучением нравоучительной науки и разумным подражанием всему тому, что у других благонравных народов похвалы достойное примечается, хотя не у всех, однако у лучшей части Российскаго народа благополучно прекратились.

Причину сему увидеть не трудно. Никто еще из нас на свет не издавал истории о Российском народе и о состоянии сего государства на каком-нибудь языке иностранном. Все, что иностранные о России знают, то передано им от иностранных же. А большая часть из них не знали сами довольно о том, что писали. Никто не мог иметь довольных способов к получению нужных к своему намерению известий. Почти все следовали старым предубверениям, а некоторые, по-видимому, и хотели России отмстить за то, что, будучи в ея пределах, не сыскали себе щастия по их желанию. Однако такая сочинения приняты за самыя справедливыя, паче тогда, когда сочинители в России несколько лет обретались, другие в чинах состояли или находились в таких обстоятельствах, что пощастливо им получить более известий, нежели другим, или и ездили внутрь государства, чем достали себе похвалу, что будто известия, ими записанныя, обстоятельнее и достовернее всех прочих. Таким образом, один у другаго выписывает погрешности, потому наипаче, что оным с Российской стороны публичнаго в книгах прекословия и исправления не бывало.

Правда, что великодушное презиране неосновательных попреканий больше похвалы, нежели порицания достойно. Неправда оказывается по большой части сама собою, и немногие писатели умеют искусно закрывать свои пристрастия, чтоб благоразумные читатели не могли разсудить по оным о их нравах. Однакож, кажется, что также потребно, как для чести Российскаго народа, так и для удовольствования иностранных, Российскую историю и географию от погрешностей, которыми искажена она у иностранных писателей, очистить, и находящиеся у них недостатки исправить. Самое наше Российское юношество чувствует от того немалой вред. Нет у них печатных на Российском языке книг, из которых бы могли получить основательное знание своего отечества и достаточное об истории онаго уведомление. Вместо сего тцтятся они удовольствовать свое любопытство описаниями иностранных авторов, из коих собирают токмо несправедливыя и всегда несовершенныя известия, которыя исправлены быть инако не могут, как долговременным искусством, многотрудным чтением рукописных историй и восприятым во внутренния Российския страны путешествием.

Но когда есть нужда всей Европе в исправных и достаточных описаниях о истории и географии Российской, когда честь Российския империи того требует, чтоб находящиеся в иностранных книгах неправедныя и предосудительныя известия поправлены были, когда необходимо нужно Российскому юношеству иметь исправныя книги к изучению по оным истории и географии их отечества, то надлежит приступить к самому делу, и потщиться с прилежанием наградить находящейся в сем поныне недостаток.

Весьма бы полезно было, когда бы кто, имеющий к сему довольно способности сочинял достоверную о Российском государстве историю и географию, наперед хотя сокращенную, а потом и пространную, и оныя бы издавал в печать. Также и немало бы к тому способствовало, ежели бы, по учиненному в апреле месяце 1755 году в сих "Ежемесячных сочинениях" предложению, угодно было напечатать летопись перьваго Российскаго летописца преподобнаго Нестора с продолжением, також и презрядныя сочинения покойнаго господина тайнаго советника Василия Никитича Татищева, содержащая историю и географию Российской империи. Ибо по ним можно б было самим иностранным писателям поправить учиненныя ими погрешности¹. Но к сему делу требуется много времени, и едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобной господину советнику Рычкову в Оренбургской губернии, которой в прошедшем году прислал в Академию наук описание помянутой губернии с презрядными лендкартами², или учинены будут во все прочия губернии и провинции такия же отправления, какия были в Сибирь во время Второй Камчатской экспедиции, чего ради намерен я предложить еще иной способ, которой, уповательно, за благо примется от желающих иметь в сочинении Российской

истории участие, тем наипаче, что могут они начинать трудиться в том и перестать по своему изволению, и сочинения свои отдавать печатать по частям для общей пользы.

Надлежит читать знатнейших иностранных писателей, писавших о России, замечать учиненныя ими погрешности, неисправности поправлять, пополнять то, в чем явятся недостатки, и присылать свои примечания в императорскую Академию наук, которая не преминет оныя напечатать в сих книжках под именами сочинителевыми или не объявляя имен, как кто пожелает.

Сему намерению могут многие способствовать в одно время своими трудами, и не будет помещательством, хотя б сообщались и многия на одну книгу примечания. Ибо чего не приметит один, оное другим усмотрено будет. И когда поправится одна погрешность многими, то сим сильная доказана будет подлинность такой неправды, а по напечатании таких примечаний на Российском языке, старание приложено быть имеет о изданиях оных и на иностранных языках для известия чужестранным ученым людям.

За излишно кажется при том упоминать, что читать надобно токмо знатнейших чужестранных писателей, которые или сами в России бывали, и для того от прочих приводятся во свидетельство, или которые, будучи искуснее других, и приложат лучшее рачение, всякия известия о Российском государстве собирали, между собою сносили и разсматривали, однако в некоторых погрешили. Ибо других писателей, знатнейшим последовавших, опровергать был бы труд безконечной и отчасти излишней. Наше намерение склоняется единственно к показанию самых погрешностей, а не писателей всех, несправедливо писавших, дабы предбудущие писатели, также и Российское наше юношество, читая издаваемые поправления, не принимали таких погрешностей за справедливыя известия.

Таковыя примечания, сочиняемая с надлежащею умеренностию не могут быть противны никому из ученых людей, кои еще и поныне живы. Паче думать надлежит, что всякой сочинения сии примет с благодарностию, потому что намерение при том клонится к общей пользе, и сим откроется всем ученым в Европе людям свет в разсуждении Российскаго государства, которое чужестранным, хотя они многие годы в России и обретались, и поныне по большей части неизвестно.

Нижеследующия поправления погрешностей, господином де Бюфоном в Натуральной его истории о географии Российской империи учиненных, хотя и не касаются до писателя, бывшаго самага в России, или с особливим прилежанием о России писавшаго, однако для других превосходств книга его почитаема быть может главнейшею в своем роде, и остроумнаго своего сочинителя, чаятельно, у потомков будет прославлять. К тому ж он, предлагая множество новаго, приводит также в некоторых случаях, принадлежащих до описания народов, разныя обстоятельства, сообщенныя ему от ученых людей, в России бывших, почему можно бы было думать, что географическия его известия от таких же источников

произошли, и, следовательно, за достоверныя почтены быть имеют. А инде он преподает свои догадки, кои не могут подтверждены или опровержены быть иным чем, как точным знанием стран, у него объявленных. Того ради, учиненныя им, как в самых известиях, так и в произведенных из них заключениях, погрешности здесь объявляются, в той надежде, что славный господин сочинитель поправление сие примет благосклонно, а свое сочинение при новом его издании по сему поправит и тем приведет оное в большее совершенство³.

Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных¹

"Соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою, или нет?" — важной всегда был вопрос между описателями земноводного нашего шара. С одной стороны, казалось, что по изображенному на разных географических и морских картах *Анианскому проливу*² никакого соединения быть не должно, с другой, принято и то в разсуждение, что никто не мог показать с достоверностию, когда и кем оной пролив найден. Некоторые думали, будто известие о помянутом проливе содержится втайне у тех народов, кои в кораблеплавании главное свое благополучие поставляют, потому что прежде их старание о сыскании пути в Китай и в Индию по Ледовитому морю основано было наоболе на том, что объявленной пролив находится действительно. Но не можно ли и так думать, что морския путешествия по Ледовитому морю отчасти и для изобретения того ж самого Анианскаго пролива предприниманы были и что оныя оставлены после не для иной какой причины, как что малоразсудно показалось следовать восприятому намерению с таким страхом, что почти при конце толь дальняго и труднаго пути пред собою видеть надлежало вместо чаемаго проходу безпрерывное земли матерой продолжение?

По дальнему других европейских народов от сих неизвестных стран разстоянию и по опасным приключениям в предпринимаемых в те места морем путешествиях, часто случающимся, нельзя было чрез них получить таких известий, чтоб из оных произвесть, что совершенное о предъявленном обстоятельстве. Кораблеплавания их происходили либо по Ледовитому, либо по Южному морю, и по Южному, обходя либо Индию, либо Америку. Что касается до учиненных по Ледовитому морю путешествий, от англичан и голландцов предпрятых, то хотя и имеем об них обстоятельныя описания, но оныя далее Новья земли мало достоверны, и изобретений голландским кораблем, называемым *Кастриком*³, в 1643 году учиненных, сюда причислять не должно для того, что касаются токмо до островов, находящихся к северо-востоку от Японии. А с американской стороны учиненныя проведывания гораздо не дошли столь далеко, чтоб можно было получить чрез оныя хотя самое малое о тамошних странах знание. Только мы имеем достоверныя известия о путешествии капитана *Франциска Драка*⁴, которой, объискав в 1579 году берега американские, при выходе на оныя назвал северную часть земли Калифорнии *Новым*

Альбионом. По нем производил *Мартин Дагилар*⁵ в 1603 году путь не много далее от оных берегов к северо-западу. Что же касается до учинившагося в 1592 году пути греческаго мореходца *Иогана Дефука*, которой будто, зашед под 47 град[усов] 30 мин[ут] широты между матерою землею в залив, вышел из онаго в 20 дней в Северное море, то я соглашаюся с теми, которые почитают путь сей неистинным; и таким же признаваю путешествие гишпанскому адмиралу *де Фонте*, приписанное, будто он в 1640 году большую часть неизвестной Северной Америки проведаль, доколе от защитников сего путешествия не опровергнуты учиненныя против онаго возражения и не приведутся новыя доказательства, подлинность онаго безсумненно уверяющия⁶.

При таких обстоятельствах не осталось надежды к произведению больших изобретений, кроме как от Российскаго государства, которое тем наипаче к тому и способно, что онаго пределы простираются до самых тех неизвестных стран, проведыванию подлежащих.

Блаженные и вечной славы достойныя памяти император Петр Великий в бытность свою в 1717 году в Голландии слышал неоднократно в разговорах с любопытными до новых изобретений людьми, какия у них были о сей материи мнения и желания. Не мог он иметь надежды о приобретении тем государству и народу своему особливо пользы, однако, как геройской дух в общей пользе находит и свою, так и сей монарх принял намерение к произведению в действо помянутаго изъискания, которое токмо за тем нескоро воспоследовало, что премногия военныя и штатския дела безсмертныя славы императора не допускали исполнить сего желания. Подлинно нужные было привести государство от внешних и внутренних беспокойств в тишину и безопасность и поспешествовать благополучию целых народов многими новыми учреждениями, нежели стараться о учинении изобретений, по правде хотя похвалы достойных, однако, производящих от одного только любопытства. Последняя пред смертью болезнь привела паки сие дело государю в память, и его величество изволил сочинить сам собственною своею рукою инструкции⁷, как поступать при произвождении сего дела, препоручая оное для исполнения *генералу-адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину*⁸. Все дела великаго императора достойны изображены быть на злате в вечную память будущим родам, кольми паче должно почитать сие предприятие, которым он благоволил заключить владение свое, никогда довольно непрославимое, в несравненной знак любви своея к наукам и неусыпнаго своего попечения о поспешствовании пользы общества человеческого.

В то время ни при императорском дворе, ниже в самых отдаленных странах сибирских не было известно, какия уже с лишком за 70 лет пред тем учинены были изобретения кораблеплаванием, из Якутска в северо-восточныя страны сибирския производившимся. *Чукоцкой нос*, лежащей между севером и востоком и до неизвестных нам пределов Северной Америки простирающейся, давно уже обойден морем. Давно уже россияне сим водяным путем доходили до *Камчатки*. Ежели бы сие тогда известно

было, то бы не нужно было спрашивать и посылать прове́дывать о соединении или разделении обеих частей света. Такое достопамятное дело, которого хотя следы нашлись после в повестях у камчатских жителей, никогда бы совершенно не открылось, ежели бы я в 1736 году в бытность мою в Якутске по щастию не сыскал в архиве тамошней воеводской канцелярии письменных известей, в коих оной морской путь описан с довольными обстоятельствами⁹.

С 1636 году начался судовый ход по Ледовитому морю из Якутска. Реки *Яна*, *Индибирка*, *Алазья* и *Колыма* одна за другою сысканы. По обретении реки *Колымы* желали ведасть, какия еще за нею реки находятся, дабы как живущих по оным народов привести в подданство, так бы и от чаемаго в тамошних странах соболинаго промыслу получить себе прибыль. Первой путь от *Колымы*-реки на восток восприят в 1646 году некоторыми промышленными людьми, у коих главным был *Исай Игнатьев* родом с *Мезени*. Море наполнено было льдом, однако между льдинами и матерою землю усмотрели полое место, коим шли двои сутки до губы, в которую зашед, нашли людей чукоцкаго народу. С ними торговали они равно, как древние писатели повествуют о торгах, с дикими народами учиненных. Россияне выложили товары на берег, из коих чукчи взяли, что им было по нраву, положи вместо того моржовые зубы¹⁰ или вещи, из моржовых зубов зделанные. Никто не осмелился сойти к чукчам на берег, да и не можно было надеяться, чтоб с ними иметь разговоры, за тем что не было толмача, чукоцкой язык знающаго. Таким образом, довольны будучи первым изобретением, возвратились они назад на реку *Колыму*.

По возвращении с моря известие о моржовых зубах, у чукоч находящихся, побудило еще более промышленных на другой год вступить во второй путь¹¹. *Федот Алексеев Колмогорец*, московскаго купца гостиной сотни *Алексея Усова* прикащик, котораго можно числить между прочими его товарищами главным, усмотрел за потребно просить государева прикащика на реке *Колыме* о служивом человеке для исправления того, что в пользу казеннаго интереса наблюдать должно. Казак *Семен Иванов сын Дежнев* пожелал в сей путь отправиться, и того ради дал ему прикащик наказную память. Четыре судна, по тамошнему *кочи* называемые, пошли в море все вместе в июне 1647 году. Слух носился о некоей реке *Анадыре*, или по тогдашнему произношению *Анандыре*, что по оной живут неизвестные народы в великом множестве. Тогда думали, что и сия река впала в Ледовитое море. Для того хотели проведать в сем пути между прочим и ея устье. Однако не токмо сие, но и все прочия предприятия не имели желаннаго успеха, для того что за случившимся того лета многим льдом нельзя было ходить по морю свободно.

Однако восприятая надежда к дальнему продолжению морскаго их изобретения не токмо тем не пресеклась, но паче на другой год число охотников из казаков и из промышленных людей еще более умножилось, так что семь кочей изготовлены были, которые отправились все вместе

для помянутаго проведания. Что с четырьмя из сих судов учинилось, о том не упоминается ничего в наших известиях. На прочих трех начальниками были: у казаков *Семен Дежнев* да *Герасим Анкудинов*, а у промышленных *Федот Алексеев*. Дежнев и Анкудинов поссорились еще до отправления в путь, для того что одному завидно стало, что другой имеет быть участником как в чести будущих изобретений, так и в соединенных с оными прибытках. На каждом судне было человек по тридцати. По крайней мере, объявлено сие о судне, на котором *Анкудинов* обретался главным. *Дежнев* обещал привезть в казну с реки *Анадыря* ясаку 7 сороков соболей или, буде можно, и более. Таковую-то великую надежду имел он к сысканию реки оной, что напоследок, хотя и учинилось, токмо не столь скоро и не так легко, как он о том думал.

Сие достопамятное отправление с реки *Колымы* воспоследовало июня 20 дня 1648 году. Для недостаточного знания нашего о тамошних странах весьма сожалетельно, что не все обстоятельства сего морского пути с прилежанием описаны. По всему видно, что *Дежнев*, объявляя о делах своих в *Якутск* отпискою, писал о приключениях, учинившихся с ним на море, весьма не рачительно, особливо о том, что в пути до *Большаго Чукоцкаго* носа делалось, не находится у него никакого известия, также не упоминается о препятствиях от льду, которых, может быть, и не было. Ибо *Дежнев* при другом случае пишет, что де море не всякой год, как тогда было, бывает от льду чисто. Он начинает свою отписку объявлением о *Большом Чукоцком носе*, и сие обстоятельство особливога примечания достойно. Сей нос, по его объявлению, совсем отменен от того носу, которой находится при реке *Чукочьей* (по западную сторону от реки *Колымы*). Большой нос протянулся в море между севером и северо-востоком и поворачивается кругом до реки *Анадыря*. Для подлиннаго признаку с *Русскую* (то есть с западную) сторону онаго впаля в море речка, и там зделана *чукчами* якобы башня из китовых костей. Против носу (не показано с которую сторону) лежат два острова, на которых живут люди *чукоцкаго* народа, у коих губы прорезаны и продеты зубы из моржовых зубов. От помянутаго носу до реки *Анадыря* можно поспеть способным ветром на коче в трои сутки, да и сухим путем разстояние будет не далее, потому что река *Анадырь* впаля в губу. У онаго носу разбило коч служиваго *Герасима Анкудинова*, и бывшие на нем люди перебралися на достальные два коча. *Семен Дежнев* и *Федот Алексеев*, будучи сентября 20 дня на берегу, дали с *чукчами* бой, на коем *Федот Алексеев* поранен. После сего разнесло их кочи без вести. Коч *Дежнева* носило по морю до октября месяца и напоследок выбросило на берег от реки *Анадыря* в немалом разстоянии на полдень, чаятельно около реки *Олюторы*. Что учинилось с *Федотом Алексеевым* и с его товарищами, о том объявлено будет ниже.

Дежнев с находившимися при нем 25 человеками казаков отправился пеш для проведания реки *Анадыря*, но за неимением проводника пришел

он на сию реку уже по прошествии 10 недель не в дальнем разстоянии от ея устья, где не было ни людей, ни лесу. Сие обстоятельство привело путешествующих при неимении съестных припасов в крайнюю печаль. Буде промышлять им на пищу себе зверей, то оных не доставало, ибо зверь водится по большей части в лесах, ежели же добывать рыбу, то не было потребнаго орудия. Сего ради двенадцать человек пошли вверх по реке *Анадырю* и через 20 дней, не найдя людей, принуждены были итти назад, но от голоду и от стужи возвратилось их к стану весьма мало.

Следующим 1649 году летом отправился *Дежнев* с товарищами своими водою вверх по *Анадырю* и нашел по оной людей, называемых *анаулами*, с коих взял перьвой на сей реке ясак. Хотя они числом были и немногочисленны, однакож являлися весьма противны, того ради истреблены все вкраткое время. Тогда *Анадырскому острогу* от *Дежнева* положено основание построением на том месте зимовья. Там он имея жительство, весьма заботился, как бы ему впредь дойти назад до реки *Колымы* или бы хотя только отправить туда известие о своих приключениях. К учинению сего показали ему дороги некоторые люди, пришедшие туда апреля 23 дня 1650 году сухим путем чрез горы.

После отъезду *Дежнева* производилися с реки *Колымы* также и другая отправления как сухим, так и водяным путем с тем намерением, чтоб проведать дальния восточныя страны. Из таких отправлений достопамятно одно, происходившее по морю, не столь по изобретениям, при том учиненным, как для случая, которой к сему пути подал причину. *Михайло Стадухин*, казак якутской, поставив в 1644 году с некоторыми товарищами своими *Нижней Колымской острог*, возвратился на другой год в Якутск с некоторыми известиями, чтоб предложить оныя там на рассмотрение. Некоторая женка из живущих по реке *Колыме* народов сказывала ему, *Стадухину*, что де есть на Ледовитом море *Большой остров*, которой простирается против реки *Яны* и *Колымы* и с матерой земли виден. С реки *Чукочьей*, впадающей в Ледовитое море от *Колымы* по западную сторону, переезжают будто *чукчи* на оленях на тот остров одним днем, побивают там моржей и привозят с собою головы и зубы моржовые, коим де молятся по их вере. *Стадухин*, хотя сам не видал у *чукчей* таких зубов, однако слышал у промышленных людей, что находятся таковые зубы у онаго народу, ди и кольца у оленьих санок зделаны из моржоваго зуба. Промышленные люди подтверждали тож о помянутом острове и почитали оной за продолжение *Новой земли*, куда с *Мезени* ездят. Сверх сего наведаяся *Стадухин* о большой реке *Погыче*, или *Ковыче*, что она впала в море за рекою *Колымою* с лишком три дни ходу по тому морю способным ветром. И ежели де указано будет умножить людей и послать их в сии страны, то де можно ожидать, оттуда великой в казну прибыли и проч.

По сим известиям и предложениям отправлен *Стадухин* июня 5 дня 1647 году во второй путь на реку *Колыму* с наказом, чтоб ему ехать

оттуда на реку Погычу, построить при оной зимовье, привести тамошних народов в ясашной платеж и проводить о предьявленном острове. Он зимовал при реке *Яне* и, отправясь оттуда на исходе 1648 году на нартах, пришел в 7 недель на реку *Индицирку*, построил там коч и поехал морем на реку *Колыму*. Оттуда ходил он летом 1649 году на двух кочах, из которых один на сем пути разбило, для объискания реки *Погычи*. По его объявлению, бежал он на парусах семеры сутки, токмо никакой реки не видал. Чего ради остановившись, послал людей для приведения языков. Но и сии ни о какой реке не объявили. Понеже берег состоял из крутого камня, то нельзя было ловить рыбу. Для сей причины недоставало у Стадухина съестных припасов, и он принужден был итти назад на реку *Колыму*. Искал ли он объявленного на море *острова* и нашел ли оной, о том ничего не показано. Вся прибыль состояла в некотором числе привезенных моржовых зубах, которые *Стадухин* послал в Якутск с таким представлением, чтоб для большего оной кости промыслу отправлять туда нарочных.

Тогда известно учинилось, что *Погыча* есть та же самая река, которая называется *Анадырем*. Перестали думать, что река сия впала устьем в Ледовитое море. Чрез языческих народов уведомленось, что до ней итти сухим путем ближе, нежели водою. И сие подало случай к следующему отправлению.

Толь полезное о дороге сухим путем на реку *Анадырь* известие получено в походе, в которой ходили казаки с реки *Колымы* в начале 1650 году вверх по реке *Анюю*, потому что взяты были тогда языки из народа *ходынскаго*, которые сами показали дорогу на реку *Анадырь*. Как тогда о *Дежневе* еще никакого известия не было, то многие охочие люди из казаков и из промышленных подали прикащику челобитную, чтоб повелено было им итти на реку *Анадырь* для приведения тамошних народов в подданство. Некто *Семен Мотора* был у них начальником. Захвативши марта 23 дня в верховье реки *Анюя* одного из лучших *ходынских* мужиков, привел его с собою на реку *Анадырь*, куда он апреля 23 дня приехал. *Мотора* соединился с *Дежневым*. Но *Михайло Стадухин*, отправившись после *Моторы* по той же дороге и препроводив в пути 7 недель, по прибытии своем на реку *Анадырь*, не заезжал в зимовье к *Дежневу*, но исправлял дела свои особо, для того что он с *Дежневым* и *Моторою* имел всегдашнюю ссору. *Дежнев* и *Мотора*, желая оставить его в покое, пошли на реку *Пенжину*, но за неимением проводника, путь знающего, принуждены были воротиться назад на реку *Анадырь*. Потом отправился на реку *Пенжину* *Стадухин*, после котораго времени не находится об нем никакого известия.

Дежнев и *Мотора* построили суда при реке *Анадыре*, чтоб итти по морю для объискания других рек. Но сие намерение пресеколось смертию *Моторы*, которой убит в 1651 году на бою с *анаулами*. После того ходил

Дежнев на оных судах летом 1652 году до устья реки *Анадыря*, где присмотрел мель, простирающуюся далеко в море по северную сторону онаго устья. Таковыя мели называются в Сибири *коргами*. На сей корге лежало много моржей, с которых *Дежнев* добыв несколько зубов, почел сие за довольное награждение трудов своих. В 1653 году приготовил он лес на строение коча, чтоб на оном отправить собранную по то время ясашную казну в *Якутск* морем, но понеже не доставало прочих судовых припасов, то отменено было оное строение. Также слышал *Дежнев*, что море около *Большаго Чукоцкаго носу* бывает не всякой год от льду чисто.

Второе отправление на коргу за моржовыми зубами учинилось в 1654 году. Тогда ходил с *Дежневым* вместе казак *Юшка Селиверстов*, которой прежде обретался в морском пути при *Михайле Стадухине*, и от него посылан был в *Якутск* с представлением, чтоб повелено было добывать ему для казенной прибыли моржовые зубы, что ему и дозволено. В *наказной памяти*, данной оному *Селиверстову*, упоминается сверьх *Анадыря* и о *Чендоне*-реке, впадающей в *Пенжинскую* губу, где приказано ему приводить в ясашной платеж живущих около оных рек народов, почему заключить должно, что о действиях *Дежнева* тогда еще не было ведомо в *Якутске*. От сего произошли опять великия несогласия. *Селиверстов*, желая себе приписать изобретение *корги*, утверждал, что он до сего места доходил с *Стадухиным* в 1649 году морем. А *Дежнев* доказывал, что *Стадухин* и *Селиверстов* не токмо до *корги*, но и до *Большаго Чукоцкаго носу* не доезжали: сей нос, по объявлению *Дежнева*, состоит весь из камня, он де довольно об нем известен, потому что *Анкудинова* коч у онаго разбило, и сей де нос не тот, что перьвой от *Колымы-реки*, зовомой *Святым носом*. Подлинная де признака *Большаго Чукоцкаго носа* есть та, что против онаго лежат острова, на коих живут люди зубатые, и сих де людей видел он, *Дежнев*, а не *Стадухин* и *Селиверстов*, а корга при устье реки *Анадыря* находится, от помянутаго носу в далеком расстоянии.

В то же время вышел *Дежнев*, проводывая морские берега, на *коряцкия жилища*, где увидел якутскую бабу, которая прежде жила у *Федота Алексеева*. Сия баба ему сказала, что *Федот Алексеев* и *Герасим Анкудинов* померли цынгою, а другие товарищи их побиты, достальные же в малом числе убежали неведомо куда в лодках. Сие изъясняется найденными в последующия времена на *Камчатке* известиями. Ибо достальные от *Федота Алексеева* люди, следуя при благополучной погоде подле морских берегов к югу, пришли наконец к реке *Камчатке*, на коей учредили свое жительство, и следовательно, за перьвых из Русских почтены быть имеют, которые в тамошних местах поселились.

Доказательство сему то, что когда пятидесятник *Володимер Атласов* в 1697 году положил начало к завоеванию земли *Камчатки*, то русские были уже *камчадалам* известны. Причина сего знакомства объявляется

камчадалами как следует: назад тому много лет жил у них некто *Федотов* (может быть, что сын *Федота Алексеева*) с товарищи при устье речки *Никкулы*, которую потому Русские прозвали *Федотовкою*. *Камчадалы* почитали их как бы богов и не думали, чтоб человеческая рука им вредить могла. Но случилось Русским между собою поссориться так, что друг друга ранили; тогда *камчадалы*, увидев кровь, из ран их текущую, догадались, что они смертные. Потом, как Русские между собою разлучились и некоторые пошли на *Пенжинское море*, то с одной стороны *камчадалы*, с другой *коряки*, нападав на них, всех побили. Речка *Федотовка* впадала в Камчатку-реку с полуденной стороны в 180 верстах ниже *Верхняго Камчатскаго острога*. При оном видны были еще во время *первой Камчатской экспедиции* остатки двух зимовей, в коих русские имели жительство. Токмо никто не мог сказать, которою дорогою те первые русские люди на Камчатку пришли. Сие вышепоказанным образом известно учинилось не прежде как в 1736 году по делам Якутской архивы¹².

Что касается до вышеобъявленнаго на Ледовитом море *Большаго острова*¹³, о коем упомянули мы при описании пути казака *Михайла Стадухина*, что в 1645 году получено было об оном известие, но без дальняго подтверждения, то наипаче примечать надлежит, что во всех известиях, коих в Якутской архиве находится немалое число, о производившихся в прежния времена между Леною и Колымою реками морских путешествиях, не показано ничего об оном большом острове, а однако разныя суда заносило противными ветрами в море столь далеко, что необходимо надлежало бы попасть им на тот остров, ежели бы он заподлинно находился. В доказательство сему намерен я привести здесь описание двух морских путей, восприятых в 1650 году. Известия об оных служат одно другому в подтверждение, при том и можно по оным видеть, с каким трудом и опасностью такия путешествия происходили.

Казак *Андрей Горелой* отправился из *Якутска* в месяце июне помянутого года в морской путь до реки *Индиgirки* для приведения живущих вверху сея реки и по впадающей в оную реке *Моме* народов в ясашной платеж. Он шел морем благополучно до устья реки *Хромы*, против котораго разстоянием от берегу по его смете на два дни ходу по льду, он на коче замерз августа в 31 день, потом опять лед взломало, и жестоким ветром занесло его еще далее в море и носило 10 дней, после чего опять замерз и шел от того места до берегу по льду две недели, а коч его раздавило льдинами. *Горелой* с своими товарищами перевез с собою на санках некоторую часть из судовых и съестных припасов, а большая половина осталась в море. С того места, где пришли они к берегу, отправясь октября 5 дня на нартах, дошли в четыре дни до устья реки *Индиgirки*, а оттуда ноября 12 числа до *Уяндиинскаго зимовья*, где, за приключившимся того года на море великим несчастием и за недостатком привознаго хлеба, покупали они пуд муки по 8 рублей.

Второй морской путь, о коем должно здесь предложить для доказательства, производился казаком *Тимофеем Булдаковым*, которой послан был в 1649 году на реку *Колыму* прикащиком, но не доехав туда, зазимовал в *Жиганах* при реке *Лене*. Сей *Булдаков*, приплыв июля 2 дня 1649 году к *Ленскому устью*, собрался было итти в море, но за возставшим с моря ветром, которым нанесло к берегу множество больших льдин, принужден был там стоять 4 недели. Как скоро после того потянул ветр от берегу благополучной, то прибежал он на парусах к *Омолаевой губе*. Там наехал опять на лед, с коим носило его 8 дней, и от того учинилось коче его немалое повреждение. Близ островов, находящихся против *Ленского устья*, и дабы пристать к одному из оных, принужден он был пробиваться сквозь лед два дни. После сего продолжались 6 дней ветры переменные то с земли, то с моря. Потом показалось, будто море от льду очистилось, чего ради *Булдаков* побегал опять к *губе Омолаевой*, но там паки нашел на великия льдины, с которыми носило его еще 4 дни. И понеже к проходу вперед за льдом не было надежды, то старался он токмо, чтоб ему выбиться из льду и возвратиться на реку *Лену*. При устье реки *Лены* стояло восемь кочей служивых, торговых и промышленных людей, которые к выходу в море были в готовности. Вскоре после того стал ветр с берегу, и оным море от льду очистило, тогда все кочи поднялись к *Омолаевой губе* в одно время и проходили оную сквозь наносной лед не без трудности. По ту сторону помянутой губы, близ морского берега, находится остров, между которым и морским берегом тогда был обыкновенной ход протокою. Но тогда сия протока была затерта льдом, и наши путешествующие не могли пройти чрез оную иначе, как что со всех кочей общим трудом сквозь лед просекались. Там встретились с ними четыре кочи, которая шли с *Колымы* и *Индикирки*. По выходе из помянутой протоки чрез сутки повеял способной ветер, коим прибежали в сутки ж к устью реки *Яны*, против коего случившимся тогда с моря ветром нанесено было столько льду, что оным едва кочей не раздавило. А понеже морской берег в тех странах отлог, так что большия льдины, которые ходят в воде глубоко, до берегу доставать не могут, то, идучи близ берега, благополучно миновали они мыс, которой по северному его положению от давних лет почитался в сем пути за самое трудное место и потому прозван *Святым носом*. Оттуда пришел на другой день *Булдаков* до *губы Хромой*, зовомой так по реке *Хромой*, которая в оную впала. Сия губа наполнена была великими льдинами, между которыми проход был весьма труден, а особливо когда уже и от ночных морозов новой лед замерзать стал. Как они пришли почти против устья реки *Хромы*, то море с 30 на 31 число августа все стало. *Булдаков* находился с пятью кочами недалеко от берегу, имея в том месте глубины на одну сажень, и думал было, как лед придет в довольную крепость, скарб свой переташить на берег, токмо надежда его была тщетна, ибо сентября 1 числа, когда уже был лед

толщиною на полпядени, встал с берегу жестокой ветер, которым лед опять взломало, и кочи во льду занесло далеко в море и носило их 5 дней. По прошествии сего времени ветр утих, и море в одну ночь опять замерзло. На третьей день лед стал так толст, что ходить по оному можно было. Тогда посланы люди для проведывания, куды к берегу итти ближе, и чрез оных получено известие, что бывший с ними коч казака *Андрея Горелова* стоит от них по пути одним днем езды, чего ради принято намерение перенести наперед запас и скарб на тот коч, дабы тем ближе быть к берегу, ежели опять взломает море. Как все к сему приготовлено было, то вода прибыла вдруг в море на знатную вышину, и лед, которой уже был толщиною на пол-аршина, опять весь взломало; к тому ж поднялся сильной ветр, коим занесло кочи со льдом далее прежнего в море, причем казалось, будто их несло так скоро, что и на парусах бы скоряе бежать не можно было. Таким образом, носило их 5 дней, по прошествии которых ветр утих, и кочи замерзли в третьей раз. Сим приведены были все люди в крайнее отчаяние и говорили, что такого гнева Божия еще не бывало, и прежде в морском ходу никогда такого нещастия не случалось. Однакож, возымевши смелость и чтоб избавиться очевидной погибели, приготовились вторично к восприятию пути по льду до берегу, причем всякой положил на нарты запасу и скарбу, сколько на себе свесть мог. Сей путь был весьма опасен и многотруден. Лед у них под ногами взломало, чего для принуждены были в разных местах перескакивать с одной льдины на другую, съестной запас и скарб перекидывать, и один другаго перетаскивать канатами и шестами. Издали видели они, как оставленные их кочи льдом разбило. Напоследок вышли они, изнуренные цынгою, стужею, голодом и работою, на берег не в дальнем разстоянии от устья реки *Индибирки*. С такими же печальными обстоятельствами продолжали и путь свой вверх по *Индибирке* до *Уядинского зимовья* и проч.

После сего отправления спустя два года, а именно в 1652 году, упоминается в наказной памяти пятидесятника *Ивана Реброва*, отправленного на место *Булдакова* на *Колыму*-реку прикащиком, чтоб ему наипаче проведать на Ледовитом море помянутой *Большой остров*, о котором сообщены были ему все обстоятельства, предъявленные от *Михайла Стадухина*. Может быть, что о том же и после всем на *Колыму* и в другая тамошня зимовья посылающим прикащикам приказано было. Однако не находится в Якутской архиве никаких известей о изобретениях, по таким приказам учиненных. Потому надлежало бы остаться при прежних известиях, ежели бы по многому прошедшему времени слух о *Большом острове* опять не возобновился, и нарочные для сыскания онаго отправления посланы не были, о коих впредь объявить имеем.

В 1710 году февраля 20 дня в Якутской воеводской канцелярии допрашиваны были разные якутские служивые люди о вышепомянутом и о других против Камчатки находящихся островах, а в допросах показали следующее:

Никифор Малгин сказал: в бытность де якутскаго воеводы князь *Ивана Петровича Борятинскаго*, которой имел команду в Якутске с 1661 по 1678 год, ходил он с торговым человеком с Лены на *Колыму-реку* морем, и в том пути следовали они до *Святаго носу* по большей части подле берегу, а от того носу отнесло их многим у берегу наносным льдом в море. В то время бывшей с ними кочевщик *Родион Михайлов* показал им по сию сторону *Колымы-реки* издали в море остров, которой всяк из них видел. А по приходе их на *Колыму* сказывал ему, *Малгину*, торговый человек *Яков Вятка*, что он прежде того ходил с Лены на *Колыму-реку* с торговыми людьми на девяти кочах, из коих три кочи отнесло к вышепоказанному острову, на котором посыланные с сих судов люди приметили следы неизвестных зверей, а людей не видали. После чего пришли и сии кочи на *Колыму*. А о находящемся против Ленского устья острове не слышал он ничего и прочая.

Сверх того объявляется в сей скаске о некоем острове, находящемся против земли Камчатки, токмо с такими обстоятельствами, которые едва не во всем прекословят полученным после того известиям, и для того требуют некотораго изъяснения, а именно: торговый человек *Тарас Стадухин* сказывал ему, *Малгину*, что за несколько до того лет ходил он с 90 человеками на кочах с *Колымы* морем для проведывания *Большого Чукотскаго носу*. Но понеже не могли они обойти того носа водою, то перешли чрез оной пешком и, построив на другой стороне новой коч, шли подле берегу до устья реки *Пенжины*. При сем что касается до перехода чрез *Чукотской нос* сухим путем, почему небольшая онаго в том месте ширина заключается, то такой другой пример приведен будет ниже. А когда потом упоминается о острове, которой будто виден от устья *Пенжинскаго*, и, якобы по скаске некоторой бабы полонянки, живут на том острове люди бородатые, которые платье носят долгое и Русских людей называют братьями, то сие такая обстоятельство, которая так просто приняты быть не могут. Может быть, река *Камчатка* от незнания названа *Пенжиною*. Ибо как невероятно, чтоб *Стадухин* обошел в один путь всю землю *Камчатку* до реки *Пенжины*. Так, напротив того известно, что против *Пенжинскаго* устья никакова острова не находится, и хотя по тому ж и с устья реки *Камчатки* никакова ж острова не видно, однако камчадалы уже тогда могли знать о тех островах, которые в наши времена в тамошней стране известны учинились. Под описанием людей бородатых и носящих долгое платье, почему они Русским уподоблены быть могли, должно, как кажется, разуметь *курулов*, живущих на островах, от *Камчатки* к полудню лежащих, потому что они подлинно не так, как прочие сибирские и камчатские народы, бородаголы, но бородатые, также и по телу волосы имеют. Но чтоб они Русских называли братьями, сие несправедливо. Во время *Тараса Стадухина* неизменно, что *курулы* уже о Русских слышали. По-видимому, *Стадухин* заключил сие сам по сходству

бород и платья, а *Малгин* ошибся, когда объявил, что сказывала ему о том камчадалка.

Иван Шамаев объявил: посылан де он был в 1700 году с камчадальским прикащиком Тимофеем Кобелевым на Камчатку, и в том пути ехали они от *Анадыря* до реки *Пенжины* на оленях, а там, построив кочи, выплыли по *Пенжине*, и шли морем до *Пустаго острова*, которой, чаятельно, назван по реке *Пустой*, где взяли оленей, и на оных продолжали путь через горы до реки Камчатки. Против Пенжинского устья не видал *Шамаев* никакого острова, а как он отправлен был с реки *Камчатки* на *Пенжинское море*, то видел против устья реки *Харьюзовой* камень голец, а на матерой ли земле, или на острове оной стоит, того де он не ведает, также и *камчадалы*, коих он спрашивал, ничего подлинного о том не сказали. Напоследок, возвращаясь с Камчатки, присмотрел он, что против устья реки *Караги* значится в море остров, на котором был казак *Иван Гольгин* с товарищами сам-третей¹⁴. Ходу до онаго от берегу греблю на байдарах день. *Гольгин* там нашел людей, но понеже они в ясаку отказали, то он не осмелился итти вдаль по тому острову, и точнаго об оном известия получить не мог. На Ледовитом море он, *Шамаев*, не бывал, того ради и никакого острова там не знает, и от людей о том не слышал.

Михайло Наседкин скаскою показал: отправлен де он был в 1702 году с прикащиком *Михайлом Многогрешным*, он же и *Зиновьев*, на Камчатку, и ехали они, как *Шамаев*, чрез *Анадырской острог* до реки *Пенжины* на оленях, а оттуда водою до реки *Лесной*, и с *Лесной* сухим путем на нартах и на лыжах до реки *Камчатки*. Против устья сея реки значится де остров, токмо неведомо, есть ли на нем люди. Из Русских еще никто на нем не бывал. С полуденнаго носу Камчатки видел он за переливами землю. Также на возвратном пути своем в Якутск присмотрел он в море остров от *Колымскаго устья* до *Индигирки*, о коем сказывал де ему бывшей тогда с ними кочевщик *Данило Монастырской*, что тот остров и земля одна с тою, которая видна с *Камчатки* и против *Колымскаго* и *Ленскаго* устья, а живут ли на той земле люди, или нет, о том не слышал он ни от помянутаго кочевщика, ниже от кого другого.

Алексей Поротов, которой был в 1704 году на Камчатке, сказал об острове против устья реки *Караги* тож, что и *Иван Шамаев*.

Итак, сим кончатся допросы вышепомянутых служивых людей, и они подали случай к тем проводываниям, о коих теперь предлагать имею.

В то же время был в Якутске стольник и обер-комендант князь *Василей Иванович Гагарин*, отправленной в Сибирь от дяди своего губернатора князя *Матвея Петровича Гагарина* с полною мочию для произведения всяких следствий и учреждения лучшего порядка. Чего ради послал он марта 17 дня к воеводе *Траурнихту* указ, в разных пунктах состоящей, из коих один был следующего содержания: "Стараться всеми мерами о проводывании островов, находящихся против устья *Колымы*-реки и земли

Камчатки, какие на оных живут люди и под чьим владением, чем питаются, и сколь те острова велики и много ль морем от материка расстояния, и написать о том в наказах, посылаемым в те места прикащикам и казакам, которых обнадеживать за их службу особливою царскою милостию и награждением, а что будет учинено, о том бы посылать репорты с нарочными его царскому величеству"¹⁵.

По силе сего посланы были из Якутской воеводской канцелярии августа 20 и сентября 9 чисел того ж 1710 году к прикащикам в *Устьянское* зимовье и на *Колыму*-реку наказныя памяти, чтоб прилагать о сыскании тех островов всемерное старание. С *устья Яны*-реки прислана скаска казака *Якова Пермякова*, в которой объявлено, что он, *Пермяков*, ходил некогда от Ленского устья до *Колымы*-реки и видел по ту сторону *Святого носа* на море остров, а живут ли на нем люди, о том он не ведает. Против *Колымского устья* также виден остров и на нем горы, а находятся ли люди, о том ему неизвестно, разве можно будет о том проведать чрез живущих около тамошних мест *юкагиров*.

Письмо от сибирского губернатора князя *Матвея Петровича Гагарина*, посланное генваря 28 дня 1711 году к воеводе *Траурнихту*, придало более причины стараться о произведении дальнейших проведываний. Оное письмо гласит тако: "Сказывали мне казаки и дворяне якутские, что Ваша милость изволит нарядить казаков, також и охотников отпустить на новую землю, что остров на море против устья реки *Колымы*, и удержались де, мой государь, за тем, что без указу не смели, и ваша милость отнюдь того медлiti не изволь. Изволь их ни мало медля посылать на тот остров; буде и иной проведает остров, то вели, государь, отпускать, а на этот остров всеконечно б пошли сего 711 году. Сие пишу вашей милости указом царскаго величества. Князь *Матвей Гагарин*. 1711 году генваря в 28 день".

По сему письму учинены были от воеводы *Траурнихта* два отправления: одно на устье реки *Яны*, а другое на *Колыму*, чтоб с обеих мест проведать объявленной остров, и велено продолжать то исследование хоть водою, хоть по льду до тех пор, пока о истинне или несправедливости предъявленных известей получена будет достоверная ведомость.

О первом отправлении, которое производилоя под предводительством казака *Меркурия Вагина*, нашел я в Якутской архиве разныя известия. Токмо по оным должно рассуждать осторожно, чтоб не почесть всего за истинну, что в них содержится. Помянутой *Вагин* с другими своими товарищи, отправившись из Якутска осенью в 1711 году, пошел в море из *Устьянского зимовья* в месяце мае следующего 1712 года. Казак *Яков Пермяков*, о котором выше упомянуто, был у него вожом, а путь производился нартами на собаках. До *Святого носа* ехали они подле берегу, а оттуда пустилися в море прямо на север. В некоторых известиях написано, будто приехали к пустому острову, на котором нет и лесу. А вкруг того острова езды с 9 или с 12 дней, и с сего острова якобы видели

далее в море другой остров или землю. Но *Вагин* будто за поздним внешним временем и за недостатком съестных припасов на оную землю итти не осмелился, но пошел назад к матерой земле, чтоб ему летом довольно запастися рыбою, и потом бы в будущую зиму в оной путь еще отправиться. А к матерой земле пристал *Вагин* между *Святым носом* и рекою *Хромою* при урочище *Катаевом кресте*, прозванном по якутском казаке *Катаеве*, которой в прежния времена крест там поставил. Оттуда казаки намерились было итти для рыбнаго промыслу на реку *Хрому*, но на дороге оголодали, так что принуждены были есть собак, на которых ехали, а потом мышей и других гадин. При таком голоде показался им путь до реки *Хромой* далек, того ради возвратились они назад к морскому берегу, где все лето прожили и питались рыбою, дикими гусями, утками и их яйцами. Между тем отправленные с *Вагиным* из Якутска казаки, помятуя претерпенной голод и опасаясь при вторичном отправлении притти еще в большую нужду, его и с сыном и устьянского вожа *Якова Пермякова*, да промышленнаго человека, казацкую службу исправляющаго, убили. А сие дело открылось чрез одного из убийцов, которые потому приведены в Якутск под караулом. При следствии упоминается в допросах, что вож *Яков Пермяков* того большого острова, который якобы от перьваго был виден, не признавал за землю, но за пар морской. Восьлибо и перьвой остров обратился в пар. По крайней мере, находятся при оном такая сумнительства, которая довольно важны. Когда убийцы возвратились в *Устьянское зимовье*, тогда никто не объявил, что они были на острове. По взятой с них в оном зимовье в месяце октябре 1712 году скаске явствует, что они от *Святаго носу* по морю более не ехали как до полудня, и в то время за учинившеюся бурей и метелицею, не взвидев друг друга, разъехались, и оставшиися семь человек, то есть убийцы, лежали между стоячим льдом сутки. После чего ходили они по морю, не зная дороги, двенатцатеры сутки и вышли напоследок на землю к *Катаеву кресту*. Об острове объявили они уже в Якутске при допросе, надеясь, может быть, за такое объявление получить себе прощение или, по крайней мере, освобождение от смертной казни. Еще и при сем объявлении говорили не все согласно. Иные не показали ничего о том острове, а другие хотя и объявили, но разнo. Некоторые сказали, что обошли тот остров вкруг в девять, а иные в двенадцать дней; одни – что находятся там только олени, а другие – что есть и волки и песцы. О разстоянии же острова от берегу, также и в коликое время дошли до онаго, никто ничего не показал. И коль невероятно, будто они в такой нужде весь остров обошли вкруг и величину онаго проведали?

Столь же безуспешно было и другое отправление, производившееся с реки *Колымы*. Хотя во оное назначено было 50 человек да 2 судна, однако пошли в путь только 22 человека на одном судне под ведением казака *Василья Стадухина*. В отписке его от 28 июля 1712 году из *нижняго Колымскаго зимовья* объявлено, что только видел он по восточную сторону

реки *Колымы* протянувшейся с матерой земли в море нос, и вокруг онаго лед непроходимой, а вдали не значилось никакого острова. Жестокою морскою погодою отнесло их назад, причем они едва спасли живот свой, потому что судно у них по тамошнему обыкновению построено худо, а снастями снабдено было еще хуже. В то время уже не ходили по морю *кочами*, но вместо оных в употребление вошли такая суда, у которых доски ремнями сшиваются, и потому прозваны *шитиками*; они делаются с палубою, плоскодонные, длиною по пяти, шириною по две сажени. Вместо конопати употребляется мох, а ходят ими обыкновенно по рекам, и от реки до реки морем подле берегу. Парусы на них ровдужные, вместо канатов ремни лосинные, якоря деревянные с навязанным камнем. По сему не должно дивиться, что *Стадухин* с таковым судном не мог исправить ничего в силу данной ему инструкции.

После сего в 1714 году учинены были из Якутска в те же страны еще два отправления под командою *Алексея Маркова* да *Григорья Кузякова*. Перьвому приказано было идти из *устья Яны-реки*, а другому из *Колымскаго устья*. Ежели шитики к морскому ходу будут неудобны, то велено им построить в показанных местах такая суда, на которых бы по морю итти было безопасно. Каждому из них придано по матросу из тех, которые в то время присланы были от губернатора *князя Гагарина* в Якутск для сыскания из *Охотска* морем путем на *Камчатку*. В сем состояло содержание наказных памятей, с коими *Марков* и *Кузяков* в августе месяце помянутого году из Якутска отправились.

Марков вскоре по приезде своем в *Устьянское зимовье* послал февраля 2 дня 1715 году в Якутскую воеводскую канцелярию отписку, предьявляя, что по *Святому морю* ходить невозможно, потому что как летом, так и зимою всегда стоит лед, и в назначенной путь отправиться ему нельзя, кроме на нартах и собаках, чего ради марта 15 дня сим образом во оной и вступил с 9 человеками. А возвратился он с моря апреля 3 числа в *Устьянское зимовье* и объявил следующее: ехал де он по морю прямо на север семеры сутки самою скорою ездою, как на собаках бежать можно (а способною дорогою при хорошей погоде можно переехать на собаках в сутки около ста верст), токмо ни земли, ни островов не видал, а далее пройти не мог. Льдины стояли, как высокие холмы. Он входил на верьх их, токмо и вдали не присмотрел никакой земли. Напоследок не стало для собак корму, многия собаки на возвратном пути с голоду померли, а достальных собак пропащими кормили.

О пути *Григорию Кузякова* не находится письменных известей. Но я уведомился чрез якутских жителей, что он ездил подобным образом, как *Марков*, и, равно как и сей, ничего не проведal.

После сего времени не происходило никаких проведываний, пока в 1723 году якутской сын боярской *Федот Амосов* не возобновил стараго об острове на Ледовитом море слуху к восприятию пути на оной и для приведения в подданство живущих там, по его мнению, народов. Сей

остров, как он объявил, будто простирается от устья *Яны* до устья *Инди-гирки*-реки и далее. Будучи отправлен с партией казаков на реку *Колыму*, чтоб из устья ея проведать оной остров и, приехав на устье помянутой реки апреля 18 дня 1724 году, хотел было он вытти в море, но увидел столько наноснаго великаго льду, что никоим образом нельзя было надеяться свободнаго проходу. Тамошней промышленной человек *Иван Вилегин* подтвердил, между тем, общей об острове слух следующим известием:

Он, *Вилегин*, отправился с другим промышленным человеком *Григорьем Санкиным* от устья впадающей по западную сторону *Колымы* в Ледовитое море реки *Чукочьей*, ездил в море по льду и нашел землю, токмо не мог знать, остров ли, или матерая земля, и есть ли на ней люди и лес. За беспрестанными сильными ветрами и туманом невозможно было ему ездить вдаль по той земле, только приметил он на ней старья юрты и признаки, где прежде юрты стояли, а какие люди там жили, о том он не ведает. Та земля с устья *Чукочьей*-реки в ясной день будто видна, а *Чукочья*-река находится от *Колымы* разстоянием трех дней езды. По его мнению, протянулась земля оная мимо реки *Инди-гирки* и *Святаго носу* до устья реки *Яны*, а с другой стороны простирается мимо *Колымскаго устья* до жилищ *шелагов*, которые суть род *чукчей*. Сие ему сказал шелагинской мужик *Копай*, к которому он ездил в 1723 году и взял с него ясак. И на помянутую де землю из *Колымскаго*, *Чукочьяго* и из *Инди-гирскаго устья* для многих льдов на судах переправляться нельзя никакими мерами. Разве, можно свободной проход иметь туда от жилищ *шелагинских*, потому что в бытность его там на море льду было немного.

На сем известии утвердился *Амосов* и пошел в судне подле берегу на восток к жилищу *Копая*, куда он августа 7 дня и прибыл. Но море в том месте, где от *Вилегина* объявлен свободной проход, наполнено было многим наносным льдом, так что едва можно было ему итти подле берегу. За стоящим от большой части противным ветром отложил он надежду о сыскании той земли и только старался, как бы ему возвратиться скорее на *Колыму*. Понеже я застал помянутаго *Амосова* в *Якутске*, то я спрашивал его о точном положении бывшаго тогда *Копая* жилища и извещился, что оно было на морском берегу верст с 200 от *Колымскаго устья*. Також он сказал, что против онаго места лежит на море близко берега небольшой остров.

Но дабы главное намерение, для котораго отправлен был *Амосов*, не осталось совсем втуне, то пошел он в начале следующей зимы для проводывания частопомянутаго большаго острова на нартах, и о сем пути *Якутской воеводской канцелярии* в отписке объявил нижеследующее: Отправившись в намеренной путь из *нижняго Колымскаго зимовья* ноября 3 дня 1724 году, нашел он на море остров или землю, и оттуда 23 числа онаго ж месяца возвратился назад на *Колыму*. На той де земле находятся старья землянья юрты, а какие в них люди жили и куда сошли, того

неизвестно. Наконец, съестных припасов, также и корму для собак не доставало. Для сей причины невозможно ему было более что проведывать. Путь по льду был весьма труден, потому что море замерзло не гладко. Везде стояли великия льдины, и лед от выступающей морской соли был шероховат.

Сюды еще надлежат и некоторыя от онаго *Амосова* мною полученныя словесныя изъяснения, которыя потому ж здесь присообщаю. То место, откуда пошел он с матерой земли до острова, было между *Чукочьей* и *Алазеею* реками. Езды до острова один день, и столько же будет обширность онаго, ежели обходить вокруг. На нем каменные горы нарочитой высоты. Сих с матерой земли видеть можно. Позади сего острова обретаются еще два, узкими морскими проливами отделенные, такие же гористые острова, только он на них не был и не знает, сколь они велики. Первой остров пуст. Звериной след присмотрен только диких оленей, для которых там растет мох, как обыкновенная их пища. Старинныя юрты деланы из приносяго по морю дерева и землею обсыпаны. Если сие правда, то кажется, что прежние тамошныя жители были *юкагиры* или *чукчи*, которые, может быть, ушли туда при первом овладении тамошних стран рек *Индирикки*, *Алазеи* и *Колымы*, а потом перешли опять на матерую землю.

Вышеписаннаго довольно ли, или недовольно к подтверждению достоверности о предъявленном на Ледовитом море острове, однако не было больше никаких для сего дела отправлений. По моему мнению, не можно утвердиться ни на письменных, ни на словесных объявлениях помянутаго *Амосова*. Ибо сумнительно, побужден ли он был к предприятию сего пути и к возобновлению для сей причины стараго слуха охотою к учинению новых изобретений или паче другими причинами, до собственной корысти касающимися, а именно, чтоб быть командиром, с которым званием соединены разные прибитки, или бы торговать с тамошними языческими народами? Також можно думать, что он старался всячески, дабы по отпискам его и словесным объявлениям не видно было, якобы он что проведать упустил своим нерадением. По сему можно и разуметь, для чего не предъявил он в присланной в Якутск своей отписке точнаго описания как восприятому на остров пути, так и величине и всем прочим обстоятельством того острова? Чего ради не в то ж время показал он о находящихся двух островах позади перваго? И по какой причине разсудилось ему при первом вступлении в намеренной путь предложить свидетельство промышленнаго человека *Ивана Вилегина*? Кто знает, сколь промышленные люди в Сибири к баснословию склонны, тот почтет объявление *Вилегина* таково же маловажным, как и все те слухи, которые о сей материи в прежния времена разсеваемые были. Можно и то сказать, что нельзя бы было обретающемуся, по объявлению *Амосова*, недалеко от матерой земли острову остаться в безвестии при прежних морских путешествиях, о коих в Якутской архиве толь многия и обстоятельныя находятся известия. А нигде не написано, чтоб тот остров кем был

примечен. По крайней мере, небольшая окружность онаго, в скаске *Амосова* показанная, не служит никаким образом к подтверждению прежних сказок о Большой земле, которая будто от *Ленскаго* или *Янскаго* устья простирается до устья реки *Колымы* или еще и далее.

При таких обстоятельствах не можно инако рассуждать, как что господа *Делил* и *Буаше* на изданных в Париже новых своих картах о камчатских изобретениях без довольнаго основания клали остров против *Колымскаго устья* под 73 градусом, а за оным под 75 градусом большую землю, которая будто бы найдены Российскими людьми в 1723 году¹⁶. Они ссылаются в том на письменныя известия, полученные господином *Делилем* в Санкт-Петербурге¹⁷, а паче на ландкарту казачьяго головы *Афанасья Шестакова*¹⁸, что на первом взят был в полон шелагинской князец *Конай*, которой при проводывании Большой земли будто был предводителем. Но сим самим открывается парижских карт неисправность. Ибо без сумнения всякой больше поверит сообщенным мною выше сего архивным известиям, нежели таким, которые от неизвестных или и подозрительных источников производят. *Конай* не жил на острове, но на матерой земле, и он никогда не бывал в полону у Русских. В 1723 году заплатил он ясак в казну впервые промышленному человеку *Ивану Вилегину*, а в 1724 году *Федоту Амосову*. После того вскоре изменив, побил несколько людей, бывших с *Амосовым*. Кроме сего об нем ничего неизвестно. По словесному *Амосова* объявлению, находится не в дальнем разстоянии от *Конаева жилища* близ матерой земли небольшой остров. Сей то есть не иной какой, но точно тот остров, которой как *Шестаковым*, так и по нем господами *Делилем* и *Буаше* поставлен против *Колымскаго устья*.

Что касается до *Афанасья Шестакова* и до его карты, то был он такой человек, которой ни читать, ни писать не умел, но по одной памяти рассказывал о тех странах, коими он ехал, и о реках, кои ему на пути попадались или о коих слышал от других. Сие при нем изобразили на картах такие люди, которые только писать знали, и по сему явствует, сколько на сии карты полагаться можно. В 1726 и в 1727 годах в бытность его в Санкт-Петербурге чинил он многия предложения о усмирении непокоривых чукчей, причем появилися разныя карты его сложения, из коих и одна досталась мне, токмо никогда я не отважился по ней следовать, разве где другими достовернейшими известиями подтверждается. По сей карте лежит остров *Конаев*, как при том написано, езды двои сутки от земли матерой, и длиною занимает почти столько же места, сколько находится разстояния берегом между *Алазеею* и *Колымою* реками. Притом еще объявлено, что живут на оном непослушные *шелаги*. А позади сего острова к северу означен берег под именем *Большой земли*, между которою и островом разстояние показано, что езды меньше двух суток. Но последнее сие объявление не утверждается ни на словах, ниже

на письменных известиях, и того ради можно по справедливости оное почитать за прибавление *Шестакова* к тому, что он чрез других слухом доведal. Следовательно, и не придает оно к прежним скаскам более твердости и невозможно по оному определить положения той земли, хотя бы она и действительно где находилась. Что же теперь еще сказать о том, когда сия земля, по свидетельству езуита *Аврила*¹⁹, которой будто слышал о том в бытность свою в 1686 году в *Смоленске*, описывается, якобы она и жителями населена и лесом изобильна? По моему мнению, опровергается сие само собою, ежели не прекословит вышесообщенным известиям, да общему по всему Ледовитому морю искусству, потому что и на берегах онаго не токмо на островах, нигде стоящаго большого лесу не находится, которой в толь северной стране и расти не может. Впрочем, приписанное от езуита *Аврила* смоленскому воеводе мнение, что *Америка* населилась людьми из *Азии* посредством сего острова, в разсуждении тогдашняго времени должно почитать за достохвальное, хотя бы того острова и не было. Весьма удобно обращается оное к островам и к матерой земле, что против *Чукоцкаго носу*, о коих предъявим мы здесь те известия, которыя в прежния времена после *Дежнева* учинилися ведомы.

Карта *Афанасия Шестакова* есть же и в разсуждении других мест тамошней страны весьма недостаточна. На ней у *Чукоцкаго носу* припись: "В носу чукчи немирные, бой имеют каменьем из шибалок, лисиц красных много". А против носу по восточную сторону означен большой остров с таким описанием: "Остров против *Анадырскаго носу*, на нем многолюдно и всякаго зверя довольно, дань не платят, живут своею областью". Другая карта, полученная мною в *Якутске* от сочинителя оныя тамошняго дворянина *Ивана Львова*²⁰, сообщает более известий. На сей представлены два носа, один, простирающейся далеко к северо-востоку, нами по чукчам обыкновенно именяемой *Чукотским*, и тот называется на той карте *Шелацким*. Другой, которой от сего лежит на полдень, именяется *Анадырским носом* по реке *Анадырю*, от которой, однако, находится не в близком разстоянии. По сему *Шестаков* погрешил в своей карте, назвавши первой нос именем другаго, а сей оставив без наименования. *Чукочьяго* или *Шелацкаго носу* пределы неограничены, потому что сочинитель карты не знал, сколь далеко оной простирается в море. В большой губе между *Чукочым* и *Анадырским носом* поставлен остров, на котором живут чукчи, а против *Анадырскаго носу* означены два острова ж, один другаго к берегу ближе, с следующим описанием: "До перваго острова от берегу езды водою полдня. На нем обитают люди, коих чукчи называют АХЬЮХАЛЯТ. Они говорят особым языком, платье носят из утиных кож, питаются моржами и китами. За недостатком у них на острове лесу варят еству рыбьим жиром. Другой остров от перваго находится в разстоянии двух дней езды водою. Жители онаго называются по-чукки ПЕЕКЕЛИ. Они щоки пронимают и вставляают в них зубы, живут в крепких местах, платье носят из утиных же кож". За оными

островами изображена *Большая земля*: "Жители чукчами имянутся **КИЧИН-ЭЛЯТ**. Сии говорят особливым языком, платье носят соболье, живут в землянках, а бой у них лучной. Звери в их земле водятся всякие, коих кожи употребляют на платье. Лес там растет ельник, сосняк, лиственник и березник". К сим двум картам надлежит еще прибавить третью, которая также сочинена некоторым якутским жителем. На оной *Шелацкой нос*, равно как на карте дворянина *Ивана Львова*, не ограничен, а о жителях того носу объявляется, что "они говорят языком особливым. На бою весьма жестоки, и покорить их невозможно. Хотя из них кто и в полон попадет, тот сам себя убивает". Сие должно разуметь по примеру прочих сибирских народов, с коими при первом покорении поступали от большей части таким образом, что, захватив несколько человек, содержали их для верности в закладе, или, как говорят, в аманатах. Против *Шелацкого носу* означена также земля не ограниченная, коей жители называются **КЫҚЫКМЕ** и подобны юкагирам.

Другия известия, которыя имею здесь сообщить, утверждаются на делах архивных.

В 1710 году марта 14 дня якутской воевода *Дорофей Афанасиев сын Траурнихт* допрашивал тамошних служилых людей, бывших в *Анадырском остроге*, о всех обстоятельствах чукотскаго народа, причем трое казаков *Тимофей Даурцов*, *Федор Порной* да *Петр Мунгал* в скасках показали следующее: В 1701 году подавали в Анадырском остроге прикащику ясашные того острогу *юкагиры* челобитную на *чукоч* в причиняемых им почасту от них обидах и раззорениях и просили, чтоб повелено было дать им на вспоможение несколько человек Российских служивых людей для усмирения оных неприятелей. По сему их прошению дал им прикащик 24 человека Русских, кои, соединившись с 110 человеками юкагиров, пошли в поход и препроводили в оном с апреля по июнь месяц 8 недель. По приходе к берегу *Анадырского моря* нашли они 13 юрт пеших *чукоч* и стали их склонять в подданство и требовать с них ясака, но те *чукчи* явились непослушны, чего ради дошло до бою, на коем 10 человек из *чукоч* убито, а жены их и дети в полон взяты. Кои из мужеска полу Русским и юкагирам в руки попалися, те все сами себя и друг друга умертвили, некоторые же ушли и, собравши в носу своей братьи человек с 300, осмелилися с Русскими и юкагирами еще дать бой. Но на оном *чукчи* потеряли человек с 200, а достальные разбежались. На другой день собралось чукчей как оленных, так и пеших с лишком 3000, и происходил бой с утра до вечера, на коем *чукоч* побито множество, а из русских и юкагирей только 10 человек поранено. После сего *чукчи* облегли русских и юкагирей так, что чрез 5 дней сидели в осаде. Напоследок руские и юкагиры пошли возвратно в Анадырской острог, куды и пришли все в целости.

При сем получены еще следующия известия: хотя то правда, что *чукчи* бьются камнем из шибалок и в том весьма искусны, однако на войне

употребляют по большей части луки да стрелы. На *Чукоцком носу* нет никакого лесу, *оленные чукчи* питаются оленями, а *пешие* моржами, китами и рыбою. Посреди того носу по каменным горам живут *чукчи оленные*, а *пешие* по обеим сторонам того носу на морских берегах. Соболей там нет, а водятся токмо красныя лисицы да олени; моржовых зубов находится по морским берегам множество.

Итак, сим кончатся скаски, каковы взяты с вышеписанных служивых людей в Якутской воеводской канцелярии.

В том же 1710 году приказал воевода *Траурнихт* отправляемому в *Анадырской острог* прикащиком казначею пятидесятнику *Матвеею Скребыкину*, чтоб проведать точно о всех обстоятельствах, принадлежащих до чукоцкого народу, и о стране, тем народом обитаемой. Сие оным Скребыкиным и учинено, и объявлено о том следующим известием:

В *Анадырском остроге* сентября 2 дня 1711 году скаска якутского казака *Петра Ильина сына Попова*, промышленного человека *Егора Васильева сына Тольдина* да новокрещенного юкагира *Ивана Васильева сына Терешкина*. Реченной *Попов* с промышленным и с новокрещенным, кои ему служили толмачами, отправлен от анадырского прикащика *Федора Котковского* генваря 13 дня 1711 году вниз по реке Анадыре для збору ясака с ясашных *чукоч*, а оттуда велено ему следовать в нос ради призыва немирных *чукчей* в подданство, и для взятъя у них аманатов, и всякими мерами наведываться о их обычаях и житейских обрядах, о состоянии земли их, и о ближних островах, и с тем в Анадырской острог возвратиться. По силе сего оной *Попов* ходил с устья Анадырского к живущим по другую сторону губы немирным *чукчам*, а оттуда в нос для призыву их в подданство и приводу в ясашной платеж, токмо без всякаго успеху. Ибо те *чукчи* сказали ему, что "бывали де у нас и прежде сего Русские люди кочами морем. Но как в то время никакого ясаку им не платили, так и ныне платить не будем, и детей своих не дадим в аманаты". Однако имел он случай к учинению некоторых полезных примечаний, також и к получению тех известей, которые особливо выведать ему приказано было. В носу *оленные чукчи* живут по камням, ради оленных своих табунов, кочуя по разным местам, а *пешие* обитают по обе стороны носа по коргам подле моря в земляных юртах, где коротает морж. Кормятся они, *чукчи оленные* и *пешие*, промысляя по камням диких оленей, и разными морскими зверьми, яко то китами, моржовиною, белужиною, нерпами, кореньем и травою. Против того носу с обеих сторон с Колымскаго и с Анадырскаго моря значится остров, которой *чукчи* называют *Большую землю*, объявляя, что живут там люди *зубатые*, кои обычаем от них, *чукоч*, разнятся, и говорят языком особливим. Из давних лет и поныне у них, носовых *чукоч*, с теми островными людьми немирно, ходят друг на друга с боем, а бой у тех людей лучшей, как и у *чукоч*. Он, *Попов*, с товарищи тех островных людей видел у них, *чукоч*, в полону человек с 10, а зубы у тех людей, кроме природных, есть

вставлявannya моржоваго зуба маленькия кости подле природных в щеках. С того носу на оной остров летним временем перегребают в байдарах веслами одним днем, а зимою на оленях налегке переезжают одним же днем. И как в носу, кроме лисиц красных и волков, никакого иного зверя не видят, да и того малое число, для того что нет там никакого лесу, так напротив того на оном острове всякой зверь есть: соболи, куницы, лисицы всякие, песцы и волки, разсомаки и медведи белые, и морские бобры; и держат тамошние жители у себя великие табуны оленей, а кормятся морскими же зверями и ягодами, и кореньем, и травюю. Также есть там и всякой лес: кедровник, сосняк, ельник, пихтовник, листвяк; и тот островной лес видел он, *Попов*, у них чукчей в байдарах и в юртах. А по смете носовых оленных и пеших чукоц с 2000 и больше, островных же жителей будет против того с лишком втрое. Сие слышал он, *Попов*, от одного островных жителей, обретающихся у чукоц в полону, да от данного из чукоц, которой на той земле бывал многократно. От *Анадырскаго* острогу ходу до самага носу в хорошую погоду, когда нет сильных ветров, на оленях с грузом недель с 10 (и, таким образом, очень медленно), а дорога туда лежит мимо камня, называемаго *Маткол*, которой находится у большой морской губы в самой ея середине.

К сему известию приобщаю еще другое такое словесное объявление или скаску некоторых природных чукоц, пришедших в 1718 году в *Анадырской* острог и поддавшихся добровольно Российской державе. Присяжное обязательство состоит у них, чукоц, в том, что они дают порукою солнце и своих шаманов; они живут в носу между Анадырем и Колымою реками; всех их, например, тысячи с полчетверты и более, а точнаго числа показать не могут, потому что сами дальняго счету не знают. Они не имеют над собою никакой власти, но живут самовольно, каждой род особо. Оленей у них табуны превеликие, от коих имеют свое пропитание, сверх сего кормятся и дикими оленями, китами, моржами, белужиною и иными зверями. Лисиц и волков у них много, а соболей нет, для того что не находится там лесу. Везде прилегли камни, хребты, великие гольцы и тундры. Против носу виден *небольшой остров* без лесу, и на том острове живут люди инаго роду, не их чукоцкаго, язык у них свой, и те люди чукам подобны, токмо числом их не много. От Чукоцкаго носу до того острова перегребают в кожаных чукоцких байдарах с утра до обеда. Соболей на том острове нет, а водятся токмо лисицы, волки да олени. От того острова за морем есть *земля большая*, которую с помянутаго острова в ясной день видеть можно. На сию землю перегребают чукичи в байдарах в тихую погоду с онаго острова одним днем, и на оной также живут люди, им, чукам, подобные, токмо язык у них свой. Леса там великие, ельнику, сосняку, листвяку и кедровнику множество. Из той земли пали в море реки великия, а жители тамошние сидячие, живут в острогах земляных и питаются дикими оленями, рыбою и китами. Платье носят соболье, лисье и оленье. Соболей и лисиц на той земле превеликое множество. Людей на той земле много, например, будет их против чукоц числом вдвое или

второе. С семи людьми бывает у них частая война, а бой у оных людей лучшей.

По сем следует и нечто баснословное, а именно: на помянутой земле будто есть люди, которые имеют хвосты, псовым подобные, говорят языком особым, часто между собою воюются, веры никакой не знают, платье носят такое же соболье, лисье и оленье, и питаются морскими зверями и дикими оленями. Да на той же земле якобы есть и такие люди, у коих ноги подобны вороновым, и кожа на ногах такая же, и зимою обуви никакой не носят, а язык у них особой. Но не можно ли чукок в сем баснословии извинить, когда разсуждаем, что и европейские писатели, объявляя о неизвестных землях, сами впадали не в меньшия погрешности?

Еще предлагается и о разстоянии от устья реки *Анадыря* до *Чукоцкаго носу*, а именно, что чукчи от внутренней Анадырской губы ходят морем в байдарах подле берегу в тихую погоду до конца носа, где против онаго лежит помянутой малой остров, недели по три и менее.

Потом объявляется одно обстоятельство, о котором бы, яко о неприличном к сему месту, можно было умолчать, ежели бы не показывало оно совсем отменнаго и всем политичным народам весьма противнаго у чукок обыкновения. И хотя упоминается нечто о том у резидента *Вебера* в книге, называемой "Переменившаяся Россия"²¹ в части 1 на странице 406, однако едва ль могло б оно принято быть за имоверное без дальняго подтверждения. Что *Марка Павел Венецианин* объявляет в книге 1 в главе 46 о обыкновении, коим жители земли *Камульской* гостей своих удовольствовать старались, да в книге 2 в главе 47 о земле *Тибетской*, что *Витзен* в "*Описании Северо-восточной Татарии*" втораго издания на странице 334 и 335 из онаго же автора и из езуита *Тригаутия* повторяет, и что он же на странице 341 приводит и о земле *Кашемирской*, тож самое примечается и у *чукчей*²². Когда приедет к ним человек приезжей их чукотскаго народу или иностранной, то при первом приеме представляют ему для увеселения жен и дочерей своих; ежели случится, что жена стара или дочь непригожа и за тем гостю не полюбятся, то хозяин, изтребовав других у соседов, приводит к удовольствованию своего гостя, и тогда подносит ему женщина в чашке свежей урины, пред ним пушенной, которую должен он полоскать рот, а кто от сего отречется, того почитают они за неприятеля, буде же склонится к тому по их желанию, то признавают его за великаго друга. О сем объявлено не токмо в *Анадырском* остроге от самых чукок, которых объявление содержится в письменном известии, здесь сообщенном, но я слышал о том и от многих людей в *Якутске*, которые у чукок бывали.

Не нахожу я за потребно, чтоб разсматривать здесь, в чем вышепоказанныя известия между собою разнствуют. Несходство примечается только в таких обстоятельствах, которыя не следуют к самому делу, а самое дело состоит в том, что обе части света, *Азия* и *Америка*, между собою не соединяются, но одна от другой разделяется нешироким проливом,

и что на сем проливе один или больше островов находится, кои сообщению одной части с другою способствуют, так что азиатские жители от древних времен ведали о американских, а американцы о азиатцах.

Другия о сих странах известия хотя не утверждены так, как вышеприведенныя на письменных доказательствах, однакож они за тем не меньше примечания достойны. Я прошу мне поверить, что я слышал оныя в Якутске от людей достоверных.

Что объявлял вышепоказанным образом *Никифор Мальгин* о борода-тых людях, живущих на острове на Пенжинском море, коих почитал я за курилов, тоже подтверждается от жителей Анадырского острогу и о матерой земле, находящейся против *Чукотскаго носу*, а именно: будто на сей земле живут люди, которые не токмо по бородам и по платью, но и по рукоделию своему с Русскими имеют сходство. *Чукчи* получают оттуда чаши и другую такую же посуду, которая с Русскою работою почти ничем не разствуает. Некоторые находятся в том мнении, что оныя люди подлинно произошли от Русских, которых прадеды в прежния морския путешествия по претерпении на море нещастия занесены к оной земле погодою и там остались.

Сказывают, что около 1715 году жил на *Камчатке* человек иностранной, которой по причине камчатских мелких кедровых орехов и niskих кустов, на коих растут те орехи, объявлял о себе, что он родился в такой земле, где растут кедровыя деревья высокия, и на них орехи гораздо крупняе камчатских, а сия де земля лежит от *Камчатки* на восток. В ней де есть большия реки, которыя впали в Камчатское море. Жителям де имя *ТОНТОЛЫ*; они обыкновениями схожи с камчадалами, и употребляют к водяному ходу такия же коженыя суда, или байдары, как камчадалы. Назад де тому много лет приехал он с земляками своими на таком судне на *Карагинской остров*, где товарищи его от тамошних жителей убиты, а он, оставшись один, ушел на *Камчатку*.

На *Карагинском острове*, лежащем против устья реки *Караги*, примечены у тамошних жителей большия бревна еловые и сосновыя, которыя употреблены на подпоры и в стены в их зимних земляных юртах, а такого лесу нету ни на Камчатке, ни на островах, близ земли сей лежащих. Жители сами сказывали, что такой лес иногда приносит к их острову восточным ветром, которой они перенимают, и употребляют на свои потребности.

На *Камчатке* от давних лет усмотрено, что зимою сильным ветром в 2 или в 3 дни пригоняет к камчатским берегам лед и прилетают ежегодно с востоку птицы, кои, побыв несколько времени на берегах камчатских, улетают оттуда назад в ту же сторону. По сему должно заключить, что находящаяся против *Чукоцкаго носу* матерая земля протянулася и на юг мимо *Камчатки*. Также думать надлежит, что в оной земле водятся и куницы, которых в северных странах и во всей Сибири, кроме Екатеринбургскаго уезда и Исетьской провинции, нигде не находится. Чая-

тельно, и в предъявленных об одной же земле известиях вместо соболей, куньи разуметь должно. Сие подлинно, что *чукчи* получают оттуда куньи шубы. Иногда такие шубы привожены были в Якутск из *Анадырского острогу*, о чем в тамошних странах всякому ведомо.

По всем сим обстоятельствам вероятно, что когда говорится о находящейся близ *Камчатки* и *Чукоцкого носу* на восток земле, не надлежит разуметь какой-нибудь большой остров, но самую *Северную Америку*, потому что состояние сей части света, сколько об одной известно, не меньше то подтверждает. Французские путешественники, кои были в *Луизиане*, писали о некоей большей реке, которая от текущей в *Миссисиппу* реки *Мисури* по западную сторону впадала в море. А хотя они на той реке не были, однако довольно того, что получили чрез тамошних языческих народов достоверное об ней известие. Река *Мисури* впадала в *Миссисиппи* с северо-запада между 39 и 40 градусов северной широты.

Вверх по ней считается 400 миль французских (*Lieues*), то есть около 2000 верст, или больше до половины ее течения, а оттуда шесть дней езды к северу до той реки, которая, по скаске тамошних народов, впадает в *западное неизвестное море**. Сие море хотя представляется господами *Делилем* и *Буашем* на их новоизданных ландкартах²³, якобы большое озеро или морской залив, между 40 и 50 градусом широты лежащий, однако основания, на которых они свое мнение утверждают, кажутся недействительны. Старший господин *Делиль*²⁴, географ королевской, выдумал помянутое положение в 1695 году по путешественным описаниям, в которых приведены известия, чрез американцев о Западном море и о реке, туды текущей, полученные. Все сии свидетельства собрал он в 1700 году в некоторое сочинение, которое подал французскому министерству, желая чрез то побудить оное к новым изобретениям. А ежели рассмотреть оныя свидетельства с надлежащею тонкостью, то найдется, что большая часть оных гласит не о морском заливе, но о самом океане, и что прочия весьма сомнительны, а все таковыя, что никакой твердости не могут подать такому мнению, против котораго есть и доказательства, оное опровергающия. Посмотрим на какую-нибудь ландкарту о Северной Америке. Река *Мисури* впадала в *Миссисиппи* немного ниже 40 градусов широты. Положим, что она течет из северо-запада, как тамошние народы свидетельствуют, и что от устья до вершины ее 800 миль французских, то как сие можно согласить с *Западным морем*, господами *Делилем* и *Буашем*

* *Memoire sur la Louisiane par Mr. Le Page du Plat dans Le Journal Oeconomique, 1751, Sept., p. 140. "On croit que Le Missouri vient de L'Oueft. Selon le rapport des peuples du pais il a 800 lieux de cours, et a fix journees au Nord du milieu de fon cours on trouve une autre riviere, qui coulant du levant au couehnt va fe jeter dans le mer inconnue de l'Oueft". ["Предполагают, что Миссури течет на запад. По сведениям местных народов, она имеет 800 лье длины и на расстоянии шести дней пути к северу, в середине своего течения, встречается с другой рекой, которая течет с востока на запад и впадает в неизвестное море на западе" (фр.). — Ред.]*

представленным? Ибо оное море или паче морской залив почти те места занимает, через которых река *Мисури* протекать должна. А от реки *Мисури* есть еще шесть дней езды к северу до реки, в Западное море текущей. Она река большая, следовательно должна иметь и дальнее течение. Но господа *Делиль* и *Буаш* представляют оную весьма малою и короткою не для чего инаго, как чтоб не заняла мест, ими под *Западное море* определенных. К доказательствам старшаго господина *Делилла* приобщают они еще путешественное описание *Иоанна де Фука*, о котором уже упомянуто выше, что оно недостоверное. А когда господин *Буаш* старается к тому прибавить еще новыя свидетельства бывших в той части света в нынешнем веке путешественников, то всякой усмотреть может, что оныя сие мнение больше опровергают, нежели подтверждают*. К сему следует и то, что американцы Западное море называют *неизвестным*, то есть таким, котораго пределов не знают. Ежели бы то было озеро или морской залив, со всех сторон землями окруженной, то как бы народы, около него живущие, не могли об нем проведать? Для сих причин мною я, что частореченная *Западная река* должна впадать в океан, и то либо против *Камчатки*, либо против *Чукоцкой земли*, так что сим подтверждается известие, чрез *чукоч* полученное, коим и можно довольствоваться, доколе тамошня страны обстоятельнее не будут проведаны.

Предложим теперь об *островах*, от Камчатки к полудню лежащих, и рассмотрим, каким образом учинились они помалу известны²⁵. Земля *Камчатка* уже известна была в Якутске с 1690 году токмо по единому слуху, и потому *Избранд Идес*²⁶ мог об ней упомянуть в описании путешествия своего в Китай в главе 20 и на принадлежащей к сему описанию ландкарте. В 1696 году учинено было на *Камчатку* перьвое отправление в 16 человеках якутских казаков под командою *Луки Семенова сына Морозки*. Но он не доходил до реки *Камчатки*, а взял токмо с одного Камчадальскаго острога ясак и с тем возвратился назад в *Анадырской острог*, откуда был отправлен. Пятидесятник *Володимер Атласов*, которому приписывается обыкновенно изобретение земли *Камчатки*²⁷, будучи в то время в *Анадырском остроге* прикащиком, послал помянутаго *Морозку* на реку *Опуку*, чтоб тамошних *коряков* привести в ясашной платеж. Прочия предприятия в пути учинены *Морозкою* самим собою. *Атласов* писал тогда в Якутск, что *Морозка* не дошел за 4 дни езды до реки *Камчатки*, с чем согласуется и словесное объявление, по которому *Морозка* не следовал далее в том пути, как токмо до реки *Тигила*. Напротив того, *Морозка* сам представил, что он не доходил до реки *Камчатки* за

* Nouvelles Cartes des Decouvertes de l'Amiral de Fonte et autres Navigateurs etc. avec leur Explication etc. par Mr. de l'Isle a Paris, 1753, 4°.

Considerations Geographiques et Physiques sur les nouvelles decouvertes etc. par Mr. Buache a Paris, 1753, 4°.

один день. В Камчадалском остроге нашел он между прочим неизвестныя письма, которыя и привез с собою. Мы тотчас увидим, что они были японския. Ибо после Морозки на другой год отправившись Атласов с большим числом служивых людей на Камчатку и поставив на том месте, где в последующее время построен *Верхней Камчатской острог*, ясажное зимовье, нашел при реке *Иче* одного японца, котораго за два года пред тем принесло погодою к Камчатскому берегу и выбросило с судном при устье реки *Опали*, которая впала в Пенжинское море от *Большой реки* под полдень. Известие о Атласовом пути на Камчатку, кое сообщил господин *фон Страленберг* при конце своего описания²⁸, произошло, как кажется, от самага *Атласова*. Оное должно почитать ответом на некоторыя ему предложенные вопросы, и по всему виду написано оно в Москве некаким партикулярным человеком. Приказным допросом назвать онаго неможно для того, что не сходствует ни с тем, что показано *Атласовым* по возвращении своем в Якутск в его челобитной, ниже с взятою с него в Москве в Сибирском приказе 1701 году скаскою, которыя обе гораздо не столь обстоятельны, как сие при *Страленберговой* книге находящееся описание. Может быть, требовали от него изъяснения о таких обстоятельствах, кои ему самому не были довольно известны, а он не хотел отказаться от того неведением.

По сей причине кажется, что вошли во оное описание некоторыя неисправности, а другия без сумнения произошли от неразумения писателя или, может быть, и переводчикова. *Страленберг* того японца, которой найден Атласовым на Камчатке, назвал *индейцом*, а в примечании объявляется, что он был *японец*, и будто после того, в бытность шведских пленников в Сибири, привезен в Москву. Но в том есть ошибка. *Атласов* сам онаго чужестранца назвал в своей челобитной полоняником *Узакинскаго государства*. По сему надлежит разуметь, что он был житель большаго купеческаго города *Озакки* в *Японии*. Атласов взял было его с собою в Якутск, токмо не удалось его туда довести. В *Страленберговом* известии упоминается, что он остался за болезнию в Анадырском остроге. В сем же известии объявляется нечто и об *островах*, лежащих от земли Камчатки под полдень, которые называются нами *Курильскими*, потому что на некоторых из них обитает народ *курильской*. Камчатские жители сказывали Атласову, что на оных островах находятся каменные городы, а такие там люди живут, того де им не известно. При сем господин *фон Страленберг* примечает, что тут должно разуметь Японские острова северные, да и подлинно так. На островах, близ Камчатки лежащих, таких городов нет. Кажется, что сие известие произошло от самага вышеупоминаемаго японца. Что объявляется во оном описании о происходящих всегда между Японскими островами и Камчаткою торгах, оное усмотрено в последующия времена за неосновательное. Вся японская комерция простирается в северную сторону до малаго числа соседственных островов,

или до земли, зовоной *Езо*. Конечно, о сих островах говорил японец на Камчатке. Все прочие острова и самая земля Камчатка неведомы были японцам прежде их разбития у берегов камчатских. Их занесло туда погодою поневоле, о чем довольно известно, потому что в последующия времена больше случалось таких примеров, что японския суда к тамошним берегам приносило. Два обстоятельства, которыя учинились известны чрез перьваго японца, достойны примечания: 1) что государство, Атласовым названное *Усакинским*, или *Япония*, находится не в весьма дальнем разстоянии от Камчатки к полудню; 2) что между Камчаткою и Япониею на море есть множество островов больших и малых, которых жители, на Камчатке *курулами* называемые, от японцов имянуются *Езо*, или *Эзо*, что в Европе принято за имя некоторой земли, а по неосновательному *Страленбергову* мнению самую будто Камчатку под оным разуметь должно.

В 1702 году надлежало было Атласову по пожаловании его за службу в казачьи головы: отправиться во второй путь на Камчатку, но он, возвращаяся с Москвы в Якутск, оказанными на дороге непорядочными поступками привел на себя следствие, за коим нельзя было ему скоряе вступить в тот путь, как в 1706 году. Между тем, в 1701, 1702 и 1703 годах посланными из Якутска на Камчатку другими командами построены три острога *Верхней*, *Нижней* и *Большеерецкой*. А в 1706 году начали уже приводить в подданство и южную часть Камчатки, причем Российские служивые люди, дошедши до Камчатскаго южнаго носа, или до так называемой *Лопатки*, присмотрели сами вдали ближние острова Курильские. От учиненнаго в 1707 году камчадалами бунту, во время котораго *Большеерецкой острог* разорен, а служивые люди в нем все побиты, учинилось препятствие начавшимся тогда проводываниям. Напротив того, казаки затеянным в 1711 году против своих командиров бунтом, в котором убили *Володимера Атласова*, да двух других прикащиков, взяли повод к тому, что, желая заслужить вину свою, смирили большеерецких камчадалов, и, построив вновь *Большеерецкой острог*, приложили старание к проводыванию *Курильских островов*, причем двух перьвых островов жители приняты были в подданство.

За год пред тем, а имянно, в месяце апреле 1710 году, разбило опять японское судно у берегов камчатских в *Калигирской губе*, находящейся от *Апачинской губы* к северу. С того судна вышло на землю десять человек, но камчадалы, неприятельски на них нападши, четырех убили, а шестерых в полон взяли. Из сих шести человек попалися четверо казакам в руки, из коих один, именем *Санима*, в 1714 году послан был в Санкт-Петербург. Понеже они в скором времени по-русски говорить столько научились, что на предлагаемое им вопросы могли ответствовать ясно, то извещения о положении и состоянии *Курильских островов*, как их объявлением, так и тем, что выведено у самих *курулов*, учинились гораздо обстоятельнее. Мы упомянем о том после. Здесь сообщим прежде о том, что в 1711 году на двух перьвых островах происходило.

Данила Анцыфоров да *Иван Козыревской*, яко заводчики реченного казацкого бунта, вскоре по построении вновь *Большеерецкого острога*, отправились в поход августа 1 дня 1711 году служилыми людьми и ходили на малых байдарах за перелив на первой остров, где при устье речки *Кудутугана* с немалым числом курилов бой имели. Жители на сем первом острову не самые *курилы*. Настоящей курильской народ обитает на втором и на протчих, далее лежащих к полудню островах. Но на Камчатке вошло в обычай называть курилами и некоторых из камчадалов, обитающих по южную сторону большой реки, хотя язык их разнится от протчих камчадалов токмо некоторыми словами и произношением. Посреди жилищ их находящееся озеро называется *Курильским*, а на острову сего озера камчадаловской острог *Курильским* же. Сии и обыватели первого острова – один народ. Кажется, что островные жители после бунту 1706 году хотя не все, но по большей части с матерой земли туда перешли. Сверх сего следую я здесь письменным известиям, в коих звание сего народа писано по общему употреблению. Успех от помянутого бою сей был, что жители реченного острова, потеряв десять человек своих в сражении и видя немалое число раненых, склонились в вечное подданство. Только не взято было с них ясаку, ибо на острову ни соболей, ни лисиц нет, также морских бобров там не промышляют, а живут только с промыслу нерпы или тюленей, и платье носят из кож нерпичьих и птичьих, из лебяжьих, гусиных и утячьих. Впрочем, казаки приписывали курилам великую храбрость в бою и выхваляли их паче всех народов, живущих от *Анадырского острогу* и по всей Камчатке. Три курильские морские карбаса, полученные казаками в добычу у первого острова, способствовали им к переезду на другой остров, к которому они немедленно и отправились.

На другом острову, по объявлению казаков, живут люди, называемые *езовитяне*, то есть *курилы*, по японскому названию *Езо*. Сии, собравшись в многолюдстве, стали при речке *Ясовилке* вооружены и к битве готовы; казаки же за малолюдством и за оскудением пороку в бой с ними вступить не осмелились, паче старались они призывать их чрез толмачей в подданство и в ясашной платеж ласкою, но островные жители на то ответствовали, что де они, там живучи, ясаку платить никому не знают, и прежде с них ясаку никто не бирывал, соболей и лисиц не промышляют, а промышляют бобров в зимнее время, и которые были у них бобры, те де роспродали иной земли людям, которую де видеть можно с их острова в полуденную сторону. Те де люди привозят к ним железо и иные товары кропивные тканые пестрые, и ныне де дать ясаку нечем, а впредь хотят ли ясак платить, о том не сказали. И с тем возвратились казаки сентября 18 дня в *Большеерецкой острог*.

После сего учинены в 1712 и 1713 годах еще два отправления с Камчатки на острова *Курильские* по присланному из *Якутска* указу, которой воспоследовал по данным, как выше объявлено, от князя *Василья Ивановича Гагарина* воеводе *Траурнихту* пунктам. Оба отправления

происходили под командою казака *Ивана Козыревскаго*, которой старался собрать всякия известия о тех островах, и оныя получил по большей части от занесенных на Камчатку японцов. После сего Козыревской в 1717 году постригся в монахи и назывался с того времени *Игнатъем*. В 1720 году приехал он в Якутск, а в 1730 году в Москву, откуда прислано было тогда о его заслугах в Санкт-Петербург известие, которое того ж году марта 26 дня напечатано в "Санкт-Петербургских ведомостях". Репорты его, чиненныя на Камчатке тамошним прикащиком, а потом Якутской воеводской канцелярии, также и от флота капитану господину *Берингу*, когда сей в 1726 году в Якутск приехал, весьма примечания достойны. Ко оным

* Сие известие в то время внесено и во многия иностранныя ведомости и месячные сочинения, того ради не без пользы будет объявить вкратце о находящихся в оном погрешностях, а именно: предъявляется о Петре и Иване Козыревских, яко об отце и сыне, что они в 1700 году на Камчатку посланы были для приведения в подданство тамошних народов, и будто они *Анадырскую*, *Курацкую* (а надлежало назвать *Коряцкую*) и другая тамошняя страны покорили, а в 1702 году при реке Камчатке остановався, будто, во-первых, *Верхней*, а в 1703 году *Нижней Камчатской острог* построили. Сие должно поправить следующим образом: отец, *Петр Козыревский*, поехал на Камчатку в 1700 году с первым камчатским прикащиком *Тимофеем Кобелевым* в числе рядовых казаков, а был ли при том и сын его, *Иван Козыревский*, о том неизвестно. Но ни отец, ни сын не могли иметь участия в делах, до одного прикащика надлежащих. Страны *Анадырския* состояли в то время уже с 50 лет в ненарушимом подданстве. *Петр Козыревский* в 1703 году возвратился назад в Якутск с *Кобелевым*. А в 1704 году послан на Камчатку вторично с прикащиком *Федором Протопоповым*, которой назывался и *Верхотуровым*. Отправившись весною 1705 года с устья реки *Олюторы* по морю, чтоб ехать подле земли и таким образом достигь бы реки *Камчатки*, увидели они против устья реки *Тумлата* на лежащем близ матерой земли небольшем крутом и каменистом острове, которой потому *Каменным островом* и называется, *Коряцкой острог*, и учинили на оной нападение для получения добычи. Но сие предприятие было столь неудачливо, что прикащик *Протопопов* и все при нем бывшие, кроме 2 или 3 человек, утекших в лодке на *Камчатку*, побиты; при том деле *Ивана Козыревскаго* не было, а отец его убит с прочими. Посему надлежит поправить и ту погрешность, что будто он убит в 1708 году. А когда далее упоминается, будто с 1711 по 1714 год к *Ивану Козыревскому* из Якутска указы посыланы были, чтоб он обстоятельно проведаль пределы Камчатские, а особливо *северо-восточной Камчатской нос*, и старался бы получить известия об отдаленных островах и о всех тамошних народах, под чьею состоят они областию, и о прочем, чтоб тех, кои не находятся ни под чьею властию, приводил бы в ясашной платеж, а особливо наведалься бы о *Японии*, каким путем доехать туда можно, какое у тамошних жителей оружие, каким образом и с каким искусством они воюют, желают ли с Русскими иметь сообщение и торги так, как китайцы, и какие товары можно возить туда из Сибири, о чем бы о всем прилежно проведывал, езда часто по Камчатке и по океану, то напротив того известно, что *Козыревский* прикащиком на *Камчатке* никогда не бывал, и потому нельзя было ему получить посыланных из Якутска указов. К тому же пределы земли *Камчатки* уже давно были известны, чего ради нужды не было ездить по Камчатке, ниже по океану. Обстоятельство о *северо-восточном Камчатском носе*, вместо котораго, конечно, разуметь надлежит *Южной нос*, или обыкновенно так называемую *Лопатку*, причислить надлежит к переводничьим погрешностям. Весь его морской ход простирался до двух перьвых островов *Курильских*, а далее он не был. Прочия же известия получил он от других. Число 1718 году, положенное за время, когда *Козыревский* в монахи постригся, может быть положено типографскою ошибкою, а вместо онаго надлежит поставить 1717 год.

для большей ясности приобщены были и чертежи матерой земли и островам²⁹. О всем том предложу я здесь сократительно.

Во-первых, простирается от южного краю Камчатки низкой нос до 15 или до 20 верст в море шириною до 400 сажень, которой по четырехугольному его виду называется *Лопаткою*.

От сего носу перегребают в коженных байдарках в 2 или 3 часа чрез морской пролив до первого острова *Шумчу*, обитаемого курилами. Между сими и живущими на лежащих далее к югу островах курилами находится знатная разность в том, что последние бреют головы до затылка, и когда хотят кого поздравить, то становятся на колени. Южные курилы приходят на сей остров иногда для торгу, а товары берут с собою назад морских бобров, лисиц и для стрел орловья перья.

Второй остров *Пурумушир* есть такого же состояния и находится от первого разстоянием около 4 верст. Жители сего острова делают холст из кропивы, которой и употребляют на платье. Они получают чрез торги с живущими на дальних островах курилами шелковые и бумажные материи, также котлы, сабли и левкашеную посуду (уповательно фарфоровую). *Козыревской* похвалял их храбрость и искусство на войне. Ружье у них – луки и стрелы, притом употребляют и копья и сабли, они же имеют и панцыри.

За морским проливом, чрез которой переезжают на байдарках с легким грузом в тихую погоду до половины дня, а с женами и детьми в день, следует третьей остров *Мушу*, или *Оникутан*. На сем острове живут курилы ж и делают такой же холст из кропивы, сверх сего промышляют морских бобров и лисиц. На сем и на двух предъявленных островах соболей не водится. Жители ходят для промысла на некоторые острова, в стороне лежащие, иногда же приезжают и на Камчатку, и там, закупив бобров, лисиц и другие товары, продают оные жителям островов, находящихся далее к югу. Многие знают камчатской язык, коим говорят на большой реке, потому что они с большевецкими камчадалами торгуют и женятся.

По западной стороне сих трех островов находятся три нежилые острова под следующими именами: остров *Уяхкупа*, против острова *Шумчу*, в немалом разстоянии. На сем острове находится высокая гора, которую можно видеть на ясную погоду с устья *Большой реки*. Жители первого и второго острова, равномерно как с *Камчатки*, переезжают иногда туда ради промыслу.

Сиринки – малой остров против морского проливу между вторым и третьим островом.

Кукумива – малой же остров от *Сиринки* к юго-западу. Жители вышепомянутых жилых островов ездят на сии два острова для промыслу.

Следует по порядку к полудни четвертой остров, *Араумакутан* называемой, нежилой. На нем находится огнедышущая гора. Пролив морской между островом *Муша* и сим, также и пролив между сим и следующим

островом *Сияскутан* расстоянием токмо вполы против того, что между вторым и третьим островом.

Пятой остров *Сияскутан*, на нем жителей немного, но туда приезжают жители вышелепомянутых и нижеупоминаемых островов с товарами, яко на общее торжище.

Икарма, малой нежилой остров, от *Сияскутана* к западу. *Машауч* – такой же малой остров от *Икармы* к юго-западу. *Игайту* – малой же остров от *Сияскутана* к юго-востоку. Сии три острова не полагаются в числе островов, кои следуют далее к югу.

От *Сияскутана* ехать на байдарах с грузом целый день до следующего шестаго острова *Шококи*, а от сего до седьмаго острова находится расстояния токмо против прежняго в половину.

Седьмой остров *Мотого*, осьмой *Шашово*, девятой *Ушишир*, десятой *Китуй*.

Все сии острова малые, о коих не объявлено ничего, кроме что чрез проливы морские между ими, и от *Китуя* до следующего острова *Шимушир* можно перегрести на легких байдарах меньше полудня, а на тяжелых день, иногда же меньше, а иногда больше.

Между сими островами течение бывает весьма быстрое, а паче во время прилива и отлива морскаго, ибо тогда в тамошних странах вода восходит очень высоко, отчего многие утоняют, когда в оное время отважатся переезжать с одного острова на другой.

На острове *Китуе* растет трава камыш, которая у них употребляется в стрелы.

Одинатцатой остров *Шимушир* жилой, от коего переезд до следующего острова *Итурну* несколько шире прежних.

Чурнуй остров в числе не полагается, потому что лежит от пролива морскаго между *Шимуширем* и *Итурну* островами к западу. На нем есть гора высокая.

Двенатцатой остров *Итурну* велик и многолюден. Жители сего острова называются на курильском языке прежде упомянутых островов *кых-курилами*, а по-японски *ezo*. Того же народа люди обитают и на следующих островах. Язык и житие их от жителей прежних островов различен. Они бреют головы и поздравление отдают на коленях. Можно их и в храбрости и военном искусстве другим предпочесть. Там много находится лесов и разных диких зверей, а особливо медведей. В разных местах есть и реки, при устьях которых находятся удобныя места, где большие корабли в гавани от ветру и от погоды могут стоять безопасно. О сем для того упомянуто, что на прежних островах мало лесов, и для пристани больших кораблей никакой способности не находится.

По небольшом проливе следует тринадцатой остров *Уруп*. Жители на оном таковы же, как и на острове *Итурну*. Они ткут холст из кропивы, а бумажные и шелковые товары покупают на острове *Кунашире*, и ими торгуют на первом и втором островах, откуда привозят бобров, лисиц и

орловья перья. Уведомленность заподлинно, что они ни у кого не состоят в подданстве, и то еще с большею вероятностию заключить должно о жителях острова *Итурну*.

Паки следует небольшой пролив, и за оным четвертой на десять остров *Кунашир*. Жители сего острова весьма богаты и не разнятся от жителей прежних островов, но вольной ли они народ, или завясят от города *Матмая*, что на острове *Матмае*, о том нет известия. Как они часто ездят для купечества на остров *Матмай*, так и жители острова *Матмая* к ним часто приезжают. Многие камчадалы и камчадалки содержатся на островах *Итурну*, *Урупе*, *Кунашире* и *Матмае* в неволе. Сколь далеко от острова *Кунашира* до *Матмая*, о том забвением не справленось.

Пятнадцатой остров *Матмай*, яко последней в сем порядке, величиною всех прочих превосходит и населен тем же народом *езо*, или *кых-курулами*. Японцы построили город на сем острове, *Матмай* же называемой, которой стоит на южно-западном берегу и населен японцами. Туда ссылают людей в ссылку. Для защищения города содержат гарнизон, которой снабден довольным числом больших и малых пушек и другим оружием и всякими военными потребностями. Сверх сего на западном и восточном берегах разставлены крепкие караулы для наблюдения всего, что произойти может. Жители островские торгуют с жителями городскими. Привозимые на сей остров товары состоят в рыбе, в китовом жире и в звериных кожах.

Между островом *Матмаем* и между главным островом *Японскаго государства* находится небольшой морской пролив, чрез которой езда для многих с обеих сторон выдавшихся каменистых мысов, а особливо во время прилива и отлива морскаго, бывает не без опасности.

Также получены многия известия о самой Японии, но я намерен привести из оных только знатнейшия.

Главной остров называется *Нифон*, от котораго и все государство таким же именем прозвано. Напротив же того имя *Японь* во всей Японии совсем неизвестно. (Сие наименование должно приписать португальцам, которые китайское слово *Гепуэнь*, или лучше сказать *Джебынь*, коим китайцы *Япон*, или *Нифон* означают, таким образом произносили.) Столичной город всего государства, в котором и царь находится, стоит на реке *Едо*. Оная неподалеку от города впадает в большой морской залив. Оттуда как в южную, так и в северную сторону отправляется великое внутреннее купечество, а особливо морем. Под север ходят японские корабли обыкновенным образом не далее острова *Матмая*. Ближайшие от *Матмая* города за морским проливом на острове *Нифоне* называются *Нанбу* и *Цинара*. Под юг отправляется морем знатное купечество в *Озакку*. О имени города *Меако* не упоминается, но только о главном жреце, которой там живет под именем *Фанно-сома* и котораго как Бога почитают; сверх сего есть и другое святое место на острове, которое по

описанию лежит против города *Шендай*. Японцы, которые сии и многия другия обстоятельства на Камчатке рассказывали, были родом из города *Кинокуни*. Их известия кажутся достоверны, потому что по большой части согласны с тем, что известно из описания *Кемпфера*³⁰ и других.

Примечания достойно, что известия корабля *Кастрикома* от 1643 года и изображения земли *Езо* на земных и морских картах вышеобъявленным известиям совсем противны, ибо, по объявлению японцов на Камчатке, оная земля разделяется на разные острова, которая, по описанию *Кастрикома*, состоит из одного большого острова. Сие дело осталось бы под сомнением, если бы российские мореплаватели сами того, что японцы объявляли, не подтвердили, о чем в своем месте объявлено будет. Если бы подумать, что голландцы, бывшие на корабле *Кастрикоме*,³¹ проливы между островами почли за морские заливы, то противится тому быстрое течение, которое во время прилива и отлива морского примечается. Сия быстрота голландцам не могла быть неизвестна. Есть ли же оную усмотрели, то как они проездов не искали, и разные острова за один почесть могли? При таких спорных известиях лучше помышлять о изъяснении, которое бы ни какой стороне не было противно. Мы уступим, что земля *Езо* во время мореплавания голландцов действительно была такова, как на корабле *Кастрикоме* описана. Однако и то известно, что наша земля часто подвержена была разным удивительным переменам. Великия землетрясения поглощают земли и острова и новые производят, а в тамошних странах землетрясения очень часто случаются. Итак, можно разсудить, что земля *Езо* после мореплавания голландцов на разные небольшие острова разделилась. Сие мне кажется справедливее, нежели как господа *Делиль* и *Буаш* для означеннаго на корабле *Кастрикоме* положения земли *Езо* сомневаются о справедливости изобретений, в наши времена учиненных.

Еще о некоторых островах упомянуть должно, которые лежат с южной стороны от устья реки *Уды* и называются обыкновенно *Шантарскими*. Имя их кажется древнее, ибо оно происходит от *гиляков*, вниз по реке *Амуру* живущих и в половине прошедшаго века под Российскойю державою находившихся, о чем в истории о реке *Амуре* показано. Тогда, уловательно, россияне спрашивали *гиляков*, как тот или другой остров называют, а *гиляки* называли оные общим званием *Шантар*, потому что особливых имен им не знали, ибо *шантар* на *гиляцком* языке значит остров. Таким образом, хотя и оные острова с того времени Русским были известны, однако письменнаго известия не находится, чтоб кто прилагал о проведывании оных особое старание, пока в 1710 году князь *Василей Иванович Гагарин* между прочими в *Якутске* учреждениями поручил о том старание воеводе *Траурнихту*. Вообще известно было по объявлениям некоторых казаков, бывших в *Удском* остроге, и чрез тамошних *тунгусов*, что те острова можно видеть от устья реки *Уды*; что первый остров от матерой земли отстоит на один день езды, так и второй от

перваго, и третей от втораго; что на них много соболей и лисиц, что жителей на них нет; и что *гиляки* обыкновенно туда ездят только за охотою (уповательно для того, что у них суда больше, нежели у тунгусов, у которых из березовой корки сделанныя узкия лодки к мореплаванию совсем неспособны). Да и о сем письменнаго известия не было, пока воевода *Траурнихт* в 1709 году по собственному любопытству посланному в *Удской острог* прикащику *Сорокоумову* не приказал, чтоб он и на *Шантарские острова* съездил и рассмотрел их положение и состояние, и привез бы в Якутск подлинное об них известие. А хотя *Сорокоумов* сам туда не ездил, однакож он привез с собою взятыя от казаков и тунгусов на письме скаски, в которых вышеписанное содержалось.

Спустя год после того приказал *Траурнихт* посланному в Удской острог прикащику *Василью Игнатьеву*, чтоб на *Шантарские острова* съездил, снабдя его всеми надлежащими потребностями к построению при реке *Уди* удобнаго судна. Прикащик поручил сие дело некоторым казакам, которые в 1712 году на двух набойных лодках из *Удскаго острогу* отправились и берегом следовали до реки *Тугура*. Там жили они все лето для заготовления рыбных припасов; между тем присовокупилась к ним еще другая артель казаков, которые для той же притчины из *Удскаго* отправлены. Все вместе построили себе судно такое, как на Ледовитом море употребляются и называются *шитиками*. Как скоро оное построили, то отправились они в поездку в мае месяце 1713 году. Предводитель их назывался *Семен Анабара*. Они ехали берегом от реки *Тугура* до некотораго мысу, откуда они погребли в море и в три часа пришли к первому острову, на котором не приметили они ни людей, ни зверей, кроме черных медведей. Переночевав на помянутом острове, поехали они на другой остров, а в дороге были до половины дни. Там они также ничего не видали, кроме медведей, чего ради отправились в третей день на третей остров. Сколько тут ездою времени препроводили, о том не упоминается. Они приехали туда в день Петра и Павла. Усмотревши на сем острове соболей и лисиц и надеясь выгоднаго промыслу, приняли они намерение тут зимовать. Они нашли женщину, но языка ея не разумели (чаятельно, была она *гиляцкая*), которая, живучи у них недели с четыре, бежала безвестно. *Анабара* посылал несколько человек на реку *Тугур* для привезения к ним рыбы на прибавку, но посланные назад не возвратились. Он остался сам пят на острове. Недостаток в съестных припасах был препятствием, что о величине и о протчих обстоятельствах того острова не можно было осведомиться. Никто не отходил от своего станова даде одного дни. (А сего требовал соболиной промысл, потому что в таком разстоянии от станова ходят промышленики на все стороны ставить кулемы, которые на всякой день осматривают, не попали ли в них соболи.) На оном острове были также волки и медведи. Лес там видели лиственяк, ельник, березник и осинник. Двое из той артели умерли на острове, а трое, оставя остров 29 июня 1714 году, погребли к матерой земле, куда они, не хватя прежних

вышписанных островов, в два дни и приехали. Из того места прибыли они в 10 дней на реку Удь и в Удской острог. По прибытии их в Якутск взяты с них 20 октября того ж году скаски в канцелярии о том, что в пути их происходило, из коих я взял сие известие.

По то время не было другой дороги до Камчатки, как через *Анадырской острог*. Сколь продолжительна, убыточна и трудна была сия дорога, столь она была и опасна для *коряков*, которые почти всегда на едущих на Камчатку и из Камчатки возвращающихся россиян нападали, сколько могли убивали, и имение их розграбляли. Для сей притчины принято было намерение искать другой дороги из *Охотска* морем. Первой вымысел сего полезного дела без сумнения должно приписать воеводе *Траурнихту*. Ибо я нашел, что уже в 1711 году в бытность еще *Траурнихта* в Якутске воеводою приказано было сыну боярскому *Петру Гуторову*, бывшему тогда в Охотске прикащиком, чтоб морем ехать на Камчатку и привесть о тамошних островах точное известие. *Гуторов* отправился из *Охотска* в *Тауйской острог* и оттуда шел морем на батах до реки *Игулана*. Но за недостатком морских судов и искусных мореходцов не отважился он далее ехать по морю.

И подлинно, в оное время в Охотске не было еще морских судов, также и употребление компаса не было еще там известно, пока в 1714 году по имянному его величества императора Петра Великого указу губернатор князь *Гагарин* не наградил сей двойкой недостаток. Кажется, что губернатор сперва думал, что можно и без сея помощи дело произвести в действо, ибо в первом указе от 12 февраля 1713 году к воеводе *Елчину*³² о сыскании морского ходу до Камчатки не упомянуто ничего о построении судов и о присылке мореходцев. Однако потому и ничего больше не последовало, как только что дворянин *Иван Сорokoумов*, которому в Якутске оная должность поручена была, по прибытии своем с 12-ю казаками в Охотск осенью того ж года и по учинении там разных непристойностей, ничего не учинив, под караулом в Якутск назад возвратился. И для того весьма потребно было, что губернатор вскоре после того и несколько матрозов, и корабельных плотников в Якутск послал. Сии, приехавши 23 мая 1714 году в Якутск, под предводительством казака *Кузьмы Соколова* с 20-тью с лишком казаками июля 3 дня в Охотск отправились и желаемый путь изобрели. Один из матрозов *Генрих Буш*^{*}, родом голандец из города Горна, жил еще в Якутске в мою там бытность в 1736 году. Чрез него проведал я о первом морском ходу до Камчатки следующие обстоятельства.

^{*} *Штраленберг*³³, стр. 17, называет его шведским капралом, и будто он прежде был корабельным плотником. Но *Буш* сам о себе объявлял, что он несколько лет в разных государствах служил матрозом, напоследок в Швеции был рейтаром и полонен в 1706 году под городом Выборгом.

По прибытии в Охотск корабельные плотники построили морское судно наподобие Русских лодей, на которых прежде сего из *Архангельского города* ходили в *Мезень*, в *Пустоозерской острог* и на *Новую Землю*. В сем деле препроводили они 1715 год. Судно было удобное и крепкое, длиною 8,5 сажень, а шириною в 3 сажени. Оно и с грузом в воде шло на 3,5 фута. По изготовлении всего, что к морскому ходу потребно было, отправились они в первую поездку в июне месяце 1716 году и ехали по морскому берегу к северо-востоку до реки *Олы*. Оттуда хотели они еще и далее продолжать тот же курс, но противной ветр отнес судно чрез море на *Камчатку*. Увидя мыс, лежащей при устье реки *Тигиля* по северную сторону, и примечая, что берег крут и каменист, не отважились они без лоцманов пристать к земле. Между тем поднялся опять противной ветр, которым судно к охотскому берегу назад отогнало. Как ветр паки зделался благополучным, то наши мореплаватели вторично в путь отправились и опять приехали к реке *Тигилю*, и стали на якорь. Некоторые сошли на землю, чтоб искать людей, но ничего не нашли, кроме пустых юрт. Камчадалы, усмотрев пристающее судно, убежали от страха в леса и в горы. Того ради шли они далее подле земли и, проехав реку *Тигиль*, прибыли в один день к речке *Хариюзовке*, где лежат неподалеку от берегу два острова. Первой и большой из оных находится от матерой земли на 5 верстах, другой состоит из одних камней и лежит несколько подале. С *Хариюзовки* в следующий день приехали они к реке *Иче*, препроводив ночь на море, и поутру к земле возвратившись. В сем месте послали людей на землю, но они не только людей, но и никаких жилищ не видали, и для того немедленно назад возвратились. После сего шли они далее по берегу и приехали к реке *Крутогорове*, в которую намерены были въехать, но в устье не попали. Залив по южной стороне оной реки казался удобным к стоянию на якорь. При осмотрении земли увидели они камчадальскую девку, которая на поле собирала коренья на пищу. Она привела их к камчадальским юртам, где в то же самое время жили камчадальские казаки для ясашнаго збору. Сии, прибывши на судно, служили им проводниками и толмачами. Судно было введено в устье реки *Компаковы*, где и зимовали. Там выбросило из моря на берег кита, в котораго вонзена острога европейской работы с надписью латинскими буквами. *Соколов* ездил зимою в *Нижней Камчатской острог*. Весною возвратился он назад к судну, и в начале мая месяца 1717 года отправились они паки в море, но на море еще было много льду. В четвертой день после их отъезда окружило их льдом со всех сторон и держало их полшесты недели. Между тем был у них великой недостаток в съестных припасах. Наконец, приехали они к берегам охотским между рекою *Олою* и *Тауйским острогом*, где несколько дней простояли, и в половине июля месяца в Охотск возвратились. С того времени между Охотским и Камчаткою был проезд морем непрестанной.

В то же время, как сие происходило, послал губернатор князь *Гагарин* в 1716 году полковника *Якова Агеева сна Ельчина*, которой пред тем был воеводою в Якутске, с знатным числом офицеров и рядовых салдат в оныя места, и приказал ему учинить около Камчатки разныя проведывания, из коих большая часть касается до нашего намерения. В сообщенном известии монаха *Козыревскаго о Курильских островах* не упомянул я об одном обстоятельстве, а именно о том, что о шестом острове *Шококи* сказано было, якобы приезжают туда японцы на судах и берут там землю или руду, которую увозят в свое государство. По всему виду сие с правдою не сходствует, потому что оное противно другим известиям, объявляющим, что японцы, разве ветром или погодою отбиты будут, не ездят далее острова *Матмая*; также и после о том не получено никакова подтверждения. Сие было главнейшее дело, коего изследование губернатор поручил полковнику. Сверх того приказано было ему ехать от *Чукотскаго носу* на лежащие против онаго острова и матерую землю, обстоятельнее изследовать *Шантарские острова*, прилагать старание о учреждении купечества с японцами и тому подобное, однако на оное мало возпоследовало. Губернатор послал еще с полковником из шведских пленников одного морскаго флота лейтенанта именем *Амбгорна Молина*, которому велено для разных оных отправлений построить в Охотске несколько судов. Но сей офицер репортовал, будто в Охотске к строению морских судов лесу способнаго не нашел. Между полковником и якутским воеводою ландратом *Иваном Васильевым сыном Ракитиным* произошли ссоры, которыя в отправлении дел великое препятствие учинили. Нещастием князя *Гагарина* наконец все пресеклось³⁴. Одно, что полковником *Елчиным* учинено, состояло в учрежденной им в 1718 году посылке к *Шантарским островам*, коих проведывание поручил он сыну боярскому *Прокопию Филькееву*. Сей *Филькеев* был еще жив в то время, как я находился в Якутске. По сему случаю получил я чрез него следующее известие.

С *Филькеевым* были и матрозы, кои, морем едучи, объявили, что намерены они объехать не токмо *Шантарские*, но и все протчие в тамошних странах лежащие острова, даже до *Курильских*, а напоследок хотят зимовать на большом *Шантарском* острове, собственно называемом *Шантар*. Понеже *Филькееву* сие предложение за неимением на то указу не угодно было, то он с двумя казаками при устье реки *Тугура* вышел на землю, протчие же поехали на остров *Шантар*, препроводили там зиму, и много соболей промыслили. Неосторожность их при разведении огня была притчиною, что весь лес на острове выгорел, отчего и соболи пропали. В следующее лето отправились они назад на матерую землю. Там хотели они на берегу между *Тугуром* и *Амуром* реками ловить рыбу, но большая часть из них *гиляками* побиты. Они полагали остров *Шантар* от юга к северу длиною на 20 верст, а шириною от 3 до 4 верст. На нем гор не сказывали. Буде же так, то как можно видеть оные острова с устья реки

Уди? Ибо и Филькеев утверждал, что оные острова лежат недалеко от реки *Тугура* и что от реки *Уди* до *Тугура* числится 8 дней езды на лодках. Ежели взять положение берегов, как на ландкартах по сие время изображено было, а именно, что оные от *Охотска* до реки *Амура* прямо простираются к югу, то причины к сумнению еще умножаются, ибо на морских берегах бывает не без выдавшихся мысов, которыми бы те острова закрылись. Но я имею разныя притчины думать, что берега от *Охотска* к реке *Уди* лежат к юго-западу, а от реки *Уди* к *Амуру*, к юго-востоку. Естли сие так, как то я и подлинно надеюся, что оно со временем в самой вещи так найдется, то могут *Шантарские острова* такое положение иметь, что от реки *Тугура* к северу один после другого следует. Их больше быть может, нежели как мы себе представляем, ибо числа оных не означено. И потому ближние острова заподлинно с реки *Уди* видеть можно.

Следует теперь мореплавание, о котором некоторые думают, будто оно для того учреждено, дабы сумнение о соединении или отделении Азии и Америки оным решено было. Блаженные памяти император Петр Первый в начале 1719 года послал двух геодезистов, или, как тогда их называли, навигаторов, *Ивана Евреинова* да *Федора Лужина*³⁵ на Камчатку с инструкциею за собственною его величества рукою. Я помянутой инструкции не видал, потому и не могу объявить заподлинно о ея содержании. А по прочетному указу ко всем сибирским начальникам, которой также был за собственною рукою, велено было им ехать на Камчатку и далее, в котором пути во всем, чего ни пожелают, чинить им вспоможение и прочая. Самые геодезисты, которые в мае месяце 1720 году в Якутск прибыли, тем же летом на Камчатку отправились, и в сентябре 1721 года в Якутск возвратились, о порученных им делах не объявили. А хотя за тем невозможно заподлинно о том знать, однако, ежели рассуждать о определении по окончанию, то намерение онаго отправления клонилось на одни *Курильские острова*, и особливо может быть на тот, о котором слух носился, что японцы с него берут руду. Вышепомянутой голландской матроз *Генрих Буш* возил их морем. В первое лето поплыли они из *Охотска* в *Большерецкой острог*, а на другой год ехали они вдоль по *Курильским островам*. По прибытии к пятому острову (которой, может быть, и шестой был, ибо *Буш* мог в числе оных ошибиться) приказали геодезисты стать на якорь. *Буш*, хотя в том отсоветовал, потому что дно морское было каменисто, однако принужден был исполнить по их приказу. От того потеряли они четыре якоря, а больше якорей у них не было. Камнями канаты перерывало. К немалому их счастью приехали они возвратно на Камчатку без дальняго вреда. Там наделали они деревянных якорей, к которым навязали большия камня, и таким образом того ж лета возвратились они в *Охотск*. Сие я слышал изустно от матроза. *Евреинов*, оставя своего товарища *Лужина* в Сибири, сам отправился с репортером о своем пути и с картою *Курильских*

островов, поколику оные объехал, к Великому Императору, и застал его величество в мае месяце 1722 году в *Казани*, когда сей монарх в Персидской поход отправлялся. Его величество немалое удовольствие оказать изволил за труд Евреинова. Он совершенно исполнил по данной ему инструкции. Сие служит новым доказательством, что отправление реченных геодезистов не касалось до решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкою, или от нея разделяется?

Между тем вышереченное дело о сыскании проходу или соединения между двумя частями света не осталось у его величества безсмертной славы императора Петра Великого в забвении, паче Великой Государь написал сам собственною своею рукою незадолго пред его кончиною инструкцию, по которой проведывание учинить велел, а произведение онаго в действо поручил генерал-адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину.

В силу сего высочайшаго императорскаго указа велено было учинить следующее:

1. На Камчатке или в другом удобном месте построить один или два бота корабельных с палубою и на них

2. Осмотреть северной берег, не соединяется ли он с Америкою, а потом

3. Искать пристани или стараться сойтись с каким-нибудь европейским судном. Також высылать на берег людей для проведения новоизобретенной земли, чтоб о имени и положении оной удостовериться.

4. О сем всем весть обстоятельной журнал и с ним в Санкт-Петербург возвратиться.

Можно сказать, что блаженныя и вечнодостойныя памяти ея величество государыня императрица Екатерина Алексеевна, как во всех делах по кончине вседражайшаго своего супруга полезныя его намерения и определения точно исполнять старалась, так высокославному своему владению наипаче произведением вышеломянутаго указа в действо, якобы начало учинить соблаговолила.

На сем основании немедленно учинено отправление. И сия была первая так называемая *Камчатская экспедиция*, о которой здесь упомянем вкратце³⁶.

Тогдашней флота капитан *Витес Беринг* определен был главным командиром над сею экспедициею, а с ним посланы двое флота ж лейтенантов *Мартын Шпанберг* да *Алексей Чириков*. Сверх других морских служителей и нижних чинов отправлено с ними и несколько человек корабельных плотников. Из Санкт-Петербурга вступили они в путь свой февраля 5 дня 1725 году и, приехав 16 марта в *Тобольск*, пробыли там до 16 мая, ожидая удобнаго по рекам ходу и принимая к себе разных мастеровых людей и материалы, к их делу потребныя. Следующаго лета производили они путь свой водою по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Тунгуске и Илимю рекам. Будучи принуждены зимовать в Илимске, заготовляли они между тем временем потребные к дальнему пути съестныя припасы.

Весною 1726 году шли они вниз по Лене-реке до Якутска. Лейтенант *Шпанберг* отправился наперед с частию съестных припасов и с тяжелыми корабельными материалами по рекам Алдану, Маие и Юдоме. За ним поехал и капитан *Беринг* с другою частию провианта сухим путем на конях верховых. А лейтенант *Чириков* остался в Якутии для перевозу достальной части запасов по сухому ж пути. Таким образом, порознь возить провиант нужно было для того, что между Якутским и Охотским дороги весьма трудны, ибо там ни летом телегами, ни зимою санями ездить не можно, чему причиною тамошня гористая и болотная страна и что там нет жилых мест, кроме что в близости Якутска.

Коль благополучно производил путь свой капитан *Беринг*, толь несчастлив был ход водою лейтенанта *Шпанберга*, потому что он не дошел до показаннаго ему места до Юдомскаго креста, но застиг его замороз на реке Юдоме при устье речки Горбейя. Оттуда собрался он в путь ноября 4 дня, чтоб с нужнейшими корабельными припасами итти пешком до Юдомскаго креста и до Охотска. Но оказался в команде его такой великой голод, что принуждены были есть сумы, ремни и сапоги свои, однако между тем в Охотск он прибыл. В начале февраля 1727 году возвратился он на реку Юдому для взятъя там достальной части своего груза. Но понеже и тем всех припасов перевести еще не можно было, то напоследок все благополучно перевезено вспоможением третьей партии, отправленной из Охотска с конями. После сего июля 30 дня приехал и лейтенант *Чириков* из Якутска с достальной частию провианта.

Между тем построено в Охотске судно и названо *Фортуною*, которое 30 июня под командою лейтенанта *Шпанберга* пошло в море, чтоб нужнейшие судовые припасы и корабельных плотников перевести в Больше-рецкой острог. Сие судно возвратилось назад с старинным судном, оставшимся от 1716 году, когда морской ход между Охотским и Камчаткою был начат. По сем вступил в путь августа 21 дня и капитан *Беринг* с лейтенантом *Чириковым*. Сентября 2 дня вошли они в устье большой реки, а следующею зимою отправились с лейтенантом *Шпанбергом* из Больше-рецкаго в Нижней Камчатской острог. Корабельные же плотники для рубки лесу на судовое строение посланы были туда наперед еще летом. Съестных припасов и судовых материалов взяли они с собою толкое число, сколько потребно им показалось, но провоз оных для тамошней трудной езды на собаках производился весьма медленно. При Нижнем Камчатском остроге заложен корабельный бот апреля 4 дня 1728 году, и июля 10 дня под именем *Бота Гавришля* на воду спущен. Как оной снабден был всякими потребными судовыми и съестными припасами на 40 человек на год, то не умедлили главное намерение всего пути оставшимся морским ходом произвести в действо.

По сему капитан *Беринг*, вышед июля 20 дня помянутаго году из устья реки Камчатки в море, держал курс свой на северо-восток, следуя по камчатским берегам, которые по большей части были в виду. Притом

старался он сии берега точно означить на карте, что ему и удалось нарочито. По крайней мере, не имеем мы другой, кроме его, лучшей оным берегам карты. Августа 8 дня, как они находились под 64 градусом и 30 минутами высоты полуся, подъехали к боту 8 человек чукоч в байдаре, зделанной из тюленьих кож, для проведания, на какой конец производится сие кораблеплавание. С ними разговор происходил чрез коряцкаго толмача, и призываны были они на судно, почему, во-первых, один на двух надутых тюленьих кожах, к шести привязанных, к судну приплыл, за коим потом следовали и прочие на байдаре. Капитан, наведываясь о положении дальних берегов, услышал от них, что после сего берег поворотится на запад. А о находящихся против онаго островах или берегах спрашивал ли, или нет, о том не показано в репорте капитана *Беринга*, из коего я выписал сие известие. Может быть, что о сем ему на мысль и не пришло, потому что он не знал о том, что прежде его происходило, и, следовательно, не мог он догадаться, что матерая земля Американская столь блиска. Он услышал токмо о острове, близ берегу лежащем. Сей назвал он по *святому Лаврентию*, ибо было 10 число августа, в день памяти сего святого, когда мимо сего острова проехал, не выдав на нем ничего, кроме рыбачьих шелашей чукоцких.

Наконец, августа 15 дня пришли они под 67 градус 18 минуту высоты полюся к носу, за коим берег, как помянутые чукчи показали, простирался к западу. По сему заключил капитан с немалою вероятностию, что он достиг самага краю Азии к северо-востоку, ибо ежели берег оттуда непременно простирается к западу, то нельзя Азии соединяться с Америкою. Следовательно, он по данной ему инструкции исполнил. Чего ради предложил он офицерам и прочим морским служителям, что время назад возвратиться. А ежели де ехать еще далее к северу, то надлежит опасаться, чтоб не попасть в лед нечаянно, из коего не можно будет скоро пробиться. В осеннее время бываемой густой туман, которой уже и тогда наступал, свободной вид отъимет. Бude же повеет ветр противной, то-де не можно будет того же лета возвратиться на Камчатку. Также неудобно будет и зимовать в сих странах, как для известного в лесах недостатку, так и для того, что народ чукоцкой не приведен еще в подданство Российской державы и что находятся везде по берегам каменные утесы, между коими ни отстоев, ни пристани не ведомо.

Правда, что обстоятельство оное, на коем капитан *Беринг* разсуждением своим утверждался, было без основания, ибо после того уведомлено, что сей мыс, от котораго он поворотился, есть тот, что жители Анадырскаго острогу по находящейся на нем каменной горе, вид сердца имеющей, *Сердце камень* называют, а за ним берег хотя поворачивается к западу, но сим поворотом составляет только большую губу, в середине которой, по вышепоказанному объявлению казака *Попова*, обретается камень *Матколь*, а оттуда берег простирается опять к северу и к северо-востоку до 70 градусов высоты полюся и больше, где лежит настоящей *Чукотской нос*, наподобие большого полуострова. И там только можно

бы было сказать с основанием, что обе части света между собою не соединяются, однако сего никто не мог тогда знать на судне³⁷. Ибо прямые известия о чукотской земле и о Чукотском носу вышепомянутым образом получены не прежде, как чрез мои географические изследования в 1736 и в 1737 годах, в Якутске учиненные. Довольно того, что в самом деле не погрешено и что действительно Азия от Америки уским проливом, Ледовитое море с южным соединяющим, отделяется.

Итак, наши мореплаватели назад возвратились, на котором пути ничего достопамятного не случилось, кроме что августа 20 дня, приехав к судну 40 человек чукоч в четырех байдарах, привезли им в подарок оленьяго мяса, рыбы, свежей воды, лисиц и белых песцов, также и моржовых зубов, напротив чего даны им иглы, огнива, железо и другия подобныя сим вещи. Августа 29 числа для густаго туману и сильнаго ветра стали на якоре у берегов камчатских. На другой день ветер утих, но при подьимании якоря канат изорвало, и якорь оставлен в море. Сентября 20 дня, возвратившись к реке Камчатке, шли по ней вверх и зимовали опять в Нижнем Камчатском остроге.

Там слышали они неоднократно от камчатских жителей разговоры и разсуждения, которые довольно важны казались, чтоб возбудить у них внимание, ибо по оным бесспорно следовало, что надлежит быть в близости матерой земле к востоку, которую должно было им проведать и следовать подле берегов оныя. Сами они в пути своем приметили, что не было столь широких и высоких волн, каковыя обыкновенно бывают на пространном море. Они видели плавающия по морю деревья сосновыя, коих не растет на Камчатке. Они слышали и другие многие таковыя признаки о матерой земле, в близости находящейся, о коих предъявлено уже выше в своем месте. Некоторые камчадалы уверяли еще и о том, что в ясные дни с высоких берегов камчатских земля в противулежащую сторону видна бывает.

Капитан *Беринг*, вознамерившись о том, что предъявленные признаки показывают, восприятием вторичнаго по морю пути удостовериться, учинил при том такое расположение, чтоб по учинении сего не на Камчатку, но прямо в Охотск возвратиться. Посему пошел он во второй морской путь июня 5 дня 1729 году. Но жестокой с ост-норд-осту ветер не допустил его далее итти, как только по его исчислению верст с 200 от Камчатки. И понеже он не нашел в сем разстоянии никакой земли, то оборотился назад, и на сем обратном пути, обшед полуденной Камчатской нос, положил оной по подлинному его положению и виду на карту, и прибыл морем в устье Большой реки, а оттуда июля 23 дня в Охотск.

Отсюда отправился он июля 29 дня к Юдомскому кресту верхом на конях и, нашед там несколько малых судов, построил из них плоты, на коих плыл вниз по рекам Юдоме, Маие и Алдану. У Бельскаго перевозу, где при устье реки Белой чрез Алдан переправляются, взял он опять лошадей у якутов, в близости живущих, на коих августа 29 дня в Якутск приехал. Он отправился оттуда опять сентября 10 дня, чтоб

итти по Лене-реке водяным путем, сколь далеко возможно будет. В Пеледуйской слободе застиг его замороз октября 10 дня, а 29 числа того ж месяца продолжал он опять путь свой на санях чрез Илимск, Енисейск, Томск и Тару до Тобольска и, пробыв в сем городе от 10 до 25 числа генваря, прибыл в Санкт-Петербург обратно марта 1 дня 1730 году.

Во время морского пути, капитаном Берингом с реки Камчатки на восток предприятаго, а именно в месяце июле 1729 года занесло опять погодою к камчатским берегам близ речки Казаченя, которая течет в Восточное море под полдень от Авачинской губы, японское судно. В самое то время пришел туда казачей пятидесятник *Андрей Штинников* с несколькими человеками камчадалов. Японцы незадолго пред тем вынесли из судна пожитки свои на берег, из коих Штинников, получив несколько в подарки, не был тем доволен. По прошествии двух дней, кои препроводил он у японцев, отшел он от них ночью и скрылся с своими товарищами в близости, дабы видеть, что японцы станут делать. Сии как о приходе Штинниковом великую радость показали, так и о отбытии его немало печалились. Они хотели сискать других людей, и того ради, седши в малое судно, поехали вдоль возле берегу. Штинников приказал камчадалам следовать за японцами в байдаре и всех перестрелять, кроме двух, коих оставить живых, что и учинено. Японцов же всех было 17 человек, а осталось живых – старик да мальчик 11 лет. Захватив все их товары, Штинников приказал разбить судно, чтоб пользоваться находящимся в нем железом, и взял обоих японцов, подобно как военнопленных и невольников с собою в Верхней Камчатской острог. Такое безчеловечие не могло остаться без наказания: Штинников, по произведению над ним следствия, повешен, а японцы в 1731 году привезены в Якутск, откуда следующего году в Тобольск и в Санкт-Петербург отправлены были.

В сем столичном городе обучали их несколько времени, во-первых, российскому языку и началам христианского закона православных веры, потом они крещены, и при святом крещении наречены им имена одному *Козма*, другому же *Дамиян*, а прежде того назывались они *Соза* и *Гонза*. В 1735 году по указу Правительствующаго Сената присланы они в Академию наук, где обучали учеников, которые уже говорили и писали по-японски не худо, как в 1736 и 1739 годах японцы умерли. Они родились в городе *Сацме*. У *Кемпфера* сие имя написано *Сатиума*. На ландкартах означено по португальскому произношению *Саксума*. Сего имени город и провинция находится на полуденном берегу острова *Ксимо*, которой и *Киузино* называется. *Соза* был купец. *Гонзин* отец служил во флоте японском штурманом. Судно их нагружено бумажными и шелковыми товарами, сарачинским пшеном и пищею бумагою. Понеже оному назначено было итти в город *Озакку*, то начальствующей в городе *Сацме* *Инацдаре-Озим-Нокам* дал им для отвозу туда сарачинского пшена на пропитание жителям, потому что в *Озакке* онаго не родится, да бумаги для письма

приказных дел. Токмо до Озакки они не доехали, но застигла их сильная [не]погода, и носило судно 6 месяцев по морю, пока напоследок июля 8 дня принесло к берегам камчатским. Столичной город в их государстве именовали они *Кио*, стоящей при реке *Едогаве*, которая там шириною более версты будет, и недалеко оттуда впала в море. Царь японской по их языку называется *Озама*. Другия подобныя сим известия, кои у них вопросами выведены и записаны, не надлежат до нашего намерения.

Упомянуто было выше о казначьем голове *Афанасье Шестакове*, что он Правительствующему Сенату разныя чинил представления о приводе чукоч непокоривых в подданство. Теперь объявим о учиненных им действиях, кои также до истории сих путешествий касаются. *Шестаков* намерен был усмирить не токмо чукоч, но и *коряков*, живущих около Пенжинской губы и в северной части Камчатки и по то время часто бунтовавших. Он хотел проведать землю, что против *Чукоцкаго носу* и жителей оной призывать в подданство Российской державы. Он обязался учинить еще опыт в прииске объявленной земли на Ледовитом море, также напоследок и в совершенном проведывании островов *Шантарских* и *Курильских*. Велеречие, с каким он чинил свои предложения высоким и нижним, также и вероятность, что сим предприятием много пользы произведено быть может, снискали ему похвалу. Он пожалован был главным командиром особой экспедиции, которой велено было все вышеупомянутое произвести в действо. От государственной Адмиралтейской коллегии в Санкт-Петербурге дан ему штурман *Яков Генс*, подштурман *Иван Федоров*, геодезист *Михайло Гвоздев*, пробовальщик руд *Гердеболь* да 10 человек матрозов. В Екатеринбурге получил он несколько небольших пушек и mortar с принадлежностями.

В Тобольске соединился с ним Сибирскаго драгунскаго полку капитан *Дмитрей Павлуцкой*, и дано обоим 400 человек казаков в команду, да сверх того приказано было всем казакам, живущим в острогах и зимовьях Якутскаго уезда, быть им послушным, куда они приедут.

С сим определением отправился *Шестаков* из Санкт-Петербурга в июне месяце 1727 году. В Тобольске пробыл он ноября до 28 числа, препроводил зиму в верхних местах реки Лены, а летом 1728 году приехал в Якутск. Там произошли между *Шестаковым* и *Павлуцким* некоторыя ссоры, которыя уповательно подали причину к тому, что они друг от друга разлучились, хотя порученныя им дела склонялись к одному общему намерению. Летом в 1729 году приехал *Шестаков* в Охотск, взял там для исправления порученных ему дел суда, на коих капитан *Беринг* недавно пред тем с Камчатки возвратился. На одном судне, называемом *Бот Гавриил*, отправил он сентября 1 дня племянника своего, сына боярскаго *Ивана Шестакова*, приказав ему итти до *Уди-реки*, а оттуда до *Камчатки* и в сем пути осмотреть все на море лежащие острова, и оныя описать.

Сам поехал на другом судне, *Фортуна* имянуемом, в *Тауйской острог*. По нещастию, судно его разбило, причем большая часть людей команды его потонули, и он сам едва спас жизнь свою в лодке с 4 человеками. Сентября 30 дня послал он из *Тауйскаго острогу* наперед казака *Ивана Остафьева* с некоторым числом коряцких князцов вдоль по морскому берегу, приказав ему итти на реку *Пенжину*, и по сей дороге живущих немирных коряков ласкою склонять к послушанию. Сам же, пошед в начале декабря месяца с достальными команды своей людьми, настиг *Остафьева* на дороге, и дошел благополучно до реки *Пареня* и далее за два дни езды от реки *Пенжины*. Там попалось ему навстречу превеликое множество *чукоч*, кои шли на коряков войною. Коль ни малолюдна была команда у *Шестакова*, состоявшая из русских служивых, охотских тунгусов, ламутов и коряков, всех числом не больше 150 человек, однако он отважился дать с чукчами бой. Но успех онаго был неблагополучен. *Шестаков* от неприятелей застрелен стрелою в горло до смерти, а оставшиеся команды его люди разбежались. Сие сражение происходило марта 14 дня 1730 году при реке *Егаче*, впадающей между реками *Паренем* и *Пенжиною* в Пенжинскую губу.

За три дни пред сим нещастием послал *Шестаков* ордер в *Тауйской острог* в такой силе, чтоб казаку *Трифону Крупышеву* итти на мореходном судне в *Большерецкой острог*, откуда отправясь объехать полуденной нос Камчатки, зайти в *Нижней Камчатский острог*, продолжать путь на том же судне до реки *Анадыря* и приводить в ясашный платеж жителей большой земли, против помянутой реки находящейся. А ежели явится у него геодезист *Гвоздев*, и онаго бы ему взять с собою на судно, и показывать к нему всякую благосклонность. Что по сему воспоследовало, о том нет известия. Только ведомо, что геодезист *Гвоздев* в 1730 году между 65 и 66 градусом северной широты в малом разстоянии от Чукоцкой землицы был на берегу чужестранной земли, которая находится против жилищ чукотских, да нашел он там и людей, но за неимением толмача говорить с ними не мог³⁸.

Что надлежит до сына боярскаго *Ивана Шестакова*, то он пошел на боте *Гаврииле* на Камчатку и прибыл февраля 19 дня 1729 году в *Большерецкой острог*. На *Удь-реку* ехать тогда он не мог за противным ветром. Следующаго потом лета ездил он на реку *Удь* и, пришедши в *Удьской острог*, застал там людей, посланных туда от казачьяго же головы *Шестакова*, и мореходное судно, ими построенное, но оно к употреблению не годилось. Оттуда поехал опять на Камчатку. Он видел на пути несколько островов, и напоследок назад в *Охотск* возвратился. Сожалетельно, что за неимением веденнаго тогда на сем судне журнала не можно предьявить здесь о особых пути сего обстоятельствах. В репорте от сына боярскаго *Шестакова*, в Якутскую канцелярию октября 23 дня

1730 году поданном, показаны только дни, в кои что учинено, и оные предъявим мы здесь для доказательства:

Июня	16 дня	1730 году	поехали с <i>Большой реки</i>
Июля	16 дня	"	прибыли на <i>Удь-реку</i>
Июля	19 дня	"	пришли в <i>Удьской острог</i>
"	28 дня	"	пошли оттуда
Августа	13 дня	"	приехали на <i>Большую реку</i>
"	20 дня	"	поехали оттуда
Сентября	5 дня	"	прибыли в <i>Охотск</i>

В то же время, когда Шестаков в Охотск возвратился, штурман *Яков Генс* получил от капитана *Павлуцкаго*, дошедшаго между тем из Якутска по обыкновенной дороге до *Нижняго Колымскаго зимовья* или *острогу*, ордер следующего содержания: что хотя пришла к нему чрез *Анадырской острог* ведомость о смерти казачьяго головы *Шестакова*, но сие не будет препятствием продолжению экспедиции, и ему, штурману, велел на одном из оставленных капитаном *Берингом* в Охотске судов Камчатку вокруг объехать и в Анадырской острог притти, куда и он, капитан *Павлуцкий*, немедленно отправится и прочая. В силу сего ордера, взяв штурман *Генс* судно бот *Гавриил* и отправившись на оном на Камчатку, июля 20 дня 1731 году стоял при устье реки *Камчатки* в таком намерении, чтоб продолжать путь до реки *Анадыря*. Там получил он известие, что того дня камчадалы, взбунтовавшись, пришли в *Нижней Камчатский острог*, большую часть Русских жителей там побили, дома обывательские сожгли, а оставшиеся в малом числе Русские побежали к судну, чего ради *Генс* послал несколько людей, чтоб камчадалов привести паки к послушанию, что и учинилось. Сим остановлен был морской путь на реку *Анадырь*.

Между тем капитан *Павлуцкий* прибыл в *Анадырский острог* сентября 3 дня 1730 году. Оттуда ходил он следующего лета в поход на немирных чукоч, о коем собрал я не токмо письменный, но и словесный известия от людей, в том походе бывших, которыя по разным обстоятельствам, а паче потому достопамятны, что изъясняется ими географическое тамошних стран описание.

Павлуцкий, вступив в поход марта 12 дня 1731 году с 215 Русских, со 160 коряков да с 60 человеками юкагирей, а производил путь свой чрез впадающия в Анадырь реки *Убойную*, *Белую* и *Черную*, потом поворотил прямо на север к Ледовитому морю. Вершина реки Анадыря осталась от той дороги влеве. О других реках неизвестно, для того что не было таких людей, кои бы оныя показать и именовать могли. По прошествии более двух месяцев, в кои на каждый день шли верст около десяти, а иногда и отдыхали, пришел *Павлуцкий* к *Ледовитому морю* к устью немалой реки, в оное впадающей, но никто не знал ея имени. Две недели шел подле берегов по большей части по льду, токмо рек не приметили, потому что часто отдалялись от земли. Напоследок увидели они *чукчей*, которые в великом собрании и вооруженною рукою против их вышли. *Павлуцкий*

приказал их уговаривать чрез толмача, чтоб поддалися Россической державе. Но они в том отказались. Того ради наступил он на них, яко на неприятелей, и имел щастие июня 7 дня збить их совершенно с поля.

По осьмидневном отдыхе продолжал *Павлуцкий* путь свой далее, пришел в конце июня месяца к двум рекам, в Ледовитое море впадшим, коих устья на день езды отстоят между собою. При второй из сих рек июня 30 дня, а по словесным объявлениям в день святых апостол Петра и Павла, происходило с чукчами второе сражение, которое столь же благоуспешно окончалось, как и перьвое.

После сего простояли три дни, потом пришли к *Чукотскому носу* и хотели были итти поперек онаго к *Анадырскому морю*, но *чукчи*, собравшись с обоих морей в великом множестве, дали июля 14 дня с ними бой в третьей раз, на котором с *Чукотской* стороны было урону более, нежели с *Российской* стороны прибытку, потому что и тем *чукчи* к подданству не склонились. Между добычею нашлись и принадлежавшая казачьему голове *Шестакову* вещи, которыя на сражении при речке *Егаче* утрачены были. Таким образом, за *Шестакова* учинено чукчам нарочитое отмщение, а паче для того, что на всех трех боях с *Российской* стороны убито не более как 3 человека русских, один юкагир да 5-теро коряков. Уверяют, что между убитыми на последнем сражении неприятелями найден один, у коего по обеим сторонам рта на верхней губе были дыры, в которыя вставляются зубы, из моржовых зубов вырезанные.

После сей одержанной победы пошел *Павлуцкий* чрез *Чукотской* нос, имея путь нарочито высокими горами, и препроводил 10 дней, пока не дошел до другаго берега, откуда приказал он одной части своей команды итти водою в байдарях. Сам же с большею половиною людей шел по берегу, на юго-восток там простирающемуся, и по все вечера с байдар получал репорты. На 7 день пришли к устью реки, впадающей в море, а по прошествии 12 дней к устью другой реки. Оттуда в разстоянии верст с 10 протягается в море на восток нос, который сперьва горист, а далее пойдет ровен, и конца его не видно. Сей нос, уповательно, тот, от котораго капитан *Беринг* возвратился. Между горами на нем есть и такая, которую жители *Анадырскаго* острога называют *Сердце камень*. *Павлуцкий*, поворотив отсюда в сторону, прибыл октября 21 числа назад в *Анадырск* тою же дорогою, которою шел к *Чукотскому* носу.

О прочих делах сего достойнаго офицера, которой потом пожалован майором, а после подполковником, напоследок же воеводою в *Якутске* умре, не упоминаю здесь для того, что оне не надлежат до сего описания, но паче приступаю теперь к объявлению о второй *Камчатской* экспедиции, которая важностию своею все вышепоказанные дела превосходит, и потому должно оную описать несколько обстоятельнее.

О второй Камчатской экспедиции

Капитан *Беринг* чинил о сем вторичном отправлении свои предложения, которые весьма милостиво были приняты, и как он, так и лейтенанты *Шпанберг* и *Чириков* предъявили себя готовыми отправиться вторично на Камчатку и производить в действо прочия изобретения по тамошнему морю. В разсуждении сего в начале 1732 году капитан *Беринг* пожалован в капитаны-командоры, а лейтенанты *Шпанберг* и *Чириков* флота капитанами. Намерение первой экспедиции здесь не повторялось, понеже тогда находились в таком мнении, будто по оному уже исполнено, но вместо того положено предпринять морем путь под восток к матерой земле Америки и под полдень к Японии, да в тож время, буде можно, проведать проход по Ледовитому морю, который англичане и голландцы неоднократно сыскивать покушались. Правительствующий Сенат, государственная Адмиралтейская коллегия и Императорская Академия наук приняли в учреждении сей экспедиции общее участие, а тогдашней Сената обер-секретарь, бывшей потом штатской советник господин *Кирилов* рачил особливо о сем деле так, что экспедиция скоро желаемой успех возымела.

Первой до ней касающейся из високаго Кабинета в Сенат указ состоялся апреля 17 дня 1732 году. Правительствующий Сенат требовал от Академии, чтоб предложить оному известия о Камчатке и о ближних к ней странах и реках, по то время ведомых. Сие дело поручено было от Академии профессору *Делилю*, которой в силу того сочинил карту³⁹, означив на ней *Камчатку*, землю *Езо* по описанию корабля *Кастрикома*, остров *Голландских Штатов*, землю *компани*, Японию и виденной ишпанским корабельным капитаном *дон Жуан де Гама* берег. И к сей карте приобщил он уведомление, в коем, описав прежния изобретения, предложил способы и средства для учинения новых. По сему явствует, что господин *Делиль* по возвращении своем в Париж запомнил прямья сего дела обстоятельства, когда в поданном 1750 году Парижской Академии наук сочинении⁴⁰ показал он, якобы помянутая карта и уведомление сочинены им еще в 1731 году, и тем будто подал он повод к отправлению второй Камчатской экспедиции.

По внесенной от Академии в Правительствующий Сенат карте и с уведомлением воспоследовал указ, чтоб Академия назначила в предприемлемой капитаном-командором путь профессора для определения подлиннаго новоизобретаемых земель положения астрономическими обсервациями и для наблюдения достопамятных в натуральной истории вещей, а именно: какие звери, произращения и минералы усмотрены будут. Для благоуспешнаго произведекия наук учинилось так, что к вступлению в сей путь оказали охоту двое профессоров Академии, а именно: профессор химии и натуральной истории *Иоган Георг Гмелин* да профессор астрономии *Людвик Делиль де Ла Крёер*, кои, по внесенному в Прави-

тельствующий Сенат от Академии об них доношении, к показанным делам и назначены были. По сем в начале 1733 году объявил и я свое желание к сочинению сибирской истории, к описанию древностей, нравов и обыкновений народов, также и приключений самого путешествия, что от Правительствующаго Сената потому ж за благо принято⁴¹. Поистинне можно сказать, что едва производилось ли где столь многотрудное и долговременное путешествие от всех во оном участие имевших персон с большею охотою и удовольствием, как сие, ибо ни в чем недостатку не было, что принадлежало к поощрению путешествовавших и что к пользе препорученных дел некоторым образом могло способствовать.

Для произведения разных по морю путей приданы от Адмиралитетской коллегии капитану-командору еще следующие морские офицеры, а именно: флота лейтенанты *Петр Ласениус*, *Виллиям Вальтон*, *Дмитрей Лаптев*, *Егор Ендауров*, *Дмитрей Овцын*, *Свен Ваксель*, *Василий Прончищев*, *Михайло Плаутин* да мичман *Александр Шелтинга*. Из них трое назначены к изобретению хода по *Ледовитому морю*, а именно: велено было одному восприять путь с *Оби* до *Енисея*-реки, другому итти с *Лены*-реки на запад до *Енисея* ж, а третьему с *Лены* же реки на восток и, обшедши *Чукоцкой нос*, следовать до *Камчатки*. Производство морского пути от *Архангельскаго* города до *Оби* предоставила Адмиралитетская коллегия непосредственно своему ведомству, к чему определены были от оной флота ж лейтенанты *Муравьев*, *Малыгин* да *Скуратов*. А прочие морские офицеры назначены на суда, коими капитан-командор *Беринг* и капитаны *Шпанберг* да *Чириков* командовать будут, кроме что одному из помянутых лейтенантов приказано было иметь особое судно, потому что определено было с *Камчатки* четырем судам итти в море.

Капитан *Шпанберг* отправился наперед из Санкт-Петербурга февраля 21 дня 1733 году с командою и с тяжелыми судовыми припасами, а по нем апреля 18 дня следовал и капитан-командор, производя путь от *Твери* до *Казани* водою, а от *Казани* чрез *Екатеринбург* сухим путем до *Тобольска*. Тем же путем следовали и мы, Академии наук профессеры. Мы отправились из Санкт-Петербурга августа 8 дня того ж году и капитана-командора в генваре месяце 1734 году застали еще в *Тобольске*. Командор ехал чрез *Тару*, *Томск* и *Красноярск* до *Иркутска*, а из *Иркутска* по большей части водою до *Якутска* по реке *Лене*. Напротив того, капитан *Чириков* путь производил летом 1734 году от *Тобольска* по *Иртышу*, *Оби*, *Кети*, *Тунгусске* и *Илиму* рекам до *Илимска* и прибыл в *Якутск* уже следующего году. Между тем мы, не желая то время, в кое в *Охотске* производится корабельное строение, препроводить втуне, но паче в полезных по наукам нашим упражнениях, отправились разными дорогами и в разные пути, от чего положенныя на нас дела получили немалое приращение. А именно: *де Ла Кроер* поехал с капитаном *Чириковым* водою и, разлучившись с ним при устье реки *Илима*, отправился в *Иркутск*, а оттуда поехал чрез озеро *Байкал* в *Селенгинск*, *Нерчинск* и на

реку *Аргун*. Напротив того, *Гмелин* и я имели путь вверх по *Иртышу* до *Усть-Каменогорской* крепости, оттуда поехали чрез *Колывано-Воскресенской завод*, *Кузнецк* и *Томск* в *Енисейск* и далее чрез *Красноярск* в *Иркутск*, а оттуда в вышереченные же по ту сторону озера *Байкала* страны, в коих препроводили мы все лето 1735 году. Весною 1736 году собралися мы все в верхних местах реки *Лены*. *Де Ла Кроер* поехал прямо в *Якутск*, нигде не останавливаясь. А *Гмелин* и я препроводили паки целое лето, идучи по *Лене*, дабы нам для своих дел тем более времени получить.

Капитан-командор находился тогда в *Якутске* для отправления оттуда в *Охотск* провианта, а капитан *Шпанберг* обретался в *Охотске* при строении корабельном. Но оба имели не много в делах своих успеху. Все происходило так медленно, что тогда не можно было еще узнать, когда путь на *Камчатку* воспоследует. Между тем для убежания праздности положили мы воспрять вновь разные путешествия. Понеже во время приключившагося в *Якутске* у *Гмелина* пожара все путевыя его записки згорели, между которыми паче сожалеть было о тех, которыя он учинил прошедшаго лета при реке *Лене*, ибо с прежних копии в Санкт-Петербург уже посланы были, то сия утрата побудила его летом 1737 году паки вверх ехать по *Лене*, а *де Ла Кроер* производил путь вниз по реке *Лене* до *Жиганскаго* и *Сиктакскаго* зимовей и до реки *Оленика*. Я же ехал с *Гмелиным*, чтоб от него при худом моем здоровье пользоваться. Потом сия болезнь была причиною, что ни я, ни *Гмелин* в *Якутск* назад не возвратились, ибо воспоследовал из Правительствующаго Сената указ, коим освобожден я был от продолжения пути на *Камчатку*; вместо же того велено было мне прочия Сибирския страны, где я еще не бывал, а хотя и был, но на малое время, по возможности объездить, дабы всей Сибири учинить описание тем обстоятельнее. На сие смотря, просил также и *Гмелин* увольнения от *Камчатскаго* путешествия, кое потому ж и получил. По щастию, послали мы в бытность свою в *Якутске* на *Камчатку* студента *Степана Крашенинникова* для учинения там до нашего приезде разных приуготовлений, на коего могли надеяться, что он нужнейшее на *Камчатке* исправит. После сего приехал к нам в 1738 году посланной от Академии профессору *Гмелину* в помощь адъютнт *Георг Вильгельм Штеллер*, который показывал столь великую охоту к восприятию пути на *Камчатку*, а оттуда купно с морскою экспедициею морем, что нельзя было по прошению его не исполнить⁴². Оными двумя, что на *Камчатке* приращению наук чинить надлежало, исправлено со многим искусством⁴³.

Между сим временем, которое помянутым образом проходило токмо в приуготовлениях к главному намерению, производились разные морския путешествия подле берегов *Ледовитаго моря*, дабы проведать, можно ли будет сею дорогою дойти до *Камчатки*. К предприятию морскаго пути от *Архангельскаго города* до *Оби-реки*, во-первых, определен был лейтенант *Муравьев*, который в первое лето 1734 году далее не дошел, как до

реки *Печеры*, и зимовал в *Пустозерском остроге*. В следующее лето прошел он *Вейгатским* проливом так, что остров *Вейгат* остался у него по левую, а матерая земля по правую руку. Русские промышленные, кои ходят на *Новую землю* для промыслу моржей, тюленей, песцов и белых медведей, называют сей пролив *Югорским шаром*. Другой между островом *Вейгатом* и *Новою землею* проход не проведен. Оттуда вышел он опять на пространное море, которое по реке *Каре*, в губу сего моря впадающей, *Карским морем* называется. *Кара*-река известна учинилась еще с тех времен, когда торговые и промышленные люди ежжали от *Архангельского города* на *Обь*-реку и до *Мангазеи*. Кочи свои оставляли они обыкновенно на сей реке, а по ней хаживали они вверх сухим путем до другой реки, впадающей в *Обскую губу*, при которой, построив новыя суда, на оных далее отправлялись. Таким же образом и возвратной путь производили, а чтоб они объезжали большой мыс, от реки *Кары* до 73 градуса и далее на север простирающейся и от самойди *Ялмал* называемой, оное почти невероятно. Подле сего мысу ехал лейтенант *Муравьев* в 1735 году до 72 градусов и 30 минут широты. За ним следовали лейтенанты *Малыгин* и *Скуратов*, которые, объехав мыс *Ялмал* и присмотрев остров против онаго в севере, наименовали его *белым островом* и прибыли в *Обскую губу*, чего ради можно сей путь почесть за совершенно изобретенной и оконченной. Сие учинено в 1738 году.

В сем же году совершен путь и от *Оби* до реки *Енисея* двумя судами, построенными в *Тобольске* лейтенантом *Овцыным* и флота мастером *Иваном Кошелевым*. Сперва лейтенант *Овцын* ездил один и имел только одно судно *дубель-шлюпку*, "*Тоболом*" называемое, длиною в 70, а шириною в 15 футов, которое в 1734 году построено при *Тобольске* и зделано узко для того, дабы тем удобнее между льдинами проходить можно было. На сем судне дошел он перваго лета до 70 градуса широты и принужден был для осеняго времени возвратиться в *Березов*. Следующаго потом лета доехал он до 69 градуса, под которою высотой *Тазовская губа* соединяется с *Обскою губою*. Третьяго лета возвратился он назад для многих льдов от 72 градуса и 30 минут, оставшись в сумнении, можно ли сей путь благополучно окончить. Тогда прислан был от государственной Адмиралтейской коллегии ему в помощь мастер *Кошелев*, которой, построив при *Тобольске* же корабельной бот *почтилион* "*Обь*", отправился вместе с лейтенантом *Овцыным*, и в 1738 году оба суда не токмо мыс *Матзол*, от *Обской губы* на восток лежащей, обошли благополучно, но и без всякаго препятствия в реку *Енисей* прибыли.

Оной же бот отправлен того ж лета под команду штурмана *Федора Минина* в другой путь, чтоб тому судну, коему приказано было идти с *Лены* до *Енисея*-реки, следовать навстречу. Однако сие не удалось. *Минин* ехал до 73 градусов и 15 минут к северу, пока для протянувшейся далеко в море матерой земли можно ему было поворотить на восток. А

проехав устье реки *Пясиды*, принужден был возвратиться назад за большими льдинами, кои никакого проходу не позволяли.

То же случилось и отправившейся из *Якутска дубельшлюпке*, "*Якутск*" называемой, коей велено было проведать путь от реки *Лены* к реке *Енисею*. Сим судном командовал лейтенант *Прончищев*, которой, отправясь из *Якутска* июня 27 дня 1735 году, дошел того лета не далее как до устья реки *Оленка*, при которой несколько верст от ея устья находится Русская деревня, где он зимовал. Следующаго лета проехал он реки *Анабару*, *Хатангу* и *Таймуру*, только не дошел до устья реки *Пясиды*. Тут увидел он множество островов, лежащих рядом от материка к северо-западу, между коими проливы везде наполнены были льдом так, что пройти ими никак было невозможно. А хотя *Прончищев* и всячески старался, чтоб оные острова объехать, однако сего не учинилось. Ибо под 77 градусом и 25 минутами дошел он до твердо стоящаго льду, чего ради принужден был назад возвратиться. Он и жена его, которая от горячей к нему любви поехала с ним в сей трудной морской путь, отправились из зимовья уже весьма больны, а болезнь их день от дня умножалась. Возвратившись августа 26 дня на реку *Оленек*, скончался *Прончищев* по прошествии нескольких часов. Потом вскоре скончалась и жена его. Всякой, кто его знал, засвидетельствует, что он был офицер весьма искусной и прилежной, и для того все об нем сожалели.

На место его прислан в 1738 году из Санкт-Петербурга лейтенант *Харитон Лаптев*, которому велено было берега описать сухим путем, ежели нельзя будет далее итти морем. Понеже он сие учинил, то было оно главною пользою его путешествия. Ибо в восприятом 1739 году морском пути имел он такая же препятствия, какия *Прончищева* возвратиться с моря принудили.

Последней путь по Ледовитому морю восприят был для изъискания от *Лены* на восток проходу до Камчатки. Назначенное к тому судно назвалось *бот "Иркутск"*, на коем лейтенант *Лассениус* определился командиром. Отправившись из *Якутска* июня 30 дня 1735 году, вышел он с устья реки *Лены*, или, лучше сказать, от *Быковского мыса*, в море августа 7 дня, но еще в 14 день того ж месяца за противным ветром, густым туманом, носимым льдом и идущим великим снегом принужден был искать пристани для зимования. Несколько дней прошло, пока нашли место, к сему намерению способное. Августа 19 дня *Лассениус* зашел в реку *Хараулах*, впадающую между *Леною* и *Яною* реками в Ледовитое море. От устья оной реки в версте находилось несколько якутских пустых юрт. Подле их приказал *Лассениус* построить большую казарму с несколькими перегородками, чтоб перезимовать ему в ней с людьми своей команды. Но напала на него и на большую часть людей такая жестокая цынготная болезнь, что из 52 человек, на судне из *Якутска* отправившихся, кроме шести человек, октября 14 дня посланных к капитану-командору в *Якутск* с репортом, осталось живых только священник, подштурман *Ртищев* да

7 человек рядовых. Сам *Лассениус* умер всех прежде декабря 19 дня. Да в том же месяце умер еще один человек. В генваре было умерших 7, в феврале – 12, в марте – 14, в апреле – 3 человека. В мае уже никто не умер. Еще при жизни лейтенанта *Лассениуса* некоторые люди его команды сказали на него слово и дело, чего ради, команду у него отняв, препоручили оную подштурману *Ртищеву*. Как о том известно учинилось в Якутске, то послал туда капитан-командор подштурмана *Щербинина* да 14 человек рядовых с приказом, чтоб ответчика и доносителей возвратить в Якутск. Но они уже все померли, как июня 9 дня *Щербинин* пришел на реку *Хараулах*. *Ртищеву* надлежало отвечать, чего ради пошел он июня 11 дня в Якутск с достальными 7 человеками. Во время зимования сей команды видно было там солнце ноября 6 дня впоследствии, а генваря 19 дня показалось оно опять впервые. Мая 29 дня начало лед ломать на реке *Хараулах*. Высота полюса в тамошнем месте, по наблюдению лейтенанта *Лассениуса*, усмотрена 71 градус и 28 минут. А преемником его 71 градус и 11 минут.

На место *Лассениуса* отправлен был лейтенант *Дмитрей Лаптев*, которой из *Якутска* поехал в начале лета 1736 году с новою командою и с провиантом. Как он прибыл на устье Ленское, то море льдом было наполнено, однако между льдом и берегами находился узкой фарватер, по коему в лодках пройти можно было. Сим способом приехал он на реку *Хараулах*, где бот стоял, токмо нельзя ему было пуститься оттуда в море ранее, как августа 5 дня. Перьвое его старание было, чтоб принять на судно провиант, который при устье Лены-реки был оставлен. Потом вступил он августа 15 дня в настоящей путь. А дабы скоряе дойти до находящагося между рекою *Яною* и *Индигиркою* или, свойственнее говоря, между *Чендоном* и *Хромою* реками и далеко в море протянувшегося мыса, *Святым носом* называемаго, ибо море тогда ото льду было чисто, то держал он курс на северо-восток, но чрез двои сутки увидел к востоку и северу столь много стоячаго льду, что пресекалась у него вся надежда к дальнему проходу. По имени совета единогласно заключено, чтоб возвратиться к реке Лене. Между тем судно окружено было льдом так, чтоб с юго-западной стороны осталось ходу только на четыре румба. Однако прибыл он благополучно к устью Ленскому и следовал вверх по реке Лене, пока сентября... дня* при устье речки *Хотюштаха* для великаго множества встречающагося с ним льду остановился и там зимовал. Цынготная болезнь начала и тут между матрозами сильно разпространяться, однако они пользовались декоктом, вареным из шишек растущаго там niskими деревцами кедра, и по тамошнему обычаю сырою мерзлою рыбюю. Сим способом и прилежною работою, и движением тела большая часть людей от оной болезни предохранены, а кои больны были, те выздоровели.

* Пропуск в тексте. – Ред.

Мы находились тогда в Якутске, как в начале 1737 году получен был от лейтенанта *Лантева* репорт о предъявленном неудачном пути, вторично предпринятом. В данной от Правительствующаго Сената капитану-командору инструкции написано было, ежели де какой морской путь первым проходом не совершится, то отведать в другой раз в тот же путь отправиться. А буде и тогда явятся препятствия, то б командующей офицер прислан был в Санкт-Петербург для учинения Правительствующему Сенату и Адмиралтейской коллегии об оных путях известия. Тогда предпринямы были уже два путешествия. Но лейтенант *Лантев* ходил из оных токмо в один путь. Для сей причины капитан-командор находился в сумнении, какое в сем случае определение учинить. По той же Правительствующаго Сената инструкции велено ему в сумнительных случаях иметь совет с нами. Того ради он и требовал нашего о том мнения. Но мы не могли разсудить инако, как, чтоб дело сие представить на высокое Правительствующаго Сената разсуждение. В то время уже собраны были мною из архивы Якутской канцелярии известия о прежних морских путешествиях, по Ледовитому морю учиненных, о коих в начале сего описания представил я сокращенно, к которым присовокупив еще другие известия о тогдашнем Ледовитого моря состоянии, кои получил я от людей, при Ледовитом море бывших, сообщил я оное сочинение для споспешествования при новых отправлениях общей пользы господину капитану-командору, а от него оно послано в Санкт-Петербург, где в 1742 году в "Санкт-Петербургских примечаниях" и напечатано.

Посему капитан-командор послал к лейтенанту *Лантеву* ордер, чтоб он на боте "Иркутск" со всею командою назад в Якутск ехал. По приезде своем туда восприял он путь в Санкт-Петербург, а отсюда в 1738 году паки в Сибирь возвратился с таким определением, чтоб чинить еще один опыт, не можно ли будет пройти по Ледовитому морю, как то по обретенным мною известиям за много лет до того учинено было действительно. Ежели же найдет он непреодолимая трудности, то б ему итти по берегам сухим путем и, оныя описав обстоятельно, сочинить им достоверную ландкарту. Должно признаться, что сей искусной и трудолюбивой офицер всеми мерами старался, чтоб по данному ему указу учинить совершенное исполнение, хотя не везде имел он успехи, с желанием его согласные. Прибыв в Якутск по перьвой полой воде 1739 году и отправяся на прежнем своем судне, приехал к Ледовитому морю, на кое вышел июля 29 дня, прибыл августа 15 числа к *Святому носу*, а в конце сего месяца к устью реки *Индибирки*, где уже были столь великие морозы, что судно его 1 сентября замерзло. Он бы зашел в одно из устей реки *Индибирки*, ежели бы они не явились для судна его мелки. Ветром бот с того места оторвало и отнесло далее в море, где сентября 9 дня вторично замерз верстах в 60 от берегу. Старание было только о том, чтоб судовые и съестные припасы перенести на землю, что и учинено. Судно же по необходимости на море оставлено. После того лейтенант *Лантев*, препроводив зиму при реке *Индибирке*, отправился в небольшом судне подле

берегов на реку *Колыму*. А далее за опасностью от чукоч ни берегом, ни же водою следовать не мог. Того ради пошел он сухим путем в *Анадырск*, а оттуда к устью реки *Анадыря*, и тем окончил путь свой, после коего других путешествий по Ледовитому морю предпринимано не было⁴⁴.

Ежели теперь рассуждать по всем предъявленным путешествиям, то польза приобретена сия, что посредством их отчасти география тамошних стран получила великое приращение и ббльшую достоверность, а отчасти доказана совершенно невозможность судового ходу по Ледовитому морю, как то прежде сего англичане и голландцы для сыскания ближайшаго пути в Индию по сему морю пройти покушались, чего ради уповательно ныне уже никому на мысль не придет, чтоб еще производить кораблеплавание по показанному морю. Ибо надобно, во-первых, чтоб такой путь, дабы происходил с пользою, мог быть совершен одним летом. Но мы видели, что не по всякое лето и от *Архангельскаго города* до *Оби*, а оттуда до *Енисея*-реки проходить можно. Четыре года прошли, как предприятия порознь сии путешествия окончаны токмо по однажды. И не имели ли також голландцы и англичане в путях своих чрез *пролив Вейгатской* премножество трудностей? К тому ж надлежало бы о всякой по Ледовитому морю стране знать точно, что там ни матерая земля, ниже острова судовому ходу нигде препятствовать не будут. Но как сие можно сказать о стране между *Енисеем* и *Таймурою* реками, где от матерой земли, которая и сама далеко подалась к Северу, простирающимися весьма далеко по морю островами как с одной, так и с другой стороны дальней проход пресекается. *Земля Ельмерская*, означенная *Газием*⁴⁵ на его ландкарте о Российской империи по старинным известиям, якобы изобретена в 1664 году, и коею соединил он *Новую землю* с Сибирью, хотя и совсем неосновательна, но сии острова не меньше трудностей причинять могут. То же сказать можно и о превеликих льдинах, усмотренных в восточной стороне от *Ленскаго устья*, кои стоят там неподвижно. Оне и подают причину сомневаться о справедливости того мнения, по которому иные рассуждают, что не подле берегов, но далее от них по свободному морю близ севернаго полуса путь произвесть должно. Сие правда, что такой путь был бы гораздо короче, но препятствия, чаятельно, явятся те же. Ибо когда реченныя большия льдины, каковыя присмотрены и около *Гренландии* и *Новой земли*, стоят неподвижно, то должно чему ни есть быть, чтобы удерживало их от движения, в которое приведены бы были они от ветров и от моря. Сие может делаться от того, что лед до севернаго полуса продолжается непрерывно, или под полусом, или близ онаго есть земля, о которую означенныя большия льдины упираются, что делаться может и к большим по морю мелям, ибо под водою находятся оне еще глубже, нежели стоят поверх оной. Как сильно капитан *Вуд*⁴⁶ в 1676 ни утверждал еще до вступления своего в путь, что де можно по морю пройти, следуя близ севернаго полуса, однако невозможность сего очувствовал он, когда в самом пути о всех обстоятельствах онаго

удостоверился. Я хотя выше сего при описании морских путешествий, в прежния времена по Ледовитому морю учиненных, не мог найти достоверных доказательств о той большой земле, о которой слух тогда приходил, что в Ледовитом море находится. Но из того не следует, чтоб совсем оной не было. Берег американской, находящейся против земли Чукотской, может простираться на знатное расстояние к западу и северу, хотя нам того неизвестно. Буде же сие так, то как оной, так и стоящая у онаго неподвижно высокая льдины препятствием будут тем, кои близ полуса путь свой производить станут. Да и подле берегов нельзя уже надеяться такого свободного ходу, каковой с лишком за сто лет пред сим промышленные и торговые люди имели. Общее наблюдение, что вода в море убывает, и здесь примечается. По берегу Ледовитаго моря находятся деревья, водою принесенные, на таких вышинах, до коих ныне ни прилив морской, ни волны не доходят. Не в дальнем расстоянии от устья *Янскаго* по западную сторону, как сказывают, стоит старинной коч уже в 5 верстах от нынешняго морскаго берега. По сему должно заключить, что там берег на немалое расстояние чрезвычайно отлог, что подтверждается и словесными объявлениями тех людей, которые многократно при Ледовитом море бывали. Сия же перемена судовому ходу весьма бесполезна, ибо оной производился от большей части между льдом и матерю землею по фарватеру не очень широкому, которой от времени до времени становится мельче. Между *Индириккою* и *Колымою* реками еще в 1709 году едва можно было ходить на *шитиках*, которые, однако, меньше прежних кочей и ходят по воде не столь глубоко, что засвидетельствуется письменными доказательствами. Буде же употреблять суда еще меньше шитиков, то, хотя оне для таких мелких мест и способны будут, но понеже местами есть и крутые каменные мысы, в море простирающиеся, то такая суда при них тем меньше полезны быть имеют, умалчивая, что и к намерению путешествия совсем негодны. Другия препятствия касаются особливо до судов иностранных, буде в сей путь они отправятся. Как в наше время велено было производить путешествия по Ледовитому морю, то высланы были на все в Ледовитое море впадающая реки люди, коим приказано было при устьях поставить с наноснаго лесу большие маяки, дабы мореплаватели при прибытии их в тамошня страны по оным путь свой направлять могли. На разных местах по берегам построены были магазейны, дабы из них в случае нужды брать съестные припасы. Всем языческим народам, около тамошних стран живущим, дано знать о предприемлемых тогда путешествиях с таким приказом, чтоб они мореплавателям по первой ведомости ускоряли вспоможением. Таковыми выгодами чужестранцы пользоваться не могут. Им надобно только надеяться на себя самих, но такая надежда скоро может быть тщетною. Чего они с собою не возмунт, того достать там им нельзя, а хотя бы и можно надеяться, что тамошние народы и иностранным судам помогать не отрекутся, токмо редко бывают они по берегам морским, но охотнее ходят вверх по рекам для зверинаго промыслу. Каких же печальных

следствий иностранному судну ожидать не должно, когда оно (как *Гемскерк* на Новой земле) зазимовать принуждено будет? Обычай чужестранных мореходцев и содержание их себя пищею ни мало для зимования в северных странах негодны. Водкою, солониною и сухарями не можно спастись от цынготной болезни. А то здоровью еще вредительнее, что матрозы, находясь без дела, кроме что исправить надобно им в их жилище, поневоле не будут иметь движения телу. В таковых случаях может служить примером обычай Русских людей, кои от города Архангельскаго почти погодно ходят на Новую землю и там без всякаго вреда зимуют. Последуя в сем самояди, пьют они часто оленью свежую кровь. Вино, которое берут в путь, еще не доехав до Новой земли выпивают, не едят ничего соленого и сушеного, но питаются свежою дичиною, которою промышляют, а паче дикими оленями. К хождению за зверьми на промысел требуется всегдашнее движение, и потому на всякой день не остается никого из них в жилище, разве воспрепятствует иногда вытти им чрезвычайно большая буря и снег превеликой. К тому ж защищаются они от стужи добрыми теплыми шубами, а у иностранных мореходцев такой одежды не бывает. Сих причин, по моему мнению, кажется довольно к отвращению всякаго народа от таковых предприятий. Мы же и поныне находились бы во всегдашнем о сем сумнении, естли бы предъявленные путешествия по Ледовитому морю о том нас не удостоверили⁴⁷.

Теперь приступаем мы к главному *второй Камчатской экспедиции* намерению, которое состояло в том, чтобы производить от Охотска на восток и на юг морския путешествия для сыскания пути в *Японию* и для изобретения ближайших стран *Северной Америки*. Капитан *Шпанберг* прибыл в *Якутск* еще в июне месяце 1734 году, отправился оттуда на тех же судах, на коих до *Якутска* ехал, производя путь по *Алдану*, *Мае* и *Юдоме* рекам, в такой надежде, чтоб еще до наступления зимы поспеть к *Юдомскому кресту*. Но за наставшими морозами принужден он был остановиться, не доехав до помянутаго места за 150 верст с лишком. Оттуда разсудил он за благо с небольшим числом людей команды своей наперед итти пешком до *Юдомскаго креста* и до *Охотска*. А дабы не иметь ему там в нужнейших вещах недостатку, то капитан-командор послал туда весною в 1735 году на сте лошадях муки, положи по тамошнему обыкновению на каждую лошадь по пяти пуд. Посем старание производило о перевозе из *Якутска* к *Юдомскому кресту* судовых материалов и съестных припасов на предбудущие годы, к чему употреблены были пришедшия с капитаном-командором суда и другия, кои построены в *Якутске* и при устье реки *Маи*. Сия перевозка учинилась в 1736 году летом под командою капитана *Чирикова*, которой следующею зимою поехал в *Охотск*. А в 1737 году летом перевезено к *Юдомскому кресту* по той же дороге лейтенантом *Вакселем* 33 000 пуд провианту и материалов. Оттуда же они отправлены были зимою на реку *Урак*, где между тем временем построили новыя суда, и на оных сплавка того провианта и материалов по

первой полою воде, потому что сия река летом бывает весьма мелка, производилась далее до *Охотска*. Место вверху реки *Урака*, где суда нагружают, названо *Уратским плотбищем*. Оно находится почти на половине дороги от *Юдомскаго креста* до *Охотска*. А от онаго по кривизнам реки *Урака* считают до моря верст около 200, которое разстояние для быстрого реки течения суда в 17 часов переходят без гребли. Между тем капитан *Шпанберг* построил в *Охотске* для предприемлемаго им до *Японии* пути два судна, а именно *зукор* под именем "Михайла Архангела", да *дубельшлюпку* "Надежду", которыя к концу лета 1737 году совсем изготовлены были. Капитан-командор *Беринг*, прибыв тем же летом в *Охотск*, заложил там два *пакетбота* для пути к *Северной Америке* да два ж судна провиантских для употребления их до *Камчатки*. Все сии суда отделаны летом 1740 году, и пакетботам даны имена: одному "Святой Петр", другому "Святой Павел". Перевозка провианта от Якутска до *Юдомскаго креста*, а оттуда до *Охотска* продолжалась все те годы непрерывно, чему весьма способствовало то, что, по представлению капитана-командора, присланы были в Сибирь от Адмиралтейской коллегии в 1738 году двое от флота лейтенантов *Василей Ларионов* да *Гаврило Толбухин*, из коих первый пребывал в *Якутске*, а другой в *Иркутске*, и имели старание о исправлении всяких для *Камчатской* экспедиции потребностей.

В 1738 году восприял путь в *Японию*⁴⁸. Капитан *Шпанберг* взял для себя *зукор* "Михайла Архангела", а лейтенант *Вальтон* *дубельшлюпку* "Надежду". Бот "Гавриил", построенной во время первой *Камчатской* экспедиции, употреблен был к сему ж пути и препоручен мичману *Шелтинге*. С сими тремя судами пошел капитан *Шпанберг* в море в половине месяца июня 1738 году. Ранее нельзя было ему выехать для того, что по морю множество льду ходило; он и тогда еще имел немало труда промеж льда пробиваться. Курс свой держал он, во-первых, на *Камчатку* и, пришед на *Большую реку*, делал приуготовления к предбудущему своему зимованию. Немного побыв там, восприял путь к *Курильским островам* и, следуя подле оных между югом и западом, дошел до 46 градуса широты, но оттуда за поздним осенним временем принужден был возвратиться на *Камчатку* с тем намерением, чтоб будущего лета выйти ранее в море и окончить путь свой. Во время зимования своего на *Камчатке* построил капитан *Шпанберг* в *Большерецком остроге* из березоваго лесу большую яхту, или покрытую шлюпку о 24 веслах, назвав оную "Большою рекою", а намерение при том было такое, чтоб употреблять сие судно тем способнее при проведывании островов, буде *зукером* и *дубельшлюпкою* удобно между ими пройти не можно будет.

В 1739 году мая 22 дня начат путь с *Большой реки* на помянутых четырех судах. Они дожидались друг друга у первых *Курильских островов*, где капитан находящимся у него в команде офицерам дал потребныя

инструкции и учинил распределение о произвождении сигналов. После сего, отправяся июня 1 дня далее в путь, держали они курс свой, вопервых, промеж юга и востока почти до 47 градуса широты, токмо земли не выдали, а потом шли между югом и западом, дабы притти им опять к островам Курильским, что и учинилось. Июня 14 дня возстала жестокая буря с густым туманом. Сие было причиною, что лейтенант *Вальтон* с дубельшлюпкою отдалился от капитана *Шпанберга*, и, хотя они искали себя два дни и сигнал давали пушечными выстрелами, однако нигде в сем пути не сошлись. Каждой из них путь производил особо. Оба пристали к *Японии* в разных местах и, по возвращении своем оттуда, объявили капитану-командору репортами следующее:

Капитан *Шпанберг* июня 18 дня, подъехав к *Японии*, стал на якоре на глубине 25 сажен и, по усмотрению своему, числил, что он находился под 38 градусом 41 минутою широты. Там оказались множество японских судов и несколько деревень на земле, также и хлеб, стоящей на поле, а какой, того признать не можно было. Вдали видны были и леса нарочито высокие. Два японския небольшие судна шли к нашему на гребле, но, остановяся на веслах саженях в 40 от гукора, не хотели подойти ближе. Как наши им махали, чтоб они к судну приблизились, то и они чинили то ж, давая знать, чтоб капитан подошел ближе к берегу. Но он к берегу пристать опасался, также и долго не стоял на одном месте, чтоб японцы не напали на него нечаянно; иногда разъезжал он по морю, а иногда, по усмотрению обстоятельств, к земле опять приближался. Июня 20 дня видели паки множество судов японских, на коих людей было человек по двенадцати. Июня 22 числа капитан стал на якоре в другом месте под 38 градусом 25 минутами широты. Там подъехали к нему японцы в двух рыбацких лодках и, взошед на его судно, променивали свежую рыбу, сарачинское пшено, листовый табак, соленые огурцы и другия мелочи на разные Российские товары. Казалось, что сукна и суконное платье, также синей стекляной бисер пред прочими товарами японцам были приятны. Бумажных и шелковых материй, зеркал, ножей, ножниц, игол и других подобных сим вещей, кои показывали им, не брали, потому что все сии товары в их земле находятся. При промене своих товаров поступали японцы учтиво и справедливо. Получено от них и несколько золотых денег, кои делаются у них продолговатыми четырехугольниками, таких же, каковыя описаны и изображены *Кемпфером* в его путешествии⁴⁹. Цветом оне не столь ярки, как голландские червонцы, также и весом их несколько легче, ибо случилось мне оныя видеть, и, сравнивая их с голландскими червонцами, приметил я в весу между ими разность до двух гран. На другой день увидели наши в близости 79 таких же рыбацких лодок, кои были все с кормы плоски, а с носу востры, шириною от 4 1/2 до 5, а длиною около 24 футов, посредине с палубою, а на палубе по небольшому очагу. Руль снимается, и когда в нем нужды нет, кладется в лодку. У иных находилось по два руля кривых, один на одной стороне, а другой на другой. На сих судах веслами гребут стоя. Также были на них небольшие

железные якоря четверорогие. Сверх сего примечено, что как на сих, так и на других японских судах вместо обыкновенных у нас железных гвоздей и скоб были медные. Другаго манеру суда были бусы, кои употребляются у них к развозу товаров на околележащие острова, также и по местам на самых берегах японских, в дальнем разстоянии находящимся. Сии суда гораздо более прежних и сзади таковы ж остры, как и спереди, людей на них бывает более и ходят хорошо на парусах, токмо не иначе как по ветру, и для того при противных погодах часто в море заносятся, где обретающиеся на них люди за незнанием мореплавательной науки сами себе помогать не умеют, но предают себя судьбине. Такие бусы заносены бывали в разныя времена к берегам камчатским. Японцы от большой части малорослы, лицом смуглы, глаза имеют черные, а носы плоские. Сростые мужескаго полу люди волосы бреют ото лба до темя, а оставшияся назади волосы чешут гребнем и намазывают клеем, так что лоснятся, на затылке же их завязывают и обертывают бумагою. У малых робят выбривают только на темя лысину величиною от полутора до двух дюймов, а волосы около ея убирают таким же образом, как и сростые. Платье носят долгое и широкое, похожее на европейские шлафоры, штанов не употребляют, но вместо оных нижнюю часть тела обертывают полотном. Прежде отъезду от сего места капитана *Шпанберга* пришла к судну его большая лодка, в коей, кроме гребцов и других работных людей, находилось четыре человека, которые по шитому их платью и по другим признакам казались быть людьми знатными. Капитан позвал их к себе в каюту. При входе во оную поклонилися ему до земли, подняв руки вверх и сложа их вместе, держали над головою и стояли на коленях до тех пор, пока капитан их встать не принудил. Он подчивал их водкою и кушаньем, что казалось им не неприятным. Как капитан показал им морскую карту сим странам и глобус, то узнали они тотчас свою землю, которую называли именем *Нифон*. Они приметили и острова *Матмай* и *Садо*, также и на мысы *Сангар* и *Ното* перстами указывали. При отходе поклонилися они также в землю, изъявляя свою благодарность за то, чем они довольствованы были. Того же дня пришед опять и вышеобъявленные рыбацьи лодки, привезли с собою на продажу разныя мелочи, кои променивали на Российские товары. Тогда капитан *Шпанберг* находился в том мнении, что он главное путешествия своего намерение, которое касалось до проведения подлиннаго положения *Японии* в разсуждении Камчатки, исполнил. И того ради по прошествии нескольких дней вступил он в путь возвратной, в коем из виденных им прежде островов, мимо которых ехать ему паки надлежало, присмотрел он один, о коем я здесь несколько предъявлю, ссылаяся, впрочем, на сочиненную о сем путешествии карту, которая напечатана в "Российском Атласе"⁵⁰. Он держал курс свой на норд-ост и, прибыв июля 3 дня под 43 градус 50 минуту широты к большому острову, стал пред оным на глубине 30 сажень и послал яхту свою с ботом к берегу для сыскания свежей воды. Отправленные люди не могли нигде пристать, потому что берег состоял

из камня утесу. Для сего капитан поехал на другое место и оттуда послал опять бот, которой и привез хорошей свежей воды 13 бочек. На острове растет березник, сосняк и другой лес, нашим неизвестной. Посланные присмотрели и людей, кои, увидя их, разбежались. Найдены там коженые лодки и лыжи, деланныя по курильскому и камчатскому манеру. Сим побужден был капитан подъехать к острову ближе и зайти в залив, где стал на глубине восьми сажень на якорю. На берегу сего залива стояла деревня. К ней отправил капитан несколько человек в шляпке, которые, взяв из островных жителей восемь человек, привезли их с собою к судну. Оные жители станом и лицом походят на *курулов* и тем же говорят языком, а главная разность между ими состоит в том, что по всему телу имеют долгие волосы. Бороды у них черныя, а у старых людей все седья; некоторые носят в ушах кольца серебряныя, платье их, до пят простирающееся, делано из шелковых матерей разнаго цвету. Притом сие особливо, что ни чулков, ни башмаков на них не усмотрено, но что босыя ноги долгим платьем покрываются. Наши подчивали их вином и дарили разными мелочами, кои принимали они с великою благодарностию. На судне увидев живаго петуха, пали они на колена и, жжав руки, держали над головою и поклонялися до земли, как пред петухом, так и за полученные подарки. Потом приказал капитан отвезть их опять на берег.

Июля 9 дня, отправившись от сего острова далее, проводывал он положение и прочих островов, в тамошней стране находящихся, чтоб с достоверностию означить оные на карте. В сем пути было не без опасностей и злключений. Иногда судно шло глубиною не более трех, четырех и пяти сажень. Многие матрозы заболели, и некоторые из них померли. По сем июля 23 дня, держа курс на юго-запад, пришел он под 41 градус 22 минуто широты к острову *Матмаю* и там, застав три большия японския *буса*, приуготовился к бою, ежели оне его атакуют. Для сей притчины не посылал он ни судна на берег, ни сам не останавливался на якорю, но отправился июля 25 дня в обратный путь на *Камчатку*. Августа 15 дня, прибыв на устье *Большой реки*, там остановился, чтоб матрозам дать немного отдохнуть. Августа 20 дня вступил он опять в путь, и того ж месяца 29 дня прибыл в *Охотск*, куды еще прежде его возвратился лейтенант *Вальтон*, из котораго репорта предложу я здесь также достопамятное.

Лейтенант *Вальтон*, разставшись июня 14 дня во время непогоды с капитаном *Шпанбергом* и стараясь, но без успеху, с ним опять сойтися, принял намерение искать *Японии* без дальнаго потеряния времени, которую и увидел чрез два дни, а именно июня 16 дня под выотою полуса 38 градусов и 17 минут. По его изчислению, находился он тогда от перьваго *Курильскаго острова* в 11 градусах 45 минутах долготы под запад. Идучи далее к полудню до 33 градуса 48 минуты, следовал он по большой части подле берегов и усмотрел следующее. Июня 17 дня, по приближении своем к берегу, увидел он 39 японских судов величиною с Российския галеры,

и казалось, что они из гавани выходили, но вскоре по разным местам разошлись. На них парусы были прямые, китайчетые, полосатые, синие да белые, а иные все белые. *Вальтон* следовал за одним из сих судов, чтоб найти гавань, но вместо того увидел большую слободу, или город, пред которым он остановился на глубине 30 сажень. 19 числа подошло к нему японское судно с 18 человеками. Понеже японцы весьма учтиво поступали и всеми признаками давали знать, чтоб наши сошли к ним на берег, то лейтенант отправил туда на елботе подштурмана *Льва Казимерова* да квартирмейстера *Черкашенина* с 6 солдатами с ружьем, дав им две порожняя бочки для взятия свежей воды, также и некоторые вещи для подарения японцам, дабы склонить их к дружбе. Как сии посланные приблизились к берегу, то встретили их мелкия суда, коих более 100 было, и шли подле елбота столь близко, что насили можно было весла на нем поворачивать. Японские гребцы были по пояс наги и показывали червонцы, коих у них было немало, в знак, как казалось, того, что они с приезжими в торг вступить желают. Между тем елбот привалил к берегу, а мелкия суда в некотором разстоянии назад остались. На берегу находилось превеликое множество народа. Все кланялися приезжим. Японцы, вынявши две порожняя бочки из елбота, с великою услужливостию налили оныя водою и принесли опять туды же. Между тем подштурман и квартирмейстер с 4 человеками салдат вышли на берег, а двое салдат остались на елботе для караулу. В городе находилось домов деревянных и каменных с 1500 и занимали вдоль по берегу места около трех верст. *Казимеров*, видя в которой дом несли бочки, вошел во оной. Хозяин встретил его у дверей весьма ласково, привел его в один покой и подчивал вином из фарфоровых чашек, также и закусками, принесенными на фарфоровой же посуде. Закуски состояли из винограду, яблоков, померанцов и редьки в сахаре. Из сего дому пошел он в другой, где его приняли с такою же учтивостию, и сверх того поставили ему варенаго сарачинскаго пшена для кушанья. Таким же образом угощены были и квартирмейстер, и салдаты, с ним находившиеся. *Казимеров* дарил благодетелей своих, также и тех людей, кои потрудились водою налить бочки, бисером и другими мелочами. Потом ходил он небольшое время по городу и присмотрел везде чистоту и порядок как в домах, так и по улицам. В некоторых домах находились лавки, в коих продавались от большой части бумажные товары. Шелковых материй за скоростию не приметил. Лошадей, коров и кур было множество. Тамошние полевые плоды состояли из пшеницы и гороху. Возвратно идучи на елбот, увидел *Казимеров* двух человек с саблями, а один имел в руках и две сабли. Их опасаясь, поспешал он к судну. Японския мелкия суда, коих числом было более 100 и на которых находилось человек по 15, следовали за елботом, чтоб осмотреть российское судно в близости. На одном японском судне ехал знатной человек, которой приказал бросить в елбот канат, дабы наши притянули оным ближе к себе малое его судно. По изрядному его шелковому платью и по чести, отдаванной ему от людей, с ним бывших, наши заключили,

что он был начальник того места. Взошедши на судно к лейтенанту, подарил он ему сосуд с вином, которое лейтенант привез с собою в Охотск. Вино было темно-красно, нарочито крепко и вкусом не неприятно, только несколько кислото, но, может быть, что кислотность получило оно вино на море от теплого воздуха. Напротив того, лейтенант подчивал гостя своего и его свиту кушаньем и питьем, причем оказалось, что Русское вино японцам не было противно. В то же время торговали Российские матрозы с японцами. Все, что у них ни было, так что и старья рубахи, чулки и другия многия вещи японцам нравились, и они платили за них медными деньгами, которыя имели посредине, равно как и китайския, четырехугольную дыру, и надеты были на нитку. Напоследок предъявленной знатной японец поехал назад в город с засвидетельствованием своего удовольствия и благодарности. *Вальтон же*, видя множество мелких судов, судно его окружающих и час от часу еще более умножающихся, начал их опасаться и для того приказал поднять якорь и пошел далее в море, учинив наперед один выстрел из пушки. Июня 22 дня, прибыв опять к земле, бросил он якорь на глубине 23 сажен, но якорь не здержал, чего ради принуждены были опять оной вытащить. Они проводывали, не находится ли где лучшего места для пристанища, но берег везде состоял из крутого камня. В одном месте увидели суда, которые, хотя немалые были, однако встаскиваны были на берег за неимением удобнаго пристанища. Сего ради *Вальтон* возвратился назад на то место, где якорь не действовал. Там подошло к нему несколько мелких судов, коим дал он знать, что есть ему в воде нужда. Японцы, тотчас взяв бочки на свои суда, поехали с ними к берегу и привезли оныя полны свежей воды. Они показывали нашим лист писанной бумаги, а наши почли оной лист за указ, коим велено им показывать иностранным всякое вспоможение. Казалось, якобы японцы давали знать лейтенанту, чтоб он подошел к земле ближе, что там есть гавань, в которую может заведено быть его судно, а при том помогать хотят. Но как еще *Вальтон* к сему намерения не принял, то пришел от берегу бот, которой запретил японцам иметь дальнейшее с нашими сообщение. В боту сидел человек военной при шпаге, в руке пистолет держащий. Посему оной японской бот в репорте лейтенанта *Вальтона* назван караульным ботом. Следующаго дня стали наши на другом месте близ земли на глубине двух сажен, где дно состояло из крупнаго песку и из раковин. При великих жарах старались наши всегда запастись больше свежеею водою. Сверх того сие подавало повод к получению о земле той больше известий. Для сей причины послал *Вальтон* июня 24 дня на елботе подконстапеля *Юрья Александрова* с некоторым числом людей на берег, причем находился и ученик лекарской *Иван Дягилев*. Воды не нашли, но видели японцов в белых балахонах. Тамошня лошади темно-кария и вороныя. С собою привезли они померанцовое дерево, несколько жемчужных раковин и сук еловой. А лекарской ученик набрал трав и по большей части сосновых шишек, из коих после для больных варили

декокт. Потом *Вальтон*, походя несколько еще времени подле берегов японских, путь свой предпринял на немалое разстояние на восток, дабы проведать, нет ли где другой какой земли или островов близко, но сего не явилось. Того для поехал он обратно на *Камчатку* и июля 23 дня, пришед на *Большую реку*, пробыл там по 7 число августа, дожидаяся капитана *Шпанберга*. Но понеже сей в то время туда еще не бывал, то отправился он в *Охотск*, куда августа 21 дня и прибыл. О третьем судне, коим командовал мичман *Шелтинга*, объявлять причины нет, потому что оно было во всем пути с капитаном вместе. *Шпанберг* и *Вальтон* сочинили своему пути карты, из коих сложена одна и напечатана в "Российском Атласе".

Шпанберг по возвращении своем получил от капитана-командора позволение зиму препроводить в Якутске, а на следующую весну ехать в Санкт-Петербург, дабы ему самому о пути своем как Правительствующему Сенату, так и государственной Адмиралтейской коллегии подать репорты. Между тем репортовал и капитан-командор о том же. Но хотя проведения *Шпанберговы* и *Вальтоновы* сперва в Санкт-Петербурге за благо приняты были и подали причину к подтверждению определения капитана-командора о возвращении капитана *Шпанберга* в Санкт-Петербург, однако мнения вскоре переменились. Доказательства *Шпанберговы*, что он был в *Японии*, за совершенно достоверныя почтены еще не были. *Кирилова* генеральная ландкарта о Российской империи представляла, по примеру *Страленберговой*,⁵¹ Японию почти под одним меридианом с Камчаткою. Напротив того, по *Шпанбергову* и *Вальтонову* курсу и по их примечаниям надлежит Японии находиться 11 или 12 градусами далее к западу. Думали, что, может быть, они почли берега *Корейские* за Японию. Того ради разсуждено за благо, чтоб капитан *Шпанберг* отправился туда во второй путь и чтоб с ним послать двух учеников, которые у приехавших в 1732 году в Санкт-Петербург японцев японскому языку учились. Указ о том получил *Шпанберг* в июле месяце 1740 году в *Киренском остроге*, будучи уже в пути, чтоб возвратиться в Санкт-Петербург. Он поехал назад в Якутск, а оттуда в Охотск, где едва застал капитана-командора, потому что к предприемлемому им морскому путешествию тогда уже все в готовности было. Между тем не токмо прошло уже того лета удобное к восприятию в Японию пути время, но не было и судна, потому что одно из тех, которыя употреблены были *Шпанбергом* в первом пути, отправлено было от капитана-командора на Камчатку для некоторых приуготовлений. Сего ради надобно было построить судно новое, и строение сие производилось следующей зимы под смотрением его, *Шпанберга*. Летом 1741 году отправился он опять в море. Но в судне, вновь построенном, скоро явилась великая течь, так что с великою нуждою можно было дойти на нем до берегов камчатских. Причиною сему было поспешное онаго судна строение, и что недоставало довольнаго времени к высушению леса. И хотя судно починкою исправляемо было на

устье *Большой реки* и *Шпанберг* для сего препроводил зиму в *Большерецком остроге*, однако все сие желаемого успеха не имело. Ибо он, отправяся мая 23 дня 1742 году в морской путь, лишь только проехал *первые Курильские острова*, то судно опять начало течь сильно, так что всех полых мест законопатить не можно было. При таких обстоятельствах *Шпанберг* не хотел возвратиться, не учиня никаких проведений. Он отправил мичмана *Шелтингу* для разведания мест до устья реки *Амура*. Но и сие отправление осталось без успеха. Словом, все второе путешествие капитана *Шпанберга* соединено было с великими неудобствами. Все три судна возвратились на Камчатку и в Охотск, а нельзя сказать, чтоб ими в сем пути полезное что изобретено было. Такое бесплодное предприятие можно почесть натуральным следствием принуждения, с коим второй сей путь производился. Первое путешествие происходило добровольно. Всяк дело свое исправлял для своей чести. Тогда преодолены были разные трудности, которые малодушному могли бы быть препятствием. Напротив того, при сем втором отправлении оказались всякие затруднения во всей своей силе. При таких обстоятельствах ум человеческой переменяется и теряет свою способность, чтоб во времени сыскать способы к отвращению или к предупреждению препятствий, но как бы то ни было, токмо сим путешествием предприятия, до Японии касающиеся, окончились. От времени до времени стали умножаться доказательства, что наши мореплаватели и в первом пути в достижении намерения своего не ошиблись, и ныне о том никто уже не сомневается. Ибо славные французские географы *д'Анвиль*⁵², *Буаш*⁵³ и *Беллин*⁵⁴ на картах своих полагают между Камчаткою и Япониею столько же или еще более разности в долготе, нежели *Шпанберг* и *Вальтон*.

От воспоследовавшего в 1738 году отправления капитана *Шпанберга* в Японию причинился при оставшейся в Охотске главной команде такой в провианте недостаток, что паки прошло два года, пока новою привозкою довольно опять не запаслись. В сие время построены в Охотске два пакетбота "Святой Петр" и "Святой Павел", кои определены были к предприемлемым американским проведываниям. Капитан-командор отправил наперед себя осенью 1739 году штурмана *Ивана Елагина* на одном из бывших с капитаном *Шпанбергом* судов на Камчатку, чтоб у восточного берегу проведать *Авачинскую губу*, где бы для пристанища были все потребныя удобства, и в оной бы поставить магазейны и казармы, дабы там зимовать можно было. Весною 1740 году приехали в Охотск профессор *Делиль де Ла Кроер*⁵⁵ и адъютнт *Штеллер*. И в то ж время прибыли туда из Санкт-Петербурга от флота лейтенант *Иван Чихачев* да от флота ж мастер *Софрон Хитров* на место других больных и уволенных от службы офицеров. Понеже тогда уже ни в чем недостатку больше не находилось, то еще того же лета отправились на Камчатку, но отъезд воспоследовал не прежде как сентября 4 дня. Капитан-командор командовал пакетботом "Петром", а капитан *Чуриков* пакетботом "Павлом".

Другия два судна ластовыя нагружены были провиантом. *Де Ла Кроер* и *Штеллер* получили по тому ж для себя и для своей провизии особое судно, на коем сентября 8 дня за прочими судами в путь вступили. По прибытии пакетботов сентября 20 дня к устью *Большой реки* приказал капитан-командор провиантским судам в оную реку войти. *Де Ла Кроер* и *Штеллер* там же остановились, потому что они вознамерились в *Большерецком остроге* чинить некоторыя наблюдения и испытания. А командиры пакетботов, усмотрев, что устье помянутой реки для их судов довольной глубины не имеет, на другой день пошли далее и, объехав полуденной нос Камчатской, называемой *Лопаткою*, поехали в *Авачинскую гавань*.

Проходя пролив, что между *Лопаткою* и первым *Курильским островом*, капитан-командор усмотрел из опасности, которой был он там подвержен, что предосторожность, когда оставил он на *Большой реке* суда с провиантом, употреблена им была не втуне. Посреди сего пролива, считаемаго нашими в широту на полторы, а в длину на полмили немецких, лежит ряд больших камней, чрез которыя волны морския переливаются; и можно сим проливом проходить по обеим сторонам оных камней, однако проход по южную сторону севернаго удобнее тем, что шире. Как способен и силен ветер ни был, при котором капитан-командор оной пролив пройти надеялся, однако действие не так воспоследовало, потому что в то же самое время встретился с ним сильной морской пролив, котораго наши за незнанием обстоятельств сего моря предъусмотреть не могли. Чрез целой час не можно было приметить, чтоб судно хотя мало вдаль подвинулось. Волны, кои ходили весьма высоко из-за кормы, плескали чрез все судно, а бот, плавающий за пакетботом на канате 40 сажен, об оной ударем был многократно с великою силою, а однажды волнами едва его за пакетбот не взбросило. Глубины было там от 10 до 12 сажен. А когда пакетбот с волнами вниз опускался, то оставалось глубины едва на три сажени. Ветр был столь силен, что нельзя было поднять более парусов, кроме фоку и большого марселя. Присем не сыскано инаго способу, кроме чтоб судно держать по ветру прямо против прилива. Ибо ежели бы оно поворотить хоть мало в сторону, то бы не безопасно было между волнами, а однако сильной ветр не допустил бы, чтоб назад итти. Сверх сего предъявленной ряд камней лежал весьма близко, коего надлежало опасаться, чтоб об оной не разбиться. А как сила прилива несколько утихла, то начали помалу вперед подвигаться, и напоследок, по совершенном переходе пролива получили свободу от всех дальних препятствий. Сие затруднение случилось только капитану-командору, а напротив того, *Чириков*, которой прошел тем проливом полутора часом позже, не имел никакой остановки. Помянутым проливом проезжали они сентября 26 дня. На другой день пришли пред *Авачинскую губу*, но понеже в то самое время поднялся густой туман, которой отнял из виду вход в сию губу, то принуждены были держаться к морю. Тогда претерпели они от сильной бури много беспокойства, тогда и бот, привязанной к судну, утратился, а оной,

уповательно, уже немало поврежден был и прежде, когда волнами его ударяло часто о судно. Наконец, пощастливилось обоим пакетботам войти в губу и в гавань *Авачинскую* октября 6 дня, где они следующую зиму препроводили.

Сия губа названа по имени реки *Авачи* или свойственное по произношению камчадальскому *Суаачу*, которая с западной стороны в оную губу впадала. Губа почти кругла. Поперек ея верст с 20. Вход в нее шириною около 400 сажен, которой лежит от юго-востока к северо-западу и имеет такую глубину, что и самые большие корабли могут им проходить свободно. Равным образом и в самой губе немалая глубина находится. Она разделена от природы на три губы меньшия, а именно: *Ниакину*, *Раковую* и *Тарейную*. Все три для гавани способны, а разнятся только величиною. Штурман *Елагин* выбрал *Ниакину* губу, яко наименьшую, для гавани, где стоять пакетботом, построив при ней приказанные ему магазейны, дома и казармы. Во время зимования капитана-командора поставлена там и церковь во имя *святых апостол Петра и Павла*. Для сего, также и потому, что пакетботам наречены те же имена, прозвал капитан-командор сию гавань *Петропавловскою*. Некто из офицеров, которой 40 лет ездил морем во все части света и тогда находился в Камчатской экспедиции, засвидетельствовал о сей гавани, что она наилучшая всех, кои ему видать случилось. В ней могут способно уместиться 20 кораблей. Она от всех ветров закрыта, грунт из мягкаго песку и глубина от 14 до 18 футов, так что морские суда и более пакетботов стоять в ней могут. Сверх сего находится в близости весьма изрядная и здоровая пресная вода, а паче в реке *Аваче*, которая пред водою других тамошних рек и речек, из болот вышедших, гораздо лучше. От устья губы до гавани ходят на норд-норд-вест и на норд-вест к норду, глубины находятся на 8, 9, 10 и 11 сажен, и ход судовой безопасен, потому что дно пещаное, кроме что версты за 3 пред гаванью посредине форватера лежат подводные камни, коих опасаться надобно, для того что в том месте глубины усмотрено только на 9 футов. Высокая прибулая вода во время новолуния и полнолуния подымается по учиненным там наблюдениям до 5 футов и 8 дюймов аглинских.

Во время зимования в *Петропавловской гавани* старались всеми силами о перевозе туда из *Большерецкого острогу* провианта. Но не можно было оной перевезть весь на подводах, ибо, хотя между сими двумя местами находится разстояния не больше 212 верст, однако, понеже тогда еще на Камчатке лошадей не было и употребляли в их место собаки, то случались в том превеликия затруднения. Собак надлежало иногда пригнать верст за 400 или за 500. Их потребно было в восмеро или в десятеро более против лошадей, ибо когда одна лошадь в России по зимнему пути везет 40 пуд, то сия тягость на Камчатке подымается не меньше как 8 или 10 собаками. Камчадалы к поставке таких подвод и в толь далеком от жилищ их разстоянии не приобькли. От того произошли многия препятствия, однако оныя наперед предусмотрены и старание при-

ложено было о закупке в *Анадырском остроге* довольнонаго числа оленей и о пригоне их к *Авачинской губе*, которые там ходили на хорошей траве и зимою употребляемы были в пищу. Также получено было довольно от камчадалов и вяленой рыбы, чем збережена была половина порционных обыкновеннаго морскаго провианта. Весною же следующего 1741 году приказал капитан-командор одному из оставшихся в *Большерецком остроге* ластовых судов с достальным провиантом быть к себе в *Авачинскую гавань*, которое еще до вступления его в морской путь там и прибыло благополучно, и съестные припасы выгружены были отчасти на находящийся в готовности к выходу в море суда, а отчасти в тамошние магазейны.

По последнему зимнему пути приехали туда ж профессор *де Ла Кроер* и адъюнкт *Штеллер*, чтоб быть при производимых американских проведываниях. Капитан-командор взял к себе адъюнкта *Штеллера*, а профессор *де Ла Кроер* остался при капитане *Чирикове*. Дабы наперед утвердить, в которую сторону в предприемлемом пути курс держать, то капитан-командор созвал к себе маяя 4 дня всех офицеров, также и профессора *де Ла Кроера* для совету. Тогда каждому известны были признаки о находящейся в близости от Камчатки земле к востоку. Офицеры всю зиму разсуждали, что курс должно держать на восток или несколько к северу. Но с тем не согласовала *Делилова* карта⁵⁶, о которой показано выше, что она предложена была от Академии Правительствующему Сенату, а от Сената дана она капитану-командору, чтоб ему поступать по ней в своем путешествии. *Да Ла Кроер* имел же с нея копию, которую принес с собою в собрание. На сей карте не было означено земли к востоку⁵⁷. Но напротив того показан на ней на юго-востоке от *Авачинской губы* под 46 и 47 градусами широты берег, около 15 градусов от запада к востоку в длину простирающейся, с подписью: "Terres vues par Dom Jean de Gama", то есть "Земля, усмотренная дон Жаном де Гама". Вследствие сего происходило в морском совете такое разсуждение: когда сия земля в оной стране находится действительно, а сочинителю карты верили, что без достоверных оснований ничего не показал, то, может быть, оная земля, которая усмотрена только с южной стороны, еще и далее под север простирается, и следовательно, можно найти оную тем способнее. Того ради положено было, во-первых, искать оной земли, идучи на юго-восток к востоку, а как найдена будет, то следовать по берегам ея на север и на восток. Ежели же под 46 градусом широты не обрящется, то курс переменить и итти на восток и на восток к северу дотоле, пока земля какая усмотрена будет, и в виду ея итти между севером и востоком или севером и западом до 65 градуса широты, и путь учредить так, чтоб в сентябре месяце в *Петропавловскую гавань* возвратиться. Понеже сие определение от морских служителей, бывших при экспедиции, почитается причиною всем произшедшим в том путешествии злоключениям, то за нужное признаваю о том упомянуть несколько пространнее.

Неизвестно, кто был *Жан де Гама*, также и когда учинено приписанное ему изобретение. Все, что ведомо, состоит в том, что в Португаллии королевской космограф *Тексеира* в 1649 году издал карту, на коей в 10 или в 12 градусах на северо-восток от Японии под 44 и под 45 градусом широты представил множество островов и простирающейся на восток берег с подписью: "Terre vue par Jean de Gama Indien en allant de La Chine a La Nouvelle Espagne"* . И тако изобретение сие учинено или в одно время с тем, что проведено голландским кораблем *Кастрикомом*, или еще прежде, и положение земли, обьисканной *де Гамо*, как она на карте *Тексеировой* описана, кажется, что от изобретенной кораблем *Кастрикомом* земли *Компанейской* не разнствует. Когда наши мореплаватели мнят, что *Делилова* карта их обманула и подала причину к восприятию совсем бесполезного морскаго путешествия, то сие правда в разсуждении производившагося пути в *Америку*, о котором спорить не можно, что оной от сего происходил весьма медленно, но погрешность состоит токмо в том, что *Делиль* положил землю, *де Гамо* обретенную, далее к востоку, как надлежало, определив ей место между изобретенными Американскими землями вместо того, что надлежало было ея положить между Японскими и Езойскими⁵⁸ проведываниями. Естли бы сие было, то проведание оной поручено бы было капитану *Шпанбергу*, а хотя бы она и не явилась, то бы от того вреда не воспоследовало, равномерно как и земля *Езо*, остров *Голландских штатов* и земля *Компанейская* не найдены. Может статься, что с землею, *де Гамо* найденною, или и с землею *Компанейской* учинилось то ж, что с землею *Езо*, каковыя перемены ныне уже никому удивительны не кажутся. Впрочем, земля, *де Гамо* изобретенная, ныне от географов либо вовсе не приемлется, либо представляется очень мала и весьма близко *Японии* и земли *Компанейской* полагается, так что едва есть какая разность между ею и землею *Компанейскою*. Сие можно видеть на новейших картах *д'Анвила*, *Беллина*, *Греена*, *Буаши* и самага *Делила*.

По изготовлении всех прочих потребностей, к поспешествованию пути принадлежащих, а паче по удовольствовании судов толиким числом съестных припасов, сколько вместить могли, оба пакетботы июня 4 дня 1741 году в путь отправились. Курс держали они, как соглашеность, на юго-восток к югу до 12 числа помянутого месяца и тогда находились под 46 градусом северной широты. Сего довольно было, чтобы удостовериться о неосновательном положении земли, *де Гамо* обретенной, которой на сем пути никаких признаков не явилось. Того ради воротились оттуда на север до 50 градуса широты и намерение приняли следовать далее на восток для проведания матерой земли Американской, но 20 числа капитан *Чуриков* во время густаго тумана и бури с капитаном-

* Considerations Geographiques et Physiques par Mr. Buache, p. 128. ["Земля, увиденная Жаном де Гама индийским на пути из Китая в Новую Испанию" (фр.). – Ред.]

командором разстался. Сие было перьвое в сем пути приключаемое нещастие. Суда лишились от того взаимнаго себе вспоможения, для котораго конца нарочно изготовлены были два судна, и в инструкции предписано им было, чтоб никогда между собою не разлучаться. Капитан-командор употребил все меры к сысканию *Чирикова*. Три дни ходил он между 50 и 51 градусом и назад отъезжал на юго-восток до 45 градуса, но без успеху. Чириков путь восприял на восток от 48 градуса, а капитан-командор вступил в оной уже июня 25 дня под 45 градусом. По сей причине не сошлись они нигде с собою, однакож учинили изобретения, между собою совершенно сходственныя. По 18 число июля не происходило ничего особливаго. А сего дня капитан-командор, склонивши путь свой от времени до времени больше на север, увидел под 58 градусом 28 минутами высоты полуса *матерую землю Американскую*⁵⁹ и по морскому исчислению полагал, что он от *Авачинской губы* отошел 50 градусов долготы. Капитан *Чириков* приехал к тем же берегам 3 днями ранее, а именно июля 15 дня под 56 градусом широты, а переменной долготы, по его исчислению, от *Авачинской губы* имел около 60 градусов. Может быть, что оба в разности долготы несколько ошиблись, ибо по возвратному пути кажется, что капитан-командор был под 60, а капитан *Чириков* под 65 градусом долготы от *Авачинской губы*. А понеже долгота *Петропавловской гавани* в *Авачинской губе* по астрономическим наблюдениям от перваго мередиана, которой полагается чрез остров *Ферро*, определена 176 градусов 12 минут, то в разсуждении долготы предъявленных берегов американских придет на перьвое 236, а на другое место 241 градус. Ежели разсуждать о сих местах по ближайшим известным местам *Калифорнии*, то между белым мысом (кап Бланк), который в всех прочих стран в *Калифорнии* лежит больше к северу, и тем местом, где стоял капитан *Чириков*, разность в широте находится 13, а в долготе не более как 5 градусов; расстояние весьма невеликое, о котором сожалеть надобно, что не исследовано, а паче для того, что страна сия находится в числе тех, которым приписываются сумнительныя изобретения адмирала *Дефонте*, но об них тогда наши мореплаватели никакого известия не имели.

Берег, против котораго капитан *Чириков* находился, состоял из каменных утесов, а островов не было. Сего ради не отважился он близко к нему подойти, но остановился в некоем разстоянии. Он хотел берег проведать, к тому ж недоставало у него и воды свежей, того ради послал он туда штурмана *Аврама Дементьева* с 10 человеками лучших людей на большом боте, снабдив их на несколько дней съестными припасами, огнестрельным и другим ружьем, и медною пушкою с принадлежностями, и дав им обстоятельную инструкцию, как при каких случаях поступать, и о том давать знать чрез сигналы. Бот зашел за малой мыс на гребле. Что оной благополучно пришел к берегу, сие заключили по тому, что выпалено было из пушки, как то в сем случае учинить велено было. Но прошло несколько дней, и бот не возвратился, однакож сигналы продолжа-

лись. Сие привело капитана в такое мнение, что бот, может быть, приставая к берегу, повредился и что за тем нельзя ему назад быть, и того ради послал он июля 21 дня туда еще на малом боте ботсмана *Сидора Савельева* с тремя, а по другому известию, с шестью человеками, в том числе плотника да конопатчика, вооруженных и снабденных потребными материалами. *Савельеву* приказано было по исправлении бота с *Дементьевым* или и одному без замедления возвратиться. Но и он остался на берегу. Между тем видели с пакетбота, что на берегу безпрестанно сильный дым подымается. На другой день появились у берегу два судна гребные, которые шли к пакетботу, одно было более другаго. Смотря на них издали, наши думали, что *Дементьев* и *Савельев* едут. В сем будучи мнению, *Чириков* приказал всем матрозам на дек вытти и к отъезду чинить приуготовления. Но ехали американцы, которые в таком разстоянии, в каком нельзя распознать еще в лице человека, греть перестали, уповательно, по той причине, что увидели множество людей на пакетботе, и вставши в лодках, громким голосом кричали: "Агай, агай" и с поспешением погребли назад к берегу. Ежели сие правда, что американцы, увидя на пакетботе множество людей, стали их опасаться, и ежели они пришли в таком мнении, что на нем людей нет или малое их число и они могут овладеть пакетботом, то лучше бы было, ежели бы *Чириков* людей своих на пакетботе скрыл. Американцы взошли бы на пакетбот, и можно бы было их взять в плен и разменяться ими на наших, находящихся на берегу, также и лодками их на наши боты. Но радость о мнимом возвращении *Дементьева* и *Савельева* была столь велика, что никому и на мысль не пришло употребить сию предосторожность. Посему осталось мало надежды, чтоб посланных опять видеть. На пакетботе не было более малых судов. Приблизиться с оным к берегу за каменными утесами было весьма опасно. В то же время возстал сильной западной ветр, судно же стояло на свободном море без всякаго прикрытия на якоре, и сего ради, чтоб не прибило онаго к берегу, принуждены были поднять якорь и итти далее в море. Однако *Чириков* ходил еще дни с два близ того берегу, и как погода утихла, то подошел он опять к тому месту, где посланные на берег вышли. Сие должно приписать ему в похвалу, что весьма не хотелось ему подчиненных своих оставить в толь отдаленной стране между дикими народами. Но понеже и тогда их не видно, ниже слышно что об них было, то по имевшемуся с прочими морскими офицерами совету единогласно положено было воспрять путь обратно на Камчатку, в которой 27 июля и вступили.

Между тем, как сие происходило с капитаном *Чириковым*, старался и капитан-командор *Беринг* получить о усмотренном им берегу обстоятельное известие и достать оттуда свежую воду. На земле находились превысокия горы, снегом покрытыя. Он старался подойти к земле ближе, но понеже веяли небольшие переменные ветры, то нельзя было к ней приблизиться прежде, как июля 20 дня, и в сей день стали наши на якоре пред островом нарочитой величины не в дальном от матерой земли

разстоянии на 22 сажнях глубины, где дно состояло из мягкаго илу. Нос, протянувшейся там в море, назван *Носом святаго Илии*, потому что в тот день сему святому праздновали. Другому носу, лежащему против сего под запад, дано имя *святаго Гермогена*. Между обоими находилась губа, в которую думали зайти для отстою, ежели паче чаяния обстоятельства потребуют искать гавани. Для сего капитан-командор отправил от флота мастера *Хитрова* с некоторым числом вооруженных людей, приказывая ему проведать сию губу, да в то время послал и другой бот за водою, на коем поехал и адъютнт *Штеллер*.

Хитров нашел в губе между островами удобное к стоянию судовому место, которое от всех ветров закрыто, но не было случая пользоваться оным. На одном острове стояли пороожие шалаши, о коих думали, что жители матерой земли приезжают туда для рыбной ловли. Сии шалаши построены были из бревен и наглядко обиты досками, которые местами вырезаны фигурами. По сему заключено, что тамошние жители не столь дики, как, впрочем, описываются народы Северной Америки. В шалашах найдены коробочки из тополоваго дерева, глиняной пустой шар, в коем гремел камешек, что походил на детскую игрушку, и оселка, по коей видно было, что медные ножи на ней точили. Так-то научает нужда употреблять один металл вместо другого. Найдены и в Сибири в верховье реки *Енисея* в старинных языческих могилах разныя к резанию употребляемая орудия медныя, а не железныя, что служит доказательством, что употребление меди на такие инструменты в той стране старее было, нежели железа.

Что принадлежит до *Штеллеровых* наблюдений, то упомяну токмо о главнейших. Он нашел погреб, а в нем несколько копченой лососины и сладкой травы*, которая приготовлена была к кушанью таким же образом, как то делается на Камчатке. Притом находились веревки и всякая домашняя збуя. Он пришел на иное место, где пред его приходом американцы отобедали, но, увидев его, убежали. Попалася ему там стрела и деревянное огниво, зделанное по камчадальскому обыкновению, а именно: доска с несколькими дырами и при том палка, которая одним концом вкладывается в дыры, а другой ея конец между руками скоро туда и сюда вертят до тех пор, как дерево в дырах загорится, а притом трут имеют в готовности, которым огонь доставают и употребляют на свои нужды. Сии и другия такая вещи американцы при побеге своем оставили. В некотором оттуда разстоянии на холме, лесом прикрытом, горел огонь, по которому признавалось, что люди туда ушли. *Штеллер* не отважился итти далее, да и крутой камень пресекал туда дорогу. Впрочем, собирал он травы и принес их с собою на пакетбот множество, которыя после того описал. А описания употреблены профессором *Гмелиным* при сочинении *Флоры* его *Сибирской*⁶¹. *Штеллер* ни о чем так не сожалел, как о том, что

* *Sphondylium foliolis pinnatifidis*. Linn. Hort. Cliff. 103⁶⁰.

дозволено было ему только малое время быть на берегах американских, ибо пробыл он там не более 6 часов. А как бочки свежую водою налили, то принужден он был на пакетбот возвратиться.

Матрозы, которые ездили за водою, объявили, что они видели два огнища, на коих только лишь пред их приходом огонь горел, и при них дрова рубленныя, а по траве следы человеческие. Также они видели пять красных лисиц, которыя от них не бежали, будто к рукам приучены были. Они привезли с собою несколько копченой рыбы, похожей на большие караси и вкусом презрядной. Они видели еще землянку, и она, уповательно, та же, которую *Штеллер* назвал погребом. Я сношу известия, от разных источников происходящая, по моей возможности. Но не дивно, что иногда найдется некоторая небольшая разность.

Капитан-командор, удовольствовав судно водою, хотел американцам дать знать, что они напрасно от него скрываются. Для того послал он к ним на берег некоторыя вещи в подарок, а именно: конец зеленой крашенины, два котла железные, два ножа, 20 штук большого бисера, две китайския табашныя трубки железные да фунт черкаскаго табаку, приказав оныя положить в предъявленной землянке.

На другой день, то есть июля 21 дня, принято намерение опять итти в море и в силу приговору, в *Авачинской гавани* пред отъездом их учиненнаго, производить путь подле берегов американских до 65 градуса на север, ежели положение их в том не воспрепятствует, но намерение сие не исполнилось. Не токмо не можно было итти далее под север, но принуждены были курс держать к югу, потому что берега простирались на юго-запад. Притом имели что далее, то более препятствия от многих островов, которыми матерая земля почти везде окружена была. Когда казался ход безопаснейшим, то случалось им видать вдруг нечаянно впереди и по обеим сторонам землю, и сего ради принуждены были несколько раз назад возвращаться для сыскания другаго свободнаго ходу. Иногда случалось по ночам при одном ветре и при одной погоде ходить то по морю, сильно волнующемуся, то по воде тихой, а чрез несколько часов попадали опять вдруг промеж великих валов, так что судном насилу править можно было. Сие значило не иное что, как что во время тишины находились на прикрытом фарватере между островами, коих за темнотою ночью усмотреть не можно было. Чрез несколько дней, не видав земли, пришли июля 27 дня около полуночи на глубину 20 сажен. За великою темнотою нельзя было узнать банк ли тут пещаной, или матерая земля, или не острова ли там находятся, коих остерегаться надлежит. Отведывали то в ту, то в другую сторону подвигаться, но везде фарватер становился мельче. На якоре стать не отважились, ибо ветер был силен, а волны велики. Сверх сего надлежало опасаться, чтоб не стать от земли очень далеко или бы к ней гораздо не приблизиться. Напоследок принято намерение путь производить наудачу под юг, и тем вышли опять на чистое море, имея еще глубины чрез несколько часов на 20 сажен. Один остров, усмотренной 30 июля при туманной погоде, назван *Туманным*, к

которому пришед грунтом на 7 или 8 сажень, бросили в самой скорости якорь. А как воздух прочистился, то увидели, что они уже прошли остров и находятся от него в разстоянии с лишком на версту.

Весь август месяц прошел в таковых приключениях. Морские служители почувствовали в себе сильную цынготную болезнь, которую не меньше страдал и сам капитан-командор *Беринг*. В воде появился недостаток, того ради восприяли курс августа 29 дня на север и усмотрели скоро опять матерую землю, наподобие перервавшего берегу, а пред нею множество островов, между которыми стали на якорь. Сии острова находятся под 55 градусом 25 минутами широты. Они названы *Шумагинскими*, потому что сим прозвищем назывался матроз, которой перьвой в сем мореплавании умер и там погребен был. Августа 30 дня послан штурман *Андрей Гейссельберг* на один из больших островов для сыскания воды. Он ездил недолго и привез с собою две воды для опыту, которые хотя не признаны за довольно хорошия, потому что явились солоноваты, однакож, понеже упускать времени не надлежало, и разсуждено было, что де лутче плохую воду иметь, нежели никакой, ибо де можно оную по крайней мере употреблять на варение, а на питье с бережливым держанием, уповательно, станет и прежней, то приказано было привезть сей воды сколько потребно. Она взята из озера. По мнению *Штеллерову*, которой в том спорил, чтоб ее не брать, во время прилива морская вода вливается в те озера, а при отливе опять стекает. Но ежели бы сие было, то бы вода в озерах от частаго смешения с морскою водою зделалась бы гораздо солоняе. Однако, как бы сие ни было, *Штеллер* причитал потом воде все худыя следствия, которыя при усилившейся цынготной и других болезнях многим людям смерть причинили.

Пакетбот стоял на месте не безопасном. Все с юга ветры могли его тревожить, а с севера находилися по берегам и в море большие камни. Сего ради торопились как бы скоряе отправиться опять в свободное море. Но прошедшей ночи увидели на небольшом острове к норд-норд-осту огонь, и от флота мастер *Хитров*, яко тогдашней дежурной офицер, представлял, чтоб между тем, как послать большой бот за водою, притом бы и на малом проведать о людях, огонь оной разведших. Тогда капитан-командор *Беринг* за болезнью своею уже не выходил из каюты, а судном командовал лейтенант *Ваксель*, которой не хотел при той опасности, в коей судно находилось, малой бот отпустить далеко. Ибо, по его мнению, когда при усиливающейся [не]погоде принужден он будет искать чистаго моря, то де сумнительно, можно ли будет посланным людям подать помощь, когда им противной и сильной ветр воспрепятствует к пакетботу возвратиться. Но понеже *Хитров* от мнения своего не отступал и приказал оное записать в журнал, то *Ваксель*, предложив оное капитану-командору, получил резолюцию, что когда *Хитров* охоту имеет сие проведание на себя взять, то должно его отправить и притом позволить ему взять из морских служителей, кои ему покажутся.

Хитров взял пять человек с собою, в числе коих находился и толмач чукоцкого языка. Всем дано ружье и несколько мелочных вещей для подарения людям, коих найдут. Они пришли августа 30 дня в полдень к острову, которой находился разстоянием верстах в 20 от пакетбота. На огнищах огонь еще горел, а из людей никого не было, да и, впрочем, не найдено на том острове ничего достопамятного. Пополудни *Хитров* хотел возвратиться к пакетботу, но сильной противной ветр принудил его искать прибежища у другаго в стороне лежащаго острова, при коем он едва спас жизнь свою. Ибо сильныя и великия волны малаго бота чуть не поглотили, и людей из него выбросили. А сие отвращено было небольшим парусом, который *Хитров* прямо против опасных волн ставил, и оным их перехватывал. К великому щастию послужило то, что как от одной волны налилса бот воды полон, то другою волною *Хитров* и с людьми выброшен был на берег. Вскоре по прибытии своем на сей остров приказал *Хитров* большой огонь развесть, отчасти, чтоб обсушиться и согреться, а отчасти, чтоб дать знать на пакетбот, дабы учинено было ему оттуда вспоможение. Но в то время ветр усилился толь жестокой, что должно было, вопервых, пакетбот привести в безопасность. Сего ради на пакетботе, подняв якорь, стали за одним островом. Между тем наступила ночь. *Хитров*, видя, что судно пошло с прежняго места, токмо не зная, куда оно поворотило, ниже какое на оном принято было намерение, пришел в великую печаль и нужду. Сие продолжалось по 2 число сентября, в которой буря утихла. Но понеже он и того дня еще не возвратился, то на другой день поутру послан к нему большой бот с таким приказом, буде паче чаяния малой бот повредился, то б оной оставить на острове, а ехать бы назад на большом. И подлинно малому боту в то время, как взброшен был на берег, немалой вред учинился, и за тем нельзя было на оном ехать. Оной оставлен на острове, а *Хитров* прибыл назад на большом боту.

Потом отдан того ж часу приказ, чтоб, подняв якорь, итти далее в море. Токмо за сильным противным ветром нельзя было следовать далеко, но под вечер принуждены были паки искать отстою между островами. То же учинилось и сентября 4 дня. Ибо хотя в море опять и вышли, но продолжавшейся сильной противной ветр принудил их возвратиться на прежнее место. Во всю ночь продолжалась жестокая буря.

На другой день услышан на одном острове громкой крик человеческой, также и огонь был виден. Вскоре потом появились двое американцев, едуших к пакетботу в разных лодках, подобных тем, какия употребляются у диких жителей *гренландских* и по проливу *Давискому*, но в некотором разстоянии от судна остановились. Они держали в руках по палке с привязанными к одному концу сокольими крыльями. Таковыя палки употребляют американские северные народы для изъявления миролюбных своих мыслей. Казалось, что они словами и киванием призывали наших к себе на землю, а наши маханием и подарками, кои к ним бросали, старались приывать их к себе на пакетбот. Токмо американцы на то не склонились, но возвратились паки на свой остров.

Посему принято было намерение туда к ним съездить, чего ради большой бот спустили на воду, на коем лейтенант *Ваксель* и адъютант *Штеллер* с 9 человеками, все вооруженные, на оной остров поехали. Усмотрев тамошней берег, большими и острыми камнями окруженной, остановились они от острова в 3 сажнях, а паче что тогда была погода бурная. Покушались наперед американцов, коих девять человек на берегу стояли, призывать на бот к себе ласкою и разными подарками, токмо сим ничего не успели. Американцы напротив того наших пригласили к себе на остров, чего ради *Ваксель* приказал трем человекам своей команды, в числе коих находился и толмач чукоцкого и коряцкого языков, выйти на берег и бот привязать канатом за камень. Во всех местах примечено, что чукоцкие и коряцкие толмачи не разумели языка сих народов. Однако они много пользы делали в предводительстве, потому что были смелы, и американцы почитали их, яко себе подобных. И тако, весь разговор состоял и тут в одних знаках, которые с обеих сторон засвидетельствовали всякия дружелюбныя мысли. Американцы, желая нашим услужить, дали им китоваго мяса, ибо других припасов у них не было. Кажется, что они туда пришли для китовой ловли. Ибо наши видели у берегу толикое число лодок, сколько их людей было, а юрт и женщин не видали, почему заключили, что настоящия жилища их на матерой земле находятся. Лодки были такая же, каковы прежния, вкруг обиты тюленьею кожею и не более, как только в них сесть по одному человеку. Посреди сделано круглое отверстие, в кое человек садится и кожею обвязывается вкруг себя так крепко, что в лодку ни капли воды попасть не может. На них только по одному веслу, которое с обоих концов похоже на лопату, и так ходят сии лодки не токмо между островами, которые часто по 30 и более верст промеж себя отстоят, но и на чистом море по большим волнам, хотя их иногда ими и опрокидывает. Поворотливости, с какою сии люди в столь узких и долгих своих суденках умеют содержать равновесие, дивиться должно. Сие делают они с такою удобностию, что кажется, будто никакого труда у них к тому не требуется. У сих американцов не усмотрено ни луков, ни стрел, ниже другаго какого оружия, чего нашим опасаться было надобно. Того ради пробыли на острове немалое время и ходили с американцами по оному, однако, как им приказано было, не отдалялися из виду от бота. Между тем один американец осмелился прийти на бот к лейтенанту *Вакселю*. Казалось, что он был старшим и главнейшим между его товарищами. *Ваксель* поднес ему чарку водки. Но сей напиток был оному гостю совсем неизвестной и неприятной. Выплюнув, закричал он громко, якобы жалуясь своим, как худо с ним поступают. Не было никакого способу к его удовольствованию. Давали ему иглы, бисер, железной котел, табашныя трубки и другия вещи, но он не взял ничего, токмо хотел, чтоб его выпустили на берег, чего ради его и отпустили. Напротив того, приказал *Ваксель* и своих людей, находившихся на острове, кликать, чтоб они шли на судно. Сие американцам не показалось, и они являли такой вид, что хотят всех трех

у себя удержатъ. Напоследок двух Русских отпустили, а толмача у себя оставили. Некоторые из них, пришед к канату, коим бот привязан был к берегу, тянули за оный из всей силы. Может быть, думали такого ж легко встануть оной на берег, как свои малыя лодки, или хотели, чтоб он о камни у берегу разбился. А чтоб до сего не допустить, то приказал *Ваксель* отрубить канат. Между тем толмач кричал, чтоб его не оставили. А к отпуску его ни словами, ни маханием рук с боту не можно было склонить американцов. Сего ради выпалил *Ваксель* из двух мушкетонов, что как учинил было токмо в том намерении, дабы их утратить, то оно и желанное действие имело. Американцы от необыкновеннаго сего стуку, которой от находящейся в близости горы еще более раздавался, все, яко оглушенные, упали на землю, а толмач освободился из рук их. Вскоре потом, пришед в чувство, руками и криком показывали великую злобу и давали знать, что они никого из наших не хотят видеть на своем острове. В то время настала ночь, и погода была бурная, а пакетбот стоял версты с две от острова, чего ради *Ваксель* не разсудил за благо искать дальняго с сими людьми обхождения.

Объявлено мною выше, что у американцов ни луков, ни стрел не примечено. Но по сему заключить не должно, что они таких орудий не имеют, паче сим подтверждается догадка, что они вышли тогда на китовую ловлю, при которой таковые инструменты не употребляются. Один американец имел на боку у себя нож повешенной, которой для особливаго его виду показался нашим, яко вещь диковинная. Длинною был он до 8 дюймов, к концу же не востер, но широк и весьма толст. Не можно угадать, к чему такой нож употребляется. Верхнее их платье делано из кишок китовых, чулки из тюленевых кож, шапки из кожи морских львов, которой зверь на Камчатке называется *сивучою*, и для прикрасы пришиты разныя перья, а особливо сокольи. Нос у них заткнут был травою, которую иногда вынимали, и тогда изтекало из него множество мокроты, кою языком облизывали. Лица у них красною, а у иных разноцветными красками выкрашены были. Видом они различны, как европейцы, а у некоторых носы плоские, как у калмыков. Все были великорослы. Должно думать, что они питаются по большей части морскими зверьями, коих добывают в тамошнем море, а именно: китов, манатов, сивучей, морских котов, бобров и тюленей. Видели наши, что ели они и коренья, вырывая их из земли и пред ядением только немного земли отряхивали. О других обстоятельствах их более ничего не примечено, по крайней мере в тех известиях, которыя служат основанием сему описанию, ничего не записано.

Некто утверждал, что он по реестру слов, которой приобщен *Лагонтаном* к его описанию Северной Америки, некоторым образом с сими людьми говорить мог, ибо де когда он по тому реестру говорил слова, *воду* или *дерево* значащия, тогда люди на такія места на берегу указывали, где оныя вещи находятся. Но я думаю, что сие учинилось случаем, или движения тела, при произношении слов чиненныя, к разумению

способствовали, ибо *Лагонтан* не полагается в числе достовернейших путешественных писателей, а хотя бы не было и сего сумнительства, однако в разсуждении немалого земель разстояния нельзя поверить, чтоб тамошние жители все одним языком говорили. Не упоминая, чтоб европеец, а паче француз, слова такого языка перенять и написать мог так точно, чтоб они другому народу, хотя б оной почти и тот же язык имел, вразумительны были. Итак, лейтенант *Ваксель* возвратился назад к пакетботу.

На другой день поутру, как приуготавливался он оттуда к отъезду, семь человек из тех же американцев, приехав к пакетботу в семи же лодках, стали подле онаго весьма близко. Двое, вставши в лодках своих и держась за фальрепы у пакетбота, дали нашим в подарок две свои шапки и вырезанную из кости личину человеческую, которую наши признали за идола. Притом подносили они опять обыкновенной свой мирной знак, состоящей из пятифутовой палки, у которой на верхнем и тонком ея конце привязаны были всякия перья беспорядочно. По сему явствует, что подобие американскаго калюмета с Меркуриевым жезлом, путешественниками, которые в Северной Америке бывали, описанное, не везде находится. Напротив того, даны и от наших им подарки, и они бы взошли на пакетбот, естли бы не начал дуть ветер сильной, от котораго принуждены были в самой скорости убираться назад к берегу. По возвращении своем на остров стали они кучею и подняли великой крик, которой с четверть часа продолжали. После сего отправились наши того ж часа в путь свой. И как тот остров, на коем находились американцы, миновали, то закричали они опять из всей мочи. Сие не меньше почитать можно за дружественное засвидетельствование, коим они нашим благополучнаго пути желали, как за радостное восклицание, что от незнаемых гостей избавились.

Курс держали на пакетботе по большей части к югу, чтоб от земли отдалиться, да инако итти и не можно было, потому что ветер стоял западной и западно-южной к западу. От сего времени до самой поздней осени и до конца путешествия переменался ветер редко инако, как между вест-зюйд-вестом и вест-норд-вестом. Посему вероятно, что в сие года время западные ветры в оных странах почти всегда продолжаютя. Хотя случался иногда и восточной ветер, однако более не стоял, как чрез несколько часов и поворачивался паки к западу. От сего было нашим в произвождении обратнаго пути великое препятствие. Сверх того погода стояла всегда туманная, так что иногда чрез 2 или 3 недели ни солнца, ни звезд не видно было, и за тем не можно было чинить никаких наблюдений для широты. Следовательно, мореплавательныя исчисления без направленья остались. Какое нашим происходило от того безпокойствие, странствуя таким образом по неизвестному морю в долговременном безвестии, о том легко разсудить можно. Один офицер, при том бывшей, о сем путешествии изъяснился таким образом: "Я не знаю, может ли бедственнее и худьдшее житие быть на свете, как ходить по неописанному морю. Я

говорю сие по искусству и сказать могу по сущей правде, что, будучи 5 месяцев в сем пути и не выдав знаемой земли, не много спокойных часов спал, ибо находился всегда в крайней опасности, чтоб не лишиться живота своего".

Путь происходил по большей части противными ветрами и бурями по 24 число сентября, в которой день увидели наши опять землю, из высоких гор состоящую, и множество островов в нарочитом от нея разстоянии. На том месте находились они, по исчислению своему, под 51 градусом 27 минутами широты и под 21 градусом 39 минутами долготы от *Петропавловской гавани*. Понеже в оной день совершалась память зачатия *Иоанна Предтечи*, то высокая гора, на берегу стоящая, названа горою *святаго Иоанна*. После того думали положение берега определить точнее, положив оной под 52 градусом и 30 минутами широты, но сему капитан *Чириков* в репорте своем прекословит, ибо и он у сего берега был и показал оной под 51 градусом и 12 минутами, как объявлено будет о том в своем месте.

Тут ничего не происходило более, потому что для сильного южного ветра подойти ближе к земле не отважились, но за полезнее рассуждено было лавировать против ветру, которой вскоре потом переменился в жестокую бурю с западу, и оною пакетбот отнесен назад весьма далеко к зюд-осту. Буря продолжалась 17 дней безперерывно, чему подобных примеров, может быть, мало находится. По крайней мере, штурман *Андрей Гейссельберг*, о коем уже упомянуто выше, ездив чрез 50 лет в разныя части света, сказал, что не видал он никогда столь долго продолжавшейся жестокой бури. Парусами, сколько возможно, ходили немногими, чтоб не занесло их очень далеко. Октября 12 дня, когда буря утихла, находились они под 48 градусом 18 минутами широты. Но сие разуметь должно по одному корабельному изчислению, ибо за мрачною погодою нельзя было учинить никаких обсерваций.

Когда уже прежде на пакетботе многие были больны, то в сие время начала цынготная болезнь так сильно разпространяться, что редко день проходил, в которой бы кто сею болезнию не умер. И едва уже осталось столюк людей здоровых, сколько потребно было к управлению судна.

При сих обстоятельствах весьма трудно было принять резолюцию, куда путь воспринять. Стараться ли еще, чтоб возвратиться сего лета на Камчатку или у американских берегов искать пристани и там зимовать? Взвизывая на общее злоключение, на позднее года время, на недостаток в свежей воде и на весьма далекое от *Петропавловской гавани* разстояние, казалось, что кроме последнего способа спастись нельзя, однакож первое определение было в производившем на пакетботе совете. Понеже ветр повеял благополучной, то шли наши паки на север, а октября от 15 дня на запад. Они проехали мимо одного острова, которой надлежало было им видеть еще на прежнем их пути, как то показывала чиненная ими о их плавании морская карта, и *Штеллер* объявлял, что будто около тех мест, как шли еще вперед к Америке, действительно землю и видели. Но в

морских журналах о том ничего не показано. Да и невероятно, чтоб стали земли искать в толь дальнем разстоянии, ежели бы она еще прежде усмотрена была гораздо ближе. Может быть, что в означении курса на карте учинена ошибка, которая на незаемом море скоро произойти может. Или нельзя было, вперед идучи, видеть онаго острова за туманом. Ему дано имя *Святаго Макария*, другие же после того в западной стороне усмотренные острова названы именами *Святаго Стефана*, *Святаго Феодора* и *Святаго Авраама*. Два острова, к коим октября 29 и 30 чисел приблизились, без наименования оставлены, потому что они положением, величиною и прочим внешним видом явились подобны перьвым двум Курильским островам, за кои и почтены были. Сего ради поворотили наши курс свой к северу, а надлежало было, как после оказалось, только дни чрез два продолжать путь к западу, чтоб войти в *Авачинскую гавань*. Для сей причины называю я их *островами обманчивыми* (*Isles de la Seduction*), а учинившейся от них обман произвел по себе весьма худья следствия.

Понеже чаяннаго против западу берегу Камчатскаго не видно было, следовательно, при столь поздном года времени не оставалось надежды к сысканию гавани, а людем при своих недостатках и болезнях на стуже и мокроте безпрестанно работать надлежало, то всяк пришел в отчаяние. Дошло до того, что матрозов, определенных к рулю, водили двое другие больные, кои еще несколько ходить могли. Когда один не мог больше сидеть и править, то сажали на место его другаго не в лучшем состоянии. Парусов много подымать нельзя было, потому что в случае нужды некем было подбирать оные. К тому ж они уже изтончали и погнили, так что от сильнаго ветру разодрались бы они все на мелкия части, а других вместо их приготовить за недостатком людей нельзя было. Безпрестанные дожди начались переменяться в град и в снеги, ночи от времени до времени становились долее и темняе, а с тем и опасность умножалась, потому что на всякую минуту надлежало бояться, чтоб судно не разбилось. В то ж время в воде был почти крайней недостаток. Немногие люди, кои еще на ногах ходили, не могли сносить многой работы, они извинилися невозможностию и желали себе скорой смерти, которую почитали необходимою, и далеко ее предпочитали бедственной своей жизни. Пакетбот был дни с два без всякаго управления, носился по воде, равно как колода, оставленная во власть волнам и ветрам. Нельзя бы было тогда пришедших в отчаяние людей принуждать к работе строгостию. Гораздо лучше командующий лейтенант уговаривал матрозов ласкою, дабы они о помощи Божией не совсем отчаявались, но паче бы последняя силы к избавлению своему приложили, которая, может быть, скоряе воспоследует, нежели как думается. На сие некоторые склонившись, остались на деке и принялися дело свое исправлять, пока у них мочь будет.

В сем состоянии находился пакетбот, как пошли на нем поутру рано 4 ноября к западу, не зная ни градуса широты, ниже в каком разстоянии от Камчатки тогда находились. Но сего и звать было не по чему, ибо чрез

долгое время не учинено никаких обсерваций, от чего корабельное исчисление, не будучи чрез долгое время поправлено, становилось день ото дня сумнительнее. Между тем остался только западной курс, коим надежда еще была на Камчатку возвратиться. Коль велика была у всех на судне радость, как вскоре после того поутру около 9 часа увидели землю! Старались к ней приблизиться, но она находилась еще в дальном разстоянии. Сперва видны были токмо верьхи гор, снегом покрытые. А когда надлежало было к ней пристать, то наступила ночь, чего ради за полезнее рассуждено лавировать по морю, чтоб судно не подвергнуть опасности. В сем намерении столько парусов поставили, как можно было с ними управиться. Но следующего утра увидели, что большая часть канатов на правой стороне пакетбота перелопались. Тогда все грозило всеконечную погибелью; люди почти все были больны, и для того не с кем было отвратить сего злключения.

Лейтенант *Ваксель*, отрепортовав о сем капитана-командора, получил от него приказ, чтоб собрал всех обер- и унтер-офицеров и имел бы о том совет. В совете довольно рассуждаемо было о настоящей опасности, ибо судно для худаго такелажу к дальнему пути неудобно стало. Небезызвестно было, что и запасные канаты также были ломки. В самое время советования еще некоторые канаты лопнули. Болезни и в воде недостаток час от часу умножились. Как прежде безпрестанная мокрота производила великое неудобство, то теперь настала стужа тем чувствительнее, что от позднаго осеняго времени не оттепели, но паче больших морозов ожидать надлежало. По всему вышеписанному принята резолюция такая, чтоб как-нибудь к усмотренной земле пристать, дабы по крайней мере спасти живот свой. А может быть, удастся и пакетбот завести в безопасное место. Буде же сего невозможно, то надлежит жребий свой предать во власть провидению.

Того ж часа, парусы подняв за слабостию машт хоть немногие, стали курс держать к земле оной. Ветр дул к северу, а они шли на вест-зюйд-вест и на зюйд-вест, имея под собою глубины 37 сажень и грунт пещаной. Потом часа чрез два, что было пополудни в 6 часу, пришли на глубину 12 сажень, где грунт был пещаной же. Тогда бросили якорь, с коим выпустили канату до трех четвертей длины его, но в начале 7 часа канат лопнул. Ужасныя волны нанесли пакетбот на камень, о которой дважды сильно ударен был, хотя показывал глубины на 5 сажень. В то же время волны хлестали чрез все судно столь жестоко, что оно от того трещало. Бросили другой якорь, но канат у него прежде треснул, как еще не успели заметить, зацепил ли он за дно морское. При всем оно послужило еще то щастие, что больше якорей не было изготовлено. Они бы в нужде, в которой тогда находились, на сем опасном месте бросили бы и последней, и оной бы потому ж потеряли, ибо большая волна, подняв пакетбот, кинула оной чрез камень в то самое время, когда еще якорь к брошению в море изготовляли. Вдруг стали на тихой воде, где глубины было 4 $\frac{1}{2}$ сажени, грунт же пещаной, саженьях в 300 от берегу. На другой день

увидели они, какое прибежище щастие им даровало и каким чудесным образом милосердное провидение их привело к сему, хотя весьма опасному месту, однако из всех в окружности лежащих единому, где им еще спасение свое найти можно было. Со всех сторон явились великие камни, далеко в море простирающиеся, кроме сего единого места. Кажется, что в прежния времена подводные камни, чрез кои перешло судно, также составляли оной берег и, может быть, оторваны от него землетрясением. Они протягаются вдоль по берегу, и чрез них туда находится узкой проход, самой тот, на которой наши, по щастию своему, попали. А ежели бы они хотя на 20 сажень севернее или южнее шли, то бы судно всеконечно разбилось, и в темную ночь нельзя бы было спастися ни одному человеку.

Понеже нужда привлекла тут зимовать, то первое старание было землю осмотреть и сыскать к зимованию выгодное место. Бот изнуренными матрозами, кои с утра до обеда немного отдохнули, не без великаго труда на воду был спущен. Ноября 6 дня в начале 2 часа пополудни поехали на оном лейтенант *Ваксель* и адъютант *Штеллер*. Они застали землю, снегом везде покрыту. Изтекающая из гор речка и не в дальнем расстоянии от того места, где наши пристали, впадающая в море, еще была незамерзлая и имела воду светлую и здоровую. Токмо лесу ни на строение, ниже на дрова не видали, кроме что морем принесено и выброшено туда было, да и то лежало уже под снегом, и скоро онаго достать не можно было. Из чего же строить избы или казармы? Где держать больных? Чем защищаться от стужи? При показанной речке находились много бугров пещаных, а промеж их нарочито глубокия ямы. Разсуждено было ямы внизу несколько вычистить и сверху накрыть парусами, дабы по крайней мере можно было прожить в них до того времени, пока същется столько приносянаго лесу, сколько к строению казарм потребно. Под вечер, приехав назад на пакетбот, отрепортовали капитану-командору, что ими усмотрено.

Определено было послать следующего утра столько людей, сколько еще ходить могут, для приуготовления, во-первых, некоторых ям промеж пещаных бугров к пребыванию больным, что и учинили. Ноября 8 дня начали больных возить на берег, но некоторые в ту же минуту умерли, как только из интрьума на свободной воздух выведены были, другие, будучи на деке, иные в боту, а некоторые как только на берег выведены были, конец жития своего возъмели. Тут увидели наши, с коликою жадностию прибегали к мертвым телам песцы, коих безчисленное множество там находилось, знатно, что они еще никогда от людей пуганы не были. По-видимому, наши были первые пришлецы на сию землю, того ради песцы их и не боялись и прочь не бегали, хотя кто к ним и подходил весьма близко. С великою силою отогнали их от тел мертвых. Они объели у некоторых руки и ноги, пока еще в землю закопаны не были. По сему обстоятельству уже тогда догадались, что та земля остров. И подлинно так было, о чем после того больше удостоверились.

Ноября 9 дня вынесли на берег капитана-командора *Беринга*, окутанного от внешнего воздуха, четыре человека на носилках, сделанных из двух шестов и веревками перевязанных. Для него приготовлена была особая яма. На всякой день больных выносили. На всякой день и умирали их по несколько, коих погребали. Ни один из тех, кои еще на пакетботе больны лежали, не выздоровел. Но то были люди наипаче такие, кои сами от беззаботливости и робкости подали к тому причину, что цынга в них столь сильно распространилась. Болезнь сия начинается слабостию по всему телу, делает человека ко всему непроторным и скучливым, ум приводит в уныние и от времени до времени при малом движении причиняет удушье. Посему немощному желается лучше лежать, нежели прохаживаться. Но сие ему наиболее вредительно. Потом последует лом во всех членах, ноги пухнут, лице все желтеет, по телу выступают синия пятна, из роту, а особило из десн, кровь идет, и все зубы начинают шататься. Тогда больному обыкновенно не хочется тронуться с места. Жить или умереть почитает он за равное. Все сей болезни степеня видны были на пакетботе. У некоторых больных примечена была крайняя боязливость, что они от всякаго крику, без коего, однако, на судне обойтись не можно, тотчас в великой страх приходили. Притом многие были с хорошим аппетитом, не думая про себя, что они столь больны, как то действительно было. Ибо когда приказано было больных сводить на берег, то они, сему весьма обрадовавшись, встали на ноги, надели на себя платье, думая, что они теперь скоро оздоровеют. Но, вышед из своего места, находившагося в интрьуме пакетбота, где был воздух задхлой и многими худыми частицами наполненной, на дек и на вышней свободной воздух, тотчас пали оземь мертвы. Те изрядно в сем случае поступили, кои не поддавались болезни, береглись от всегдашняго лежания и принуждали себя, сколько возможно, ходить и быть в движении, также и те, кои по веселому их нраву всегда при прежней бодрости остались. Такой человек делал и другим великую пользу примером и советом своим. Особливо примечено было сие в офицерах, которые по командам своим всегда имели дело и, дабы ничего упущено не было, время препровождали по большой части на деке и почти всегда в движении находились. Им нельзя было приходиться в робкость, имея при себе *Штеллера*, которой не токмо болезни телесныя, но и смущенной дух пользовал, ободря всякаго веселым и приятным своим обхождением. Одному только капитану-командору сие не помогало. Немолодые лета и темперамент его были причиною, что он более склонности имел к покою, нежели к движению. Напоследок не стал он никому доверять и всякаго почитал себе неприятелем, так что и *Штеллер*, котораго он прежде весьма любил, больше к нему допущен не был. *Ваксель* и *Хитров* до приходу к сему месту были в нарочитом здравье и прожили на пакетботе всех долее, потому что им желалось, дабы все наперед перенесено было на берег, также что на судне для них более выгодно было. Но от сего почти крайнее неблагополучие им последовало. Недостаток ли в движении, или исходяция от больных из

интрюма пары произвели сие действие. В немногие дни зделались они так больны, что 21 ноября надлежало их свести долой с судна. Они сведены были на берег таким же образом, как и прочие. И понеже искусство уже научило, как при выходе из судна и при вступлении на свободной воздух поступать должно, то окутали их плотно и не давали им скоро принимать в себя свободным дыханием внешнего воздуха, пока помалу ко оному опять не привыкли.

Потом оба пришли в прежнее здоровье, но *Хитров* пожже, нежели *Ваксель*, а капитан-командор *Беринг* декабря 8 дня там скончался, чего ради в честь его тот остров назван *Беринговым островом*. Он был датской нации и в малых летах еще ходил морем в Индию и Америку. Неусыпное старание безсмертныя славы императора Петра Великаго о учреждении морскаго флота возбудило в нем охоту искать щастия своего в России. Я нашел в некоторых записках, что в 1707 году служил он при Российском корабельном флоте лейтенантом, а в 1710 — капитан-лейтенантом; когда он пожалован капитаном, того заподлинно показать не можно. Таким образом, служив при Кронштате во флоте с самаго его начала и находившись при всех в тогдашнюю с Швециею войну морских предприятий, присовокупил он к надлежащей по своему чину способности и долговременное искусство, которое наипаче учинило его достойным к чрезвычайным делам, каковыя то были двукратныя на него положенныя проведения. Только о том сожалеть должно, что он жизнь свою скончал таким несчастливым образом. Можно сказать, что он еще при жизни почти уже погребен был. Ибо в яме, в которой он больной лежал, песок, со сторон всегда осыпаяся, заваливал у него ноги, коего он напоследок больше огребать не велел, сказывая, что ему от того тепло, а впрочем де, он согреться не может. И так песку навалилось на него по пояс, а как он скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтобы тело пристойным образом предать земле.

Подобному злоклучению подвержено было и другое судно, которым командовал капитан *Чириков*, о коем объявлено уже выше, как он июля 27 дня от дальнейших американских берегов в обратной путь отправился. Он чувствовал все те же препятствия, которыя имел капитан-командор в своем путешествии. Всегдашней противной ветр, всегдашнее замешательство от берегов и островов, коих, к великому своему сожалению, идучи к Америке, он не видал, его безпокоили. А сверх сего имел он еще и то неудобство, что, лишившись двух своих ботов, не мог нигде запастись свежею водою. Сентября 20 дня пришел он под 51 градус и 12 минуту высоты полуса к берегу, которой, по всякой вероятности, есть тот же, у коего, спустя после того 4 дни, был и капитан-командор *Беринг*. Берег окружен был камнями, из-под воды торчащими, чего ради употреблены были все силы к избежанию опасности, которой подвергнули себя необходимо, естли бы ближе подвинулись к оному берегу. Другова не было, как чтоб стать в 200 сажнях от берегу на якорю. Из тамошних жителей приехали к пакетботу 21 человек, каждой в особой коженой

лодке, показывая вид дружеской, якобы желают помощь оному подать, и притом весьма дивились пакетботу так, что не могли на него довольно насмотреться. Но некому было говорить с ними, также не можно было там стоять долго, ибо канат якорьной, обтершись о камни, лопнул. Капитан *Чириков* старался только о том, чтоб вытти опять на свободное море, что, хотя и учинилось, однако путь за продолжившимися по большой части противными ветрами происходил таково же медленно. Как начал появляться в свежей воде недостаток, то искусились на пакетботе оной наградить тем, что морскую воду перегонять стали. А хотя сим соль из ней вывели, токмо обыкновенная в ней горькость осталась. Между тем не нашли инаго способу к содержанию себя водою, как что перегоненную морскую воду мешали с оставшеюся еще свежее водою по половине и раздавали малыми порциями, чтоб долее ее стало. Какая же была радость, когда при сей нужде дождь шел? Тогда пробавлялися скопленною дождевою водою, которую из парусов выжимали. Можно себе представить, что сие обстоятельство принесло с собою и болезнь цынготную, которая также и у капитана *Чирикова* многих жизни лишила. Он сам с 20 сентября находился безпрестанно болен. Сентября 26 дня умер констанель *Иосиф Качиков*, октября 6 дня — лейтенант *Чихачев*, 7 — лейтенант же *Плаутин*. Напоследок, 8 октября увидели *Камчатку*, а 9 числа вошли в губу *Авачинскую*. 10 числа хотел было профессор *де Ла Кроер*, которой также давно уже был болен, сойти с судна на берег, но как только взошел на дек, то, упавши на пол, умер. Из 70 человек, на пакетботе находившихся, всех умерло в разныя времена 21 человек. Штурман *Елагин* был один еще здоров из офицеров. Им приведен пакетбот 11 числа назад в *Петропавловскую гавань*, от коей с лишком 4 месяца были в отлучке.

Следующею весною капитан *Чириков* по выздоровлении своем ходил по морю, не увидит ли где капитана-командора, а после того отправился в *Охотск*, где ожидал из Санкт-Петербурга указа, что чинить ему повелено будет. По возвращении его в Санкт-Петербург пожалован он в капитаны-командоры, но вскоре потом скончался, заслуживши себе честь не токмо искуснаго и прилежнаго офицера, но и праводушнаго и богобоязненнаго человека, чего ради память его у всех, кои его знали, в забвение не придет.

Теперь возвращаюся я паки к объявлению о *Беринговом острове*, где незадолго пред кончиною капитана-командора случилось еще сие несчастие, что наши главнейшаго своего утешения и единого способу, коим надеялися из сего злоключения свободиться, а именно судна своего лишились. Оно стояло, как выше упомянуто, против свободнаго моря на якорю. На нем не оставлено было ни человека для караулу, ибо немногие люди, которые еще ходить могли, употреблены были на острове к присмотру за больными и к исправлению других дел. В ночи на 20 число ноября возстала с ост-зюйд-оста жестокая буря, которою канат у якоря перервало,

а судно близ того места, где наши пребывание свое имели, прибило к берегу и в глубину футов на 9 песком занесло. Знатно в то же время оно и на дне и по бокам весьма повредилось, ибо после усмотрено было, что во время приливу морская вода снизу в оно входила, а при отливе опять вытекала. От сего пропало в нем много муки, круп и соли, а что при убывании воды мало-помалу хотя спасено было, однако тому немалой вред причинился. Но притом должно было почитать еще то за особенное щастие, что судно к берегу прибито, а не в море унесено было. Ибо как бы им в сем случае можно было с сего пустаго острова назад возвратиться, потому что не находилось на нем никакого лесу, из коего бы могли построить новое судно? А тогда осталась еще надежда, что, хотя бы пакетбот сам явился негоден, но можно будет из онаго сделать небольшое другое судно к возвращению своему на Камчатку. Токмо о сем тогда еще не думали. Все отдалися на волю проведения и старались по возможности препроводить жизнь свою, к чему учинили следующие распоряжения.

Первое попечение было, чтоб провести обитаемую ими землю: какого она состояния? Есть ли на ней люди, от коих можно получить себе помощь или коих опасаться должно? Какие звери или другия произведения природы там находятся? Нет ли где в отдаленных местах к строению или к топленю удобнаго лесу? Материк ли она есть, или остров? Ибо сперва знать о сем нельзя было. По видимым в дали каменным горам казалось, что то матерая земля. Да и может быть, что матерая земля в прежния времена до сих мест доходила и что сия часть трясением земли от ней оторвана. Понеже наши находились на восточном сего острова берегу, то посланы были люди сперва к северу и к югу, кои столь далеко ходили, сколько дозволили им ходу простирающиеся в море высокие камни. Иные возвратились чрез 2, а другие чрез 3 дни. Все согласно показали, что они не токмо людей, но и следов их не видали. А по берегам везде усмотрели множество *морских бобров*, таких же, которые на Камчатке называются *бобрами*, но их свойственнее надлежало было именовать *морскими выдрами**; внутри же острова видели немалое число *песцов голубых и белых*. И понеже как помянутые бобры, так и песцы людей не боялись, то по сему заключить должно, что сии звери прежде их других людей не видывали. После сего отправлены люди внутрь острова, которые перешед около 15 верст, взошли на высокую гору и усмотрели к западу такое же чистое море, какое в виду имели к востоку. Чрез то наши удостоверились, что они на острове находятся. Стоячаго лесу нигде не найдено, да и наноснаго чрез всю зиму столь мало сыскано было, что едва на жжение стало. Ибо принуждены были вырывать оной с великим трудом из-под снега. А как снег сошел, то уже в нем недостатку не было, и то есть доказательством, что неподалеку оттуда находится земля с лесом, откуда оной приносится. Ширину сего острова положили наши на самом

* *Lutra Marina Marggranii, Brasiliensium Icy, siue Curiguaebeiu.*

широком месте с лишком на 20 верст, а длину онаго, которая простирается от юго-востока к северо-западу, точно не проведали. Оной лежит с устьем реки *Камчатки* под одною высотой полуса, и расстояние между обоими местами в следующем пути изчислено на 30 миль немецких, то есть около 200 верст. Везде по нему находятся высококия горы и камни, а промеж их в долинах по большей части текут хорошия речки, высокою травою обростшия. При немногих речках растет и тальник низким кустарником, но оной к употреблению не годится, потому что ветви его толще перста не бывают. Старались искать, не найдется ли где у берегу безопаснаго места для судов к отстою, токмо не сыскали. Во время приливу вода там прибывает до 7 и до 8 футов. Из зверей других не видали, кроме предъявленных песцов, больше голубых, нежели белых. Но шерсть у них не так мягка, как у сибирских, чему разность корму и воздуха причиною быть может.

Предосторожность требовала, чтоб учинить смету, сколько съестнаго припасу осталось и на kolikoе время его станет. Потому разделили порции, которые от времени до времени, хотя еще человек с 30 на острове от болезней померло, так малы стали, что нельзя бы было никому оными прожить, ежели бы недостаток мясом морских зверей не награжден был. Муки 20 пуд оставлено для предбудущаго пути, когда щастие послужит приготовить новое судно к возвращению на Камчатку. В сем случае никакого преимущества наблюдаемо не было. Офицеры и рядовые получали по равной порции. Все ели вместе, которые в одной яме жили. Кажется, что состояние натуральной свободы и равенства тут возстановлено было. Того ради и не можно было вести по регулам команды, ибо по смерти питана-командора, хотя лейтенант *Ваксель* оную и принял, однако не чел никого штрафовать, опасаясь, чтоб за то ему отмщено не было.

Что надлежит до морских зверей, коими наши питались, то сперва употребляемы были к тому вышепомянутые *бобры*, но мясо их, а особливо самцовое весьма жестко и вязко, как кожа, так что едва жевать его можно. Чего ради принуждены были резать оное мелкими кусками, кои не жевая глотали. В бобре одного мяса без костей фунтов с 50, требушиною и кишками от большой части больных кормили. *Штеллер* некоторых из сих морских зверей описал обстоятельно, и сие описание напечатано во 2 томе "Комментариев" здешней Академии. В оном, выхваляя мясо бобровое лекарственным от цынготной болезни, утверждает, якобы больные от онаго выздоровели. Но сколько же больных, кои также если оное мясо, умерло? Болезнь продолжалась немалое время, и потому выздоровление от ней можно причитать и другим причинам. Били множество бобров и не для употребления их в пищу, но также ради изрядной их шерсти, ибо китайцы на границе при *Кяхте* каждаго бобра по 80 и по 100 рублей покупают. Сие было нашим некоторым утешением. Таких кож накопили они до 900, которые всем разделены были. Но всех щастливее был *Штеллер*. Он, яко медик, получил себе многия кожи в подарок, а иныя купил у тех, которые, будучи в сумнении, увидят ли они

опять людей, коим бы те бобры надобны были, мало их почитали. Сказывают, что одна его доля состояла из 300 бобров, коих он с сего острова на Камчатку и в Сибирь с собою вывез. Сии звери, хотя научились помалу ловцов своих бояться, однакож часто находили и таких, которые спали или сходились. В последнем сем случае казались они быть в таком восхищении, что мало труда и умения требовалось к их убитию.

Еще в начале зимы выброшен был морем на остров мертвой кит, чему наши весьма ради были, хотя 5 верст ходить к нему принуждены были. Длинною он был около 8 сажень, и, может быть, носило его по морю немалое время, ибо жир его несколько кисловат был. Однако не препятствовало сие употреблению его в пищу. Наши называли его провиантским своим магазином, потому что он им всегда надежен, ежели других зверей не достанет. Жир резали в мелкие четырехугольные куски и в воде долго варили, чтоб большая часть истекающего из него сала от онаго отделилась, а что оставалось жестко и жиловато, оное, равно как и самое мясо, не жевав, глотали. По сем под весну выкинуло море им еще такого же кита, прежняго свежае, которой употребляли они в пищу таким же образом.

В марте месяце бобры скрылись, а на их место появился другой зверь, которой на Камчатке по долгим волосам по обе стороны рта его, как у кошек торчащим, называют *котами морскими*. Сей зверь находится также за экватором во многом числе, где *Дампиэр* онаго описал и называл *морскими медведями*. Западной того острова берег якобы покрыт был ими. Ибо они водятся семьями, так что один самец имеет у себя по 15 и по 20 самок, которых со всеми их детьми держит при себе как в море, так и на берегах до тех пор, пока дети поведутся особыми семьями. Самые большие из них весом тянут по 18 и по 20 пуд. Сей зверь весьма дик и боек, и за тем нельзя подходить к нему близко. Но его и не промышляли, кроме когда крайняя нужда того требовала. Ибо мясо имеет вкус весьма противной, а кожа почти не к чему не годна, разве что от самых молодых или от выпоротков, коих кожи некоторые на шубы употребляют. Их били по большей части сонных, потому что старые, когда весною очень разжирают, подобно как настоящие медведи зимою, спят месяца по два, ничего не жравши.

А как и сей зверь в конце мая месяца с острова отдалился, то чрез некоторое время другаго пропитания не было, кроме что от *тюленей*, но они были более обыкновенных и такие, коих на Камчатке "лахан" называют. Величиною они с быка, и весу в них будет пуд по 20. Но понеже мясо их вкусом противно и скоро приедается, то по щастию, стали иногда попадаться молодые *морские львы*, которые в пищу гораздо лучше годились.

Морские львы суть такие звери, которые на Камчатке называются "сивучами". Они вдвое более самых больших *морских медведей*. Весом тянут по 36 и по 40 пуд и шерстью, состоящую из коротких и желтых волосов, от прочих зверей различуют. Понеже они за морскими котами гоняются,

то может быть, что по сей причине коты в толь великом множестве на берега выходят, а морские львы на оном редко видны. Они садятся больше по большим камням, в некотором разстоянии от берега находящимся, которые, по-видимому, брошены туда с материка землетрясением. На них сидя, поднимают они ужасный рев, которой за три и за четыре версты слышан бывает. Все другие звери разбегаются, как только сего льва услышат. Их страшной и лютой вид являет, что они злы в драке, сего ради наши на них напускать не скоро отважились. Старых убили немногих, да и то сонных, а молодых случалось убивать чаще, коих мясо особливо вкусно показалось. Они уже описаны *Дампиэром* прежде *Штеллера*, и сходствуют с обыкновенными львами несколько длинными вверх стоящими волосами, кои у самцов около шеи бывают.

Наконец питались наши иногда и мясом того зверя, которой по-русски, равно как по-голландски и по-аглински "морскою коровою", от гишпанцов же "манаты", а от французов "ламентин" называется. Можно было думать, что сходство их с коровами весьма велико, когда разные народы и путешествующие, кои, конечно, друг друга не знали, с самого перьваго взгляду, когда незнаемой вещи дается какое имя, согласно так назвали. Но сходство сие состоит только в рыле, которое, как думать надлежит, прежде прочих частей тела и, может быть, сначала только одно, увидели. Ибо у сего зверя нет ни рогов, ни стоящих вверх ушей, ни ног, ниже другаго, чем бы походил он на корову, паче подобен он *тюленю*, только несравненно его более. Наперед у него две ласты, коими плавает, а между ими у самок находятся титьки, коими они кормят детей своих. Сие сходство членов с человеческими, а паче когда самки могут употреблять ласты к держанию детей своих у титек, подало причину к наименованию их у гишпанцов "манатами", то есть *зверем, имеющим руки*. Ибо гишпанцы ласты их уподобили рукам человеческим. "Ламентином" же французы назвали потому, что он громко не кричит, но аки бы воет, или стонет. *Христофор Колумб* почел сего зверя за *сирену*, какия описаны у древних авторов. Когда морская корова плавает по морю, тогда выставляет из-под воды обыкновенно часть спины, которая кажется наподобие обращенного вверх дном корабельнаго бота, по морю плавающего. Сей зверь водится не токмо в тамошнем, но и во всех морях около Азии, Африки и Америки. И потому некоторые путешествующие, как-то *Лопец*, *Дампиэр*, *Колб*, *Аткинс* и *Лабат* об нем упоминают, но в некоторых обстоятельствах себе прекословят, что и причину подало *Клузию*, *Ионстону*, *Рауу*, *Клейну*, *Артелу*, *Линнею* и другим к неисправностям в натуральной истории, к поправлению коих *Штеллерово* описание едва достаточно ли быть может. Особливой род сего зверя находится также в реке *Амазоновой* в Южной Америке, которой господином *де Ла Кондамине* в путешествии его описан. В "Тюбингских ученых ведомостях" 1752 году на странице 74 при объявлении о *Клеиновой* истории о четвероногих упоминается о морском звере, находящемся в Ледовитом и Камчатском морях и от тамошних

Русских жителей по белой его коже "белугою" называемом, которой сочинитель почитает за одно с *морскою коровою*, или с *манатом*. Но в том я с ним согласиться не могу. Морской зверь *белуга*, которой от рыбы *белуги*, в Волге-реке находящейся, различать должно, хотя еще совершенно неизвестен, однако некоторыя свойства, мне об оном объявленныя, к разпознанию онаго от *морской коровы* довольны. На нем есть кожа белая, по которой и прозван, а на *морской корове* кожа черная. На *белуге* редкая шерсть, а *морская корова* совсем гола. *Белуга* питается рыбою, а *морская корова* травою. *Белуга* заходит иногда в *Охотское море* и является около устья реки *Уди*, в которой тогда морская рыба прибежище от онаго ищет, что жителям *Удскаго острога* причиняет богатую ловлю, но о *морской корове* в тамошнем море не слышно. Да и не то же ли доказывается различностию Российских имен, и что оба имена употребительны в одних местах, например на *Камчатке* и в *Анадырском остроге*, где оба звери Российским жителям известны? О сем я находил за потребно упоминать, потому что оной артикул в "Тюбингских ученых ведомостях", кажется, сочинен бывшим со мною в путешествии товарищем покойником профессором *Гмелиным*, дабы другие истории натуральной писатели, смотря на такого искуснаго сочинителя, не взяли повод к ошибкам, а *Гмелинову* ошибку одному запоминанию приписать должно. Я возвращаюсь к прежнему, чтоб объявить, какое наши пропитание от *морских коров* имели. Некоторые из тех, коих ловили, были величиною с рыла до самага конца хвоста по 3 и по 4 сажени, а весу в себе по 200 пуд имели. Одного ставало с довольством на две недели. Притом мясо было весьма вкусно, как самая добрая говядина, а молодых зверей, равно как телятина. Больные чувствовали немалое себе облегчение, когда они вместо противнаго и жесткаго боброваго мяса от *манатов* ели, только трудно было осачивать сего зверя. На землю не выходил он никогда, но приближался только к берегу, чтоб жрать морскую траву, которая подле берегов растет или морем выкидывается. Сей хорошей корм, может быть, много способствует, что мясо онаго не как других зверей, рыбою питающихся, противнаго вкусу не имеет. Молодые звери, в коих весу было с лишком по 30 пуд, оставались иногда после отлива морскаго между камнями на суше. При сем убивать их способно было, а старые, будучи осторожнее, убирался от берегу далее с отливом заблаговременно, и ловили их не инако как острогами с привязанными к ним долгими веревками. Но иногда веревки изрывались, и зверь уходил, ежели скоро не успевали поколоть его в другой раз. Впрочем, сей зверь видим был и зимою, и летом. Жир на нем, как на свинях, толщиною перста на три или на 4, оной топили и употребляли наши вместо масла. Также и мяса несколько бочек в запас солили, которое на возвратном пути, о коем теперь предлагать имею, великое делало им в провизии подспорье.

В конце месяца марта 1742 году, когда снег с земли сходить начал, созвал лейтенант *Ваксель* оставшихся морских служителей, коих числом

45 человек было, для имения совету, как легче и способнее будет на Камчатку возвратиться и какие меры к сему концу принять должно. По сем самой последней матроз давал свой голос не меньше, как и офицер командующей. От сего произошли разныя мнения, и в том числе некоторыя совсем неосновательныя, коих надлежало доводами опровергнуть и совсем уничтожить, дабы надежнейшему и полезнейшему способу место дали. Например, думали некоторые, что надлежит де на корабельном боте сделать дек из парусины и привезть оной в такое состояние, дабы на нем по морю итти можно было, и на оном бы послать 6 человек прямо под запад, которые бы подали на Камчатке известие о состоянии людей, на острове находящихся, и требовали бы оттуда помощи. Сие возможно бы было в тихую погоду, но мог ли кто поручиться, что во время сего пути бури не будет и бот волнами не затопится? Известно ли было, что капитан *Чириков* или другое какое мореходное судно, кое бы на вспоможение притти могло, находится подлинно на Камчатке? В каком бы сумнении не остались ли прочие на острове? Что им делать между тем временем, пока им с Камчатки помочь придет? Сидеть ли им праздным и подвергнуть ли себя той опасности, чтоб еще другую зиму на острове проводить? Сии обстоятельства всякому явствовали. Наконец, рассуждено за полезнее с самага начала избрать такой способ, которой бы не токмо прежняго надежнее был, но коим и можно бы было всем на острове обретающимся в одно время оттуда отправиться.

Сего ради некоторые предлагали, что стараться надобно содвинуть пакетбот с берегу на глубину и, где повредился, починить, дабы на нем опять итти можно было. Но как сие учинить? У пакетбота дно занесено было песком в глубину до 8 футов. Не знали, цело ли оно, или нет. Может статься, что и все переломалось. Но хотя бы оно и цело было, однако наличное число людей не довольно бы было, чтоб спехнуть его на воду. Где ж взять было бревна, чтоб из песку его вырыть? Канал копать пред ним в море, как от некоторых предложено было, для спуску онаго в прибылую воду, нельзя было потому, что берег, на коем пакетбот стоял, состоит из подвигающагося песку, которой при копании канала всегда бы оплывать стал, о том не упоминая, что приходящим приливом всегда б множество песку опять наносило, и от того труды были бы тщетны.

Для сих причин *Ваксель* и *Хитров* предложили, что можно де пакетбот разломать и из частей его построить судно поменьше, на коем бы всем с провизиею на две недели уместиться. Сим де можно будет всем купно свободиться из нужды. Ежели же последует паки неблагополучие, то все вместе и друг другу завидовать не станут. Сие предложение единогласно апробовано было, но как за благо обретено сочинить писменное о том определение, под которым бы каждой подписался, то при подписке уродились новыя сумнения. Некоторые не хотели подписаться для того, дабы быть без ответу в разломке судна, построеннаго на казенном коште, однакож те сами в собранном вновь совете, большинством голосов побеждены будучи, напоследок на общее мнение склонились. Потому в начале

апреля месяца начали пакетбот разносить и ломать. Сия работа продолжалась целой месяц, за которую сами офицеры всегда первые принимались, дабы рядовых своим примером наивысше побудить к прилежанию.

Самое большое затруднение состояло в том, что не знали, кому бы поручить смотрение над строением новаго судна. Ибо хотя взяты были в сей путь трое корабельных плотников, но все на острове померли. По щастию, сыскался сибирской казак уроженец города Красноярска *Сава Стародубцов*, которой при строении в Охотске пакетботов употреблен был к плотничному делу, и принимался за сие дело, ежели только пропорция судна ему показана будет. За сию его услугу награжден он после чином *сына боярскаго*, когда по возвращении морской команды Енисейской провинциальной канцелярии о том предложено было. Мая 6 дня заложили судно длиною по килю в 40, шириною в 13, а глубиною в 6 футов. В конце того ж месяца вставили все штевени и в первых числах июня начали оное снаружи и изнутри обшивать досками. Было то судно с одною маштою и с одним деком. В корме зделана каюта, а в носу кухня; на каждой стороне находились по четыре весла. К конопачению пеньки и старых канатов было довольно. Но понеже в смоле было оскудение, то пользовались следующим способом. Взяли новой канат якорной, которой в воде еще не был, разрубили его на части длиною по футу и, развив крученныя веревки, наклали их в большой медный котел, которой покрыли плотно деревянною крышкою, а посередине крышки зделали небольшое отверстие. Потом, взяв деревянное судно и зделав к нему равномерную с отверстием крышку, закопали оной по самую крышку в землю. На сие судно поставили медной котел вверх дном, так, что крышка на крышку, а отверстие на отверстие легли плотно. Котел обсыпали землею столь высоко, чтоб огонь не мог проходить до деревянного судна. После сего расклали огонь около меднаго котла, котораго большая половина поверх земли стояла. Находящаяся в канатной пенке смола от жару разтопилась и стекла в нижнее деревянное судно. Сим способом достали себе смолы столько, что нижнюю часть судна оною высмолить могли, а верхнюю вымазали топленным салом. Таким же образом построили и небольшую лодку, в которой человек 8 или 10 могли уместиться. По совершении сего внесены на судно машта, парусы, канаты, якорь, бочки с водою и провиант, и так оно совсем изготовлено было.

В конце июля осталось только зделать сани, на коих бы судно спустить в море. Они зделаны длиною в 25 сажень. Ибо для прибывающей во время прилива нарочито высоко морской воды нельзя было строить судно на самом краю морскаго берега. Оно спущено на воду августа 10 числа. Наречено ему имя то ж, как пакетбот именовался, из коего оно построено, а именно "Святой Петр". Можно назвать оное одномаштовым гукером, потому что такелажем своим на сей род судов больше походило. Множество пушечных ядер и картечей и оставшаяся от пакетбота всякая железная збура употреблены были вместо баласту. По щастию, стояла тогда погода тихая, без которой едва можно бы было делом исправиться.

Судно с стороны моря на половину компаса, а именно от норд-норд-веста до зюйд-зюйд-оста всем ветрам было подвержено. Ежели бы восстала буря, то бы могло оно скоро о берег разбиться. В глубину ходило оно на пять футов. Можно бы было грузу прибавить в него и более, однако и сего было довольно по тогдашнему намерению.

Как все взошли на судно, то августа 16 дня под вечер от берегу отвалили. Маленькой бот привязали на канате за судном только для опыту, можно ли вести его с собою, а ежели нельзя будет, то хотели оное оставить. По камням и по другим мелким местам шли завозом, глубины было на 4, 5, 7 и 9 сажень, потом пошли на гребле, и как отделились от острова мили на две, то поднялся небольшой северной ветр, коим путь свой продолжали. Надлежало дивиться, сколь судно в ходу хорошо и в поворотах способно было. Лучше не сделал бы и самой настоящей мастер. На другой день около полудня имели они в виду юго-восточной нос *Берингова острова* в расстоянии двух миль против норду-тен-осту, называя оной "Кап манати" или "Манатовым носом", потому что вышеписанный морския коровы на нем более других мест водились. Сей мыс лежит под высотой полуся 54 градусов 55 минут, или близ 55 градусов. А то место, где наши зимовали, усмотрено по обсервациям почти под 56 градусом. Августа 18 дня поутру повеял сильной ветр противной от юго-запада, чего ради рассуждено было бот оставить на море, дабы он тягостию своею не вредил слабому судну. Того ж дня около полудня появилась в судне сильная течь, двух пумп к выливанию воды было не довольно, они принуждены были воду лить ведрами. Множество ядер, картечей и других тяжелых вещей выбрасано в море, чтоб судно облегчить и усмотреть место, коим течь идет. Она унята исправлением худаго места, хотя не совершенно, однако сколько изнутри то учинить можно было. После к выливанию воды довольно было одной пумпы, да и ту не всегда употребляли. Августа 25 дня увидели берег земли *Камчатки* и имели щастие 26 числа войти в *Авачинскую губу*, а 27 в *Петропавловскую гавань*⁶².

Коль великую то учинило радость у всех, в сем пути участие имеющих, оное всяк легко рассудить может. Вся нужда и все бедствия миновались, которым они весьма много подвержены были. Они пришли к исполненному съестным запасом магазину, которой от капитана *Чирикова* там был оставлен, вступили в спокойныя жилища, коих чрез столь долгое время лишались. А хотя той же осени и на том же судне в Охотск отправиться желали, но за противными и жестокими ветрами сего не воспоследовало, и в Петропавловской гавани зимовали.

Между тем судно приведено в состояние, что в мае месяце следующего 1743 году могли итти в Охотск со всею командою. Оттуда отправился *Ваксель* в Якутск и препроводил там зиму, поехал в *Енисейск*, где по приезде своем в октябре месяце 1744 году застал еще капитана *Чирикова*, которому по указу Правительствующаго Сената там, яко на месте съестных припасов изобильном, велено жить, пока о продолжении

или отменении Камчатской экспедиции резолюция воспоследует. По сей причине остался и *Ваксель* в *Енисейске*, и по отъезде *Чирикова* в 1745 году в Санкт-Петербург по присланному к нему о том приказу принял над обретающимися там морскими служителями команду. А возвратился он со всею командою в *Санкт-Петербург* в конце генваря месяца 1749 году, что можно почесть за конец *второй Камчатской экспедиции*, и потому она мало не чрез 16 лет продолжалась.

Что же до академической свиты принадлежит, то профессор *Гмелин* и я, объехав все Сибирския страны, возвратились в Санкт-Петербург в 1743 февраля 15 и 14 чисел. А *Штеллер*, оставшись после *Вакселя* на Камчатке за тем, что пожелал учинить еще некоторыя испытания, до натуральной истории касающияся, не пользовался сим щастием. Он вступил, хотя с добрым намерением, однако без нужды, в дела, не принадлежащая до его должности. За сие на возвратном своем пути имел он ответствовать в Иркутской провинциальной канцелярии. Как о сем репортовано было в *Санкт-Петербург* Правительствующему Сенату, то хотя *Штеллер* в Иркутске совершенно и оправдался, и от тутошнаго вице-губернатора в Санкт-Петербург совсем был отправлен, но репорт о проезде его чрез *Тобольск* дошел прежде Правительствующему Сенату, нежели тот о отпуске его из Иркутска, того ради из Правительствующего Сената послан был ему навстречу курьер, чтоб его в Иркутск назад отвезть. А понеже вскоре потом репорт получен был, что дело его в Иркутске совсем решено, то отправлен был другой курьер с указом, чтоб пропустить его без задержки до Санкт-Петербурга. Между тем перьвой курьер, застав *Штеллера* у *Соли Камской*, вез его с собою до *Тары*, в коем месте другой курьер его настиг. Но *Штеллер* на возвратном своем пути не доехал далее, как до города *Тюмени*. Тут он ноября 12 дня 1746 году при лекаре *Лауе*, бывшем также при Камчатской экспедиции, горячкою умер. Сие обстоятельство приводить за нужно разсудилось, потому что в иностранных государствах много фальшиваго о том было разсеяно, а некоторыя и о смерти его сумневались. Он родился в 1709 году марта 10 дня в городе Винсгейме в Франконии. Прилежанием и искусством своим еще много бы принес он пользы ученому свету, ежели бы промыслу Божию угодно было более продлить жизнь его. *Гмелин* поехал в отечество свое в город Тюбинген в 1747 году и там, будучи профессором ботаники и химии, умре в 1755 году маиа 20 дня к немалому также ущербу ученаго света. Ибо он учиненный им в Сибири наблюдения еще не привел все в совершенное состояние⁶³. Больше похвалы ему приписать не смею, дабы не навести на себя подозрение, будто я оное учинил по бывшему между нами дружеству. Только объявлю, что он родился в 1709 году августа 14 дня в городе *Тюбингене*, в 1727 году, учинившись лиценциатом медицины и по отбытии его в том же году еще доктором, приехал в Санкт-Петербург служить при Академии адъюнктором. В 1730 году произведен профессором химии и натуральной истории и прежде еще путешествия своего в Сибирь

сочинил разныя диссертации, которыя напечатаны в "Комментариях" Академии, а по возвращении своем засвидетельствовал он свету еще более в особливых книгах искусство в своей науке. Сего довольно к учинению памяти его у всех, кои истинныя заслуги почитают незабвенною.

С того времени, хотя по особливим ея императорскаго величества указам не чинили по тамошнему морю дальнейших проведываний, однако партикулярные люди ходили иногда и после на судах к *Берингову острову* и на другие острова, которыя мореплаванья, как слышно, еще продолжаютя. Прибытычной тамошней бобровой промысел привлек людей к тому, и они никогда без доброй прибыли назад не возвращались. От збору десятиннаго приходят в казну нарочитые доходы, потому самые начальники в Якутске, Охотске и на Камчатке поощряли к тому купцов и промышленников. И понеже дали им прежней гукор для употребления, то приносило сие судно и после еще великую пользу. В самом деле должно быть такому судну, каково сие, или еще меньшему, ежели ходить на тамошние острова для боброваго промыслу. Наши мореплаватели о том размышляли, будучи еще на острову. Мнение их было сие: надлежит избрать место для пристанища, где нет камней и, напротив того, песчаной берег плоско в море простирается. Тут можно приставать во время прилива и судно на берегу привязывать, которое по стечении назад воды во время отливу на сухом песке останется. После можно стянуть его до следующего прилива еще далее на берег, где будет стоять сохранно без всякой опасности. Такие места, где таким образом пристать можно, обьисканы и на западной стороне *Берингова острова*. Напротив того, вокруг онаго, как выше упомянуто, нет никакой гавани, или губы, где бы судно на якорь стать могло, не опасаясь, что в сильной ветер либо о камень разобьется или на мель взогнано и песком засыпано будет.

Надобно еще упомянуть о некоем письме о предьявленных же морских путешествиях, в Берлине 1753 году напечатанном под заглавием: "Lettre d'un Officier de La Marine Russienne à un Seigneur de la cour", то есть "Письмо офицера Российскаго флота к некоторому придворному господину"⁶⁴. Сему письму притчина была следующая. Когда господин Делиль в Париже камчатския и ишпанскому адмиралу *де Фонте* приписуемая изобретения на карте представил и приобщил к ней печатное изъяснение*, то сочинителю письма приказано было подать о том свое мнение. Он усмотрел, что господин *Делиль* карту свою сочинил по известиям весьма недостаточным, и нашел как на карте, так и в изъяснении разныя погрешности и неправды, также приметил, коль несправедливо он себе и брату своему, на Камчатке умершему господину *Делилу де Ла Кроеру* честь изобретений присвоает⁶⁵.

Все сие показано помянутым сочинителем откровенно. Письмо сперва напечатано одно, а потом с поправлением некоторых типографских

* Explication de la Carte des nouvelles Deconvertes au Nord de la mer du Sud. Paris, 1752. В четверть листа.

погрешностей внесено в 13 том книги "Nouvelle Bibliothèque Germanique". В то же время напечатан онаго же письма перевод немецкой в Берлине же, а в Лондоне аглинской, и к аглинскому переводу приобщены от господина *Артура Доббеса*, сего великаго споспешника морским северным путешествиям, примечания. Всяк радовался читать истинныя обстоятельства Камчатскаго морскаго путешествия, которых вся Европа многое время ожидала с нетерпеливостію. Но некоторые хулили в письме то, что сочинитель якобы писал с некоторым огорчением, чего не надлежало было употреблять при опровержениях*.

Сия есть одною из тех причин, для которых я о сем письме упоминаю. Ибо кажется, что можно извинить сочинителя от сего нареканія. Он намерения не имел к нарушению законов благопристойности, и никакой вражды с господином *Делилом* у него не было. Он принужден был по совести своей и для подтверждения правды о некоторых известиях, господином *Делилом* предложенных, объявить совсем противное. В том ли он погрешил? По моему мнению, должен в таковых случаях тот в вину себе причитать, которой подает повод к прекословию. Но дело состоит в избирании слов, и то поистинне не без трудности, а паче когда писатель думает, что к тому притчины нет. Сочинитель писал письмом. Известно, что в письмах употребляется более откровенности, нежели в публичных сочинениях. Но понеже напечатано оно без сочинителя вѣдома, то желал бы он сам, чтоб некоторые места из него выключены были, а паче те, которые касаются до находившагося при Камчатской экспедиціи покойнаго профессора *Делила де Ла Кроера*, потому он ответственъ за себя не может, и сие справедливо.

Другая притчина, для которой упоминаю я здѣсь о письме оном, есть сия. В нем содержатся первыя известія о камчатских изобретениях, с Россійской стороны в свет изданныя. Объявлено о всем кратко, писано вскорости, от того произошла небольшая разность, которая при сравнении письма с сообщенными здѣсь известіями о делах, до морских путешествій принадлежащих, примечается. В других случаях можно бы было заключить с довольным основаніем, что тому, которой объявляет о себе, что он был очевидным свидетелем, должно более верить, нежели другому, которой только собирает чужія известія. Но здѣсь разсужденіе сие не служит. Сочинитель письма, признавая свои неисправности, изъясняется, что он предъявленным здѣсь известіям прекословить не будет.

* Considerations Geographiques et Physiques sur les nouvelles decouvertes. Par Mr. Buache a Paris, p. 51. "Une bonne critique doit être instructive et sans personalites. On trouve le premiere qualite dans le lettre dont il est question et j'aurois desiré, d'y voir egalement la seconde".

Memoires des Trevoux, 1754, May, p. 185. Edit. de Holl. Mr. Buache condamne asses clairement quoiqu en termes indirects la partie de cet escrit, qui est trop contentieuse, qui l'est meme au point de pouvoir passer pour une satire. ["Хорошая критика должна быть поучительной и не затрагивать личности. Считают, что это первое письмо высокаго качества, и я хотел бы получить такое же второе" (*фр.*) — *Ред.*]

Третью притчину еще подают мне предъявленные в оном письме некоторыя примечания, кои до предложеннаго здесь описания касаются и еще более изъяснены быть могут. Например.

В печатной книге, называемой "Nouv. Biblioth. Germap."⁶⁶, на странице 68 присоветывается, чтоб Восточнаго океана, по крайней мере в тех странах, кои путешествиями капитана-командора *Беринга* и капитана *Чирикова* известны стали, более не называть *Тихим морем* (Mare pacificum). Сие неприличное название введено геодезистами, бывшими на Камчатке и сочинившими оную карту, которое также вошло и в изданной при Академии "Новой Российской атлас". И потому примечание сие есть бесполезно, хотя нет причины опасаться, чтоб искусные географы, ведая, которой стране океана свойственно имя *Тихаго моря* приличествует, сему примеру стали последовать.

На странице 75 предлагается догадка, что Америка прежде сего соединялась с землею Чукотскою, а разделилась от оной, может быть, землетрясением или наводнением. Сочинитель хочет по сему заключить о населении Америки. А лучше и достовернее можно потому изъяснить великое сходство народов Северной Америки с сибирскими в обычаях, в пропитании, в одежде да почти и во всех нравах, также и в законе; и оным засвидетельствуется издревле бывшее между ими обхождение, которое не могло легче произойти, как тогда, когда обе части света между собою еще соединены были.

На странице 79 находятся сомнения о достоверности того известия, в котором описано путешествие адмирала *де Фонте*. Хотя против того господин *Артур Доббес*⁶⁷ предлагает некоторыя свои мнения, но оными доказана ли верность того известия, оное я разсуждению других оставляю. Господин *Доббес*, сам сомневаясь, почитает изданное сокращение о пути де Фонтоновом сумнительным и заключает, что нельзя онаго принимать основанием к сочинению карты. Сего довольно. Другие славные географы *д'Анвиль*, *Беллин*, *Греен* и прочие кажутся того ж мнения, ибо они изобретений гишпанскаго адмирала также на ландкартах своих не поставляют.

На странице 84 представляется, чтоб обретенную Российскими судами часть Северной Америки по примеру других народов называть *Новою Россиею*. Не могу я не упомянуть при сем о том, что господин *Буаш** неправильно разсуждает, якобы сочинитель письма о изобретениях адмирала *де Фонте* сомневается только для того, чтоб претенсию россиян на сию найденную ими землю учинить тем сильнее. Какое же мнение должны иметь о сем господа *д'Анвиль* и *Беллин*, кои также о том сомневаются?

На стран[ице] 86 предлагается о несправедливости, по которой проведания, кораблем *Кастрикомом* учиненныя в разсуждении земли *Езо*, предпочитают изобретениям капитана *Шпанберга*. На сие, хотя госпо-

* Considerations par Mr. Buache, стран. 55.

дин *Буаш* учинил изъяснение** , что он ни голландских обысканий Российским, ниже Российских голландским не предпочитает, но хочет и те и другия согласить между собою, но посмотрим, как он их соглашает*** . Он признавает из объявленных капитаном *Шпанбергом* островов токмо те за действительные, кои простираются до острова *Надежды*. Острова же *Три сестры*, *Цитронной*, *Зеленой*, *Кунашир* почитает он за части земли *Езо*, будто *Шпанберг* заливами и выдавшимися каменными горами обманут, что почел он за острова непрерывную землю. Напротив того, господин *Буаш* не может себе представить, чтоб голландцы разные неподалеку друг от друга лежащие острова за один почесть могли**** . Для чего сие? Разве описания морского путешествия корабля *Кастрикома* есть столь обстоятельно, что уже не подвержено никакому сомнению? Разве способнее признавать большую непрерывную землю за острова, нежели разные неподалеку лежащие острова за непрерывную землю? Где ж будет здесь обещанное безпристрастие? Ежели мое положение, что земля *Езо* после кораблеплавания голландскаго иной вид получила, за благо не примется, то имею я другия доказательства о достоверности *Шпанберговых* и о недостаточестве голландских на корабле *Кастрикоме* учиненных изобретений, которые представлю я ниже сего⁶⁸.

Осталось еще упомянуть о карте⁶⁹, недавно при Академии напечатанной, о новых камчатских изобретениях. Понеже она сочинена под моим смотрением, то надлежит мне дать отповедь, по каким основаниям положил я на ней некоторыя страны таким, а не другим образом. Надпись положена на ней следующая: "Nouvelle Carte des Decouvertes faites par les Vaisseaux Russiens aux cotes inconnues de l'Amerique Septentrionale avec les pais adjacents: dressee sur des memoires authentiques de ceux qui ont assiste à ces decouvertes et sur d'autres connoissances dont on rend raison dans un memoire separe", то есть "Новая карта о изобретениях, Российскими судами учиненных на незнаемых Северной Америки и близлежащих земель берегах, утверждающаяся на точнейших записках тех, которые при сих изобретениях находились, и на прочих известиях в особом сочинении предложенных. В Санкт-Петербурге при императорской Академии наук 1758 году". Некоторые перьвые печатные листы представляют 1754 год. И в самом деле, карта в оном году сочинена и на меди вырезана. Но я оную в сем текущем году еще пересматривал, в некоторых местах исправил и число года переменял, чем последние имеют от прежних различие. Сочинение, о котором упоминается в надписи, есть сие самое. Зачнем разсматривать карту с западной стороны.

Часть Сибири, на сей карте умещенная, скопирована с новой карты Сибирской губернии, которая сочинена по учиненным в ней мною самим

** Стран. 54.

*** Стран. 123 и следующия.

**** Стран. 124.

наблюдениям и описаниям, но она еще не вырезана. По ней усмотрено будет весьма великое различие от сибирских карт в "Российском Атласе"⁷⁰. Но сие не должно приводить кого в сумнение. Неисправности в "Российском Атласе" были причиною, чего ради старание приложил о сочинении новой карты, которая бы была исправнее и достовернее прежних⁷¹.

Берега Ледовитаго моря положены по известиям, во время вышеписанных морских путешествий учиненным. А понеже части оных от города Архангельскаго до реки Оби, в коей стране также много новаго примечено, здесь предложить нельзя было, то сообщена будет она впрядь при другом случае. Предъявленных островов на Ледовитом море не положил я для сумнительства об них, о коем выше приведено было довольно разсуждений. Ибо что из того пользы представлять то, что всяким прекословием опять уничтожено быть может? Хотя не можно в географии о всем предложить безпрекословных доказательств, однако вероятность какой-либо вещи должна быть весьма велика прежде, нежели она представлена будет на карте. Из острова и большой земли против устья реки Колымы, кои господа *Делиль* и *Буаш* приняли в свое защищение⁷², более ничего не выходит, как небольшой остров *Копеев* близ матерой земли, представленной на надлежащем его месте.

Потому ж я не изобразил представленную на генеральной карте "Российскаго Атласа" между Колымою и Чукотским носом *Китовую ловлю*. Сия выдумка гридоровальщикова, которая только служить имела к наполнению пустаго места, уже довольно людей привела на то мнение*, будто в тамошних странах китовая ловля действительно кораблями по европейскому манеру отправляется⁷³.

Чукотской нос представил я совсем в ином виде, как прежде оной на карте оказался. Кто прочитал со вниманием то, что я выше сего о сей материи объявил, тот причины тому скоро усмотрит. На *Страленберговой* карте находится нечто подобное, токмо нос представляет она гораздо уже. В сем месте носа живет самое многолюдство чукчей настоящими своими жилищами, а оттуда токмо по случаю к югу и западу разпространяются. Есть небольшой уской перешеек, чрез которой неоднократно от *Кольмскаго* до *Анадырскаго* моря пешком хаживали, следовательно, за оным перешейком земля еще весьма далеко простираться должна. Я того опасаюсь, что нос еще мал представлен, того ради вокруг его для показания сомнительства означено точками.

Можно бы было около *Чукоцкаго носу* острова поставить, ежели бы имеющиеся об них известия довольно согласны были, а паче не оставляли бы сомнения, чтоб в положении их не ошибиться. Что принадлежит до острова *Пухоцкаго*, которой на изданных по кончине его величества императора Петра Великаго в Голландии картах, также и на *Страленберговой* находится, то уже по вышеписанному явню, что оной места себе

* Considerations par Mr. Buache, p. 4, not. 6.

найты здесь не может, да и имя сие в Сибири совсем неизвестно, разве вместо того *Чукоцкой* читать должно.

Анадырской острог и течение реки *Анадыря* означены далее к северу, нежели на прежних картах. В сем посылаюся я на усмотренную геодезистами в *Анадырском остроге* высоту полуса 66 градусов и 9 минут. По сему ж определено и положение *Пенжинской губы*. Ибо разстояние между *Анадырским острогом* и устьем реки *Пенжины* измерено геодезистами немного более 200 верст. Сверх сего надобно, чтоб *Пенжинская губа* простиралась к северу далее, нежели как она означена на прежних картах, для многих больших рек, впадающих в оную, из коих токмо главнейшая на нашей карте показаны. Впрочем, сии берега еще никогда точно не описаны. Можно почти Камчатским экспедициям причесть в недостаток, что такия посторонния дела нимало не были приняты в разсуждение, а старание прилагалось токмо о исполнении главных намерений.

При определении на сей карте долготы *Охотскаго* порта учинена ошибка, о которой я покажу, дабы другие не взяли от того повод оной последовать. Когда я по возвращении моем из Сибири оную новую карту давал сочинять, о которой уже упомянуто, тогда не получены еще были из *Охотска* астрономическия наблюдения. Но мне показалось, что по вымеренной от *Якутска* до *Охотскаго острогу* и по компасу описанной дороге разстояние между обоими местами, как оно положено в "Российском Атласе", двумя градусами в долготе будет меньше. И сего ради поставлен мною *Охотск* 2 градусами ближе к западу до тех пор, пока, как надеялся я, получено будет о том подтверждение. Потом получены и наблюдения, кои между собою снесены, вычислены и в третьем томе "Новых Санкт-Петербургских комментариев" напечатаны, но моя догадка сими наблюдениями подтвердилась не совершенно. Подлинная долгота *Охотскаго острога* есть 160 градусов, 59 минут, 15 секунд, широта же 59 градусов, 20 минут. Чего в сей карте недостает, оное надлежит причитать тому, что при сочинении оной точно следовано прежней моею ландкарте и что определенное в "Комментариях" положение сего места не употреблено забвением.

Что принадлежит до берегу между *Охотским* и рекою *Амуром*, то объявил я уже свое мнение, что оному должно простираться не под юг, как на всех прежних картах означено, но от *Охотска* до *Уди*-реки под юго-запад, а от *Уди* до *Амура* под юго-восток. И, таким образом, на сей новой карте берег представлен. По чиненным в *Удском остроге* наблюдениям высоте полуса, однажды усмотрена она 55 градусов, 10 минут, а в другой раз 55 градусов 27 минут. Почему должно заключить, что средняя высота будет 55 градусов 18 минут. Основания мои, по коим представлен в оной стране берег вышеозначенным образом, утверждаются на измеренном и по правилам геодезии описанном от *Якутска* до *Удскаго острога* разстоянии, которое с принятым мною положением сходствует лучше и на множестве рек, между *Охотским* и *Удским острогом* в море впадающих,

также и на расстоянии их между собою, как о том сказывали мне люди, оныя страны знающие. Ибо ежели принять, что берег от *Охотска* под юго-запад протягается, то сделается он долее, для рек же останется более места, а расстояние промеж их будет сходнее. Дело только в том состоит, что подтвердится ли мое мнение предбудущим искусством, как я надеюся заподлинно. Сие правда, что тамошня страны должно обстоятельнее изследовать, ибо оне нам известны почти только по слуху.

Такого же состояния суть и *острова Шантарские*, как то можно легко видеть по вышесообщенному об них известию; того ради и означены они на карте яко бы только на удачу без сношения положения их с моим описанием. Но как бы такое описание тщательно сочинено ни было, однако не может оно совершенно согласным быть с натуральным положением. Кто впредь по тамошнему морю путь иметь будет с рачением, тот без сомнения положение, величину и число сих островов совсем инако найдет.

Понеже остров, против устья реки *Амура* лежащей, и все берега и страны, *китайцам* принадлежащая, поставлены по *Дюгальдовым картам*⁷⁴, то о сем отвечать не должно, хотя бы в том и погрешно было. А что *китайския ландкарты* сих стран не могут быть без погрешностей, об оном признается потому, что из езуит никто туда не ездил и что служители, от хана *Канг-хия* для описания того острова посыланные, мало о том старались. Посему уповательно могут и там учинены быть некоторыя проведания, ежели кораблеплавание туда предпринято будет.

Я возвращаюсь еще к земле *Езо*, или к объявлению об островах, между *Камчаткою* и *Японию* лежащих. Разныя мнения, какия географы о том имели, соединяя сию ими почитаемую землю то с *Японию*, то с *Америкю*, то с *Восточною Татарией*, полагая иногда вместо ея Камчатку, или то один, то много островов из ней деляя, все сии, говорю я, разныя мнения подают уже немного надежды о достоверности старинных изобретений. Обыкновенно полагаются они на известии корабля *Кастрикома*, напечатанном в собрании *Тевенотовом* в 3 части путешествия в север и в "Истории Японской" езуита *Шарлевоа* в томе 2 на странице 494. Но я не могу себя уверить, чтоб сие известие с господином *Буашем* признавать за решительное. В нем содержится весьма мало того, что в обыкновенных морских журналах пишется. Нельзя ни по чему заключить, чтоб командир корабля старался о усмотренной земле или о море, по коему он ехал, обстоятельное получить известие. Не находится нигде примечаний о долготе, а однако нельзя думать, чтоб корабельщик упустил оныя небрежением. От сего произошло, что обыкновенно думают, якобы курс корабля *Кастрикома* держан был по большей части под север, и для того на многих картах земля *Езо* представляется почти под одним меридианом или полуденным кругом с северным берегом Японии, но в сем учинена погрешность, которую только господин *Данвилль* на своей карте о Азии некоторым образом поправил. Известие корабля *Брескеса*, вместе с кораблем *Кастрикомом* отправившагося для проведания земли *Езо*,

содержит примечания гораздо обстоятельнее. Но оне мало ведомы и потому еще никем не вношены в географию, и хотя кажется, будто господин *Данвилль* несколько знал из них, потому что он землю *Езо* означил нарочито сходно с тем положением, какое по известию корабля *Брескеса* явствует, однако по другим обстоятельствам признается противное. Господин *Данвилль* много утверждает на вероятностях. Сии подали причину ему не токмо землю *Езо*, остров *Голландских Штатов* и *Компанейскую* землю почитать с *Езовскими островами* от *Японии* до острова *Надежды* за одно, но и разныя места, в реляция корабля *Кастрикома* упоминаемая, яко то *Блейденберг*, *Тамары*, *Аниву*, *Мыс Анивской* и друга соединить с восточною *Татариею*, а *Мыс терпения*, которой почитался за северной нос земли *Езо*, положить у полуденнаго конца острова *Сахалин-Ула*, но сие показать трудно, справедливо ли он в том поступил, или нет. Уповательно многие желают ведать обстоятельнее, в чем состоит известие корабля *Брескеса*. Оно находится у *Витзена**, и я внесу оное все здесь для редкости.

"Корабль *Брескес*, отправившись в 1643 году вместе с кораблем *Кастрикомом* для проведения *Татарии* и оставши при восточном берегу *Японии* от него во время бури, обрел также землю *Езо* и один сам собою в месяце июне перешел чрез пролив, землю *Езо* от *Японии* разделяющей. Сие было под 41 градусом 50 минутами широты и под 161 градусом и 48 минутами долготы. У мыса, во-первых, с сего корабля увиденнаго, показались восемь или десять камней, парусам подобные, а от них простиралися камни ж рядом на милю в море. Там появились суда небольшие, гребцы имели по веслу в руке, коими гребли они попеременно, то одно, то другое весло опуская в воду, и ехали весьма скоро. Примечено, что сии люди были неглупы, бороды у них черныя, долгиа и косматыя, лицо смуглое, спереди на голове шириною перста на три волосы висят долгиа, а на затылке обстрижены. Присмотрено, что они в знак благодарности руки свои над головою вместе складывали, платье из медвежьей кожи, ружье у них лук да стрелы. Оттуда шел корабль на немалое разстояние под восток, и матрозы ловили в море много трески. Под выотою полуса 43 градусов 4 минут увидели с корабля паки землю. Под 44 градусами 4 минутами широты привалили к ним суда, на коих были люди телом толсты и в обхождении разумны. При них находились женщины лицом смуглыя, и губы, и руки у них синею краскою выкрашены. Волосы на голове кругло подстрижены ниже ушей шириною перста на три, и сим на молодых мужчин походили. Сии люди весьма охотно пили водку. На некоторых из них было и платье, по японскому манеру шитое, а другие имели кресты на своих кафтанах. Сверх стрел и луков употребляют они и сабли такая же, как у японцев. Ефесы у саблей выкладены мелким золотом, полосы по краям серебряныя, ножны и портупей, серебром

* Noord en Oost Tartarye, издание 2, стр. 138.

вышитыя. В ушах висели у них серебряныя кольца и ниренбергской бисер. Видели у них тюленьи и бобровыя кожи и некоторыя индейския материи. Суда их выдолблены из одного дерева без досок набойных. Под 43 градусами 45 минутами, також и под 44 градусами 12 минутами широты, а под 167 градусами 21 минутою долготы усмотрели с корабля опять землю. Ими примечены только такія земли, кои высоко лежали. Попадалися им и многие острова и земля перервавшаяся. Немного подалее к северу видели множество тюленей и некакую траву, плавающую по морю. На широте 45 градусов 12 минут, а на долготе 169 градусов 36 минут показалась издали земля наподобие островов. Но по приближении к ней увидели, что то земля матерая, и покрыта была во многих местах снегом. Тут вышли они на берег, но жилья там никакого не видали. В одной долине недалеко от берега текла изрядная свежая вода. Притом находился низкой кустарник, вишенныя деревья, щавель, дикая капуста, лук и кропива. Только ни людей, ниже зверей, кроме одной лисицы, не видали. На широте 46 градусов 15 минут, а на долготе 172 градусов и 16 минут, також и 172 градусом и 53 минут оказались высокия горы. Также под 47 градусами 8 минутами широты, а под 173 градусами и 53 минутами долготы видели землю, токмо на нее не сходили. Сия земля лежит по веденному на корабле *Брескесе* журналу 12 градусами далее к востоку, нежели восточный мыс Японии, которой находится под 38 градусом 4 минутами широты, посему разность широты есть 9 градусов 38 минут, а курс на северо-восток к востоку и на юго-запад к западу”.

Из сего следует, что положение предъявленной земли *Езо* есть то же, что и островов, как они на нашей карте представлены, и потому сии острова, как бы о том ни думать, могут приняты быть вместо оной земли весьма пристойно. Ибо ни путешествием корабля *Брескеса*, ни *Кастрикома* доказать не можно, чтоб проведанная оными кораблями вся земля простиралась непрерывно. *Матзмей* от господина *Делила* и *Буаши* почитается особым островом, хотя многия известия, а паче римских проповедников в *Японии*, да и самага корабля *Кастрикома* их мнению прекословят. А ежели в том нам уступят, то также островами для чего не признавают *Кунашира*, *Урупа*, *Фигурнаго*, *Цитроннаго* и других? Остров *Надежда* принимается ими безспорно, буде же путешествия кораблей *Кастрикома* и *Брескеса* признавать за достоверныя и виденную ими землю всю почитать непрерывно простирающеюся, то и тот остров устоять не может. И тако явствует, что предъявленные путешествия для самых господ *Делила* и *Буаши* доказывают более, нежели как надобно, и, следовательно, ничего не доказывают. Не служит и то им доказательством, что европейцы в *Японии* слыхали о земле *Езо*, якобы о большой и непрерывно простирающеюся земле. По вышесообщенному известию жители всех сих островов называются от японцев общим именем *Езо*. Сие, может быть, подало причину к неправильному разумению. Корабли *Кастриком* и *Брескес* привезли с собою предуверительное мнение. Потому

почли они всю виденную ими землю за один и тот же остров. И, может быть, тем же отведены были они от учинения точных проведаний усмотренных ими промежек и заливов, которые, по всей вероятности, были прежде островов морские проливы. Таким образом, и не нужно принимать насильную перемену, как выше показано, к изъяснению нынешняго тамошних стран состояния. Есть и без того довольно понятно, каким образом сие неправое разумение могло произойти и разпространиться. Ежели позволено мне сослаться на согласие бургомистра *Витзена*, то слова его состоят в следующем: “Van Keulen steld in zyne Kaert neder, dat jesso aen Tartarye vast is, waer van tot noch toe met volle gewisheit niet kan worden gesproken, hoe wel ik genoegsam versekert ben, jesso in Eilanden te zyn verdeelt”*, то есть “Фан Келен представляет на своей карте землю *Езо*, яко соединенную с Татариєю, о чем еще подлиннаго известия нет. Однако я довольно уверен, что *Езо* на разные острова разделяется”. Таковыя свидетельства служат по крайней мере к тому, чтоб сего мнения не порицать весьма продерзским.

Впрочем, удержал я здесь тот же порядок и те же имена островов, как оные по путешествию капитана *Шпанберга* в “Российском Атласе” означены, не следуя словесным вышеупомянутым объявлением. Сравнение сих с оными может при производимом впредь оных стран проведании учиниться лучшим образом, которое, уповательно, и оставлено так не будет, и желать надобно, дабы тем всякое еще оставшее сомнительство, касающееся до земли *Езо*, совершенно уничтожено было.

Япония положена по примеру господ *д’Анвиля*** и *Беллина****. А езуит *Шарлевоа* хотя и объявляет****, что сие государство находится по некоторой новой карте, исправленной езуитами по астрономическим наблюдениям между 157 и 175 градусом долготы, однако сие есть очевидною погрешностию, из которой в противность искусства следовало бы, что от *Камчатки* к *Японии* надлежит ехать прямо под полдень.

Мои исправления при *Камчатке* можно, равномерно как и все предъявленные, усмотреть по сравнению с прежними картами. *Камчатка* является теперь нарочитою частию доле, нежели прежде, потому что *Пенжинская губа* простирается далее к северу. Река *Пенжина* течет по карте *Ивана Кирилова*⁷⁵ с западной, а по карте в “Российском Атласе”⁷⁶ с восточной стороны в губу. Здесь же впала она в самой крайней северной угол оныя; почти все реки приведены в другое положение, также и многих имена поправлены. Знатнейшия погрешности находились при реках *Олюторе* и *Тигиле*, или *Кигиле*, из коих первая положена была градуса

* Noord en Oost Tartarye, издание 2, стр. 966.

** Carte d’Asie.

*** “Histoire Generale des Voyages”, т.е. в “Генеральной истории путешествий”, том 10 или по немецкому переводу в 11 томе.

**** Histoire du Japon. Tome I, p. 4.

на два ближе к югу, другая на такое же расстояние к северу. Между устьями обеих не оставалось широты ни на градус, а разности надлежало быть до 5 градусов. Понеже сии реки принадлежат к числу знатнейших рек в той стране, и жители обоих при реке *Камчатке* острогов часто на оные ездят; также дорога от реки *Пенжины* до реки *Тигилля*, а с сей до *Камчатки*, до *Большой реки* и далее геодезистами описана, и напоследок на *Камчатке* обстоятельно ведомо, которая из впадающих с обеих сторон в море рек одна против другой находятся, то здесь не можно извиниться неведением или сомнением. Из *Анадырского острога* ездят на реку *Камчатку*, переправляясь через реку *Олютору* на половине дороги. По сему должно сей реке быть под высоту полуса около 61 градуса. Ибо устье реки *Камчатки* находится под 56 градусом или малым чем ближе к северу. О *Тигиле* же известно заподлинно, что устье его с устьем *Камчатки* состоит под оным градусом широты.

В *Большереецком* остроге и в *Петропавловской гавани* учинены астрономические обсервации, по которым стоит *Большереецкой острог* под 52 гр[адусом] и 54 $\frac{1}{2}$ мин[уты] и под 174 гр[адусом] 10 мин[утами] долготы. *Петропавловская гавань* 53 гр[адуса] и 1 $\frac{1}{8}$ мин[уты] широты, 176 гр[адусов] и 12 $\frac{1}{2}$ мин[уты] долготы. Другия усмотренныя высоты полуса: при устье *Большой реки* 52 гр[адуса] 54 мин[уты], у *полуденного носу Камчатского* 51 гр[адус] 3 мин[уты]. И сего в разсуждении *Камчатки* будет довольно.

Осталась еще часть карты, представляющая американския изобретения. Изъяснение ея предложу я вкратце, ибо не надобно, чтоб я сносил сию карту с вышесообщенными известиями, потому что она сочинена не по ним, но по картам обоих судов, согласив оныя между собою сколько возможно было⁷⁷. И для сей вины ответствовать мне в том не должно, естли усмотрится в некоторых местах между описанием и картою какая разность. Мой труд при сем состоял только в том, что я виденные на разных местах берега по всей вероятности соединил пунктами. Сие сочинитель вышеозначеннаго письма уже учинить советовал. А господин *Буаш*, которой прежде сего усмотренной между 51 и 52 градусом широты и под 21 градусом долготы (по *Делилову* же несправедливому объявлению — 12 градусом) от *Авачинской губы* берег почитал за особливую землю, или остров, в новейших своих картах сему совету следовал. И сие удалось ему угадать изрядно, хотя некоторые берега, к соединению же оной земли принадлежащие, ему неизвестны были, а понеже здесь может тот же случай быть, о котором мы при объявлении о земле *Езо* говорили, а именно, что, может быть, острова за матерую землю признаны и так почтены были, то осторожность требует, чтоб на сию догадку не весьма полагаться, но подтверждения оной ожидать от предбудущаго обстоятельнейшаго проведения.

Также усмотрел я за потребно изобретения, нашими судами учиненныя,

по примеру господ *Делила* и *Буаша* соединить с ведомыми уже Американскими странами. При сем надлежало следовать такой карте о *Америке*, которая бы не подавала причины к прекословию для ея неисправности. А понеже таких есть не одна, то я выбрал карту господина *Грена* для того, что она в самое то время, как наша карта сочинялась, в Академию из *Англии* была прислана. И тако означены на ней знаемые *Американския* страны⁷⁸. Ежели бы на наших судах астрономическия наблюдения, как то в намерении состояло, чинены были, то можно бы было разстояние между новоизобретенными и прежде знаемыми странами определить с большею достоверностию. Но за недостатком их утверждаться должно на едином корабельном исчислении, и в том спору от нас не будет, ежели предбудущими путешествиями окажется разность от нашего тех стран положения.

Равным образом можно и сомнительство, господином *Доббесом* предлагаемое, оставить до того времени к решению. Он не хочет признавать ничего того, что наши видели, за матерую землю, разве подтверждено сие будет новыми изобретениями, но все почитает одним большим островом*. Правда, что чаемой проезд от северо-запада чрез *Гудзонской пролив* в Южное море трудяе, да почти и невероятным становится, ежели матерая земля *Северной Америки* столь далеко простирается под запад. Но я предъявил доказательства, для чего так думать можно. Я желал бы, чтоб сие было по мнению господина *Доббеса*, Россия при том ничего бы не потеряла. Будущия ея там владения были бы тем бесспорнее, что никакому европейскому народу нельзя бы было похвалиться, чтоб кто когда имел известие о сем великом острове. Напротив того, можно бы было аглинским предприятиям при северо-западном проезде, коего изобретения для многих причин желать надлежит, тем лучше способствовать. Однако противное сему мнению кажется мне поныне гораздо вероятнее.

Для чего *Западное море* господина *Вильгельма Делила* и предъявленные адмирала *де Фонте* изобретения здесь не означены, о том паки объявлять здесь нет нужды, ибо о том показано выше. По моему мнению, справедливее всегда оставлять порожнее место для будущих достоверных изобретений, нежели наполнять оныя таковыми сумнительными. Также и сию страну надобно проведать новым кораблеплаванием, когда есть желание с основанием удостовериться об истиннее или неправде оных стран положении.

Прошу позволить мне заключить сие общим примечанием. Явно есть, что все к тому склоняется, что хотя много проведено, однако и несколько еще проведать осталось. Не можем ли мы надеяться столь важное дело видеть в совершенном его исполнении? Августейшие Российские монархи ищут по примеру безсмертных славы государя императора *Петра Вели-*

* "It can't — пишет он, — without a further discovery be considered otherwise than as an Island of a considerable extent". Стран. 47. [Без новых открытий это не может считаться не чем иным, как островом значительных размеров" (англ.). — Ред.]

каго в разпространении наук величайшей славы и стараются оныя не токмо подданным своим учинить от времени до времени известнее и приятнее, но сообщают и другим народам то, что их учреждениями и иждивениями в науках открывается и к размножению самих наук служить может. Нет другой славы сей долговременнее. Сим созидают себе государи монументы, которые ни продолжением времени уничтожиться, ни каким случаем раззориться не могут. Такой поставляет первая Камчатская экспедиция *его величеству императору Петру Великому*, яко своему основателю. Такой же прославляет и благополучныя времена *нашей непобедимейшия монархини августейшия Елисаветы*, от второй Камчатской экспедиции сооруженной, что она при благополучнейшем государствовании ея величества к окончанию приходила, и о том, что оною учинено, по указу ея величества в пользу всему свету объявляется. Щастливы государи, кои являются в таком сиянии. *Наша великая государыня* может еще более славу свою умножить. Она может начатыя изобретения привести в совершенство, она может целую часть света применить в иной образ, она может мрак разогнать, покрывавший немалую часть географической науки. Будущее кораблеплавание по Камчатскому и Американскому морю не может соединено быть с такою трудностию, как прежняя. Путь уже отверст. Способы и затруднения знаемы по искусству. Только требуется согласное с тамошними обстоятельствами учреждение, и тогда о желаемом сего предприятия успехе сомневаться не должно. Я уповаю, что все поспешествованию наук усердствующие со мною желать будут, чтоб сие вскоре исполнилось.

*Известии о новейших кораблеплаваниях
по Ледовитому и Камчатскому морю
с 1742 года, то есть по окончании
второй Камчатской экспедиции.
Часть из истории государственования
великия императрицы Екатерины Вторыя¹*

I. Введение

Учиненныя великими Российскими государями по 1742-й год изыскания неизвестных земель по Восточному океану и испытания возможности кораблеплавания по Ледовитому морю известны уже чрез изданные прежде в печать о том описания^{*2}. Полученная товарищами капитана-командора Беринга на одном из новонайденных островов прибыль скоро побудила партикулярных людей предпринимать равномерныя путешествия, и сие происходило с таким успехом, что отправляемые почти ежегодно из Охотки и Камчатки корабли возвращались обыкновенно с множеством дорогих мехов, кои в Китае расходятся с великою прибылью. Недостаток же при сем был тот, что оныя кораблеплавания совершались без показания искусных штурманов, почему и прошло более дватцати лет, что не имели о новонайденных местах ни обстоятельных известий, ниже верных карт³. Сей недостаток инако исправлен быть не мог, как единым токмо милостивым попечением великия императрицы Екатерины. Казалось, что сие происходило от незнания, а может статья и по той причине, что простирающейся к востоку ряд новонайденных островов выходил у сих людей на ландкартах к норд-осту. Удивительно! Каким образом продолжались на некоторых печатных картах столь важные погрешности еще в 1774-м году, когда уже о сем давно имели лучшия сведения?⁴

Дальнейшия испытания по Ледовитому морю совсем пресекились со времени второй Камчатской экспедиции, и оныя испытания пришли бы

* "Собрание Российских историй", том 3; "Ежемесячныя сочинения" 1758 году; "Путешествия и открытия, учиненныя россиянами вдоль берегов Ледовитаго моря на Восточном океане, как около Японии, так и Америки", в Амстердаме 1766-го года, в 8-ю долю листа.

почти в забвение, естли бы не подала новую к разговору о сем причину произшедшая между двумя мужами зависть с того времени, как вышло из печати описание прежних кораблеплаваний⁵. Приводимыя одним из них доказательства во остережение от дальнейших испытаний произвели в другом такую только вероятность, каковая согласовалась со взятыми прежде сего мерами, когда надеялись пройти вдоль сибирских берегов. Но когда б от *города Архангельскаго* и из *Колы*, взяв путь прямо на *Шницберген*, постарались открыть старой *Гренланд* и вдоль восточных гренландских берегов приблизились бы к полюсу столь близко, сколько б возможно было, то, по мнению сего мужа, весьма бы вероятно было, чтоб нашли краткой и не совсем неспособной путь чрез Ледовитое море в Восточный океан⁶. Доказательства мнения сего хотели было уже утверждать Бааренс и Воод (славные люди между мореплавателями)⁷, но потом последней из них оныя отвергнуул. Без собственного испытания нельзя почесть невозможным сего предложения. Польза для географии и честь отечества придали оному предложению новое уважение. Дело сие дошло до самага престола и принято в разсуждение от великой императрицы и величайшей споспешницы наук, яко обильнейшаго источника вечной славы России⁸.

Россия не для того желает иметь кораблеплавание по Ледовитому морю, для чего другия державы онаго желают. Ей не нужно ни плавание к северу для споспешествования своєю торговли, ни ближайшая дорога в Китай, Японию и Восточную Индию. В Китай имеет она открытую и способную сухим путем дорогу, не сопряженную ни с какою опасностию; по оной можно с довольною точностию считать время, во сколько туда прибудут и оттуда возвратятся. Главнейшие товары, отпускаемые в Китай, суть сибирския мехи, которые продаются с прибылью по большой части еще на границе. Она имеет кораблеплавание в острова Восточнаго океана и могла бы распространить оное также в Японию и Индию, естли б не было там препятствий, которых и чрез северное плавание отвратить невозможно. Статься может, что было бы сие полезно, когда б между отдаленными Российскими провинциями произвело оное мореплавание удобнейшее того сообщение, какое производят ныне речной судовой ход. Сколь же сие малонадежно, оное видно из опытов в городе *Мангазее*, который город в перьвые годы по своем выстроении снабжаем был хлебом по морю от города *Архангельскаго*. Опасность, безнадежность и дороговизна показали скоро другия средства и путь к привозу и зделали оныя употребительными. А хотя две великия Российския императрицы и возобновляли старания голландцов и агличан, чтоб кораблеплавание по Ледовитому морю зделать возможным, но сие учинено не в том намерении, чтобы приобрести от того великия выгоды в торговле своего государства, а еще и того менее, когда бы сей путь найден был, употреблять оный токмо в свою собственную пользу, исключая другия державы.

Однакож был такой человек*, которой имел столь развратныя мысли, будто бы Российское правительство истинныя обстоятельства учиненных во время второй Камчатской экспедиции вдоль Ледовитаго моря изысканий оставило для себя, яко некую тайну, дабы не могли другие народы получить чрез то случай к новым кораблеплаваниям, и будто издатель оных известий о Российских кораблеплаваниях и новых обретенных, желая от правительства заслужить благодарность, искал против лучшаго знания и совести тут затруднений, где никаких не находится, дабы чрез то отвратить других страхом от сего путешествия; на ландкарте новых изысканий протянута Сибирь с Чукотскою землею около тритцати градусов и более к востоку, дабы чрез прибавление дороги умножить другим народам затруднению в кораблеплавании. Подлинно странныя и дерзкия мысли зделавшагося от одного в комнате чтения ученым, которой, возмечтав о возможности севернаго путешествия вооружается на тех, кои токмо стороною дают знать нечто такое, что не ласкательствует его надежде. Господин Энгель ненавидит Россию за то, что она не нашла того, что он столь твердо вперил себе в голову. Россия желала чрез сии кораблеплавания подать людям некоторую помощь для всеобщей пользы, она желала распространить знание нашего земнаго шара и за то поносится корыстолюбивою и издающею собственныя свои ландкарты перепорченныя. Не доволен будучи своими несправедливыми обвинениями, издал он в печать вместе с своею книгою и сочиненную по своим правилам ландкарту о северо-восточной Сибири, на которой самопроизвольно ограничил сию часть Российскаго государства так, как ему выгоднее показалось, напротив же того, землю от Америки протянул к западу на такое разстояние, чтобы между обеими никакого пустаго места не осталось.

Таковыя вымыслы, которые никому понравиться не могут, опровергать или показать только оных неосновательность за нужно не разсудилось⁹. Когда бы не было намерения описывать кораблеплаваний по самой истинне, то для чего б было их и описывать? Можно бы и все оставить в молчании. Для отвращения других народов от кораблеплавания по Ледовитому морю не может сие быть побудительною причиною, ибо все, зделав сами опыты, от дальнейших покушений давно отказались. Скоряе бы сочли за полезное препятствовать кораблеплаванию к новонайденным в Восточном океане островам, нежели по берегам Ледовитаго моря. Ибо хотя к сему последнему и нашлись ревнителю из других народов, то, однакож, иностранныя мореплаватели без помощи россиян подлинно не много бы преуспели, да и со всею помощию, каковую бы им только подать можно было, сама бы натура принудила их возвратиться так, как и их предшественников. В разсуждении ж оных островов опасаться нечего.

* "Записки и примечания географическия и критическия о положении в Азии и Америке северных земель", Г*** (Энгель). В Лаузане, 1765 года, в 4^о листа. Оная книга переведена также и на немецкой язык и от издателя дополнена прибавлениями.

Они уже сделались благоприобретенною собственностью Российской короны; ни которой из них известен никогда не был какой-либо европейской державе, и каждой из них с самого почти его сыскания платит подать Российской империи. Весьма дальное расстояние от неизвестных земель различает дальнейшие оных земель острова от дальнейших гишпанских владений в *Калифорнии*. Гишпанцы, по публичным ведомостям, высылают корабли искать от *Калифорнии* к северу новых земель. Они могли бы коснуться и до отдаленнейших России принадлежащих островов. Достоинно бы было примечания, когда бы две находящиеся в Старом Свете нации, будучи одна от другой в дальном расстоянии, сделались в Новом Свете соседями, отправляли бы между собою торговлю и заключали бы торговые договоры.

Издатель оных известий о кораблеплаваниях в новооткрытых местах стал бы, может быть, защищать себя против господина *Энгеля*, которой обвиняет его умышленною несправедливостию и ласкательством, чрез что будто бы желает он притти в любовь у правительства и споспешествовать своему благополучию. Но сие почел он тем более не нужным, потому что он известен свету не яко ласкатель и не таким, которой любит выдумки или и сам их пишет. Почитающий себя одним разумным думает, что другой, коему, однакож, приписывает он несколько разума, надеялся сыскать свое щастие само себе противоречущею и явною несправедливостию.

Кто знает сочинителя, тот знает, что он за всевысочайшую милость великой монархини благодарить обязан своей верности в порученных ему делах, своему прилежанию и собранным им о России сведениям.

Сказали бы и сие, что исправность карты о новых обретенных¹⁰ не останется, однакож без защищения, ибо истинна и неправда состоят не в нашей воле, тем паче, что правда найдет себе защиту у каждого, кто оную узнает, а особливо у тех, которые имеют в том надобность и более способности опровергать возражения. Тут должно признаться, что и подумать не можно, чтоб господина *Энгеля* неосновательныя нарекания могли произвести какое-либо предсуждение истинне у таких людей, которыхя рассуждать в состоянии. Знающему истории земных и морских карт не безъизвестно, что сочиненная около 1754-го года и с описанием морских путешествий в 1758-м году изданная в свет карта о новых обретенных не первая, на которой *Сибирь*, *Камчатка* и *Чукотская* земля представлена простирающеюся до 205-го градуса долготы, считая от острова *Ферро*. Сие разширение находилося уже и на карте перваго путешествия капитана *Беринга*, следовательно, с 1728-го года, которую карту г. *Данвиль* приобщил к Китайскому атласу *П. дю Гальда*¹¹. Она имела тогда свое основание на операциях и наблюдениях, учиненных капитаном *Берингом* во время путешествия от *Тобольска* до *Камчатки*, а вдоль *камчатских*, *корякских* и *чукотских* берегов была она образцом в его кораблеплавании, во время котораго имел он сии берега в безпрестанном виду.

Статской советник *Кирилов*¹² взял с согласия господина *Делилля* из Беринговой карты градусы долготы для своей Российской генеральной карты, изданной в 1734-м году, который следовал уже и виттенбергской профессор господин *Газиус* при сочинении своей генеральной карты, что все происходило тогда, когда еще не помышляли ни о каких описаниях морских путешествий и новых обретений, которых еще и сделано не было. Однакож при всем том разширение Сибири до 205-го градуса долготы господин *Энгель* приписывает политическим осторожностям Российскаго правительства по случаю второй Камчатской экспедиции и обнаруженным в 1758-м году о том известиям.

Ежели разсудить еще, что учиненныя во время второй Камчатской экспедиции в *Якуцке*, *Охоцке*, *Большерецком* остроге и в *Петропавловской* гавани точныя астрономическия наблюдения долготы сих мест сходятся все с преждеописанным положением и пространством, то тем более удивляться должно, каким образом господин *Энгель*, которому должны быть известны сии наблюдения отчасти из "Описания о морских путешествиях", а отчасти из "Комментариев Санкт-Петербургской Академии наук", мог попасть на сию неудачную мысль, чтоб издать в свет свои тщетные возражения и выставить на позорище свету самага себя, как такого человека, которой думает не о истинне, но об утверждении своих собственных мыслей.

И для того не делает чести некоему французскому географу*, что он, поверя господину *Энгелю* и дав ему некоторым образом одобрение, подражал ему хотя не во всем, однако до половины в разсуждении положения границ сибирских и *Чукотской* земли. Напротив того, другой французской географ** заслуживает себе честь за правду, ибо он, сравнивая петербургскую карту с картами господ *Энгеля*¹³ и *Вогонди*¹⁴ и основываясь по большей части на астрономических наблюдениях, согласился с первою. По благоприятному обыкновению Парижская Академия наук подает всегда в сомнительных случаях свое решение. Когда же она удостоила прежде своим одобрением господина *Вогонди*, то тем менее могла отказать в оном господину *Бюашу*¹⁵, увидев его доказательства.

Не видно, чтоб и ныне, да и при переменившихся мерах большее было вероятно к удачливому кораблеплаванию по Ледовитому морю, нежели в прежния времена. Но естли бы таковое предприятие, возможность котораго оспаривать не можно, возимело успех, то произошла бы из того неописанная польза для наук и, следовательно, для всей отправляющей

* "Письмо г. *Роберта де Вогонди* к господину *** о систематической карте северных земель в Азии и Америке". Париж, 1768 года, в четверть листа; состоит из одного печатнаго листа и карты.

** "Записки о азиатских и американских землях, лежащих к северу Южнаго моря, с приобщением карты о сличении планов господина *С. Энгеля* и *Вогонди* с планом новейших карт *И. Н. Бюаша*, ординарнаго королевскаго географа". В Париже, 1775 года, в 4°.

коммерцию Европы. *Великая Екатерина* вознамерилась снарядить в городе Архангельском два корабля для путешествия к *северному полюсу* ради искания свободного проезда чрез Ледовитое море в Восточной океан. И в то же самое время должны были два корабля выгнать из *Охоцка* или *Камчатки* и назначить описать, а потом представить на исправной карте точное положение и состояние новонайденных в помянутом море островов со времени *Берингова* путешествия¹⁶. Обе экспедиции надлежало снабдить искусными и отважными начальниками, довольным числом корабельных служителей и всеми нужными снарядами и съестными припасами. И когда пойдет дело по желанию, то должно им было соединиться в *Камчатском* море, потом отправлять порученное им дело совокупными силами, и, наконец, архангелогородские корабли для большого уверения найденного проезда должны были возвратиться по Ледовитому морю в *город Архангельской*.

О сем путешествии по Ледовитому морю никогда ничего точного и подлинного известно не было, несмотря на то, что оно учинено в глазах всего света. Оно имело такой вид, по которому не можно было угадать намерения сего похода. О новонайденных островах хотя и изданы в печать известии, но оные никак за достаточные, а отчасти и за справедливые почесться не могут. Известие, находящееся в "Петербургском географическом календаре" на 1774-й год есть самое неисправное¹⁷, напечатанное же в Германии^{*}, котораго сочинитель ни себя, ниже того, откуда брал он свои повествования, не объявил, бесспорно лучше, однако много недостаточно. Содержание ж здесь предлагаемых повествований составлять будут одни только подлинные письма или копии, императорские указы, инструкции, репорты, дневные записки и морские карты, которые все сообщены из государственной Адмиралтейской коллегии. *Великая императрица* изволила сама иметь о том попечение, и несравненный исполнитель императорских повелений граф Чернышев^{**} по известному его рачению старался доставлять сочинителю все касающиеся до сего сведения, дабы издать в свет неизвестную, однако справедливую историю¹⁸. Множество собранных известий заставляет сделать оную токмо экстрактом, наипаче потому, что намерены не при одних токмо кораблеплаваниях, предпрятых по всевысочайшему повелению оставаться, но вносить все то, что со времени второй экспедиции в Охоцке, Камчатке и при изыскании островов происходило, и не оставляя без описания никакого путешествия, ни открытия, учиненного с намерением или не нарочно случившагося, сообщить любопытному читателю и другия, для географии примечания достойные обстоятельства отдаленных мест.

* "Новые известии о новообретенных островах на море между Азией и Америкою, сочиненныя из сообщенных документов и выписок И.Л.С.***". В Лейпциге, 1776 года, в 8°.

** Адмиралтейской коллегии вице-президент.

Определенные в Сибири от государственного правительства начальники* подкрепили сочинителя достаточными сведениями и документами¹⁹. Ибо благополучие наших времен в том состоит, что, когда только известна воля нашей к благоденствию России рожденной великой монархини, то каждой верной сын отечества для произведения в действо клонящихся всегда к пользе намерений старается и без особливаго повеления по возможности оному с своей стороны спешествовать.

Мы начинаем повествование наше *кораблеплаваниями по Ледовитому морю*. Оные прежде начались и продолжались очень недолго. Напротив того, кораблеплавание в острова требовало гораздо более времени, описание ж оных в разсуждении связи его с прочими предлагаемыми здесь известиями от оных отделить не можно.

II. Кораблеплавании по Ледовитому морю

Ея императорского величества всевысочайшей собственноручной указ, данной Адмиралтейской коллегии 1764-го года мая 14 дня, был основанием и наставлением к учинению опытов для сыскания проезда чрез Ледовитое море. В нем находилось обстоятельное предписание всего того, что во время путешествия и для приуготовления онаго делать должно. Достойны удивления остроумныя в оном распоряжения, обещающая награду, милость, щедрота и на все простирающееся попечение истинной матери отечества. Перезимование как в *Шницбергене*, так и в *Новой земле* выезжающим от *города Архангельскаго, Колы* и *Мезени* для тюленьей и китовой ловли охотникам совсем не новое**. Они собственным своим

* Генерал-поручик, орденов святого Александра и святых Анны кавалер и тобольской губернатор *Денис Иванович Чичерин*, генерал-поручик, ордена святых Анны кавалер и бывшей иркутской губернатор *Адам Иванович Бриль*, бывшей в Охоцке главной командир господин полковник *Плениснер*, двое братьев *Тимофей* и *Василей* Шмалева, оба капитаны при Охотской команде. Они имеют совершеннейшее сведение о отдаленнейших местах, а похвальное их поведение и здравое разсуждение делают их способными заступать командирския места, каковую должность они уже иногда и отправляли. Старшей из сих двух братьев в 1770-м году прислан был в Петербург с одним жителем *Алеутского* острова, котораго имел он шастие представить ея императорскому величеству. На возвратном пути жил он некоторое время с тем островским обитателем по всевысочайшему повелению у меня в Москве, дабы я имел случай узнать от них полезныя сведения. Достойный внимания пример, сколь далеко простирается милосердное попечение о наука, оказывающей чрезвычайную к оным склонность государыни! Вследствие сего господин *Шмалев* по возвращении своем в Охоцк прислал ко мне великое множество обстоятельных и весьма важных известий, описаний и ландкарт. А брат его побужден был чрез то такую же ревностию к оказанию равных публице услуг.

** Есть описание, напечатанное на российском, немецком и французском языках о *шести летнем пребывании некоторых российских матрозов на восточных ишицбергенских берегах*, которое сочинено в Петербурге и в городе Архангельском по изустному сих людей объявлению, но их не надлежало бы назвать матрозами, ибо они были арханге-

опытом давно доказали, что люди крепкого сложения тела могут без опасности выдержать тамошней климат. Но милосердная государыня соизволила доставить более способности нашим мореплавателям, если б они иногда принуждены были перезимовать в *Шпицбергене*; она желала сколько возможно облегчить тамошнее их пребывание.

Морской поручик *Михайло Немтинов* на одной пинке и с ним пять подпоручиков на трех гукерах и двух галиотах отправлены были немедленно от города Архангельскаго в *Шпицберген* с готовым лесом на построение там десяти небольших домиков, одной бани и одного анбара для поклажи надобностей, також с довольным числом провианта и других нужных припасов, чтобы того же самага лета построить оное строение. Лес взят был из купленных готовых домов. Плотники, пешники и материалы все были в запасе. Архангелогородские крестьяне, бывающие многократно на сем острове, взяты были туда ж для показания берегов, заливов и гаваней, куда они обыкновенно пристают во время ловли и зимования.

Агличане утверждают, что *Шпицберген* прежде всех найден в 1553-м году отважными их мореплавателями и назван *Новым Гренландом*. Имя *Шпицберген* ввели голландцы, которые около 1595 года в первой раз туда приехали, и сие имя стало теперь у всех общее. У Российских китоловов были пред сим в употреблении имя *Грумант*, а откуда и с которого времени оное взято, того неизвестно. На западной стороне сего острова есть под 77-м градусом полюсной высоты немалой залив, которой известен агличанам под именем *Бельзунд*, а голландцам под именем *Клокбай* (оба значат Колокольной залив). В сем месте и от онаго до гренландских берегов бывает обыкновенно китовая ловля всех упражняющихся в оной народов. А голландцы имеют на *Клокбае* в двух разных местах жилища, где они пребывают во время ловли. А как архангелогородские крестьяне таковую же ловлю производят, и когда они запоздают, то зимуют на небольшом острове *Колокольного залива*, где есть хорошая гавань. И, таким образом, думать надобно, что наименования *Клокбай* услышали они от голландцев и превратили оное ошибкою в *Кламбай*, или *Кламбайская губа*. Другой залив при сих берегах называют они *Пуховую губу*, может быть, для того, что на оном *гаги* имеют свои гнезды в великом множестве, из которых собирается *гагачей пух*, а к северу или к югу от *Клокбая*, или же в самом *Клокбае* оной находится, того известными поныне описаниями утвердить не можно.

Немтинов, приготовясь к выходу, стоял уже 25-го июня с своею небольшою эскадрою на рейде пред устьем реки *Двины*. Противные ветры

логородские крестьяне, которые выходили по обыкновению своему на китовую и тюленью ловлю. Их отнесло бурей к восточным *шпицбергенским берегам*, к которым ныне уже не ходят, там потеряли они свое судно и принуждены были, яко оставленные от всех людей, жить в неизвестном месте до тех пор, пока прибыл туда же по случаю один корабль и освободил их из сего бедственного уединения²⁰.

удержали сего до 6-го июля, когда он в путь отправился. Кроме одного гукера, которой стал теч и принужден был итти к лапландским берегам, прибыли все 5-го августа в *Клокбай* благополучно, выбрали для зимованья место при въезде с правой стороны в залив; в несколько дней поставлены были дома, баня и анбар для провианта и все выгружено. Домов было только пять и состояли каждой из одного покоя и сеней. Ибо на три дома лес погружен был на потекшем гукере, а на два недоставало лесу, которой употреблен для сеней и кровель. *Немтинову* в *Шницбергене* зимовать не надлежало, он имел повеление по исправлении порученной ему комиссии возвратиться со всеми судами в город Архангельской и оставить там одного подпоручика с небольшим числом людей. Он оставил там подпоручика *Моисея Рындина* с шестнадцатью человеками и, отправясь в путь 21-го августа, прибыл на рейду пред устьем реки *Двины* 22-го сентября один, а прочие суда отстали от него при *Берен-эйланде* во время бури и тумана, однакож после и те пришли. Должно приписать поспешному строению домов, что кровли не тверды были для дождя и снегу, ибо в первую еще зиму испортилось много провианта. *Немтинов* принужден был для того ехать в 1766-м году вторично в *Клокбай* с свежими припасами, а как он за льдом в гавань войти не мог, то в сие время та экспедиция тем и кончилась.

В 1765-м году отправлена была летом для учинения перьваго испытания главная экспедиция, состоявшая в трех новопостроенных в городе Архангельском кораблях. Один корабль был длиною в девяносто футов, а прочие два каждой в семьдесят два фута. Для построения оных из лиственницы с надлежащим старанием, и сообразуясь тому месту, куда оные назначены, прислан был из Петербурга в город Архангельской в мае месяце 1764-го года аглинской корабельный мастер *Ламбе Ямес*. Помянутые корабли в сентябре месяце отведены были в Колу и должны были зимовать в *Катерин-гавани*, которую великая императрица Екатерина II в заливе реки *Колы* указала зделать. В честь трех капитанов, предводительству коих сии корабли препоручены были, названы оные их именами. Все трое в разсуждении их способности и верной службы были люди отборные. Они пошли добровольно, будучи поощряемы честолюбием и усердием к отечеству. Перьвой был капитан перьваго ранга *Василей Чичагов*, второй — капитан втораго ранга *Никифор Панов*, а третей — капитан-поручик *Василей Бабаев*. И так по их прозваньям названы и корабли: "Чичагов", "Панов" и "Бабаев". Каждому в помощь дано было по одному корабельному поручику (оные назывались *Петр Болноволоков*, *Федор Озеров* и *Петр Поярков*). Для большего еще поощрения капитанов, чтоб они не оставляли ничего возможнаго при сем путешествии и не страшились бы никакой опасности, но тем мужественнее преодолевали бы все трудности, соизволила всемилостивейшая государыня пожаловать каждому по одному чину. Итак, *Чичагов* произведен капитаном бригадирскаго, *Панов* — капитаном перьваго и *Бабаев* —

капитаном второго рангов. Но сие объявить им не прежде, как они действительно в путь отправятся. Второе повышение чинов должноствовало последовать в то время, когда они по окончании путешествия чрез Ледовитое море придут в Камчатское, а третье, когда по вторичном учинении такого же путешествия чрез Ледовитое море и чрез город Архангельской благополучно и с хорошими известиями возвратятся в Санкт-Петербург. Сие было содержание полученнаго *Чичаговым* запечатаннаго императорского указа, которой повелено ему распечатать по вступлении в путь при острове *Килдуине*. Равным же образом всемиловейшая государыня повелела всем, на кораблях находящимся, пока они в сем путешествии пробудут, производить двойное жалованье, не исключая и тех, кои находятся на транспортных судах. Если бы кто и в дороге умер, в таком случае вдовы и сироты должны были пользоваться жалованьем умерших. Архангелогородским жителям и крестьянам, принятым в службу для сего путешествия, надлежало производить договоренную с ними плату вдвое. И, таким образом, из всех тех, которые имели при сем путешествии участие, не было никого, кто бы не находил при том довольной себе прибыли и не предпринимал бы сего с радостным духом. Для исправления нужных при сем путешествии расходов назначено и ассигновано было от ея императорскаго величества дватцать тысяч рублей.

Зимою по последнему пути в 1765-м году отправились главнокомандующие кораблями в город Архангельской и Колу, также отправлены туда из Петербурга многие служители и снаряды. 4-го марта дана была капитану *Чичагову* от Адмиралтейской коллегии инструкция. Она весьма обстоятельна и наполнена поучениями, и состоит больше из советов, нежели повелений, предостовляет главнокомандующему поступать по большей части по собственному благоразсуждению. Она в разсуждении своей важности заслуживает приобщена быть в конце сего известия. *Панову* и *Бабаеву* даны были также из Адмиралтейской коллегии со оной копии равнаго содержания, не для того, чтобы они чрез то исключены были из повелений *Чичагова*, но с тем намерением, дабы каждой, ежели они иногда один от другаго отстанут, знал, по чему имеет он поступать и чтоб *Чичагову* не иметь труда в даче каждому от себя копии.

Сколь скоро корабельной ход в *Коле* зделался свободным, то корабли к выходу в море были уже в готовности. Оные все три были о двух мачтах, в случае же нужды зделаны были способными игти и на гребле. На *Чичаговом* корабле было семьдесят четыре человека, а у *Панова* и *Бабаева* по сороку по осьми человек у каждого. В том числе были также архангелогородские *тарасовицики* — люди, получившие имя от слова "тарассы" (то есть большие льдины, плавающие в море), которые умеют искусство не допускать их своими богами до корабля или удобно проводить корабль между оными льдинами. Помянутые корабли снабдены были на шесть месяцев съестными припасами, привезенными в Колу от города Архангельскаго. На них находились пушки, не для того, чтобы

с кем-нибудь поступать неприятельски, но в случае нужды для их собственной обороны. У *Чичагова* было шестьдесят, а у *Панова* и *Бабаева* по десяти пушек. Они имели при себе также малинькие мортиры такого сорта, какие употребляются при фейерверках для брасания луст-кугелей, коими должны они, будучи в дальном разстоянии, давать друг другу сигналы, потому что брасание оных не токмо слышать, но и свет выходящих из них и по воздуху разсыпающихся огневых звезд далеко видеть можно. Притом было и такое намерение, чтобы сим произвести в незнающих народах подобострашие и удивление.

По общему счислению 9-го мая 1765-го года в восемь часов вечера выехали "*Чичагов*" и другие два корабля из *Катерин-гавани* при тихой погоде на веслах и скоро потом вышли на открытое море, где мог действовать парусами легкой западной ветер. По корабельному счислению, было сие 10-го мая, ибо по оному день начинается с половины прошедшаго дня или с двенатцати часов и считается до полудни, или до двенатцати часов следующего дня, и тогда уже начнется дневное счисление вновь. Во всех науках и художествах употребляют обыкновенно принятыя в оных слова и имена, почему и здесь следовать будем принятому мореплавателями обыкновению, ибо сие повествование основано на исправной выписке из веденной на корабле "*Чичагове*" дневной записки, от которой и в малейшем отступать за несправедливо почитается. Обстоятельства же, не принадлежащие к сему делу, или такия, кои намерению здесь предлагаемаго описания, то есть, чтобы можно было узнать и рассуждать о следствии сего кораблеплавания, ничего не спешествуют, я изключаю, и оныя обходить и сокращать почитаю за позволительно; к сему причисляю я особливо означение силы ветров, в чем не согласны мореплаватели с испытателями натуры, которые также ветер и погоду описывают. Когда при метеорологических наблюдениях для означения ветров употребляют числа 1, 2, 3, 4, из которых "1" значит тихой и "4" сильной ветер или бурю, а "2" и "3" — посредственные ветры, то и мореплаватели употребляют имена парусов, кои при сих ветрах с пользою подняты и употреблены быть могут. Оные имена приняты на Российском языке с голландскаго, но при употреблении несколько переименованы или испорчены. Оставить ли здесь обыкновенные нынешние Российские наименования, или поставить прямо с голландскаго языка? Естьли написать те или другие, то будет разуметь оные токмо знающей сие искусство. В рассуждении чего, и поелику наше повествование будут читать всякие люди, то, кажется, не должно употреблять никакого, многим читателям неизвестнаго наименования, но везде, сколько возможно, выражать оныя вразумительно.

Как скоро *Чичагов* достиг такого разстояния, где мог пользоваться ветром, то, подняв все паруса, прибыл поутру в пять часов на остров *Килдуин*. Тут созвал он на свой корабль начальников и офицеров с прочих кораблей, распечатал при них отпущенной с ним запечатанной указ, приказал прочитатъ инструкцию и вручил сам *Панову* и *Бабаеву*, данные

ему с оной копии. Каждой был восхищен оказанною милостию благоденствующей императрицы. А как великая монархиня соизволила тем доказать, сколь велико было ея желание достижения щастливаго успеха в сем путешествии, то соединили все свои желания с сим намерением, и каждой с усердием обещался, елико возможно, способствовать сему предприятию.

Килдуин лежит в некотором разстоянии, однакож в виду от устья реки *Колы*. По учиненным от Академии наук астрономическим наблюдениям *высота полюса* считается там до $69^{\circ}22'$, а городок *Кола*, или *Кольской острог* лежит по таковым же примечаниям под $50^{\circ}38'45''$ *долготы* (щитая от острова *Ферро*) и под $68^{\circ}52'30''$ *широты*. И как наши мореплаватели не имели тут более никакого дела, то учредили они свой курс еще того же утра при умеренном ветре к...* вдоль лапландских берегов. Искали *склонения компаса*, однако не нашли.

На другой день около полудня, то есть 11-го мая, щитали они себя под $70^{\circ}42'$ *полюсной высоты*.

12-го числа был прежней курс, около полудни показался мыс *Норд Кип* при норвежских берегах; мрачность, *высота солнечная* около полуночи была $1^{\circ}30'$, *склонение компаса* $2^{\circ}00'$ к западу, широта $71^{\circ}24'$.

13-го числа при тихом ветре тот же курс. Полуночная *высота солнца* $2^{\circ}14'$, *склонение компаса* $3^{\circ}00'$. В шестом часу поутру приказал *Чичагов* дать сигнал начальникам прочих кораблей, чтоб они приехали к нему на корабль для условия между собою, в каком исчислении принимать *склонение компаса*, и постановлено было $\frac{1}{2}$ румба к западу. С осьмаго часу держали на NWZN²¹. *Норд Кип* был в SW $30^{\circ}00'$ по счислению в семи немецких милях. Около полудня *широта* $71^{\circ}47'$, *долгота* $46^{\circ}44'$.

14-го числа при ветре NO был прежний курс. В девять часов поутру при сильном ветре шол дождь. В полдень *широта* $72^{\circ}50'$, а *долгота* $42^{\circ}49'$. Дан был сигнал прочим кораблям итти к ветру. Они держали на NZO.

15-го числа ветер был SO, облачно, а иногда туманно. До десяти часов вечера тот же курс, потом держали на NNW. В половине одиннадцатаго часа просияло солнце. *Высота солнечная* около полуночи $4^{\circ}40'$. Тут приметили *склонение компаса* $6^{\circ}00'$ к западу. Пополночи были переменные ветры между S и O и между S и W. В первом часу пополночи была небольшая гололедица, а потом дождь. В полдень щитали $74^{\circ}10'$ *широты* и $40^{\circ}24'$ *долготы*.

16-го числа попеременно легкие ветры. Воздух стал весьма холоден, выпало несколько снегу, а иногда был густой туман. В первом часу пополночи видели при мрачной погоде *Берен-эйланд* к WSW, разстоянием почти за четыре с половиною немецких миль. Дно достали на пятидесяти трех сажнях. По корабельному же исчислению *Берен-эйланд* должен был

* Пропуск в тексте. — Ред.

считаться к WZW разстоянием за $6\frac{3}{4}$ миль, но сие различие приписано было морскому течению, от котораго корабли сбились с своего курса к NNW. Показался весьма светлый воздух, означающей, что там должно быть много льду, да и проносило иногда льдины мимо кораблей. С шести часов утра был густой туман, коим закрыло остров, да и других кораблей 24 часа не видно было. Здесь ни *долгота*, ни *широта* не примечена. Сочиненные же на разных кораблях во время их путешествия карты означают *долготу* 35° , а южные от *Берен-эйланда* берега под $74^\circ 45'$ *широты*, ибо они представляют сию землю четырехугольною и величиною от S к N не более четырех немецких миль. Агличане уверяют, что они первые нашли как *Берен-эйланд*, так и *Шпицберген*, и назвали оной *Херри исль*. Сие может быть и справедливо, но ныне у агличан в употреблении наимянование голландское.

17-го числа противной ветер от NW принудил лавировать. Небо светлооблачное и солнечное сияние, воздух холодной. Глубина была тридцать семь сажень, а грунт песчанной с раковинами. В 11-м часу маловетрие. Грунт достали на 46 сажнях, причем примечено, что корабли отошли на пол-узла к SW. *Солнечная высота* около полуночи $5^\circ 52'$, *склонение* компаса — половина румба к W. В 3-м часу поутру был легкой ветер от NW и шел небольшой снег, котораго хлопья походили на звезду. В пятом часу туманно, но в шестом часу опять прочистилось. В полдень приметили *высоту солнца* $37^\circ 32'$, *склонение* компаса было половина румба к W. Лед редкой, но против того много гагар, чаек и других морских птиц. Под именем *гагар* разумеются те птицы, которых голландские мореплаватели "ломмен" называют. Они меньше российских и сибирских гагар, но в прочем имеют с ними великое сходство.

18-го числа противной ветер до полуночи, а потом можно было опять итти к NW. Воздух холодной, великой снег и туман. В десятом часу пополуночи просияло солнце, в двенадцатом часу стал ветер сильнее.

19-го числа в четвертом часу пополудни сильной ветер с нахождением шквалов от NW. Пасмурная погода с снегом, холодной воздух и туман. К NW виден был в небольшом отдалении лед. В десятом часу утра зделалась штиль.

20-го числа при малом ветре холодной воздух, иногда снег, курс был к W. Следующаго полудня считали они себя под $74^\circ 23'$ *широты* и $34^\circ 48'$ *долготы*.

21-го числа ветер стал сильняе. В половине третьяго часа пополуночи видели лед к NO. Ветер утих, и иногда сияло солнце. В двенадцатом часу были от середины острова (здесь, кажется, идет речь еще о *Берен-эйланде*) под $47^\circ 00'$ к NO разстоянием почти на две мили (считаются всегда немецкие).

22-го числа сильной западной ветер, облачно, туманно, иногда солнечное сияние, волны великие. Чтoб не подойти очень близко к показав-

шесумя около NW льду, лавировали между S и W до NW. В полдень считали *широту* 74°44'.

23-го числа ветер стал сильняе с находждением шквалов, был снег и град, воздух холодной, а иногда шел дождь. Волны были столь велики, что на "Чичаговом" корабле с "Панова", которой от него был на одну версту, в то время, когда оной опускался в волнах, не видно было выппела. Убрали большие паруса и лежали на дрейфе. Во втором часу пополуночи дал *Чичагов* сигнал, чтоб поворотили на другой галс и искали позади острова прикрытия от ветру. Но когда они подошли близко к острову, то за множеством льда не могли пройти и для того принуждены были стоять на открытом море. Около полудни видели остров к NO 30°00', разстоянием почти в трех милях.

24-го числа сильной ветер от NW с находждением шквалов и великие волны, мрачная погода и снег. Корабли по данному сигналу поворотились на левой галс. В третьем часу пополуночи стал ветер тише. В полдень считали 74°29' *широты*.

25-го числа легкой NW ветер. Пасмурная погода, воздух холодной. Лавировали между NW и SW. В полдень 74°31' *широты*.

26-го числа маловетрия. *Парусы*, ослабшие от сильного ветру, были натянуты. В половине пятого часу начал дуть из NO легкой ветер. Курс был к NW. В полдень считали *широты* 74°35', *долготы* 32°18'.

27-го числа ветер был сильнее с находждением шквалов. Иногда солнечное сияние и по большой части снег. С одиннадцатаго часу шел мокрой и густой снег два часа.

28-го числа ветер NW. Пасмурная погода, снег и холодной воздух. В 6-м часу дан был прочим двум кораблям сигнал, чтоб приехали с репортами, в какой считают они себя широте. *Панов* считал 75°07', а *Бабаев* 75°08'. Ту же широту считал и *Чичагов*. Большаго сходства желать было не можно.

29-го числа сильной ветер от N. Пасмурная погода, иногда снег, а иногда солнечное сияние. Курс был между N и W. В шестом часу дан сигнал поворотить на правой галс, что и учинено. Около полуночи стал ветер утихать, с осьмаго до двенатцатаго часу маловетрие. По примечанию полуденной *солнечной высоты* оказалось 75°07' *широты*.

30-го числа тихой ветер между S и W. Курс был на NNW. Светлые облака, солнечное сияние, *высота солнца* около полуночи 8°20', от чего выходила *широта* 75°23', *склонение* компаса — один с четвертью румб. С полуночи весьма тихой ветер от NO, а иногда и совсем штиль. В девятом часу стал ветер сильняе.

31-го числа посредственной ветер с NO. Курс на NW, снег и иногда солнечное сияние. В полдень можно было приметить *солнечную высоту*, которая была 37°20', что составило 75°54' *широты*. Компас показывал в полдень NZW $\frac{1}{4}$ к W (то есть, как и прежде, один с четвертью румб склонения).

Июнь

1-го числа легкой ветер с NO. Мрачная погода, снег, а иногда солнечное сияние. Лавировали между NW и NO. В четвертом часу видно было к O много льду. По наблюдению полуденной *солнечной высоты* оказывалась прежняя *широта* $75^{\circ}54'$, *склонение* компаса один с четвертью румб.

2-го числа попеременно легкие ветры между N и O, также между S и O и между S и W. Пасмурная погода, иногда снег, а иногда солнечное сияние. К O разстоянием в пяти верстах виден был густой лед, простирающийся от N к S, от которого большие и малые льдины проносило мимо кораблей. Лавировали к O и между N и O, а пополуночи между N и W. *Широта* по наблюдению *солнечной высоты* была $76^{\circ}14'$.

3-го числа тихой ветер между N и O. Пасмурная погода, иногда солнечное сияние, воздух холодной. Лавировали между N и W и между S и O. К O виден был лед, из которого мимо проносило льдины разной величины. *Широта* в полдень $76^{\circ}26'$.

4-го числа попеременно слабые ветры между NO и NW, облачно и между тем солнечное сияние. Лавировали между NW и NO. К O видели густой лед на великом пространстве, а к NW менее. Многие большие и малые льдины несло мимо кораблей.

5-го числа тихой ветер между SW. Туманно, холодной воздух, иногда солнечное сияние. Курс был между N и O. В N видели лед, которой к O и к W столь далеко разпространился, что и конца ему не видно было. До семи часов утра шли между N и O, но лед принудил их поворотить к S. Зделалось маловетрие, и тогда поворотились на веслах к W, потому что там казалось менее льду. Но и там льдом также окружены были. В полдень была *широта* $77^{\circ}09'$.

6-го числа маловетрие, облачно и пасмурно, иногда снег. В шестом часу стал ветер сильнее. Держали в ту сторону, где менее было льду и по большой части к W и NW, а с двенадцатаго часу к SW.

7-го числа легкой ветер между SO, облачно, воздух холодной. Правили между льдом к SW. Во втором часу пополудни вышли изо льду на чистой фарватер. Чтoб удалиться ото льда держали к W. В десятом часу покушались опять ехать к N, но чрез два часа увидели пред собою и по правую сторону море, покрытое множеством льда. Потом в половине девятого часа шли к SW. В то время нашел туман, в котором увидели в десятом часу пред собою опять множество льду. Они оставили его вправо, и когда поворотили к O, то считали себя под $78^{\circ}08'$ *широты*.

8-го числа ветер SO, облачно, туманно, воздух холодной, иногда снег. Курс был на SW, потому что в сей стороне не видно было никакого льду. Все прочие места наполнены были льдом, и льдины шли мимо кораблей. В половине седьмого часа видели трехмачтовый корабль в S, но не можно было узнать, какой он был нации. Во втором часу пополуночи опять выяснено, и тогда увидели еще такой же корабль и на том же месте. В полдень была *широта* $77^{\circ}57'$.

9-го числа маловетрие, облачно, туманно и холодной воздух. Лед виден был как от N к O, так и от N к W. С полуночи попеременно легкие ветры, курс был между S и W и к W. В двенадцатом часу видели с марса к N густой лед, которого в других сторонах за туманом видеть было невозможно. В полдень *широта* 77°49'.

10-го числа попеременно легкие ветры между N и O. Курс был к W и NW, лед видели в NO. В одиннадцатом часу имели пред собою густой лед, которому конца не видно было. К N и от N к W и WSW оной представлял не иное что, как великую бухту, или залив. От седьмого часа до первого пронесло много льду большими и малыми льдинами. В пятом часу поутру ветер стал сильнее, облачно, воздух холодной, на горизонте туман. Курс был к SW, а к SO плавал лед. Иностранной трехмачтовой корабль проехал мимо без флага, выпалили из одной пушки, чтоб показал он свой флаг, что и учинено, оной был гамбургской. После чего и корабельщик приехал к *Чичагову* на корабль и сказывал: "6-го апреля нов[ого] шт[илия] выехал он из Исланда для ловли морских тюленей. Он ездил пятнадцать лет сряду за сею ловлею и никогда далее к норду не бывал, и не выдывал *Гренланда*, к которому за льдом и подъехать не можно. Корабль его, хотя и обшит четырьмя обшивками, однакож поврежден. Около 24-го июня возвращаются они с ловли обыкновенно в свои дома. В сем году лед не столь силен, как в прочие годы, почему и ловля не так удачна". Наши мореплаватели считали тогда 77°34' *широты* и 21°41' *долготы*.

11-го числа при умеренном, но противном ветре, облачное небо, холодной воздух и на горизонте туман. Лежали на дрейфе, окружены были со всех сторон льдом. Только к SW казался проезд чистой. Держали к SZW. В то время проехали мимо к SW две аглинские пинки. В половине седьмого увидели лед в W. Поворотили на левой галс и шли между N и O, однакож более к O. Там нашли опять пред собою лед и для того держали к SO. В седьмом часу пополуночи взяли курс на O и не встречали никакого льду. В полдень по исчислению 77°31' *широты* и 24°29' *долготы*.

12-го числа ветер и погода равны с прошедшим днем, а притом шел иногда снег и светило солнце. Курс продолжали к O. В 12-м часу ночи виден был лед, которой простирался от N к O, а дабы удалиться от онаго, держали к OSO. В сии сутки имели почти безпрестанно пред собою и по обеим сторонам несколько льду, которой принудил переменять часто курс между O и S, а главное управление было к O. В полдень *широта* 77°27'.

13-го числа посредственной ветер от NW, холодной воздух, иногда снег и туман с сыростью, безпрестанная мрачность. Переменной курс между S и O и между N и O, смотря по тому, где море чисто было ото льда. Когда же в шестом часу пополуночи увидели лед как пред собою, так и по обеим сторонам, то поворотили к W, где хотя также лед и был, однакож не столь много. Пополуночи сияло иногда солнце. *Широта* в полдень по наблюдению *солнечной высоты* 76°48'.

14-го числа прежней ветер от NW, пасмурная погода и холодной воздух. Курс был между N и O. Подошли ко льду, которой простирался от N через O до SO, и для того держали между N и W. После десяти часов нашел густой туман. Мимо пронесило льдины разной величины, туман прочистился после полуночи. Тогда с марса не видно было льду, как только к N, да и то в дальнем разстоянии. В шестом часу стал ветер сильнае, иногда опять туманно. В полдень по исчислению $77^{\circ}07'$ широты и $28^{\circ}13'$ долготы.

15-го числа N ветер с нахождением шквалов, тонкие облака, иногда солнечное сияние и туман, воздух холодной, волны не столь велики, каких от сильного ветру ожидать должно было. Из чего заключили, что в N надлежало быть много льду. Курс между N и W и между N и O. В четвертом часу по прохождении тумана увидели вокруг себя местами льдины. Около полуночи показалось к S белое полукружие наподобие радуги, только на малом пространстве и без других цветов. В 4-м часу видели к NZO иностранной корабль, но по причине дальнаго разстояния не можно было узнать, какой он был нации. В полдень по исчислению широты $77^{\circ}02'$.

16-го числа ветер между N и W, облачно, иногда солнечное сияние и туман. Курс между N и O. После двух часов подошли ко льду, состоящему в трех грядах, из которых две соединялись малыми льдинами, а третья гряда отделилась. Первые две гряды простирались разстоянием на пять верст, за которыми видно было чистое море. Пробирались между разнесенными по разным местам льдинами и около четвертаго часу не видали пред собою с марса никакого льду. В четвертом часу пополуночи приметили в OZS землю, которая, однакож, в тумане скоро после того от глаз скрылась. Предосторожность не позволяла приближаться к берегам. Лежали на дрейфе, бросали и достали о дно на 70 саженьях. Когда туман прочистился, то пошли ближе к земле. Наконец, оказалось, что они находились пред *Клокбаем*. Все три корабля вошли в залив благополучно.

Я не нахожу в дневной записке причины и намерения, для чего наши мореплаватели не пошли так, как думать можно было, от *Берен-эйланда* прямо в *Клокбай*, чтоб взять с собою более провианта и потом бы предпринять главное путешествие, не возвращаясь назад в *Клокбай* для перезимования, разве токмо в весьма нужном случае. Взятаго ими на три месяца из *Колы* с собою провианта для сего путешествия было не довольно. Дорога в *Клокбай* и положение сего залива были им известны по данным для сего путешествия *Немтиновой* дневной записке и карте. Однакож при всем том не шли они в *Клокбай*, хотя противные ветры, о которых и в дневной записке не показано, им в том и не препятствовали. Может статья, что описанное по сие время кораблеплавание от *Шницбергена* к западу было, как из *Чичагова* намерения видно, ни что иное, как токмо приуготовление к достижению главнаго предмета сего путешествия? Может и быть, и то, что сие происходило единственно в том намерении, чтоб изсле-

довать состояние моря между *Шпицбергом* и *Гренландом*, котораго северо-восточные берега предписано ему было в инструкции наперед сыскать и потом вдоль оных продолжать путь к северу и востоку? Но сие подлинно, что предложение итти вдоль гренландских берегов не весьма основательно. Гренланд известен европейцам с одной только южной стороны, простирающейся от 60° широты к полярному циркулю до *Исланда*. С десятиаго столетия поселились там чрез *Исланд норвежцы*. Размножение сего народа пресеклось. Северная часть *Гренланда*, то есть та, которая простирается за *Исланд* и закрыта с незапамятных времен с восточной стороны везде большими неподвижными и неприступными ледяными горами, почему обыкновенная китовая ловля и бывает по большей части на западной стороне *Гренланда* в *Страс-Дависе* или в дальнем разстоянии от восточных берегов, то есть вблизи от *Шпицбергена*. *Чичагову* должно быть все сие известно; как то и ледяные горы, закрывающие *Гренланд*, подтверждаются (10-го июня) гамбургским корабельщиком. Но видно, что он по силе данной ему инструкции считал себе за должность удостовериться о сем собственным своим опытом. Естли он думал, что сею дорогою возвратится скоряе, нежели зделалось, и тогда еще будет иметь довольно времени для главного путешествия, то для чего ж не изъяснился он о сем в дневной записке? Почему и кажется, что пришли в *Клокбай* будто не с намерением, но совсем нечаянно. Однакож здесь следуют выписке из его дневной записки, а не самой дневной записке. Ниже сего видно будет, что господину *Чичагову* искать *Клокбая* с самага начала возпрепятствовал лед. Так-то ходят в темноте с своими разсуждениями при недостаточных известиях. Я возвращусь опять к дневной записке.

17-го числа по причине стоячаго льда не можно было дойти заливом до жилища, за год пред тем *Немтиновым* построеннаго, и для того принуждены были за семь верст от онаго стать на якоре, где нашли иловатый грунт на пятидесяти пяти сажнях. Во втором часу пополночи прибыл подпоручик *Рындин* с репортом, что все состоит благополучно, и хотя некоторые из его подкомандующих зимою и хворали, однакож никто не умер.

С 18-го по 26-е июня пробыли в *Клокбае* для взятъя с собою еще на три месяца провианту. *Чичагов* предвидел, что ему больше не надобно будет. Дальной перевоз по льду был труден и медлителен. Сверх того принуждены были защищать корабли от льдин, которые, отламывая от стоячаго льду, несло в море.

26-го числа были в готовности вступить в дальнейшее к *N* путешествие, однако частью тишина и частью легкой ветер от *N* и *W* препятствовали кораблям итти в море. Великое множество льду, которой безпрестанно несло с моря в залив, могло бы причинить вред, когда бы не имели предъосторожности отводить оной шестами и баграми от кораблей. В таком состоянии находились наши мореплаватели семь дней, чем корабельные служители весьма утомлены были.

Июль

3-го числа, хотя и дул попеременно легкой ветер от NW и SW, однакож не хотел *Чичагов* долее пребыть в сем месте. Он дал сигнал в третьем часу пополудни, чтоб подняли якоря. Солнце сияло при несколько облачном небе, но берега закрыты были туманом. А как ветер был мал, то шли на веслах, пробираясь сквозь наносимые безпрестанно льдины.

4-го, 5-го и 6-го чисел ветер был не сильнее прежнего, а при том еще часто противной. Лавировали между плавающим льдом. Густые туманы препятствовали далеко пред собою видеть.

7-го числа при довольно сильном ветре S не без труда и опасности пробирались к W между льдом, так что чем далее шли, тем больше онаго было. Причем в разсуждении теснаго прохода и безпрестаннаго тумана корабли были не без повреждения. Наружная обшивка в разных местах от льдин протерлась, которую после починивали. По частию, море по причине много плавающего льда не могло волноваться. В девятом часу вечера вышли изо льду на чистой фарватер, в которое время и туман прошел. Тогда увидели пред собою от SW к N одну гряду возвышающихся непроходимых ледяных гор, которые, однакож, в N имели свой конец. Чего ради держали при способном для них S ветре к N, где встречались им только одинакие льдины, которые в их пути никакого помешательства не делали. В то время сделалась на море великая зыбь, отчего корабли ход свой потеряли. В N видели два иностранные корабля, которых за дальним расстоянием узнать было не можно. В одиннадцатом часу пред полночью взял *Чичагов* по силе своей инструкции курс к W, на румб к N, то есть WZN (точка, по которой советовано искать гренландских берегов), ибо он следовал исправленному компасу, котораго *склонение* принято было на полтора румба. Море было ото льду чисто, облачно, пасмурно и воздух холодной. После полуночи ветер стал сильнее, нашел густой туман и поднялись великие волны.

8-го числа тот же ветер, пасмурно, туманно и сырая погода. Курс продолжался прежней. После полуночи ветер стал тише. В полдень считали себя под $77^{\circ}41'$ широты.

9-го числа нарочито сильный ветер между S и W с густым туманом, и курс прежней. После полуночи ветер несколько поутих. В 8-м часу подошли к густому и непроходимому льду и для того повертели к N, где, по видимому, был конец онаго льда. После того нашел густой туман. Опасаясь, чтоб не зайти в лед, убрали все паруса и отдались волнам на волю. Как скоро туман несколько прошел, то продолжали они свой курс к N и тут зашли опять в густой лед, которой до половины окружал их, наподобие бухты, или залива. Противной ветер препятствовал им выйти из онаго. Лавировали в густом тумане. В двенадцатом часу бросали лот и на севедесяти сажнях совсем не достали грунта.

10-го числа прежней ветер между S и W, только легкой. Мрачно, пого-

да сырая, по большей части туман и холодный воздух, снасти от сырости и холоду обмерзали.

11-го и 12-го чисел переменные, однакож по большей части легкие ветры между S и W и между S и O. Мрачность и безпрестанной туман. Однакож иногда просиявало солнце, лавировали к ветру с осторожностью, чтоб не зайти в лед, которой, однакож, в тумане не всегда видеть можно было. Туман был столь велик, что с одного корабля не видали другаго. Однажды "Чичагов" и "Панов" столь близко сошлись, что *Панов* спросил, какие *Чичагов* прибавил паруса, на что ему без переговорной трубы внятно ответствовано было. А чтоб в такой темноте не столкнуться вместе, то часто били в барабан, звонили в колокола, палили из пушек и для повороту давали пушечные сигналы. Иногда был один только шум отплескивания воды, который напоминал им удаляться от находящегося в близости льда.

13-го числа прежние ветры. В осьмом часу пополудни великой дождь, от котораго туман прошел. В то время льду нигде видно не было. Шли опять к N. В десятом часу сделался паки такой густой туман, что других кораблей, которые находились расстоянием только на четверть версты, видеть было не можно.

14-го числа нарочито сильной ветер между SO и NO, погода мрачная, густой и сырой туман. Со снастей безпрестанная капель. В пятом часу пополудни слышали на передней части корабля отплескивание воды, из чего заключили, что весьма близко находится лед. Тотчас дан был сигнал к повороту. После того шли между N и O. Туман прошел в осьмом часу. В то время по левую сторону увидели густой лед, которой походил на холмы и простирался от N к SW. В половине десятого часа нашел опять туман. Видимой прежде лед пропал из виду. Через час после того плыла мимо большая льдина, и туман проходить начал. Тогда увидели грядую густой лед от NOZN мимо N до SW, от чего услышали отплескивание воды. Поворотили на другой галс и шли между S и O. В третьем часу пополудни стал ветер сильнее, которой принудил убавить парусы. Видели трех около корабля летающих маленьких птичек, подобных тем, какие бывают в *Шпицбергене* и называются *подорожники*. Из сего сначала заключили было, что, может быть, находятся в близости *гренландские* берега, но вспомнили, что видали таковых птичек на пути к *Шпицбергену*, которые прилетали с земли в то время, когда находились от оной расстоянием не менее десяти немецких миль. Сия мысль уничтожила тут прежде чайние, потому что птицы дорогою могли отдыхать на льду и, следовательно, весьма легко отлететь на такое расстояние.

15-го числа легкой ветер между S и O и между N и O. Мрачная погода, дождь, иногда туман, воздух холодной. В седьмом часу, когда прошел туман, не видно было с марса льду ни в которой стороне, а к ONO видели чрезвычайно светлой воздух, означающей, что там должен быть лед. После полуночи также льду не видно было, и для того держали к N.

16-го числа сильной NW ветер и высоко поднимающиеся волны, облачно, весьма холодной воздух, иногда солнечное сияние. Льду не видно. Курс был к N и несколько к западу. В полночь приметили солнечной высоты $7^{\circ}38'$, из чего найдена *широта* $78^{\circ}15'$. В четвертом часу полуночи нашел со стороны ветра густой туман, в котором не можно было видеть других кораблей. В седьмом часу стал туман меньше. Тогда увидели пред собою густой лед, простирающейся в левую сторону к WNW, а в правую к NZO. Сей лед скоро после того закрыт был густым туманом, что побудило поворотиться назад и держать курс свой между S и O. А как скоро в двенадцатом часу туман прошел, то пошли опять к N.

17-го числа переменной ветер от W и SW, которой иногда почти в маловетрие превращался. Мрачная погода по большей части, то большой, то малой туман, воздух весьма холодной, все снасти обледенели. Когда поправляли парусы, то падал лед с канатов на палубу. Курс был к N и часто несколько к востоку, потому что в левой стороне видели лед; когда же оной закрыт был густым туманом и к нему несколько приближились, то услышали шум отплескивания воды.

18-го числа легкие ветры между S и O и между N и O. Курс был между S и O. Как скоро туман прошел, то увидели пред собою и по обеим сторонам лед, а во время туману слышали отплескивание воды. Большие и малые льдины пронесило мимо кораблей. Было очень холодно, и канаты опять обледенели. Чтob не разойтись в разные стороны во время тумана, даваны были из пушек сигналы. Сей день приметили на море течение между NO и SW, в час одна италианская миля. В полдень по исчислению были под $79^{\circ}08'$ *широты*.

19-го числа почти неприметной ветер между S и O. Пасмурная погода, иногда дождь, иногда сильной туман. В редких местах льдины поодиночке. Холодной воздух и с снастей капель. В осьмом часу туман прошел, и льду не видно было. Однакож между N и W и между N и O видели чрезвычайно светлой воздух, какой обыкновенно над льдом бывает. Курс был между S и W. По исчислению находились тогда под $78^{\circ}55'$ *широты*. После того ветер стал сильняе.

20-го числа сильной ветер между S и O. По причине опасности от льду, которой был под ветром, убрали несколько парусы. Притом были нарочито великие волны и густой туман, в котором другие корабли пропали из виду. Палили часто из пушек, чтob проведать, в каком разстоянии которой корабль находится. С одного ответствовали, а с другаго пальбы не слышно было. Курс держали между N и O, а чтob в тумане не удариться об лед, поворотили на левой галс и правили между S и W. В то время увидели сквозь туман, что корабль "Бабаев" следовал за "Чичаговым", а "Панова" не видно было. По причине жестокаго ветру не слышно было пушечных выстрелов, и для того при повороте не дали и сигналу. В полдень туман прошел, но ни льду, ни "Панова" не видно было.

21-го числа нарочито сильной ветер между S и W и немалые волны. Пасмурная погода, на горизонте мрачность, воздух холодной, иногда тон-

кой туман. Во втором часу пополудни шли между S и O для сыскания отделившегося корабля. В 3-м часу прочистилось на горизонте. Тогда оказался к NNO лед, которой в половине четвертаго часа закрыт был туманом. В одиннадцатом часу увидели "Панова" под ветром, подняли флаг и выпалили из одной пушки, на что и он отвечивал. Они опять сошлись вместе, быв один от другаго в разлучении дватцать восемь часов. В то время увидели обыкновенной признак множества льду: отменно светлой воздух между N и W и между N и O. Того ради положили приближаться к *Шпицбергенской* земле; ежели там не встретят никакого льду, то итти опять к N до тех пор, пока возможно будет. По прошествии двенатцати часов увидели землю, которую по причине мрачной погоды нельзя было узнать. Однакож думали, что то *Форланд* (долгой и уской остров на западной стороне от *Шпицбергена*), потому что считали себя под $79^{\circ}13'$ широты.

22-го числа сильной ветер между S и W и высокие волны. Мрачная погода, дождь, часто туман и холодной воздух. Курс был к O. Иногда без парусов лежали на дрейфе. А чтоб в тумане не сесть на мель, пробовали глубину, однако на сте девяносте сажнях не достали дна. Когда же иногда туман проходил, то смотрели с марса и не приметили нигде льду. В седьмом часу по утру показалась опять в мрачности земля и потом паки скрылась. Часто бросали лот и находили грунт — жидкой ил — на шестидесяти осьми, шестидесяти пяти и шестидесяти трех сажнях; когда же усматривали землю, то приближались к оной.

23-го числа сильной ветер между S и W и высокие волны, облачно с перерывным солнечным сиянием, великая стужа, по берегам пасмурно и мрачно. Курс был между N и O к земле, пред которою лежал небольшой остров. Вошли в малой залив глубиною тринадцать сажень. Поворотили от земли назад. В осьмом часу по причине сильного ветру, и чтоб лучше можно было узнать землю, убрали большие паруса и в одиннадцатом часу достали каменистой грунт на сорока осьми сажнях глубины; поутру во втором часу — крепкую землю на семидесяти двух сажнях глубины. Чрезвычайно чистой воздух к NO и O, как уже часто описывано. В девятом часу поутру стал ветер потише, тогда прибавили пять парусов и пошли к W. В четвертом часу был западной конец *Шпицбергена* от "Чичагова" к SW $22^{\circ}00'$, разстоянием почти в трех немецких милях. В седьмом часу увидели лед, котораго конец казался в N и NNO. В девятом часу стал ветер сильняе. Густой и толстой лед простирался от NW к OZN. Самой курс покрыт был льдом, и для того переменили оной и пошли к SO. В двенатцатом часу нашел туман. Лот показывал на шестидесяти двух сажнях грунт — ракушку, в полдень широта $80^{\circ}26'$.

24-го числа сильной ветер с находждением шквалов и большие волны, облачно, на горизонте мрачность, холодной воздух, иногда солнечное сияние. В двенатцатом часу лед видели в W. Во все сии сутки лавировали между S и W и между S и O. В полдень $80^{\circ}21'$ широты.

25-го числа тот же ветер от S и большие волны. Весьма холодной воздух, на горизонте густая мрачность и иногда туман, также и снег. В половине третьего часа стал ветер тише и переменной между S и W. Шли между S и O, N и W и S и W. В шестом часу во время тумана выпалили из одной пушки, на что ответствовали с обеих кораблей. В третьем часу пополуночи видели лед к WNW, в пятом часу стал ветер сильнее, мрачная погода и накрапывал дождь. В половине шестаго часа опять прочистилось. Тогда показался густой лед, которой простирался к NNO и к W, а к SW видели на воздухе чрезвычайную светлость. В девятом часу маловетрие, в десятом легкой ветер между N и O, иногда солнечное сияние. *Шпицберген* увидели в SOZS, разстоянием почти в семи милях, а лед, которой прежде видели, пропал в исходе двенадцатаго часа во время снегу из виду. По примечанию *широта* $80^{\circ}11'$.

26-го числа посредственной ветер между N и W, мрачная погода со снегом и между тем солнечное сияние. Курс был к W. В седьмом часу принесло кусок дерева, которой, поймав, признали за сосновой. Ветер стал несколько побольше, погода мрачная с дождем, а иногда и снег. За мрачную погодую льду было не видно. Пред самую полночь нашел туман со стороны ветра. В первом часу чрезвычайно светлой воздух к NO и от N к SW. В третьем часу увидели с марса лед к W. Ветер усилился около шестаго часу. Однакож в сии сутки больших волн не было, из чего заключили, что к N лежит много льду. В полдень *широта* $79^{\circ}37'$.

27-го числа легкой ветер между N и W, облачно, весьма холодной воздух и накрапывал дождь. От первого до седьмаго часа видели к NO, NW и между S и W чрезвычайно светлой воздух, а с марса видели лед к W и WNW. Курс был между S и W. В осьмом часу маловетрие и солнечное сияние. В то время увидели вершины Шпицбергенских гор, над туманом возвышающаяся. Льду нигде не видно. Бросали лот и на двухстах саженьях не достали дна. Морское течение было к OZN, в час четверть италианской мили. В полночь приметили *высоты солнца* $6^{\circ}00'$, *склонение компаса* полтора румба. После полуночи ветер был малой, облачно, весьма холодно, так что все снасти обледенели. Потом нашел опять туман, и для того палили из пушек, били в барабаны и звонили в колокола. Когда же туман опять иногда проходил, то казался в правой стороне между N и W прежней светлой воздух над льдом. В полдень $79^{\circ}10'$ *широты*.

28-го числа тихой ветер между N и W, светлые облака, на горизонте мрачность, солнечное сияние, воздух холодной. В четвертом часу с марса льду было не видно, также и в осьмом часу, и для того правили на W. В одиннадцатом часу имели пред собою и к S опять лед. Около четвертаго часу пополуночи пронесло несколько льдин мимо кораблей. Они держали между S и O, в десятом часу был лед в WZN, держали к WSW и после одиннадцати часов к W. В полдень по исчислению $78^{\circ}30'$ *широты*.

29-го числа посредственной ветер между N и O, облачно, воздух холодной, на горизонте мрачно. В первом часу пополудни видели лед к WZN и до O. В половине шестаго часа стал ветер силен и для того зарифили марсели, однакож больших волн не было. Из сего заключили, что на ветру должно быть много льду. Держали курс к W, мимо пронесло большие льдины и к SSW видели чрезвычайно светлой воздух. В одиннадцатом часу поворотились ото льду назад, легли на дрейфе, и начальники с других двух кораблей со своими офицерами приехали по сигналу на командирской корабль, где советовали, что далее делать. Единогласное мнение у всех состояло в том, чтоб возвратиться в свою гавань для следующих причин. В Гренланд дойди воспрепятствовал лед, также и проезду к северу за множеством густаго льда не нашли; август месяц приближался; по состоянию тамошняго места, поелику ехали безпрестанно между льдом и от холоду, мокроты, снегу и туману, сносили много беспокойства, должно страшиться великой опасности; в позднее время года не можно ничего инаго ожидать, как еще несноснейшей погоды. А как не остается ни малейшей надежды по причине случившихся непреодолимых трудностей достигнуть искомаго предмета, то напрасно будет оставаться долее в сих местах. Вследствие чего и вступили они в возвратной путь; в первом часу пополуночи и при сильном ветре взяли курс между S и O, будучи в то время провождаемы снегом и градом. В полдень считали они себя под $78^{\circ}06'$ широты.

30-го числа сильной N и NO ветер, облачно с переменным солнечным сиянием, холодной воздух, иногда снег и дождь. Курс был между S и O. В одиннадцатом часу пополуночи видели они Шпицберген между N и O. В полдень были под $76^{\circ}32'$ широты.

31-го числа сильной N ветер, облачно, иногда солнечное сияние, холодной воздух. Курс был между S и O, видели южной конец Шпицбергена, где шли сквозь редкий лед, в осьмом часу показался в ONO густой лед, в десятом часу поутру нашел туман и ветер стал сильнее. После того шел великой снег. В полдень по исчислению было $75^{\circ}53'$ широты.

Август

1-го числа сильной ветер между N и O, великой мокрой снег. В седьмом часу стал ветер сильняе с большими волнами, мрачная погода, воздух весьма холодной. Курс был между S и O. Во втором часу пополуночи стал ветер тише. В SOZS увидели Берен-эйланд. Широта в полдень была $74^{\circ}32'$.

2-го числа тот же сильной ветер между N и O и большие волны, которые плескали чрез борд, облачно, холодной воздух. В шестом часу потеряли из виду Берен-эйланд к NWZN, ветер стал сильняе. В десятом часу увидели в первой раз захождение солнца в NW в полурумбе к W. С 9-го часу утра до полудни шел снег, широта $73^{\circ}13'$.

3-го числа прежней же ветер с большими волнами, облачно, иногда сол-

нечное сияние, воздух стал теплее. В двенадцатом часу увидели они *лапландские* берега.

С 4-го числа и до 6-го августа ехали в виду лапландских берегов между S и O.

6-го числа в седьмом часу пополуночи стали на якоре под островом *Килдуином*.

Здесь окончилось сие путешествие, из котораго капитан *Чичагов* 20-го августа возвратился в город Архангельской и о происшествиях онаго послал 22-го августа в Петербург в Адмиралтейскую коллегияю краткой репорт. Он изъяснил в оном, что по учиненному им самим и прочими мореплавателями опыту северной поход за непроходимым льдом совсем невозможен. Однакож предъявленные им доказательства против его чаяния за благо не приняты. Всемилостивейшая государыня, будучи по своему нежному чувствованию благосклонна к тем подданным, которых верность и усердие к службе никогда сумнительны не были, при поднесении ея величеству о сем репорта, хотя и соизволила довольна быть сим первым опытом, приписав неисполнение ея воли сопряженным с оным трудностям, однакож ея величество не хотела быть судиею в таком деле, которое судить должны адмиралы, но всемилостивейше предоставила оное на рассмотрение просвещенным и искусным мужам, в коллегии присутствующим, что они за справедливо и как для государства, так и для подданных за полезно признают. Вследствие сего и послан был из *Адмиралтейской коллегии* капитану *Чичагову* 13-го сентября указ следующего содержания: *Коллегия*, рассматривая подробно все обстоятельства сего путешествия с их последствиями, находит, что несколько поспешили сделать из оных заключение о всеконечной к совершенно намерения невозможности. По силе данной мореплавателям инструкции надлежало бы им от *Клокбая* взять свой курс к W на Гренланд, но вместо того пошли они прямо к Норду. (Сие разномыслие произошло от того, что в полученном кратком репорте не было упомянуто о первом походе к W, не заходя в *Клокбай*, как то в дневной записке описано.) ЕСТЬЛИ бы они то учинили и в случае последуемаго от льду препятствия держали бы курс свой несколько к югу, то, может статься, достигли бы до *Гренланда* и могли бы продолжать плавание к северу в виду *гренландских* берегов до тех пор, пока бы принудила их совершенная невозможность возвратиться назад. В таком случае, хотя бы желаннаго успеха сего путешествия и не достигли, то нашли бы, однакож, может быть, новые и неведомые *гренландские* берега. Важнейшим почитается то, что мореплаватели, кажется, весьма рано стали помышлять о возвратном пути, не будучи принуждены к тому совершенною нуждою или опасностью. Корабли находились еще в хорошем состоянии, иностранные корабельщики ходили по морю еще и по возвращении их назад, больных у них не было никого, чего на таком маловременном путешествии и ожидать было не можно. В море бывает иногда меньше льду в раннее время года, нежели в позднее. И сие

доказывается особливо путешествием подпорутчика *Ярыгина* (из команды капитана-порутчика *Немтинова*), которой 14-го сентября прошлого года был под 78°00' *полюсной высоты*, не имея никаких от льду препятствий, а они 29-го июля вступили уже в возвратной путь, из чего совершенной невозможности сего путешествия заключить и нельзя. Кажется, что весьма великое опасение нечаяннаго бедствия побудило их к столь скорому возвращению, ибо *Шницберген*, *Норвегия*, *Лапландия*, а в необходимо нужном случае и *Гренланд* для них убежищем служить могли. Им надлежало продолжать свое путешествие по крайней мере до сентября месяца, поелику известно, что тамошнее море часто в октябре, а иногда и совсем не мерзнет. При всем том коллегия неисполнение сего предприятия им в вину не приписывает, но, будучи удостоверена о их известной ревности и старании, думает более, что принудили их возвратиться назад существенная невозможность и непреодолимая препятствия. *Чичагову* приехать немедленно в *Петербург* и привести с собою все дневные записки и карты, а команду поручить первому по нем.

В то ж самое время *его сиятельство граф Иван Григорьевич Чернышев*, яко вице-президент Адмиралтейской коллегии по случаю препоручения ему от ея императорского величества сей экспедиции в особое попечение, писал к господину *Чичагову* следующее письмо: "Я не могу описать вам того неудовольствия, которое чувствовал при чтении посланнаго от вас в коллегию рапорта о возвратном вашем в *город Архангельской* прибытии. Вы можете сие узнать, когда вспомните, какое я при отправлении вашем имел участие и сожаление мое о вашем отсудствии, чему вы сами быв свидетелем, можете засвидетельствовать и другим. Оставалось мне одно то в утешение, что таковой жребий пал по собственному желанию на таких людей, которые не токмо благоразумием, знанием, но и безпредельною ревностию соответствуют важности поручаемой вам экспедиции, предпринятой к славе государствования ея величества нашей всемилостивейшей императрицы, к чести российского флота, сопряженной с славою и пользою отечества. И хотя по любви моей к вам обрадован я много был получением о вас известия, но, правду сказать, не из того места я его ожидал, а думал, что буде и действительно невозможно, вам путь свой продолжить до желаемого места, то хотя по последней мере приобретет Россия сколько-нибудь чести и славы открытием по сие число неизвестных каких берегов или островов. Но все оное было как во сне, ибо не токмо и того мы не получили, но ниже были целою приуготовленною и великих денег стоящую экспедицию так далеко, или по последней мере столь долгое время в Северном море, чтоб о непреодолимости сего прохода не только Европу, отворенными глазами смотрящую, но ниже самих себя уверить возможно было. Не причтите, мой государь, сию откровенность моего мнения к оказанию неудовольствия, но припишите к искренности моего к вам почтения и любви, которое нудит меня открыть свои мысли. Возможно ли удержаться

и вам не сказать, что прискорбность моя еще более умножилась, увидя вас самих уверенных о невозможности сего прохода, как то вы, кажется, в конце вашего репорта знать дать хотите, чего, однакож, мы не токмо не ожидали, но из обстоятельств усмотреть не можем. Сверх сего вы знали, мой государь, какое разположение здесь зделано было еще в ваше пребывание для случая принужденнаго вашего возвращения в первую компанию, чтоб то было не токмо не к *городу Архангельскому*, но ниже к *Колу*, а на *Шпицберген*, то есть в *Клокбайскую* пристань, где, хотя и не очень хорошее, однакож нарочитое зимовье построено и провиантом пре-наполненное. Пускай половинное число онаго от худой покладки и пропало, но нынешним летом привезенный такому повреждению не мог быть подвержен, о чем вы при отправлении вашем отсюда уверены были. И буде бы отгудова сюда хотя не нынешнею осенью, но будущую весною чрез нарочно присланное к нам судно дали знать о чаемой вами невозможности, тогда б мы, может быть, изъискали какой-нибудь способ прикрыть падающей на Российских мореплавателей неизбежной стыд о малотерпеливости их бытия в неизвестных водах и приказали бы вам возвратиться в здешния порты или какой-нибудь другой вояж зделать, дабы тем неудачливое предприятие прикрыть и тем избавиться от насмешки, которая неминуемо последовать должна. Паки повторяю истинность уверения моего, что все сие к вам пишу не от уменьшения моей к вам любви и почтения, которое всегда к вам иметь буду. Заслуживаете вы то, конечно, от всех, кто вас знать удовольствие имеет. И не так бы мне чувствительна была вся оная перьвая неудача, буде бы не показалось мне, как то и выше сказал, что вы сами о успехе отчаяваться начинаете, какова заключения, кажется, из столь малаго опыта зделать еще невозможно, а особливо вам, котораго благородная твердость известна, ибо вы сие путешествиe с таким непоколебимым и геройским духом предпринимали и, не имев еще время зделать то, чего мы от терпеливости вашей ожидали и безсумнительно ожидаем, а такое заключение делать начинаете. Уверены будучи, что вы, хотя и возвратились, но от невозможности предпринятаго окончить в нынешнюю компанию, а что все исправя и приуготовясь, в будущую, конечно, зделать не преминете. А как время к тому довольное, того для таковая последовала коллежская и резолюция. Ваше же здесь бытие не токмо много к тому способствовать может, но и уверить вас о нелицемерном моем почтении и любви, с которыми навсегда пребуду”.

И таким образом зделано определение, чтоб, не довольствуясь тем, что учинено, зделать еще распоряжение ко вторичному путешествию. Вследствие чего помянутые три корабля “*Чичагов*”, “*Панов*” и “*Бабаев*” отправлены были осенью того ж года из *города Архангельскаго* назад в *Колу*. Капитан *Чичагов* приехал в Петербург в октябре месяце 1765 года и привез с собою дневныя записки, как свою, так и других двух кораблей, также сочиненныя на кораблях карты. Господин *вице-адмирал Алексей Иванович Нагаев* рассматривал оныя и апробовал. После чего с ведома и

воли ея императорскаго величества последовало генваря 18 дня 1766 года в *Адмиралтейской коллегии* следующее определение: "*Коллегия признает, что господин Чичагов и протчие с ним бывшие капитаны кораблей по известной им ревности и усердию не упустили ничего к достижению желаемого намерения, поколику состояние времени и встретившиися препятствия позволяли, однакож коллегия сего единого опыта к точному заключению о совершенной невозможности почитает недостаточным, приемля за основательныя к тому причины следующие: Из похода на Шпицберген прошлаго 1764 года капитан Немтинова оказывается, что того лета льдов не столько великое количество, видимо, было, так что он свободно в *Клокбай* входил, а напротив того, из записных книг господина Чичагова видно, что во время его путешествия тамошние места льдом были наполнены. Почему вероятно, что или от состояния ветров, или по разности времен, от течений, а может быть, и от разности стужи одним летом льдов больше, а другим меньше бывает. И, таким образом, хорошей успех таковых чрезвычайных предприятий большею частию иногда от удачи зависит. Следственно, неоднократные опыты к тому потребны, ибо может быть, что возпрепятствовавшия минувшаго лета трудности впредь не столь непреодолимы будут. Ибо самое главное препятствие — льды, — будучи наносные, может быть, по состоянию ветров или течений дадут свободной путь в желаемое место, а особливо, ежели, сколько можно, довольное время и нужное терпение к ожиданию и изысканию того употреблены будут. И для того, дабы в столь славном и полезном предприятии ничего не оставить и чрез то испытать онаго возможность или по крайней мере о совершенной невозможности быть уверенным, того ради *Адмиралтейская коллегия* приказала следующее: Сию экспедицию нынешняго 1766 года возобновить, поруча оную ему ж, господину Чичагову, на прежнем основании. Почему и прежняя инструкция в своей силе остается. А как положенные в оной предписании учинены больше для сведения и примечания, нежели для определительнаго наставления, какое во всех подобных сему делах инако как наугад дать не можно, а в прочем дается тем начальникам совершенная свобода избирать полезное, то и ныне то ж самое не токмо подтвердить, но власть господина Чичагова разпространить и более, полагаяся во всем на его известные и уже опытами доказанные ревностное усердие, благоразумие, искусство и патриотической дух, чтоб он в предприятии сем поступал и в желаемой путь располагал свое плавание, как время и обстоятельства потребуют и дозволят, а искусство и неустрашимость духа наставят. Одним словом, все препоручить его благоразсуждению, ибо как самое намерение и конец сего опыта, так и происходящая от того не токмо для России, но и для целой Европы слава и польза ему известны, как и то, что собственно ему послужит сие изобретение не инако как к безсмертному имени, что толь трудное и поныне от всех европейских в мореплавании упражняющихся народов тщетно предприемлемое дело произведено им в действо, или по крайней мере свет уверится, что оно совершенно невозможно. По*

окончании своего плавания имеет он свободу возвратиться к своим портам, куда тогдашняя его обстоятельства и состояние годового времени ему дозволить могут. А дабы ни в чем, что для сего путешествия нужно, недостатка не было, того ради *Архангелогородской* канторе над портом в то же время предписано по требованиям господина капитана *Чичагова* во всем удовлетворять”.

III. Второе путешествие по Ледовитому морю

С таковым повелением возвратился *Чичагов* из Петербурга в город *Архангельской* и 19-го мая 1766 года выступил из Колы во второй поход на своем корабле, имея при себе и два прежние. Веденная на корабле “*Чичагове*” дневная записка, сочиненная о сем путешествии карта и посланной в *Адмиралтейскую коллегию* по возвращении в город *Архангельской* *Чичагова* рапорт содержат в себе следующие известия.

По выступлении их 19-го мая ввечеру из *Катерин-гавани* в залив реки Колы имели они в первом часу пополуночи в виду *остров Килдуин*. Подняли на корабли свои шлюбки, прибавили парусов и при сильном западном ветре начали свое путешествие. В одиннадцатом часу пред полуднем устье реки *Колы* по причине бывшего на берегах тумана от глаз скрылось.

20-го числа сильный ветер из WNW, облачно с просиянием солнца, воздух холодной. А чтоб не отнесло к О, то держали в третьем часу пополуночи к SSW. И, таким образом, пришли под прикрытие *лапландских* берегов. В шестом часу стал ветер утихать, в седьмом часу достали каменной грунт на пятидесяти пяти сажнях. После полуночи стал ветер больше. Погода мрачная. В двенадцатом часу маловетрие и нарочито великие волны.

21-го числа маловетрие, несколько облачно с солнечным сиянием. В пятом часу ветер между S и O. Курс был для удаления от земли к N. В седьмом часу стал ветер сильнее. В половине десятого часу потеряли из виду в SSO *остров Килдуин*, убрали некоторые паруса, дабы другие корабли догнать могли. В двенадцатом часу при SO ветре был курс к NW. Облачно с просиянием солнца, воздух холодной, а на земле туманно. В седьмом часу увидели *Вагдгауз*. По учиненному в полдень наблюдению, солнечной высоты оказалось $70^{\circ}18'$ широты, склонение компаса — четверть румба западное.

22-го числа ветер между S и O. По данному сигналу собрались вместе начальники кораблей и уговорились взять курс к *Берен-эйланду*, а склонение компаса употреблять четверть румба западное. Потом прибавили парусов и держали к NNW. В половине осьмого часу пропал из виду *Вагдгауз* в SO на $15^{\circ}00'$. В четвертом часу пополуночи увидели *Капгорн* в

SW под $62^{\circ}00'$ расстоянием почти в трех милях. Ветер был между N и O, а курс между S и O. В двенадцатом часу *Капгорн* видели в SW под $39^{\circ}00'$.

23-го числа лавировали со полудни к NW при довольно сильном ветре между N и W. Мрачная погода, холодной воздух, к O видели три корабля, но не могли узнать их за дальним расстоянием. Во втором часу шел небольшой снег, вскоре потом усилился ветер, которой после полуночи опять утих. Погода мрачная, иногда дождь и снег. В двенадцатом часу был *Капгорн* в S.

24-го числа ветер между N и W. Нарочито великие волны еще от прежняго ветру. Мрачная погода, иногда небольшой дождь. В половине втораго часа находили шквалы, которые и продолжались около четверти часа. Ветер был то сильняе, то тише, лавировали к ветру. В полдень считали себя расстоянием от *Берен-эйланда* еще в семидесяти немецких милях, а *Берен-эйланд* в NW под $84^{\circ}00'$.

25-го числа ветер и погода прежние. В одиннадцатом часу ветер северной, потом между N и O. Курс был к NW. В третьем часу пополуночи стал ветер сильнее. В полдень по наблюдению $71^{\circ}75'$ *полюсной высоты*, *склонение* компаса было четверть румба западное.

26-го числа ветер между S и O, облачно с перерывным солнечным сиянием. В пятом часу стал ветер сильнее. Курс был на NW. После полуночи великое волнение, холодной воздух, от втораго до двенадцатого часа шел иногда снег. В полдень по изчислению *широта* $73^{\circ}46'$, *долгота* $30^{\circ}51'$.

27-го числа ветер между S и O, нарочито большие волны, мрачно, облачно, воздух холодной и иногда снег. Курс был к NW. В шестом часу дан сигнал, чтоб держались ближе к ветру, курс был на NWZN. В седьмом часу капитан *Панов* дал сигнал, что он увидел землю, которую в то же время увидели также и с других кораблей. Ето был *Берен-эйланд* в $N \frac{1}{2}O$. Для сего переменили курс и держали к земле на N. В первом часу пополуночи выбросили лот на дватцать три сажени, грунт — мелкой камень, ракушка и песок. Во втором часу увидели лед между N и W. Остров был в тумане. В десятом часу дан сигнал начальникам прочих кораблей, чтоб они приехали для переговору. И понеже никакого наблюдения делать было не можно, то положено употреблять *склонение* компаса, так, как и в прошедшем году, половина румба западное. В двенадцатом часу остров был в SO под $72^{\circ}00'$ расстоянием в пяти милях.

28-го числа ветер OSO, облачная погода, холодной воздух. В первом часу пропал из виду остров к SO в $70^{\circ}00'$. Во втором часу проносило мимо мелкой лед, а как оной был от $N \frac{1}{2}O$, то держали курс на O. В W льду было не видно. В половине шестаго часа держали на NWZN до перваго часа пополуночи. С марса ни в которой стороне льду не видали. В четвертом часу был чрезвычайно светлой воздух от N до O, каковой обыкновенно ото льду бывает. В полдень по счислению $75^{\circ}51'$ *широты* и $29^{\circ}43'$ *долготы*.

29-го числа ветер от SSO, облачно с просиянием солнца. Курс на NWZN, льду не видно. В полночь стал ветер сильнее. Мрачная погода, на горизонте густой туман. В третьем часу прилетел куличок и сел на корабль. Из того заключили, что в близости находится либо земля, или лед. По изчислению ж были от *Зюйд-капа* на *Шпицбергене* расстоянием около осьмнатцати миль. В осьмом часу держали к N. В десятом часу спрашивали чрез сигнал у других кораблей, на какой *широте* и *долготе* щитал себя каждой начальник и какое употреблял он *склонение* компаса. *Панов* объявил $76^{\circ}30'$ *широты* и $26^{\circ}45'$ *долготы*, а *Бабаев* $75^{\circ}30'$ *широты* и $22^{\circ}00'$ *долготы*. *Склонение* имели все на один румб западное. В сии сутки смотрели каждые полчаса с марса и не видали льду нигде. В полдень находились по счислению под $77^{\circ}03'$ *широты* и $25^{\circ}29'$ *долготы*. Видели много летающих морских малиньких птичек, подобных тем, которых Российские рыбаки *порхачами* называют.

30-го числа ветер SO, великое волнение, пасмурная погода, на горизонте туманно, воздух холодной, иногда снег. Курс был на NOZO. В осьмом часу весьма густой снег, так что не можно было видеть других кораблей, хотя оные и очень близко были. Мимо проносило одинакие льдины. А чтоб не зайти в лед, то правили на SSW. В девятом часу, когда снег стал меньше, увидели густой лед между S и O и между N и O. Далее по причине мрачности было не видно. В двенатцатом часу правили на ONO. В третьем часу пополуночи проносило льдины мимо кораблей, в три часа увидели густой лед на великом пространстве, которой простирался от N чрез O до S. Во все сии сутки лавировали. Остерегались только, чтоб не зайти в лед, да и от онаго не весьма б удалиться по причине мрачной погоды и по большой части идущаго снегу. В полдень щитали себя под $77^{\circ}23'$ *широты* и $26^{\circ}40'$ *долготы*.

31-го числа легкой ветер от S и немалая на море зыбь, облачно и мрачно. Курс был к W. Видели малых белоголовых китов. Лед был к N и SO. В пятом часу штиль, которою пользуясь, испытывали морское течение и приметили оное в седьмом часу на четверть италианской мили к OSO. После полуночи стал ветер несколько усиливаться. По наблюдению нашли $77^{\circ}05'$ *широты*, *склонение* компаса — полтора румба западное. По счислению же должна быть *широта* $77^{\circ}28'$, а *долгота* $26^{\circ}41'$. От *Клокбая* двенатцать немецких миль.

Июнь

1-го числа легкой N ветер, ясная погода и солнечное сияние. Лед виден был грядю от N $\frac{1}{4}$ W до SOZO, а за оным вода. Сочли за нужно искать землю, дабы исправить корабельное счисление. И для того следовали за ветром, обошли лед и держали на O. Во втором часу пополуночи нашел густой туман, которой чрез час после того миновался. Когда стало совсем чисто, то показался лед от NWZN до SZO, которой принудил поворо-

тяться назад. Пошли между N и W. Ветер стал сильнее, мрачная погода с перерывным солнечным сиянием, воздух холодной, волны не так велики, каковых по мере ветра ожидать должно было. Из чего заключили, что к N надобно быть в близости льду. Лавировали целые сутки к ветру, остерегаясь льду. В полдень по счислению *широта 77°19', долгота 27°04'*.

2-го числа ветер между N и W, облачно, на горизонте густая мрачность, весьма холодной воздух. Лавировали к ветру в близости льда. После полуночи шел иногда снег. В одиннадцатом часу небольшой туман. В полдень по счислению *широта 77°17', долгота 26°32'*.

3-го числа ветер от W, малые волны, туманно, воздух холодной и иногда снег. Лавировали, имея в виду лед. В пятом часу пополуночи не видно было льду нигде. В осьмом часу поворотились к N. В двенадцатом часу *широта 77°08', а долгота по счислению...**

4-го числа небольшой ветерок между N и W, пасмурная погода, холодной воздух. После того стал ветер сильнее и переменялся то между N и W, то между N и O. Иногда шел снег. В четвертом часу видели лед в NO, а после того и между N и W. В осьмом часу нашел густой и сыроватой туман, также шел снег. Лавировали, имея в виду лед, котораго иногда от туману и снегу не видно было. После полуночи сияло иногда солнце. В полдень по счислению *широты 77°17', долготы 25°00'*.

5-го числа легкой ветер от N, облачно с просиянием солнца, холодной воздух, канаты обледенели, иногда снег и туман. Между N и O и между S и O видели лед, которой закрылся туманом и снегом. Курс был между N и W, а после полуночи к NO. В двенадцатом часу находились по счислению под *77°31' широты и 25°15' долготы*.

6-го числа легкой ветер от N, иногда снег с просиянием солнца. Курс был между NW. После первого часу подошли ко льду, которой простирался от ONO до SWZS. И как при последнем конце онаго можно было пройти, то, пользуясь сим, там и прошли и держали N. В двенадцатом часу вышли на чистое море, не видя пред собою более льду. Прочие корабли туда ж следовали. В пятом часу пополуночи штиль. В девятом часу бросили лот и на трехстах сажнях не достали дна. Делали наблюдения полуденной солнечной высоты и по наблюдению оказалось *широты 77°30', склонение компаса — полтора румба западное. Долготу считали 23°21'*.

7-го числа маловетрие с просиянием солнца, воздух потеплее прежняго. В первом часу течение моря полагали на четверть узла к N. В 6-м часу легкой ветер от SW, на горизонте густая мрачность. Курс был к N. В девятом часу стал воздух холоднее. В десятом часу видели с марса лед от NOZN до N, в одиннадцатом часу шел снег. Многими толпами плавали тюлени. В полночь стал ветер сильнее и переменялся между S и W. Когда они подошли поближе ко льду, то показалось, что оной подвигался к W.

* Пропуск в тексте. — *Ред.*

Сие побудило их держать курс к W. В третьем часу прилетел на корабль маленькой куличок, что показывало недалекое расстояние от земли, но, может быть, он и на льду отдыхал. В девятом часу ветер стал сильнее, облачно, пасмурно, снег и холодной воздух. В NO увидели трехмачтовой корабль, которой при пасмурной погоде скоро пропал из вида. По причине оной погоды лавировали для предосторожности от льда. В полдень были они по счислению под $77^{\circ}50'$ широты и $22^{\circ}36'$ долготы.

8-го числа ветер от S и немалое волнение. Из сего заключили, что в близости никакого льду к S нет. Облачно и погода мрачная, холодной воздух, по большей части шел снег. В четвертом часу с марса не видно было льду ни с которой стороны. Курс был между S и W. В шестом часу стал ветер сильнее, в десятом часу нашел густой и сырой туман, от котораго других двух кораблей видеть не можно было, хотя они находились расстоянием не далее как "Панов" на одну версту в SSO, а "Бабаев" только на полверсты в ONO. В одиннадцатом часу выпалили из одной пушки для знаку, чтоб они приблизились, на что с одного корабля ответствовали, а с другого никакого выстрела слышно не было. И для того убавили парусов. Когда же туман в двенадцатом часу несколько миновался, то увидели оба корабля. В пятом часу приметили, что волны не так были велики, каким от столь сильнаго ветру быть надлежало, из чего заключили, что блиско есть лед. В осьмом часу увидели оной пред собою от W до SW. При том была погода пасмурная, и для того переменили курс и пошли между S и O. В десятом часу стал ветер тише, продолжалась мрачная погода, и выпало много снегу. Когда же снег в двенадцатом часу перестал, то смотрели с марса во все места и не видали нигде льду. В то время считали широты $77^{\circ}40'$ и долготы $20^{\circ}08'$.

9-го числа ветер от S, облачно с просиянием солнца, на горизонте густая мрачность, холодной воздух и по большей части снег. Курс был к W, льду не видно. Как скоро около двенадцатаго часу прочистилось, то увидели в W лед, которой тотчас потеряли из виду. В первом часу пополночи поднялся небольшой туман, сквозь которой во втором часу видели к NW лед. И для того поворотили на правой галс, а как ветер переменился к W, то держали на S. По прошествии тумана увидели в четвертом часу густой непроходимой лед от NZW до SSW, а за оным воду и два промышленничьи корабля, которых за дальным расстоянием не можно было узнать, какой оные нации. После того показались еще три корабля, из коих один шел к нам, во ожидании котораго в половине двенадцатаго часу легли на дрейфе и выставили флаг. Тотчас показал свой флаг и иностранной корабль, по которому узнали, что он голландской. Послали шлюбку, чтоб привести на корабль корабельщика и разспросить об обстоятельствах его кораблеплавания. В двенадцатом часу были по счислению по $77^{\circ}28'$ широты и $19^{\circ}53'$ долготы.

10-го числа ветер WZW, пасмурная погода, холодной воздух, иногда снег. Во втором часу привезли с иностранного корабля корабельщика, котораго объявление имеет описано быть ниже с прочими таковыми ж. По

учинении сего приказали корабельщика отвести опять на его корабль. Прибавили парусов и держали к S. За мрачною погодою льду было не видно, но едва только выяснено в половине шестаго часу, то показался к SW и к N густой лед. Держали на NWZN, а чтоб рассмотреть в близости лед, убрали паруса и легли на дрейфе. В осьмом часу увидели лед грядою, которая начиналась в S и простиралась чрез W до NZO, а за оным была чистая вода. Скоро после того нашел сырой туман, и как в то же время было нарочито холодно, то обледенели все снасти. В половине девятаго часу прошли мимо видимаго в близости льда. По причине туману легли на дрейфе, но движение корабля было между N и O. Сие продолжалось до девятаго часа пополуночи по причине бывшего так долго тумана. Все канаты от стужи совсем окрепли. В двенадцатом часу за густым туманом льду не видали, однакож пронесло мимо большие льдины, для чего и поворотили на правый галс и легли на дрейфе. В то время было по численнию широты 77°41', долготы 20°22'.

11-го числа ветер между S и W и со стороны ветра волнение, облачно, густой и сырой туман, холодной воздух, все канаты обледенели. Движение корабля было между S и O. В начале двенадцатаго часа туман несколько прошел. Тогда увидели густой лед сомкнувшимися одна с другою грядами, из которых конец одной простирался до WSW, а другой до NWZN. Когда же подошли ближе ко льду, то приметили, что лед и до N простирается. И для того поворотили опять на другой галс и легли на дрейфе. То же самое учинили и прочие корабли, из которых один на два кабельтау (веревка мерою сто дватцать сажень), а другой на один в расстоянии находились. Во все сие время видели безпрестанно толпами тюленей. В четвертом часу поутру прошел мимо иностранной двухмачтовой корабль. В полдень по изчислению было широты 77°47', долготы 21°00'.

12-го числа сильной ветер N и небольшое волнение, густой туман, холодной воздух, канаты замерзли. В третьем часу стал ветер утихать, просияло солнце. Переменной курс, однакож по большей части северной. Остерегались льду, которой часто скрывался в тумане. В шестом часу туман несколько прочистился, и тогда увидели в NW лед, простирающейся с одной стороны до NOZN, а с другой до W, которой вскоре скрылся в тумане. В седьмом часу, когда подошли к нему ближе, то показался оной к N не в весьма великом множестве, а за льдом видели чистое море. В дали же усмотрена чрезвычайная в воздухе светлость, какая обыкновенно бывает от льду. Все три корабля пробрались сквозь редкой лед. За ними следовало рыбацье судно. В осьмом часу увидели еще один трехмачтовой иностранной корабль. В сие время видели перед собою лед около NW, WS до ONO, а от NO до NW. Была чрезвычайная в воздухе светлость, следовательно, со всех сторон окружены они были льдом. В десятом часу проехал мимо в дальном расстоянии трехмачтовой иностранной корабль. В одиннадцатом часу оба иностранные корабля в тумане пропали из виду к ONO. От седьмаго до двенадцатаго часу плыли большие и малые льдины. В двенадцатом часу стало несколько потеплее.

Лед отставал от снастей и падал на палубу корабля. В третьем часу пополудни видели в О один флейт, которой за туманом и снегом опять скоро из виду пропал. В пятом часу зделался ветер так силен, что принуждены были убавить парусов. Во все сии сутки был по большей части туман, а иногда и снег. Курс переменяли, сообразуясь возможности прохода между льдом. В двенадцатом часу находились по счислению под $77^{\circ}48'$ широты и $19^{\circ}54'$ долготы.

13-го числа сильной ветер между S и W, облачно с просиянием солнца, холодной воздух. Часто был такой густой туман, что палили из пушек, били в барабаны и звонили в колокола, дабы корабли не удалялись один от другаго. Лавировали между льдом для избежания проносимых мимо больших и малых льдин. В полночь стал ветер тише, туман же продолжался густой. По счислению были под $77^{\circ}40'$ широты и $18^{\circ}37'$ долготы.

14-го числа ветер прежней, пасмурная погода, на горизонте весьма густая мрачность, холодной воздух, густой туман, которой не успел еще во втором часу пополудни прочиститься, как появился грядоу высокой густой лед, котораго один конец простирался до NOZO, а другоу чрез N и W до SZO, но скоро опять закрылся туманом. Чего ради легли на дрейфе, а движение корабля было между N и O. В четвертом часу бросали лот и на трехстах сажнях не достали дна. В сии сутки шли по большей части на парусах и подвигались несколько к N и иногда ложились на дрейфе и шли сквозь редкой лед. После полуночи тихой ветер между S и O. Пасмурная погода, иногда дождь. В двенадцатом часу по счислению широта $78^{\circ}00'$, долгота $19^{\circ}29'$.

15-го числа ветер между N и W, облачно, на горизонте весьма густая мрачность, холодной воздух. Курс переменной, однакож по большей части на N. Мимо несло большие и малые льдины, кои часто закрыты были туманом. С пятого часу лавировали, применяясь положению льда. В двенадцатом часу прилетела малинькая земная птичка, похожая на чижика, о которой думали, что она залетела из Гренланда, потому что в Шницбергене таких птиц не видывали. (Кто же нас уверит, что такие есть в Гренланде?) Для сей причины старались подвигаться лавированием к W, не откроется ли, может быть, за льдом земля. После полуночи легкой ветер между S и O, пасмурная погода, иногда дождь. В двенадцатом часу считали широты $78^{\circ}15'$, долготы $18^{\circ}08'$. Разстояние от Клокбая сорок две немецких миль.

16-го числа легкой ветер между N и W, пасмурная погода, на горизонте туман, воздух холодной. Лавировали к W. В пятом часу подошли ко льду, чего ради легли на дрейфе и бросили лот, однакож на двухстах пятидесяти сажнях не достали дна. Сколькo можно было вокруг себя видеть с марса, то ни с которой стороны земли не усмотрено. Далее к W по причине льда итти не могли. Между тем переменялся ветер и зделался после полуночи западной и южной. Погода пасмурная, густой туман, холодной воздух, от чего канаты все обледенели и парусы заиндевели. Иногда шел также и

снег. В половине двенадцатаго часу дан был сигнал, чтобы начальники прочих кораблей приехали на корабль к главнокомандующему. В полдень сияло солнце. Тогда по наблюдению назначили *широту* 78°03', которая по счислению была 78°01', *долготы* 19°46', *склонение* компаса — полтора румба западное.

17-го числа ветер между S и W стал сильнее. Чего ради убавили парусов, облачно и туманно, мороз, от котораго все снасти обледенели. Начальники всех трех кораблей решились итти к *Шпицбергенской* земле, чтобы проведать, в каком разстоянии находились они от сих берегов, по причине той, что пункт, на котором они себя считали, в разсуждении безпрестанного между льдом проезда, был для них сумнителен. По учинении сего условия возвратились другие два начальника во втором часу на свои корабли. Тотчас после того увидели идущей мимо к NO голландской флейт. В половине третьяго часу прибавили опять парусов и держали на OZS. После осьми часов ветер еще усилился, и волнение стало больше. Из сего заключили, что к S нет на море льду. Потом нашел сырой туман, после полуночи ветер и погода была прежняя. В полдень по счислению было 77°33' *широты* и 27°08' *долготы*.

18-го числа посредственной ветер от S, потом между S и O, мрачная погода и часто великой туман, чего ради палили из пушек, чтоб не разгереться. Курс был между N и O до девяти часов. Тогда поворотили на другой галс и держали на S и SW. В шестом часу пополуночи увидели землю, которья вид заставил почесть оную за южной конец *Форланда* (продолговатой остров на западной стороне *Шпицбергена*), но она земля опять скоро в тумане скрылась. В девятом часу видели иностранной корабль о трех мачтах. В полдень была *широта* по счислению 77°39', *долгота* 26°54'.

19-го числа ветер стоял между S и O и после дул от O, мрачная погода и туман. В третьем часу, когда туман прошел, имели пред собою землю, держали между N и O. В то же самое время видели иностранной двухмачтовой корабль. После четырех часов стал ветер тише. Поворотились к S. После полуночи штиль, а иногда небольшой ветер. В одиннадцатом часу, опасаясь, чтоб в тумане не сесть на мель, выпалили из одной пушки, однакож с земли никакого эха не слышно было. Чаятельно, потому, что она находилась в дальном разстоянии. Бросали лот и нашли глинистой грунт на сте тритцати пяти сажнях. Находились тогда на южном конце *Форланда*.

20-го числа штиль, а притом великая на море зыбь. На берегах и по горизонту мрачно. У берегов в разных местах туман, воздух был теплее, накрапывал дождь. На сте десяти сажнях достали иловой грунт с мелкими каменьями. В шестом часу видели иностранной корабль в W, в третьем часу пополуночи еще два иностранные корабля в NWZN, однакож в таком дальном разстоянии, что не можно было узнать, какой оные нации. В пятом часу сырой туман с снегом, в одиннадцатом часу небольшой ветер, в начале двенадцатаго часу туман прошел. Тогда про-

сияло солнце, и в полдень делали наблюдение, по которому назначена широта $78^{\circ}03'$, склонение компаса — полтора румба западное.

21-го числа нарочито сильной ветер от N и немалое волнение, облачно и на горизонте туманно. По притчине ветру разсудили зайти в *Клокбай*, но как берега по большей части закрыты были туманом и не могли точно приметить знакомых на оном мест, следовательно, и прямого курса на *Клокбай* взять было нельзя. Почему и шли вдоль берега к S. А как ветер становился сильнее, то опасались, чтоб не пройти мимо *Клокбайской* въезд, чего ради большую часть парусов убрали, и корабли под нижними парусами легли на дрейфе. В половине первого часу пополудни прибавили опять парусов и держали к земле на OZN. Ветер был сильной, облачно с просиянием солнца и снег, воздух холодной, в половине второго часу увидели землю, которую, однакож, за темнотою не можно было узнать. В пятом часу приметили залив, о котором думали, что то *Клокбай*. Прибавили парусов и держали к ветру на ONO. В шестом часу ветер утих. Они и в самом деле были при въезде в *Клокбай*, в чем уверились в осьмом часу по некоторым приметам, и, таким образом, вошли в сей залив, достали на сорока семи саженьях грунт — глину и стали на якоре. По причине стоячаго льду не могли они подойти ближе к зимовью, как за пять верст. А находящимся в оном зимовье дано было знать о прибытии пушечным выстрелом.

22-го числа. Во время пребывания их на сем месте нет нужды описывать ветер и погоду, но сие достойно примечания, что было так холодно, что во время бывшей тогда штили море покрылось льдом толщиною в четверть дюйма. Течение по полу- и по четверти узла. Мимо кораблей проносило большие льдины, отломившиеся от стоячаго льду. А как по данному прошедшаго дня сигналу никто из зимовья на корабли не бывал, то послали туда капитана-порутчика *Борноволокова* осведомиться о состоянии оставшихся там людей. В четвертом часу возвратился он с уведомлением, что капитана-порутчика *Рындина* не застал: он поехал с четырьмя матрозами на некоторой остров тамошняго залива ловить и стрелять птиц, а в зимовье остались корабельный комисар и один матрос. В прошлую зиму умерло там восемь человек. *Рындин* назначил посредством квадранта широту сего места $77^{\circ}06'$, а склонение компаса — 15 [румбов] западное.

23-го числа пришел в залив с моря один голландской флейт и стал на якоре.

24-го числа порутчик *Рындин*, приехав, репортовал, что он ездил на лежащие недалеко от берегов к S острова стрелять диких уток, *гаги* называемых, которые из всей тамошней дичины наилучшие. Он привез их с собою до ста и сказывал, что, хотя довольно есть таких и в *Клокбае*, но они очень дики, так что нельзя к ним близко подойти. Прошедшею зимою почти каждой в зимовье был болен, а особливо те, которые мало имели движения. Он и сам был болен, однакож всегда перемогался, чтоб не

слечь. Российские промышленники, которые имеют свое зимовье в 30 верстах, чинили им вспоможение.

25-го числа плыла из залива мимо кораблей большая льдина, которую с великим трудом удерживали шлюбками. Она была толщиной три сажени на поверхности воды и семь сажень в воде.

26-го числа капитан-поручик *Борноволок* послан был в Зимовье к Российским промышленникам для осведомления о их состоянии.

27-го числа *Борноволок* возвратился назад и рассказывал. Он нашел двенадцать человек, живущих в одной избе. Штурман их называется *Василей Бурков*, они из *Даниловой пустоши*. Зимой ловили моржей, песцов, медведей и оленей и питались последних мясом. Их судно повредилось при въезде в залив, которой по причине мелей не совсем безопасен.

28-го числа. День возшествия на престол ея императорскаго величества. Празднован был на кораблях торжественным образом. *Чичагов* выпалил из девяти, а *Панов* и *Бабаев* каждой из семи пушек. Корабельщик голландского корабля, (о котором 23-го числа упомянуто) приехал к ним на корабль и рассказывал о своем путешествии.

29-го числа снялись с якорей, чтоб итти на море, но противной ветер при выходе воспрепятствовал. То же последовало и с голландским флейтом.

30-го числа возвратились на то же место, где прежде на якорях стояли, и голландской флейт стал неподалеку от Российских кораблей. О тех десяти днях, в которые они здесь простояли, можно вообще сказать: ветры часто переменались, была по большей части пасмурная и дождливая погода, а морское течение было не всегда с одной стороны. Обыкновенно примечено оное к N и S на половину или на четверть мили (итальянской) в один час. Когда приносило большие льдины, то при помощи шлюбок не допускали их до кораблей, и когда оные подходили ближе, то отводили их от кораблей в сторону баграми. Корабли от них вреда не имели. Отламывающиеся льдины от стоящаго в заливе льду были не очень толсты, опасались только тех больших льдин, которые приносило с часто упоминаемых находящихся в море ледовитых гор, от коих отламывались иногда такие льдины, какая была июня 25-го числа.

Июль

1-го числа был сильной ветер, но переменной между S и W, облачно с просиянием солнца, иногда дождь. В первом часу пополудни снялись с якорей и пошли в море.

2-го числа иногда не было совсем ветру, а когда и был, то между N и W. После полуночи оной усилился, чего ради употребляли только нижние парусы. По причине пасмурной погоды земли видеть не могли, иногда шел снег.

3-го числа продолжался беспрестанно тот же сильной ветер между N и W, облачно и шел снег, на море великое волнение. От противного и

сильного ветру не могли держать желаемого курса, правили между S и W. В полдень были по примечанию под $76^{\circ}31'$ широты.

4-го числа сильной NW ветер и большие волны еще не умалелись, пасмурная погода и по большей части снег. Курс был между N и O. Пополуночи в девятом часу опять выяснено. Видели Шницбергенскую землю в SO. В то время ветер так утих, что можно было употреблять верхние парусы. В полдень видели солнце и по наблюдению нашли $76^{\circ}55'$ широты.

5-го числа посредственной ветер и небольшое волнение, иногда просияние солнца. В четыре часа видели землю и, поворота, пошли между S и W. В двенадцать часов южной конец берегов в OSO расстоянием за семь миль.

6-го числа тот же самый ветер между S и W. Курс был на WNW. В шестом часу убавили парусов и нашел туман. После полуночи ветер легкой. В полдень широта по счислению $77^{\circ}06'$, долгота $21^{\circ}53'$.

7-го числа ветер между N и W. Курс между N и O. Пасмурная погода и туман. После полуночи ветер дул от N, курс был между N и O. В двенадцатом часу широта по счислению $77^{\circ}23'$, долгота $20^{\circ}53'$.

8-го числа небольшой ветер между S и W, облачно и густая мрачность, воздух холодной. Курс был между N и W. В четвертом часу видели лед в SW, а в прочем нигде, да и сей в тумане скрылся. Как скоро туман в двенадцатом часу прошел, то увидели лед в N и NW, а после полуночи показалось много льду к W, к которому подошли, чтоб его в близости рассмотреть, от чего едва не подвергли себя великой опасности, ибо около пятого часу заехали в ледовитой залив, из которого с трудом вышли назад к S лавированием. По щастию, ветер был не силен, так что можно было употреблять все паруса. В двенадцатом часу было широты $77^{\circ}48'$, долготы $18^{\circ}53'$. Как то, так и другое по счислению, потом нашел туман.

9-го числа сильной ветер между S и W, пасмурная погода, воздух холодной, иногда туман. К O и между N и W виден был лед. Курс между N и O. В первом часу пополуночи убавили парусов для поджидания прочих кораблей. После того был курс между N и W. В пятом часу имели перед собою лед, однакож не во множестве. На одной грядке сомкнувшася льду появилось много тюленей. В осьмом часу нашел густой туман, за которым ничего видеть не могли, и для того, собрав все паруса, принуждены были лечь на дрейфе. Мимо пронесило льдины, только редко. Поворотили на другой галс и щитали в полдень широты $78^{\circ}19'$, долготы $20^{\circ}25'$.

10-го числа ветер между S и W и густой туман, которой воспрепятствовал итти на парусах. Окружены были часто одинакими льдинами, от которых принуждены защищаться. Движение корабля было к O и между N и O. После полуночи тихой ветер, течение моря к SOZO четверть италианской мили в час. В полдень по исчислению широта $78^{\circ}22'$, долгота $21^{\circ}51'$.

11-го числа малой ветер и густой туман. Лежали на дрейфе. В третьем часу штиль. К SW слышали три раза удар, подобной грому, которой на сей высоте необычаен, и для того приписали сие отделению больших льдин. Курс был во все сутки по большей части к W. Видели китов. В полдень по исчислению было *широты* $78^{\circ}23'$ и *долготы* $21^{\circ}39'$.

12-го числа ветер между S и W и пасмурная погода. В половине второго часу видели к W лед, а потом к N и между N и O. Шли к O и во время туману легли на дрейфе. В десятом часу, когда туман уменьшился, имели к N в великом пространстве пред собою лед, от которого удалялись лавированием. В полдень были по исчислению под $78^{\circ}18'$ *широты* и $25^{\circ}58'$ *долготы*.

13-го числа ветер между N и W, пасмурная погода, иногда туман и снег, воздух холодной, канаты замерзли. Держали неподалеку ото льду по большей части между N и O и пробирались промеж одинаких льдин, чтоб остаться на предложенном курсе. Пополночи в пятом часу видели разных родов редких птиц и множество лежащих на льду тюленей и морских зайцов. В седьмом часу прошел туман, видели *Шницберген*, но скоро после того опять оной в тумане скрылся. В полдень была по счислению *широта* $78^{\circ}58'$, *долгота* $24^{\circ}50'$.

14-го числа ветер между N и W, мрачная погода и по местам туман. Курс был между N и O, часто между одинакими льдинами. В осьмом часу видели землю, однакож в мрачности. Бросили лот и на сте саженьх не достали дна. После полночи стал воздух теплее. Наблюдали в осьмом часу морское течение и нашли оное четверть италийанской мили на NNO. Во все сии сутки за малым ветром то шли, то стояли на одном месте между одинакими льдинами. В двенадцатом часу *широта* по счислению 79° и *долгота* $24^{\circ}57'$.

15-го числа небольшой ветер между S и W и потом тихая погода, мрачность и часто туман. Движение корабля к O между одинакими льдинами. Бросали лот до двухсот сажень и дна не достали. В полдень *широта* по счислению $79^{\circ}14'$, *долгота* $25^{\circ}05'$.

16-го числа малой ветер между S и O, иногда штиль. Движение корабля было к O, часто туман. В двенадцатом часу пополночи туман прошел. Тогда увидели северной конец *Шницбергена* в ONO. Бросали лот и на сте саженьх не достали дна. В S видели четырнатцать иностранных кораблей, которые, казалось, что удалялися в разные места от наших Российских кораблей. Желали получить от них известия. Один из них шел к нам, а мы также шли ему навстречу и убавляли несколько парусов, чтоб он нас мог достичь. Другие два корабля, между тем, пока мы опуствя парусы стояли на одном месте, шли к W и O. Мы выслали шлюбку и выпалили из одной пушки для знаку, чтоб иностранной корабль остановился и показал свой флаг. Он поднял флаг голландской и остановился. В двенадцатом часу делали наблюдение солнечной высоты, по которому нашли *широты* $79^{\circ}50'$, *долготы* $27^{\circ}34'$.

17-го числа ветер между N и O, часто было туманно. Лавировали к O. В двенадцатом часу по исчислению *широта* $80^{\circ}19'$, *долгота* $28^{\circ}21'$.

18-го числа сильной ветер между N и O. Волны не столь велики были, каковых в разсуждении сильного ветру ожидать можно было. Туманно с просиянием солнца, воздух холодной, так что обледенели канаты. Курс был к N. В половине третьяго часу появился сквозь туман в близости густой лед, и тотчас дан был сигнал к повороту на другой галс. В шестом часу, как скоро прошел туман, увидели в SOZO два трехмачтовые рыбацьи судна, которые лежали в дрейфе, и еще три судна таких же видели в WSW. В одиннадцатом часу бросали лот и достали на сороке саженьях грунт – мелкой камень. При повороте на другой галс *пеленговали* западной конец земли Шницбергенской к SW $45^{\circ}00'$, восточной же к SO под $48^{\circ}00'$, а оттуда имели в виду к N густой лед и одинакие льдины от N до WSW. Делали наблюдения *широты* и нашли оную $80^{\circ}12'$, *склонение* компаса 19. После полуночи подняли парусы и держали на N за тем, что там не видно было льду. При сильном ветре проходили между многими большими и малыми льдинами, а притом был чувствительный мороз. В третьем часу видели густой лед грядою, которой простирался от WSW чрез N и O до S, и следовательно, препятствовал так, что не можно было продолжать пути далее к N. Между тем, пока узнали глубину, собрали парусы, на сте саженьях нашли грунт – песок и мелкие камни. Потом шли к SW. Нашел туман, которой в десятом часу прочистился так, что просияло солнце. Тогда стал воздух несколько потеплее. По созыве начальников прочих кораблей положено: ради непреодолимых препятствий, затрудняющих назначенное путешествие, возвратиться назад, что и учинено под $80^{\circ}00'$ полюсной высоты.

19-го числа штиль, светлая погода и солнечное сияние. Движение судна было на SSW. В седьмом часу легкой ветер между N и W. В десятом часу бросали лот и [на] двухстах саженьях не достали дна. Землю имели в виду, также видели идущих к S шесть иностранных кораблей. На один из них послана была шлюбка для разведывания.

С 20-го по 30-е число располагали остальной путь так, чтоб сперва зайти в *Клокбай*. Тамошние припасы надобно было пересмотреть, хорошие от испорченных отобрать, и оные, так равно и находящихся в *Клокбае* людей, отвести назад в *город Архангельской*. Все сие учинено только по причине тихаго и притом противнаго ветру. Несколько продолжительно ехали по большей части в виду земли. Иногда слышали удары, подобные грому, но сие сочли за отламывание больших льдин от ледовитых гор.

30-го числа пришли пред *Клокбай* и застали там трехмачтовой иностранной корабль.

31-го числа вошли в залив, стали на якорю и дали знать порутчику *Рынди*ну о своем прибытии. Поутру в девять часов приехал он с своим рапортом. Бывшие при нем люди находились благополучно.

Тут пребыли они до седьмаго августа, в которое время упражнялись в разбираении и нагружении годных съестных припасов и прочих снарядов.

Мерили также одну гору, которой перпендикулярную высоту нашли триста шестнадцать сажень, считая сажень по шести футов. Сверх того примечали ежедневно, что большие льдины отделялись от ледяных гор.

Оставя в *Клокбае* повредившейся провиант, три жилые избы, или дома, один сарай и баню, снялись 7-го августа с якорей, но при выходе удерживаемы были многочисленными навстречу им плывущими большими льдинами и в предостережении себя от оных имели много труда.

Наконец, 8-го августа вышли в море. Имели часто противные и сильные ветры и 10-го сентября возвратились в город *Архангельской*.

При сочиненном из дневной записки, веденной на корабле "Чичагове", экстракте, из котораго все вышеозначенное выписано, приложены следующие объявления иностранных корабельщиков, кои разпрашиваны были на корабле "Чичагове".

Они все – голландские корабельщики, которых имена, также имена кораблей и хозяев, хотя и означены, но оные почти неизвестные, почему здесь, как они ни к какому доказательству не служат, и выпускаются.

От 10-го июня корабельщик объявил, что он пошел в море из Амстердама 13-го апреля новаго штילה на своем трехмачтовом галиоте. Он ходит для промыслу китов и ныне третью компанию. *Гренланда* никогда не видал за льдами и выше $77^{\circ}00'$ широты не бывал, склонение компаса употреблял он на полтора румба западное. Морское течение бывает, как он слышал от других, по большей части на NO и SW. Для китоваго промысла ходит туда ежегодно до ста кораблей. За двенадцать почти лет пред сим много голландских судов затерло льдом на северном конце *Шпицбергена*, из которых только два спаслись. Каждой почти год пропадает один или два корабля. Как он далеко от *Шпицбергена* находится, того не знает за тем, что его корабельное счисление в беспорядке.

23-го июня пришедшей из Амстердама в *Клокбай* флейт в пути с третьяго на десять апреля. Корабельщик для промыслу китов ходит дватцать два года, а корабельщиком девятой год. Отец его промышляет тридцать лет и ныне здесь, на другом флейте. В нынешнем году не поймал еще ни одного кита. Десять лет тому назад видел он издали чрез лед *Гренланд*, однако не далее как под $75^{\circ}00'$ *полюсной высоты*. Под 78° надеются быть проливу в *Страс-Дависе*, потому что там нашли в одном месте гарпунен с клеймом такова корабельщика, которой обыкновенно для промыслу ходит только в Шпицбергенское море. Думают также, что киты проходят под лед. Много лет тому назад, как он был под 81° *широты*, а далее не бывал, но слышал, что корабли бывали под 83 -м и чрез лед видели землю. В дватцатидвухлетнее время его промысла поймал он с двести пятьдесят китов. Здесь пропадают часто корабли между льдом, а люди спасаются в то время на других судах. Он употребляет *склонение* компаса два румба западное. Но когда ему сказано было, что мы употребляли полтора румба, то и он на то согласился.

16-го июля. Корабельщик одного флейта пошел из Амстердама апреля 17-го дня, промышляет в тамошнем море одиннадцать лет. В нынешнем году промыслил три кита с половиною идет обратно в Амстердам. Спрашивали его о *Норд-Остерланде* и *Гренланде*, но он их никогда не видал.

19-го июля у севернова конца *Шницбергена* сошлись с пятью голландскими флейтами, из которых с одной привезли корабельщика, которой объявил: он ходит два месяца около льдов, 24-го июня был под 80 градусом *широты* и стоял на якоре в трех губах. Корабельщиком два, а всего в здешнем море ходит дватцать три года. Во время нынешней его компании первой лед встретился ему под 72-м градусом. Прежде сего видели его родственники *Гренланд* в 74-м градусе широты, а он никогда не видал. Льду ныне здесь пред прежним больше. За шестьдесят лет пред сим можно было весь *Шницберген* кругом обходить, а ныне нет никого, кто бы видел *Норд-Остерланд*. В прошедшем году видели они нас, когда мы лежали в крепкой ветер на дрейфе у севернова конца *Шницбергена*. Он же и семь других промыслеников стояли тогда в губе на якоре и думали, что мы пропадем, потому при крепком знойдовом ветре несло нас ко льдам. Они опасались нас, не для разбою ли мы вышли, ибо таких кораблей в тамошнем море никогда не видали. В 1758 году пропало во льдах у севернова конца *Шницбергена* пятнадцать голландских кораблей. В нынешнем году раздавлен между льдом один аглинской китолов. В 1746-м году пропало во льду дватцать таких же судов разных наций, а люди спаслись по большей части помощью других судов. По причине неопisanного множества китов не хотел никто оставить ловли, хотя и видели себя окруженными льдом. Он слышал, что корабли доходили до 82° *широты*. Он сам, по своему исчислению, в нынешнем году был под 81-м градусом, а как мы в то время находились от него не в далеком разстоянии, то теперь признает он свою ошибку. А в прочем согласны были и других корабельщиков показания. Один из них, которой бывал прежде в Петербурге, Риге и Ревеле и умел несколько по-российски, присовокупил к сему: нынешние промыслы против прежних гораздо скуднее. Многие корабли возвратились ни с чем назад. По сему морю ходит он 33 года. Другой рассказывал: его отец ездил для китоваго промысла тритцать лет и на восточной стороне *Шницбергена* доходил до 77 градуса, однако кругом *Шницбергена* за льдом обойти не мог. Первой же утверждал при сем, что он почти за двадцать лет пред сим был в проливе между *Норд-Остерландом* и *Шницбергеном*, куда ныне за препятствием льдом никто пройти не может. О положении *гренландского* стоячаго льда сказывали все, что оной простирается от SW к NO и, наконец, соединился с *Шницбергеном*.

Я пропускаю здесь термометрические наблюдения, учиненныя на *Чичаговом* корабле во время последнего путешествия двумя реомюровыми, спиртом наполненными, термометрами. Оные не согласны, и ни которой не показывает ни высокого градуса стужи, ниже теплоты. Они обык-

новенно держатся поблизости пункта замерзания и по большей части выше, нежели ниже онаго. Когда в дневной записке 18-го июля упоминается о чувствительном морозе, то один термометр показывал половину градуса выше, а другой два градуса с половиною ниже точки замерзания. Из сего инаго заключить нечего, как что термометры не весьма исправны были.

Письмо, которое господин *Чичагов* приобщает к своей дневной записке или, может быть, подал после в Адмиралтейскую коллегию для большего объяснения и своего собственного оправдания, содержит в себе еще разные достойные примечания известии.

"Я оставляю, – говорит он, – на разсуждение всех знающих мореплавателей, что значит путешествие в неизвестном море и в столь непостоянном и необитаемом климате, о котором, хотя и есть, но токмо малые и недостаточные известии, причиняющие не иное что, как страх и ужас и угрожающие погибелью мореплавателям. В сем случае каждой признаться должен, что сколь бы кто великого духа ни был, однакож в мыслях своих спокоен быть не может. Правда, хотя и делает честь человеку пренебрегать своею жизнию для пользы отечества, но когда он представит себе все удобовозможные опасности, которые предусмотрены быть не могут, то может ему притти на мысль и то, что он будет жертвовать своею жизнию, не зная заподлинно, что его имя чрез то прославится. Скоряе должен он ожидать злословия, якобы он от неразумия и неосторожности в исполнении предпринятого намерения виною состоит. Сие последнее я уже испытал, когда мы в прошлом, 1765 году по нашему счислению, пришед пред *Клокбай*, нашли там разпрастрившейся на большое разстояние лед. Нам неизвестно было, что оной иногда позволяет свободно проходить в тот залив, где было зимовье. Но мы, желая увидеть землю, осмелились пуститься между одинакими льдинами в том намерении, что, ежели нам не можно будет таким образом войти в залив, то возвратиться бы тою же дорогою назад. Скоро после того зашли мы в густой и непроходимой лед, поворотили назад и шли двенадцать часов, держа то в ту, то в другую сторону между льдом, да и то еще при способном ветре до тех пор, пока мы отовсюду льдом окружены были. С великою опасностью вышли мы на чистое море. Но естли бы хотя один только час имели противной ветер или бурю, то принуждены были все погнубить.

Наконец, по долговременном туда и сюда плавании достигли мы до *Клокбайского* залива (ибо между тем отнесло лед в другую сторону) и стояли там восемь дней на якоре. Вдруг принесло с моря великое множество льду, так что оной покрыл весь залив и был столь толст, что по оному могли итти на берег. Тогда опасались мы ежеминутно, что наши корабли раздавит льдом. Однакож оставалась та надежда, что люди могли бы спастись по льду на берег. Естли бы сие с нами последовало, то бы поверенное мне дело еще при начинании своем окончилось. Для предупреждения таковых случаев употребляема была всегда всевозможная предосторожность по опытам морской науки, однакож, естли бы случи-

лось какое несчастье, то и сие не вселило бы обо мне хорошаго мнения, а особливо в тех, кои иначе думали о сем путешествии, нежели тот, которой первое учинил о сем предложение. Отягченные такими предразсуждениями мысли причиняли бы единственно только всегдашнее беспокойствие, когда об токмо ревность к службе не подкрепляла надежду каким-нибудь образом преодолеть затруднения. Главное мое попечение состояло в том, чтобы наши три корабля никогда один от другаго не отделялись, дабы оные всегда и во всяких случаях друг другу подавать помощь были в состоянии. Сему способствовали сигналы, посредством которых я с прочими начальниками взаимно разговаривать мог. Употребленное при сем старание и произошедшая от того польза оказались чрез наше двухлетнее кораблеплавание, ибо мы, хотя и имели по большей части туман, снег и пасмурную погоду, однакож всегда были вместе. Сие служило каждому сильным ободрением, особливо тогда, когда находились близ опасности или, как то часто случалось, между льдом. В то время утешалось всегда один корабль присудствием другаго, и сие вспомоствовало нам с надежнейшим успехом продолжать путешествие по учиненному нами плану до предписанного места.

Китоловы ходят на промысел таким же образом. Не видно никогда или чрезвычайно редко, чтоб такое судно ходило одно, оно имеет всегда в близости своих сотоварищей. У них есть сверх того еще и другие хорошие учреждения. Они обшиты спереди четырьмя обшивками, однакож при всем том повсягодно несколько их пропадает. Они имеют также пред нашими и ту выгоду, что не нагружены баластом, а находится в них один только провиант и несколько бочек свежей воды, и для того в случае несчастья не могут скоро потонуть таковыя корабли, а притом и времени довольно спасти людей на шлюбках и ялботах, которых они на каждом корабле имеют по шести и до восьми. И на оных довольно места не только для спасения людей, но и провианта.

Напротив же того, наши корабли были построены для способнаго плавания в открытом море и в каждом нагружено баласту по семи тысяч пуд, не считая мачт и снастей. Ежели такой груз с сильным движением ударится обо что-нибудь крепкое, например, об большую льдину, то корабль, обшитый только двумя не весьма толстыми досками, столь сильнаго удара выдержать не может. Когда же корабль повредится, то по одному своему собственному грузу должен потонуть. Тут нет никакого средства ко спасению, хотя бы и времени к тому было довольно, потому что при сих кораблях недостаток в мелких судах. При каждом из наших кораблей было не больше одной шлюбки о шести веслах и одного малинькаго ботика, на которых невозможно б было спасти семьдесят человек и несколько провианта. Говорят: может быть, что та же самая причина несчастья, то есть лед, мог бы также способствовать ко спасению, но сие столько же малонадежно. Редко можно найти лед такого положения, чтобы и при самой тихой погоде лязя было перевести на оной припасы из кораблей. Каждая льдина от плескания воды имеет вокруг себя такую

форму, что она книзу чрезвычайно отлога, и для того невозможно подойти в шлюбке к той части льда, которая сверх воды, не будучи прежде удерживаем тою, которая в воде и на несколько сажень отлого идет в глубину. При таковых обстоятельствах нет надежды спасти на льду свою жизнь, почему я с крайним прилежанием старался отходить от льдов и смотреть наперед, чтобы мы иногда при мрачной погоде не могли к оному блиско подойти.

В разсуждении сего нет ничего опаснее, как весьма часто поднимающейся туман, которой по большей части был так густ, что в самой полдень ни на дватцать сажень в разстоянии от себя видеть не можно было. Для сего мы часто собирали все парусы и лежали на дрейфе. Примечали, не слышно ли с которой-нибудь стороны шуму отплескивания об лед воды, которой был тем больше и слышнее, чем ближе подходили ко льду и чем обширнее оной распространялся. Сие средство во время тумана, кажется, весьма полезно, напротив того, когда мы лавировали по ветру, которой дул чрез лед и от воды не было никакого шуму, то палили мы обыкновенно из пушек и примечали, в которой стороне отзывались. Бude случалось сие на чистом море, то не слышали никакого отзыва, когда же лед или земли находились в блиском разстоянии, то узнавали тотчас чрез раздающееся по воздуху эхо, в которой стороне и на сколь великом пространстве лед или земля находятся, почему и брали так свои меры. Однакож при сильном ветре таковые примечания не всегда были справедливы, ибо по причине происходящего от ветру и волн шуму никакого эха не отдавалось, потому что и на самом корабле не могли слышать приказов, которые хотя и громким голосом отдаваемы были. Тогда ничего более не оставалось, как полагаться на милосердное Божие провидение и показывать неустрашимость духа, принимая притом на себя веселый и постоянный вид, дабы подчиненные не лишились своея бодрости. Надлежало быть всегда готовым, чтоб либо удерживать, или умножать корабельной ход, давать для повороту на ту или на другую сторону и во всяких случаях сигналы, каковые для наставления и предосторожности прочих кораблей по условию назначены были. Но как все сие зависит от попечения главнокомандующаго, то требуется к сему неусыпное старание и соединенная с искусством осторожность, дабы в скорых и нечаянных случаях ни ошибки не зделать, ниже притти в беспорядок, от чего бы неминуемое несчастье могло воспоследовать.

Таковая опасность случилась во время последнего нашего путешествия, как мы 18-го июля находились под 80°00' широты на северном конце *Шницбергена*. При сильном ветре и в тумане подошли мы ко льду и были уже оным окружены, то едва имели еще столько времени, чтоб поворотить на другой галс и дать другим кораблям сигнал. При повороте объехали мы около одной (большой) льдины преужасной величины, от которой удалились и вышли на чистой фарватер не без опасности. Все сии приключения, сколько ни страшны они мореплавателям, однакож при тамошних обстоятельствах для китовых промышленников не столько

опасны, потому что они имеют некоторые выгоды, которых мы, идучи к назначенному нам месту, лишаться принуждены, ибо, хотя они и по тому же морю плавают, однакож имеют достаточное сведение о тамошних местах из учиненных во многие годы опытов. Они примечают способное для ловли время, им никакое место особливо не назначено, они ходят для промыслу везде, где только найдут к тому способ, и не обязаны подвергать себя какой-либо опасности, а особливо во время тумана или бури, ибо они в то время стоят в каком-нибудь заливе острова *Шницбергена* или ездят в открытом море. Мы же, напротив того, старались поступать по учиненному нам предписанию и преодолевать встречающиеся нам затруднения, дабы достигнуть желаемого предмета сего путешествия. Мы не дерзали удаляться от того места, где находились, ибо чрез сие могли бы потерять то время, которое нам в пользу употребить надлежало. По сей причине мы часто более отваживались, нежели было надобно. Когда мы подходили ко льду, то ложились на дрейфе между одинаковыми льдинами в полыньях, а особливо в то время, когда от туману в даль видеть не могли. Все сие переносили мы с трудом, терпением и безпокойством.

Итак, хотя мы за непреодолимыми препятствиями назначеннаго предмета нашего путешествия достигнуть и не могли, то, однакож, как кажется, невозможность онаго доказана довольными и весьма точными испытаниями, так что в разсуждении сего никакого сомнения не осталось, что самое подтверждають и полученные от иностранных корабельщиков сведения, по которым известно, что лед, начинаясь от *гренландских* берегов, состоит в том же положении, как мы нашли оной во время двухлетнего нашего путешествия. Буде кто, как сказывают, к норду и весту землю и видел, то никто, однакож, на оной не бывал, почему и не можно почесть сего за доказанную истинну. Ибо легко может мореплаватель ошибиться, приняв за землю облака, потому что оные с нею иногда весьма сходны разве делал он точные наблюдения на все при том случающиеся обстоятельства.

Со мною самим на сем последнем путешествии встретился такой же пример, когда мы шестаго на десять июня были под $78^{\circ}15'$ широты и $18^{\circ}19'$ долготы. Поднимающиеся к весту облака сочли мы за землю и оставались в сем сумнении до тех пор, пока облака отделились от горизонта и разошлись. Также кажется невероятно, чтоб кто-нибудь был к норду далее восемьдесят перваго градуса, по крайней мере, не в наши времена. По объявлению всех корабельщиков, льду противу прежних времен умножилось, и ныне никто на восточную сторону *Шницбергена* не ходит, где, однакож, за шестьдесят лет пред сим была обыкновенная китовая ловля. Один из корабельщиков думал, что он в нынешнем лете был под восемьдесят первым градусом или еще и далее в то самое время, когда мы неподалеку от него находились, что могли мы оспорить истинною, ибо осьмаго на десять июля по точному наблюдению наша дольнейшая широта $80^{\circ}30'$, а он таковаго наблюдения не делал, почему и имели мы в том пред ним преимущество. Из сего можно заключить, что

не все такие известии за справедливыя принимать должно. Что касается до льда, то можно ожидать в тамошнем море скорее умножения, нежели уменьшения онаго, когда только приняты будут в разсуждении следующие доказательства. Во всех заливах *Шпицбергена* мерзнет вода зимою и бывает лед, хотя не толстой, которой от летней теплоты и мокрой погоды, а особливо от дождя делается трухл, разбивается волнами и плывет в море. От сего происходит великое множество наноснаго льду, которой в мае и июне месяцах встречается между *Шпицбергенем* и между льдов *гренландских* берегов. Чем позже летом, тем менее сего льду видно бывает. В конце июля месяца очищается море совсем от онаго в самых тех местах, где прежде между льдом проходили. Может быть, что оной раздробляется сильными ветрами и волнением. От ледовитых гор, которых в тамошнем море великое множество, отделяются часто большие льдины, да и мы в *Клокбае* видели, что от двух гор отвалились чрезвычайно большие льдины, которые лежали на дне глубиною от восьми до девяти сажень. Можно ли себе представить, чтоб такие толстые льдины не только в одно лето, но и во многие годы от небольшой теплоты солнца разстаяли? И, таким образом, число оных должно ежегодно прибавляться, а не убывать. Их относит течением к стоящему неподвижно пред *Гренландом* льду, пред которым они останавливаются и заграждают к оному проход. А как от столь ужасных льдин проход между *Шпицбергенем* и *Гренландом* становится от времени до времени теснее, то со временем может также воспоследовать и то, что голландцы лишатся своего китоваго промысла.

Сверх того примечено, что тамошней воздух тем, кои к тому не привыкли, а иногда и туман, вреден. Кто же часто ходит по тамошнему морю, тот никакого от того вреда в своем здоровье не чувствует, в чем уверили нас собственным своим опытом голландские корабельщики, да и сами мы в том удостоверены, ибо во время перьваго путешествия многие из нас занемогали головою болезнию, теснотою в груди и колотьем в спине. Напротив того, при втором путешествии имели мы гораздо менее больных, потому что люди к тамошнему воздуху привычку зделали. Однакож несколько помогло сему и то, что мы старались находящихся на наших кораблях людей содержать всегда в безпрестанном движении, ибо, когда не случалось на кораблях никакой работы, то мы затевали такие игры, для которых потребно было сильное движение тела. Матросы увидели сами от того пользу и не оставляли прежде своих игр, пока не вспотеют. Притом же часто курили мы под палубою и в каютах порохом и мозжевельником, от чего было мало больных, да и не всегда воздух в тамошних места, когда поудалишься от земли и льда, не весьма холоден, а между льдом оной холоднее, так что среди самага лета канаты леденели. Напротив же того, мореплаватели имеют в тамошнем месте и следующия выгоды. Четыре месяца бывают такие дни, в которые солнце никогда не заходит. Хотя оное по причине долговременнаго тумана и мало видят, однакож всегда остается надежда, что туман скоро прочистится и

просияет солнце. Ежели сие случится, хотя на короткое время, то чувствуют от того немалое утешение, чего в других местах в ночное время иметь не можно. Ежели стужа, а особливо между льдом, находящихся на кораблях людей несколько и беспокоит, то оная приносит, однако, ту пользу, что корабельная провизия и свежая вода не портятся. Свежее мясо могли употреблять для пищи более четырех недель, в которое оно не портилось. Когда бывает недостаток в свежей воде, то растаивают лед, буде же нет дров, то можно утолять жажду льдом".

Здесь оканчивается письмо господина *Чичагова*, которое он вместо прибавления приобщил к своей дневной записке для большого изъяснения и своего собственного оправдания. Примечания его справедливы, только, может быть, недостаточны для некоторых любопытных читателей, имеющих малое сведение о натуральном положении северных мест. Для такого по морю путешествия должен начальник либо сам быть испытатель природы, или иметь такого человека беспрестанно при себе. О ужасных ледовитых горах и стоячем льде, яко о главнейших препятствиях мореплавания, сказано очень мало, а о великих бурях, громе, северных сияниях, приливе и отливе и совсем ничего. Разве наши мореплаватели во время двух путешествий, по крайней мере до некоторой широты, ничего такого не наблюдали?

Еще достоин примечания присланной господином *Чичаговым* в Адмиралтейскую коллегию по возвращении его к городу Архангельскому от 15-го сентября 1766-го года репорт следующего содержания: "В силу данного мне из государственной Адмиралтейств-коллегии ея императорскаго величества указа пошел я в море с тремя вверенными мне кораблями 19-го мая из *Катерин-гавани*. 27-го мая пришли мы к *Берен-эйланду*, где, увидя лед, держали потом наш курс на *Шницберген*. 30-го мая, пришед к $77^{\circ}23'$ широты и $26^{\circ}31'$ долготы, за льдами к земле приблизиться не могли. Однакож продолжали наше путешествие далее, склоняясь больше к западу, и всегда на виду льдов, которые были у нас в правой стороне к северу. Когда же по нашему корабельному счислению отошли мы, считая по правому компасу, дватцать одну милю на WZN, то увидели пред собою *гренландской* лед, которой признать можно было по чрезвычайной его толстоте и непрерывной обширности, а особливо по его положению. Ибо мы шли тогда более между N и O. 16-го июня находились мы по счислению под $78^{\circ}18'$ широты и $17^{\circ}53'$ долготы. Однакож, идучи с 30-го мая всегда между льдом, имели причину сомневаться в верности нашего корабельного изчисления. Сие побудило нас взять курс к осту, и 18-го числа увидели мы *Форланд*, где была штиль по 20-е число, в который день делали наблюдение, по коему находились под $78^{\circ}03'$ широты. Потом при случившемся северном ветре пошли мы в *Клокбай*. 21-го числа вошли в сей залив, однако за препятствием льда к зимовью подойти не могли и стали за пять верст от онаго на якоре. В зимовье были поротчик *Рындин*, комисар и пять человек рядовых. Прочие же померли. Запасишь здесь на место издержанного новым провиантом и свежеею

водою, вышли мы 29-го числа опять в море, но крепкой северной ветер, продолжавшейся до 6-го июля, не допустил нас совсем употреблять парусов и волнами принесло (здрейфовало) нас к *Зюйд-капу*. По перемене ветра перешли мы открытым морем, не выдав нигде льду, тридцать шесть миль к западу и, по нашему счислению, под $77^{\circ}48'$ широты и $18^{\circ}53'$ долготы 8-го июля увидели густой лед на немалой обширности, котораго положение было от NO к SW. В параллель онаго льда и имея его всегда в виду, пришли 16-го числа к северному концу *Шницбергена* под $79^{\circ}45'$ широты и $27^{\circ}09'$ долготы, где нашли около дватцати голландских китовых промышленников, и некоторых из них спрашивали о обстоятельствах их кораблеплавания. Они объявили, что идут обратно в Амстердам. 17-го и 18-го чисел лавировали мы выше севернаго конца *Шницбергена* между редким льдом до $80^{\circ}30'$ широты, имея всегда в виду густой лед, и, наконец, усмотрели, что оной примыкался к *Шницбергеновской* земле. Во все сие время нашего плавания ни *Гренланда*, ниже других чаемых к северу лежащих земель нами не примечено. Из случившихся с нами обстоятельств должны мы заключать, что северной проход за великими льдами невозможен, потому что сей лед положением простирается по линии от SW к NO и, наконец, оборачиваясь около севернаго конца *Шницбергена*, соединяется с землею, как то мы видели собственными своими глазами. По объявляемым корабельщиками, оной лед начинается еще от семидесяти двух градусов, а, впрочем, что они объявляют, оное во всем с нашим осмотром сходно. Когда же лед лишил нас надежды к дальнейшему продолжению нашего пути, то с согласия начальников прочих кораблей положил я возвратиться назад. 30-го июля пришли мы против *Клокбая*, где застали капитана-поручика *Немтинова* с его судном, на котором он привез в зимовье свежие припасы. Мы вошли в залив и лежали пред зимовьем на якоре до тех пор, пока, разобрав, нагрозили опять в корабли годной еще провиант, а негодной, також и строение, оставили там, и, взяв с собой поручика *Рындина* и находившихся при нем служителей, пошли мы 7-го августа опять в море и 8-го сентября прибыли благополучно пред *Барре* (рейда пред устьем реки Двины), а 10-го сентября к *городу Архангельскому*. Карта нашего плавания сочиняется. В прочем ожидаю я от государственной Адмиралтейской коллегии повеления".

Сим окончились кораблеплавания по Ледовитому морю. Ея императорское величество соизволила пожаловать всем при том бывшим как офицерам, так и рядовым годовое жалованье, в чем имели участие также вдовы и сироты, после умерших на сем путешествии оставшихся. Кто же не хотел долее остаться в службе или просил о увольнении на год, тем сделано по их желаниям. Господин *Чичагов* после того, будучи в архипелагских компаниях, дошел до вице-адмиральского чина.

С того времени, когда сие в России происходило, таковая же ревность поощрила агличан делать открытия около севернаго полюса и побудила их снарядить для сего свои собственные корабли. Им неизвестно было ни-

чего о неудачливых покушениях наших Российских мореплавателей. Они взяли повод к сим предприятиям из древних известий аглинских мореплавателей бывших близко севернаго полюса, а собрать оные известия принял особливо на себя труд некоторой господин *Баррингтон*²², чрез котораго оные предложены сперва Королевскому обществу наук, а сим Адмиралтейству и, наконец, от Адмиралтейства представлены королю с тем, дабы повелено было сие испытание зделать на королевском иждивении. Между собранными прежних времен известиями находились такие, в которых объявляли, что корабли подходили под 84 и 88 градусы, а под 82 и 83 весьма многие. Но то были известия и изустныя объявления корабельщиков, у которых недоставало ни точных наблюдений, ни дневных записок, кои прежде, может статься, и были, но после того разтеряны или, яко ненужные, брошены. Что же потом учинено, оное хотя и можно почестъ за нечто большее, нежели зделали наши мореплаватели, но в самом деле выходит все одно. В доказательство чего описывается здесь вкратце учиненное в 1773-м году славным и весьма искусным мореплавателем капитаном-командором *Фипсом* путешествие.

Список бывшим, по объявлению господина *Баррингтона*, гораздо далее осмидесятаго градуса полюсной высоты мореплавателям мог легко иметь в Англии то действие, коего ожидал сей патриот, ибо он и после того не оставил утверждать возможность севернаго путешествия. Граф Сандвич, первой лорд в Адмиралтействе, склонил короля дать повеление к вооружению для сего путешествия двух кораблей со всем тем, что для онаго потребно. Уверены были, что, ежели может быть какой успех в сем путешествии, то способность и ревность капитана *Фипса*, сына лорда *Мулгравы*, много к тому способствовать будет. *Фипс* вызвался добровольно к сему путешествию и выбрал к себе в помощники на другой корабль капитана *Лютвидта*, которые оба имели дозволение назначивать себе прочих офицеров, и *Фипс* признался после, что он нашел их таковыми, как об них думал. Сие путешествие было в июне и в июле месяцах 1773-го года на кораблях "Рацегорсе" и "Каркасе", которые нарочно зделаны были способными для сего предприятия по примеру гренландских судов. Изданные в печать два описания, одно большое* и одно малое**, подают нам обстоятельное сведение о всем, что агличане учинили и нашли²³.

Признаться должно, что сии корабли больше, нежели наши, снабдены были вспомогательными средствами – орудиями для учинения астрономи-

* "Путешествие к северному полюсу, предпритое по повелению его величества в 1773 году Константином Джоном Фипсом", издано в Лондоне в 1774 году в четверть листа.

** "Дневная записка путешествия, предпритого по повелению его ныне владеющего королевскаго величества для открытий к северному полюсу почтенными командором Фипсом и капитаном Лютвиджем на его величества военных шлюбках "Рацегорсе" и "Каркасе", к чему присовокуплено уведомление о разных предприятиях для открытия северо-восточнаго пути к Китаю и Японии", издано в Лондоне 1774 году в осьмую долю листа. К обоим сим книгам приобщены карты сего путешествия, которые также к изъяснению нашего повествования служить могут.

ческих и физических наблюдений. Господину *Финсу* должно и ту честь отдать, что он ходил несколько подалее к норду и осту, нежели господин *Чичагов*, ибо его самая отдаленнейшая широта была $80^{\circ}40'$ и долгота к осту (щитая от Лондона) 20° , то есть от острова *Ферро* 40° , а имянно до так называемых *Семи островов*, простирающейся от SW к NO и примыкающей к *Шпицбергену*. На *Семи островах* лед заградил агличанам так, как и нашим, путь к дальнейшему плаванию. Некоторые советovatели думали, что, когда бы покусились ехать к северу по восточной стороне *Шпицбергена*, то есть между *Шпицбергеном* и *Новой землею*, то нашли бы там малое ото льда сопротивление, какое мнение утверждает и швейцарской профессор, которого ненавистныя разсуждения о Российских открытиях описаны выше. Но сколь же слабы те причины, на которых сие мнение основывается²⁴.

Финсу не назначено было продолжать далее своего путешествия, как только, чтоб подошел он к северному полюсу столь близко, сколько ему возможно будет. Хотя бы он дошел и до полюса, то не должен был чрез оной переезжать, но по той же самой дороге, по которой туда ехал, возвратиться назад. При сем случае не было никакого больше намерения, как испытать состояние моря к северному полюсу, в разсуждении чего властен он был поворачивать с каждого пункта своего путешествия, где бы ему ни встретились неодолимыя препятствия. Исполнение сего было приятнее агличанам, нежели то, чтоб по преодолении великих трудностей подвергать себя еще наибольшим в продолжении путешествия. И, таким образом, кто не извинит наших Российских мореплавателей, когда они, нашед уже на северном краю *Шпицбергена* столь неожиданныя препятствия, не уповали, чтоб могло благополучно окончиться их путешествие в том месте, где им подобных препятствий еще в вышнем степени вероятнее ожидать можно было.

Впрочем, не можно никакими неоспоримыми и вероятнейшими доказательствами решить сего вопроса, остается еще что-нибудь делать впредь для обретения севернаго плавания? Или должно вовсе оставить надежду в разсуждении онаго, как то учинили наши мореплаватели и командор *Финс*. Также еще задолго прежде их тоже советовал искусный мореходец *Вуд*. Находящейся в Лондоне господин *Баррингтон* остается еще в том мнении, чтоб продолжать сии испытания, к чему старался он с того времени поощрять свою нацию печатными сочинениями^{*}. Того ж

* "Известии о мореходцах, бывших в отдаленных к северу местах, сочиненные и читанные в собрании Королевского общества в Лондоне 29-го мая 1774 года *Денесом Баррингтоном*", напечатаны в "Еженедельных известиях" господина обер-консистер-советника *Д. Бишинга*, 1774 года, 51 часть. И ответ на некоторые до сего касающияся вопросы в тех же "Еженедельных известиях", 1775 года, 43 часть.

Также о возможности к достижению северного полюса недавно решено в "Геттингенских ученых известиях", 1776 года, прибавление ко второй части.

желает и господин *Энгель**, ибо он путешествие между *Шпицбергом* и *Новою землею* до осмидесятого градуса полюсной высоты и далее, а потом к востоку и чрез *чукоцкое устье* и *Камчатское море* столь легким описывает, что оное в шесть недель, а по крайней мере в три месяца окончить можно. Он называет предразсуждением, ежели другие не хотят в том с ним быть согласны, что море под сим полюсом по причине продолжающагося шесть месяцев на горизонте пребывания солнца должно быть ото льду чисто. Но не разсуждает он, что солнечные лучи производят теплоту и могут превращать лед в воду только чрез преломление, а не тогда, когда оные идут в параллель мимо какого-нибудь тела. Может быть, весьма вероятно, что ужасные ледяные горы, плавающие гораздо глубже в воде, нежели на поверхности оной, начинаются под полюсом, откуда мало-помалу подвигаются к югу и, наконец, там, буде возпрепятствует земля или острова, упираясь в дно, останавливаются. Чем и доказывается, что от сего в *Шпицбергерском* и *Гренландском* море льду ежегодно прибывает. От юга притти оному невозможно, итак, конечно, от севера. Теплее ли должно быть под полюсом, нежели под такою *широтою*, где действует некоторое преломление солнечных лучей? Недостает еще только того, чтоб защищающие сие мнение объявили также, под которою *широтою*, или, как далеко от полюса, полагают они быть началу столь удивительной перемены.

Однакож довольно о сем! Нам надобно теперь приступить к тем открытиям, которые учинены россиянами со времени второй Камчатской экспедиции в Камчатском море и кои были побудительною причиною того кораблеплавания, которое по всевысочайшему ея императорскаго величества повелению в одно время с преждеописанным происходило²⁵.

* *Сам. Энгеля* "Географическия и критическия известии и примечаниа", то есть немецкой перевод сей его французской книги, которая от издателя дополнена прибавлениями, в Митаве, 1772-го года, в четверть листа.

Известие о дворянех [Российских]¹

Сочинено в 1776 году по имянному повелению и в силу письма его сиятельства князя Александра Алексеевича Вяземского.

Когда высочайшим е.и.в. повелением по Архиву Коллегии иностранных дел требуется известие: "1. Какие есть узаконения на дворянство? 2. Какие бывали дворянские службы и какие ныне есть? 3. Выбрать доказательства на дворянство"², то, во-первых, объявить должно, что о сей материи в Архиве Коллегии иностранных дел почти никаких известий не имеется, а что малое число и есть, состоящее в родословной и в боярских книгах и в жилецких списках, оное с тем, что по Розрядному архиву явствует, сравниться не может. Того ради, как по всемилостивейшему соизволению и к Розрядному архиву доступ я имел³, и из онаго иное, что потребно было, выписал, то намерен я сделать опыт, поелику на оные вопросы из собственных моих записок и примечаний отвечать можно. А хотя то же самое и лучше и обстоятельнее из онаго архива прямо получить можно, да, может быть, и получается⁴, однакож за тем моим трудам излишним быть не уповаю, потому что, сравнивая одни известия с другими, лучше изъясняется истинна и пополняются недостатки.

I. Какие есть узаконения на дворянство?

Ни в котором архиве точных узаконений о дворянстве до времени Петра Великого не находится. Кажется, и в самом деле таких узаконений не было, потому что, естли бы были и утратились, то б когда-нибудь по каким ни есть делам, в грамотах, указах, челобитных, приговорах, выписках на оныя ссылались, чего не видно. Вместо узаконений служили древния обыкновения, которыя столь же сильно, как законы действовали. Может, что иное до моего сведения не дошло. Что же о прежнем состоянии Российского дворянства примечания достойнаго я нашел, оное здесь приведено быть имеет.

В старину и до Петра Великого не было в Российском языке такого слова, которое бы значило то, что мы ныне *дворянин* и *дворянство* называем. Также и на других славенских языках такого слова нет. Польское *шляхтич* и *шляхетство* заимствовано от немецкаго *Geschlecht*. На то же походит и преж сего в употреблении бывшее слово *родословные люди*, значущее людей признаннаго знатнаго происхождения, коих поколенные

росписи указом государевым собраны были в хранившуюся при Розряде родословную книгу⁵. Напротив того, *неродословными* назывались те, коих роды в родословной книге не написаны. Однакож сие не так разумелось, якобы *неродословные* были не дворяне. Разность только та, что роды их или фамилии ниже родов *родословных* почитались.

Когда общаго звания для дворян не было, то дворянство состояло из разных чинов или степеней, в которые государи жаловали, по коим из чину в чин происходили, и по оным чинам назывались и службу отправляли. В том числе были и дворяне – чин невысокой и не наследственной. Из дворян жаловались в *стольники*, иногда и в *бояре*. Не стерпел бы тогда боярин, естли б ему сказали, что он дворянин. Но как при Петре Великом старые чины и обряды были оставлены, то введено слово *дворянин* за общее звание всех, которые в старых чинах находились, что почти и необходимо нужно было, потому что государь жаловал в чины и не из дворян, и не можно б было сказать, что такой имрек не из дворян, естли бы такого слова не было. А когда без общаго такого слова обойтись не было можно, то слово *дворянин* весьма было к тому прилично. Оно значило по прежним обрядам человека придворнаго, которой, хотя никакой особливой должности при дворе не исправлял, но всегда свободной ко двору доступ имел и в церемонияльные случаи для умножения великолепия придворнаго являться должен был. Из всех чинов был он многолюднее.

Притом, однакож, удивительно, что сия немаловажная перемена с великим по всей России единомыслием учинилась без особливаго о том указа, без обнародованнаго от верховных судебных мест определения. О времени начатия сей перемены вообще только известно, что то учинилось по возвращении государевом из перваго его в иностранныя государства путешествия⁶. Государь перестал в старые чины жаловать, жаловал в новые; больше для верноподданных было не потребно. Всем к государю доступ стал свободной, все стали *дворяне*.

Не платить государю за свою голову и за детей своих податей, служить своею особою и с своими людьми в войне, владеть вотчинами и поместьями и зависеть безпрекословно от государственной воли – в том все прежние дворянские чины сходствовали. Поместья показывают, что в старину феодальное правление в России учреждено было не меньше, как и в иных государствах, кроме некоторых отмен, как видно в Уложении государя царя Алексея Михайловича в главе о поместьях⁷. С поместей служили дворяне воинскую службу мало не на своем коште. Государь Петр Великий присовокупил поместья к вотчинам, и то все названо недвижимым имением⁸. Приличной к сему вопрос есть: мог ли кто, понынешнему недворянин, в старые годы владеть деревнями? Мню, что мог, пока не найдется точное о том запрещение. В Уложении государя царя Алексея Михайловича в первой статье о поместьях предписано, кому сколько четвертями поместья владеть в Московском уезде. Что тут упоминаются дьяки и думные дьяки, сие не дивно. Хотя по большей части

они произошли из нижних приказных чинов, но по их знанию и искусству вся почти судебная сила была в их руках; от того многия и не беззнатныя фамилии дворянския по бывшим в старые годы дьякам и прозваны. Страннее нам казаться может, что в той же статье упоминаются ниже дьяков придворные чины – степенные и путные ключники, коих должности довольно нам неизвестны, ниже жильцов – стремянные конюхи, ниже стрелецких сотников – дворовые люди и стряпчие, и сытники, и царицына чину дети боярские. Больше таких низких чинов, якобы дворянских и деревнями владеющих, упомянуто в указе царя Бориса Годунова 7110 года (1602), приобщенном к Судебнику царя Ивана Васильевича, издания Василья Никитича Татищева на стр. 124⁹. Кажется, что такие чины по нанешнему учреждению без особеннаго указу к дворянству не причислялись бы, но тогда вотчинами и поместьями владеть могли и владели. Если государи их из особенной милости деревнями пожаловали, то примеры служили вместо указу. Купили ли они безпрепятственно и владели спокойно, то и по тому видно, что запрещения не было. Не от того ли множество стало мелких дворян, которые никакого доказательства своего дворянства, кроме что владеют вотчинами, не имеют?

Но в чем состояли в старину вотчины и поместья? Были ли с землями и крестьяне владельцам крепки? Сие требует изъяснения по истории. Почти сомневаться не можно, чтоб в России, равно как в старину и в других государствах, при завоевании новых земель, жители, оружием покоренные или государственной власти изменившие, приведены были в рабство и что получившие от государей такая земли в поместье могли с такими рабами поступать, яко с невольниками. Писатели естественных прав – Гроций, Пуфендорф и другие – выводят справедливость сего поступка из натуре войны, поелику победитель неприятеля может предать смерти, а когда он дарует его животою, то покоренный должен сию милость отслужить рабством. Також и сомнения нет о дворовых людех, потому что оные в старину по большому числу состояли из пленников и из кабалных людей, вступивших для прокормления волею своею в рабство, которые в господском доме женились и детей прижили. Сии всегда господам своим были крепки. Но о крестьянах и земледельцах, изстари в России живущих, прежних лет дела инако повествуют. По Судебнику царя Ивана Васильевича и с примечаниями г. Татищева, стр. 61 явствует, что во время онаго царя крестьяне были вольны переходить из волости в волость, из села в село, а отказываться прежним помещикам в Юрьев день осенний, и с прочими там приведенными обстоятельствами. Притом г. Татищев написал следующее: "Вольность крестьян и холопей, хотя мало не во всех европейских государствах узаконена, и многую в себе государствам пользу заключает, что может и у нас тогда и от обычая пользовано особливо. 1 крестьяне так безпутными отчинниками утесняемы и к побегам с их разорением принуждаемы не были; 2 таких тяжб, судов, ябед, коварств и немощным от сильных разорений в беглых не было. В добрых, верных и способных служителях мы бы такого недостатка не терпели, но,

противно тому, оное с нашей формою правления монаршеского не согласует, и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно, как то при царе Борисе и Василии от учинения холопей вольными приключилось".

В 1593-м году государь царь Федор Иванович переход крестьянской запретил, что г. Татищев слабому его состоянию и власти бывших при нем бояр приписывает. И оной указ в 1597 году ноября в 21 день повторен с тем, чтоб выбежавших в последние 5 лет крестьян по суду возвратить прежним хозяевам, а на выходивших до 1593 году суда не давать и назад их не отвозить (Судебник, стр. 123).

Потом царь Борис Годунов в 1601 году ноября 21 дня крестьянам выход или переход из-за одного помещика к другому опять позволил, предписывая и законы, как при том поступать (Судебник, стр. 124, 126). Но вскоре потом, как пишет г. Татищев (стр. 125), "сей государь, услыша большее о сем негодование и ропот, что духовные и вельможи, имеющие множество пустых земель, от малоземельных дворян крестьян к себе перезвали, принужден был оной указ паки переменить, и не токмо крестьян, но и холопей (то есть по кабалам на время служить обязавшихся) невольниками зделал, из чего великая беда приключилась и большею частию чрез то престол потерял, и государство великое разорение претерпело".

После того достопамятен есть указ царя Василия Ивановича Шуйскаго марта от 9 дня 1607 году, в коем написано: "Что с святейшим Гермогеном патриархом, со всем освященным собором и со своим царским синклитом, слушав докладу Поместной избы от бояр и дьяков, что переходом крестьян чинилися великия крамолы, ябеды и насилия немощным от сильных, чего де при царе Иване Васильевиче не было, потому что *крестьяне выход имели вольный*, а царь Федор Иванович по наговору Бориса Годунова, не слушая совету старейших бояр, выход крестьянам заказал и, у кого колико тогда крестьян было, книги учинил, и после от того начались многие вражды, крамолы и тяжи. Царь Борис Федорович, видя в народе волнение, те книги оставил и переход крестьянам дал, да не совсем, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и ныне великия в том учинилися распри и насилия и многим разорения и убивства смертныя и многия разбой и по путем грабления содеяшася и содеваются. Сего ради приговорили есми..." и пр. (Судебник, стр. 134). Следуют законы на все случаи, как поступать, когда крестьянин без ведома господина своего перебежит к другому, кои Татищев весьма мудрыми называет и тому, что в Уложении царя Алексея Михайловича о побеге крестьян положено, во многом предпочитает. Можно разсудить, что в Смутное время царя Василия и в следующее по нем междуцарствие общий покой в разсуждении вольности или невольности крестьян долго не был возстановлен.

Прямое и вечное укрепление крестьян за помещиками чинилось уже при государе царе Михаиле Федоровиче и при отце его, патриархе Филарете Никитиче, когда первые писцовые книги учинены¹⁰. Тогда, где кто написан был, тут должен был и остаться, прежние споры решены и успокоены, и крестьяне сделались рабами господ своих на тот образ, как

состоят и ныне. Кому сии исторические обстоятельства неизвестны, тот думает, что в противность природы сначала и всегда крестьяне были рабами господ своих. Здесь же сам царь признает, что прежде того так не было, что при царе Иване Васильевиче крестьяне выход имели вольный. Не могла бы населиться во время царя Ивана Васильевича Великая Пермь, сия пространная земля, старанием господ Строгановых Российскими земледельцами, естли бы оные земледельцы не были люди свободные. Память прежней свободности долго осталась в том, что вотчины и поместья считались не инако, как по пасеву четвертями, подушное число введено не прежде, как при Петре Великом¹¹.

Дворянство имело свои выгоды, имело и некоторое утеснение в том, что оно подвержено было дьякам, присутствующим в Розряде, которые имели власть наряжать их в посылки и в должности по их благоразсуждению, да их же и наказывать посажением в тюрьму и битьем по телу, чему многие в розрядных записных книгах находятся примеры¹². В протчих главных приказах главными судьями обыкновенно присутствовали бояре и другие чины, сему подобные. В Розряде, что был главной суд на дворянством, боярам заседания не было, мнится, дабы не пощадили своих однородцов, естли в чем подлежать будут штрафу или наказанию. Главные судьи в Розряде были из думных дьяков, которые иногда жалованы были в думные дворяне и в окольничие. Сие продолжалось до Петра Великаго. Сей государь, едва вступивший в государственное правление, и усмотрев справедливость, строжайшим образом исполняемую боярином Тихоном Никитичем Стрешневым, не усумнился ему поручить в 1690 году Розряд, которой он за собою и удержал, пока сей приказ в своей силе остался, то есть до учреждения в 1711 году Правительствующаго Сената.

Однакож, сколько мне по делам приметить случилось, власть Розряда простиралась только до нижних чинов дворянства и даже до стольников; от ней выключены были так называемые *думные люди* – бояре, окольничие и думные дворяне, – потому что из сих составлялся *Верховный царский совет*, по тогдашнему *Большая дума* и *Росправная палата*, собираемая ежели не ежедневно, однакож, толь часто, как множество и важность дел того потребовала. Там присутствовали и думные дьяки, и каждой о своих делах докладывали. Сия Росправная палата имела некоторое сходство с нынешним Правительствующим Сенатом. Но не всегда одни и те же члены в ней присутствовали. По изобильному числу думных людей было из чего выбрать и призывать на каждое собрание тех, кои государю о делах предлагаемых разсуждать способнейшими казались. Члены Верховнаго государскаго совета *палатными людьми* именуемы были по государевым палатам, в коих собирались; *думными* от слова *Дума*, которое ничего инаго не значило, как *советование*.

В иностранных государствах дворянство различается на *высокое* и *нижнее*. Было ли такое различие наблюдаемо и в России? Кажется, что было, хотя по самодержавной власти Российских государей со времени великаго князя Ивана Васильевича I о том и сомневаться можно. *Родо-*

словные книги, безсумненно свидетельствующие о древности знатнейших фамилий в России, и бывшее употребление, чтоб *неродословными людьми* называть тех, коих роды в родословных книгах не написаны, показывают, что подлинно наблюдаемо было небезважное между дворянством одной фамилии пред другою преимущество, простиравшееся до того, что в бывших местничествах *неродословному* человеку против *родословнаго* суда не давали. Предвидится, что иностранцы, у коих ни в котором государстве подобных нашим родословных книг не имеетя, о подлинности и вероятности оных сумневаться будут. Но когда особы, в родословных книгах за триста, за четыреста, за пятьсот и больше лет упоминаемые, также по истории в летописцах, что в такой войне, в таком посольстве, в такой гражданской службе находились, и когда поколенные росписи по числу колен с летосчислением сходны, то никакого, кажется, сомнения остаться не должно. В самом деле есть и должна быть одна только родословная книга, коея подлинник под именем *Бархатной* родословной книги хранится в Правительствующем Сенате и справедливой список в Архиве Коллегии иностранных дел¹³. Многие с ней в партикулярных руках находящиеся списки, из коих иные больше других, чаятельно, и партикулярными трудами пополнены, и от того не столько и имоверны, причину, что об ней во множественном числе говорить обыкли. Старина родословных книг, по которой о времени сочинений первой неизвестно, подает также справедливое о ея подлинности свидетельство. Старшая, до нас дошедшая, оканчивается первыми годами владения царя Ивана Васильевича. Потом от времени до времени она пополнена даже до царства царя Феодора Алексеевича. Сим государем и в правление царевны Софии Алексеевны повелено было в учрежденную на то комиссию подать новыя пополнения поколенных росписей и внести те роды, которые в прежних родословных книгах были не написаны. Но сие осталось без действия, хотя и подлинно есть фамилии, в прежних родословных книгах обойденные, и по знатности их заслуживают, чтоб их поколенные росписи не меньше, как и протчих княжеских фамилий, в родословную книгу внесены были. Что родословные книги мудрым государем царем Феодором Алексеевичем при уничтожении местничества не токмо в чести оставлены, но что оные и продолжать и пополнять велено, сим опровергается мнение тех, которые уничтожение местничества почитают насильным самодержавным действием (*coup d'autorite absolute*), коим якобы вся разность между фамилиями в то же время уничтожилась и низкое дворянство с высоким совершенно сравнялось. Когда низкому дворянству и всем *неродословным* людям при местничестве с высоким дворянством, как выше сказано, суда не давали, то чрез уничтожение местничества оное с сим сравнялось и не могло, следственно, и не сравнялось. Местничество было злоупотребление мнимых преимуществ во вред государственной службы; полезность истинных, в натуре основанных преимуществ, к ревностной государственной службе побуждающих, от онаго не умалилась¹⁴.

Естьли разсудить о княжеских фамилиях, от крови древних великих князей Российских посредством удельных князей, когда Россия во многие части роздроблена была, произшедших, с коими в одной части состоят и княжеские потомки древних великих князей литовских, то не видно, как таким по знатности их происхождения изящнейшим фамилиям не иметь пред другими, хотя и не беззнатными дворянскими фамилиями, преимущества. Правда, что великий князь Иван Васильевич и внук его, царь и великий князь того же имени, собирая все малыя княжения в одну силу, некоторыя княжеския фамилии и извели, однако кажется, что сие учинили не от ненависти к фамилиям, паче к особам, которые власти их противились. В Судебнике царя Ивана Васильевича везде князья прежде бояр написаны. Сие не препятствовало, чтоб многие князья не служили в боярех и ниже. В службе происходили они постепенно, как протчие. Потому же княжеския фамилии прежде протчих писаны и в родословной книге. Что же несколько из оных писаны после, между дворянских фамилий, сие, по-видимому, учинилось от того, что родословная книга собрана не в одно время.

О протчих княжеских фамилиях, о татарских, черкасских, грузинских, калмыцких, не упоминаю для различнаго их достоинства, не позволяющаго, чтоб всем одну цену поставить или равную с Российскими князьями часть им приписать можно было. Естьли некоторые из них произошли от владельческих предков, то большая часть о происхождении своем и неизвестны. Когда татарской мурза крестился, то называли его князем. Грузинские так называемые цари, когда состоят под властью турецкою или персидскою, то почитаются в их земле не выше губернаторов. По приезде их в Российское подданство называли они выезжих с ними других грузинцов князьями. Такие и им подобные князья необходимо должны о княжеском своем происхождении доказательства подать, прежде как за князей признаны быть могут. Правильнее с Российскими князьями сравниваются некоторые древние дворянския фамилии, из чужих стран выезжие, но уже при своем выезде в великой знатности находившиеся, почему и службою своею главнейших чести степеней достигли. Когда в родословных книгах написано: "выехал муж честен" и пр., то тем разумеется человек изящнаго дворянства (*un homme d'une noblesse Distingue*). *Палатное* достоинство зделалось в некоторых таких фамилиях якобы наследственным. Они получали от государей великия вотчины в награждение и князьями приняты в брачные союзы. Посему, равно как и князья, к высокому дворянству причислялись.

Видно, что и Петр Великий того же мнения был, что в России, как и в других государствах, высокому дворянству некоторыми пред нижним преимуществами пользоваться должно. Не втуне государь позволил Меншикову принять от римскаго императора княжеское достоинство, и сам его в Российские князья пожаловал, конечно, не для пустословия¹⁵. Мудрость государская ввела по примеру других государств *графской* титул и *баронской*, причем инаго намерения быть не могло, как чтоб фамилии,

оними титулами одаренные, честию от простых дворян были отличны. При Табели о рангах в 8 пункте государь изъяснился точно, что "сыновьям Российскаго государства князей, графов, баронов, знатнейшаго дворянства позволяется для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичные ассамблеи, где двор находится, свободной доступ иметь пред другими нижняго чину, и охотно государь желает видеть, чтоб они от других во всех случаях по достоинству отличались" и пр. Мнится, что сие к преимуществам, верхнему дворянству свойственным, причислить можно. Нестор пишет о Владимире Великом, овладевшем помощью варяг киевским княжением: "и избра от них (от варяг) мужи добры и смысленны, и храбры, и раздая им грады"¹⁶. Сие было начало Российскаго дворянства или, паче сказать, Российских поместий. По умножению же дворян довольствовались давать города на кормление, то есть посылали людей заслуженых городами править и доходами оных пользоваться на время. Как оними править, тому царь Иван Васильевич в Судебнике предписал законы. Сия книга, хотя много содержит с нынешним состоянием России несходнаго, однакоже, и много полезнаго для познания древняго состояния Российскаго дворянства, а паче издание, изъясненное примечаниями покойнаго Татищева, чего ради на оную и ссылаются. Татищев хвалит законы царя Василья Ивановича Шуйскаго о побеге крестьян пред теми, которые находятся в Уложении царя Алексея Михайловича. Слова его достопамятны. "Естьли я, – говорит он, – протчия дела, поступки и нравы царя Василья Ивановича Шуйскаго и царя Алексея Михайловича по всей истории разсмотрю, то во всей царя Василия жизни и во всех его делах ничего почти не нахожу, чтоб было хвалы и памяти достойно, но в житии царя Алексея Михайловича дел, хвалы и памяти достойных, множество. Но когда я сей закон Шуйскаго хочу с Уложением печатным сравнить, то уже противное нахожу" и пр. (стр. 137).

Петр Великий, приметя, что в его время многие из дворян к претерпению воинских трудов не столь склонны, как должность их для отечественной пользы требовала, желая поревнованием к службе их приохотить, производил в обер-офицерские чины и не из дворян и узаконил, что "получивший такой чин и его дети, рожденные в обер-офицерстве, суть дворяне. Також и все служители российские и чужестранные осми первых рангов и их законные дети, и их потомки в вечные времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть имеют"¹⁷. Сему закону подобнаго ни в котором государстве нет. К славе Российскаго дворянства сказать должно, что нравы переменялись, так что ныне уже такого побуждения к службе не потребно. Но сколь не умножилось чрез то число дворян? Не в тягость ли оное государству? И до коего числа не достигнет ли, ежели сие учреждение навсегда продолжаться имеет? Татищев в примечаниях на Судебник царя Ивана Васильевича, стр. 131, говоря о титуле *благородие*, пишет: "Сей титул у нас лет пред 50 никому, кроме детей царских, на давали; ныне в таком оной уничижении, что, не смотря на свою породу, поповской, подьяческой, холопей, или

крестьянской сын, когда токмо чин или ранг достал майора или подполковника, то благородием гнушается, требует высокородия, которой инде токмо графам дается, или высокоблагородный".

Для дворянства учреждена при Сенате Герольдмейстерская контора. В инструкции, от государя данной Герольдмейстеру, находятся полезные законы, но материя о гербах объяснена больше в пунктах при Табели о рангах, да и там недостаточно¹⁸. Древность гербов в России в обоих местах предполагается, яко дело известное, чего, однакож, по архивам (мню и по Герольдии) доказать не можно.

II. Какие бывали дворянские службы и какие ныне есть?

Первая часть сего вопроса по архивам изъяснена быть может, и то учиню я в следующем.

Восемь было степеней чиновных, по которым дворянство до времен Петра Великого называлось и службу отправляло: бояре, окольные, думные дворяне, стольники, стряпчие, дворяне, жильцы, дети боярские.

Сверх того были чины, которые между оных степеней вмещались, были также чины и должности зауряд или временные и переменные. О всех по ряду упоминаемо будет. Описание степеней удобно начинать снизу.

1. Дети боярские

Сие звание произошло, чаятельно, от того, что носящие оное служили в войне под предводительством *бояр*, яко главных полковых воевод, коими за *детей* призираемы были. Сия первая была степень Российских дворян, в чины еще не определенных. А иногда под сим званием разумелись и все чиновные дворяне вопротив положений князей и бояр, как, напр., в Судебнике царя Ивана Васильевича, стр. 29, 50, 52, 59 и во многих других местах. Может быть, что тогда посредственные чины еще не были в толиком, как после, употреблении. И подлинно, не все чины и степени в одно время начала взяли, иные прежде, иные после по прибавлении могущества государства. Дети боярские были без числа по Москве и по всем городам, но жили в деревнях, где кто вотчину имел или поместье, и наряжены бывали от городских начальников в службу по *десятиям*. А десятиями назывались не десять человек, но целое детей боярских с одного города на войну наряженных собрание. Так то десятии именовались по городам: володимерскую, ростовскую, суздальскую и так далее. Над десятиными были головы из дворян, а иногда и из стольников. Несколько десятен составляли полк под предводительством воевод. Владел ли кто вотчинами или поместьями, или обоими, сие не делало разности. Все служили воинскую службу по той мере, сколько за кем было

вотчин или поместий. Не иначе как то учинилось и в других государствах до учреждения войск непременных.

В 7059 году октября месяца (1550) государь царь Иван Васильевич с боярами приговорил: "Учинить в Московском уезде, от Москвы верст за 60 и за 70, помещиков, детей боярских лучших слуг 1000 человек, а которым бояром и окольниковым быть готовым в посылку, у коих поместья и вотчин в Московском уезде нет, таким бояром и окольниковым дать поместье в Московском уезде по 200 четвертей, а детям боярским в первой статье дать поместье по 200 же четвертей, второй статье по 150 четвертей, третьей статье по 100 четвертей, сена им давать по столько же копен, сколько кому дано четвертныя пашни, а крестьяном дать на выть по 30 копен. Буде за которыми бояры и за детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в ином городе блиско Москвы верст за 50 или за 60 есть, тем поместья не давать. И естли из того чину кто умрет и сын его к той службе не пригодится, то в то место прибрать иного"¹⁹. Тогда записались в дети боярские по московскому списку около 1500 человек, в коем числе находилось и немало из лучших фамилий княжеских и других знатнейших родов, каковые ни прежде, ни после сего государя в детях боярских не служивали²⁰. Может быть, что здесь под именем детей боярских и чиновные дворяне даже до стольников разумелись.

Служба детей боярских того ж времени явствует по следующей выписке из книги города Володимера 7078 (1570) года. Каждой сын боярской поставил по себе два поручителя в том, что ему служить верно, великому государю не изменить и за границу не сбежать, что от грозного правления сего государя чинилось нередко. Полу-имена и древния наречия точно так написаны, как в оной книге: "Гормашка Третьяков сын Васильев на мерине в бехтерце, в саадаке, в сабле, человек на мерине в кошу, поместья 30 чети, порука: Федор Иванов сын Коробов, Тимошко Суворов сын Бурков. Ивашко Оксенов сын Максимов на мерине, в саадаке, в сабле, порука: Рахман Крупенин да Елка Манаков. Дмитрий Федоров сын Игнатъев на коне, в доспехе, в шеломе, в саадаке, в сабле, человек на коне, в доспехе, в шеломе, в саадаке, в сабле, человек на мерине в коше, поместья 250 чети, порука..."²¹.

Из сего видно, что, кто был больше испомещен, у того и вооружение полнее, конь заводной, слуга вооруженной. *Бехтерцо* слово неизвестно. *Мерин в кошу* – значит, что под запасом. У кого своего кошу не было, тот сложился с товарищем. Огненного оружия тогда еще у сих воинов не упоминалось. Артиллерия была что называли *снаряд*. Мастера артиллерийские, инженерные, минерные – иностранные. При взятии казанском главного инженера, которой подкопами благополучно успеху споспешествовал, называли российским званием Розмысл²². Не могли бы лучше изъяснить оную острога ума способность, которую французы *genie*^{*} называют. Как которой сын боярской в списке своей десятини написан, так он должен

* гениальность (фр.) – Ред.

был и явиться в реченное время на сборном месте своим начальником под штафом лишения части своего поместья.

Не удивительно, что царь Иван Васильевич с сим войском против поляков мало счастья имел²³. Царь Борис Годунов лишился от оного престола; царь Михайло Феодорович с оным Смоленска не взял, а у сих государей были и стрельцы, и у двух последних несколько войск иностранных. Паче дивиться надобно, как царь Алексей Михайлович, учредив немного регулярных полков в прибавок, больше с нерегулярным оным войском толь великие завоевания зделал над поляками, что едва не всюю овладел Литвою²⁴. Кажется, что такое счастье больше присутствию мудраго государя, нежели феодальному учреждению, приписать должно. Напротив того, сражение под Чудновым, Чигиринская война и два *Крымские* походы были опять неудачливы. При Азовском взятии были уже у государя Петра Великаго полки гвардии и иностранные инженеры и артиллеристы²⁵. После того Петр Великий уже редко употреблял дворян в войне по прежнему обыкновению. Служили еще в первые годы шведския войны небольшие корпуса дворянские под предводительством окольногоца Петра Матвеевича Апраксина в Ингерманландии да под фельдмаршалом графом Шереметевым для усмирения астраханских бунтовщиков²⁶. Умножив государь еще и прежде регулярную свою армию и усмотрев неспособность дворян нерегулярных, службу оную совсем оставил, повелевая дворянам служить в регулярных полках, а с людей своих дать рекрут и для содержания армии платить надлежащие поборы.

Остаток от прежней службы дворянской простирался до государственова императрицы Анны Ивановны, поелику касался до жалованья Российских армейских офицеров. Предки их, которые из детей боярских, служили без жалованья, на своем коште, с поместей, им на то данных. Петр Великий определил им жалованье, но установил, чтоб они половинным окладом против иностранных безпоместных довольствовались; сие отменено. Одну службу служащие жалованьем сравнены были, от чего фельдмаршал граф Миних всеобщую тогда получил похвалу²⁷.

О детях боярских одно еще обстоятельство примечания достойно, которое и изъяснения требует, дабы стропотным и дворянским обычаям прекословным не показалось. В Судебнике царя Ивана Васильевича, стр. 55 стоит: "Детей боярских служилых и их детей, которые не служили, в холопы не принимать никому, опричь тех, которые государь от службы отставит". Следовательно, дети боярские в холопах быть могли. Но какие тогда были холопы? Слово *холоп* не то значило, что ныне. Все служилые люди назывались *холопами* тому, кому служили. Все государственные чины от бояр, даже до последних детей боярских писались холопами в своих на имя государево подаваемых челобитных, что в 1702 году отменено Петром Великим и велено писаться *рабами*. Были холопы *вечные*, которые брали деньги наперед и служили за рост. Были и *временные*, которые записывались у кого в услужение из платы на урочное число лет. На то был для записки и для суда Холопей приказ. Следовательно, мог и

бедной сын боярской или дворянин без повреждения чести своей у знатнаго боярина или стольника записаться в службу. Подобно тому в Польше у больших господ бедные дворяне служат, а дворянства чрес то не потеряют. В России были в ту же стать *знакомцы*. Для избежания подлогов, чтоб никто от службы государевой не скрывался, заказано детей боярских, действительно служащих, и их детей, которые, хотя еще не служили, но служить могут и должны, в холопы, то есть в партикулярную службу, не принимать. А когда от государевой службы отставлен, то оно не токмо было позволено, но для беднаго человека, которой честным образом пропитания своего ищет, и похвалено. Г. Татищев ко оной статье следующее прибавил примечание: "Отставным от службы господам в служение отдаваться есть немалая государству польза, особливо как ныне холопей путных в домах весьма умалилось и смотрение вотчин оскудело, чрез что невидимой вред в государстве и недостаток умножается. Отставные многие пропитания не имеют, принять же их без закона, и им в службу без того итти опасно".

Естьли кому и то странно показаться может, что были дети боярские отставные, то сие изъясняется тем, что есть в Сибири и ныне дети боярские, как служащие, так и отставные, да есть же таковые и в Астраханской губернии дворяне. В Сибири служат они управителями и комиссарами в дистриктах, ясашными зборщиками и начальниками над казаками и получают небольшое денежное жалованье, также и хлебное, или за хлеб отводят им земли на пашню. О астраханских обстоятельствах я недовольно сведом, но знаю, что некоторые там и по Кизляру дворяне определяются от Коллегии иностранных дел. И сей есть остаток древней службы и детей боярских, а не вновь введенной порядок, из чего и то следует, что чины оные в Астрахани и в Сибири от отцов детям не наследственны, но верстают их на отцовския места по их способности. По сей причине с нынешним природным и наследственным дворянством их и не сравнивают. Были царицны дети боярские, были патриаршие, да в Сибири есть и митрополичие или архиерейские дети боярские, но ниже протчих. Не знаю, есть ли или были такие и в других епархиях.

2. Жильцы

Дети боярские не всегда в том же звании оставались, но могли производить и до вышних степеней, ежели явят особливую способность, и предстательство больших лиц им к милости государевой дорогу уготовляет. Однакож редко кто из детей боярских прямо в какой знатной или и посредственной чин произведен бывал. Требовалось, чтоб из них молодые люди, желающие себя отличить от других, по наряду на время жили в столичном городе как для защиты онаго от неприятелей, так и для иных служб и посылок. И такие переименованы были *жильцами*. Но не из одних детей боярских жильцы набираемы были. Во оном числе находились и дворянские, стряпческие, стольничие дети, кои еще ни в какой чин не были поверстаны. Иногда и самые вышние роды детей своих в сей чин

записывать не сумнились. Жилецкой чин подобен был школе. Во оном будучи, молодые люди привыкали к большому свету, начинали в делах обращаться, обществу полезных. Которой жилец оказал перед другими больше проворства, разума, искусства или имел более предстателей, тот, на старшинство не смотря, скоряе производим бывал в другие чины, но редко выше дворян или стряпчих. Вообще сказать, старшинство почти никогда при производениях наблюдаемо не было. Все чинилось по воли и милости монаршеской и по заслугам.

Жильцы состояли в ведомстве Розряда. В Розряде содержался *жилецкой список*, который столь часто учинен бывал вновь, как от множества произшедших в сем чину перемен оное по нужде требовалось. Во оном приписывали, кто отбудет и прибудет; тут же и помечано, сколько каждому по окладу жалованья денежного и сколько четвертей поместья. Но не каждой из жильцов получал денежное жалованье. Иногда должно было им ждать выбылых окладов, чего ради в жилецких списках у многих, а паче из новиков, денежного жалованья не показано. В списке 1671 года лучший оклад 82 рубли, меньшей – 10 рублей, поместья от 350 до 1000 четвертей.

Число жильцов из следующего примера явствует: в начале 1663 года было оных до 2000, вновь принято во оном году 180 и в 1664 году прибавлено близко до 3000. Но не все они были налице. Иные служили только именем, не делом. Когда большой нужды не было, то жили в Москве, переменяясь. В 1558 году упоминаются жильцы, которые от царя Ивана Васильевича посланы были в поход с князем Дмитрием Ивановичем Вишневецким в Кабарду, у коих некто Игнатей Заболоцкой предводителем был²⁸.

С 1701 году не набирали жильцов, потому что по учреждении армии служба их излишна стала. Жильцами и детьми боярскими комплектовались гвардии полки, а которые тогда на жилецком списке остались, тем кроме армии производства не было. Оставшимся сочиняли в каждой год новой список даже до 1710 году, в коем находилось еще жильцов до 300. С того времени, по оставлении прежняго Розряда и по учреждении Сената жилецкое звание пресекалось.

Когда кто из жильцов переменен был чином, то говорили, что пожалован *из жития* в дворяне, в стряпчие, а не *из жильцов*.

3. Дворяне

Сей был в старину тот чин, котораго звание ныне толь обширно, что всех в офицерских и выше того рангах состоящих в себе заключает. А по старому списку дворянин был тот, который государским указом в сей чин был пожалован, что давано не в род и детям не в наследство, но на одну особу. *Дворяне* назывались от *Двора* Государева, как бы по-немецки *Hofjunker**. Имея всегда свободной ко двору доступ, особливых, однакож,

* придворный (нем.) – Ред.

при дворе должностей не отправляли, но служили токмо ко умножению великолепия придворнаго, чего ради в празднишные дни и при церемониях, например при аудиенциях посольских, должны были являться в богатом (по тогдашнему наречию в *светлом*) платье. Они получали небольшое денежное жалованье и довольствовались своими поместьями.

Государи не токмо жаловали в дворяне из жильцов, но часто и думных людей, и княжеские дети в сем чину служить начинали. Были дворяне *московские*, были и *городовые*. Последние, якобы титулярные, разве в бытность государя в каком городе проездом по званию своему исполнять могли и исполняли. Такое было московских дворян перед городовыми преимущество, что иногда *московской* написан был городовым за какую-нибудь проступку для унижения. Сие называли *записать по городу*. Напротив того, городовые дворяне искали того, чтоб внесенным быть в список московской, частию, что честнее было служить по Москве, нежели по городу, частию, же дабы известным стать при дворе и тем скоряе получать в чинах повышение.

Из Уложения царя Алексея Михайловича, глава XVI, статья 68 видно, что иногда из городских дворян переводили в Москву и, испомещав их в замосковных городах, старья их поместья другим роздавали. В 1687 году один тунгуской князь Нерчинскаго уезда, по-своему Катана, а по-русски Павел Петров сын Гантимуров, в бытность свою в Москве в московские дворяне пожалован был.

Служба дворянская, окроме придворной, была и воинская и гражданская, а некогда и посольская. Они служили у детей боярских по десятням в *головах*, то есть в предводителях, иногда составляли и особливые полки дворянские, у коих предводителями были стольники. Старшие сидели в Москве в приказах у больших судей товарищами и в городах на воеводствах. Молодые посылались при послах умножить их посольскую свиту, и когда два посла были посланы, то каждый имел своих дворян особо, которые от другаго посла ни в чем не зависели. В 1607 году ездил от царя Василья Ивановича Шуйскаго в Польшу посланником московской дворянин и елатомской наместник князь Григорей Константинович Волконской, которой после был окольным. Наместничество города Елатмы было не действительное, но, так сказать, титулярное, каковые всем послам и посланникам чести ради придавались; оные же с посольством и кончились. Действительные наместники были те, что ныне называются по городам воеводы.

В дворянском списке 1616 года показано по Москве дворян 294 человека, из коих 69 по Москве были испомещены²⁹. Денежные им оклады были от 15 до 210 рублей, поместья от 25 до 1500 четей. В 1686 году было по списку московских дворян 1893 человека³⁰. Городовые состояли в ведомстве городонаачальников, которые могли их употребить, в какие б службы за благо разсудили. *Приставы*, придаваемые иностранным послам для провожания их и снабдения всеми потребностями от границы до Моск-

вы, обыкновенно были из дворян. А иное есть, когда в старину говорили "дать кого за пристава", вместо чего мы ныне говорим "арестовать" или "посадить под караул". Такие приставы из коих чинов были, того ни от кого слышать, ниже по обстоятельствам заключить мне не случилось.

4. Стряпчие

Такое знаменование сего слова, которое в начале нынешняго столетия всем известно было, ныне нам едва еще разумительно. Мы не знаем ныне кроме *стряпчих*, которые в приказах за делами ходят. *Стряпать* называется в просторечии *кушанье изготовить*. Первое к истолкованию должностей *стряпчих* государевых или придворных ничего не служит. Второе служит, да не без довольнаго изъяснения. Ведать надлежит, что в старину все, служащие у государя всякую до государской особы касающуюся или в присутствии государевом отправляемую комнатную службу, были из дворян, даже до истопника. Истопник один сослан был от царя Алексея Михайловича в ссылку в Енисейск, да дворянином. Род Истопниковых был еще в мою бытность в Енисейске не беззнатной. Один из них, будучи при князе Гагарине предводителем казеннаго китайскаго каравана, вывез из Китая тот большой лал, которой потом стал дражайшим украшением императорской короны³¹. Может быть, приняты бывали некогда к государю ко услужению и не из дворян, но редко из которых иные и деревнями награждены бывали. Государя одевать, обувать, омыwać, чесать, за всяким платьем и бельем смотреть, за государем ходить и ездить, платок носить (потому что у предков наших карманов не бывало), шапку и трость держать, что спросит, подавать и всякие такие малые должности исправлять, то была начальная служба *стряпчих*. Они "стряпчими" названы потому, что около государя *стряпали*, то есть в каком-нибудь деле для государя упражнялись, к чему хотя и приготовление кушанья принадлежало, но слово "стряпать" тогда не в таком тесном разуме, как ныне, употреблялось. "Стряпнею" называли все, что с государем везли в дорогу, когда куды ехать надлежало, в том числе, без сунения, и съестные припасы с поваренными потребностями заключались.

В списке 1616 году называются *стряпчие с платьем*, коих было 55, которые жалованья брали от 15 до 65 рублей, поместья имели от 400 до 1000 четвертей, однако из них 23 денежными окладами еще не поверстаны были и 26 еще не были испомещены. В списке 1686 года показано *стряпчих* 1893 человека да *стряпчих*, в полках служащих, 163 человека. Меньшее против дворян жалованье и меньшия поместья не препятствовали, чтоб *стряпчие* над дворянами не имели первенства. Кажется, сие им дано преимущество для чина комнатнаго и что из онаго произвождение было ближе. Тот из *стряпчих* честнее, котораго государь допустил ближе до своей особы и у котораго лучшие вещи в охранении. Над всеми *стряпчими* главным и отменнаго достоинства был *стряпчей с ключем*, выше стольников, а ниже думных дворян.

5. Стольники

В сей чин производимы бывали как из нижних чинов, особливо из дворян, так и знатных отцов дети прямо. Названы они *от стола государева*, при котором служили, принимая ествы в передней у нижних служителей, коим входу в государевы комнаты не позволялось. Они поставляли ествы на стол, стоя около стола, пока обед или ужин продолжается, относили ествы назад в переднюю, также и ходили с ествами, куды государь посылает. Когда государь кушал публично, тогда был стольникам наряд от Розряда, сколько человекам и кому имянно при том быть и за которым столом смотреть, в чем стольники иногда между себя местничались. Первой стол, за которым государь сидел, называли *большим*, другой – *кривым*. Из них выбрали государи комнатных стольников, которые служили за столом, когда государи кушали приватно, что сим стольникам дало пред прочими первенство, хотя чином не разнились. Бывало, что послы или другие иностранцы при дворе кушали, то из стольников один определен был с ними за столом сидеть и их потчивать. Посылалось ли государеву кушанье к послам на Посольский двор, то также при том был стольник, как для потчиванья, так и для наблюдения, чтоб все происходило чинно и честно. Ездить с государем, куды ни поедет, то была должность определенного числа стольников, которые осенью и весною переменялись; иные были для зимных, иные для летных походов. Возница государев был стольник, позади на карете, или по-тогдашнему на колымаге, а в санной путь на ухабе, стояли стольники. Великолепие царскаго двора не позволяло, чтоб люди подлой породы в таких должностях обращались.

Особливой был придворной обряд, в котором превосходно стольники, но кроме оных и стряпчие, и дворяне участие имели, в том состоящий, что при посольских аудиенциях перед государевым престолом по обеим сторонам стояли по два человека оруженосцев, называемые *рынды*, якобы телохранители государевы, в белых, редко другого цвету, атласных долгих кафтанах, с высокими собольями или черными лисицами опушенными на головах шапками, держащие на правом плече маленькие топорики с долгими серебрянными рукоятками, каковыя в мастерской палате еще видны. Пока при царе Михайле Феодоровиче отец государев патриарх Филарет Никитич здравствовал и по правую сторону государя на аудиенциях присутствовал, после коего на той же стороне рядом сидели архиереи и по левую сторону бояре, то рынды, дабы к духовенству спиною не обращаться, стояли все четыре по одной левой стороне. Сие присутствие архиереев чинилось только в честь патриарха, но, как прежде, и после того архиереям на аудиенциях посольских места не было, так, впрочем, всегда стояние рынд в два ряда наблюдалось. Сей обычай принят от греков, как видно по тому, что царевна Анна Камнинова в истории отца своего императора Алексия на стр. 62 подобную церемонию описывает³². А в западных и северных государствах такого оруженосцев при государевых престолах стояния в употреблении не было. Слово *рынды* не

российское и не от греков взятое. Принято ли оно от татар, неизвестно. В сию должность выбирали обыкновенно из вышеписанных чинов и из лучших фамилий молодых рослых и благообразных особ, которые себе тот выбор в честь ставить должны были, хотя по оному исполнять и не безтрудно было. Трудность та, что рынды стояли, как статуи неподвижно, да и глазами ни в которую сторону не оборачивались. Бывало между рынд и местничество, потому честнее [было] стоять на правой стороне, нежели на левой, честнее ближе к престолу, нежели от онаго далее. По розрядным запискам примечается, что когда было в одной фамилии два брата, в рынды годные, то им перед другими сия честь доставалась. Петр Великий оставил сию церемонию, возвратившись в 1698 году из учиненнаго в чужие край путешествия.

Другие *рынды* ездили с государем в походы, имея в своем охранении те оружия, кои государь сам употреблял или для своей чести возил с собою. Оружия упоминаются следующие: шелома, доспех, сайдак большой, сайдак второй, или писаной и сайдак третьей, или меньшей, или няхтермянной, копые первое и другое, сулица, рогатина, пищаль, санапаль. Всех сих слов истолковать я не в состоянии. Для каждого оружия рында был особливой, и при каждом рынде товарищ, которого *податню* и *подрындою* называли, но не в каждой поход все рынды отправлялись, иногда был только один с сайдаком. Сей обычай больше был в употреблении во время царя Ивана Васильевича. С ним ездили обыкновенно 7 или 8 таких рынд. С царевичем его, Иваном Ивановичем, и с царем Симеоном Бекбулатовичем, которому царь Иван Васильевич некогда государственное правление поручил³³, ездили рынд по три и по четыре.

Как стольников было много и различных склонностей, так иной воинскую, иной гражданскую службу придворной предпочитая, по обширности государства все довольствовались. Знатнейшие и искуснейшие служили обыкновенно большим полководцам в товарищах, а иногда и сами полководцами были. Со времен царя Алексея Михайловича, как учреждены регулярные полки, многие из них определены бывали в полковники. При царе Феодоре Алексеевиче и во время правления царевны Софии Алексеевны стольничий чин придаван был стрелецким полковникам для чести. Не токмо стрелецкие, но и новоучрежденных регулярных полков полковники писали стольничный чин прежде полковническаго, также и у стольников, посылаемых в города воеводами, стольническая честь воеводской предпочитаема бывала. В розрядных записных книгах писались иногда стольники и выше генералов.

Гражданская служба стольников преимущественно состояла в том, что в Москве во многих приказах сидели судьями, другая по ней, что посылались во многие, хотя не очень важные, города на воеводства (главнейшие города, как по-нынешнему губернские, оставлены были для управления боярам), и тогда, как Судебник царя Ивана Васильевича свидетельствует, назывались они *наместниками* и имели подчиненных своих из детей боярских — *тьюнов*. Почти не отправлялось в чужие край посольство, с коим

бы не были стольники, иногда у больших послов в товарищах, иногда сами посланниками, иногда для чести посольской и по своему любопытству.

В 1616 году было стольников 117 человек, которых денежные и поместные оклады были весьма различны. Самое большое денежное жалованье было 215 рублей, самое меньшее – 15 рублей. Меньшей поместной оклад был 400, большой – 1500 четвертей. Из онаго числа 35 человек окладом еще не были поверстаны. Шести человекам показано денежное жалованье без поместнаго, а трем человекам поместное без денежнаго. Достопамятно разделение стольников в четыре партии, что было в малолетие Петра Великаго, когда царевна София Алексеевна всю силу государственнаго правления в руках своих имела. Царь Иван Алексеевич с царевнами, от перваго царя Алексея Михайловича супружества рожденными, имел свой придворной стат особо. Царь Петр Алексеевич с матерью особо же. Но сверх того и две царицы – вдовствующая по царе Феодоре Алексеевиче Марфа Матфеена и Петра Великаго супруга Евдокия Феодоровна – имели особливых своих стольников, как по книге 1686 году явствует. У царя Ивана было стольников 74, у царя Петра 69, у царицы Евдокии 20, и то было *комнатные*, обеим государям общие; без приложения комнаты 2724, у царицы Марфы 317. Сверх того еще были стольники, так сказать, титулярные, служащие в полковниках и в начальных людях, – 133, да в стольники написаны из смоленской шляхты 59.

Стольникее по посредственному окладу жалованье в тогдашнее время было деньгами по 50 рублей в год, а поместной оклад 700 четвертей. К тому же учинены бывали иногда за особливые услуги и для радостных случаев небольшие придачи. Например, при объявлении царевича Феодора Алексеевича наследником, что учинилось 1 сентября 1674 году, прибавлено стольникам денег по 12 рублей, поместья по 100 четвертей. При двух походах в Троицкой Сергиев монастырь, в 1682 и 1689 годах предприятых, прибавлено стольникам, тем, которые за государями следовали, деньгами по 7 и по 10 рублей, поместья по 70 и 100 четвертей. В 1686 году для учиненнаго вѣчнаго мира с Польшею прибавлено некоторым из стольников деньгами по 25 рублей, поместья по 250 чети.

6. Думные дворяне

Сие звание от того, что они были члены тайной Государевой *Думы* или *Совета*, и что первые в сей чин из *дворян*, а не из стольников, или иных чинов пожалованы были. Царь Иван Васильевич первых *думных дворян* нарек, как видно из послужнаго списка в "Опыте трудов Вольнаго Российскаго собрания", часть II, стр. 300. При сем государе с 1572 году по смерть его, в двенадцать лет было оных восемь, а именно:

Роман Васильевич Олфериев,
Михайло Андреевич Безнин,
Василий Григориевич Зюзин,
Демекша Иванович Черемесин,
Баим Васильевич Восейков,

Роман Михайлович Пивов,
Афанасей Федорович Нагой,
Игнатей Петрович Татищев.

По коим именам видно, что не знатность породы, но персональные качества государя привели на сей выбор. Однакоже в последующие времена находились в сем чину (но изредка) и князья и других знатных фамилий особы. Стольники и дворяне, от княжеских и других знатнейших фамилий произшедшие, минуя думное дворянство, произведены были в окольнічие и в бояре непосредственно. Во все правление царя Феодора Ивановича пожаловано в сей чин только три человека, в царство Бориса Годунова пять, при ростриге пять же, при Шуйском три, да померло между тем и в другие чины выбыло столько, что при вступлении царя Михайла Федоровича осталось не больше как три человека думных дворян, из коих в тот же год два умерло, да государь тогда пожаловал в сей чин славнаго мещанина нижегородца Кузьму Минина за великие его услуги при освобождении города Москвы от поляков. Минин в 1616 году скончался. С того времени по 1634 год был только один думной дворянин, в следующий год два, да при сем государе числа оных не прибавилось. С 1635 году думные дьяки начались в думные дворяне производиться, как Грамотин, Луговской, Лихачев, Гавренев, Лопухин и др. При царе Алексее Михайловиче в 1671 году умножилось число думных дворян даже до 23. При вступлении царя Феодора Алексеевича было их 17. Некоторые, царем Алексеем Михайловичем в думные дворяне пожалованные, как по себе, так и по их потомкам прославились, чего ради внесу я здесь их имена с годами их в сей чин вступления:

- 1655 [г.] Иван Фед[орович] Еропкин,
- 1658 [г.] Афанасей Лавр[ентьевич] Ордин-Нащокин,
- 1662 [г.] Иван Ив[анович] Чаадаев,
- 1669 [г.] Андрей Васил[ьевич] Толстой,
- 1670 [г.] Федор Прокоф[ьевич] Соковнин,
- 1671 [г.] Кирило Полуектович Нарышкин, Артемон Сергеевич Матфеев,
- 1672 [г.] Аврам Никитич Лопухин, Афанасей Ив[анович] Матюшкин,
- 1673 [г.] Василий Никитич Панин.

При царе Феодоре Алексеевиче еще число оных умножилось. В 1686 году было их сорок, в 1687 прибавилось три, в 1688 – шесть, в 1689 – два, в 1690 – пять, в 1691 – три, но, между тем, некоторые и померли, а другие пожалованы были в окольнічие. В малолетие Петра Великаго был и думной генерал – Агей Алексеевич Шепелев, которой, другим генералам не в пример, в Государственной Думе с думными дворянами в ряд присутствовал. Сей в 1687 году пожалован в окольнічие. В розрядных списках думным дворянам поместнаго окладу не показано, денежнаго средней оклад был им по 250 рублей, к коему учинены придачи: при объявлении царевича Феодора Алексеевича – 50, за первую троицкую службу – 60, для заключения вечнаго мира с Польшею – 55 рублей. Некоторые служили и без жалованья. Окроме в Государственной Думе присутствия другой, сколько известно, службы не служили.

7. Окольничие

Сие звание истолковано покойным г. Татищевым в примечаниях к Судебнику царя Ивана Васильевича на стр. 2, по моему мнению, неправильно. Он пишет тако: "Окольничей имя от окольничности. Они имели в смотреии границы и суд пограничный, как в наказе [сего царя] губных старост написано, что им в пограничные суда не вступать, но отсылать к окольничим, и они [окольничие] имели власть с заграничными иметь переписку; они же присутствовали при полевом бою или при поединках, потом введены в полату или в сенат и имели место по боярам, выше думных дворян". Мои на то примечания следующие: околичность границы и суда пограничные были не инако в ведомстве окольничих, как когда они в каком пограничном городе, в Новгороде, во Пскове, в Смоленске и пр. находились главными воеводами или государевыми наместниками, почему с соседями и имели переписку. *Губные старосты* были в городах судьи криминальные, подчиненные воеводам. Даннаго им от царя Ивана Васильевича наказа видеть мне не случилось, однакоже в сходство прочих обстоятельств мнится, что там должно быть написано, чтоб губные старосты ведали токмо внутренние *губные*, то есть криминальные дела, пограничные же отсылали к главным в пограничных городах правителям, которые хотя могли быть и по большей части были бояре, но по случаю во время сочинения того наказа были окольничие. Следовательно, не по *пограничной околичности* окольничие названы были. Должно смотреть на главную и первоначальную окольничих должность (непонятно, как она г. Татищеву неизвестна была), не найдем ли мы при ней некакую *околичность*, которая бы сие сумнительство изъяснила.

Неудобно кажется соглашаться с мнением тех, которые думают, якобы окольничие прозваны от того, что находились *около государя*, потому что сия им должность с боярами была общая. Сперва, поелику касающиеся до сего чина известия до нас дошли, был только *один* окольничей. Сие видно по послужному списку, напечатанному в "Трудах Вольнаго Российскаго собрания", часть I, стр. 218, а имянно: когда великий князь Иван Васильевич I в 1462 году наследовал отеческим престолом, тогда был при нем окольничей отца его Иван Васильевич Ощера, и сей один был в окольничих по 1476 год, а в 1486 году скончался. Он же и один мог править первоначальною окольническою должность, которая в том состояла, чтоб в государевы дальные походы наперед ехать, наблюдать пути, чтоб везде по дороге и *около* дороги было чисто, смирно и безопасно, чтоб мосты исправить, дворы занимать, подводы заготовить и на станах все надобности в готовности держать. Например, в 1590 году, как царь Феодор Иванович сам изволил быть в походе против шведов, тогда, по свидетельству розрядных книг, в окольничих место ездили перед государем в Новгород князь Михайло Федорович Кашин да Дмитрий Андреев сын Замыцкой, а перед государем ездили дворов занимать окольничей князь Петр Семенович Лобанов да думной дворянин Роман Васильевич

Пивов. Елико были окольные даже до Петра Великого, то сие смотрение им было поручено. Посему кажется от *окольности дорог* и пути *окольные* прозваны, что, однакож, только догадка, которую за неимением лучшей предлагаю. В архивах о начале и причине звания окольных ни малейшаго следу я не нашел. Иногда в небытность окольных ту же должность отправляли и стольники, но в записках при том писано, что то делали в *окольного место*. Хоть окольными, хоть стольник, каждой имел при себе дворянина для вспоможения и для розсылки. О всем оном есть в розрядных записных книгах и в печатанных царя Михаила Феодоровича и царя Алексея Михайловича дворовых записках много примеров³⁴.

Другая должность окольных была та, что они послов иностранных при публичных аудиенциях государям объявляли, то есть представляли, говоря краткую речь, что сей, такой имрек, приехал от такого государя послом или посланником и желает великого государя от своего государя поздравить и пр., в чем то один, то другой из окольных, а никогда из других чинов употреблен не был, которым обстоятельством они разнились от определенных при других дворах посольских предводителей (Introducteurs Ambassadeurs)*, кои всегда те же бывают, пока в том чину пребудут.

Третья должность, что присутствовали при судебных поединках или при так названном *полево бое*, яко судьи, для оправдания того, кто одержал поле. О сем бы мы не знали, естли бы Судебник царя Ивана Васильевича нас не известил, что во время сего царя такие поединки в употреблении были и какие при оных обряды происходили. В архивах никакого об оных следу я не нашел. Но по преданию предков сказывают, что происходили сии поединки в Кудрине около того места, где ныне дом генерала-аншефа Александра Ивановича Глебова, что тогда было пустое поле³⁵. Такие поединки судебные в старину и у других народов в употреблении были, но за несправедливостию, чтоб по оным судить, оставлены. Так, кажется, и в России после царя Ивана Васильевича на поединках уже не бивались. При сем, однако, сумнительно казаться может, присутствовали ли окольные при оных поединках в силу их окольного чину или яко главные судьи того Суднаго приказа, от которого поединки присужены бывали? Что иногда в приказах главными судьями они сидели, сие примерами доказано быть может. Напротив того, связанность поединков с окольным достоинством ни по каким обстоятельствам не видна. Итак, четвертая является окольных служба, что, равно как бояре, в приказах главными судьями присутствовали. Да не меньше же в больших и пограничных городах главными воеводами находились. Пятая та, что иногда, но редко, в войне служили полководцами. Шестая, что с боярами и с протчими палатными и думными людьми заседали в *Палате* и в

* Французское выражение, обозначающее лицо, представляющее главе государства иностранных послов. — Ред.

Государской Думе, что в последние времена, как число их умножилось, за главную и честнейшую их должность считаться могло.

Число окольных при великом князе Иване Васильевиче умножилось до 21 человека. Из коих, как в 43-летнее владение сего государя 14 человек убыло, то при вступлении сына его, великаго князя Василия Ивановича, осталось их 7, да при сем государе прибыло 31. Умерло по списку по 1534 год 29, а другие, видно, другим образом выбыли или пожалованы в бояре, потому что как царь Иван Васильевич престолом наследствовал, то был только один окольных. При государе в 50 лет его владения прибыло 74, да при вступлении на престол царя Феодора Ивановича в 1584 году осталось 5. Но продолжительно бы было при каждом государе продолжать сие изчисление. Довольно, естли ведаем, что при царе Феодоре Ивановиче вящнее число окольных было 12, при царе Борисе Годунове – 17, при ростриге – 18, при царе Василье Ивановиче Шуйском – 18 же, в междуцарствие – 19, при царе Михайле Феодоровиче – 12, при царе Алексее Михайловиче – 31, в вступление царя Феодора Алексеевича – 12, в малолетие Петра Великаго в 1686 году – 39, прибыло по 1692 год – 45, умерло – 11, в бояре пожаловано – 12. Итак, к 1692 году осталось окольных 61 человек. Далее сего находящиеся при мне известия не простираются.

Жалованья были окольных в последние времена от 300 до 520 рублей в год, к коему учинены придачи следующие: при объявлении царевича Феодора Алексеевича прибавлено некоторым при том бывшим по 70 р., за троицкую службу 1682 году по 70 р., для заключения вечнаго мира с Польшею по 70 р. и за троицкую службу 1689 году по 270 р. Но едва ли половинное число брали оное жалованье, другая половина служила без жалованья.

Бывали ближние окольные, но редко. Что *комнатной* значило у стольников, то, или и нечто больше, значило слово *ближний*, когда оное употреблялось о боярех и окольных. Служа с протчими окольными в ряд, пользовались ближние особливою государевою милостию и всегда вольный к государю доступ имели.

Хотя государь император Петр Великий еще при конце прошедшаго столетия оставил производить в прежние чины, однако есть пример, что в 1711 году ноября 4 дня его величество, будучи в городе Элбинге, соизволил пожаловать из стольников в окольные Алексея Александровича Юшкова, чего, уповательно, после того больше не учинилось.

8. Бояре

Некоторые из иностранных путешественников, описуя Российские достопамятности, ложное в иностранных государствах мнение разпространили, якобы *боярин* и *помещик* – слова одного знаменования были, якобы, кто владеет деревнею, тот и *боярином* называться должен, якобы помещики в России действительно боярами и называются. Иностранец, о

древних в России бывших чинах дворянских сведений не имеющий, и слышав, что деревенской мужик господина своего называет *барином*, легко пасть мог в сие погрешение. Между тем, вероятно кажется, что *барин* есть остаток слова *боярин* чрез прекращенное произношение.

В церковных книгах вместо *бояр* пишут *боляр*, утверждаясь на этимологическом разсуждении, якобы оное слово произошло от глагола *болю* и якобы изображало сердечное качество истиннаго патриота, о несчастиях отечества крайне *соболезнующаго*, или всяких *боли* и труды к правлению государства с усердием прилагающаго. Сколь сие произвождение боярскому званию ни честно, однакож потому не весьма вероятно, что первое налагание имян, со многим разсуждением сопряженное, не бывает, но больше случайное. И бояре, кажется, были прежде, нежели честь патриотическую, на усердном государственном правлении основанную, им приписывали.

Покойный г. Татищев в примечаниях своих на Судебник царя Ивана Васильевича производит слово *боярин* из финскаго языка и толкует умною головою или *мудрым человеком*. Не уповательно, чтоб кто с ним в том соглашался. Безчисленных слов произхождение древнею темнотою покрыто. Так и сие в безвестности оставаться может.

При самом начале Российской монархии упоминаются преподобным Нестором *бояре*, яко первенствующие великих князей Российских служители. Управляли они не токмо гражданскими делами, но и в войне служили главными полководцами. До Петра Великаго имя *боярина* заключало в себе все качества совершеннаго для пользы общества человека, в одной голове соединенные. Иногда, по нынешнему говоря, первой министр, оставя кабинетные дела, командовал армиею, а предводительствовал армиею, возвратился править дела гражданские.

Были бояре и у князей удельных, были у патриарха, были в Новеграде, а именно в то время, когда сей город пользовался еще, наподобие вольных имперских городов немецких, древними своими от великаго князя Ярослава Владимировича данными оному привилегиями³⁶. Есть и ныне бояре в Молдавии и Валахии, составляющие верховные их князей советы, от которых правление тех княжеств зависит.

Бояре у князей удельных управляли письменными их делами и доходами. У патриарха ведали Патриаршеский приказ и ко оному принадлежащее. В Новеграде подобны были немецким *ратсгерам*. Патриаршские бояре состояли одною степенью государевых ниже, с окольными в равном почтении. Один человек мог отправлять боярскую должность у патриарха и окольную у государя в одно время. Государевых бояр, когда в Москве живут, главная должность была с окольными, думными дворянами и думными дьяками присутствовать в *тайной Государственной Думе*. В больших приказах главными быть судьями первой сей должности не препятствовало. Отпускались в знатнейшие города – в Новгород, Киев, Казань, Астрахань, Тобольск первенствующими воеводами нена-

долго, редко больше как на три года. Полководцы иногда погодно переменились. Ездили послами в иностранные государства в больших посольствах, также и с иностранными послами и посланниками в Москве о посольских делах разсуждали (*были в ответе*) по государеву соизволению. Поехал государь куды в поход (а *походом* называли, когда государь отлучался хоть до самых ближних от Москвы мест), то оставался в государевых палатах жить и ночевать поверенной от государя боярин с двумя или тремя товарищами, и сие называлось *ведать Москву*. [Бояре] ездили по городу с азиатским велелепием, летом верхами, зимою в саях. Карет до царя Алексея Михайловича почти не знали. *Колымаги* употреблялись единственно для государевой фамилии. Сколько за боярином следовало служителей вершников, столько же и больше предшествовало ему пешех. Небольшой ручной бубен повешал народ, что боярин едет, что надлежит распространиться. При аудиенциях посольских бояре и прочие думные люди сидели на лавках по стенам вокруг той палаты, в которой аудиенции давались. Середина палаты оставалась порозжая для беспрепятственного ходу послов и с ними будущих. Стольники и которые чины ниже их сидели в сенях. Что во время патриарха Филарета Никитича, которой, яко государев отец, при всех аудиенциях присутствовал и сидел по правую руку престола, весь духовной сан занимал от него правую сторону палаты, а бояре левую; сие упомянуто выше сего. Но далее того времени оное не продолжалось. Богатство платья, шуб, шапок при таких случаях и при всяких церемониях было чрезвычайное; везде блистало золото, жемчуг и драгоценное камень; шубы собольи и высокие *горлатные шапки* по их черноте всякаго приводили в удивление. Но что за горлатные шапки? Не иные, как у коих опушка взята от *горле*в черных лисиц, что и *душками* называют – часть зверя, которая всех прочих чернее. Такие шапки носили бояре, сидя в присутствии государева на головах, подобные в том шпанским вельможам (*Grandes d'Espagne*)*, чаятельно, следуя азиатским обычаям. Когда Россия находилась под татарским игом, то бояре являлись ханам ордынским по татарскому обычаю в шапках. Оттуда перенесен сей обычай и ко двору великих князей и царей российских.

Сколь великие ни были боярские к государю и к отечеству службы и в коликом за то почтении они во всякое время и при всяком государе ни находились, так что в издаваемых от Государской *Думы* указах государи позволяли повеления свои якобы подтвердить их согласием обыкновенными тогда словами: "государь указал и бояре приговорили". Однакож из сих слов заключать не должно, якобы бояре от самодержавной государевой власти в законодательстве нечто заимствовали. Такую же учтивость употребляет и король французской, когда пишет: "Le Roy dans son Conseil et de l'avis de son Conseil"**, чем, конечно, самодержавной сво-

* испанские гранды (*исп.*). – *Ред.*

** Букв.: "Король в своем совете и в согласии со своим советом" (*фр.*). – *Ред.*

ей власти вредить не думает. К тому же в наречии "бояре приговорили" под общим званием *бояр* все *думные* люди разумеются; а слово *приговорить* по собственному онаго знаменованию не значит *согласия*, но *примолвку*, как бы по-французски сказать *applaudit**. Безпредельная самодержавная власть со времен великого князя Ивана Васильевича I так крепко во всех сердцах вкоренилась, что о уменьшении оныя думать было бы разрушить государство. Князь Андрей Михайлович Курбской не попрекал царя Ивана Васильевича лишнею властью, но злоупотреблением оныя. Борис Годунов обещал при своем венчании подданных своих управлять милостию и правосудием. Царь Василей Иванович Шуйской дал на себя крестоцеловальную запись, как ему государствовать, но оба от себя добровольно. От царя Михайла Феодоровича ни записи, ни обещания требовано не было и не дано. Царь Алексей Михайлович представлял государя не меньше властью во всем неограниченною, как милостию, правосудием и славными делами, подданными своими обожаемого. Что же делалось, как царь Михайло Феодорович хотел войну зачинать против Польши, а царь Алексей Михайлович велел сочинить новое судебное уложение, они советовались с патриархом и с прочим освященным собором, а *говорили* с своими государевыми бояры и проч. Иногда пишется, что государь "приговорил", как в указах, к Судебнику царя Ивана Васильевича приложенных, но сомневаться можно, так написано было ли в подлинниках. Потому же и приказное употребление слова *приговор* весьма кажется неправильное.

Бывшие в прежние времена бояре известны нам с 1462 году, когда великий князь Иван Васильевич I государственное правление принял, продолжается по царство и со включением первого года владения царя Феодора Алексеевича; их роспись, которая под именем послужнаго списка, напечатана в "Трудах Российскаго Вольнаго собрания". При великом князе Иване Васильевиче сначала было бояр не больше как пять человек. Прибыло и убыло не равно. Самое большое число при сем государе простиралось до 21, при великом князе Василье Ивановиче до 38, при царе Иване Васильевиче до 48, при царе Феодоре Ивановиче до 25, при царе Борисе Годунове до 26, при ростриге – 41, при царе Василье Ивановиче Шуйском – 36, в междущарствие – 30, при царе Михайле Феодоровиче до 28, при царе Алексее Михайловиче до 33, в вступление царя Феодора Алексеевича – 24, в малолетие Петра Великаго в 1686 году – 51, а пожаловано вновь по 1691 год 26. Верить можно, что между тем временем несколько и померло.

Жалованье обыкновенное боярам не превосходило 700 рублей, разве когда кому за особливые услуги учинены придачи. В начале 1686 году князь Никита Иванович Одоевской, будучи тогда первым боярином, получал по 1030 рублей, боярин и оружейничей Петр Васильевич Шереметев (отец фельдмаршала графа Бориса Петровича), второй по списку, получал по 1040 рублей, князь Василей Васильевич Голицын, седьмой в

* одобрить. – Ред.

числе, отправляя и канцелярскую должность, получал по 850 рублей. Некоторые, а паче вновь пожалованные, служили и без жалованья. Новичной оклад был от 400 до 500 рублей. Придачи в 1686 году учинены для заключения вечного мира с Польшею каждому по 100 рублей, а князю Василью Васильевичу Голицыну за оное мирное постановление, которое наибольше было действие его старания, сверх рядовой сто-рублевой придачи – 250 рублей; Ивану Васильевичу Бутурлину за то, что он также в мирном заключении участие имел, сверх рядовой придачи – 150 рублей. Борису Петровичу Шереметеву первой оклад 500 рублей, ему же за первой Троицкой поход 100 рублей, для вечного мира с Польшею 100 рублей, за его особливое при оном деле старание 150 рублей, за посольство для подтверждения онаго ж мира, в Польшу отправленное, 100 рублей, за службу Крымского похода 1687 года 200 рублей, всего 1150 рублей. Другим боярам, во втором Крымском походе 1689 году бывшим, иным 100, иным 150 и иным 250 рублей; бывшим с государем императором Петром Великим во втором Троицком походе 1689 году – 300 рублей. Не упоминая о кубках, ковшах, шубах и других жалованных вещах, о поместных придачах, о зачитании поместей в вотчины, которые награждения по тогдашнему времени были не безважные, а по государственной милости, коей они явственными были свидетелями, безценные.

Что после 1700 году по введенному в чинах новому порядку, хотя старшие чины уже никакой пользы принести не могли, остались в оных старики, новых чинов не желая, по смерть свою. Сему по человеческой натуре и по обыкновенному иногда безмерному почтению к древним обрядам удивиться не для чего. Но чтоб кто при новых обрядах просился в старые или чтоб по старым чинам, когда неизвестно с какими новыми оные сравняться могут, искал кто своего производства, сие стоит того, чтоб бывшие такие примеры, до нашего сведения дошедшие, не обойти молчанием. Пример Алексея Александровича Юшкова, Петром Великим в 1711 году в околыничие пожалованнаго, приведен выше сего. Государыня императрица Екатерина I в 1725 году сентября 15 дня соизволила пожаловать из стольников в бояре Степана Петровича Нелединскаго-Мелецкого, которому тогда, уповательно, и ранг дан, но какой? Того в моих записках не находится.

Из прежде бывших бояр всех более жизнь свою продлить случилось фельдмаршалу князь Ивану Юрьевичу Трубецкому. Он скончался 16 генваря 1750 году, и с ним боярство, так сказать, погребено было.

* * *

Осталось в тех чинах объявить, которые с вышеписанными степенями в равенстве считались или промеж оных степеней вмещались в середине, как то было чины дворецкаго, конюшаго, крайчаго, оружничаго, казначея, постельничачаго, стряпчего с ключем, ясельничачаго, сокольничачаго, ловчаго, что все были чины дворянские, да были же и два чина приказные –

дьяков и думных дьяков, – коих от дворян выключить не можно. Наконец, были и чины стрелецкие, причисляемые до дворянства. О всех оных по ряду, зачиная сверху, то, что мне об оных приметить случилось, привести имено.

1. Дворецкой

Сей был первенствующий чин из придворных, почти всегда из бояр, с которыми и считалися по старшинству, так что которой боярин прежде дворецкого в бояре пожалован был, тот его и выше, а кто после, тот ниже.

При начатии правления великаго князя Ивана Васильевича I в 1462 году из пяти бояр четвертой был дворецкой Михайло Федорович Сабуров. Сей скончался в 1465 году. На его место вступил Михайло Яковлевич Русалка Филимонов Морозов, которой также был в боярех. А как сей в 1501 году преставился, то следующий по нем дворецкой князь Петр Васильевич, прозвищем Великий, состоял ниже окольныхчих. После его бывший дворецкой Василей Андреевич Челяднин с 1513 году был опять в боярах, а потому ж и следующие:

Князь Федор Лопата Васильевич Оболенской – 1519 [г.],
 Михайло Васильевич Тучков – 1531 [г.],
 Князь Иван Иванович Кубенской – 1535 [г.],
 Иван Иванович Хабаров – 1547 [г.],
 Данило Романович Юрьев – 1549 [г.],
 Никита Романович Юрьев – 1566 [г.].

После того сделалась опять перемена: князь Федор Иванович Хворостинин, бывший дворецким с 1577 году по кончину царя Ивана Васильевича, имел место ниже окольныхчих. Но сие далее жизни сего государя и не продолжалось. При царе Феодоре Ивановиче с 1584 году Григорей Васильевич Годунов был дворецким и в числе бояр. При царе Борисе Годунове с 1599 – Степан Васильевич Годунов по тому ж, при ростриге – князь Василей Михайлович Рубец Мосальский. При царе Василье Ивановиче Шуйском, при царе Михайле Федоровиче и пр. все в той же степени боярской, но исчислять всех было бы долго и не нужно.

Должность дворецкого при государях почти та же была, как в партикулярном доме. У него все дворцовые волости доходами и розправою ведомы были. Весь двор, все служители придворные состояли у него в команде. Он представлял по-нынешнему обер-гофмейстера и обер-гофмаршала. Особливой был приказ, *Дворец*, или *Большой дворец* называемой, в котором государев дворецкой был главным судьей, а под ним судьи подчиненные, коих он себе выбрал. Был же и Дворец у патриарха для управления патриарших вотчин, в котором присутствовал дворецкой патриаршей. Пока еще были особливия княжения местныя и удельныя, то и во оных было по дворецкому. А хотя сии княжения стали быть под рукою однаго московскаго великаго князя или царя, однакоже дворецкие

для собирания с государевых дворцовых волостей доходов в них оставлены. Так то были дворецкие: Новгородской, Тверской, Рязанской, Нижегородской. Но такие дворецкие были честию ниже Московских. Сие продолжалось до государя царя Михайла Феодоровича, при коем все оные княжеские дворцы с московским Большим дворцом соединились.

2. Конюшей

Несправедливое есть мнение некоторых, а особливо иностранных писателей, якобы *конюшей* был первенствующий из бояр, и сия якобы есть вышшая честь, до которой подданной в России достигнуть может. Причина тому, кажется, та, что Борис Годунов был конюшим, когда при царе Феодоре Ивановиче все государственное правление ему вверено было. Конюшей – то же, что по-нынешнему *овер-сталмейстер*. Они всегда были из бояр, потому и старшинством производили по боярству. При древних великих князях конюших не было. Первой конюшей определен великим князем Иваном Васильевичем I в 1496 году – Андрей Федорович Челяднин, которой за год перед тем пожалован в бояре. Он умер в 1503 году. При нем начался и чин ясельничаго, о коем после говорить буду. Чрез 8 лет конюшаго не было, а в 1511 году великий князь Василей Иванович пожаловал в сей чин боярина Ивана Андреевича Челяднина. Он предводительствовал армиею против Польши в 1515 году и своею неосторожностью взят под Оршею в полон, в котором и умер. После его чрез 18 лет была ваканция, конюшенными делами правили ясельничие. В 1533 году незадолго до кончины великаго князя Василя Ивановича вступил в чин конюшаго боярин князь Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенской, которой в малолетие царя Ивана Васильевича в 1538 году, как только правительствующая великая княгиня Елена Васильевна, преставилась, боярами взят под стражу и уморен голодом³⁷. Опять была ваканция 3 года. В 1541 году настал князь Михайло Васильевич Глинской, которой в 1547 году отставлен. Последовавший за оным князь Василей Васильевич Чулок Ушатой в 1549 году умер. По нем бывший 18 лет конюшим боярин Иван Петрович Федоров казнен в 1567 году. После чего во все достальное правление царя Ивана Васильевича конюших больше не было. Борис Федорович Годунов, будучи два на десятой из бояр, зделался конюшим в вступление царя Феодора Ивановича, коим чином, взошед сам на престол царской, наградил он дядю своего Дмитрия Ивановича Годунова. По наречению розстриги, конюшим был Михайло Федорович Нагой. Последние два примера достопамятны в двояком разсуждении: Годунов наградил ближайшаго родственника, розстрига хотел, чтоб люди верили, что Нагие ему родственники по матери. Следственно, чин конюшаго хотя не из первейших, но был такой, коим государи любимцов своих награждали. Сие же самое и многими при возполедовавших государях примерами доказать бы было можно. Но довольно того, что все государевы конюшни

и конюшенные заводы, и ко оным принадлежащие волости состояли в безотчетном конюшаго управлении. Борис Годунов, будучи конюшим, естли в Москве при нем бывшему английскому посланнику Флетчеру верить можно, получал с сего чина ежегодно 12000 рублей доходу³⁸. Сумма по тогдашним деньгам чрезвычайно великая, а особливо, когда ее сравнить с умеренным окладным жалованьем, что давалось тогда боярам и окольниковым, о чем выше сего сказано.

Прилично здесь упомянуть еще о другом звании, которое особливаго чина не составляло, но коим в старые годы некоторые бояре, отличая себя тем от других, по государскому позволению назывались, да оным же писались и в публичных письмах. В 1514 году выехал из Литвы к великому князю Василию Ивановичю из Польши князь Иван Юрьевич Коркодинов. Князь великий дал ему жалованную грамоту, в которой он писан *слугою*. В 1552 году боярином и слугою писался князь Михайло Иванович Воротынской, да по прогнании в 1591 году от Москвы крымских татар Борис Годунов титул *слуги* государеваго принял.

3. Крайчей или кравчей

В старину писали *крайчей*, а потом *кравчей*. Он стоял при столе, когда государь кушает, а особливо в праздничные и церемониальные дни, прямо против государя для рознимания и подавания кушанья. При нем находился всегда один из стольников для отнесения и переставки блюд. Сей чин начался при великом князе Василье Ивановиче в 1514 году, а первым кравчим был Иван Юрьевич Сабуров, которой в 1524 году от сей службы отставлен. Известно, что первая супруга сего великаго князя была Саломония Юрьевна Сабурова; вероятно, что кравчей Иван Юрьевич ей родной брат был³⁹. От опасности, чтоб чрез кушанье вреда не получить, кравчие избираны были из вельмож, на коих государи больше уверенности полагались. Вторым кравчим был с 1525 по 1530 год князь Юрья Михайлович Голицын, третий с 1531 по 1535 князь Иван Иванович Кубенской, с 1536 по 1540 год – князь Юрья Васильевич Глинской, брат великой княгини Елены Васильевны, и так далее. Страшно было кравчим быть при царе Иване Васильевиче, к подозрению в верности своих подданных толь склонном государе, как о бережении здоровья своего старательном. С 1565 по 1574 год казнены сряду три кравчие: князь Петр Иванович Горенской, Федор Алексеевич Басманов, Калист Васильевич Собакин. Лучше угодить умел сему государю Борис Годунов, будучи кравчим с 1578 по 1581 год, в котором он пожалован в бояре. При царе Феодоре Ивановиче кравчим был Александр Никитич Романов-Юрьев, дядя его по матери. При царе Борисе Годунове то были Годуновы. При ростриге – князь Борис Михайлович Лыков. При царе Михайле Феодоровиче – князь Василей Еншеевич Сулешев-Черкасской да князь Семен Андреевич Урусов. В 1616 году кравчей с путем – Михайло Михайлович Салтыков. А с путем называлось отправлять свою должность, когда

государь от Москвы в походе. При царе Алексее Михайловиче – Петр Михайлович Салтыков. При царе Феодоре Алексеевиче – князь Борис Алексеевич Голицын. Потом в малолетие Петра Великаго настали два кравчие, один для царя Ивана Алексеевича, и то был князь Алексей Петрович Прозоровский, на коего место, когда он в 1690 году пожалован был в бояре, произведен в кравчие Василей Федорович Салтыков, брат царицы Прасковии Феодоровны. Другой кравчей, при государе Петре Алексеевиче, прежней – князь Борис Алексеевич Голицын, который в 1690 году пожалован в бояре, а на его место определен из комнатных стольников в кравчие Кирило Алексеевич Нарышкин. С ними должность кравчих, хотя они то звание по смерть свою удержали, и окончалась. Считались кравчие ниже окольныхчих, а в 1686 году упоминаются выше оных, ниже бояр.

Что были при государевом столе для подавания кушанья стольники, то для поднесения напитков были *чашники*. В записках придворных и розрядных при описании столов публичных часто упоминается, что *чашничали стольники*, из чего заключается, что было их в одно время не один и что такие взяты были из стольников, либо по очереди, либо кто к тому способнее явились. Но для особы государевой был некогда и нарочно на то определенный *чашник*. В 1612 году послан был от бояр и от всего войска из-под Москвы *чашник* Василей Иванович Бутурлин в Новгород для договору с шведским генералом. Сей, уповательно, служил чашником при царе Василье Ивановиче Шуйском. В 1616 году при царе Михайле Феодоровиче чашником был Иван Афанасьевич Плещеев, который жалованья получал по 200 рублей в год при поместии 1200 четвертей. Он состоял рангом ниже кравчаго, но выше думных дворян. Петр Великий обновил сию должность, назвав в 1722 году *обер-шенком* графа Андрея Матвеевича Апраксина, что был брат генералу-адмиралу. В Табели о рангах обер-шенк стоит против бригадира.

4. Оружничей или оружейничей

Сия должность сперва была ниже окольныхчих, да и ниже кравчаго. Но как со временем оружейничие пожалованы были в окольные и в бояре, то наконец так повелось, что всегда один из бояр был оружейничим и писался *боярином и оружейничим*, равно другие, как в подобных должностях находящиеся, писались боярином и дворецким, боярином и конюшим, с коими по старшинству боярства, а не оружейничества и считались.

Имя показывает, что государевы всякия *оружия* были у него во охранении. *Оружейная палата*, какова она еще и ныне есть, и все люди, мастера и художники, ко оной принадлежащие, состояли в его ведомстве. Редкие и драгоценные вещи, в сей палате содержащиеся, стоили того, чтоб знатнейшие бояре об оных попечение имели. Но и то вероятно, что число вещей драгоценных от времени до времени при любопытствующих до сих вещей государях знатно умножилось.

Первой оружничей был при великом князе Василье Ивановиче с 1511 году Андрей Михайлович Салтыков, и сей стоял ниже окольников. При царе Иване Васильевиче оружничей – Лев Андреевич Салтыков, произведен в 1559 году в окольное, а в 1563 году в бояре, удерживая за собою оружничество. На его место стал в 1564 году оружничим князь Афанасей Иванович Вяземской, который в 1566 году при учинении договора с Польшею писался окольным, оружничим и наместником вологодским. С 1578 году оружничим был Богдан Яковлевич Бельской и удержал сию должность не токмо по кончину царя Ивана Васильевича, но и во все правление царя Феодора Ивановича и царя Бориса Годунова, и при розстриге. При царе Василье Ивановиче Шуйском послан он был в Казань, где его убили⁴⁰. В 1647 году боярин и оружейничей Григорей Гаврилович Пушкин, в 1677 – боярин и дворецкой, и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово. В 1686 году боярин и оружейничей Петр Васильевич Шереметев, отец фельдмаршала графа Бориса Петровича. Он умер в 1690 году. После его оружейничих больше не было. В последний год его жизни для присутствия в Оружейной палате в помощь придан ему был окольниковей Михайло Тимофеевич Лихачев, который после того сим приказом правил один. Что же она должность не безважна была, сие разсуждается по тому, что с окольным Лихачевым в Оружейной палате в 1691 году присутствовали: один думной дьяк – Яков Аверкиев сын Кирилов, да частию для сей, частию же и для других на него положенных должностей дьяков четыре. Когда оружейничего не было, то в Оружейной палате иногда судьями сидели и из стольников. Потом она соединилась с Мастерскою палатою.

5. Казначей

Первым казначеем упоминается при великом князе Иване Васильевиче I с 1495 году Дмитрий Володимирович прозванием Овца и состоял в чести ниже окольников, также и кравчие пред казначеями преимуществовали. Именовать всех, которые в сей должности находились, не нужно. При царе Иване Васильевиче с 1544 году казначеем был Федор Иванович Сукин, который в 1548 пожалован в окольное, а в 1566 году в бояре, да притом же остался и казначеем. При царе Феодоре Ивановиче и при царе Борисе Годунове два казначея один после другога произведены были из думных дворян. У них не государственная, но собственная государева казна, а особливо драгоценные вещи и все, что при коронации употреблялось, в охранении было. (Государственная казна называлась *большею казною* и во особом приказе была ведома.) Сверх того, как по Судебнику царя Ивана Васильевича, стр. 105 явствует, казначею и судные дела в денежных долгах решить оставлено. Но что и суд над посадскими людьми и над холопами им приказано было, как Татищев в примечаниях к Судебнику, стр. 2 пишет, того я не нашел. Другое есть, когда кто деньги занял, в чем на себя кабалу дал, а он ту кабалу лживит, сии дела

принадлежали до казначея. Для протчих же холопых дел был Холопей приказ, а для посадких – Земской. Казначей ведал Казенной приказ, или Казенной двор, и был всегда токмо один, а не два или три, как там же в тех же примечаниях напечатано. Что же и в княжениях казначей имелись, о том сомневаться нечего. А здесь говорится токмо о казначеях московских. В 1616 году бывшему казначею Никифору Васильевичу Траханиотову было жалованья по 200 рублей, поместья 1000 четвертей. С 1627 по 1642 год Казенной двор и Большую казну, и Стрелецкой, и Иноземческой приказ ведал боярин князь Иван Борисович Черкасской. После кончины его в Казенном дворе были дьяки, а с 1644 году стал опять казначей Богдан Минич Дубровской, с 1664 году казначей Афанасей Самойлович Нарбеков. При сем, хотя гости и гостинная сотня ведомы стали в Казенном дворе, но для них был дьяк особливой, и то продолжалось токмо два года. В 1666 году в Казенном приказе присудствовал боярин князь Юрья Алексеевич Долгоруков. В 1668 опять казначей прежней – Нарбеков, в 1676 – казначей же Иван Богданович Камынин. 1686 – окольников Семен Федорович Толочанов, 1690 – постельничей Иван Гаврилович Головин. Тем мои известия о сей должности и кончатся. Многие из драгоценных вещей, а особливо которые принадлежат до царской коронации, вошли после того из Казеннаго двора в Мастерскую палату.

6. Постельничей

После казначея следовал *постельничей*, в которой чин не столь по знатности родов, как больше из надежнейших служителей, в милости государевой утвержденных, произведены были. Всё к постеле государевой принадлежащее (думать надобно, и люди, при спальной служащие) было в его смотрении. Должность, тем важнее почитаемая, что ближе касалась до государевой особы и что постельничие почти всегда о всех тайностях как домашних, так государственных известны были. Первой постельничей упоминается при великом князе Иване Васильевиче I Иван Ерш с 1497 году, после его с 1501 – Семен Иванович Брюхо, с 1508 – Михайло Степанович Еропкин, и так далее. В малолетие царя Ивана Васильевича постельничаго через девять лет не было. Дмитрий Иванович Годунов, служив сперва постельничим, зделался потом окольниковим и боярином. При ростриге постельничим был Семен Иванович Шапкин. При царе Василье Ивановиче Шуйском – Иван Григорьевич Одадунов. При царе Михайле Феодоровиче – Константин Михайлович Михайлов, которому по боярской книге 1616–1619 годов было жалованья 150 рублей, поместья 1000 четвертей. Потом при оном же государе Степан Лукьянович Хрущов, Федор Иванович Игнатьев, Иван Михайлович Аничков. При царе Алексее Михайловиче постельничим был Михайло Алексеевич Ртищев, который в 1650 году пожалован в окольниковие. На его место – сын его, Федор Михайлович. Потом – Григорей Иванович Ртищев, которой ведал и Мастерскую палату. При царе Феодоре Алексеевиче постельничей Иван

Максимович Языков. И сей писался постельничим думным и считался непосредственно ниже окольныхчих. В малолетие Петра Великого были два постельничие: при царе Иване Алексеевиче – Кириан Иванович Самарин, при царе Петре Алексеевиче – Иван Семенович Головкин. Сей в 1689 году произведен был в окольныхчие, и тогда из спальников в постельничие пожалован сын его, Гаврило Иванович Головкин, в смотрение котораго вверена была и Мастерская палата. После назывался он *верховным комнатным*, а с 1709 году был канцлером. Жалованья денежнаго Ивану Семеновичу Головкину было 220 рублей, к чему в 1686 году для мирнаго заключения с Польшею учинена придача 65 рублей, а Гаврилу Ивановичу первой постельнической оклад учинен 280 рублей. Постельничие в первые времена в боярских книгах писаны ниже думных дворян, а в последние выше оных, но всегда ниже окольныхчих, ниже кравчаго и ниже казначея. Посему не сходно кажется, что некогда сравнивали постельничего понынешнему с обер-камергером, а спальников с камергерами.

Спальники были по большей части из комнатных стольников, коих государь изберет или жалует. Должность их была попеременно ночевать перед государевою спальною в передней. Естли то правда, что слышал я, якобы при пожаловании графа (а потом герцога) Бирона в обер-камергеры канцлер граф Головкин сказывал, что он в сем чину находился прежде, то надлежит оное разуметь о чине *верховнаго комнатнаго*, а не *постельничаго*.

7. Стряпчей с ключем

Знатной чин, но коего должность не описана. В Уложении, гл. XVIII, статья 57 напечатано: "которые грамоты и наказы в города посланы будут по челобитью крайчего, и постельничего, и стряпчего с ключем..."

8. Ясельничей

Ясельничей состоял в ведомстве конюшаго. А хотя имя не значит большой должности, но она в самом деле была велика. Подчиненным будучи, когда конюшей есть, был он сам собою, когда конюшаго нет, он правил Конюшенным приказом и всеми до онаго принадлежащими делами главным судьбою. Честь его была иногда с думными дворянами в равенстве, а по большей части ниже оных, но всегда выше стольников. Как великий князь Иван Васильевч I определил в 1496 году перваго конюшаго, так в следующий потом год велел быть и ясельничему. Федор Векентиев, Давид Лихарев, Григорей Афанасиевич Дровнин были один после другаго при сем государе ясельничими. При великом князе Василье Ивановиче был тот же Дровнин да Иван Иванович Суков, да Федор Семенович Хлопов. При царе Иване Васильевиче – Василей Григорьевич Дровнин да Василей Федорович Ошанин. При царе Феодоре Ивановиче, когда Борис Годунов был конюшим, ясельничаго никакого не было. А по

вступлении своем на царский престол определил Борис в ясельничие Михайла Игнатьевича Татищева, которой розстриго пожалован в окольничие. При розстриге ясельничим был Андрей Матвеевич Воейков. При царе Михайле Феодоровиче – Богдан Матвеевич Глебов, Иван Васильевич Биркин, Баим Федорович Болтин. При царе Алексее Михайловиче – Ждан Васильевич Кондырев, которой пожалован в думные дворяне и тогда несколько лет Конюшенным приказом правил стольник и московской ловчей Афанасей Иванович Матюшкин. Потом опять стали быть ясельничие: Иван Афанасьевич Желябужской, Федор Яковлевич Выше-славской. При царе Феодоре Алексеевиче Конюшенным приказом правил окольничей Иван Тимофеевич Кондырев, а в малолетие Петра Великого он же, Кондырев, которой в 1686 году пожалован в бояре, да с 1690 году окольничей Алексей Прокофьевич Соковнин. По сему явствует, что, хотя чин ясельничаго не весьма знатной был, но, однакож, многим знатнее, нежели та должность, с которою сие звание соединено ныне.

9. Ловчей и сокольничей

Два звания, которые часто в одной особе соединены бывали, как и ныне под именем егермейстера и обер-егермейстера не различаются. *Ловчие* были прежде сокольничих. Может быть, соколя охота позже государям употребительна стала. Упоминаются ловчие со времени великого князя Василья Ивановича с 1509 году. Первым был Михайло Иванович Нагой, вторым – Давыд Григорьевич Проестев. В малолетие царя Ивана Васильевича ловчим был Федор Михайлович Наумов, которой в 1539 году в окольничие произведен, а, однакож, при сей должности остался. С 1550 году упоминается *первый сокольничей*, который был и ловчим, – Иван Федорович Наумов, после коего был ловчей Григорий Дмитриевич Ловчиков, потом сокольничей и ловчей Иван Иванович Бобрищев-Пушкин да ловчей Иван Михайлович Пушкин. При царе Феодоре Ивановиче и при царе Борисе Годунове ловчим был Дмитрий Андреевич Замыцкой, с 1590 году сокольничей Иван Алексеевич Жеребцов. При розстриге ловчей был Гаврило Григорьевич Пушкин, сокольничей – Артемий Васильевич Измайлов. Сей пожалован вскоре потом в окольничие. При царе Михайле Феодоровиче сокольничей и думной дворянин Гаврило Григорьевич Пушкин, ловчей Иван Федорович Леонтьев. При царе Алексее Михайловиче ловчей Афанасей Иванович Матюшкин, который ведал и сокольничью охоту и по оной считался в любимцах сего государя, яко страстного сокольничей охоты любителя. Слабость здоровья царя Феодора Алексеевича, неспособность к таким забавам царя Ивана Алексеевича и рано оказавшаяся в Петре Великом к другим упражнениям склонность зделали сих чинов ненадобными, итак, больше их и не было. Хотя довольно было разных чинов людей, которые в ведомстве ловчаго и сокольничаго состояли, однакож особливаго такого приказа, как ныне есть Обер-егермейстерская канцелярия, не было.

Окромѣ главнаго ловчѣя, который обрѣтался при государѣ в Москвѣ и назывался ловчим *московскаго пути*, были такіе и по другим странам, например: *резанскаго пути* и пр. В боярской книгѣ 1616 году показано сокольничему Гаврилу Григорьевичу Пушкину жалованья 120 рублей, поместья не показано. Они состояли чѣстью выше стольников.

10. Дьяки и думные дьяки

Слово "дьяк" по-гречески значит *слугу* или *служителя*, а они служили пером, и служба их так была общая, что ни за которое дело приняться и никого ни в какую, хоть военную, хоть гражданскую, несколько важную посылку отправлять было без дьяка невозможно. Уповательно, неприлежность предков наших в довольном научении грамоты была к тому причиною. Чин необходимо нужный, приобретшій себе службою преимущественное в делах искусство, легко себе приобретает перед другими, меньше искусными, почтение. Дьяки не токмо в числѣ дворян по нынешнему разпорядку, но и выше жильцов прежних служб, которые были из дворян, почитаемы были. Лестница была такая: стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, жильцы, дети боярскіе.

Итак, не дивно, естли то правда, что много нынешних дворянских родов, как по прозваніям их заключают, произошли от дьяков, от чего, однакож, им, как предки их в толь великом почтении находились, и чести умаления быть не может.

Иностранные прежних времен писатели в путешественных своих описаніях о Россіи пишут о дьяках с толь великим почтением, что называют их *канцлерами*, следуя в том обычаем некоторых народов, называвших тогда и у себя писмопроизводителей судебных мест канцлерами, хотя в тех же судебных местах председательствовали или членами присудствовали особы гораздо вышшаго достоинства. *Канцлер* назван от *канцелярии*, канцелярии – от *решетки*, за которою писцы сидели, коими дьяки управляли⁴¹. Итак, в разсужденіи сего дьяки могли канцлерами называться. Но как от того столько зделалось бы канцлеров, сколько было дьяков, а дьяков было немало, то опять не сходствовало оно с обычаями других народов, у коих званіе канцлера дается одному токмо в вышшем суде председателю, который не определяется из писцов, приобретших искусство свое по одной практикѣ, но к тому требуется в юриспруденціи высокоученой человек, который по правам и законам не токмо своего государства, но и соглашая оныя с натуральным правом и с законами и обычаями других народов в случаях, где собственныя права не ясны и не достаточны, судить может. В таком разсужденіи дьяки, конечно, канцлерам не подобны были.

Однакож дьяки, в котором они приказѣ ни находились, Посольской приказ не выключая, без всякаго знанія других языков, не зная ни исторіи, ни географіи других народов и ни о каких науках понятія никакова не имѣя, исправляли свои дела по одному здравому разсудку нехудо. В исходе

прошедшего столетия, прежде как Петр Великий иностранные науки и обычаи ввел, писали дьяки так изрядно, складно, сладко, ясно и спокойно, что тогдашние приказные сочинения нам и ныне примерами служить могут, но и то правда, что простота в письме за 200, за 300 лет тому назад была чрезвычайная*. По знанию и искусству дьяков имели они великую силу во всех приказах, хотя б и знатнейшие особы там присутствовали. В каждом приказе при каждом судье был дьяк, в некоторых приказах два, три, смотря по множеству дел. Дьяки были судьям товарищи, иногда и сами были судьями. При посольствах дьяки, а не токмо дьяки, иногда и подьячие, были вторыми и третьими послами или, паче сказать, посланниками. По дьякам называются *подьячие*, которые в старину были трех классов: молодые, средние и старые. Из старых заслуженные и искуснейшие определялись в дьяки. Редко, чтоб кто из дворян желал быть дьяком, однакож были такие примеры. В 1644 году апреля 1 дня государь царь Михайло Феодорович пожаловал в дьяки из стремянных конюхов Якова Деева сына Пятова и указал его отпустить к Архангельскому городу. Приказной чин в старину был особливою, как и поповской, подобной середнему состоянию (Tierce Etat)^{42**} между дворянством и мещанством. Как скоро подьячей стал дьяком, то он стал по-нынешнему говорить дворянином и, как выше сказано, имел преимущество перед тогдашними служивыми жильцами, но ниже дворян московских. Когда дьяк произведен был в *думные дьяки*, то он стал и выше дворян, и выше стряпчих, и выше стольников, считался с *думными людьми*, яко член Верховнаго государеваго совета. Думные дьяки были ниже думных дворян, но часто произведены были не токмо в думные дворяне, но и в окольные. Боярской степени никто из дьяков, сколько мне известно, не достиг^{***}. Думные дьяки тем, что присутствовали в Государевой Думе, уподоблены бывали *статским секретарям* в других государствах. Другие уподобляли их нынешним *обер-секретарям сенатским*. Кажется, что были они статских секретарей ниже, а обер-секретарей выше. Они присутствовали также в некоторых больших приказах главными судьями. В Розряде всегда, даже до 1689 году, в исходе котораго Петр Великий самодержавное правление государства принял сам и определил Розряд ведать боярину Тихону Никитичу Стрешневу, как сказано выше. В Поместном приказе были думные дьяки потому ж, разве выключить, что в 1657 году присутствующей в том приказе думной дьяк Федор Кузьмич Елизаров пожалован в окольные, да и тогда в Поместном приказе главным судьей остался. В Посольском приказе были

* Далее зачеркнуто: Дьяки были неученые, но были ли судьи тогдашние их учнее? От того произошло приказное обыкновение делать выписки, якобы судье самому не должно было знать законов, по коим ему судить надлежит, надобно, чтоб подьячей или дьяк его извещал об оных. – *Ред.*

** "Третье сословие" (*фр.*). – *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: Дети достигли, да им не в пользу. Сказывают, есть старое примечание, что высокие чины в дьяческом отродине далее третьего колена наследственны не бывают. – *Ред.*

сперва дьяки, а потом думные дьяки до 1668 году. Тогда возвратившийся с польскаго мирнаго съезду боярин Афанасей Лаврентьевич Нащокин для его в посольских делах искусства определен был главным в Посольском приказе, за коим следовал в 1672 году думной дворянин, потом окошничей, потом боярин Артемон Сергеевич Матвеев. А как сей в 1676 году впал у царя Феодора Алексеевича в немилость, то сперва был думной дьяк Ларион Иванов, потом боярин Василей Семенович Вольтинской. В малолетие Петра Великаго был боярин князь Василей Васильевич Голицын. По нем думной дьяк Емелиян Игнатьевич Украинцов, в коего сидение в 1700 году посольские дела править вступил боярин Федор Алексеевич Головин. Украинцову придан титул *думнаго советника*. Он служил похвально и полезно, ездил послом в Константинополь и заключил мир с турками, учредил от Днепра с турками границу, произвел Шафирову, но не получил от него равномернаго благодарения⁴³.

Не могу я сказать точно, когда думные дьяки начались. Сие только известно, что бывшие еще при царе Иване Васильевиче славные дьяки Андрей да Василей Щелкаловы при царе Феодоре Ивановиче учинены думными дьяками, за коими потом последовали другие. При царе Борисе Годунове думной дьяк Афанасей Иванович Власьев ездил в Дацкуню землю для призыву царевне Аксинье Борисовне жениха, да он же послан был от розстриги в Польшу по Марину Сендомирскую, которая потому и приехала. При царе Михайле Феодоровиче упоминаются в 1616 году думные дьяки Сыдавней Васильев да Петр Третьяков, которые получали жалованья по 200 рублей в год. В 1647 году в числе думных дьяков печатник Федор Федорович Лихачев, да думных дьяков пять. В 1686 году думных дьяков девять и пожалованных вновь по 1690 год шесть, коим жалованье было 200, 250 и до 300 рублей, окроме придач.

В 1675 году пожаловал царь Алексей Михайлович в Дворцовой судной приказ в дьяки из дворян Василья Григорьева сына Пестрикова. В 1689 году 25 марта определен из дворян в думные дьяки Яков Аверкиев сын Кирилов. Бывало ли больше дьяков или думных дьяков, которые не произошли от подьячих, неизвестно. Но статся могло, что дворяне и дьяки назывались одним прозванием, хотя не были одной фамилии. Итак, нынешние прозвания о прозхождении фамилий не доказывают.

Не сумнительно, что при Петре Великом секретари вступили на дьяков место. Но, уповательно, сие учинилось не прежде, как при учреждении Правительствующаго Сената, разве в некоторых с 1700 году вновь учрежденных канцеляриях. В старых приказах дьяки, кажется, помалу вымерли, также и в городах, где воеводам были в товарищах. Чтоб старые желали переименоваться, сие не весьма вероятно. Я застал еще в Сибири в одном городе одного дьяка и одного секретаря, за одним столом дела секретарские отправляющих. Они споровались между собою о преимуществе. Мне казалось, что дьяк имел пред секретарем, хотя б по одному старшинству разсудить, больше правды. Он же ссылался и на то, что дьяки в старину в некоторых приказах сидели сами судьями, что при

посольствах назывались послами и посланниками, что чин их состоял выше дворянского и пр. Но секретарь за незнанием старых обрядов оному не верил. "А хотя б то и было, – сказал он, – времена переменялись, надобно, чтоб новой чин перед старым имел превосходство".

Когда дьяки производились из подьячих, а посредственных канцелярских чинов, по коим им произойти, яко ныне есть, тогда не было, но были только подьячие трех класов – старые, середние и молодые, – то, однакож, сей обряд произвождению их вдруг в чин такой почтенной, выше дворян, не мешал. Видно, что подьячие переводимы были из класса в класс по летам и искусству. Они имели довольно времени научиться всему, что к произвождению их потребно было. Старые подьячие уже умели исполнять в небытность дьяков их должность. Повытиями правящие сочиняли исходящие указы, грамоты, памяти, на которые при конце и подписывались тако: *справил имрек*, без упоминания чина. Из сих выбираны были в дьяки. *Справа* подьяческая называлась потом *припись*. От того произошли по городам наши подьячие с приписью, которые исполняют секретарскую должность*.

Письма в старину было меньше, да дела шли хотя просто, да с успехом.

Жалованье дьякам было от 80 до 150 рублей в год. В 1681 году послан был в Крым к Мурате-Гирею хану в посланниках с стольником с Назарьем Мельницким дьячим именем (в дьяка место) подьячей Федор Мартынов. За ту службу учинен ему, как в 1682 году в Москву возвратился, новичной дьячей оклад:⁴⁴ поместнаго 700 четь, денег 80 рублей. Ему же, также и посланнику, учинены и другия награждения.

11. Стрелецкие начальники

Стрельцами утвердил царь Иван Васильевич – учредитель сего войска – свое могущество. Стрельцами в малолетие Петра Великого приведено было государство ко краю своей погибели⁴⁵. Зброд людей без военной науки и без дисциплины, ко всяким вольностям привыкший, не мог себе приобрести почтения. Всенародное на них негодование простиралось и до их начальников. Сперва были стрелецкие головы, потом полковники, полуголовы, потом подполковники, сотники, потом капитаны. Не сомневаюсь, чтоб большая часть сих начальников не бывала из дворян, но из мелких, из убогих. Им дано государево жалованье и поместья. Кто прежде не был дворянином, тот по поместью стал таким и оставил дворянство своим детям в наследие. К тому же полковникам прибавилось именование *стольников*. Стрельцы после первого их бунта переименованы *надворною пехотою*, но не надолго. Они имели преимущество в

* Далее зачеркнуто: Итак, новыми посредственными приказными чинами, когда старые подьячие все тоже умели делать и делали, что дьяки, с умножением приказнаго письма токмо люди и чины умножены, а для произвождения в секретари только степени прибавлены. – *Ред.*

воинских походах подчиненным быть главному полководцу, а до вторых и третьих воевод не касаться. Полковничие места были прибыльные для вольностей, стрельцам позволенных и не позволенных. Но все было не действительно, чтоб прихотить честных родов особ к стрелецкой службе; бегал от того, кто мог, дабы своему роду не учинить безчестия. В свидетельство сему служат две челобитные, поданные в Розряде генваря 12 и февраля 25 чисел 1683 года двумя стрелецкими полковниками, которые в прошлогодний пред тем бунт в сей чин определены были неволею, и то были полковники стремянного стрелецкого полку, из всех лучшаго, главнаго, вернаго и в бунте не принявшаго участия. Для познания разсуждений тогдашнаго времени надлежит привести точныя слова сих челобитен.

1. Челобитная: "Царем, государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем, бьет челом холоп ваш Микитка Данилов сын Глебов. В прошлом государи во 190 году (1682) по вашему, великих государей, указу в смутное время взят я, холоп ваш, поневоле в полковники к стремянному полку. А впредь, государи, 190 году от выезда прародителя моего сродники мои Глебовы в таком чину не бывали. По вашей государской милости были сродники мои в послех и в рындах, и в полковых воеводах, и в ваших, великих государей, имянных посылках, и в ваших, великих государей, походех, у ваших государских знамен воеводами и в ясельничих. И ныне сродники мои по вашей, великих государей, милости в думных дворянх и в комнате, и братья мои меньшие ныне воеводами в ваших, великих государей, государских городех. Милосердные государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, за крови и за смерти, и за многие службы сродников моих, и за мои, холопа вашего, службишки, велите, государи, челобитье мое записать, чтоб, государи, нынешная моя полковническая служба мне, холопу вашему, и детишкам моим, и сродником и впредь от иных родов была не в упрек и не в укоризну, и с моею ровною братьею не в случай. Цари, государи, смилуйтея". На той челобитной помета думнаго дьяка Федора Левонтьевича Шакловитого: "191 году генваря в 12 день государи пожаловали, велели о том челобитье его записать и того чину, в которой он взят, впредь никому в упрек и в укоризну ставить, и тем его никому никогда безчестить не велели. Указ о том учинить в Розряде думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову с товарищи".

2. Челобитная: "Царем, государем... (как в первой) холоп ваш Акинфишко Иванов сын Данилов... В прошлом, государи, во 190 году по вашему, великих государей, указу взят я, холоп ваш, в полковники в неволе к стрельцам в стремянной полк в смутное время, как учинилося на Москве побиение бояром и полковником. И я, холоп ваш, вашему, великих государей, указу не преслушник. А у меня, холопа вашего, по вашей государской милости от выезда прародителя моего у стрельцов роду

моего не бывал никто. И я, холоп ваш, вашу государскую милостию воеводою не в одно время. Милосердные государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, челобитье мое записать, чтоб мне и сродником моим от иных родов ныне и впредь не в попрек и не в укоризну нынешняя моя полковническая служба была. Цари, государи, смилуйтеся". На той челобитной помета думнаго дьяка Федора Левонтьевича Шакловитого: "191 году февраля в 25 день государи пожаловали о том челобитье его записать в Розряде в книгу и впредь того чину никому никогда в упрек и в укоризну ставить не велели. Указ о том учинить думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову с товарищи". По пометам видно, что разсуждение двора с разсуждением челобитчиков несколько сходствовало. Такое войско, в коем презрительно было быть полковником, заслуживало, что Петр Великий оно уничтожил.

III. Выбрать доказательства на дворянство

Не уповательно, чтоб многие фамилии и из знатнейших имели о своем происхождении подлинныя и достоверныя доказательства. О владении своих земель или деревень иметь могут, естльи не очень древние. Чем старее какая фамилия и владение, тем меньше того требовать можно. Четыре естльи способа, коими дворяне свое дворянство доказывают: 1) родословная книга; 2) владение деревень; 3) служба предков и собственная; 4) дипломы.

1. Родословная книга

Ни которое государство не прославилось так надежным родословием знатнейших своих фамилий, как Россия. Родословная книга начата сочинением издревле и по всему виду гораздо прежде, нежели как московские государи Иван Васильевич I, Василей Иванович и царь Иван Васильевич местныя и удельные княжения под свою власть приводить начали. Она утверждена правительством, она пополняема была от государя до государя, но токмо последнее пополнение, которому быть было в малолетие Петра Великаго и для коего особливая комиссия определена была, за тогдашними безпокойствиями осталась без действия. Поданные тогда от многих родов поколенные росписи находятся и ныне в Розрядном архиве⁴⁶. Такая книга служит бесспорно к основательному показанию древности и происхождения тех фамилий, которые в ней писаны. Но не все писаны, некоторые и из знатнейших пропущены, чему разные причины могут быть: 1) что при первом сочинении и при следующих пополнениях родословной книги оные фамилии в Москве не были, служили местным и удельным князьям – тверским, ростовским, рязанским и пр.; 2) что в татарское разорение у некоторых фамилий родословные их росписи утрачены, но, однакож, знатность их происхождения из памяти их собратий не

угасла; 3) что от того же разорения пришли они в убожество и несколько сот лет якобы скрывались в небольших своих отдаленных вотчинах, пока случаем на позорище света опять возведены не были, пока знатность своего происхождения бесспорными доказательствами, пока сами своими к отечеству услугами себя прославлять и тем доводам своим больше важности придать не могли. Многие и из среднего дворянства имеют также свои за несколько сот лет поколенные росписи, но они не освидетельствованы, прежними государями не утверждены и, следовательно, в доказательство принимаемы быть не могут. От того при решении прежних местничеств и сие введено было правило, что *неродословному человеку с родословным не местничать*. Но за тем о происхождении их дворянском сомневаться не должно. Довольно, что за несколько сот лет одновременно своими за дворян были признаны, что их предки от государей, по свидетельству летописцев и розрядных записок, в знатных должностях военных, гражданских и посольских употреблены бывали, что владели землями и деревнями. Сии обстоятельства приняты быть могут в доказательство вместо признанных и доказательствами утвержденных поколенных росписей.

По моей исторической должности, с которою родословная наука весьма тесно и неразрывно соединяется, не могу я не желать прежней родословной книги безпристрастного чрез особливо на то определенную комиссию с достоверным разсуждением обновления и по нынешнее время обстоятельного продолжения, где бы и обойденные в прежней родословной книге фамилии с доказательствами по своим местам внесены были. Но тут бы не довольно одни писать имена и один мужеск пол, будто бы жены и дочери к фамилиям не принадлежали. При каждом имени надлежит приписать, сколько известно и сколько из летописцев и иных записок выбрать можно, год рождения, служба и в которых летах, кончина котораго году, супружества и от которой жены которые дети, сыновья и дочери, и которые дочери за кого и когда вышли замуж. Примеры тому дал я родословными описаниями княжеских фамилий Голицыных и Куракиных, также и фамилии графа Бориса Петровича Шереметева, которые напечатаны⁴⁷. По сим разсудить можно, не полезно ли то будет для истории и не похвально ли для России, что будет иметь родословную книгу, каковой ни которое государство не имеет, и за недостатком довольных родословных известий, коими Россия пред протчими государствами изобильна, иметь не может.

2. Владение деревень

По нынешним государственным учреждениям одни дворяне владеют деревнями, и, кто не дворянин, тот деревнями и ни коим недвижимым имением вне городов владеть не может. Из того следует, что, кто ныне владеет деревнями или в чьей фамилии по крайней мере владели деревнями до состоящих оных исключительных указов, тот сие владение в доказательство своего дворянства привести может. Когда прежние писцовые

книги учинены, также и при подушных переписях никому в том спору не учинено. Потому заключается, что сие доказательство принято за действительное и от правительств. В иностранных государствах нет запрещенія покупать недвижимое имение и недворянину⁴⁸. Выше объявлено, что государи Российские весьма часто деревнями жаловали комнатных своих служителей низкаго происхождения, которые чрез то соучастниками зделались детям боярским и с детьми боярскими равную же служили службу. От того же частию и произошло великое множество мелкаго дворянства.

При сем можно также рассуждение иметь о так называемых *однодворцах*, которые землями владеют безспорно, но без крестьян, почему *однодворцами* и называются. Оные поселились по большей части в Воронежской и Белгородской губерниях своею волею, когда оные места еще подвержены были частым крымских татар набегам. Может быть, в том числе находились и из мелкаго дворянства, также и из литовских пленников, царем Алексеем Михайловичем в Россию переведенных, в числе коих, без сумнения, были и многие из мелкаго польскаго шляхетства. Но как о своем дворянском и шляхетном происхождении при подушных переписях доказательств привести не могли, то они положены в подушный оклад, и из них формированы ландмилицкие, а потом гусарские полки. Естли недворянам никаким не владеть недвижимым имением, то и однодворцами землями владеть не надлежало бы, но как они до первой подушной переписи владели, потому те земли им в собственность и оставлены⁴⁹.

3. Служба предков и собственная

Разумеется, здесь служба офицерская и штаб-офицерская, которую Петр Великий по Табели о рангах указал зачесть в дворянство и в самое лучшее. О сем, хотя уже выше некоторые приведены примечания, но здесь еще одно о том рассуждение присовокупить не за излишно казаться может. В офицерские и штаб-офицерские чины жалуют многие правительства, а жаловать в дворяне – сие есть во всех народах преимущество одних государей. Посему Петр Великий в Табели о рангах в 16 пункте и написал: "понеже никому кроме нас, и других коронованных глав принадлежит, кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать..." и пр., а гербами жаловать инако не можно, как через дипломы, в которых гербы и изображены бывають. Из того, кажется, и заключить должно, что государево намерение было, ежели кто из недворян дослужил до офицерскаго или штаб-офицерскаго чина и тем зделался достойным быть дворянином, то таковой просил бы о дворянстве и о гербе у государя или у вышшаго правительства, на что ему и диплома дана будет, а до получения дипломы, хотя и то по Табели о рангах и право на дворянство имеет, однако дворянином называться, пока государское утверждение не воспоследует, не должен. Впрочем, утверждаясь на мудром великой монархии нашей положении в XIX главе Наказа о сочинении новаго

уложения, что есть три рода законов: 1) законы вечные, 2) учреждения временные, 3) указы случайные, разсудить можно, к которому роду законов оное Петра Великаго о офицерском и обер-офицерском дворянстве определение относимо быть должно⁵⁰.

4. Дипломы

Сие есть твердейшее и никакому сумнению не подлежащее на дворянство доказательство. Но в старину жаловать кого в дворяне чрез диплому в России было не употребительно. Петр Великий жаловал в князья, графы, бароны, а чтобы кого жаловал в дворяне, тому примера не имеем. Токмо в дипломе на дворянство, данном Акинфию Никитичу Демидову, написано, что государь намерение имел в дворяне его произвести, но учинить оное кончиною предупрежден был. Итак, императрица Екатерина Алексеевна I в 1726 году по тому исполнила. Сей, сколько известно, первой в России был пример пожалования в дворяне без чина. Потом дипломы даваны на дворянство и таким, которые по их чинам в силу Табели о рангах в числе дворян уже находились. По моему мнению, можно достойным и заслуженным членам общества довольствоваться и правами дворянства, самага дворянства не получив и не желая в ту меру, как во всей Европе сими правами пользуются. Ученые люди, академических градусов достигшие или в знатных ученых чинах состоящие, которые не мешаются с купцами, ремесленниками и всякаго низкаго состояния людьми, от чего бы для разпространения наук худыя следствия произойти могли и едва ли уже не происходят. Но пожаловать кого в дворяне, хотя по военным или по гражданским, или по ученым его заслугам, то легко понимается, что того чинить не должно, кроме за заслуги отличные, дабы число дворян через меру не умножилось, и от множества самое дворянство не пришло в презрение.

Также и не надлежит человеку нужному и безпоместному проситься в дворяне, частию для его самого, потому что он не находится в состоянии честно жить по-дворянски и обхождение иметь с дворянами беззастенчивое, частию же и для того, что детей своих по-дворянски воспитывать не может, на что требуется иждивение. Когда в других государствах дворянская фамилия пришла в упадок, бывало то, что дети, внучата, не могущие содержать дворянство, со стыда отдаляются от тех, коим род и состояние их известно, избирают себе другой род жития для честнаго своего пропитания, и приходят ли они сами, или их потомки опять в силу, то по их прошению получают обновление дворянской чести чрез дипломы, в которых оное потеряние и обновление дворянства именно и изображено бывает. В Англии государственным установлением предписано сколько кому, чтоб дворянином быть, с недвижимых имений доходу иметь надобно, коего кто не имеет, тот дворянином (по их Squire, Esuyer) не называется, а кто имеет, тот тем самым признается за дворянина, какого бы он состояния или природы ни был.

* * *

При заключении сих известий приведу я для любопытства 1627 году государское распоряжение, касающееся до числа казенных подвод, даваемых чиновным и всякого звания людем, когда для государственных нужд куды ездили. Из того явствует, в какой тогда каждой чин важности состоял, да усмотрится и то, что стольники, стряпчие, дворяне и жильцы на разные классы разделены бывали, о чем выше сего объявить забвением я пропустил. А хотя б я и желал, некоторые при том упоминаемые звания и должности изъяснить и описать, но архивы в том недостаточны, чего ради даю сие разпоряжение просто, но точными словами, как оное из записной розрядной книги 7135 году выписано: "135-го году марта в 8 день государь, царь и великий князь Михайло Феодорович всея Руси и отец его государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руссии указали: давать подводы влаstem и бояром, и окольныхчим, и думным и всяких чинов людем по своему государскому уложению – митрополитом по 20 подвод, архиепископом по 15 подвод, епископом по 11 подвод, бояром по 20 подвод, окольныхчим по 15 подвод, думным дворяном по 12 подвод, думным дьяком по 10 подвод, архимандритом по 9 подвод, игуменом по 5 подвод, стольником – 1 статье князь Миките Одоевскому по 10 подвод, 2 статье князю Василью Туренину по 8 подвод, 3 статье Исаку Погожему по 6 подвод, стряпчим – 1 статье по 6 подвод, 2 статье по 5 подвод, дворянином московским – 1 статье князю Ивану Катыреву по 10 подвод, 2 статье князю Алексею Долгорукому по 8 подвод, 3 статье князю Ивану Козловскому по 6 подвод, 4 статье Миките Лихареву по 5 подвод, 5 статье Юрью Редрикову по 4 подвод, ловчему московскому по 7 подвод, дьяком из приказов – Ивану Болотникову по 6 подвод, жильцом – 1 статье по 4 подвод, 2 статье по 2 подвод, головам стрельцким – Лукьяну Мясному по 6 подвод, дворяном из городов по 4 подвод, из городов же дворовым по 3 подвод, городовым детям боярским по 2 подвод, сотником московским по 4 подвод, головам стрельцким и казачьим из городов по 2 подвод, клюшником путным по 4 подвод, чарошником и стряпчим и векошником по 3 подвод, сытником и подключником по 2 подвод, стремянным конюхам по 3 подвод, конюхом же стряпчим и задворным по 2 подвод, толмачом по 3 подвод, переводчиком по 4 подвод, псовником по 4 подвод, охотником по 3 подвод, псарем конным по 2 подвод, а пешим по 1 подводе; трубником по 2 подвод, кречатником и сокольником и ястребником по 3 подвод, подьячим из приказов добрым по 3 подвод, 2 статье подьячим по 2 подвод, таможенным и кабатцким головам, которых посылают по городом, гостем – по 5 подвод, 2 статье головам, торговым людем по 3 подвод, целовальником по 1 подводе. И такова роспись по государеву указу за приписью думнова дьяка Федора Лихачова послана в Ямской приказ к боярину ко князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому да к дьяком к Ондрею Подлесову да к Петру Копнину".

Присовокупить к сему можно и следующий указ царя Феодора Алексеевича о езде по городу Москве: "190 году декабря в 28 день сказан великого государя указ боярам и окольным и думным людем в передней, а спальником в передних сенях, а стольником и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом на постенном крыльце таков: великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, велел вам сказать: указал он, великий государь, с сего времени впредь бояром и окольным, и думным людем ездить в городе или хто куда похочет в летнее время в коретах, а в зимнее время в санях, на двух лошадях. Бояром же в праздничные дни ездить в коретах и в санях на четырех лошадях, а где им доведетца быть на зговорех и на свадьбах, и им ездить на шести лошадях. А спальником и вам, стольником, и стряпчим, и дворяном ездить в зимное время в санях на одной лошади, а в летнее время верхами. А в коретах и в санях на дву лошадях вам никою не ездить". Таков великого государя указ за поме-тоу думного дьяка Василья Семенова вклеен в столб всяких дел.

Еще примечания достоин пример дьяка из дворян, о коем выше сего на своем месте не объявлено. Розрядная записка 158 году 12 сентября (1649) о том свидетельствует: "158 году сентября в 12 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руссии дьяк Ларион Лопухин, а в челобитной его написано: Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руссии бьет челом холоп твой Ларка Лопухин. По твоему государеву указу велено мне, холопу твоему, быть в дьяках з боярином со князем Алексеем Никитичем Трубецким, и ныне били челом тебе, государю, гости, чтоб написать в уложенную книгу их, гостей, наперед дьяков, а родители, государь, мои служили прежним великим государям искони в городе по выбору, а дед мой, Микита, при царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Руссии и блаженные памяти при отце твоем, государеве, при великом государе, царе и великом князе Михайле Феодоровиче всеа Руссии служил много лет по московскому списку и бывал на ваших государских службах с бояры и воеводы в товарищах, а отца моего царь Борис уморил безвинно в Лаишеве нужною смертью в тюрьме, а я, холоп твой, служил до дьячества в житье и по московскому списку лет с сорок и на многих ваших государских службах ранен многожды и изувечен до конца и бывал у ваших государских дел, а со мною бывали дьяки, и гость Анофрей Васильев послан со мною, холопом твоим, из Приказу Большие казны в Новгород и во Псков, да и ныне, государь, гости были из Приказу сыских дел от боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукова с Афонасьем Пашковым – Федор Юрьев, с Алексеем Мещериновым – Кирило Босой. Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руссии, пожалуй меня, холопа своего, не вели, государь, меня в уложенной книге такими затеснить и вели, государь, в уложенной книге меня, холопа своего, написать особно и от дьяков себе статью или от дьячества отставить. Царь, государь, смилуйся, пожалуй". А на челобитной его помета думного

дьяка Ивана Гавренева: "158 году сентября в 12 день государь пожаловал, велел челобитье его записать в Розряде и впредь ему того в бесчестие и в упрек и в случай, что он во дьяках, его братье дворяном и хто ему вверсту, не ставить, потому что он взят из дворян в дьяки по его государеву имянному указу, а не его хотеньем". Помета дьяка Григория Ларионова: "Сентября в 15 день против сего государева указу и против его челобитья в Розряде записать в книгу".

Из сей записки явствует три вещи: 1) при царе Алексее Михайловиче, когда сочинялось новое уложение, гости московские, то есть знатные купцы, в гостинной сотни записанные, искали преимущества над дьяками, по которому их желанию естли бы исполнилось, то все бы зделались дворянами; 2) Ларион Лопухин, вступив государевым указом в дьяческую должность неволею, сие себе почитал за унижение и своему дворянскому роду в бесчестие; 3) не одного то Лариона Лопухина, но всеобщее тогда мнение было, что дворянство якобы дьячеством уничижается. Того ради государь сию ему службу в бесчестие и в упреку другим его братьям дворянам ставить и не велел.

Ларион Дмитриевич Лопухин не остался долго в дьяческой степени. Он произведен был в думные дьяки и в думные дворяне. Он несколько лет имел в своем управлении Посольской приказ. Он был в Казанском дворце вторым судьей. Он оставил сына Леонтия в стольниках, которой в 1678 году был вторым судьей в Земском приказе.

[*Описание городов Московской провинции*]

1. Езда в Коломну

Получив от Государственной Коллегии иностранных дел и от Императорской Академии наук позволение чинить сего лета для поправления моего здоровья по городам и уездам Московской провинции разныя путешествия, причем, дабы время не проводить втуне, принял я на себя сочинить Московской провинции географическое описание, и прислан ко мне для вспоможения от Академии переводчик Александр Андреев, то, во-первых, за потребно я разсудил изпросить от его сиятельства главнокомандующаго в Москве генерала-аншефа, сенатора, ея императорскаго величества генерал-адъютанта, лейб-гвардии Коннаго полку подполковника и кавалера князя Михайла Никитича Волконскаго ко всем Московской провинции и оныя городов воеводам и воеводским товарищам и экономическим казначеям циркулярное предложение, дабы во время моего проезду по оной провинции чинили мне во всяких случающихся надобностях и по требованиям моим в делах, до моего сведения подлежащим, беспрепятственныя вспоможения, что от его сиятельства 30 мая 1778 года и получил. Да по предложению его же сиятельства дана мне от Московской ямской канторы от 3 июня по всем Московской провинции городам и уездам на восемь почтовых лошадей, а за неимением оных на уездных, подорожная, которую послал я объявить для подписания в государственной Камер-коллегии. Да от его же сиятельства испросил я трех человек солдат от Московскаго гарнизона, из коих оставил одного при доме моем, а двух взял с собою в дорогу. Итак, в первую поездку 3 июня о половине дня вместе с переводчиком Андреевым из Москвы отправился.

Сие первое мое путешествие было по вотчинам его сиятельства господина обер-камергера и кавалера графа Шереметева, даже до города Коломны и несколько далее, а оттуда назад до Москвы по следующим трактам.

Сперва поехал я через деревню *Хохловку* и село *Карачарово* к шереметевскому селу *Кускову*, что от Москвы в 8 верстах. Здесь граф Петр Борисович тогда обретался сам, приехав туды за день перед тем на летнее жилье из дальних его вотчин. Не доехав до онаго за три версты, по левой стороне дороги есть село *Перово* с рощею того же имени, принадлежащее зятю графа Петра Борисовича господину камергеру графу Алексею Кириловичу Разумовскому. *Кусково* есть старое владение фами-

лии Шереметевых и главное жилище летнее его графского сиятельства, весьма достойное примечания для преизрядных там строений и во оных уборов, для саду, оранжерей, пруда, зверинца и пр., что все изчислить нынешнее мое намерение не дозволяет.

Отобедав у графа Петра Борисовича и испросив себе от его сиятельства одного из его гусар в проводники, вступил я в 4 часу пополудни в дальней путь свой.

Люберицы – дворцовое село с садом в 16 верстах от города Москвы, которое принадлежало в свое время князю Меншикову, при коем переименовано было *Новым Преображенским*¹. Петр III, будучи великим князем, застроил там полаты, но не довершил. Оставшиеся от сего строения материалы – белой камень и железо – употреблены в 1765 году к строению Воспитательного дома в Москве². При полатах есть большой сад, а при саду несколько казенных садовников, состоящих в ведомстве *Коломенского* дворца, до которого почитается от сего села толикое же расстояние, как и до Москвы. Две того же ведомства деревни – *Люберицы* и *Панкина* – по обеим сторонам полат и сада с приезде и при выезде считаются одним приходом и имеют в Панкине общую церковь, потому что они к полатам ближе.

Островцы – деревня графа Шереметева в 27 верстах от города Москвы. Здесь переменили лошадей. Отъехав от Островцов 1 версту, имели речку Москву в виду. Имя же Островцов от чего, никто изтолковать не мог. Островов на Москве-реке в близости не объявляют. По левой стороне дороги в некотором расстоянии течение имеют речка *Пехорка*, на которой многия помещицы деревни, между коими в наилучшем виде представляет село *Пехорское* тайного советника и сенатора Михайла Михайловича Измайлова.

Проехали устье речки *Пехорки*, которая впадает с левой стороны в реку Москву. Устье оной принадлежит графу Петру Борисовичу, где и есть преизрядная его сиятельства мучная мельница о 12 поставах, приносящая до 1500 рублей годового дохода, потому что сия речка во весь год водою изобильна. Другая, недалеко от оной, мельница его же сиятельства на речке *Малаховке* о 6 поставах платит не больше как по 150 рублей в год оброку.

Доехали вечером поздно до села *Маркова* в 25 верстах от Островцов, где и ночевали. Здесь есть на левом берегу Москвы-реки увеселительной и многими картинами украшенной дом графа Петра Борисовича, служащей наиболее в осеннее время к пребыванию его сиятельства для звериной охоты. Большая церковь каменная во имя Казанской Пресвяты Богородицы с пятью приделами стоит близ господского дому³. Окололежащая страна населена деревнями. Сия вотчина досталась графу по наследству от покойного тестя его князя Алексея Михайловича Черкасского. На здешнем берегу Москвы-реки находились иногда окаменелые вещи – мадрепоры, но ныне оных не видно. Старанием его сиятельства учрежден против сила Маркова весьма способной через реку Москву

перевоз на плоту, на коем я 4 июня поутру переправился, а оттуда продолжал свой путь Коломенским уездом.

В 4 верстах от Маркова ехали мимо села *Бронниц*, где есть казенной коневой завод на правом берегу Москвы-реки и для лошадей находится там каменное строение.

Потом следовали по пути вотчины графа Петра Борисовича Шереметева: 1) *Амирово* – село в 17 верстах от Маркова, 2) *Мещерино* – село в 13 верстах от *Амирова*, к коим принадлежит еще село *Чиркино* в 5 верстах от Мещерина в правую сторону и село *Рандыри* в двух верстах от города Коломны. Вся сия вотчина принадлежала прежде боярину *Василью Борисовичу Шереметеву*, которой при смерти своей отказал оную боярину, а потом фельдмаршалу графу *Борису Петровичу Шереметеву*, отцу графа Петра Борисовича. Он же, боярин Василей Борисович, жительство имел в селе *Чиркине*, где скончался и погребен. Но ныне главное место сей вотчины есть село *Мещерино*, где фельдмаршал в 1719-м году построил большой каменной дом, да при оном деревянной преизрядной в 1770 году графом Петром Борисовичем, потому что его сиятельство иногда и там в осеннее время звериною охотою забавляться изволил. Там же есть и большая каменная церковь изряднаго и не староманернаго строения, которая, ежели по внешнему виду рассуждать, может стать, прежде каменнаго дому, но оным же фельдмаршалом графом Борисом Петровичем построена.

Отсюда можно бы было тем же днем на переменных лошадях доехать до города *Коломны*, но дорожная коляска требовала некоторой починки, для которой здесь переночевать принужден был. Положение села *Мещерина* есть на речке *Северке*, впадающей в реку Москву в 7 верстах от города Коломны.

По дороге от Мещерина до города Коломны нет никаких сел ни деревень. Расстояние считается в 24 версты. От Москвы до Коломны везде ровныя хлебородныя поля, но не везде по надлежащему обрабатываются и местами лесом скудны. Пред въездом в город переехали по мосту чрез речку *Коломенку*, которая, как видно, по городу прозвана, а от чего город имянован и когда построен, ни по летописцам, ни по преданию неизвестно. Догадка некоторых, якобы от приезжих италианцев фамилии *Колонны*, ни на чем не утверждается.

Приехал я в Коломну 5 июня перед полуднем. По знакомству с воеводою коллежским советником *Петром Феодоровичем Жуковым* за первой долг я признал, чтоб с ним увидеться и от него вспоможения в моих делах изтребовать. После полудни того ж числа поехали мы вместе к преосвященному епископу коломенскому *Феодосию*, живущему в загородном его доме *Подлипках*, что при речке *Коломенке* в двух верстах от города. Его преосвященство архипастырь преизрядных качеств, довольно учен и всем городом любим. Он нас принял с отменным благоволением и приглашал нас к своему столу, в которой день мне будет свободно, на что я и согласился. Архиерейской дом в городе при соборной церкви сгорел в

прошлом, 1777 году в день Вознесения Христова и ныне опять строится, на что от всемилостивейшей государыни пожаловано 12 000 рублей на разныя потребности⁴. Позади архиерейскаго загороднаго дома лежит деревня *Подлипки*, а супротив оной при речке Коломенке село *Городище*, котораго звания причину жители коломенские изъяснить не знают.

Епископ, услышав от меня, что я желаю обозреть все околичности города Коломны, а в том числе и *Голутвин* монастырь, что не в дальнем расстоянии от устья Москвы-реки, изволил меня туда проводить в своей карете. Приняты мы были благочинно от тамошняго архимандрита *Арсения*, которой водил нас по всему монастырю и в одной церкви показал посох св. *Сергия Чудотворца*, перваго основателя сего монастыря, из простаго дерева, с деревянною же прямою клюкою, и весь притом черной⁵. Мы поехали до устья, которое от монастыря с версту, а от города до монастыря считается 5 верст. Все тамошня места вешняя вода почти до монастыря понимает, отчего везде голой песок и травы мало, а в старину, сказывают, был там густой лес, в котором до состроения монастыря жили разбойники, и от того произошло имя *Голутвин*, а имянно от голудбы, то есть от сонмища *людей голых*, не токмо ничего собственнаго не имеющих, но и в нужнейшем одеянии претерпевающих недостаток. В монастыре 3 церкви каменных: 1) Богоявления Господня, по которой и *Богоявленским*, но с прибавлением звания *Голутвин* называется, 2) Николая Радонежскаго чудотворца, 3) На Святых Вратах Введения во Храм Пресвятыя Богородицы. Кельи и ограда каменные; при монастыре сад с плодovitыми деревьями⁶. Тут же живут и разных ремеслов мастеровые люди для монастырской потребы. При наступлении вечера преосвященный епископ проводил меня в город до моей квартиры и, посидев немного у меня, возвратился в свой загородной дом.

На другой день (6 июня) поехал я с воеводою к селу *Дединову*, лежащему на реке Оке в 25 верстах от города Коломны вниз по реке на левом берегу. При оном селе изстари строятся струга для водянаго ходу по рекам. Во время же государствования царя *Михайла Феодоровича* строили там корабль для голстинскаго в Персию посольства и повелением государя царя Алексея Михайловича состроен корабль "Орел", созженной при Астрахане *Стенькой Разиным*⁷ (сии произшествия по Описанию Каспийскаго моря, мною сочиненному, известны⁸), да, уповательно, там же построен и ботик, *Петром Великим "дедом Российскаго флота" названной* и хранящийся с 1723 года в Санкт-Петербурге⁹. Толь достопамятныя обстоятельства, без сумнения, могут прославить место, которое и кроме того по разным причинам внимание заслуживает. Оное было изстари село дворцовое, снабдевавшее двор рыбою, в разсуждении чего по данным оному грамотам жители и пользовались необычайными рыбными ловлями, но с 1762 году всемилостивейшею государынею пожаловано господину генералу-порутчику и кавалеру Михайлу Львовичу Измайлову, отчего доходы его, по малой мере, до 6000 рублей умножились. 6000 рублей говорю

потому, что жители так объявляют, но кажется, что толь важное место больше доходу в год приносить должно. Пространство села *Дединова* занимает 5 верст вдоль по реке *Оке*; ко оному принадлежит приселок *Клин* в разстоянии от крайних дединовских жилищ на 5 верст вниз по реке *Оке*, при устье реки *Цны*, Володимирской уезд от Коломенского разделяющей. В обоих находится по подушному числу 2398 человек мужского пола и 2460 женского. Пахотных земель жители не имеют и ни на десятину для скотского выпасу: околележащие поля принадлежат разным помещикам. Но по другой стороне реки *Оки* даны им луга в Зарайском уезде, коими скот свой содержат. Конечно, первые поселяне не справились с высотой берегов, не потопляются ли иногда вешнею водою? Потопляются всякую весну на шесть недель, а иногда на два месяца. И тогда жители в домах своих сидят праздну и другаго сообщения один с другим, кроме что в лодках, не имеют. На одном месте, что есть верхняя половина села, есть 3 церкви (а церкви все каменные, теплыя и довольно пространныя): 1) Воскресения Христова с приделом Иоанна Предтечи, 2) Рождества Богородицы с приделом Трех Святителей, 3) Петра и Павла. В нижней половине – церковь Св. Троицы с приделами Успения Богородицы и Николая Чудотворца. При сей церкви хранится образцовый струг, *Петром Великим* жителям данный, дабы оному в строении судов последовали. Последуют ли? Сего заподлинно сказать нельзя. Сказывают, что ежедневное искусство произвело некоторую и в сей науке перемену. Леса на струговое строение получают они по рекам *Цне* и *Угре*, которые единственно в сей стране еще лесами изобилуют. Оные же реки им и пределами рыбной ловли по реке *Оке* предписаны, коими, однакож, с того времени, как рыбу ко двору не ставят, мало пользуются. Разсуждая по справедливости, требование их, коих всех жителей верховых мест, даже до *Угры* по реке *Оке*, от рыбной ловли исключить желают, с того времени, как причина отменилась, некоторой перемене подвержена быть может. О реке *Цне* должно примечать, что есть и другая того же имени, которая впадает в *Оку* с правой стороны от города *Шатица*, а *Угра* впадает в *Оку* с правой же стороны по течению реки *Оки* ниже *Калуги*. Струги, в *Дединове* строящиеся, ходят по всей реке *Волге*, даже до *Астрахани*, с хлебом и товарами, а по *Оке* порозжие до *Орла*, где нагружаются хлебом для отвозки в *Москву*.

Проехали по дороге до *Дединова* вперед и назад. Едучи: в 15 верстах от *Коломны* село *Карачеево* княгини *Анны Егорьевны* Грузинской, вдовы царевича *Бакара Вахтангеевича*, где ломают хорошей известной камень, которой употребляется также на бут в строениях. К вечеру возвратились в *Коломну*.

7 числа обедали у преосвященного *Феодосия* в *Подлипках*, угощены будучи весьма приятно.

8 числа июня остался я дома для записки путевых моих примечаний.

9 [числа]. Услышав, что в 5 верстах от города по зарайской дороге при

деревне *Протопоповой* на берегу реки Оки есть каменная ломка, которую обозреть не без пользы будет, поехал я туды, но камень не иной, как которой уже описан при *Карачееве*. Такие камни, сказывают, есть во многих местах Коломенского уезда, чего ради об оных упоминать впредь за излишно почитаю.

Господин воевода, похвалив мне сад при селе *Северском* господина полковника Петра Ивановича Измайлова, лежащее на устье реки *Северки* в 7 верстах от города Коломны, яко вещь, примечания достойную в сей отдаленности, мы 10 июня, в воскресенье туда поехали. Сад сей подлинно для Коломны удивления достойный. Впрочем, плодовитых садов в Коломне и около сего города везде много, от которых жители и немало доходу получают. Особливо хвалят коломенские яблоки, яко величиною и вкусом прочия превосходящия.

11 июня был я в здешних двух монастырях: *Брусенском* девичьем и *Спаском* мужском, но ничего особливаго не приметил и о строении их известия не получил. Того ж и 12 чисел осмотрел я разныя фабрики здешних жителей – суконныя, шелковыя, кумачныя и при оных красильны. Сукна делают больше салдатския по 58 коп. аршин, шелковыя штофы с травами на обои и гладкия гродетуры¹⁰, и толстыя тафты, и платки в 2 рубли и дороже, легких не делают для размножения в Москве фабрик, которыя свое рукоделие дешевле, как настоящие фабриканты, продавать могут. Кумачи ткут почти лучше астраханских и светлее краскою, продают также и бумажную пряжу крашеную на потребу крестьянских баб, вышивающих оною свою одежду. Нитки белыя бумажныя приходят из Оренбурга дешевле, нежели здесь прясть могут. Здешняя морена (коренье, в красную краску употребляемое) сочная, толще и, следовательно, лучше той, что для пробы выписали из Царяграда. Из здешних фабрикантов первые Демид да Иван Демидовы дети Мещаниновы, из коих первой живет в Москве, но здесь фабрику суконную имеет. Другой – первостатейной здешней купец и бургомистр, коим заведено здесь делать кумачи. Он же и ситцевую фабрику завел было, но для переменнаго часто вкуса в травах оставил. Сергей Сидоров сын Попов – первостатейной здешней купец – имеет шелковую здесь фабрику, но по большей части в Москве пребывание имеет.

13 июня приготовился я к возвратному пути в Москву, простился с архиереем и с воеводою и ездил для осмотра некоего малаго монастыря за рекою Москвою близ города, о коем записал следующее: *Бобринев* монастырь лежит в двух верстах от Коломны не при самой Москвереке, но при озерке в приятной равнине, между пахотных полей, со всех сторон в виду на многия версты. При монастыре деревня *Бобрюхина*, состоящая по ревизии из 93 душ мужескаго полу. В монастыре две церкви каменные, одна большая новаго здания во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, другая старая, малая, Вход Спасителей во Иерусалим. Ограда и кельи деревянные, а когда построены монастырь и церкви, о том известия нет¹¹. При новом распределении 1763 году остался оной за шта-

том на собственном содержании, а церкви стали быть приходския. Оставлено во владении монастырском несколько пустошей, которые отдаются в наем, от чего строитель и три человека монахов пропитание имеют и церковное строение исправляют. Большая церковь покрыта сего лета вновь, кельи перестраиваются; строитель – человек старательной и разумной.

Возвратной путь из Коломны в Москву

Отправился я из Коломны 14 июня по обыкновенной большой дороге, по которой считалось прежде 90, 93, 95, а ныне считается 100 верст. От коломенских же жителей – 101 верста. По оной дороге определены для перемены почтовых лошадей две станции: *Ульянинова* и *Островцы*, обе помещичьи деревни, а последняя графа Шереметева, и притом та самая, где я, едуци из Москвы, переменил лошадей. В каждой стоят по 16 почтовых лошадей.

От Коломны до Ульяниновой считается по прежней верстовой росписи	32
по нынешней	34
От Ульяниновой до Островцов	38
по прежней* росписи	39
От Островцов до Москвы по прежней росписи	25
по нынешней	27

Итого: 95–100 верст

Дабы не иметь никакой остановки, ниже привязанности к почтовым станам, чтоб можно свободно было остановиться, где захочется, или и переночевать, где вовсе перемены нет лошадям, нанял я в Коломне непременных до Москвы лошадей и порядком дешевле указных прогонов. В сей дистанции паче всего примечания требует село *Бронницы* для имеющагося там казеннаго конскаго заводу и приписаннаго к оному заводу дистрикта. Сие село лежит на правом берегу Москвы-реки при большой дороге в 14 верстах от Ульяниновой, а от Коломны в 48 верстах. Конюшня устроена в четырех каменных палатах на 300 лошадей, которое число не всегда в полном количестве. Жеребцы разных пород держатся в стойлах, а кобылы ходят по околележащим лугам, на коих и сено косят с великим изобилием. По четвертому году лошади посылаются в *Пахрино* – такой же конской завод при реке *Пахре* в 30 верстах от Бронниц, – где им чинится разбор для предбудущаго употребления. Начало сего завода неизвестно. Говорят, будто от князя Меншикова. Правда, что князь Меншиков оным владел, но первое учреждение конских заводов в России должно приписать царю *Алексею Михайловичу*, о коем известно, что хороших коней чрезмерно любил, почему, вероятно, кажется, что как Бронницы, так и Пахрино от сего государя состроены¹². Каменные конюшни в Бронницах

* В рукописи описка; должно быть "по нынешней". – *Ред.*

построены во время государственования императрицы Елисаветы Петровны. Над заводом управитель из штаб-офицеров, зависит от Московской конюшенной канторы.

При заводе всякую работу исправляют жители села Бронниц и прочих ко оному приписанных сел и деревень крестьяне, по последней ревизии из 1047 душ состоящие. В Бронницах две церкви каменные: 1) Михаила Архангела, 2) Ивана Милостиваго с приделом Николая Чудотворца. Прочие к Бронницам приписные села называются *Велино* да *Борцево*, окроме двух деревень – *Морозовой* и *Колупаевой*, из коих последняя лежит за рекою Москвою, но все от села Бронницы не в дальном разстоянии. К сему заводу принадлежала прежде и *Гвоздинская волость* Московскаго уезда, рекою же от Бронниц отдаленная, но сие назад тому несколько лет отменено.

В Бронницах я ночевал. Оттуда в 6 верстах следует село *Кривцы*, при реке же Москве лежащее, коим Коломенской уезд граничит с Московским.

От Кривцов в 19 верстах есть чрез реку Москву мост, из плоченных бревен сделанной (по здешнему: живой мост), с названием *Боровицкой*, чаятельно, для того, что в давния годы был около сего места при реке Москве *бор* или *лес*, коего ныне уже следов нет. Оной так сделан, что для проезжающих стругов ярус бревен вынимают и опять сплавивают. Сим мостом переехал я через реку Москву. Оттуда лежит дорога в разстоянии от мосту в 5 верстах к шереметевской деревне *Островцам*, где есть почтовый стан. Но я, желая видеть находящуюся выше моста в версте ломку белаго камня, употребляемаго в Москве на строение, велел туды меня повестъ, и оттуда прямо к Москве. *Белой камень* ломается по обоим берегам реки Москвы при двух селах – *Верхняго* и *Нижняго Мячкова*, коих жители за свою собственность оной почитают и никому иному добывать не дозволяют, почему и называется *мячковским*. Село *Верхнее Мячково* лежит на левой стороне, а *Нижнее* на правой, не на самых берегах, но в небольшой от оных отдаленности, один от другаго в виду. Камень сей из числа известных способен к добыванию и тесанию. В земле он бывает несколько мягок, а от воздуха крепнет. Верхняго слоя камень крепчае нижняго, но от воздуха разседается и за тем в дело негоден. Он же желтоват и известных частиц в нем мало. Из прямаго белаго выходят большия камни на могилы, а употребляемая на строение бывають длиною в три четверти и в аршин, шириною и толщиною в четверть и в шесть вершков, меньшия куски употребляются в бут и в известь, которая сжигается там же. Фигурных и окаменелых вещей в камнях сказывають, что никаких нет. Для избежания замешательства в именах наминается, что есть и другое село *Мячково* не в дальном разстоянии от Коломны, но при оном каменной ломки не имеется.

Когда я хотел от Мячкова прямым путем ехать в Москву, то извозчики сказали, что, хотя и есть прямая дорога, по которой возят в город камень, но она тесна и коляскою проехать не можно; посему я принужден был

возвратиться к мосту, откуда ехал мимо *Островцов* и, не занимая *Кусково*, мимо *Вешняковой*, его же сиятельства графа Шереметева по имеющейся в ней каскаде достопамятной деревне, и по-прежнему чрез государевы деревни Карачарово и Хохловку приехал назад в Москву 15 июня около полудни во всем благополучно.

2. Описание Коломны

Коломна — город Московской губернии, расположен на правом берегу реки Москвы почти в 5 верстах от ее впадения в Оку; причина названию, равно как и возраст города, неизвестны. Когда утверждают, что маленькая речка Коломенка, впадающая у города в Москву, возможно, и передала ему свое имя, то представляется, что Коломенка не могла иметь оное до основания города, следовательно, река получила название от города, а не город от реки. Существует также род судов, называемых "коломенки", посредством которых на реке ведется торговля. Имя свое они, вероятно, носят по причине той, что изначально и преимущественно их строили в Коломенском уезде, как и поныне заведено в Дединове, хотя впоследствии строительство их и употребление распространилось по всей России, вплоть до Сибири. Труднее объяснить, отчего местность в Петербурге называется Коломна. Я справлялся о сем, но удовлетворительного объяснения не получил. Хотя литовские историографы числят среди предков своих прежних великих князей итальянский дом Колонна, от коего некоторые выводят и название города Коломна, то такое пустое, ничем не доказуемое измышление не заслуживает уважения.

Когда и кем был основан город, о том в русских летописях ничего не находим. Первое упоминание о нем имеется под 1234 годом при описании нашествия татар на Русь¹. 1 сентября Коломна была взята ими приступом, разорена и сожжена. В 1353 г. в Коломне уже был епископ по имени Афанасий. С тех пор и по сей день в Коломне свой епископ, кроме тех лет, когда епископство преобразовывалось в архиепископство, как то обыкновенно происходило. В 1364 г. в Коломне, как и во многих иных местах, свирепствовало моровое поветрие, отчего умерло много людей.

В сем городе в 1365 г. великий князь Димитрий Иванович, получивший впоследствии прозвание Донской, вступил в брак с Евдокией, дочерью великого князя суздальского Димитрия Константиновича.

Коломенские рати упомянуты под 1369 г. вместе с московскими и дмитровскими, кои бились на стороне великого князя Димитрия Ивановича против великого князя литовского Ольгерда. Князь Владимир Андреевич, племянник великого князя Димитрия Ивановича Донского, в 1374 г. повел выстроить в Серпухове деревянный замок; при сем летописец заметил, что случилось это в вотчине князя, Московской земле и Коломенской. Из сего, однако, нельзя еще заключить, что Москва и Коломна принадлежали князю Владимиру Андреевичу. В разных опубликованных духовных грамотах великого князя Димитрия Ивановича видим, что Коломна не

только никогда не передавалась в удел, но, паче того, в завещании города великим князем старшему сыну, Василию Димитриевичу, содержалось намерение сохранить оный как великокняжескую вотчину.

На сей земле, и особенно в долине речки Северки, собирались ратники для отражения частых набегов татар. Свидетельством тому являются известия о походе великого князя Димитрия Ивановича Донского на татарского хана Мамай. Было то в 1380 г. Поход и победное возвращение проходили через Коломну*.

В 1382 г.** хан Тохтамыш совершил свой ужасный набег на Русь. Особенно претерпела Коломна при его отходе***. Другое нападение, к которому жители совсем не были готовы, приключилось от князя Олега Рязанского в 1385 году. Великий князь**** в замирении с рязанским князем прибег к помощи знаменитого настоятеля Сергия*****. В 1398 г. великий князь Василий Димитриевич находился в Коломне, когда великий князь литовский Витовт (польские повествователи называют его Витольд) вел войну с Рязанским княжеством. Дочь Витовта, София, была женой Василия Димитриевича. Витовт посетил его в Коломне, был радушно принят и щедро одарен*****.

В 1423 г. великий князь Василий Димитриевич снова был в Коломне, в то время как его супруга навещала отца в Смоленске.

В междоусобную войну великого князя Василия Васильевича с дядей, князем Юрием Димитриевичем, к 1433 г. под властью великого князя ничего более не оставалось, кроме сего города. Но только обстоятельства переменились, и Василий вновь получил великое княжение. Коломна же, напротив, на малое время была назначена местом заточения сына князя Юрия, который в 1446 г. отомстил за то великому князю жестоким способом, оставившим последнему прозвище Темный².

Великое несчастье постигло Коломну в 1439 г., ибо хан Махмет³,

* Далее зачеркнуто: Тогда, в 1380 году, тамошний епископ звался Герасим. Он упомянут при описании похода и, пространнее, победного возвращения князя, бывшего в Коломну 21 сентября и расположившегося здесь на несколько дней. — *Ред.*

** В рукописи ошибочно: 1383 г. — *Ред.*

*** Далее зачеркнуто: Епископ Герасим спасся бегством в Новгород. — *Ред.*

**** Далее зачеркнуто: бывший тогда в затруднении. — *Ред.*

***** Далее зачеркнуто: Сей поступок новгородцы сочли призранием достойным и отказались платить великому князю дань.

Весной 1386 г. Коломна получила нового епископа — архимандрита владимирского Павла, после смерти за год до того Герасима. — *Ред.*

***** Далее зачеркнуто: С преосвященным собором русского духовенства 1401 г. в Москве связано упоминание епископа коломенского Григория, преставившегося в 1405 г. Ему наследовал в 1406 г. епископ Илларион, а оному в 1409 г. — епископ Амвросий. В 1449 г. при описании поставления в митрополиты Ионы находим на сем месте епископа Варлаама, а в 1461 г. его сменил Геронтий. Оный в 1473 г. стал московским митрополитом. Место его занял епископ Никита, который умер в 1480 г. и имел преемника игумена Пафнутиева монастыря Герасима Смердкова. Оный умер в 1489 г. На его место в 1490 г. пришел игумен Угрешского монастыря Авраамий, в 1502 г. скончавшийся, после чего епископом стал Никон, игумен Павловой пустыни. — *Ред.*

подступив к Москве и не достигнув чаемого, по возвращении обрушил всю злобу на беззащитную округу. Город был сожжен, а большинство жителей вырезано.

Во время татарского нашествия 1480 г., когда река Угра отделяла неприятеля от Русских дружин, великий князь Иван Васильевич с 23 июля по 30 сентября находился в Коломне.

Последний раз Коломна подверглась вражескому нападению в июле 1523 г. Свирепые орды стеклись от берегов Волги и из Крыма, застали врасплох несчастных жителей сей местности и увели с собою множество пленных. Дабы уберечь Коломну от подобного разорения в будущем, великий князь Василий Иванович в 1525 г. повелел окружить часть города каменной стеной. Оное событие в наше время ложное толкование получило, будто бы именно тогда заложен был город Коломна. О сем можно прочесть в топографических известиях, напечатанных в 1771 г. обеими Академиями наук на русском языке⁴. Виной сему недоразумению послужило двойное значение слова "город". Желая знать возраст города, получают ответ о возрасте каменной крепости*. С тех пор Коломна более не подвергалась нападениям неприятеля. Последующее описание раскроет нынешнее состояние города.

* * *

Окруженная каменной стеной часть города Коломны первой встает на пути, как только переезжаем мост через Коломенку. Дорога идет за ворота под башней-стрельней по узким, темным улицам, к неудобству которых должно привыкнуть, затем чтобы находить оные хотя бы по малой части сносными. Стена не имеет правильного очертания, но размеры пространства, заключенного в ней, придупреждая вопросы, следует указать. Длина стены 980, а ширина 815 сажень. Стена примечательна обилием башен, однако, помимо того, не обведена ни валом, ни рвом. Внутри стоят 5 каменных церквей: 1) Соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы, 2) Тихвинской Богородицы, тоже соборная, для зимних служб, 3) Воскресения Христова с приделами Космы и Дамиана, 4) Николая Чудотворца с приделами Пресвятой Богородицы и Всех Скорбящих, 5) Воздвижения Креста Господня с приделом Николая Чудотворца.

Подле первой соборной церкви отстроены архиерейские палаты, сгоревшие два года назад. Там имеется еще одна каменная церковь Живоначальной Троицы. Далее, в пределах крепостной стены расположен небольшой женский монастырь — Брусенской, с одной каменной церковью Успения Пресвятой Богородицы и двумя приделами: Казанской Богородицы и Иоанна Златоуста. За стеной, в предместьях, насчитывают 9 каменных и 2 деревянные церкви, а именно, каменные: 1) Архангела Михаила с приделом Трех Святителей, 2) Иоанна Богослова с приделом Иоанна Воина, 3) Покрова Пресвятой Богородицы с приделом Григория Богослова,

* Далее зачеркнуто: Она воздвигнута в августе 1530 г. — *Ред.*

4) Воскресения Христова с двумя приделами — Иоанна Богослова и Николая Чудотворца, 5) Рождества Христова, 6) Воздвижения честного креста с приделом Великомученика Никиты, 7) Богоявления Господня, при которой стоит старая деревянная церковь, 8) Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, 9) Вознесения Господня с приделом Великомученицы Екатерины; деревянные: 1) Алексея, Человека Божия, с приделом Великомученицы Параскевии, нареченной Пятницы, 2) Симеона Столпника. Сверх того, имеется мужской Спасский монастырь с тремя каменными церквями: 1) Преображения Господня, 2) Происхождения Честных Дев, 3) надвратной — Спаса Нерукотворного Образа.

Вот список архиереев, возглавлявших Коломенскую епархию, начиная с самых ранних известий:

1353 г.	Афанасий	1507 г.	Митрофан
1380 г.	Герасим	1520 г.	Тихон
1383 г.	Павел	1525 г.	Вассиан, при коем была возведена каменная церковь
1401 г.	Григорий, ум. в 1405 г.	1542 г.	Феодосий
1406 г.	Илларион, ум. в 1409 г.	1560 г.	Герасим
—	Иоанн	1564 г.	Варлаам
1419 г.	Амвросий	1565 г.	Иосиф
1449 г.	Варлаам	1572 г.	Давид
1461 г.	Геронтий, ставший в 1473 г. московским митрополитом	1581 г.	Иов, позже патриарх
1473 г.	Никита, ум. в 1480 г.	1588 г.	Иосиф
1481 г.	Герасим Смердков, ум. в 1489 г.	1617 г.	Рафаил
1490 г.	Авраам, ум. в 1502 г.	1643 г.	Александр
1502 г.	Никон	1657 г.	Павел
		1667 г.	Михаил

Митрополиты

1672 г.	Иосиф, велел построить соборную церковь, возведение которой завершено его преемником	1719 г.	Иоаникий, греческий митрополит, писался пред тем ставропольским
1676 г.	Павел		
1682 г.	Никита		
1705 г.	Антоний		

Архиереи в последние годы

1724 г.	Варлаам, позже астраханский архиерей	1755 г.	Порфирий, позже митрополит белгородский
1731 г.	Вениамин, ум. в 1740 г.	1763 г.	Феодор, в заслугу оному следует поставить новый иконостас тонкой работы и колокол весом 800 пудов для соборной церкви
1740 г.	Киприан		
1741 г.	Сава, велел крыть соборную церковь железом		
1749 г.	Гавриил Кременецкий, позже митрополит казанский		

Поскольку архиереи и митрополиты в России именуются не только по главному городу епархии, но и по одному из прочих, стоящих под его духовным надзором, то здешний архиерей носит титул Коломенского и Каширского; к епархии оного принадлежат 900 церквей. Перед конфиска-

цией церковных имений он пользовался доходами с 2796 душ мужского пола. И теперь еще прислуга его состоит из 46 человек.

Главой города является воевода, коллежский советник, имеющий себе в помощь ассессора. Канцелярскими делами управляет секретарь с 13 канцеляристами. Подпоручик с 29 унтер-офицерами и солдатами служат при канцелярии для охраны и посылок. Здесь находятся зимние квартиры Невского пехотного полка, его лазарет и каменный полковой сарай. Городская канцелярия помещается в довольно невзрачном деревянном доме.

В городе, включая посад, 11 кабаков и столько же в округе. Винные откупа составляют нынче до 31 600 рублей, но при подновлении кабаков могут заметно возрасти.

Улицы в пределах крепостной стены очень узки. На посаде просторнее. Всего в городе 30 каменных и 757 деревянных домов. Жители — большею частью купцы или причисляемые к оному сословию. Делятся они на 3 гильдии:

1-я	состоит из 17	}	Всего 615 душ.
2-я	— из 192		
3-я	— из 406 душ		

Среди них, однако, не следует искать мелких торговцев и ремесленников, кои носят общее именование мещане, или горожане, и платят подушные деньги; купцы, напротив, того, платят подати по размеру торгового капитала*.

Справедливо удивление малому числу тамошних ремесленников, которое, однако, соразмерно потребностям, ибо большинство готовых изделий приходит из Москвы, или же сложные работы доделываются в Москве. Лишь кузнецы имеют свой повседневный заработок. Их здесь 39 душ. Прочих ремесленников, напротив того, менее 30:

слесарей	— 3	сапожников	— 7
портных	— 4	подмастерий	— 15**

Чума 1771 г. не причинила сей местности большого урона. В Коломне умерло 59, а в Москве коломенских жителей — 37 человек. В ямщицких слободах было не более 5 умерших. Среди них — 2 мужчин, 2 женщины и 1 ребенок, все из одной семьи, целиком вымершей.

В Коломне не заведены ярмарки, но дважды в неделю бывают базары — в понедельник и четверг, куда крестьяне привозят для продажи излишки зерна, хмель и разную ручную работу. Небольших деревянных лавок здешних торговцев насчитывают до 370. Из оных в недавнее время сгорело от пожара 277, но вскоре были отстроены заново. В них можно найти много всякого шелкового тканья, сукно, холсты, сатин, китайку, кумач, стеклянную посуду, фарфор, скобяные товары, сахар, пряности,

* Далее зачеркнуто: Сюда относят еще 98 душ, работающих на фабриках. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: Понеже через Коломну проходит лишь единственная большая дорога из Москвы в Рязань, то представляется чрезмерным устройство тут 2 слобод из 445 ямщиков. Помимо Коломны в уезде больше нет ямщиков. По последней ревизии 1764 г. в Коломне и уезде числятся... (пропуск в тексте. — *Ред.*) душ, выплачивающих подушные деньги. — *Ред.*

фрукты, воск, мед, свечи и т.д. Пусть не все товары отменного сорта, но вполне пригодны к здешнему употреблению. Есть также погреба с несколькими скверными сортами иноземных вин.

Первейшее пропитание городу издавна давала торговля скотом, которая и поныне существует. Летом скототорговцы едут на Дон и в Малороссию, откуда под осень пригоняют в Коломну до 16 000 голов скота, забивают его в огромной бойне за городом, засаливают мясо, вытапливают жир и переправляют то и другое для продажи в Москву и Петербург. Считается, что ежегодно 35 000 и более пудов жира приходит в Петербург; шкуры идут на выделывание юфти. Становится тогда понятно, коим образом торговцы могут вместе с тем быть держателями боен, а держатели боен — торговцами. Через сие предприятие они до того обогащаются, что становятся во главе горожан ратманами, бургомистрами. В бытность мою здесь дюжий мясник, муж, однако, здравого рассудка, носил звание первого бургомистра. Только поварское искусство, которое в Германии привязано к ремеслу мясника, у них не заведено.

Торговля здешних жителей ведется старинным путем, по которому они ездят с товаром на ярмарки разных городов и с зерном в Астрахань, а оттуда они привозят рыбу и икру. Строительство стругов в Дединове и судоходство по рекам кормит многих людей.

Новыми предприятиями жителей Коломны, посредством которых многие заметно разбогатели, являются мануфактуры и фабрики, последние 30 лет здесь, как и всюду, процветающие. Имеется одна суконная фабрика в 17 станов, где выделывают сукна разного сорта и цвета, большею частью, однако, для обмундирования армии, и скверную каразею для подкладки. Фабрика поставляет ежегодно 300 и более кусков сукна на мундиры и в основном тонкого, из неокрашенной шерсти, в каждом куске 27 аршин. Каразеи — до 200 кусков, каждый в 60 аршин. Шерстяное сукно продают в Тамбов и в малороссийские города. На трех полотняных фабриках на 71 стане ткут парусину и сукна подобного сорта до 2000 кусков, каждый в 50 аршин.

Кумач, благодаря более стойкой окраске предпочитаемый персидскому, фабрика производит до 12 550 кусков, каждый по 8 аршин. На 5 станах делают на китайский манер китайку темно-синего цвета, до 1830 кусков, каждый по 7 аршин. На 22 станах двух фабрик приготавливают всякого рода шелка, сукна, кружева, для чего ежегодно употребляют около 66 пудов персидского и китайского шелка. Сбывают товар частью здесь, частью в Риге, частью же в малороссийских городах. Набойные фабрики, делающие ситцы, ситцевые платки, набойку и хлопчатую бумагу, не оправдывают издержек, ибо мода изменчива и не дает возможности рассчитывать на постоянную прибыль. Большой доход приносят 15 кожевенных заводов, где выделывается столь же отменная юфта, как и в Ярославле, всегда находящаяся сбыт в Москве и Петербурге. Столь же прибыльны и 14 солодовенных заводов, на которых вываривают около 30 000 четвертей ржаного и ячменного солода для продажи на горшечный и изразцовый

промыслы, а также на кирпичные заводы, во множестве имеющиеся близ города. При сем следует заметить, что здешняя природа, равно как почти повсеместно в Московской провинции, богата горшечной глиной, употреблять которую можно было бы с большей выгодой и к общему благу.

Население Коломны и уезда, положенное в подушный оклад, по ревизии 1764 года состояло из 68 284 душ мужского пола: (В будущую ревизию 1782 года явится, насколько возросло население.) Из них, согласно находящейся в Московской губернской канцелярии ведомости:

Удельных, принадлежащих императрице	2280
Дворцовых имений	1085
Бывших духовных имений, управляемых Коллегией экономии	10 387
Конфискованных и заложенных в Дворянском банке вотчин	219
Помещичьих вотчин	51 846

Сюда относят также купечество, заводчиков, ямщиков. Все податное население состоит из 68 284 душ. Казенный сбор с оногo исчисляется в 160 000 рублей, из коих 751 руб. 80 коп. платят 1423 раскольника обоего пола, объявившие о своем нерасположении к церкви.

Но поскольку с означенной ведомостью заметно расходится другая, полученная мною в городской канцелярии Коломны, то я и привожу ее здесь равным образом. Она более согласна с нынешним состоянием, хотя также подвергнута некоторым исправлениям.

В городе и в уезде число душ:

Купечества	первой гильдии	19
	второй	167
	третьей	574
Мещан		1205
Семигривенных ⁵		65 595
Состоящих не в окладе ямщиков		445
Соколых помыгчиков		3

[Всего:] 68 008 душ

С них сбор:

Подушных	40 851 рублей
С экономических крестьян оброчных	20 766
Отписных вотчин оброчных	546
С фабрик	188
С раскольников за раскол	879 [руб.] 80 коп.
С купечества капитальных	4 464 [руб.] 15 коп.
Питейных	31 600 [руб.]
Неокладных сборов	19 217 [руб.] 20 1/4 [коп.]
От торговой бани	24 [руб.] 1 [коп.]

Всего 118 536 руб. 16 1/4 коп.

Расстояние от Коломны до близлежащих городов:

Москва — между 90 и 100, среднее число	95 верст
Зарайск	35
Переславль-Рязанский	90
Кашира	40
Серпухов	90
Владимир	180

3. Поездка в Троицкой Сергиев монастырь, в Александрову слободу и Переславль-Залесской

Почувствовав от первой моей поездки в Коломну некоторое в здоровье облечение, разсудилось мне без дальняго отлагательства вступить во вторую поездку, которую я к Троицкому Сергиеву монастырю возприял и 2-го числа июля начал.

Целой час почти прошел, пока из моего дому прибыл я на тот край города, где ведущая к Троицкому монастырю большая дорога при учрежденной там заставе начало свое имеет. Отсюда считаются и версты, кои по всей дороге на вновь поставленных столбах означены.

Село Алексеевское — первое примечания достойное место по сей дороге, разстоянием от заставы в пяти верстах. Здесь находятся остатки прежде бывшаго деревяннаго царскаго дворца, во многих комнатах состоявшаго, где государь царь Алексей Михайлович иногда имел пребывание, а особливо, когда ездил молиться в Троицкий монастырь, на возвратном своем пути обыкновенно тут делал приготовления для въезду в город. Две большие каменные церкви придают сему месту прекрасный вид. Деревня *Алексеевка*, из 30 дворов крестьянских состоящая, отделяется от дворца маленькою речкою, которая течет в Яузу. Как село, так и дворец состоят под ведением Дворцовой канцелярии.

Ростокино — село в 5 верстах от Алексеевскаго, принадлежит равным образом к дворцовым волостям. Разныя источники реки Яузы, во сем месте протекающия, подали повод к сему наименованию.

Малыя и Большия Мытищи лежат: первое в трех верстах от Ростокина, второе, в коем есть церковь, в 4 верстах от перваго. Оба состоят под ведением Дворцовой канцелярии. Здесь переезжают последний рукав реки Яузы, о коем в сем описании более упомянуто не будет. *Большия Мытищи* — разстоянием в 17 верстах от Москвы.

Клязьма — река, довольно знатная и весьма тихое течение имеющая, выходя от запада и протекая в юго-восточную сторону мимо города *Володимера*, впадает потом в Оку. Разстояние ее от Больших Мытищ 6 верст, шириною она здесь около 10 сажень. На полуденном берегу Клязьмы лежит деревня *Тарасова*, под ведением Коллегии экономии.

Пушкино — село экономическое, содержащее в себе около 70 дворов крестьянских с изрядною каменною церковью, в 3 верстах от деревни Тарасовой, лежит по обе стороны реки Учи, которая в нескольких верстах оттуда с Клязьмою соединяется. Церковь стоит на северной стороне реки¹. Можно бы было думать, что название сие произошло от некоторой известной фамилии, которая бы имела во владении сие село, но с самых дальних времен иных владетелей, кроме прежних московских митрополитов и патриархов, неизвестно, а потом сим селом управлял Святейший Синод даже до воспоследовавшей с монастырскими волостями перемены.

Сие самое также письменными известиями о мятежах, во время малолетства Петра Перваго воспоследовавших, подтверждается, где, между прочим, упоминается о боярине князе *Иване Андреевиче Хованском*, что его тогда близ патриаршаго села Пушкина поймали. Некоторые называют сие место по церькве село *Константиново*, но первое название больше в употреблении.

От Пушкина до села Братовщины разстояния 6 верст, всего от Москвы до Братовщины считается по нынешним новым верстовым столбам 32 версты, а изстари по всем находящимся известиям сия дорога содержала только 30 верст. Я следовал изчислению верст, на нынешних верстовых столбах означенному.

Братовщина, или село *Братовщино*, лежит на половине дороги от Москвы до Троицкаго монастыря. Оно есть большое селение под ведением Дворцовой канцелярии. По северной стороне онаго протекает маленькая речка *Скауба*, коя при Пушкине впадает в Учу. В сем месте находится почтовый стан, по обыкновению о осьми лошадях. Крестьянских там дворов около 50. До моровой язвы 1771 году было оных гораздо более. Простой народ, бегущий из Москвы и отчасти уже зараженный или несущий заразу в платье и в других вещах, разпространил мор по большим дорогам, а особливо по сей, по всем местам, где зараженные ни приставали. В одной Братовщине погребено обоего пола до семисот человек, четыре только двора остались от заражения свободны. После того прозорливым правительством учреждением переведены сюда новыя поселенцы из других мест, где больше народа, нежели земли было, а особливо из Володимерскаго уезда. Сие самое учинено и в Пушкине, и в Тарасове. Оставшияся впусе вымершия дворы после разломаны.

Сие место пред прочими примечания достойно по старому деревянному дворцу, где прежняя цари, когда обыкновенныя для богомолья к Троицкому монастырю путешествия предпринимали, для отдохновения останавливались². Чего ради там находится и деревянная старая церковь. Оной дворец и церковь стоят на северном конце деревни, близ начинающейся недалеко оттуда речки *Скаубы*, которая помощью плотины до нарочитой широты возрастает, так что оная уподобляется почти продолговатому озеру. Августейшая монархиня, имев в 1775 году путешествие в Троицкой монастырь, по приятному положению сего места приказать соизволила новой императорской дворец и церковь на том месте построить каменные, чему, может быть, в будущем году, поелику уже довольно множество кирпича навезено, начало будет сделано. Для осмотра старого строения должно при выезде из села поворотить налево и ехать чрез усаженную по обе стороны в два ряда молодыми березками аллею, которая прямо ведет к самой середине строения. Идучи оттуда от села в разстоянии около полуверсты — озеро, от речки Скаубы сделавшееся, по левую сторону дороги в виду, а по правую находится дом для нынешняго надзирателя. Такая же аллея насажена и в правую руку от дворца даже до следующей большой дороги, так что, естли новой дворец, как на-

деяться можно, займет место старого, то обе аллеи, сомкнувшись при середине будущего дворца, равно как и озеро речки Скаубы, приятной вид показывать будут. Сказывают, что преж сего озеро насажено было рыбою, которая, однакож, за неимением довольнаго присмотра и за редким туды двора приездом вся почти из онаго пропала.

Я прибыл в Братовщину при захождении солнца, осведомился о старом дворце, пошел с одним из тамошних жителей для смотра онаго и, переночевавши в оном селе, продолжал в следующий день при возхождении солнца мою поездку.

Третьяго июля проехал я следующими местами:

Талица — деревня и речка того же звания, в 9 верстах от Братовщины. Речка в 10 верстах отсюда в западной стороне начинается и впадает к востоку в маленькую речку *Вору*, вытекающую из-под севера. Ся небольшая, равно как и другие, в сей стране находящиеся, деревня принадлежит к дворцовым волостям.

Софорино — село помещичье, на реке Талице, лежит влево от дороги в виду. Оно принадлежит вдовствующей графине Головкиной, урожденной княжне Ромадановской. Господской дом придает оному издали хорошей вид.

Село Рахманово — экономическое, с деревянною церковью, в 5 верстах от Талицы. Маленькая речка *Сулир* течет подле и впадает в Талицу.

Гольгино — деревня на реке *Воре*, чрез которую есть здесь мост, в 4 верстах от Рахманова, принадлежит к дворцовым волостям. Река *Вора* впадает в *Клязьму*.

Здвиженское — село с деревянною церковью, в двух верстах от Гольгиной, принадлежит равным образом к дворцовым волостям. Я написал оное звание по здешнему произношению, а по-настоящему надлежало бы сказать: *Воздвиженское*, ибо оно взято, как видно, от имени церкви *Воздвижения Креста Господня*. Село сие лежит на речке Поже, которая из-под севера от *Хатьковского* монастыря начало воспримлет и впадает в *Вору*. *Хатьковской* монастырь есть женской, разстоянием в 7 верстах от Троицкаго монастыря в западную сторону.

В 1682-м году двор находился в Воздвиженском, когда 2-го сентября того ж года, опасаяся боярина и главнаго начальника над стрельцами князя *Ивана Андреевича Хованскаго*, возимел свое прибежище в Троицком Сергиеве монастыре. В Истории о малолетстве Петра Перваго называется сие *первым Троицким походом*³. Старый и, как кажется, безвинный князь *Хованский* вместе с сыном своим, князем *Андреем Ивановичем*, привезены были в Воздвиженское и по повелению царевны *Софии Алексеевны* с наивозможнейшею скоростью 17 числа сентября казнены смертию. Я привожу сие обстоятельство для того, что мест, в коих таковыя достопамятныя случаи происходили, заслуживают пред прочими замечены быть в географии, хотя ничего особливаго об оных сказать не можно. Чрез таковыя анекдоты землеописание зделается истории полезным и

читателю приятным. Того ради я при каждом случае охотно об оных и упоминаю.

От Воздвиженскаго до Троицкаго монастыря считается по столбовой дороге 12 верст, следовательно, от Братовщины — 32, а всего от Москвы до монастыря — 64 версты, что преж сего за 60 только верст почиталось. Сие, однакож, так разуметь должно, что, как монастырь различными окружен слободами, 64-я верста кончится при самом въезде в первую монастырскую слободу, которая *Клементьевой* называется. А проехавши монастырь, 65 верста назначена на столбе при выезде из последней слободы.

Жители монастырных слобод не иное что, как крестьяне, кои прежде еще введеннаго рабства крестьян отчасти из набожности, отчасти же для воспользования вольностями и покровительством монастырским добровольно себя оному подвергнули. Покамест они за монастырем состояли, то не имели собственной, им принадлежащей земли, но обрабатывали жалованья мало-помалу монастырю для содержания онаго земли, смотря на хлебородство за пятой или десятой сноп. Но как при учинившейся в 1763 году перемене наблюдаемо было, чтоб монастырския земли не лежали впусте, то ближние земли были разделены между столькими жителями слободскими, на скольких доставало, и сии то теперь настоящие крестьяне. Прочия же жители, кто без земли остались и числом прежних почти в $\frac{3}{4}$ превосходят, называются *бобылями*, однакож разными рукодельями, постоялыми дворами и извозом не менее имеют случаев снискать себе довольное пропитание. Потому здешния обыватели без различия, а особливо те, кои собственное свое прилежание к тому употреблять не оставляют, довольно зажиточны и, следовательно, для них двухрублевой оклад, положенной на каждую душу мужескаго пола, что они вносят в Коллегию экономии или определенному от оной казначею, да сверх того подушных по 70 коп. с души, не может быть тягостен. Я прошу позволения приобщить здесь особенное примечание, которое мне теперь, между тем как я сие пишу, в мысль впало.

Многими за истинно почитаемое, но в самой вещи неосновательное мнение, якобы крестьяне в России не имеют собственно им принадлежащей земли, примером здешних монастырских крестьян опровергается. Все вообще экономическия крестьяне так, как и государевы или под ведением Дворцовой канцелярии состоящие, находятся в равном состоянии. Також и честной помещик не захочет отнять у своего крестьянина назначенную ему для обрабатывания землю, разве такой чрез нерадение или друга безпутства сделается недостойным милости своего помещика. Никто не запретит экономическому крестьянину, чтобы он не удобрял своей земли, дабы иметь от того больше выгоды. Да и самой, думаю, помещик сего не сделает, когда он разсудит, что собственное его благосостояние тесным образом с благосостоянием его крестьян сопряжено. Но как при том со стороны крестьян в разсуждении государевых управителей, також и помещиков недоверенность остаться может, будут ли они равно защи-

щаемы от их преемников при владении удобренных ими земель без возвышения податей, то нужно бы было к тому всевысочайшее ея императорского величества повеление, чтобы крестьян по крайней мере на некоторое определенное число лет избавить от сего страху и удостоверить их в твердом и ненарушимом владении оными ими удобренными землями, на что можно положить 20 или 30 лет, потому что в оное время цена на сельския производства, как из опытов известно, приметно возвышаться может. При сих то обстоятельствах справедливо возвысить и подати, что крестьянину нимало тягостно не будет. Сие, по моему мнению, есть на подлинном состоянии государственных земель основанное решение вопроса, которой в 1766-м году задан был с награждением от Санкт-Петербургского Вольнаго економического общества⁴.

Клементьева слобода, для того, кажется, имеет особливое название, что она некогда отделена была от прочих слобод. Но мало-помалу порожнее место между ими от размножившагося числа жителей застроено. Однакож в переписных книгах пределы наименования и поныне наблюдаются. Одна *Клементьева* слобода состоит из 148 душ крестьян и из 458 душ бобылей, прочия же слободы содержат 948 душ. Во всех находятся каменные и деревянные церквы, а над всеми слободами определен от Коллегии экономии казначей, которой отправляет здесь также и светския разправы. Под его же ведением находится и большая часть других экономических деревень Московскаго уезда, которой весь разделен на четырех таковых казначеев. Здешней казначей имеет пред прочими то особливое, что у него на руках как приход, так и расход денежной казны. От него монастырь непосредственно получает все свое содержание, а не так, чтоб деньги сперва внесены были в Коллегию экономии.

Я прибыл в 10-м часу поутру к монастырю, стал на постоялом дворе и, отобедавши, послал уведомить господина наместника онаго монастыря о моем прибытии и сказать, что я намерен его посетить. Тотчас прислал за мною сей дружелюбивой муж свою карету, запряженную в 4 лошади, и вышел ко мне сам навстречу из своих покоев, чтобы меня проводить, естли желаю посмотреть находящиеся в сем монастыре достопамятныя вещи. Он называется наместником в сем монастыре потому, что преосвященный архиепископ московский *Платон*, архимандрит онаго, в отсутствии. Он сперва учился в тамошней семинарии, а после того находился несколько времени в Московском университете для обучения немецкому и французскому языкам, кои он столь основательно понимает, что достоин для преподавания в оных наставления в тамошней семинарии. Приняв монашеской чин, произведен в иеромонахи и определен от архиепископа наместником. Мне был он с того времени знаком, как жил еще в Москве; он назывался тогда *Петр Пономарев*. Отец его живет и тепер иереем в Александровой слободе, где мне случилось его видеть. При вступлении в монашество принял он имя *Павел*. Сей муж, почтения достойной, скромной и ученой, будет всегда украшением Российскаго духовенства.

Вскоре потом подошел к нам и ректор семинарии, котораго я несколько лет знал студентом в Московском университете и корректором при университетской типографии под именем *Андрея Байбакова*. Он принял монашеской чин в Москве, в Заиконоспасском монастыре, в коем переименован *Аполлосом*. Он был потом учителем в оном монастыре, называемом Московскою академиею. Чрез несколько же времени перевел его преосвященный архиепископ в Троицкой монастырь ректором в тамошнюю семинарию. Оба сии мужа по их должностям почитаются наравне с архимандритами.

Я не могу довольно хвалить то усердие, с каковым мне все примечания достойныя вещи в монастыре показаны были. Чрез то нахожуся я в состоянии сделать оному описание, полнее того, что мною сочинено в Географическом лексиконе⁵, которое, однакож, до тех только пор служить будет, пока не издано будет в свет другое описание, что сочиняется по достохвальному повелению преосвященнаго *Платона* и объясняется рисунками. Как начало смерькаться, посидел я еще несколько у отца наместника в его кельях, из коих в лежащая подле монастыря увеселительныя и плодovitыя сады есть изрядной вид. Осмотрение семинарии было отложено до следующего дня с учтивым притом от отца наместника приглашением меня и при мне будущих к себе на обед. Чрезмерно рад, что оной день с довольною пользою я препроводил, возвратился в наместниковой карете на постоялой двор и лег отдыхать, надеяся несомненно, что и следующий день препровожу в монастыре с не меньшею пользою и удовольствием.

4-го июля. Карета, присланная от господина наместика, стояла уже в 9 часу пред постоялым двором, и я поехал с моими сотоварищами для осмотра семинарии, где начальники монастырския меня ожидали и водили по всем классам. Мы сделали начало с нижних классов, куда мы чрез покои учительские и учеников препровождены были. Учители тамошня суть более из воспитанников семинарских, молодья и ученые люди, кои, окроме двух главнейших, все бельцы, пока не вознамерятся вступить в монашество, чрез что получают надежду достигнуть вышших степеней духовенства. Они живут в семинарии, и каждой из них имеет свою особенную комнату; ученики же, или семинаристы, живут по 4 или до 6 человек в одной комнате, из коих каждой имеет особенную кровать, под которою стоит равной длины и ширины сундук для поклажи платья, белья и книг, а подле онаго небольшой столик. Что касается до ученых языков и до всего того, что мы к свободным наукам причисляем, в том преподается здесь основательное наставление. Сие особливо доказывается примером одного ученаго человека, которой, хотя окроме сей семинарии нигде в другом месте не обучался, однакож особенное снискал знание в латинском стихотворстве, подражая римским стихотворцам златаго века. Напоследок был он префектом в оной семинарии, то есть занимал первое место по ректоре, к коему званию присовокупляется наставление в философии. Но как он женитьбою дорого себе к дальнему при монастыре произведению

пресек, то по милости преосвященнаго Платона определился к другим должностям*.

Не без довольнаго основания преосвященный архиерей положил не быть впредь в должности префекта опричь монашествующих, ибо префекту надлежит занять место ректорское в случае его отбытия. Нынешней префект еще человек молодой, хорошей надежды. Мы прошли чрез его класс, где преподается философия, в класс богословской, в котором ректор преподает богословския наставления. Один из учителей низших классов, взошед на кафедру, говорил краткую речь. Между тем розданы были написанныя *тезисы*, о коих диспут иметь надлежало. Наместник, подле коего я сидел, сказал мне, что ректор сие в честь мне делает, но я себе того не причитаю**. Другия три учителя делали объекции, а наместник и ректор, кои сидели на стульях по обе стороны кафедры, решали иногда их словопрения. Что все сие происходило на латинском языке, каждой и без моего упоминания поверит.

По окончании диспутов отец наместник повторил свое приглашение с тем, что уже время обедать наступило. Отец ректор позвал нас наперед к себе, чтоб посетить его келью. Потом пошли мы с отцом наместником в его покои и были угощены изрядным монастырским обедом. Во время стола главные наши разговоры происходили о происшествиях монастырских, из коих уже иное помещено мною в Географическом словаре, напечатанном в 1771-м году⁶. Я спрашивал и о лежащей поблизости отсюда деревне *Деулине*, где в 1618 году принужденной мир с поляками заключен был; мне хотелось посмотреть оное место, потому что деревня *Столбова*, где в 1617-м году мир с шведами заключен был, хотя я в 1743-м году на возвратном моем пути из Сибири, будучи в той стране между *Тихвиным* и *Старой Ладогой*, прилежно о том проведывал, безизвестною для меня осталась. Равная участь и с другими таковыми местечками воспоследовала. Нет уже ни *Заполья*, ни *Андруссова*, где в 1582-м и 1667-м годах мирныя трактаты с поляками учинены были; по крайней мере уже не под сими названиями известны. Деулино стоит и теперь в целости. Отец наместник приказал туда меня отвезть, но прежде, нежели сие учинилось, осмотрели мы еще некоторыя примечания достойныя вещи в монастыре, которых в вчерашний день за множеством вещей посмотреть не удалось. Заутренней праздничный день не дозволял отцу наместнику пробить с нами долее: ему надлежало в оный день не только отправлять Божию

* Далее зачеркнуто: Ради его достоинств весьма его жаловал и исходатайствовал ему чин титулярнаго советника, сделал его с год тому назад секретарем в Московскую консисторию, обещевая при том, что при первой вакансии какого выгоднейшаго для него места не преминет о нем стараться. Мне остается только сказать, что его зовут Михайлом Ивановичем Ильинским, то каждой, кто его знает, без сумнения признается, что я разве мало, а ничего излишняго не сказал в похвалу сего мужа, которой, будучи наставником юношества, много бы добра сделать мог. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: потому что время приспело вакансий, пред началом которых обыкновенно держатся диспуты, как то и в Москве, в Заиконоспасском монастыре в употреблении. — *Ред.*

службу, но и сказывать проповедь. Сей праздник, каждой год торжествуемой, тем более приличествует монастырю, что в оный день совершается память, когда мощи св. Сергия по прошествии 30 лет после его смерти нетленны найденны были. Услышавши о сем от господина наместника, просил я его, чтоб он исполнил то, что должность от него требует, и с ним разстался. Между тем карета, запряженная в 6 лошадей, у ворот нас ожидала, и мы поехали в Деулино.

Село *Деулино* состоит из 25 крестьянских дворов с построенною во имя св. Сергия церковию, разстоянием в 4 верстах от монастыря к северу по углицкой дороге. Нет там ни реки, ни речки. Тамошняя страна высока, откуда реки, начинаяся от их источников, разделяются надвое: одна часть протекает к полудню в реку Оку, другая к северу реке Волге свои воды сообщает. Прежде принадлежало оное село монастырю, почему ныне экономическое. Число мужескаго полу состоит из 74 душ. Чрез сие подтверждается примечание, в разных странах мною деланное, что число людей в деревнях от мала до велика обыкновенно втрое превышает число дворов, но как в переписных книгах один только мужеской пол считается, то можно без ошибки положить на каждой двор или семью по 6 душ обоего пола. Можно бы было положить оных и более, взяв в разсуждение известную и чрезмерную плодовитость сельских жителей, естли бы не было толь великаго упадка детей от двух до пяти лет. Здешней священник знал, что на сем месте происходили мирныя договоры. Он нам показал батареи, от той или от другой стороны зделанные; он называл патрона своего села *святым Сергием Миротворцом* и приписывал его ходатайству, что Россия чрез сей мир освободилась от великаго притеснения. Церковь — малая, деревянная, в тогдашнюю войну превращена была в пепел, а потом не лучше опять построена. По ней не видно, что в оном месте происходило столь достопамятное приключение, однакож мир был по тогдашним обстоятельствам таков, как желать было можно. Польской королевич *Владислав* отказался от своих требований на российский престол, признал царя Михайла Федоровича за настоящаго царя, а отец государев Филарет Никитич освобожден был из польскаго плена. Напротив того, и нет причины о сем мире много радоваться, особливо же в разсуждении великаго ущерба, России чрез то ненасеннаго и заменяемаго уже по прошествии 30, даже 40 лет чрез победы, царем Алексеем Михайловичем над поляками одержанные.

Мне разсудилось еще осмотреть загородной увеселительной дом архимандричей, где они летом разгуливатья обыкли, хотя господин наместник, чаятельно, из скромности мне ничего о том не упоминал.

Возвратившись из Деулина к монастырю, я туда поехал. Место то называется *Корбуха*, может быть, по двум небольшим прудам, над коими дом построен, и находится в 2-х верстах от монастыря в юго-восточную сторону. Там не видно ничего великолепнаго и ничего изящнаго, кроме веселаго положения в просеченной в разныя стороны для прогулки рощи, от которой есть и приятной вид и на противолежащия пруды, кои также

по несколько рыбою насажены. Дом деревянной, без богатых уборов, из немногих комнат состоящий. Кажется, что построен только по нужде, чтоб можно было выехать куда-нибудь.

Все то, что я в два дни пребывания моего в монастыре видел или что мне и окроме того об оном известно, в одной связи описать, сие должен я отложить до другого способнейшаго времени. Я старался простирять мое путешествие еще несколько далее, хотя по прежде принятому расположению надлежало было мне возвратиться в Москву. Известныя мне уже прежде достопамятности Александровой слободы и города Переславля-Залезскаго возбудили во мне желание туда поехать, в чем упваю получить прощение в разсуждении того, что я там видел или о чем известился.

Александрова слобода лежит в 40 верстах от Троицкаго монастыря к востоку при речке *Сере*, текущей в южную сторону к реке *Клязьме*. Туда ведет большая и ровная дорога, которая продолжается оттуда и до Переславля-Залезскаго, но есть к сему городу и другая прямая дорога от Троицкаго монастыря, по которой те, кои никакого дела в Александровой слободе не имеют, обыкновенно ездят. А что она несколько подается к северу, тому легко можно поверить, но что разстояние обеих между собою дорог на их середине около 25 верст содержит, как меня и заподлинно в том уверяли, того по ландкартам, и по самым новейшим, усмотреть не можно. Весьма удивительно, что на новой генеральной карте Российской империи ни о Александровой слободе, ниже о Троицком монастыре не упоминается. Из сего можно разсудить, сколь великие на изданных до сего ландкартах поправки учинить должно.

5-го июля выехал я из Троицкаго монастыря поутру, вскоре по возхождении солнца. По дороге находятся следующие селения, между коими те, в которых есть церкви, словом *село* от простых деревень отличаются. Я намерен вкратце показать их разстояние, число в оных крестьянских дворов и их зависимость либо от Коллегии экономии, либо по конским в Александровой слободе заводам от Дворцовой конюшенной канцелярии.

Бирюгино — село	в 8 верстах	30 двор[ов]	Экономич.
Слатино — " —	7 — " —	60 — " —	Конюшен.
Воскресенье — деревня	7 — " —	30 — " —	Экономич.
Шаблыкова — " —	5 — " —	20 — " —	Эконом.
Коринское — село	6 — " —	60 — " —	Конюшен.
Александрова слобода	7 — " —		

Итого: 40 верст

Прибыл я в Александрову слободу в 10 часов пред полуднем, перебивши однажды лошадей на дороге, что сделать разсудилось мне за нужное, дабы не отяготить крестьян по причине их тогдашней в жаркую пору работы, ибо по сей дороге почтовых лошадей не имеется. Перемена учинена была в деревне Воскресения; в ней прежде была церковь, по которой тогда *Воскресенским селом* называлась; уповательно, оная прежде свое звание некогда опять получит.

Как маленькая река *Сера* разделяет Александрову слободу на две

части, так и жители тамошняя и их разпоряжения и учреждения суть двоякаго рода и свойства. На западной стороне есть конской завод, для коего жители, на той стороне живущие, кои все посадскими считаются, исправляют казенную работу или платят положенную на них подать. На восточной же стороне стоит славной девичей монастырь с двумя обывательскими селениями, а монастырь между оными в середине. Часть жителей на сей стороне такие же посадские, как и прежняя, другую часть составляют экономическия крестьяне, кои преж сего к монастырю принадлежали.

Во-первых, посетил я определеннаго над заводом управителя, что ныне есть майор фон *Норденберг*, уроженец лифляндской. Сей оказал мне всевозможное удовольствие. Вставши из-за стола, к коему он и его почтения достойная супруга меня пригласили, поехали мы к новостроенному конюшенному двору, которой находится поблизости от слободы вверх по реке *Сере*. Сие то есть большое, четверугольное, каменное строение, таким же образом разположенное, как то, что в *Бронницах*, кое на возвратном моем пути из *Коломны* в *Москву* мною описано. Оно не совсем еще окончано, потому что не более 4 лет тому назад как строение начато. Недостает только одних ворот со стороны слободы, что однакож, надеются привести к концу нынешним же летом. Там содержится до трехсот кобылиц и около сорока жеребцов разных пород. Одни жеребцы были в то время в стойлах, коих различной красоте, когда их при мне выводили, не мог я довольно надивиться. Кобылы же с их жеребятами гуляли на пастве. Когда жеребята становятся по четвертому году, то отсылают их, так, как и из *Бронниц*, в *Пахрино*, где уже их далее обучают и разбирают для будущаго употребления. Исправляющия при заводе казенную работу посадские, живущие на западной стороне, состоят из 300 дворов, а на восточной стороне из 150 дворов, в коем числе, однакож, включаются и экономическия крестьяне. Первые имеют изрядную каменную церковь Рождества Христова и Николая Чюдотворца, при коих протопоп и два попа. У других одна старая деревянная церковь во имя Богоявления Господня, а другая новая каменная *Захарии* и *Елисаветы*.

Тамошней монастырь можно бы было по двум в оном находящимся соборным церквам называть либо *Троицким*, или *Успенским*, но оной под именем монастыря *Александровой слободы* более известен и приятным пением тамошних монахинь славен. Он окружен обширною четверугольною каменною оградю, которая, как сказывают, во время государственоваия царя *Феодора Алексеевича* построена. Монастырския кельи в нем каменные, так, как и все в оном находящияся изрядныя и пространныя церкви, которые суть следующия: 1) собор *Живоначальныя Троицы* с двумя приделами — *Симеона Богоприимца* и *св. Сергия Чудотворца*, 2) собор *Пресвятыя Богородицы* с двумя приделами: *Иоанна Предтечи* и *Марии Египетския*, 3) теплая церковь *Покрова Пресвятыя Богородицы*, 4) *Стретения Богородицы* подле больницы, 5) под колокольнею — *Воздвижения Креста Господня*, 6) над вратами — *Феодора Стратилата*.

Толикое число церквей придают монастырю великолепной вид; из сего можно равным образом заключить и о величине онаго.

Даже до последнего новаго разпределения монастырей в здешнем до 300 монахинь находилось, но после по штату положено 100, коим получать свое пропитание из казны, то есть из Коллегии экономии. Сверх того живут многие на собственном их пропитании, потому что число оных иначе как их смертью уменьшено быть не может. Довольно, что даже до положеннаго числа монахинь вновь не принимают. Не противоборствует тому, что нынешний архиепископ Переславля-Залезскаго, к коего епархии принадлежит сей монастырь, приказал недавно набрать в оной 12 девушек, детей от бедных родителей и без призрения сирот, всех ниже двенадцатилетняго возраста, кои одеты, как будто бы под искусом состоящая, и к тому, кажется, назначены, чтоб им заменить со временем будущей в монахинях недостаток. Оныя дети воспитываются на архиерейском иждивении и обучаются у монахинь читать, писать, петь и прочим женским рукодельям. Но как немало к тому времени требуется, пока в монастыре будут порожи места, потому что до коих пор есть монахини за штатом, то сии в упалыя места штатных вступают, к тому же едва надеяться можно, чтоб дети, кои теперь в разсуждении их призрения оказывают охоту к монашеству, удержали оную склонность и в взрослых летах, то можно почестъ сие действие тамошняго архиерея, во всяком разсуждении преизящнаго мужа, за единственное из человеколюбия произтекающее призрение бедных сирот, кои впредь ни малейшему принуждению подвержены не будут. Итак, не приличествует сюда, что к принятию в монашеский чин потребны из Святейшаго Синода указы, ибо к получению таких времени будет довольно, когда случай придет, что из теперешних детей некоторыя, достигши совершенных лет, по здравом изследовании и с истинным желанием захотят совершенно себя посвятить в монашество.

Примечания достойная вещь видна здесь подле больничной церкви, нигде инде во всей Российской империи. Когда монахини умирают, то тела их кладут гроб подле гроба и гроб на гроб в пространной, бревнами выкладенной яме, над которою зделана деревянная кровля. Естли яма наполнится, то засыпают оную землю, вырывают новую, покрывают кровлею и поступают по-прежнему. Такую яму называют *усыпальницею*. Другая, в близости той находящаяся усыпальница есть по виду великолепнее и по произхождению знатнее. Положены там две царевны, сестры Петра I, что явствует по следующему письменному известию: "В 7207 году пострижена в здешнем монастыре царевна Марфа Алексеевна на 43 году своего возраста, пребыла в оном 8 лет, 6 месяцев и 22 дни, а преставилася в 1706 году июня 19 дня. Тело ея по изустному ея приказанию положено было в общей усыпальнице. По прошествии же 5 лет сестра ея, царевна Феодосия Алексеевна приказала тело ея перенести в сию каменную усыпальницу с тем, что, когда она сама умрет, то тело ее успокоить на сем же месте". Так то точно и исполнено, и сие двумя вместе стоящими и бархатными покровами покрытыми гробницами подтверждается. О ца-

ревне Феодосии Алексеевне, жила ли она здесь также монахиною и когда она скончалась, нет ни надписи, ни другаго какого письменнаго известия. Вниз, к мертвым телам ходят по прямой каменной лестнице в каменное подземное здание, которое под сводом чрез маленькие окошки, сверху сделанные, несколько свету получает, но множеством восковых свеч освещается, когда кто из посторонних оное смотреть желает или когда обыкновенныя над усопшими поминовения совершаются. Гробницы стоят одна подле другой посреди сего подземнаго здания, коего внутренняя обширность довольно пространна, что вокруг гробниц свободно ходить можно. Как изнутри походит оное здание на часовню, так и снаружи сверх свода таким же почти образом устроено и в хорошем состоянии, как видно, содержится. В разсуждении обеих царевен надобно мне еще напомнить следующее. Государь Петр I имел сестру Марфу Алексеевну, которая, по находящимся у меня известиям, родилась 26 августа 1652 года. Естли сия царевна была 43 лет, когда она приняла на себя монашеский чин, то пострижение ея, естли год рождения ея справедлив, должно случиться в 1695-м году. Когда же она, постригшись, жила 8 лет, 6 месяцев и 22 дни и умерла 19 июня 1706 года, то пострижение ея падает на 29 ноября 1697 года. Я признаюся, что надпись не мною самим списана, почему в разсуждении чисел не совершенно я удостоверен; того ради постараюся достать с оной другой список, потому что время вступления в монашество сей царевны, в разсуждении тогдашних обстоятельств, не без важности. Также и имя *Марфа* может возбудить сомнение. Мейерберг (на стр. 61) называет ее *Марию*, но может статься, что она имя *Марфа* при вступлении в иночество получила. Что же касается до царевны *Феодосии*, то я нахожу в моих записках, что ее рождение было 7 июня 1662 года, что с Мейербергом, у коего стоит № 11 Idus Junii, сходствует. Здесь видно, что она жила в 1711-м году; о кончине же ея нигде не упоминается⁷.

Благородныя девицы или вдовы всегда с преимуществом против прочих в здешней монастырь принимались. Нынешняя игуменя из фамилии *Геевых*, хотя не весьма из знатнаго дворянства, однакоже и не из последних. Не застал я ее в монастыре: за день пред прибытием моим уехала она в Москву. Ее место тогда занимала вдова *Полыбина*, урожденная фамилии *Давыдовых*, госпожа изрядных качеств, которая, хотя не потригшись, живет в монастыре. Маиор Конной гвардии Иван Иванович Давыдов — ее родной брат, а ротмистр той же гвардии Иван Иванович Полыбин — ея сын. Сверх же того живет в сем же монастыре уже немолодая княжна Барятинская без обязательства.

Что касается до истории сего монастыря, то мои изыскания не много пользы возимели. В соборной церкви сего монастыря находится по правую сторону при входе в придел двойныя медныя двери, подобные тем, что в Новгороде *Корсунскими дверями* называют. Здесь названия Корсунских не слышно, но мне кажется, что и в Новгороде оно неправильно. Новгородские двери имеют латинские надписи и имя одного магдебурскаго епис-

копа; они же при прежних великих торгах с Ганзейскими городами по Балтийскому морю, а не из *Корсуна*, или *Херсона* привезены быть могли. На здешних дверях, на коих множество святых изображено, читают следующую надпись: "В лето "SWMD декабря (1335) изписана дверь сия повелением боголюбиваго архиепископа новгородскаго *Василия*". Посреди дверей: "При князе благоверном *Иване Даниловиче*, при посадничестве *Федора Данилова*, при тысячном *Авраме*". Должно ли из сего заключать, что *Александрова слобода* в тогдашнее время от *Новгорода* зависела? Сие не подтверждается никакими известиями. Можно бы и легко погрешить, естли отсюда старину слободы, церковей и монастыря от сих надписей выводить, ибо двери могли туда привезены быть спустя после того много времени и совсем при ином случае, а именно, по приказанию царя *Ивана Васильевича*, которой весьма часто имел пребывание в *Александровой слободе* и, уповательно, в то время, когда он посетил *Новгород* с известным жестоким наказанием⁸. Около 1560 года установил царь в *Александровой слободе* свою так называемую *опричнину*. Там он обыкновенно с своими избранными придворными и телохранителями (сии то были его *опричники*) не только забавлялся, но и отправлял церковныя обряды и епитимии. Теперь еще видны остатки от каменной плотины, коею он приказал зделать на реке *Сере* пруд. Здесь заведено было царем первое печатание книг. *Lucas de Linde "Descriptio orbis"*, p. 125 пишет: "Nulla alia in Russia reperitur Typographia quam illa in sloboda Alexandriae". Он давал также послам (не могу теперь вспомнить которым?) аудиенции. *Новгородской архиепископ Пимен* был от него сослан в *Александрову слободу* в заточение. Сии суть происшествия, кои достоверными свидетельствами подтверждаются. *Девичей монастырь*, коего начало и основание столь же мало, как и слободы, известно, должно думать, что еще вовсе тогда не был. По внешнему виду церковей, келей и ограды разсуждая, оне не старее времени царя *Алексея Михайловича*⁹. Сказывают, что *Коллегия экономии* все жалованныя и учредительныя грамоты, касающиеся до церковей и монастырей, к себе отобрала. Естли сие справедливо, то должно еще там быть довольному множеству разных исторических известий.

Слобода, в коей живут посадския, была, чаятельно, прежде монастыря. Знаменованіе слова *посадские*, под коим разумеются жители городские, упражняющиеся в торговле, есть не всеобщее. *Посадския* во всякое время находились и без городов, а особливо, естли слово *город* взять в его изстари принятом и на *российском языке* основанном точном знаменовании, что *город* некоторым родом укрепления обнесен быть должен. *Лальской посад* в *Устюжском уезде* и многие другие о том свидетельствуют.

Небезызвестно, что *Александрова слобода* принадлежала государыне

* "Нигде больше в России не найти типографии, как только в *Александровой слободе*" (лат.). — Ред.

императрице *Елисавет Петровне* к собственным ея вотчинам с того времени, как она была еще принцессою. Наследовала ли она сею слободою вместе с другими вотчинами от покойной своей матери императрицы *Екатерины Алексеевны*, хотя вероятно, но заподлинно неизвестно. Некоторые уверяют, что император Петр II подарил сперва Александрову слободу сестре своей великой княжне *Наталии Алексеевне*, а после ея смерти цесаревне *Елисавет Петровне*, но о сем можно еще известиться. Императрица *Елисавета*, вступив на престол, учредила для управления собственных своих вотчин особливую канцелярию, которая *собственною* и называлась. Почему Александрова слобода зависела также от оной канцелярии. Будучи принцессою, имела она собственную свою конюшню, которая осталась также и во время государствования ея императрицею и называлась *малою конюшнею* под ведением особливаго шталмейстера, которой не зависел от обер-шталмейстера, ниже от Придворной конюшенной канцелярии. Чаятельно, в сие также время и конской завод учрежден или оное заведение должно приписать императрице *Екатерине Алексеевне*. Или оное не старее ли? Сии обстоятельства постараюся я при способнейшем случае подробно изследовать и объяснить. Ныне славно государствующая все милостивейшая государыня императрица за благо разсудила собственные вотчины пресветлейших ея предков присоединить к государственным доходам. Итак, теперь Александрова слобода зависит от Главной дворцовой конюшенной канцелярии и находящейся от оной в Москве канторы.

Сии суть мои примечания о месте, кое до сего в географии мало известно было что тем менее излишним казаться может, чем удостоверяет, что Александрова слобода будет городом и по его положению будет причислен к Володимирскому наместничеству.

К сему должно еще прибавить, что к Александровой слободе для работы при заводе и для внесения туда податей, кои на тамошние разходы употребляются, приписано 8300 душ мужескаго пола, в следующих местах живущие:

1. Посадские в самой слободе	}	на прежде упомянутой большой дороге
2. В Слатине		
3. В селе Коринском		
4. В Старой слободе, коя ниже упоминаема будет	}	все не в дальнем разстоянии
5. В Новой слободе		
6. В Ивановской		
7. В Андреевской		
8. В Ирсковской		
9. В Рождественской		

Сверх того управитель в Александровой слободе имеет надзирание над двумя малыми конскими заводами в Суздальском уезде, кои суть: *Гавриловская* слобода, в 90 верстах от Александровой слободы, от Суздаля — 24, а от Юрьева Польскаго — 28 верст; там содержится 20 жеребцов и 100 кобылиц; *Шакиова* — в 6 верстах от Гавриловской, где 10 жеребцов и 60 кобылиц, по большей части вороночалых.

Отсюда простирался мой путь к Переславлю-Залезскому, прежде бывшему провинциальному городу Московской губернии, которой впредь принадлежать будет к Володимерскому наместничеству.

6-го июля поутру на развете отправился я из Александровой слободы и прибыл в 9 часов пред полуднем в Переславль-Залезской. Дорога вела меня чрез следующие места:

Старая слобода, 6 верст от Александровой, принадлежит к конскому заводу. В сем месте была перемена лошадям, потому что управитель обыкновенно старается посадских в Александровой слободе от подвод освободить.

Риминское — село в 9 верстах от Старой слободы, помещичье, содержащее в себе около 70 дворов. Оно принадлежало к собственным вотчинам императрицы Елисаветы Петровны, которая пожаловала оно некоторому *Шубину* вместе с другими деревнями, всего с 2000 душ. Маленькая речка *Сера* мимо сего села протекает к Александровой слободе, к Киржацкому монастырю и до Клязьмы.

Самарово — село в 10 верстах от Риминского, есть экономическое. Оттуда до Переславля-Залезского 10 верст, всего от Александровой слободы 35 верст. По сей дороге любопытствовал я примечать на тот большой лес, от коего город Переславль мог называться *Залеским*, но нигде большего лесу не усмотрел. Густые кустарники около Риминского и Самарова можно почтеть за признаки, что прежде там большие леса были. При сем может притти на мысль усердному патриоту, сколь великаго впредь в лесах недостатка опасаться должно, но сие касается не только до сих стран, но и до ближних мест подмосковных, чего ради при таком путешествии, коего предмет не на то склоняется, о том умолчу.

Прибывши в Переславль-Залезской, представил было я себе взять квартиру на берегу тамошняго озера, где есть большая так называемая *Рыбная слобода*, потому что я предпринял сие путешествие наибольшее для того, чтоб осмотреть Переславское озеро и признаки бывшаго на оном кораблеплавания императора Петра Великаго, но не было к тому способности. Я принужден был стать на постоялом дворе по ту сторону реки Трубежа, так, как и все проезжающие, которые здесь только переменяют или кормят лошадей, или много что ночь здесь препровождают. Здешней воевода *Василей Петрович Чичерин* — человек честной и весьма обходительной — просил меня стать в его доме, однакож я на то не мог согласиться. Между тем не пропускал он ни одного дня, чтоб не пригласить меня и со мной находящихся к себе обедать; когда же посылал меня звать, то всегда присылал за мною свою карету. Сверх того пользовался я его учтивостию сколь часто во время моего здесь пребывания куда-нибудь мне ехать понадобилось. С архиереем, от коего полезных бесед я также уповал получить пользы, виделся я только однажды, и то было в самой день моего приезда. Он приготовился к отъезду для осмотра своей епархии, куда он в следующий день поутру и отправился.

Я пробыл в Переславле-Залеском три дни и собрал толикое число надобных известий, что мне не было тужить, что туда заехал*.

9-го числа июля под вечер в 6 часов вступил я в обратной путь к Троицкому монастырю, которой учинил по прямой большой дороге. Ради великаго дневнаго зноя разсудил я ехать ночью; нигде уже не останавливался, разве где ямщики хотели переменить усталых лошадей. Следует роспись лежащим по пути деревням.

Деревня Шолканка — в 7 верстах от Переславля.

Село Глебовское — в 4 верстах от Шолканки. В нем две деревянные церкви и около 40 дворов. Речка Вышеда течет посреди села, съединяется с речкой Кубом и впадает в реку Нерль. Помещик онаго некто Макаров.

Вытолзова — слобода в 4 верстах, в оной 40 дворов и деревянная церковь на вышеупомянутой же речке. Она принадлежит двум помещикам — *Трубникову* и *Хвостову*, из коих первый имеет здесь изрядной дом.

Куб — маленькая речка в 2-х верстах.

Село Новое — в 3-х верстах, в нем около 100 дворов и деревянная церковь.

Деревня Овинка — 4 версты, 24 двора.

Василева — дерев[ня], 1 верста, в ней 36 дворов.

Сии три деревни принадлежат *Абраму Степановичу Волкову*. До сих мест все помещичьи деревни, следуют теперь экономическия.

Сая — речка, а на оной —

Лисава — деревня, 3 версты, в ней 20 дворов. До сей деревни от Переславля считается 25 верст. По приказу воеводы переславскаго, которой послал для того наперед солдата, приготовлены здесь были перемены лошадей.

Кирибрива — дер[евня], 5 верст, в ней 15 дворов. Сия деревня в дорожных календарях означена почтовым станом, чего там не бывает. Также она за малым числом жителей к перемене лошадей не способна. Здесь считается половина дороги между Переславлем и Троицким монастырем. Я спрашивал, сколь далеко отсель или от Лисавы до Александровой слободы. Сказали: около 25 верст.

Корело — село в 4 верстах, с деревянною церквью, в оном 25 дворов.

Дубна — речка и деревня, в 3 верстах, в ней 15 дворов. Речка сия втекает в Волгу.

Едриковы горы — 3 версты, деревня, состоящая из 25 дворов.

Душищева — дер[евня] в 4 верстах, 17 дворов, в 17 верстах от Лисавы. Здесь в другой раз переменяли лошадей.

* Далее зачеркнуто: Князь *Василий Никитич Мещерский*, поручик гвардии, которой просил меня, чтоб дозволить ему быть со мною во время сей поездки, отправился отсюда в Ростов и по достохвальной своей склонности точнее осведомиться о всех обстоятельствах своего отечества охотно принял на себя труд осмотреть и описать тамошня достопамятности. — *Ред.*

Рогачова — дер[евня], 4 версты, 17 дворов.

Сватково — село в 3-х верстах, в нем 10 дворов с деревянною церковью. Оно село почитается последним в Переславском уезде по сей дороге.

Зубачева — дерев[ня] в 6 верстах, в ней 20 дворов. Отсюда почитается еще 4 версты до Троицкаго монастыря, всего от Переславля-Залескаго до Троицкаго монастыря числится 60 верст.

10-го числа июля в 6 часов поутру прибыл я к монастырю. Время сие было неудобно, чтоб приятелям моим монастырским засвидетельствовать вторично мое почтение; я поспешал также, чтоб в сей день прибыть обратно в Москву. Итак, позавтракавши немного, дабы не было нужды останавливаться на дороге для обеда, продолжал я путь мой на свежих лошадях и, переменивши оных в Братовщине, прибыл я в 3 часа после полудня обратно в Москву, утомившись весьма от дороги.

Собранныя мною в Переславле-Залесском известия следовать будут в особенном описании¹⁰.

4. [Описание Переславля-Залесского]

Переславль-Залесской построен, как надобно думать, в последней половине 12 столетия великим князем Георгием, или Юрьем, Владимировичем, сыном киевскаго великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Сей город принадлежит к числу тех, коим наложил он имена городов Южной России¹. Вместо потеряннаго Переславля на реке Трубеже построил он Переславль на озере Ключине; даже и речке, впадающей в озеро Ключино, на устье коея заложен сей город, дал он название Трубежа. То же учинено с Переславлем-Рязанским. Такое сходство названий трех рек, впадающих в Днепр, Оку и упомянутое озеро, никак нельзя почесть за случайное дело. Нет никакого различия между Переяславлем и Переславлем. Первым именем назывались оба последние города как в речах, так и на письме.

В истории не прежде упоминается о Переславле-Залесском, как уже оный в 1213 году достался в удел князю Ярославу Всеволодовичу, внуку основателя сего города. Переславль остался ему в наследственное владение, когда он, княжив в Новгороде, должен был уступить своевольству новгородцев. Сын его, великий князь Александр Невский, удержал Переславль за собою и оставил его в наследство сыну своему Димитрию. Сей владел Переславлем независимо от великаго князя, а потом в 1276 году и сам учинился великим князем; таким же образом Переславль остался за сыном его, Иваном Димитриевичем, которой не был великим князем. В 1302 году скончался он бездетен и оставил Переславль, как собственное свое владение, дяде своему, князю Даниилу Александровичу Московскому. Сей ездил туда для принятия его во свое владение, откуда возвратясь, скончался в 1303 году. Сыновья его присоединили Переславль к великому княжеству. Святой Сергий, основатель Троицкаго монастыря, в

1354 году посвящен был в Переславле епископом Афанасием в игумена. В 1407 году великий князь Василий Дмитриевич отдал город Переславль перешедшему к нему литовскому князю Александру Ивановичу Ольгамонтовичу для его содержания. То же самое учинено было в 1408 году с Швитригайлом Ольгердовичем, когда он с другими литовскими князьями прибыл в Москву. Переславль и многие другие города отданы были во власть их, ибо никаким иным образом удовольствоваться им было не можно. В то же самое время в Переславле и почти во всей Московской области была опасная заразительная болезнь, от которой много людей померло. Кто желает получить большее сведение в истории города Переславля, того отсылаем к книге, именуемой "О мятежах"².

Городское укрепление состоит из земляного вала, на коем в старину была деревянная стена, которая теперь и следа не видно. По показанию одного канцелярского известия 7174 (1666) года, сделана была новая деревянная стена, а по другому известию, столь же вероятному, земляной вал имеет в окружности 1047 сажень. По одну онаго сторону течет Трубеж, прочее же пространство объемлет большою и глубокою ров, в коем, как сказывают, прежде сего была вода, и тогда назывался он ручьем *Гроблею*; ныне зарос он травою. Сверх сего вблизи озера Ключина находится крепость. Большая часть западнаго его берега и та сторона, где Трубеж в озеро впадает, занята предместиями; сказывают, что в длину от юга к северу имеет оно 8, а в ширину 7 верст. В древних письменных делах озеро сие называется *Кишиньым*, которое имя ошибкою переименовано в *Плецино*, а потом в *Плещево*; теперь известно оно наиболее под именем Переславльскаго озера и славится более сельдами, нежели первым потешным кораблеплаванием Петра Великаго.

В разсуждении моем о потехах уже описано³, каким образом император Петр I в 1691 году завел строение фрегатов, яхт и других судов на Переславльском озере и что часто для увеселения своего ездил по озеру, пока не нашел для себя довольно обширнаго к мореплаванию места у Архангельскаго города. Император жил на холму, неподалеку от деревни Весковой (4 версты от Переславля), ниже устья реки Трубежа, в нарочно построенном для него дворце, коего ныне и следов не видно. Есть, однакоже, люди, кои помнят еще оный дворец; под горою была корабельная верфь и гавань. Когда сии потехи в 1694 году окончились, то суда были разобраны и положены в двух на берегу озера построенных анбарах. Там должны они были для вечной памяти в целости сохраняться, что и сам император, будучи в Переславле 1722 года, собственноручно подписанном указом от 7 февраля всем тамошним начальникам подтвердить изволил под опасением своего неблаговоления, но, поелику анбары стояли на низменном и сыром месте, то остатки сих судов согнили. Остался в сохранности один только корабельный бот, подобный тому, которой Петр Великий в 1723 году повелел привезти из Москвы в Петербург и назвал "протцем Российскаго флота". Оный стоит в целости в одном анбаре на горе подле деревни Весковой и подле того места, где стоял императорской

дворец⁴. Деревня Вескова и к Переславлю принадлежащая рыбацья слобода на устье реки Трубежа пожалованы были от императрицы Елисаветы Петровны фамилии Будаковых.

Кто желает представить город Переславль с окрестностями Переславльскаго озера в приятном виде, тому стоит только взойти на то место, где стоит корабельной бот: оттуда видна верхняя половина озера к городу Переславлю. В таком отдалении город со всеми своими церквями и монастырями представляет весьма великопелпный вид, которой не приметен при входе в самой город, как то обыкновенно случается. Искусной рисовальщик для лучшаго разумения географическаго его положения может присовокупить к оному изображение нижней части озера, где река Вокса, вытекающая из онаго, впадает в озеро Сумино, из коего выходит река Нерль и впадает в Волгу. Озеро Сумино по описанию имеет в длину около версты, почти столько же в ширину и отстоит от Переславльскаго озера на 4 или на 5 верст.

Земляной вал, собственно городом называемый, заключает пространство 1047 сажен по левой стороне реки Трубежа. В старину вал был выше, нежели теперь. В нем нет ворот, но только проезды. Его едва приметить можно, когда едешь с московской стороны. С ростовской стороны есть мост через р[еку] Трубеж. Вокруг города лежит посад с предместьями и слободами, кои все одна к другой примыкаются.

Внутри вала находится, во-первых, старинная каменная соборная церковь, о которой в следствии канцелярскаго известия в книге, "Торжественник" называемой, которую я, однакож, не видал, упомянуто, что она построена великим князем Георгием Владимировичем Долгоруким, сыном великаго князя Владимира Мономаха, от Сотворения мира в 6660, от Р.Х. в 1152 году. Сим подтверждается древность города. Ни город без церкви, ни церковь без города не может быть построена. Писатель, показавший год ея построения, конечно, имел причины и известия, коих уже более нет. В сей церкви погребены князь Димитрий Александрович и сын его Иоанн. Близ оной был древле дворец, в котором цари во время своего присутствия в сем городе имели свое пребывание. В Евангелии, серебром оправленном, написано следующее: "Сию книгу пожаловал государь, царь и великий князь Михайло Феодорович в Переславле-Залесском в церковь Петра Митрополита на государевом дворе лета 7147 (1639) октября в 1 день; подписал сию книгу по Приказу Большаго двorca подъячей Иван Николаев".

О двух других церквях, почитающихся теперь главными, а прежде бывших монастырскими, буду я говорить после.

Казенныя строения в городе суть канцелярия и воеводской дом, оба деревянныя. Из частных домов лучший, который, однакож, деревяннoй на каменном основании, принадлежит фабриканту Александру Филипову сыну Фадееву, Угрюмовым также называющемуся, который приобрел чин коллежскаго ассессора. Отец его, Филип Фадеев сын Угрюмов имел титул обер-директора; он посредством откупов и заведением большой полот-

няной фабрики положил начало достатку своего сына; немало также иждивения употребил на выстройку монастыря, которой служит украшением городу. Впрочем, в пространстве, валом обнесенном, находится 5 купеческих домов, 16 церковнослужительских, 25 принадлежащих приказным служителям, 27 разночинцам, 24 городским солдатам или таким, кои отставлены от службы. Итак, вообще 147 частных домов.

Вне вала в предместьях и слободах считается 320 домов, принадлежащих купцам разных гильдий, 27 церковнослужителям, 5 приказным, 89 разночинцам, 10 солдатам, да в Рыбачьей слободе 161 дом. Всего вне вала находится 594, а сложа с прежними, в Переславле находится 741 дом, из коих большая часть в худом состоянии.

Итак, Переславль не может похвалиться зданиями частных людей, напротив того, церквями и монастырями. Прежде, нежели я об них что скажу, упомянуть мне должно о бывших доселе переславльских епископах. Императрица Елисавет Петровна учредила сию епархию в 1744 году и присоединила к ней Дмитров. Также и Волоколамской принадлежит к сей епархии. Епископом оныя был Арсений, которой немного спустя потом поехал в Киев и там скончался. По нем был Серапион, а потом Амвросий, коего жизнь и несчастную смерть описал г. Новиков в "Словаре Российских писателей". По нем был Сильвестр, которой теперь на покое в Воскресенском монастыре. Геннадий, которой, как из надгробной его надписи видно, скончался епископом в Переславле 1773 года 26 августа. Антоний, переведенный 1778 года в Астрахань; сему наследовал в том же самом году Феофилакт, ученый и многими изрядными качествами одаренный муж, бывший пред тем ректором семинарии и архимандритом в Заиконоспасском московском монастыре. Для жительства назначен им Горицкой монастырь, за тем, чтоб не строить новаго дома, почему оный кафедральным и называется.

Теперь приступаю я к монастырям города Переславля и начну с кафедрального монастыря.

Горицкой кафедральной монастырь стоит в некотором отдалении от крайних посадских жилищ, неподалеку от Московской большой дороги, на некотором возвышении, так что он совершенно виден по левую руку, когда с той стороны в Переславль едешь. Изнутри города считается до него полторы версты. Горицким назван монастырь сей по возвышенному своему местоположению, которое наипаче к городу и к озеру чрезвычайно приятно. Сие место называлось сперва *Горицы*. Довольно пространные архиерейские покои и главнейшая церковь весьма много поправлены были тщанием преосвященнаго Амвросия, великаго знатока и любителя архитектуры. О построении и деяниях монастыря сего ничего неизвестно, кроме того, что он был еще во время великаго князя Василья Васильевича Темнаго, как то видно в Прологе из жития св. Даниила, основателя Даниловскаго монастыря⁵. Главнейшая церковь наречена во имя Успения Пресвятыя Богородицы с двумя приделами — Благовещения и Сретения Пресвятыя Богородицы. При ней есть также трапеза несравненной

архитектуры, в которой должны представлены быть все страсти Христовы и которую преосвященный Амвросий не имел времени довершить. Подле архиерейских покоев находится келейная церковь во имя всех святых, а на святых воротах церковь святого Николая. Неподалеку от перьвой церкви находится изрядная колокольня, под кою должна быть также церковь⁶. Весь монастырь обнесен четверугольною каменною оградою, и где прежде были монашеския кельи, там живут теперь архиерейские служители. Вне ограды живут прежде бывшие монастырские крестьяне, коих часть осталась за архиерейским домом, часть отошла к Коллегии экономии.

Данилов монастырь находится на сей же стороне Переславля, только более к югу и в двух верстах от города. Когда к нему едешь, и город еще в виду находится, то кажется, что в правую сторону стоит он в ближайшем разстоянии от Александровской, нежели от Троицкой дороги. Имя его происходит от его основателя, который потом причтен во святые, и потому есть в Прологе кратко начертание его жизни 7 числа апреля, на которое ссылаются и Четьи-Минеи. Из онаго видно, что основателя сего монастыря жил во время великих князей Василия Васильевича Темнаго и Ивана Васильевича I. Родители его переселились в Переславль из Мценска; до восприятия на себя монашества назывался он Димитрием; в оное состояние вступил он в Боровском Пафнутиево монастыре и наречен Даниилом. Там препроводил он девять лет и два года в пустыне. По смерти отца своего возвратился в Переславль, где старцы монастыря Пречистыя Богородицы на Горицах избрали его себе архимандритом; потом построил он для себя особой монастырь, которой и поныне Даниловским называется. Великий князь Василий Васильевич, быв некогда в Горицком монастыре, приказал архимандриту Даниилу перейти из Горицкого в свой собственной монастырь и собрать там братию. По учинении сего, при великом голоде число братий умножилось до 70 человек, но он малым запасом не только монастырь, но и жителей оныя страны чрез 8 месяцев до следующей жатвы прокормил. Великий князь и супруга его, великая княгиня Елена, столь высоко его почитали, что при крещении детей своих, князя Ивана Васильевича и Георгия, имели его восприемником. Наконец, в 7048 (1540) 7 апреля скончался он, пожив немного более осмидесяти лет, и погребен в церквви святыя Троицы у самыя стены святаго жертвенника. При сем случае учиню я краткое примечание, касающееся до летоисчисления. Великий князь Василий Васильевич княжил от 1425 года по 1462 год, следовательно, не может быть, чтоб св. Даниил жил в его время. Вместо Василья Васильевича должно положить великаго князя Василья Ивановича, правительствовавашаго от 1505 до 1533 года, притом же не перьвой, но последний имел супругу Елену; она была дочь литовскаго князя Михаила Львовича Глинскаго. Итак, с большим основанием сказать можно, что св. Даниил родился в 7016 (1508) году, естли он не более 80 лет жил. В монастыре находится на камне высеченная надпись такого содержания, что в 7161 (1653) году 30 декабря

найдено тело сего святого угодника невредимо. От сего знаменитого времени почитается он святым.

Главнейшая каменная церковь в монастыре во имя Живоначальных Троицы построена в 1693 году иждивением боярина князя Ивана Петровича Барятинскаго; сие известно также из надписи. Но когда построены монастырския каменные кельи и ограда, то неизвестно. Прежде времен св. Даниила, а может быть, долгое время и после того, все там было деревянное. Строение каменное, по-видимому, едва ли было до времен царя Алексея Михайловича⁷. Монастырь сей по новому уложению Святейшаго Синода относится ко второму классу; в нем определено быть 24 монахам. Нынешний архимандрит называется Иосифом, он же ректором при семинарии, состоящей из 50 учеников, которую основал преосвященный Феофилакт в прошлом 1777 году. Преподают в ней теперь начальныя основания латинскаго языка взятые из Заиконоспасскаго монастыря студенты.

Никитской монастырь, в четырех верстах от города, стоящий по ту сторону озера на некотором возвышении, с котораго озеро и окружности его видны в некотором отдалении от города, есть третий Переславской мужеской монастырь, достойный примечания по древности и по строению своему. В оном почитают св. Никиту Столпника, о коем я предлагаю здесь известие, из Пролога взятое, за тем, чтобы оно служило к познанию истории сего монастыря. Он уже был в то время посвящен святому великомученику Никите, когда сей новый угодник, раскаясь о многих и тяжких своих согрешениях, постригся в нем в монахи. В Прологе не означено времени, когда сие происходило, также не сказано, когда он скончался. Однакож о времени, в которое он жил, можно заключить из упомянутаго в том же месте происшествия, что князь Михаил Черниговский посещал его для получения от него в тяжкой своей болезни исцеления и возвратился здрав. Сему никому иному быть нельзя, кроме Михаила Всеволодовича, которой в 1245 году от татар в Орде убит. Следовательно, монастырь сей построен в одно почти время с городом Переславлем. Итак, он еще древнее Святотроицкаго Сергиева монастыря, которой почитается древнейшим во всей Северной России.

Столпником проименован св. Никита по следующей причине. В восточной церковной истории с 5 и 6 столетия по Рождестве Христове известны уже *стилиторы* (которое слово на российском языке может быть переведено столпником), что они в пустынях высокие столбы (по-гречески *στυλος*), а поверьх оных малое жильце строили, в коих они приносили о грехах своих покаяние и, не будучи никем в оном благоговении обеспокоены, остальную жизнь проводжали. История повествует, что они на столбах по 20 и 30 лет жили, и окрестные монахи, которые также в пустынях жили, им пищу приносили. Таковой был *Симеон Стилитор*, или Столпник, коего память Греческая и Российская церковь 1 сентября празднует. О другом столпнике того же имени (ибо различное их житие оное свидетельствует) в Четьи-Минеи и Прологе 24 мая читать можно. С сим

хотел житием сравниться св. Никита. Но он построил свое жилище не на столбе, а на земле, на самом том месте, где в 1763 году возобновлено каменное здание; впрочем, если прежнее с нынешним, чему и верить должно, одинакой величины было, то оно столь узко, что он там лежать не мог, но всегда стоять, сидеть или, опершись руками на перекладину, вперед наклоня голову, спать был должен. Для большего еще покаяния носил он на голом теле чрез грудь и спину крестообразно тяжелыя цепи (вериги). По Прологу, в таком состоянии святой муж находился, как его посетил черниговский князь Михаил. По преданию, был он убит людьми, которые пришли туда не с добрым, но со злым намерением, чтоб отнять у него железную цепь, которую почли они за золотую, потому что она от употребления светилась. Его погребли в церкви. На том месте воздвигнута не великолепная гробница. На оной лежат для памяти цепи, на которых ради тяжести без удивления смотреть не можно. В Четьи-Миней и Прологе для того на 24 число мая память его назначена, что в тот же день празднуется память и другаго Симеона Столпника. В Четьи-Миней стоит в тот же день преставление преподобнаго отца нашего Никиты Переславского Чудотворца, о нем же в Прологе. Но о сем в Прологе совсем не упоминается, а должно искать в другом месте. Построение монастыря, церквей, келей и ограды каменных приписывают царю Ивану Васильевичу, а до того времени было все строение деревянное⁸. Частое царское пребывание в Александровой слободе было тому поводом. Монастырь причисляется к 3 классу. В нем находится настоятель (игумен) и 12 монахов.

Никольской монастырь лежит в городе, но за земляным валом и назначен к уничтожению. Малое число монахов, там находящихся, не получает никакого жалованья. Они испросили себе оной на собственное попечение и питаются от церкви и милостиваго подаяния городских жителей.

Борисоглебской. Под сим именем заключались два мужские монастыря: один в городе, из коего монахи переведены в другой, а церковь объявлена приходскою; другой находится вне города, неподалеку от Никитскаго монастыря, на берегу Переславскаго озера. Теперь он служит епископу загородным домом. Оба монастыри каменные.

Федоровской девичей монастырь лежит вне города, неподалеку от Горицкаго; в нем находится игуменья и 30 монахинь. Церковное монастырское строение каменное, ограда не столь хороша, как у других монастырей, и, кажется, что оной мало посещают, ибо все внутреннее пространство заросло травою. Но в нем находятся 3 каменные церкви: 1) Феодора Стратилата, 2) Казанския Богородицы, 3) Введения Богородицы с двумя приделами — Знамения Богородицы и Адриана и Наталии. О истории монастыря ничего неизвестно⁹.

Богородицкой, был до 1740 года малой девичей монастырь посреди города, о происхождении и древности коего ничего неизвестно¹⁰. Все строение было деревянное. Богатой мещанин Филипп Фадеев сын Угрюмов вместо деревянной церкви Владимирской Богородицы выстроил

новую, весьма хорошую в то же имя, каменную. Он построил еще и другую церковь во имя св. Александра Невского, потому что сын его Александром назывался; ограду сделал также каменную. Он бы и келью построил каменья, если бы Святейший Синод по новому учреждению 1763 года не повелел монастырь уничтожить, а монахинь, коих числом было 80, разделить в Федоровской монастырь и Александрову слободу. Поистинне довольно монастырей в Переславском уезде. Новым, изживением Угрюмова построенным церквам, лежащим посреди города и возле старой соборной церкви Преображения Господня, приличнее быть соборными, каковыми оныя Святейшим Синодом и объявлены.

Вознесенской, бывшей девичей монастырь в городе по ту сторону *Трубежа*, деревянной, в то же время объявлен приходским.

Сего уже довольно о монастырях сказано. Теперь следуют приходския церкви, которыя не были монастырями.

Каменные: *Петра Митрополита*, *Симеона Богоприимца*, *Сергия Чудотворца*, *Иоанна Предтечи* и *Илии Пророка*. Деревянная *Рождества Богородицы*, по ту сторону *Трубежа*. В сих монастырях и церквях находятся четверы публичные бьющие часы. В *Горицком*, *Даниловом* и *Никитском* считают часы иностранным образом. В *Никольском* древний Российский сохраняет образ.

Число жителей в городе Переславле следующим известием определить можно.

В службе находятся:

Воевода и его товарищ, прокурор и казначей, 2 секретаря,
16 канцелярских служителей,
1 поручик и 56 солдат с унтер-офицерами при канцелярии,
1 поручик для посылки,
1 дворцовой мундшенк с повелением, чтоб определить его к делам.

Подушной оклад платят:

По ревизии 1763 года купцов 913 душ
По новому учреждению, которые платят по капиталу, купцов 223
В подушном окладе находящихся мещан 522
по другому известию 531

Один токмо и был перьвой гильдии купец, которой в прошлом году объявил себя банкротом.

Роспись всем в городе теперь подушной оклад платящим:

Мещан, как выше	531
Разночинцов	2
Разсылщиков, бывших прежде при канцелярии	21
Сокольных помытчиков, прежде бывших служителей при соколиной охоте	70
Дворцовых садовников	6
Кузнецов	87
Кирпишников	30
Ведомства Коллегии економии	112
В ведомстве Дворцовой канцелярии находящихся жителей Рыбачей слободы	509
За разными чинами при домах дворовых людей	27

В числе мещан находятся следующие ремесленники:

2 живописца,	12 сапожников,	2 набойщика,
11 серебряников,	20 перчаточников,	6 канатников,
9 кузнецов,	1 стекольщик,	21 скорняк,
7 портных,	3 свешника,	2 хомутника,
9 шапошников,	1 столяр,	2 тележника.

У города находятся 165 ямщиков.

Питейных домов в городе — 10,
в уезде — 29.

Откуп питейных домов в городе и Переславском уезде простирается до 38 443 руб. Сказывают, что новой откуп по крайней мере четвертью, ежели не третью, возвысится.

Чтобы дать хотя несовершенно понятие о здешней торговле, то надлежит знать, что здесь находится несколько купцов, которые довольно ездят по России и посылают людей для закупки товаров, кои в окрестных городах разходятся. Здешней главной промысел составляет полотно. Жители Александровой слободы и Троицкаго Сергиева монастыря наиболее в том упражняются. С 23 июля начинается ярманка и продолжается до Петрова дни, на которую московские и другие иногородные купцы съезжаются. Каждую неделю бывают по вторникам, четвергам и субботам ярманки, на которых крестьяне продают муку, скот и разныя земляныя произведения, также деревянную и глиняную посуду, колеса, хомуты и другия вещи.

В лавках, коих числом 61, находятся следующие товары:

В 10 лавках	— шелковыя и бумажныя материи, сукна, каразеи, сшамед, байка, ленты и прочая.
В 9	— мыло, чулки, рукавицы и крестьянския шляпы.
В 2	— шапки.
В 5	— сапоги, муские и женские башмаки и туфли.
В 2	— юфт для делания башмаков и сапогов.
В 2	— разныя железныя вещи, как-то сковороды, замки, гвозди.
В 4 лавках	— толстое и тонкое полотно.
В 6	— хомуты, возжи и веревки.
В 10	— яблоки, орехи, пряники, чай, сахар, соленая рыба, икра и вязига,
В 2 лавках и погребах	— разнаго рода вина.
В 6	— ржаная и пшеничная мука, крупа и просо. Удивительно, что за Москвою нельзя найти крупичатой пшеничной муки и из нее печенаго хлеба.
В 15 лавках	— солонина и свежая говядина и баранина.

К сему принадлежат еще 6 харчевен. Свежую рыбу покупают в Рыбачьей слободе, где она в изобилии токмо весною и осенью. Во время рыбной ловли в Переславском озере ловят род сельдей, которыя коптят и зимою замороженных отвозят в Москву, но вкусом оне не столь хороши, как голландския и архангельския. Сверх сего водятся в Переславском озере еще следующие рыбы: лещи, щуки, язи, окуни, ерши, налимы, плотва и карзоха.

Из фабрик одна токмо полотняная ассессора Угрюмова в Переславле хороша; на ней 312 станков, там делают разного рода полотна, а именно полотно фламския, равендуки полуфламские и каламенки, которые скорее распродать можно, нежели тонкое полотно. Их отвозят в Санкт-Петербург и Архангельск. Малая бумажная, полотняная и шляпошная фабрика в Переславском уезде в деревне Скопиной принадлежит вдове Евдокии Солениковой. Также находится у разных городских жителей 37 станков для сукна и 17 для шелковых материй, 4 кожевенные завода и 2 мыльняныя варницы, которыя не более как токмо для здешняго городского расхода приготовить могут.

Переславской уезд разделяется на 22 стана, при которых я покажу число жителей, то есть крестьян, по ревизии, учиненной в 1763 году, с присокуплением женскаго пола, чего при казенных ревизиях не бывает. В число сие входят все обоего пола, как дети, так и старики, каковы они при ревизии были. Напротив того, в следующих годах приращение, которое до невероятности простирается, к тому не причисляется и не могло бы возбудить подозрения на погрешность и нерадение, естли бы с недельными росписями умерших и рожденных, в Москве из уездов получаемыми, не подвержено было сомнению. О неравном содержании между обоими полами судить я не могу. Может быть, причиною тому обстоятельства места, которыя в своем месте изыскать и рассмотреть должно.

Роспись станов	Мужеск[ий] пол	Женск[ий] пол	Роспись станов	Мужеск[ий] пол	Женск[ий] пол
Борисоглебской	14277	14495	Серебужской	6921	6943
Кадаев	6741	6852	Рождественской	904	922
Слободской	6052	6337	Мишутин	809	766
Никитской	3667	3740	Михайловской	686	760
Кучерской	4183	4416	Шурумской	4308	4297
Зубов	1249	1363	Пневицкой	820	850
Болшев	326	332	Новосельской	5613	5902
Нерльской	634	627	Замьпкой	2679	2947
Кинельской	3922	3842	Кистенской	2346	2223
Гулятин	1544	1505	Конютской	2146	2173
Верходубенской	2707	2684	Нильской	2094	2149
Итого в уезде:				74628	76123
Всего в городе и уезде:				76023	77019

За погрешности исчисления я не отвечаю.

Жителей считают еще другим образом, смотря по различным их обязанностям. Для познания числа каждаго состояния служит следующее показание:

По городу Переславлю	Чис[ло] душ
Всякаго звания платажных	1395
В Переславском уезде	
Ведомства Дворцовой конюшенной канцелярии	8347
Описных ведомства Канцелярии конфискации	23

Состоящих за фабрикантами	730
Помещичьих	38692
Экономических	26692
Ведомства Дворцовой канцелярии	144
	75923

Хотя сумма с прежнюю и не совсем равна, но если смотреть на число жителей земли, то сие ничего не значит.

По другому и старинному известию полагается число народа, в подушном окладе находящегося, кроме купечества, в Переславле и Переславском уезде 82039.

Все городские доходы, как в канцелярии получаютя, включая откуп питейных домов, простираются до 172346 руб. 53 коп.

Прежде был Переславль провинциальный город, и Ростов причислялся к сей провинции, но как Ростов при учреждении наместничеств стал причисляться к Ярославлю, то и Переславль причислен к Володимерскому наместничеству.

К Переславскому уезду надлежат теперь Александрова слобода и монастырь Киржач на Володимерской дороге. То место описал я на путешествии моем в Ярославль, а о сем недостает полных известий. Я упомянул в своем Географическом словаре под именем Троицкаго Сергиева монастыря, по известиям тогда у меня находившимся, что Киржач построен св. Сергием, из чего следует, что он с Троицким одинакой древности. Но если там сказано, что он отстоит от Троицкаго на 40 верст, то сие очевидная погрешность. Ибо до Переславля от Троицкаго монастыря уже 60 верст, то Киржач должен отстоять далее.

Я присовокуплю еще разстояние города Переславля от окрестных ближайших городов, так, как оно в известии тамошней канцелярии показано:

В Юрьев Польской	50 верст
В Ростов	60
В Дмитров	80
В Кашин	90
В Володимер	100
В Москву	123

Здесь собщию я все то, что во время девятидневнаго моего прибывания в Переславле приметить, изведать и собрать мог.

5. Поездка в Можайск, Рузу, Звенигород

Я намерен был третью мою поездку предприть в *Дмитров* и чрез *Клин* возвратиться в Москву, но, будучи приглашен его сиятельством князем *Николаем Михайловичем Голицыным*, чтоб я побывал у него в его селе *Вяземах*, лежащем по большой Можайской дороге, о коем месте я напомню с некоторым неосновательным сумнением в "Опыте новой Российской истории" (напечатанном в немецком собрании известий, до Российской

ской истории касающихся, часть V, стр. 316)¹, что надлежит исправить, то я согласился на приглашение его сиятельства тем охотнее, что я чрез то ничего не терял, и сам князь, там будучи, может меня снабдить объяснением о всем, что там примечания достойно. Да по моему намерению предлежал мне путь и в город Можайск, откуда я могу продолжить мою поездку и далее, смотря по способности обстоятельств. Итак, 24-го июля в 4 часа после полудни вступил я в сей путь.

Можайская дорога, коя лежит и к *Гжатской пристани*, в *Вязьму*, в *Дорогобуж* и в *Смоленск*, начинается при Дорогомиловском мосте. Сим мостом ездят чрез реку Москву, которая в вешнее время гораздо шире, нежели теперь, почему и мост не всегда одинаковую меру имеет. В теперешнее время оной длиною был во 126 шагов. Он составлен из бревен, между собою сплоченных, кои лежат на воде, и сие *живым мостом* называется. До сих мест простирается Смоленское предместье города Москвы, а по ту сторону моста находится Дорогомиловская слобода и Смоленская ямская слобода, из коих в каждой есть по деревянной церкви. Я не извещился еще, отчего мост и Дорогомиловское предместье получили свои звания.

Теперь следуют лежащие по сей дороге селения:

Голенищево — село, оное же и *Троицкое* по находящейся тамо большей каменной церкви, лежит при речке *Сетуне*, впадающей при Дорогомиловской слободе в реку Москву. Оно стоит на пригорке по левую сторону в виду, а при третьей версте дорога лежит очень близко от сего села и от реки Сетуни, которую, однакож, не переезжают. Митрополит *Киприан*, скончавшийся в 1405-м году, построил сле место, в коем иногда и жительствова². Также и иные по нем митрополиты и патриархи, свободясь от городского шуму и для уединения, там почасту, особливо в летнее время, пребывание имели. Также многия жители разнаго состояния, равно как и прислужники сего високаго начальника церкви, поселились. Оным управлял потом Святейший Синод; ныне же зависит от Коллегии эконومیи. О сем пространнее видеть можно в Степенной книге, в 13 степени, в 23 главе³. Обветшавшей деревянной дом, в коем живали патриархи, стоит и теперь. Супротив онаго лежит гора, *Поклонною* называемая, о звании коем сказывают, что как она первым возвышенным местом, чрез которое ездят со стороны города, то предки обыкновенно крестились перед оною, что еще и ныне у некоторых в употреблении есть.

Спасское — село, на речке Сетуни, в 10 верстах от Москвы, состоящее из 18 крестьянских дворов, с деревянною церковью во имя Нерукотвореннаго образа. Село сие принадлежит камергеру *Ягужинскому*.

Мамонова — дер[евня], 7 верст от Спасского, в ней 20 дворов, принадлежит графу *Ивану Григорьевичу Чернышеву*. Когда не означаю речки, то разумеется, что тут нет и что жители имеют колодези, в коих по большей части есть хорошая вода.

Одинцово — село, графа Ефимовскаго, в одной версте от Мамонова, в нем 30 дворов и деревянная церковь святаго Артемона.

Яшкина и *Покровское*, два села по обе стороны дороги, наискось одно против другого, не в дальнем между собой разстоянии, в 4 верстах от Одинцова; первое из них по правую, а другое по левую руку. К обоим ведут березами насаженные аллеи, и в обоих находятся господския дворы. Последнее принадлежит камергеру князю *Михайлу Васильевичу Долгорукову*.

Ядрынки — дер[евня], 2 версты от Покровскаго, 22 двора, принадлежит некоторой госпоже *Головиной*.

Першусово — село, в 4 верстах от Ядрынок, в оном около 70 дворов, с каменною церковниоу Покрова Пресвятыя Богородицы и каменным господским домом, принадлежит наследникам покойнаго... * *Александровича Яковлева*; строение в нем изрядное.

Вязема — вышеупомянутое село князя *Николая Михайловича Голицына*, в 9 от Першусова, а от Москвы в 37 верстах, с почтовым станом. Там есть две речки *Вяземы*, которые по дороге переезжают; первая называется *Малою*, а другая *Большою*. Между ими несколько поболее версты, но вскоре потом соединяются и под общим названием *Вязема* в 8 верстах отсюда впадают в р. Москву. На обеих выстроены крестьянские дворы, а на последней, где кончится 37 верста, стоит на возвышенном месте господской дом с прекрасным садом да большая каменная церковь о двух этажах, построенная царем *Борисом Годуновым*. Его же строения есть и стоящая подле церкви особливаго рода колокольня, каких нигде инде не видно; равным образом и плотина каменная, помощью которой Большая *Вязема* до нарочитаго пруда возвышена, и под оным находится мушная мельница. Вероятно, что сие село принадлежало царю *Борису*, еще прежде возвышения его на царство, почему можно думать, как и уверяют, что он имел здесь дом, но, уповательно, оной был деревянной, ибо ни малейших остатков, ниже следов такого строения уже не видно. То же самое можно сказать и о прежде бывшем здесь монастыре; что оной некогда был: то известно не только по изустному преданию, но и *Петрей* и князь *Хилков*⁴ то же подтверждают. Белый тесаной камень на строение возили по царскому приказанию из Москвы и из *Мячкова*, так, как и в нижеупоминаемой *городок Борисов*. Вся нижняя часть церкви построена из онаго камня, один только верх из кирпича, которой крепостию и величиною гораздо нынешний превосходит. Из древних писцовых и переписных книг 1631-го, 1656, 1675, 1676 и 1677-го годов видно, что церковь была прежде во имя Святыя *Троицы*; теперь же верхняя церковь во имя *Преображения Господня*, а нижняя св. *Николая*⁵. К оным пристроены два придела: один *Благовещения*, а другой *Архангела Михаила*, но оныя еще не освящены. Пред 1694 -м годом была там деревянная церковь во имя *Николая Чудотворца*, и тогда оное село называлось *Никольским*, что на речке *Вяземе*. Сие явствует из так называемых отказных книг, по коим сие село с прочими принадлежащими к оному деревнями из государеваго

* Пропуск в рукописи. — *Ред.*

или дворцового села стало быть помещичьим. Боярин князь *Борис Алексеевич Голицын*, которой во время малолетства Петра I весьма великия оказал государю и отечеству заслуги, получил от его величества за свою верность 25 марта 1694 года сие село и с деревнями в потомственное владение⁶. Нынешний помещик есть правнук князя Бориса Алексеевича. Отец его, князь *Михайло Васильевич*, украшал сие место построением удобнаго, хотя деревяннаго, дома и разведением весьма приятнаго увеселительнаго сада; два же флигеля при доме пристроил нынешний князь *Николай Михайлович*. Он же намерен и дом каменной вместо деревяннаго построить⁷, не упоминая о многих его поправлениях в саду и разведении оранжереи, от которой не только зрение чувствует увеселение, но и княжеской стол имеет пользу.

К Вяземе принадлежат деревни: Малая Вяземка, Зерновка, Бутина и Кобакова, кои все не более 5 и 6 верст отсюда разстоянием. Во всех (включая и Вязему) по переписи 1763-го году считалось 421 душа мужеска, а 397 женскаго полу, ныне налице 435 мужеска и 451 женскаго полу, так что в 15 лет [14] мужеска полу душ и 54 женскаго прибыло. Здесь примечается особливое нечто: во многих крестьянских дворах, построенных за немного лет тому назад, что в них избы не черныя, как во всей России, но едва их от мещанских дворов городских различить можно. Трубы от печей выведены из покоев на кровлю, окна гораздо более, нежели обыкновенно, больше числом и с стеклами. Между дворами несравненно больше разстояние, нежели в других деревнях, где от теснаго строения, ежли в одном доме сделается пожар, то и в других, соломою покрытых, нет никакого спасения, так что целыя улицы вдруг в пепел превращаются. Сие поправление завел князь *Николай Михайлович* за несколько лет тому назад; он же и поныне старается, чтоб вводить сию предосторожность у крестьян, когда они новой двор построить хотят. Правда, что сначала сие мужьям, неохотно отстающим от обычаев их предков, делало немалыя затруднения, но как князь не употребляет к тому никакого принуждения, опричь однаго благосклоннаго убеждения словами, и как он негодующим на то представляет, что он ищет в том не собственной своей пользы, но единственно их выгоды и безопасности, также и бедным подает руку помощи, то сие, кажется, будет эпохою для крестьян, что также и для способности путешествующих, ежли они где переночевать захотят, служить будет.

Я переночевал у князя *Николая Михайловича* в его весьма веселом селе Вяземе, а, отобедавши, простирал 25-го июля в 4 часа пополудни на переменных почтовых лошадах мою поездку далее к Можайску следующим, по дороге лежащими деревнями.

Касарка — дер[евня], 10 верст от Вяземы, 24 двора экономическия.

Подлипки — дер[евня], 5 верст от Касарки, 20 дворов, экономическая.

Кубинское — село, 3 версты от Подлипок, в нем 10 дворов и деревянная церковь Архистратига Михаила, экономическое.

Иконникова — дер[евня], 3 версты от Кубинского, 10 дворов, экономическая.

Нара — дер[евня] в 8 верстах от Иконниковой, в ней 30 дворов, экономическая. Из здешних болотистых мест и разных малых озер имеет свое начало река *Нара*, коя впадает в реку *Протву*, а Протва впадает под Серпуховым в Оку. Здесь есть также почтовой стан, расстоянием в 29 верстах от Вяземы.

Я переночевал в Наре по причине той, чтоб в ночное время не прибыть в Можайск; выехал оттуда 26-го июля при возхождении солнца, взявши свежих лошадей.

Крымское — село в 3 верстах от Нары, лежит на пруде, в нем 12 дворов с деревянною церквю, принадлежит *Ивану Васильевичу Янову*.

Ляхова — дер[евня], 2 версты от Крымского, 10 дворов, принадлежит одному же помещику Янову.

Каппань — дер[евня], 5 верст от Ляхова, 20 дворов, при речке *Каппани*, впадающей в Нару. Разныя помещики владеют.

Шалковка — дер[евня] в 3 верстах от Каппани, 18 дворов, экономическая.

Землина — дер[евня], 2 версты от Шалковки, 4 двора, принадлежит князю *Александру Александровичу Голицыну*.

Маденовка — дер[евня], 6 верст от Землиной, в ней 33 двора, принадлежит князю *Дмитрию Юрьевичу Трубецкому*.

Пушкино — село в 6 верстах от Маденовки с каменною церквю, от дороги в левую сторону в виду, принадлежит одному из князей *Волконских*. (Иногда погрешить мне можно в именах помещиков, а особливо когда деревни лежат в сторону от дороги, потому что тогда принужден бываю единственно полагаться на слова подводчиковых.)

Ведомка — речка между прежним селом и следующею деревнею, впадает в Москву.

Рылкова — дер[евня], 4 версты от Пушкина, влево от дороги в виду, принадлежит некоему *Петру Петровичу Савелову*, фамилии патриарха *Иоакима*, жившаго во время малолетства императора Петра Великаго. Сказывают, что сей патриарх живал здесь временно, и тогда была она деревня патриаршеская, которою, так, как и другия патриаршеския волости, отдал он своим сродственникам.

Можайск — город на речке Можайке, впадающей недалеко отсюда в реку Москву, в 12 верстах от Маденовки, 33 от Нары и 99 от Москвы, считая сие расстояние по нынешним верстовым столбам, что прежде за 90 только верст почиталось. Мнение тех, может быть, справедливо, кои думают, что умножение верст от новых землемеров не так для точности, но более угождая ямщикам учинено. Естли сие подобным образом во всей России продолжаться будет, то, без сумнения, казна понесет от того немалой убыток. В прежния времена дороги столь же исправно, как и теперь, а может быть и исправнее, измерены были. Различием старых и новых

верст не уничтожается сие сумнительство. Прежняя версты содержали в себе по 1000 сажень, итак вдвое против нынешних. Естли же справиться по Гидрографическому описанию России, сочиненному повелением царя *Алексея Михайловича*, то найдется, что разстояние между многими местами точно такое же считалось, как и после^{8*}. Есть примеры, что дорога сокращалась, когда вырубали дремучия леса, умащивали непроходимыя болота или открывали ближайшую дорогу вместо прежней окольной. Но по какой причине захочет кто избрать дальнюю дорогу, когда проложена кратчайшая?^{**}

Мое прибытие в Можайск воспоследовало 27 июля в 9 часов пред полуднем. Тамошней воевода, живущий на краю города или предместия при самом въезде, просил меня, чтоб я стал у него в доме, потому что в городе нет таких домов, где бы я мог на квартире стоять. К сей в разсуждении меня учтивости побужден он был письмом, писанным к нему от его сиятельства господина генерал-поручика и губернатора московскаго графа Федора Андреевича Остермана.

Подлинно, по наружному виду Можайск — самой бедной город, дворы ни малаго преимущества пред деревенскими не имеют, но как в деревнях я стою в крестьянских дворах, так и здесь был бы доволен всякою назначенною мне квартирою, однакож принял я дружелюбное от воеводы предложение с благодарностию и имел от того выгоду, что находился у источника, из коего потребныя мне известия почерпать мог. Г. майор Василий Алексеевич Жохов (так зовут здешняго воеводу) есть человек хороших качеств, бывший воспитаником Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, особливья оказал он успехи в практической математике. Посему он имеет причину желать лучшаго места, потому что здесь не может в пользу употреблять того, чему он обучился.

Первое, ходил я в Можайске по городу в провожании услужливаго воеводы. Каменная крепость на возвышенном месте при реке Можайке — такая, как в древния времена строить обычай был, — не содержит ничего, опричь церкви и воеводской канцелярии. У большей части здешних жителей дворы соломою крыты. Я зашел в одну купеческую лавку, где продаются всякаго роду мелочные вещи, каковыя здесь разходятся. Купец ценил все свои товары в 200 рублей, но и сего показалось мне много. Пролом, имеющейя в городской стене, приписывают полякам, кои в 1618 году городом овладеть домогались, однакож его не взяли. Разныя удельныя князья великокняжеской фамилии управляли в свое время

* Далее зачеркнуто: Что же иностранцы в Российских милях по 5 верст положили, в том нет ни малой важности. Они, может статья, полагались в том на казанские чумкасы⁹, которые почти той же меры, но они никогда за Российскую меру не приняты были. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: Естли показать тому причины и утверждать доводами, трудно бы было новым землемерам. Они обвиняют в несправедливости предшественников своих, а сии бы, естли б живы были, со излишеством, может быть, оную укоризну им возвращали. — *Ред.*

Можайском. Место, где они живали, показывают супротив крепости на пригорке*.

В тот же день в 4 часа после полудня поехал я вместе с воеводою, чтоб посмотреть Лужецкой монастырь. Сей монастырь есть мужеской, лежащей на правом берегу реки Москвы в 1 версте от города выше устья речки Можайки. Он обнесен каменною оградою, а внутри онаго находятся две каменные церкви: Рождества и Введения Пресв. Богородицы, из коих последняя с приделом Сошествия Св. Духа, а подле первой есть небольшая, но искусным образом построенная кругловатая каменная ж церковь во имя св. Ферапонта, сего монастыря основателя**.

Под преогромной колокольнею в нижнем подземном своде погребены многие особы фамилии Савеловых, над коими надгробныя камни лежат наподобие гробниц. Имена погребенных явствуют по надписям, частию на надгробных камнях, частию же на стенах находящимся. Монастырския кельи суть равным образом каменные, коих теперь поновляют. В сем монастыре положено по штату 12 монахам, но их теперь только шестеро, в коем числе 4 иеромонаха. Настоятель онаго архимандрит второго класса. Теперешний, по имени Венедикт, недавно переведен сюда из Ростова и имеет заседание на нынешний год в Московской Святейшаго Синода канторе.

По прибытии нашем из монастыря поехали мы еще в преждебывшей город Борисов, которой по канцелярскому штилу обыкновенно городком называется, хотя он, не считая развалин тамошняго каменнаго здания, ничто более простаго села не составляет. Звание показывает основателя онаго, то есть царя *Бориса Феодоровича Годунова*, равно как и город *Борисов*, или *Царев Борисов*, что на *Донце* повелением его построен. Заподлинно неизвестно, в которых имянно годах строение произведено, но как все время правления сего царя содержит только 7 лет, то сие обстоятельство большой важности не заключает. Естли положить, что он завел сие строение еще прежде возведения своего на царство, то напротив и того сказать можно, что едва ли бы он назвал оной по своему молитвенному имени; гораздо вероятнее кажется, что строение произведено в последния годы его царскаго правления, почему и не совсем отделано. Посему также легко объяснить можно, зачем ни в котором российском летописце тогдашняго времени никакого известия о том не находим, что

* Далее зачеркнуто: по левую сторону речки Можайки. Но зачем же не жили они в крепости? Может быть, затем, что тесное положение в оной было бы для них весьма неспособно или казалось им, что могут довольно жить безопасно посреди своих подданных, или, может быть, следовали они в том примеру других городов, где князья не в самых крепостях живали. Для описания же происшествий и настоящего состояния города потребно особенное сочинение. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: коего память 25 мая совершается. Неизвестно только то, по какой причине поставлена в церкви гробница сего святаго, как будто бы мощи его там опочивали. Ибо в Четии-Миней стоит, что он погребен в Константинополе. — *Ред.*

К этому тексту имеется вычеркнутое подстрочное примечание: В разсуждении сего будет следовать поправление в "Описании города Можайска". — *Ред.*

самое и служит мне извинением, что я не упомянул о том в "Опыте новой Российской истории"¹⁰.

Городок *Борисов* лежит в 10 верстах от Можайска в южную сторону, на левом берегу реки *Протвы*, произтекающей из-под востока и простирающей свое течение отсюда к городу *Верее*, которой разстоянием в 10 верстах от Борисова. Царское намерение при строении сего места, кажется, было то, чтоб лучше оборонить Москву от опасных тогда со стороны поляков нападений. Крепость построена из белого камня и кирпича четверугольная, по древнему обычаю с стенами вышиною от двух до 3-х сажень и с башнями, коих высота и до 6 сажень простирается. Одна токмо сторона сей крепости, лежащая к реке Протве, и одна башня обвалились, а остальные три стороны стоят еще в целости. Стены содержат в окружности не более 108 сажень, из коего малаго пространства можно заключить, что крепость не для помещения обыкновенного гарнизона, но единственно для убежища жителей деревенских и для защиты себя оттуда от нападений неприятельских была назначена. Вокруг обведена она глубоким, крутым и широким рвом, которой, хотя без воды, но препятствует, что без великаго труда к крепости подойти невозможно. Для сей причины не мог я измерять окружность и высоту стен и башен, которое известие получил я из канцелярии города Можайска. Вне рва по той стороне крепости, которая лежит к Можайску, стоит большая каменная церковь с колокольнею, до самага верха каменною. Сказывают, что колокольня вышиною превосходит и Ивановскую колокольню, что в Кремле Московском. Однакож в оной помощью довольно способной каменной лестницы вверх, даже до самага яблока взойти можно. Господин воевода уверял меня, что он туда взходил, но для меня было бы сие тягостно. Я не хотел также терять время, чтоб послать туда переводчика Андреева. Можно легко поверить, что по падении Годуновской фамилии церковь осталась не довершена и не освящена. Внутри не украшена она святыми образами, да и на колокольне не видно креста. Что строение не окончано сие, подтверждается и тем, что через ров нет мосту, коему понастоящему надлежало быть каменному, дабы соответствовать крепостному и церковному зданию. В том нет сомнения, что ему было быть между церковью и крепостью, однакож не видно ни малейших следов, чтоб тут что-нибудь такое было или, по крайней мере, начато. Напротив же того, каменная плотина, коею тамошняя небольшая река Протва запружена, находится еще и поныне.

В "Истории о мятежах" на стр. 226¹¹ напечатано следующее, что разумеется 1618 году, когда поляки Москву осадили: "Поиде королевич из Вязьмы и ста в Борисове городище, от Можайска 7 верст, и приходяху в Можайску многажды и выходяху из Можайска ратные люди, бишася с литовскими людьми и бои быша многии, на обе стороны многих людей побиваху и отходяху опять в Борисов и стояху немалое время в Борисове и тесноту делаша великую Можайску".

Пред семи остатками лежит село с деревянною церковью, около

60 дворов заключающее, которое никакого другого звания не имеет, опричь что слывет также *Борисовым городком*. К оному причисляются, еще другия 4 поблизости деревни. Жители в оных слывут старых служеб служилыми людьми, а не крестьянами, и кажется, что их предки определены были единственно для защищения сего места. Число оных по переписи, учиненной в 1763-м году во всех сих деревнях, изо 139 дворов состоящих, простирается до 445 душ мужескаго пола, кои положены в подушной оклад и имеют свое пропитание от земледелия. Когда одна деревня, населенная государевыми крестьянами, называется *непахотною слободкою*, то сие должно разуметь по древнему обычаю, когда некоторые государевы крестьяне платили свои подати от земледелия, а другие вместо того исправляли особенныя должности. Оных в 40 дворах считается 97 душ, кои платят подушныя деньги, а от всех вообще собирается оных 1269 рублей 40 коп. Сии и лежащая в сей окружности помещичьи деревни составляют *Борисовской округ*, которой до 1731 года от Можайска зависел, но по причине бывших тогда от жителей на можайскаго воеводу жалоб приписан был к Верее, почему на новой карте Московской провинции так и означено, однакож сие учреждение еще в 1773-м году отменилось. Борисовской округ тогда по просьбе жителей опять присоединен был Можайску, почему и на карте оное исправить надобно будет.

Сколь маловажен *Борисов городок* в разсуждении своих жителей, однакож 13-го числа сентября бывает там ярманка, на которую съезжаются купцы из Можайска, Верей и Боровска. Разумеется, что никаких товаров, кроме крестьянских надобностей, туда не возят. По дороге к Верее есть там на Протве мост.

Я удовольствовал мое любопытство в Можайске тем, что потребовал на другой день и получил некоторые письменные известия из воеводской канцелярии, кои, с тем, что я сам приметил или что мне известно, особенливое описание о сем городе составлять имеет.

От Можайска желал бы я ехать к *Конацкой пристани*, яко в Можайском уезде Петром Великим заведенному месту, разстоянием в 61 версте от Можайска, которое ради водянаго оттуда ходу в Петербурх процветало, но оное уже не принадлежит к Московской провинции — соединено с немалым числом деревень с Смоленским наместничеством и сделано городом, почему я положил пределом моего путешествия Можайск. Чтоб мне не ехать обратно тем же путем, коим я вперед ездил, были две дороги: одна через Вереею, другая через Рузу. Я избрал последнюю, потому что на оной лежит еще другой город, то есть *Звенигород* и славной монастырь св. *Савы Сторожевскаго*.

27-го июля после полудни в 4 часа отправился я из Можайска, уповая, что приеду еще засветло в Рузу, коего разстояние от Можайска прежде за 20 только почиталось, но оное содержит по новому измерению 24 версты. Однакоже туды ускорять не удалось, потому что ямской управитель вместо почтовых лошадей дал мне крестьянских.

Сначала переехал я через реку *Москву* в одной версте ниже Лужет-

скаго монастыря, а в 1 ¹/₂ верстах выше устья речки Можайки. Сие учинено без малейшаго затруднения, ибо речка едва была глубиною по колено; она же и на дне камениста. Во время высокой вешней воды переправляются через оную на плоту. Она течет здесь по низким и луговым местам, со многими кривизнами, но вскоре потом земля поднимается по обеим сторонам до нарочитых высот, на коих есть хорошая пахотная земля. В Можайске осведомился я обстоятельно о *источниках реки Москвы*, потому что из ландкарт не можно получить точнаго и основательнаго об оных известия. Люди, кои об тех местах заподлинно известны, объявили мне следующее: река Москва начинается в 40 верстах за Можайском из болота, поблизости деревень *Дровниновой*, *Сальковой* и *Михалевой*. Из самага того же болота, которое продолжается несколько к югу, вытекает также река *Протва*. Недалеко от источника дорога к Гжатской пристани, к Вязьме и далее лежит чрез реку Москву, так что источник останется от дороги влево.

Теперь следуют лежащая по дороге до Рузы села и деревни.

Ильинская Зарецкая слобода, на левом берегу реки Москвы, супротив Лужецкаго монастыря, причисляется еще к городу Можайску. Пахотныя земли простираются со всех сторон почти до самага городского строения, так что весьма мало остается места для выгона скота; сие примечание мне показалось здесь необычайным.

Тетерина — дер[евня] в 5 верстах от Можайска, 30 дворов, экономическая.

Радчина — дер[евня], 5 или 6 верст от Тетериной, в ней 30 дворов, принадлежит наследникам покойнаго графа *Ефимоевскаго*. Перед приездом туда должно ехать мимо большого лесу, принадлежащаго сей же фамилии, о чем для того напоминаю, что в здешних странах большия леса уже несколько редки. Сия деревня лежит при озере, из коего вытекает речка *Озеренка* и впадает в Москву; на речке построена мельница, а на озере находится островок и на островке маленькая роща, в коей стоит беседка. Несколько верст подалее, на правой стороне дороги, разстоянием побольше версты оказывается просеченный в разныя стороны для прогулки лес с другими украшениями.

Клементьева — слобода, иначе *Введенское* село называемая, главное место *Ефимовских* деревень, в 5 верстах от Радчины, на речке *Исконе*, впадающей в Москву. Здесь есть господской дом каменной изрядной, увеселительной и плодovitой сад с большею каменною церквью; в нем до 60 дворов крестьянских. Аллея, усаженная большими липами и довольно широкая, так что две кареты свободно по ней проехать могут, ведет отсюда к следующей *Карцовой* слободе. Все оныя украшения завел прежний владелец сих деревень князь *Борис Иванович Прозоровский* для собственного своего увеселения. Он умер бездетен. Естли нужно знать, каким образом сия вотчина досталась на государя, когда после него остались наследники, то можно будет впредь о том справиться. Государыня императрица *Елисавет Петровна* пожаловала Клементьеву слободу со

всеми принадлежностями графу *Андрею Михайловичу Ефимовскому*, которой, взявши за себя жену не своего состояния и приживши с нею детей, в 1767 году скончался.

Карцова — слобода, с полверсты от *Клементьевой*, на вышеупомянутой же речке Исконе, населена дворовыми разного состояния людьми графа Ефимовскаго; в ней 20 дворов и господская конюшня.

Вандова — дер[евня], 3 версты от *Клементьевой* на речке *Литонке*, впадающей в Москву, 15 дворов, экономическая.

Радуева — дер[евня], на той же речке *Литонке*, в 1 версте от *Вандовой*, в ней 8 дворов с господским домом и садом, принадлежит помещику *Петру Петровичу Савелову*.

Жобова — дер[евня], 3 версты от *Радуевой*, из 10 дворов состоящая, принадлежит графу *Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину*.

Брынково — село в 3 верстах от *Жобовой*, на правом берегу реки *Рузы*; в нем 24 двора, с каменной церковью во имя *Казанския Богоматери* и с деревянною во имя *Георгия Победоносца*. Принадлежит двум вдовствующим грузинским князям и их детям. Отсюда город *Руза* на противулежащем возвышенном берегу реки, вниз по течению находится в виду, до коего можно еще почесть с версту от *Брынкова*. Вообще же, вся дорога от *Можайска* до *Рузы* почитается в 24 версты. Уже смеркалось тогда, как я прибыл в *Брынково*, для того что позамешкался я несколько в *Клементьевой*.

Сказывают, что при последнем измерении верст произошло некоторое замешательство между различными землемерами, кои вышли в одно время из *Можайска* и из *Рузы*, чтоб каждому вымерять свой уезд и поставить верстовые столбы. По-настоящему надлежало бы им между собою согласиться и при меже каждого уезда сойтися вместе, но каждой из них шел своею дорогою, не заботясь от своем товарище, отчего осталась немалая полоса земли между крайними столбами каждого владения в середине. Из сего явствует, что должно необходимо учинить новое измерение верст между обеими городами.

Хотя уже темно стало и мне надлежало переправляться через реку *Рузу*, однакож старался я, естли возможно, прибыть в город. Я ехал вниз по реке даже до переправы, коя обыкновенно бывает супротив нижняго конца города. Было лунное сияние, к тому же мужики, едущие из города, уверяли меня, что нет опасности, однакож вода доставала до ступицы у задних колес моей коляски, а в других местах река и в теперешнее время гораздо глубже. Во время большой весенней воды, или когда в осень реки от дождя разливаются, употребляется здесь парома; берега же и дно у реки каменисты. Думают, что здесь в великом количестве можно бы доставать белой камень, по крайней мере для буту, но здешняя река, опричь высокой вешней воды, мелки и неспособны для перевозу онаго в другия города. Сверх того недостает здесь судов и зажиточных жителей.

Я прибыл в 9 часов ввечеру в город *Рузу* и, будучи уже прежде уведомлен об обстоятельствах сего города и слышав, что здешний воевода

г. надворный советник *Иван Федорович Аглоблин* принимает обыкновенно путешествующих, в том числе и ему незнакомых, к себе в дом для неспособности обывательских домов, то приказал я прямо ехать к его дому. Признаваясь, что то было несколько неучтиво, ибо мы приехали к нему в такое время, когда лег он уже опочивать, но я узнал то не прежде, как проехав уже нижнюю часть города и взобравшись на нарочитую гору, на которой воевода имеет свое жительство. Тогда поздно было назад поворачивать: въезд на гору был труден, съезд ради покатиистой дороги, а особливо в ночное время, мог быть опасным. Г. воевода принял меня в свой дом весьма дружелюбно, и мы имели наилучшую способность у него ночевать. Он человек честной, разумной и ученой, служил долгое время в артиллерии, а при конце, что служит к немалой его чести, был адъютантом и письмоводителем у г. генерала графа *Фермора*.

29-го июля пред полуднем ходил я с воеводою по городу, где не много нашел я примечания достойнаго. То, что называется собственно городом, имеет в окружности 468 сажень на крутой горе, от реки вышиною от 12 до 13 сажень, а с другой стороны окружен он валом, коим и та сторона помощию глубокого рва зделана неприступною. Отверстие в городском валу с верхней стороны реки, которое только одно и есть, откуда въезжают в город, можно бы назвать воротами, когда б там построено было нечто такое, чтоб отворять и запирать можно было. В сей окружности городской стоит соборная церковь каменная во имя Воскресения Христова с приделом Николая Чудотворца, воеводская канцелярия деревяннаго строения, каменная палата для казны, казенной соляной анбар и два жилища двора для воеводы и воеводскаго товарища, оба деревянныя; все прочее место в городе пусто и обросло травою. Вид с горы на заречную сторону есть несравненно приятной. В нижней части города на посаде три приходския церкви деревянные: Димитрия Селунскаго, Покрова Богородицы и Бориса и Глеба. Обывательских же дворов в 5 слободах 285. Слободы: *Никольская, Покровская, Борисовская, Ивановская и Заречная*, из коих последняя имеет свое звание от того, что лежит супротив города на заречном берегу реки Рузы. В городе 3 кабака, да 7 в уезде*.

Сказывали мне в Можайске, когда я удивлялся худому состоянию того города, что Руза мне покажется гораздо хуже. Сие нашел я так в самом деле. Жители в Рузе думают в том оправдаться, сказывая то же самое о Звенигороде. Большая часть дворов в Рузе, так, как и в Можайске, крыта соломою. Бургомистр и ратман, присутствующие в ратуше, ходят обыкновенно в лаптях; все их одеяние показывает их неимущество. Но сие не может быть иначе, ибо должность бургомистра или ратмана весьма трудна и хлопотлива, от которых зажиточные люди отбиваются¹². Нынешний ратман Афиноген Петров сын Дроздов, из мещан самага низшаго класса, избран в ратманы неволею, для того что он несколько приказные

* Далее зачеркнуто: что не может служить хорошим знаком поведения здешних жителей. — Ред.

дела знает. Когда я посылал за ним ради жалованной грамоты, данной городу царем *Михаилом Феодоровичем*, то пришел он ко мне, хотя не в немецком платье, однакож по-своему, чисто одет и в башмаках, причем оказался он мне человеком разумным и трезвым; бургомистр же был в отлучке.

В жалованной грамоте, коея содержание "Книгою о мятежах" на стр. 327 подтверждается, речь есть о тщетном нападении поляков в 1618 году на верхнюю часть города в то время, как королевич *Владислав* с великою надеждою шел против Москвы. Нижняя часть города обращена в пепел; на валу, коим укреплен верхний город, поставили жители полисадник и тем-то стремления неприятельския удержали и пр. За сие были они царем освобождены на 4 года от всех податей. Любители истории таковыя жалованная грамоты читать любопытствуют, хотя содержание оных не важно, потому я и с сей присовокуплю здесь копию: "Божиею милостию мы, великий государь и великий князь Михайла Феодорович, пожаловали есмя ружан посадских людей, что они били нам челом, а сказали: в прошлом **РКС** году поставили они на осыпи острог собою и сидели в осаде от польских и литовских людей, и всякую нужу и голод терпели, да они ж в осадное время кормили собою сто человек стрельцов, давали на месяц по пятидесяти четвертей ржи, и в городе тайник и колодезь копали сами, а что они в прошлом **РКС** году сеяли хлеба, и литовския люди тот хлеб у них пожали и потравили, и дворы их на посаде пожгли, а в нынешнем **РКЗ** году город Руза згорел, и дворы их и животы совсем згорели ж без остатку, и им де дворов поставить ныне нечим, и нам бы их для раззорения пожаловать во всяких наших податех велеть дать льготы, и мы, великий государь, царь и великий князь Михайла Феодорович всея России, ружан посадских людей пожаловали для их бедности и раззорения, во всяких наших податех и в городской поделке велели дать льготы с нынешняго **РКЗ** году на четыре годы, а в те льготные лета наших четвертных доходов и иных никаких податей, и подвод, и кормов, и к городским поделкам деловцов и подвод, покаместа льготныя лета отоидут, с них не имать, а посадския пустыя земли велели дозреть и описать, как будут дозорщики; и воеводам и приказным людям на ружанах на посадских людях с нынешняго **РКЗ** году по **РЛА** год в те льготныя лета наших четвертных доходов и иных никаких податей, и под посланников и погонцов подвод, и людских, и конских кормов не имать, покаместа льготныя лета отоидут; и поселиться им, посадским людям, в Рузе на посаде по-прежнему, где кто жывал или где пригоже. Писан на Москве лета **ЗРКЗ** августа **КН**. Подписал государев, царев и великаго князя Михайла Феодоровича всея Руси думный диак Томило Уседской".

На обороте подписано тако: "Царь и великий князь Михайло Феодорович всероссийский. Справил Гришка Иларионов".

В числе здешняго купечества нет ни одного, которой бы при учиненном в 1775 году новом учреждении записался в первую гильдию, а во второй гильдии есть только одна вдова с двумя сыновьями, которая объявила

у себя капиталу 1050 рублей, податей с оных, положив с рубля по одному проценту, составляет 10 руб. 50 коп. Но один из ея сыновей имеет также двух сыновей, кои рождены после ревизии 1763 года, почему тут уже придется с 4 человек 10 руб. 50 коп., а больше оных во второй гильдии не находится. К третьей гильдии причислены 29 семей, из коих каждая по 500 руб. и более капиталу объявили. Из сих, напр., отец с двумя сыновьями платит с 550 рублей капиталу по одному проценту, что сделает 5 руб. 50 коп. Но если причислить сюда еще и двух внучат, рожденных после ревизии 1763 года, то податей не придет и против обыкновенного подушного с 5 человек посадских окладу. Вообще же, капитал всего купечества в городе Рузе простирается до 17 500 руб., с коего приходится в казну 175 рублей, прочия же мещане платят с 733 человек подушного окладу, полагая на каждую душу по 120 коп., что составит 879 руб. 60 коп. Винной откуп умножается здесь, равно как и в других местах: преж сего состоялся оной за 8100 рублей, но ныне поднимается до 12 и, некоторые сказывают, до 15 тысяч рублей.

По посланному из воеводской канцелярии в Московскую губернскую канцелярию расписанию, находится в Рузе следующие художники и мастеровые:

кузнецов	— 2	сапожников	— 1
столарей	— 2	живописцов	— 1
бочаров	— 1	плотников	— 1
портных	— 1	для делания фольги	— 2

Может быть, если б их больше было, не достали бы они себе довольное пропитание. Два мастера для делания фольги, конечно, излишни. Лавок и прилавков считается до 30, в коих, однако, не много хорошего находится. Для крестьян, приезжающих сюда с хлебом и другими продуктами, бывает здесь торг каждую субботу. От города до устья реки Рузы считается 7 верст, а до ближайших городов, как-то до Можайска — 24, до Звенигорода — 42, а до Волоколамска — 47 верст. Озерная есть речка в 5 верстах выше города с левой стороны, впадающая в реку Рузу. По дороге к Волоколамску есть чрез оную перевоз. По рекам Рузе и Озерне из вышележащих по оным мест гоняют в большую воду много лесу, годного на строение и на дрова, плотами в Москву-реку, а по ней далее до города Москвы.

Имена волостей, принадлежащих к уезду города Рузы, следующим образом означаются:

Городской стан,	Вышковской стан,
Фоминской стан,	Хованской стан,
Кремическая волость,	Рахов стан,
Бортной стан,	Локнейшской стан,
Заможская волость,	Сестринской стан,
Тростенской стан,	Скирмановской стан,
Сычевской стан,	Шатковская волость,
Растовецкой стан,	Войноческая волость

да Юрьева Слобода

Во всех считается по ревизии 1763 года следующее число душ:

Описанных	96
Помещичьих	13 497
Экономических	8889
Всего:	22 482

Но надлежит рассмотреть притом, нет ли в особливых числах где-нибудь какой ошибки, ибо всех вообще в канцеляриях полагается 22 377, а с купечеством и мещанством в городе и уезде всего на все 23 204 человека.

Все собираемая в воеводской канцелярии доходы от города Рузы простираются до 42 885 рублей.

Земля, хотя в хорошия годы и хлебородна, однакож не более приносит, как сколько для собственного их пропитания потребно. Отсюда и из прочих, вверх по Москве-реке лежащих мест Московской провинции, не возят в Москву никаких припасов, разве помещики из своих деревень привозить приказывают.

Здесь ничего не знают о древних происшествиях города Рузы, но нечто до онаго касающееся приведено будет при Звенигороде, к коего уезду город Руза в старые времена причислялся. В 9 верстах оттуда на берегу р. Москвы показывают место, *Старое городище*, или *Старая Руза*, называемое. Там есть земляной городок на горе, вышиною, щитая от поверхности реки, против того, как при городе Рузе, только пространством менее. Внутри длина онаго — 44, а ширина — 24 сажени, в окружности — 181 сажень. Внутри и подле онаго нет никакого строения. Был ли вначале на сем месте город Руза или нет, о том не можно ничего сказать подлинно.

Собравши оныя известия о городе Рузе и его уезде, поспешал я продолжать путь свой. Обещал я княгине *Елене Алексеевне Долгоруковой*, которая меня еще с тех пор, как я был в Сибири*, милостию своею жаловала, чтоб посетить ее в ея деревне, когда по случаю недалеко оттуда буду. Мне сказали в Рузе, что она живет в 10 только верстах от того города, а от большей Звенигородской дороги в 3 верстах. Итак, я положил туды захватить, а оттуда ехать прямо в Звенигород. В 4 часа пополудни я отправился.

Каковина — дер[евня] экономическая, из 50 до 60 дворов состоящая, есть только одна по сей дороге. Расстояние оной от города Рузы должно содержать около 9 верст, потому что отсюда видна ясно деревня княгини Елены Алексеевны.

Никольское — село, цель моей сегодняшней поездки, в 10 верстах от города Рузы, имеет весьма приятное местоположение и стоит того, что княгиня летом несколько месяцев здесь препровождает. Изрядно украшенная каменная церковь во имя св. Николая Чудотворца свидетельствует о набожности сиятельной владетельницы. Дом княгини немал и

* Далее зачеркнуто: когда их фамилия в несчастливом случае находилась, особливою¹³. — Ред.

искусною архитектурою построен. Изрядной сад, пруд с рыбою, изобилующей ключами, может почестся и озером. Из него течет речка в реку Москву, по истечении которой есть мельница, от коея плотины и пруд сделался. По другой стороне господскаго дома живут до сего села принадлежащие крестьяне, составляющие около 60 дворов. Кто любит сельскую жизнь, найдет здесь в местоположении и в отдаленном виде черес озеро и до Коковиной деревни все то, что различными и переменными предметами зрение услаждать может.

Мое намерение было здесь только переночевать, но княгиня не изволила меня столь скоро отпустить, чего ради пробыл я в Никольском еще день и пользовался тем временем, как княгиня еще опочивает, чтоб привести мои путевыя примечания в порядок. 30-го июля после обеда отправился я далее, взявши лошадей от близлежащей деревни *Орешек* по письменному приказанию воеводы города Рузы.

Орешки, или *Орешкова* — деревня в 1 версте от Никольского, состоит из 20 дворов экономических. Отъехав отсюда около 2 верст, выехал на Звенигородскую большую дорогу.

Кривошеина — деревня, 5 верст от Орешковой, 7 дворов экономическая.

Опачина — деревня в 5 верстах от Кривошейной, 30 дворов, принадлежит камергеру графу *Алексею Кириловичу Разумовскому*.

Локотня — деревня, 5 верст от Опачиной, 30 дворов, на речке Локотенке, впадающей в реку Москву, экономическая.

Коринска — деревня, 7 верст от Локотни, 10 дворов, экономическая.

Устье — деревня в 1 версте от Коринской на устье речки *Маладейны*, впадающей в реку Москву, 30 дворов, экономическая.

Рыбушкина — деревня, 3 версты от Устья, на берегу реки Москвы.

Село *Людское*, или *Луцино*, на правом берегу реки Москвы, с деревянною церковью.

Егулина — деревня на левом берегу реки Москвы.

Одна против другой в 2 верстах от Рыбушкиной, или несколько больше, обе экономическая, из коих в оном 30, а в сей 40 дворов.

Подмонастырская слобода — большое экономическое село с деревянною церковью во имя св. Николая, на левом берегу реки Москвы, в 2 верстах от Егулиной, под горою, на которой стоит *Савин монастырь*. С полторы версты отсюда лежит *Звенигород* на другой горе.

Я взъехал на монастырскую гору и стал в построенном перед монастырем деревянном доме, в разных просторных комнатах состоящем, который нарочно построен для пристанища приезжим. Там готовы столы, стулья и кровати. Чего более для приезжаго человека, которой все надобное с собою везет, не нужно. Одна недостает кухня: ныне кушанье должно варить на дворе. Я прибыл туда ввечеру около 7 часов. Наместника монастырскаго не было дома, но к ночи его ожидали. То же сказано было и о воеводе. Между тем уже темная ночь наступила. 31-го июля я посетил, во-первых, наместника сего монастыря, под предводительством

котораго я смотрел все тамошния достопамятства, кои заслуживают обстоятельнее быть описаны, нежели я теперь в состоянии сделать. Потом поехал я в *Звенигород*. Посетил воеводу, в канцелярии получил объяснение о всем том, что спрашивал. Ездил с воеводою по городу и зашел с ним в дом его. Оттуда возвратился к монастырю, где для меня кушание изготовлено было. Может быть, что чего-нибудь я по причине моей торопливости недосмотрел, но сие не могло быть иначе. Надобно было мои дела здесь окончить до обеда, потому что я за потребно разсудил в сей же день ехать обратно в Москву. Подоспевший праздничный день 1-го числа августа и начинающий в тот день пост были причиною сей надобности¹⁴. Мне известно по моей поездке в Коломну, что в пост нехорошо ездить.

Звенигород превосходит древностию Савин монастырь. Я намерен сие описание заключить известиями как о городе, так и о Савине монастыре, но наперед путь свой надлежит окончить.

Оставив *Звенигород* и *Савин* монастырь 31-го июля в 3 часа после полудни на крестьянских подводах, потому что здесь почтовых лошадей не находится, езда моя была довольно медлительна.

Косино — село господина тайнаго советника *Петра Михайловича Салтыкова*, в 5 или в 6 верстах от Звенигорода, лежит вправо от дороги, на левом берегу реки Москвы и по находящейся там большой каменной церкви и по господскому дому дает изрядной вид. Несколько подале на том же самом берегу находится ветряная мельница, коих в здешней стороне редко бывает.

Барсушка — деревня, 8 верст от Звенигорода, экономическая.

Акиньино — село в 2 верстах от Барсушки, около 40 дворов с деревянною церковью, экономическое.

Иславское — село по правую руку дороги на реке Москве в некотором отдалении*; в нем находится каменная церковь и большой господской дом. Чье оно, о том подвошки объявили не согласно**.

Между 14-ю и 15-ю верстою проезжают высокою лес, которой к тому же селу принадлежит.

Уборы — село на реке Москве в 18 верстах от Звенигорода, имеет прекрасную каменную церковь и господской дом с увеселительным садом. Оно принадлежит *Володимеру Федоровичу Шереметеву*. Здесь есть чрез Москву-реку перевоз на пароме.

Здесь переменили лошадей, но весьма медлительно. Новые лошади были умучены тем, что на них во весь день хлеб с поля возили. Их надлежало сперва покормить. Сверх того подводчики просили, чтоб их переменили на половине дороги, к чему представили село *Раздоры* в 14 верстах

* Далее зачеркнуто: проехавши с версту от Акиньино, кое чрез несколько времени и после было в виду. — *Ред.*

** Далее зачеркнуто: Какая-то вдова Дашкова, которую ямщики инако Дуришкою называют, есть помещица онаго¹⁵. — *Ред.*

от Убор, но я на то не согласился, дабы от того не причинилось мне новое замедление. Напротив того, дозволил я им тихо ехать, чтоб лошади не очень утомились. Таким образом, препроводил я всю следующую ночь в дороге и при тихой езде не мог воздержаться от сна. По сей причине не записывал я лежащих по дороге деревень, о чем можно справиться и после*. В 9 верстах от Раздор проехали чрез деревню Хорошеву и там вдругорядь переправились чрез Москву-реку мостом. От Хорошева же до Москвы остается только 8 верст, по окончании которых к 1 августа в 5 часов поутру чрез Тверскую ямскую слободу прибыл в город. Итак, расстояние *от Звенигорода до Москвы* по держанной мною дороге содержит 48 верст.

К сему можно еще присовокупить примечание, что есть и другая деревня Хорошева с государевым конским заводом, недалеко от первой на противулежащем левом берегу реки Москвы. Конской завод обыкновенно состоит из 300 лошадей неаполитанской породы. К оному приписаны 929 душ крестьян, зависящих от Придворной конюшенной канцелярии, 144 десятины пахотной земли и 358 десятин сенокосу.

Собранные мною известия о Звенигороде и Савине монастыре будут следовать особливо¹⁶.

6. Описание города Можайска

Сколь некоторыя города по нынешнему их состоянию ни маловажны, однакож особенныя оных происшествия, естли к тому случай есть, заслуживают быть исследованы и обнародованы, потому что они всегда к объяснению всеобщей истории государства несколько способствуют. О построении города Можайска точных известий не находится, потому я и не отваживаюсь выводить никакой ближайшей о том догадки, разве что оной по построении города Москвы, когда Смоленск был еще удельным независимым княжеством, равно как Вязьма и Дорогобуж, к содержанию сообщения с западными соседями служить долженствовал¹. Неизвестно же и то, по реке ли Москве, или по речке Можайке город назван, также и сие, был ли сей город с самага начала укреплен, или замок, которой мы и поныне видим, в последующия военныя времена прибавлен.

В древних архивских записках, поколику мне известно, впервые упоминается о Можайске в двух духовных великаго князя *Ивана Даниловича Калиты*, скончавшагося в 1340-м году. Он написал духовныя, когда хотел ехать в татарскую Орду, куда он пять раз ездил, то есть в 1325, 1332, 1334, 1336 и 1339-м годах. Какия же [годы] здесь разумеать должно, оное для истории Можайска неважно. В обеих духовных написано, что старший его сын, *князь Симеон*, которой наследовал по нем великим княжеством, должен совокупно с Москвою и Коломною владеть также и Можайском со всеми принадлежащими к оному волостями. Итак, Можайск в тогдашнее

* Далее зачеркнуто: Я помню только, что мы. — *Ред.*

время был непосредственно соединен с великим княжением Московским, которое с сей стороны не далее, как до сих мест, простиралось.

Великой князь *Симеон Иванович* укрепил в своей духовной власти Можайск за своею супругою, дочерью князя *Федора Святославича Смоленского*, по ея жизнь. Вероятно, что он сию духовную писал незадолго пред своей кончиною (1353), потому что в ней называется он *Созонтом*, которое имя принял он при пострижении в монашество.

Брат его и преемник великаго княжения Иван Иванович, которой в 1359-м году преставился, соединил Можайск опять с Москвою и утвердил в своей духовной, чтоб старшей его сын, князь *Димитрий Иванович* (что был потом славный великий князь Димитрий Иванович Донской) владел сим городом вместе с Москвою и Коломною. Но как великой князь Димитрий Иванович оставил пять сыновей, из коих он ни одного не хотел оставить без удельнаго княжения, то при его смерти (1389) Можайск достался третьему его сыну князю *Андрею*. В духовной его (которая напечатана в "Древней Российской Вивлиофике", часть 8, № 13)² написано: "Се даю сыну своему, князю Андрею, Можайск со всеми волостями и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами, и со въездными волностями. А волости: Можайск..." и пр. Здесь следуют имена волостям и деревням, в числе коих есть и *Колоча*, которое место с 1413-го года явленным образом Богоматери прославилось, а теперь, яко лежащее в уезде *Гжацкой* пристани, принадлежащем к Смоленскому наместничеству. Сей князь Андрей соорудил там Колоцкой мужской монастырь на большой Смоленской дороге в 21 версте от Можайска и в двух верстах от впадающей в реку Москву речки *Колочи*, при коей чудотворной образ в 1413-м найден. О истории сего образа и монастыря можно видеть в Степенной книге, часть 1, стр. 532 и 566 и в Прологе под 9-м числом июля. Между уездными волостями упоминаются и *Веряя*, *Калуга* и *Медынь*, почему они тогда к уделу князя Андрея причислялись.

Князь Андрей Димитриевич видится был благочестивой государь, которой по тогдашнему обычаю не упускал сооружать новыя монастыри.

О Колоцком монастыре уже упомянуто, другой, которой им же построен, есть *Лужецкой* монастырь в одной или в полуторе версте от города Можайска, на правом берегу реки Москвы, выше устья речки Можайки стоящей. О построении сего монастыря находится известие в Прологе под числом 26-м мая: князь Андрей призвал к себе игумна *Ферапонта*, которой незадолго пред тем в Белозерском уезде построил названной по его имени Ферапонтов Белозерской монастырь, повелевая ему учредить такой же монастырь и при Можайске. Белоозеро принадлежало к уделу князя Андрея. Великой князь Иван Данилович стяжал сие княжение чрез покупку, а Димитрий Иванович отдал оное сыну своему Андрею. *Ферапонт* следовал по повелению своего князя, основал монастырь, был игуменом в оном и достиг до глубокой старости. Он там и погребен в маленькой церкви, построенной в его память. Впрочем, о князе Андрее Димитриевиче известно, что супруга его была дочь литовскаго князя Алек-

сандра Патрекеевича, вступившего в подданство Российское, что оставил по себе двух сыновей и одну дочь и что в 1432-м году преставился.

Сыновья у него были князь *Иван Андреевич Можайской* и князь *Михайло Андреевич Верейской*. Дочь его, София, в 1421-м году вышла за польского короля *Ягелла* и 21 сентября 1461 года скончалась. Некоторые польские историки хотя и почитают ее дочерью российского князя *Андрея Киевского*, однакож в Киеве не было в то время Российских князей. Наши Российские известия больше достоверны. Наименования *Можайской* и *Верейской* показывают, что сии два брата по смерти отца своего разделили между собою княжение Можайское, к которому тогда и *Верея* как волость принадлежала, однакож они оба в письменных делах всегда можайскими князьями именовались. Итак, с сего времени должно почитать *Верею* городом.

В 1434-м году оба брата соединились с князем *Георгием Димитриевичем Звенигородским* против великого князя *Василия Васильевича* и утвердились письменным договором, которой и поныне находится (см.: Древняя Российская Вивлиофика, часть 9, № 27). Но как Георгий вскоре после того умер, то держали они опять сторону великого князя и были при нем, когда он в 1445-м году ходил в Суздаль для супротивления татарскому нападению. При сем случае заключили они с великим князем *Василием Васильевичем* письменный союз, напечатанной в "Древней Российской Вивлиофике", часть 9, № 29. Сражение при Суздале (1445, 7 июля) не пощастливилось для России. Великой князь и князь *Михайла Андреевич* были взяты в плен, однакож по прошествии трех месяцев, обещавши платить выкуп, от хана *Улу-Ахмета* отпущены были. Князь *Иван Андреевич*, будучи сильно ранен, спасся бегством.

Князь *Димитрий Шемяка*, сын князя *Георгия Звенигородского*, везде разпространил слух, будто бы великой князь обязался хану для выкупа себя из полону уступить всю Россию со всеми удельными княжениями, выключая токмо княжение Тверское, которое он себе во владение выговорил. Что же сие было одна его выдумка, оное видно из следствия, потому что все российские князья при спокойном владении своих земель остались. Великой князь заплатил выкуп, собирая с любящих его подданных. В жалованной грамоте царя *Василия Ивановича Шуйского* от 24 марта 1610 года, данной фамилии господ *Строгоновых*, между заслугами сей фамилии написано, что один из предков выкупил великого князя *Василия Васильевича* из плена. Но сие столь ложное порицание тронуло бы меньше всех протчих князя *Ивана Андреевича Можайского*, потому что он от своего брата, бывшего с ним в плену, самую б истинну без труда узнать мог. По сей причине князь *Михайло Андреевич* не вступил в заговор, которой князь *Шемяка* и князь *Иван Андреевич* против возвратившагося из плену великого князя соплетали. Их извинение было такое: выкуп пусть состоит из чего бы то ни было, однакож не иначе, как великим и несносным для народа быть может. Следовательно, благосостояние отечества требует, чтобы великого князя ссадить с престола, которое, как учинено будет, то хану не от кого будет требовать выкуп.

В Троицком Сергиевом монастыре князь Иван Андреевич захватил великого князя и привез его в Москву, но оным не удовольствовался еще Шемяка. Чтобы великого князя сделать вовсе неспособным к управлению государства, приказал он ему глаза выколоть (1446, 16 февраля), однакож сие не препятствовало, что великой князь не овладел государством и управлял оным до своей кончины.

Из разных переговоров и договоров видно, что Шемяка и князь Иван Андреевич старались с великим князем примириться, которое, однакож, согласие либо не весьма основательно или маловременно было. Летописцы тогдашних времен ни о чем другом, кроме о военных действиях, упоминают, причем великой князь по большей части верх над Шемякою одерживал. Напоследок сей беспокойной князь имел свое прибежище к Новгороду, где и умер (июля 1434) и погребен в Георгиевском монастыре, где и находится его гробница.

До сих пор князь Иван Андреевич в довольной был безопасности от мщения великого князя по причине вспоможения от князя Шемяки. Теперь пошел великой князь войною против Можайска, а великой князь тверской Борис Александрович, имевшей в супружестве сестру князя Ивана Андреевича Анастасию, оного злоклучения не отвратил, кажется, по той причине, что незадолго перед тем (1452, 4 июня) выдал дочь свою Марию браком за старшего сына великого князя московского, что был потом славный великий князь Иван Васильевич. Князь Иван Андреевич с супругою своею и с детьми бежал в Литву (1454), а в Можайске поставлен был от великого князя наместник. Сюда можно бы еще присовокупить, что два сына князь Ивана, а имянно князь Андрей и князь Симеон, под званиями стародубских князей (1500) в Россию возвратились, что оба они в том же году (14 июля) вспомоществовали к одержанию известной знаменитой победы на реке Ведроше, что Андрей имел сына князя Федора, которой убит в Брянске от тамошних жителей, что Симеонов сын, князь Василий, был женат на своячине великого князя Василия Ивановича (без сомнения, по первой его супруге из роду Сабуровых) и что ни тот из них, ни другой потомства не оставил. Однакож сие не принадлежит к истории о Можайске, но может представлено быть для истории о Стародубе. Ежели же кому не памятно, что два в родословной совсем отличныя между собою поколения стародубских князей были, тот может о том прочесть мое предисловие к "Ядру Российской истории" князя Хилкова.

Князь Михайла Верейской, которой нимало в прошедшия дела не вмешался, но, напротив, всевозможныя употреблял меры, чтоб примирить брата своего с великим князем, наслаждался между тем тихим спокойствием в своем княжении. Сын его, Василий, был ему наследником, но сам без наследия скончался, что в тогдашния времена, когда удельныя княжения всяким образом и способом с великим княжением соединить старались, нимало не обычайно было. Для показания, что как отец, так и сын находились у великого князя Ивана Васильевича в милости, привожу я здесь некоторые места из единовременной летописи.

В 1468-м году восприял великой князь путешествие в Володимер, взяв с собою, oprичь своих братьев и сына Ивана, князя Василья Михайловича Верейского.

[В] 1470-м. Великой князь послал войско против Казани. При нем находились князь Юрья, князь Андрей Большой и князь Василий Михайлович.

[В] 1471[-м]. Великий князь пошел войною против Новагорода. С ним были братья его, князь Юрья, князь Андрей, князь Борис, князь Михайла Андреевич Верейской и сын сего последнего, князь Василий.

[В] 1472[-м]. Князь Василий Михайлович прибыл с своим войском великому князю на помощь против татар.

[В] 1477[-м]. Князь Василий Михайлович был с великим князем в Новгороде.

[В] 1478[-м]. Князь Михайло Андреевич там же с великим князем.

[В] 1480[-м]. Великой князь предприял поход против татар, а в Москве остались митрополит, вдовствующая великая княгиня Мария (в монахиня Марфа), князь Михайло Андреевич Верейской и московской наместник.

[В] 1486[-м]. Князь Михайло Андреевич Верейской преставился в Москве в третье воскресенье после Пасхи и был погребен в Пафнутьевом Боровском монастыре, причем великой князь Иван Иванович (сей был старшей сын великаго князя Ивана Васильевича) присутствовал.

Более не упоминается об оных верейских князьях, о Можайске же можно еще нечто напомнить, потому что великой князь Василий Васильевич при кончине своей (1462) предприял снова раздел между своими сыновьями, отказывая в духовной Можайск второму своему сыну Юрию Васильевичу. В древнем летописце самых тех времен написано следующее: [1] старшей сын, князь *Иван*, наследовал великим княжением; 2) князь *Юрья* получил города Дмитров, Можайск, Серпухов; 3) князь *Андрей* Большой получил Углич, Бежецкой Верх, Звенигород; 4) князь *Борис* — Волок Ламской, Ржев, Рузу; 5) князь *Андрей* Младшей — Вологду и Заозерье. Все сие больше изъясняется самою духовною, которая напечатана в "Древней Российской Вивлиофике", 9 часть, № 65.

В чести послуживает Можайску, что князь *Георгий*, яко второй по великом князе, над оным правительствовал. Он славился отменно храбростию. Летописцы повествуют, что некогда татары, учинив набег почти на самую Москву, лишь только прослышали, что князь *Юрье* идет, тотчас на побег обратились. Он скончался по возвращении из сего походу (12 сентября 1472), по словам одного летописателя, имея от роду 31 год, 7 месяцев и 24 дни. Рождение его было 22 января 1442 года.

После сего отдал великой князь (1480) Можайск своему третьему брату, князь *Андрею Большому*, однакож не самопроизвольно, но потому, что и четвертый брат *Борис* требовали участия в наследстве князя Георгия, которой по себе детей не оставил, и естли удовольствованы не будут, хотели перейти в Польшу. Между тем подозрение великаго князя на князь Андрея не прекратилось. Он приказал его (1491) засадить и держать в Москве под стражею, и двух его сыновей, князь Ивана и князь

Димитрия, послал в Переславль-Залеской, откуда перевезены были на Вологду, где они в Спаском Прилуцком монастыре скончались и погребены. А князь Андрей умер в своем заключении в Москве (1493 году), однакож погребен в соборе Архангельском. С сего времени Можайск не был долее управляем удельными князьями. Для великих князей и царей было сие место важно, потому что оно лежало на польской границе; сверх того великие князи обыкновенно имели забавляться там охотою. Сие пишет *Герберштейн* и уведомляет, что он при первом посольстве имел там у великаго князя Василия Ивановича аудиенцию³.

Что царь и великий князь Иван Васильевич в 1576-м году (по розрядным книгам было то 6 генваря) двум римским императорским послам — *Иогану Кобенцелю от Проссека* и *Данилу Принцу от Бухава*, — коим мир с поляками утвердить надлежало, давал в Можайске аудиенции, о том с большими обстоятельствами видеть можно в известии последнего о сем путешествии, которое под заглавием "*Moscoviae ortus et progressus*" напечатано⁴. Но при том самом и примечается, что сочинитель далее в России, как до Можайска, не был, потому что на лис[те] 240 пишет: "Домы дворян и городских жителей состоят по большей части из небольших хижин, крытых соломю. Во всех избах, кои мы видели во всей России, нет печей с трубами, а как печи у них для приуготовления только пищи и хлеба сделаны, то все наполняются дымом, и как люди живут в них вместе с дворовою скотиною, то чрезмерно загажены. Вместо оконниц, не имея стекла, употребляют холст, налитанный маслом, чтоб больше от того входило свету, или бычачьи пузыри. В Псковской же и Новгородской областях находится слюда, из которой оконницы, также и фонари чрез меру прозрачные, обыкновенно делаются". Таких пустых известий возможно ли было надеяться от царского посланника? Он же пишет, что "во всей России видели". Как будто бы он всю Россию объехал. Из самого его описания его путешествия видно, что он взявши отпущную аудиенцию, немедля из Можайска чрез Лифляндию в Немецкую землю возвратился.

О осаде поляками города Можайска в 1618-м году можно б было обстоятельнее написать, естли б "Книга о мятежах" не у каждого в руках была или быть могла. Естли рассуждать о городе по нынешнему онаго состоянию, то на бывшую княжескую столицу не походит. Крепость из толстых каменных стен с 6-ю башнями, коея окружность, по канцелярскому известию, содержит 269 сажен, хотя придает оному издали изрядной вид, но жилищкия дома тамошних обывателей не лучше, а иногда и хуже, как которые бывають у крестьян в деревнях. Крепость лежит на том конце города, откуда бы ближе было итти к реке Москве, естли бы с двух сторон глубокой ров, чрез которой с городской токмо стороны ест мост и в крепость ворота, а с двух же сторон крутизна горы в том не препятствовала. Точно говоря, ров только с двух передних от жилья сторон крепость окружает; с прочих двух сторон крутизны лежат к речке Можайке, которая, в низменных местах многими кривизнами протекая, недалеко оттуда в реку Москву впадает.

В *Герберштейново* время крепость была деревянная. Вероятно, что она при владении царя Ивана Васильевича из камня построена в том намерении, чтоб Можайск с сей стороны сделать для Москвы заградую⁵. Ибо с тех пор, как княжение Смоленское (1396 и 1404) литовским великим князем Витовтом от России оторвано было, Можайск даже до обратного взятия Смоленска великим князем Василием Ивановичем (1514), был пограничным городом великаго княжения Московскаго с Литвою. Ежели же крепость построена не прежде царя Ивана Васильевича, то удельныя князья не могли жить в крепости, которой еще не было. Потому и видно место княжескаго дома вне крепости на некотором возвышении, где теперь стоят и мещанские дворы.

В крепости находится над воротами церковь во имя Николая Чудотворца с приделом Воздвижения Креста Господня. Другая церковь во имя Святаго Николая стоит вне крепости. Обе они каменные и имянутся соборными. Опречь оных, находится в городе приходских одна каменная и 7 деревянных церквей, из коих одна прежде была девичьим монастырем. Каменная приходская церковь слывет во имя Иоакима и Анны.

В соборной церкви, что вне крепости, находится чудотворной образ святаго Николая Чудотворца, вырезанной из дерева и обложенной позлащенною серебряною ризою. Чудотворец держит в одной руке меч, а в другой город или нечто такое, город изображающее. Сей образ был некогда похищен поляками, но по примирении обратно отдан. Канцелярия есть в крепости деревянная и кладовая для казны каменная; окроме сих нет другаго строения в крепости, хотя б было бы на то место. Дно внутри крепости неровно. На низком месте собирается вода, наподобие малого озера или пруда, в коем, по-видимому, есть ключи, потому что никогда не высыхает. Подле онаго находится засорившейся колодезь, которой, чаятельно, есть очень стар. В городской стене прямо городских ворот есть большей пролом, оставшейся от польской войны, уповательно, от наступления польскаго королевича Владислава на сей город, о чем в "Книге о мятежах" прочесть можно. Опречь упомянутых ворот были еще другия со стороны жилецких домов, кои обвалились и зделаны досками. При нынешних обстоятельствах можно почесть крепость весьма излишнею. Естли оную не сохранить для древности, то можно б было употребить камень и кирпич на что-нибудь лучшее.

Сверх крепости, соборных церквей и одной каменной же приходской церкви находится еще в городе каменное строение 19 сажени в длину и 4 сажени в ширину, назначенное для охранения казенной соли. Оное еще недоделано, а стоит недалеко с приезду, едуци из Москвы.

Прежний соляной анбар был деревянной. Вокруг обывательских дворов, что посадом называют, нет никакого укрепления.

В городе считается 229 купеческих дворов, 35 поповских и церковных причетников, 8 канцелярских служителей, 109 разночинцов, 39 салдатских, статных и отставных, вообще 420 дворов, кроме воеводскаго. Купечество имеет ратушу. Полиция разделена между воеводою и купечеством,

так как и во многих других городах, где купечество, поелику исправление от них зависит, оную должность на себя сняло так, что одни только не в ведении ратуши состоящие обыватели обязаны в полицейских делах исполнять по приказам и учреждениям воеводы. Воевода имеет в канцелярии помощника, секретаря и 13 канцелярских служителей. Казначей принимает и распределяет под смотрением воеводы доходы. Поручики 28 человек салдат исполняют повеления воеводы. В ратуше управляет один бургомистр и два ратмана.

Когда в городе 139 купеческих лавок полагается, то, уповательно, торг там преж сего больше был, нежели ныне. В них не нашел я никаких других, кроме самых простых и нужных к человеческому употреблению товаров; многия лавки стоят пусты. У здешних жителей, кои живут не лучше крестьян, не можно подумать, что был какой разход хорошим товарам. Вокруг живущее дворянство снабжает себя всем из Москвы, однакож есть там и погреб для заморских вин, о изобилии коего и доброте не можно возыметь хорошаго мнения. На водку есть лучшей разход: в городе находится 6 кабаков, а в уезде 7, с коих откуп простирался прежде до 9200 рублей, однако, думают, что ныне оной до 12 000 возвысится. По воскресным дням бывает торг для приезжающих в город крестьян.

Всякой год в Петров день и спустя потом 8 дней бывает ярманка, на которую также и из Москвы купцы приезжают⁶.

Теперь следует нечто, касающееся до числа народного и доходов сего уезда, что по большой части еще объяснить поправить остается. Собранные из разных источников известия легко между собой разниться могут. Я получил такие от московскаго господина губернатора его сиятельства графа Федора Андреевича Остермана из Московской губернской канцелярии, кои из Можайска были присланы. Такие же достал я из воеводской Можайской канцелярии. Я намерен их между собой сравнить, не пропуская и те небольшие известия, кои в Топографических известиях⁷ и в Географическом лексиконе напечатаны. По всему видно, что разность происходит отчасти от того, что преж сего *Гжацкая* пристань принадлежала к Можайскому уезду, коего дистрикта народное число, хотя в некоторых, но не во всех известиях, от можайского довольно различен был. Легко бы мне было в Можайске обо всем объяснение получить, но недогадался я, чтоб в сем какое суждение или несправедливость заключались.

В печатных Топографических известиях стоит: в Можайском уезде находится 37 671 душа мужескаго полу, а в Географическом лексиконе число купечества в Можайске и Гжацкой пристани до 1245 душ полагается. Там же напечатано: число дворов в Можайске не превосходит более 200, что по вышепоказанному несправедливо. Губернская ведомость разделяет не только Можайск от Гжацкой пристани, но и купцов от мещан, а имянно полагается:

В Можайске	купцов	54	В Гжацкой прист[ани]	купцов	211
	мещан	593		мещан	425

Соображаясь с экстрактом, полученным из Можайской канцелярии, купцов состоит в городе Можайске 97 душ, кои с 27 867 рублей капиталу 278 р[уб.] 67 коп, то есть по одному проценту, платят; мещан — 550 душ.

По изустным известиям, в Можайске имеют жительство три брата Грачевых, кои, яко купцы, 18 000 рублей объявили капиталу. Естли сие справедливо и естли сии трое против прочих 94 почти вдвое пожиточнее и в казну платят, то о прочих не можно иметь выгоднаго мнения.

В канцелярском же экстракте упомянуты при городе Можайске 4 слободы с числом в оных дворов и жителей под званием прежних службей рейтарских детей, чего в губернской ведомсти не находится. Оныя суть следующие:

В Большой Горной слободе	38 душ, у них 38 дворов
В Заруцкой слободе	66 душ, у них 34 двора
В Суринской слободе	93 души, у них 43 двора
В Стрелецкой слободе	77 душ, у них 20 дворов,

также с разночинцами дворовых людей 20 душ — экономических слуг и бобылей.

В четырех слободах 282 души⁸.

Еще ж по силе того ж канцелярского известия в приход записаны оброчных двурублевых — 564 рубли.

Из чего заключить можно, что, поелику при том числа душ не означено, то оное уже в числе прежних находится.

Из сего следует полное число платежных душ в городе, кои, по канцелярскому известию, с 1280 человек 2607 руб. 77 коп. платят.

Ради Смоленской большой дороги поселены здесь также ямщики, коих число по губернской ведомсти до 307 простирается.

Можайской уезд, кроме Борисова городка, содержит следующие 4 стана:

Колоцкой,
Сосницкой,
Подрелной и
Дягилев.

В оных находится, по содержанию канцелярского экстракта, которой, однакож, в сем случае неполным и несправедливым быть кажется:

Дворцовых	9
Помещичьих	14 815
Экономических	2130 душ

Точнее и обстоятельнее губернская ведомость по следующему изчислению:

Однодворцов	55
Ведомства Канцелярии конфискации описных	142
Дворцовых	5300
Помещичьих	41 613
Ведомства государственной Коллегии экономии	4317
Итого:	51 438 душ

Всего в городе и уезде положенных в оклад и с ямщиками, и с крещеными из иноверцов 54 203 души.

Все для меня *Salvo errore calculi**, потому что здесь только списываю и каждому оставляю отвечать за свои погрешности.

Весь сбор с Можайска и Гжацкой пристани по губернской ведомости сочиняет 78 132 руб. 92 копейки. Недостает, сколь велик оной теперь, как Гжацкая пристань отошла к Смоленскому наместничеству. Меня, думаю, извинить можно в сем недостатке, потому что все известия в Можайске тщательно рассматривать и одно с другим сравнивать время не позволило.

В похвалу Можайску относится то, что там только 2 разкольника, кои за свое упорство платят ежегодно по 1 руб. 5 коп.

Разстояние от Можайска до околележащих городов содержит:

До	Гжацка	62	[До]	Рузы	26
[До]	Вязьмы	120	[До]	Звенигорода	60
[До]	Вереи	21	[До]	Волоколамска	63
[До]	Боровска	42	[До]	Старицы	130
[До]	Колуги	120	[До]	Ржева	180 верст

7. Описание Звенигорода

Хотя точное время построения Звенигорода и неизвестно, однакож нет в том сомнения, чтоб город не был в числе тех городов, кои великой князь *Георгий*, или *Юрья*, *Володимирович*, сын великаго князя *Владимира Мономаха*, в Северной России построил и по именам городов Южной России назвал. Самое имя подает повод к подтверждению сей догадки, потому что при столь многих подобных примерах других в то же время построенных городов гораздо вероятнее имя производить от города *Звенигорода*, что на *Днестре*, нежели от российского слова "звонить", которое не подает здесь никакого удобнаго изъяснения. Лучше бы было сказать, что от "звена", потому что сие слово по крайней мере употребляется при деревянном строении, и Звенигород, что на Днестре, всегда был деревянной. Тщетно бы кто утверждал, что Звенигород наш от другаго какогонибудь князя, а не от великаго князя Юрья Владимировича построен быть может, потому что нет о том никакого письменнаго доказательства. История не дает знать ни о каком другом князе, которой бы в то время основал новыя города и назвал вышеупомянутым образом. Аналогическое заключение будет по крайней мере силу иметь до тех пор, пока противное тому важнейшими доводами доказано не будет¹.

О Звенигороде, что на реке Москве, упоминается с 14 столетия в древних архивских записках. Великой князь Иван Данилович, внук великаго князя Александра Невскаго, отказал оной в духовной своему младшему сыну князю Ивану Ивановичу (старшей и преемник великаго княжениа был Симеон Иванович) в удельное наследство. По смерти Симеона

* "С правом на ошибку в вычислениях" (лат.). — Ред.

соединил Иван Иванович Звенигород опять с великим княжением Московским, но когда он сам делал также духовную, то последовал в том примеру своего отца и утвердил, чтоб младшей его сын, которой также Иваном назывался (старшей был славный великий князь Дмитрий Иванович Донской), Звенигородом наследовал. Сей умер еще при жизни брата своего великого князя бездетен, почему Звенигород вторично соединен был с Москвою, однакож от онаго опять отошел, когда великой князь Дмитрий Иванович такой же раздел, какой его отец и дед учинили, предприял между своими сыновьями Василием и Георгием. Василий Дмитриевич учинился великим князем, а Георгий Дмитриевич получил княжение Звенигородское.

Город Руза во всех оных духовных упоминается, что вместе с Звенигородом достовался тому ж князю, которой наследовал последним. Принадлежащая к обоим княжеские и помещичьи деревни со многочисленным дворянством зделовали Звенигородское княжение весьма знаменитым. В 1390-м и 1391-м годах упоминается в летописях о звенигородском епископе Данииле, который присудствовал в Москве при духовных действиях.

Князь Георгий с своим сыном при владении великаго князя Василия Васильевича Темнаго составляют большую часть всеобщей Российской истории. Я приведу здесь достопамятнейшее онаго для того наипаче, что Георгий и по изустному преданию в Звенигороде известен, а церковная история сооружение *Савина* монастыря ему приписывает. Георгий имел в супружестве *Анастасию*, которая 11 июля 1422 года в Звенигороде скончалась и погребена в Москве в Вознесенском монастыре. Великий князь Василий Дмитриевич в 1424-м году зимою, чувствуя приближающуюся свою кончину, послал по своим братьей Георгия и Андрея и открыл им, что назначает преемником великаго княжения сына своего *Василия Васильевича*, которому тогда от роду было только 10 лет, а на них надеется, что в наследстве ему припятствовать не будут. Братья подтвердили тое клятвою, после чего великой князь, вручивши правительство супруге своей Софии, дочери великаго князя *Витофта* Литовскаго, 3 февраля 1425 года скончался.

До тех пор было в России употребительно или, по крайней мере, часто случалось, что младшая братья старшим преимущественно перед сыновьями покойнаго, особливо, когда сии были малолетны, в правлении последовали. Митрополит Фотий, почитая сие либо справедливым, или полезным для государства, после смерти великаго князя послал к князю Георгию в Звенигород с известием, и чаятельно, и с приглашением, чтоб не медля в Москву прибыл. Но Георгий, опасаясь Витофта, не пошел в Москву, но в Галич, по коему городу, яко ему же принадлежащему удельному княжению, он в летописях с сего времени *князем галицким* называется*. Вероятно кажется, что великой князь Василий Дмитриевич пред

* Далее зачеркнуто: Как сие прежде того не видно было, а поелику он до того ни под каким иным титулом, опричь князя звенигородскаго, не был известен. — *Ред.*

своею смертию отказал Георгию в наследство сие княжение с тем, чтоб тем больше обязать его к верности в разсуждении малолетнаго сына своего. Между тем удержал Георгий и *Звенигород*, а по брату своему, князю *Дмитриюевичу*, когда сей в 1428 году скончался, получил и город *Дмитров*.

Достальное о князе Георгии вкратце предложено быть имеет. Любо-честие и могущество побудили его упорствовать великокняжескому правлению, а братья его жили в их княжениях спокойно. Он вел войну против великаго князя, они ходили оба в 1432-м году в татарскую Орду судиться. *Василий Василиевич* остался великим князем, а князь *Георгий* пошел в *Звенигород*, оттуда же в *Дмитров* и *Галич*. Тут вооружился он снова, и великий князь встретил его с своим войском при реке *Клязьме*, где 25-го апреля 1433 года происходило великое сражение. Георгий одержал победу, вступил на великокняжеский престол и оставил великому князю и его матери один токмо город *Коломну*, на таком основании, как удельный князь обыкновенно владели их городами и землями, будучи в некоторой зависимости от великаго князя. В родословных книгах несправедливо объявляется, будто бы князь Георгий был 2 года на великом княжении Московском. Правление его было весьма строго. Он наказывал и осуждал к смерти многих знатных, которые держали сторону великаго князя *Василия*. Кто имел опасаться его немилости, тот убегал в *Коломну*, многие* и от любви к великому князю *Василию*, коего право они хотели защитить, ужасаяся притеснения и насильствия князя *Геогрия*. Посему сторона великаго князя ежедневно умножалась. Главную причину приписывали любимцу княжескому *Семену Морозову*.

У *Геогрия* были три сына: *Василий Косой*, *Димитрий Шемяка* и *Димитрий Красной*. Старшая два убили боярина *Морозова* в великокняжеских передних комнатах и убежали в *Кострому*. Георгий, увидя оставленнаго не только от большей части знатных, но и от детей своих, послал к великому князю в *Коломну* с предложением, что он намерен уступить ему великое княжение, а сам довольствоваться будет *Звенигородом*, приехал бы великой князь в *Москву* и принял бы правление. В самом деле Георгий отправился в *Звенигород* и оттуда в *Галич*. Великой князь присовокупил к его уделу еще город *Белоозеро* и заключил с ним договор, коим обещался сыновей князя *галицкого* не принимать в свое защищение. Он сделал и более того, высылая против сих князей войско, однакож оно было побито, и полководец его взят в полон. Между тем князь Георгий и его дети мирились, и соединив свои силы, выступили вторично против великаго князя. Великий князь потерял еще сражение и в другой раз лишился престола. Мать великаго князя и жену его сослал Георгий в *Звенигород*, а за великим князем приказал гнаться младшим его сыновьям с войском. Они находились в *Володимере*, а великой князь в *Нижнем Новгороде*, как пришло к ним известие, что отец их в *Москве* преставился и что старшей

* Далее зачеркнуто: также делали. — Ред.

их брат принял правление. Сей смертной случай последовал 5 июля 1434 года. От того произошел совсем иной поворот в делах. Толь многим и нечаянным переменам, случившимся в толь короткое время, не много случится примеров в истории.

После того младший князя, не хотящие быть под властью своего старшаго брата, дали знать великому князю, что он безопасно может возвратиться к Москве, обещались ему от себя и вспоможение. Сим образом великой князь возшел опять на престол и за толь важную ему услугу воздал им также свою благодарность, уступая города Углич и Ржев князю Димитрию Шемяке, а Бежецкой Верх, полученной от Новгорода, князю Димитрию Красному, Василий же Косой, бывший один только месяц в Москве у правления, а потом в Галич удалившийся, приуготовлялся вновь к воинским действиям.

Более ничего о нашем Звенигороде летописцы не объявляют¹. Правда, что были другие звенигородские князья, имевшие свое прозвание от Звенигорода, что на Днестре, но об них, яко сюда не принадлежащих, по долгу не напоминаю.

Звенигород лежит на горе на левом берегу реки Москвы, в которую здесь впадает небольшая речка Жерновка. Гора разделяется буераком на две части, коих вышина, по канцелярской записке, от поверхности реки до 25 сажень (но, уповательно, не перпендикулярно) содержит. Мне она показалася не выше той, что в Рузе. На той части горы, что с нижней стороны реки, стоит канцелярия. Сия часть города называется *Конюшеною горою*, потому что, по словесному преданию, князь Георгий имел там свою конюшню, а на другой половине жил сам*. На той же половине находится большая каменная церковь, коея старина неизвестна. Внизу, в городе есть две деревянные церкви приходския. Возле первой, яко соборной, во имя Успения Пресвятыя Богородицы был, сказывают, княжеской дом, уповательно, деревянной, потому что ни малейших признаков онаго не осталось. Однакож видны следы земляного вала, коим соборная церковь и дом князя Георгия на 85 сажень в длину и 51 в ширину обнесены были. Несколько дворов обывательских стоят на отлогой горе с верхней стороны реки, а прочия занимают место под горою на самом берегу. Воеводской дом стоит также под горою, а товарищ его живет на горе, на вышепомянутом отлогом месте. Канцелярия, винной погреб и 5 соленных анбаров, заключаются в том же числе, когда по канцелярской записке, число всех дворов в Звенигороде до 125 полагается. Они по большей части так, как в Можайске и Рузе, крыты соломою. Сие самое сказано было и о воеводском доме, что, однакож, не вовсе справедливо. Нынешний воевода господин коллежской ассессор Юдин пристроил к оному несколько покоев и покрыл тесом. На старом же строении осталась кровля, однако, соломенная.

Жители г. Рузы приписывают своему городу некоторое пред Звени-

* Далее зачеркнуто: Сие, без суннения, весьма вероятное дело, потому что. — Ред.

городом преимущество, что, однакож, не столько до свойства, как до числа дворов и до промыслов жителей касается. В Звенигороде есть только два кузнеца. После ревизии 1763 года считалось там посадских 389 душ, из коих один только во время нового учреждения 1775 году записался во вторую гильдию, а осмеро в третью. Итак, все здешнее купечество состоит теперь из оных 9 человек. 376 человек мещан и 3 разночинца платят свои подати по-прежнему. Вообще, здешних жителей почитают за бедных людей, коим торговое дело и прибыточные промыслы неизвестны. В одни только воскресныя дни бывает небольшой торг, когда крестьяне из деревень съезжаются в город с хлебом, пенкою, холстом, посудною, и тому подобном, в кое время и сидят здешние жители в 6 лавках и продают кресты, перстиги, серьги, оловянные и медные пуговицы, шелковые ленты, набойку, шерстеные кушаки, мелкия булавки, постное масло, мясо и соленую рыбу. Ярманки здесь не бывает, но у близлежащего монастыря, уповательно, для того, что купцы надеются там сыскать более для себя польности; из здешних 9 купцов не ездит ни один на чужие ярманки. В городе есть 2, а в уезде 10 кабаков. Прже сего кабацкой откуп состоялся в 6600 руб., но думают, что ныне возвысится до 8[000] или 9000 руб.

В Звенигородком уезде в деревне *Пономаревой*, что на реке *Хабенке* в 8 верстах от города, есть *шелковая фабрика* саксонскаго придворнаго советника *Никласа* и сверх того дом; всякия шелковыя товары весьма хорошо там делают. Ближайшая туда дорога есть та, что лежит к *Можайску*, разстоянием от *Москвы* около 50 верст. Работу на фабрике исправляют купленные крестьяне, платящие подушных денег с 114 душ. Сюда причислить 7181 душ помещичьих крестьян, 6303 экономических, 50 дворцовых и 21 однодворцов и старых служб рейтарских детей, то всего в Звенигородском уезде на подушном окладе состоящих придет 13 669 душ.

Вообще, как в городе, так и в уезде считается 14 056 платежных душ, а всех доходов с города и уезда приходит около 33 000 рублей.

Разстояние Звенигорода

От Можайска содержит	60
От Боровска	60
От Вереи	55
От Воскресенскаго монастыря	25 верст

8. Известие о Савине Сторожевском монастыре

Савин Сторожевской монастырь лежит на левом берегу реки *Москвы*, от *Звенигорода* с версты или полутора версты вверх по реке на горе, которая долиною отделяется от той, на которой стоит город, и вышиною не много от ней разнствует. Звание *Савин* есть от св. *Савы*, основателя и перваго игумена сего монастыря, ученика св. *Сергия*, основавшего Свято-Троицкую *Лавру*. *Сторожевским* называется потому, что живший в то

время князь *Георгий Звенигородский* содержал на той горе, где стоит монастырь, *сторожу* для предостережения от насильственных нападений и заблаговременного о том уведомления. *Сава* построил свой монастырь по побуждению князя на *Сторожах*, из чего следует, что сие место называлось уже так прежде монастыря. И как та гора, на которой стоит Звенигород, называется *Конюшенною горою*, так и сия называется *Сторожи* или горою *Сторожевскою*. По Четым-Минеям и по Прологу известно о святом *Саве*, что он святым *Сергием* принят был в монашество; пребывал сперва один на горе, на *Сторожах*, а потом князь звенигородский, которого имени там не упомянуто, просил его, чтоб построить на оном месте церковь. Сие он исполнил и построил притом и монастырь, в коем 3 декабря (не упоминается, в коем году) скончался. Я постараюсь то, что здесь недостаточно, другими известиями дополнить.

Когда святой *Сава* был учеником св. *Сергия* и от него принят был в иноческий чин, что по обстоятельствам времени, поелику монастырь св. *Сергия* в тогдашнее время был почти одним или, по крайней мере, главным в северной части России, то из того вообще совершенно вероятно время жития св. *Савы* явствует. Известие, полученное мною в монастыре, в коем писано, что взято исследованной Псалтырь, служит сему подтверждением. Следуя оному, св. *Сава* преставился 3 декабря 1415 года; преставление св. *Сергия*, как из описания его жизни известно, было 25 сентября 6909 году, то есть от Рождества Христова 1390¹. Итак, св. *Сава* пережил своего наставника 25 годами. Что касается до князя звенигородского, по коего прошению святой *Сава* построил церковь и монастырь, то в монастырском известии называется он точно *князем Георгием Димитриевичем* и упоминается о нем, что *Сава* был его отцем духовным; сие согласно со временем жизни сего князя и не противоречит тому, что я в описании Звенигорода об нем упомянул. По обычаю тогдашних времен город Звенигород достался в удел сему князю после кончины его отца, великаго князя *Димитрия Ивановича Донскаго*, то есть в 1389-м году. Полагая монаха *Саву*, живущаго на горе на *Сторожах*, вскоре потом принял в свою милость и побудил его к монастырскому строению, то и он и тогда, да не прежде, начал свой монастырь строить и собирать монахов. Итак, сие было началом монастыря. Монастырское известие сверх того объявляет, что первая церковь и монастырская келья, также и ограда монастырская были сначала деревянные. Сие соразмерно с состоянием тогдашних дел, но святой *Сава* каменную церковь еще при жизни своей построил. К сему доставало ему времени, когда он до 1415 года прожил. Уповательно, что жаловавший его своею милостию князь *Георгий*, которой во время правления своего брата, великаго князя *Василия Димитриевича* жил, кажется, спокойно в своем княжении, учинил ему в том вспоможение. Сказывают, что есть то самая та церковь, которая стоит еще и поныне, словущая во имя Рождества Приснодевы *Марии*. В ней, как в главной церкви, опочивают и мощи св. *Савы*. Старина церкви должна без противоречия известна быть, и осмелюсь, разсуждая по внешнему

виду, почесть оную сотнею лет или больше. Сожалительно, что при таких достопамятствах древности никаких надписей не находится. Невозможно, чтоб деревянное первое строение было огромно и великолепно. Монастырь уже спустя после того многое время пришел в знатное состояние.

Царь *Михаил Феодорович* и царь *Алексей Михайлович* ездили туда часто для богомолья и иногда по несколько дней там препровождали. Вышеупомянутое монастырское известие удостоверяет, что там будто живали и некоторые царевны. Что же монастырь получал от того богатых дары, в том нет сомнения. По указу царя *Алексея Михайловича* в 1650-м и в следующих годах монастырь обнесен каменною оградою; тогда во оном построен и огромной каменной дворец о двух жилах длиною в 40 сажень, которой стоит и поныне, и теперь поновляется². Государь скончался, обещавшись сделать святому драгоценную серебряную раку, что царь *Федор Алексеевич* в 1680 году исполнил. Царевна *София Алексеевна* восприяла туда с обоими царями первое свое прибежище, когда в 1682-м году доносили на старшаго князя *Хованскаго*, что он с стрельцами на жизнь обоих государей и ея покушался³. Видно, что она сей монастырь не почла довольно безопасным от насильственного нападения, почему оттуда с братьями в Сергиев Троицкой монастырь удалилась.

Иконостас в соборной церкви особливо богат золотыми и серебряными окладами. Разныя большия и часто выделанные серебряные лампы пред святыми образами и мощами, равно как и тому подобныя кадильницы, свидетельствуют о щедрости тех, кои оными монастырь украсили. В ризнице охраняется сокровище золотых и серебряных церковных сосудов и показываются разные одежды царя *Алексея Михайловича*, не для того чтоб они были драгоценны, потому что то домашнее платье, но единственно для благодарнаго воспоминания сего великаго благотворителя. На близстоящей колокольне примечания достойны некоторые колокола с надписями, кои означают время, в которое они литы. Между прочими есть один колокол, коего часть надписи до сих пор никто изъяснить не мог. Он всех прочих больше и висит посреди колокольни. Благовестят и звонят в него по большим праздничным дням. Весу в нем, по надписи, 2125 пуд и 10 фунтов. Надпись состоит из двух частей: верхняя половина в шести строках вокруг колокола изображена по-русски хорошим и ясным русским письмом, а нижняя, в трех таких же строках состоящая, в разсуждении языка и письма совсем неизвестна. Надлежало б попытаться, не можно ли разобрать оную стенографическими способами. Я внесу здесь российскую надпись, а с неизвестной присовокуплю точной список. 1-е: "Бога всемогущаго в Троице славимаго всех благ дателя монастырю, пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии помощи, святаго Савы чудотворца молением, повелением христоролюбиваго монарха великаго государя, царя и великаго князя *Алексея Михайловича*, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца"; 2-е: "В 23 лето богохранимыя его державы при его государеве благочестивой царице и великой княгине Марии Ильиничны, царскаго его величества при благороднейших царе-

вичих, благоверном царевиче и великом князе Алексее Алексеевиче, благоверном царевиче и великом князе Феодоре Алексеевиче, благоверном царевиче и великом князе", 3-е: "Симеоне Алексеевиче, благоверном царевиче и великом князе Иоанне Алексеевиче и при благородных его царского величества сестрах, благоверной царевне и великой княжне Ирине Михайловне, благоверной царевне и великой княжне Анне Михайловне, благоверной царевне и великой княжне Татьяне Михайловне"; 4-е: "И его царского величества при благородных дочерях благоверной царевне и великой княжне Евдокее Алексеевне, благоверной царевне и великой княжне Марфе Алексеевне, благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне, благоверной царевне и великой княжне Екатерине Алексеевне, благоверной царевне и великой княжне Марии Алексеевне"; 5-е: "Благоверной царевне и великой княжне Феодосии Алексеевне и при святейших вселенских архиерарсах: Паисии, папе и патриархе Александрийском, Макарии, патриархе Антиохийском, Иоасафе, патриархе Московском и всея России, слит сей колокол в пречистую пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея Рождества"; 6-е: "И преподобнаго чудес источника Савы Сторожевского обитель в той же досточудной и святой Лавре в лето от сотворения света 7176 году, а от воплощения едиnorodнаго Божия слова 1667, месяца сентября в 25 день. Весу в нем 2125 пуд, 1 гривенок. Лил мастер Александр Григорьев".

Колокол весом в 29 пуд, пожалованной монастырю в 1620-м году царем *Михайлом Феодоровичем* и отцом его государевым патриархом *Филаретом Никитичем*; сей колокол от учиненной в нем трещины давно был без употребления, чего ради по определению преосвященнаго архиепископа московскаго Платона в прошлом 1777 году перелит вновь и прибавлено столько меди, что оной теперь 64 пуда и 10 фунтов весит. На колоколе, которой бьет часы, находится латинская надпись: "Si Deus pro nobis, quis contra nos"*

В монастыре есть и другие церкви, в том числе одна во имя св. Сергия над святыми воротами, освященныя 1-го декабря 7160 (1651) года, а другая ради ея чрезвычайной великой трапезы примечания достойна. Трапеза имеет в длину 41, а в ширину 36 аршин, свод без столбов, при ней церковь наподобие предела. Такая трапеза есть удивления достойна. Обширность оных была с числом монахов соразмерна. Сказывают, что их иногда до 200 в одно время было, кои все за одним столом в сей большой столовой палате (ибо сие есть точное знаменованье сего слова) обедали и ужинали. Сия церковь построена старанием царевны *Софии Алексеевны*. Она освящена 10 декабря 7201 (1692) [года]. Большой деревянный архиерейский дом, который выше ограды, имеет в себе нечто особенное, нежели как то в других монастырях при таковых зданиях обыкновенно бывает. Он построен при владении государыни императрицы *Елисаветы Петровны* архимандритом *Гергоном*, которой был также черес

* "Если Бог за нас, то кто же против нас?" (лат.) – Ред.

несколько время придворным проповедником, а напоследок скончался епископом в Пскове.

Впрочем, рассказывают, что царь *Алексей Михайлович* особливим образом жаловал сей монастырь и не дозволял, чтоб какое до онаго касающееся дело без его ведома соизволения решено было. Случались тогда и другие дела, для коих государь учредил Тайную канцелярию, коею управлял не боярин, но один из дьяков или из секретарей, не для разысквания и наказания за государственные преступления, но она была наподобие Кабинета⁴, следуя повсюду за государем и отправляя указов, которые непосредственно от государя производили.

К сему суду относились дела Савина монастыря. Все росходы и щеты сего монастыря были в Тайной канцелярии разсматриваны и поверены; поелику государь весьма часто ездил в монастырь, то знал он всех монахов поименно. Никто без его ведома и приказы царскаго не употреблен был в какую работу. Весьма вероятно, что архимандрит находился у государя в особливом почтении и доверенности. Что же рассказывают, якобы государь для учиненных от себя монастырю награждений ревновался и не позволял, чтоб другия оказывали оному свою щедрость, то сие не противоборствует ли больше общему течению природы, нежели чтобы мы оное просто так, как рассказывают, в истинну почитали?

Сей монастырь состоял прежде в числе тех, кои зависят не от епархиальных епископов, но непосредственно от Святейшего Синода, так, как прежде от патриархов. Таковыя монастыри называют *ставропигиальными* – слово, коего знаменование не из происхождения, да еще менее из совокупления греческих слов, из коих оно составлено, явствует. Оной принадлежит теперь к епархии архиепископа московскаго и имеет от того ту выгоду, что в оном заведена недавно семинария для 80 юношей – детей церковных служителей, кои будут воспитываться и обучаться для церковнаго служения. Напротив того, преосвященный архиепископ определил архимандрита сего монастыря (его зовут *Феофилактом*) в заседатели архиерейской московской консистории. Как семинария теперь еще из одних только состоит низших кланов, то и нет в ней ректора, oprичь префекта и одного учителя. Префект из Киева, зовут его *Иеронимом*, учитель из Заиконоспасскаго монастыря, что в Москве. При монастыре бывает в 10-ю пятницу после Пасхи ярмонка, которая несколько дней продолжается.

По причине той, что я здесь упомянул о Заиконоспасском монастыре, кажется кстати присовокупить примечание, до звания онаго касающееся. Некоторые мнят, что правильнее будет называть оной *Иконоспасским*, для того что сооружен в честь нерукотворенному образу, но звание произошло не по образу, но по местоположению. Идучи из Кремля к монастырю, находятся по правую руку улицы лавки, в коих выменивают святыя иконы. В разсуждении сих лавок с начала монастырскаго сооружения, которой приписывается государю царю Феодору Алексеевичу, называли оной "за иконным рядом Спасским монастырем", а вкратце Заиконоспасским.

9. Поездка в Дмитров

Всю зиму с 18-го октября прошлого 1778 года был я опять сильно болен, но в воследовавшую хорошую весеннюю погоду несколько поправился, так, что ласкался надеждою, естли и сим летом предприиму такая же небольшие поездки, каковыя в прошлом году, то могу подкрепить некоторым образом чрез то свое здоровье. Охота моя полезным быть в землеописании при том от меня не отставала.

Путь мой простирался в Дмитров, лежащей на реке Яхроме, изрядной уездной город, коего разстояние от Москвы ровно 60 верст почитается. Дорога туда лежит в середине между Троицкою, коею я в прошлом году ездил, и Петербургскою. Намерение мое было не по той же дороге возвратиться, но дабы осмотреть более мест, отправившись из Дмитрова, объехать часть окружности Московской провинции через города Клин и Волоколамск, а напоследок славным Воскресенским монастырем окончить сию поездку. Фарфоровая фабрика в Дмитровском уезде, заведенная за несколько лет аглинским купцом г. Францом Гарнером, и знатная местность в Волоколамском уезде его сиятельства генерала-фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышева немало заслуживает в сих местах внимания.

При хорошей погоде, которая уже чрез несколько недель стояла и во все время моего путешествия продолжалась, опричь того, что несколько холодноватая ночи меня беспокоили, выехал я из Москвы 11-го мая в 2 часа после полудни на ямщицких подводах, кои в первой по дороге деревне Лихоборах крестьянскими лошадьми сменены были. Перед отъездом принужден я был заплатить в Московскую ямскую канцелярию вперед от Москвы до Лихобор за 12 верст прогонные деньги, хотя по поверстным столбам считается только 9 верст. Может быть, остальные 3 версты за разстояние моего дому от заставы причтены были, что казалось мне справедливым, когда только прогоны ямщикам достались.

Лихоборы – экономическая деревня на ручье, состоит только из 12 дворов, принадлежащих к селу Егунину, которое лежит с 2 версты в левую сторону. Церковь в сем селе во имя Бориса и Глеба. Доходами онаго пользовался прежде Алексеевской девичей монастырь, что в Москве. В лошадях хотя недостатку не было, но я принужден был 3 часа ждать свежих подвод либо от бывшего за два пред тем праздника, или что обывателям села Егунина очередь была ставить лошадей, кои как гуляли в поле, то требовалось, чтоб их оттуда пригнать.

Архангельское – село, господской дом с церковью Архангела Михаила каменную, в 7 верстах от Лихобор вправо от дороги в виду. Оной принадлежит наследникам покойнаго графа Генрикова.

Виноградова – прекрасной дом генерала-аншефа Александра Ивановича Глебова, в 9 верстах от Лихобор, а в 18 от Москвы. Оной стоит влево от дороги за прудом не толь широким, как продолговатым, на коем построен бок от корабля о 30 пушках, соразмерной с прудом величины,

что придает приятной вид. Позади дома находится сад, притом есть и крестьянские дворы. Насупротив сего дома от дороги построена кругловатая каменная церковь во имя Владимирския Богоматери.

Клязьма – та самая река, чрез которую переезжают по Троицкой дороге, течет в 2-х вер[стах] от Виноградовой и в 20 верстах от Москвы поперек дороги. Течение сей реки здесь столь же тихо, как и в нижних ее местах, что о всех почти реках Московской провинции сказать можно. В сей стороне нет никаких гор. Повсюду находятся ровные пахотные поля, которые, хотя по большей части иловатые, земледельца обильно питают. В сем месте есть чрез Клязьму мост.

Волость обер-камергера графа Петра Борисовича Шереметева, простирающаяся вдоль дороги на 4 версты в ширину и на 16 вер[ст] в длину, начинается с деревни Хлебниковой, которая на берегу реки Клязьмы. В ней состоит 40 крестьянских дворов. Три села в сей волости, то есть Никольское, Троицкое и Осташково, с принадлежащими к оным простыми деревнями содержит более 800 душ платажных. Здесь переменяли опять лошадей, что удержало меня вдругорядь часа с три, а между тем наступила ночь. Продолжал я путь мой, чтоб следующего утра прибыть в Дмитров.

Сухарева – дер[евня], 10 верст от Хлебниковой, изстари патриаршеская, ныне же экономическая деревня из 30 дворов. Подводчики переменяли лошадей добровольно, сказывая, что у них так повелось, на что я охотно позволил, потому что я довольно рано прибуду в Дмитров.

Игнатьева – дер[евня], 10 верст от Сухаревой, экономическая. До сих мест простирается с сей стороны уезд города Москвы, потом начинается уезд города Дмитрова. Здесь опять была перемена лошадам.

Свистуха – экономическая деревня в 10 верстах от Игнатьевой. При ней течение имеет Яхрома – небольшая река в глубокой лощине, чрез которую переезжают по мосту. Сия река неподалеку находится здесь от своего начала, но вообще оводняет невеликое пространство: все расстояние оной до ее устья не более 30 верст занимает. Отсюда течет она к городу Дмитрову и впадает в протекающую близ Клина реку Сестру, коя устьем своим в Дубну, а сия в Волгу впадает. Проехавши Яхрому и первую лощину, в коей она течет, дорога ведет чрез другую такую же лощину, откуда взобравшись опять на возвышенное поле, город Дмитров, до коего от Свистухи 10 верст считается, находится в виду.

12 числа мая в пять часов поутру прибыл я в город Дмитров, препроводивши в разсуждении нынешняго летнаго времени весьма холодную ночь, от чего здоровье мое немало терпело. Сию стужу выключая, погода во всю дорогу стояла чрезвычайно хороша. Такой сухой и теплой весны с самага апреля мало в сих местах запомнят. Переменчивости погоды, что бывает в апреле месяце, примечается иногда больше в мае месяце, но никогда не бывает, чтоб оба месяца простояли в одной мере. Сей год разве отличным почестья будет. Зимовалой хлеб стоял уже на четверть аршина вышиною в поле и начал колоситься, что в прошлом году во

время моей поездки в Коломну позже почти месяцем воспоследовало. Подобное преждевременное действие примечено и в дмитровских огородах. Город сей славится чесноком и луком, что здесь более всего садят и возят в другие места. Торг сей хотя не обогащает, однакож дмитровским жителям доставляет довольно пропитание. Поземное стязание городских обывателей состоит единственно внутри города в огородах. Вся земля вне города, даже до обывательских дворов городских имеет своих собственных хозяев*. Сие замечал я и о других городах.

Город Дмитров лежит на левом берегу реки Яхромы, а обывательские дворы по обеим сторонам оной. Яхрома впала в Сестру, Сестра в Дубну, а Дубна с правой стороны в Волгу. О начале сего города упоминается в печатной Несторовой летописи на стр. 227, в Никоновой в 2-й части на стр. 140, в Татищевой "Истории" в 3-й части на стр. 89, в "Истории" князя Щербатова в 2-й части на стр. 224. Он построен в 1154-м году великим князем Юрьем Владимировичем при таком случае, что супруга его родила ему на сем месте сына Всеволода, во святом крещении Димитрием нареченнаго. Обстоятельство, что великой князь, путешествуя с своею супругою, в то время как разрешение воспоследовало, был на Яхrome, неимоверно. Но когда к сему присовокупляется словесное предание, что великий князь по Яхrome ехал судном и хотел ехать в Кирилов Белоозерской монастырь по обещанию молиться, то сего монастыря в то время еще не было, и Яхрома не столь велика была, чтоб можно было по ней ехать судном. Обширность dna речнаго, хотя несравненно более, нежели сколько к нынешнему течению воды потребно, к тому ж и известия древних времен, что реки гораздо более воды в себе содержали, нежели ныне в них находится, подтверждением сему служить могут, но кто удостоверит нас, что прежний судовой ход по реке Яхrome не надлежит считать несколькими столетиями прежде начала города Дмитрова. Словесное предание прибавляет, что великая княгиня вывихнула здесь себе ногу и вскричала: "Ах, я хрома!". От того будто река получила свое именование. Такое примечание не довольно важно, чтоб о том много сомневаться или спориться. Теперь по Яхrome в самую большую весеннюю погоду нельзя судами ходить. Между тем дмитровския обыватели, основываясь на повествовании и словесном предании, просят в Сенате и в Камер-коллегии, чтоб для доставления их городу более пропитания прежней судовой ход по реке Яхrome чрез вычищение оной возстановлен был. В самом деле сила вся состоит единственно в Яхrome, коея течение до реки Сестры, выключая кривизну, около 20 верст содержит, а оттуда в высокую вешнюю пору ездят до реки Волги без препятствия.

Впрочем, в летописях находятся следующие историческия обстоятельства о городе Дмитрове. В 1301-м году был там княжеской съезд, на котором великой князь Андрей Ярославич Володимерской и князя

* Далее зачеркнуто: принадлежит дворянам или пользуются ею государевы крестьяне или бывшие монастырские служки, кои теперь платят свои подати в государственную Коллегию экономии. — *Ред.*

Михайла Ярославич Тверской, Даниил Александрович Московской и Иван Дмитриевич Переславля-Залезскаго собрались и дружественно согласились, чем каждому владеть должно. В 1372-м году (что было при правлении великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго) Михайла Александрович, великий князь тверской, учинил неприятельское нападение на город Дмитров, взял с него откуп, а предместия и деревни пожег. Князь Петр Дмитриевич, сын великаго князя Дмитрия Ивановича, владел Дмитровым как удельным княжением и в 1427 году умер бездетен. Равным образом по смерти великаго князя Василия Васильевича Темнаго второй его сын, князь Юрья Васильевич, будучи князем дмитровским, не оставил по себе наследников. Столь вредное обыкновение делить государство в удельныя княжения служивало быть уничтожену, потому что оно редко произвело согласие и дружелюбие, но по большей части причиною было зависти, ненависти и внутренней войны, а что всего хуже, приводило в слабость государство. Однакож последние разделы состояли единственно в одних городах, вместо того что в прежния времена целыя земли в уделы доставались.

Во время польских смятений, даже до совершеннаго укрепления престола при царе Михайле Феодоровиче, Дмитров был неоднократно в неприятельских руках, о чем в книге "О мятежах" усмотреть можно. Но сии произшествия были непродолжительны, хотя желание к похищению неизгладимыя по себе следы оставило.

Местоположение Дмитрова в обширной равнине весьма приятно. Землю ради ея иловатаго грунта, хотя не можно почестъ весьма плодородною, однакож она питает обильно своих владельцев, когда хорошо унавожена бывает. Жаль только того, что здесь, как и в других местах, часто недостаток бывает в последнем. Многия песчаныя и иловатыя места Московской провинции переменили б давно свою натуру, когда б всегда рачительно удобрены были. Земледелец жалуется на недостаток в скотоводстве, которой в самой вещи внимания достоин, а оной не происходит от продолжительнаго или часто появляющагося скотскаго падежа. Скотоводство происходило, может быть, лучше б, когда еще не вошло в обычаи бить телят. Ныне с 8-и и 14-и дневными телятами спешат в столицу, предпочитая с продажи получаемые малые деньги будущей неизвестной от скотоводства прибыли. Почему ни в земледелии, ни в скотоводстве не можно в сей стране достигнуть большаго приращенія.

Я рад был видетъ в Дмитрове город лучшаго разпоряжения и свойства, нежели мне казались те, кои я описал при последней моей прошлагодней поездке. Наружными укреплениями оной не обведеи; дома и сады обывательския непосредственно касаются до полей сельских жителей. Но в средине города находится продолговато-круглая, довольно пространная крепость, состоящая из высокаго землянаго вала, столь же древянаго, как самой город. Оной в иных местах и обсыпался. Отличнейшее в оной есть соборная каменная церковь во имя Успения Пресвятыя Богоматери с 3-мя приделами: Георгия Победоносца, Дмитрия Селунскаго и Воздвиже-

ния Честнаго креста Господня. Потом воеводская канцелярия деревянная, казенная палата зделана из кирпичей и новое деревянное строение, где епископ Переславля-Залезскаго, к епархии коего принадлежит и Дмитров с уездом, учредил в прошлом году семинарию из трех нижних классов для обучения церковнических детей. Несколько дворов церковных служителей построено в одном углу сей крепости. В середине пусто и поросло травой. На полуденном конце города, на высоком месте при реке Яхроме находится монастырь во имя Бориса и Глеба, весь каменной и имеющей снаружи изрядной вид, но внутри оной почти пуст. Живет в нем один игумен и шесть монахов. Кажется, что семинарию туда перевести пристойно.

О построении сего монастыря нет никакого известия¹. При церкви, построенной во имя Бориса и Глеба, есть придел Алексия Человека Божия, что был ангел царя Алексея Михайловича. Отсюда заключить можно, что церковь сия построена во время государственования царя Алексея Михайловича²; другая церковь над воротами во имя Николая Чудотворца; третья во имя Празднества Покрова Пресвятыя Богородицы от древности ветхая, и для того в ней не служат.

В городе находится пять каменных и 3 деревянных приходския церкви: 1) Спаса Милостиваго, при ней приделы Рождества Богородицы и Гурия, Самуила и Авива; 2) Введение Богородицы с приделами Николая Чудотворца и Кирика и Улиты; 3) Благовещения Богородицы, при ней придел Василия Великаго; 4) Спаса Преображения с приделом Никиты Великомученика; 5) Илии Пророка еще строится, при ней будет придел Святителя Дмитрия Ростовскаго. Сии суть каменные; следующия деревянные; 6) Стреления Господня с приделом Казанския Богородицы; 7) Живоначальныя Троицы с приделом Николая Чудотворца; 8) Дмитрия Ростовскаго. Впрочем, нет никаких публичных зданий. Воевода и товарищи его живут в обывательских дворах. Можно б было для них, для канцелярских служителей и солдат пустое внутри крепости место застроить. По учиненному за 3 года пред сим изчислению обывательским дворам, было оных следующее число:

Купеческих	27
Мещанских	474
Поповских с причетники	29
Канцелярских служителей	9
Разночинцов	10
Солдат статных и отставных	28
Борисоглебскаго монастыря в Подмонастырной слободе	34

Всего: 611 дворов

По последней ревизии 1763-го считалось:

Купечества	64
Мещанства	1216
	1280 душ

По нынешнему учреждению в купечество вступило:

В 1-ю гильдию	2 человека
В 2-ю гильдию	34
В 3-[ю] гильдию	158
	194
Мещан	1085
	1279 человек

Купцы с мещанами состоят в гражданских делах под ведением бургомистра и двух ратманов. Прочия жители, кои под общим званием разночинцов разумеются, принадлежат к воеводской канцелярии. Сие судебное различие столь далеко простирается, что и полицеская должность разделена между воеводской канцеляриею и ратушею, что нередко причиною бывает излишних затруднений. Первейший купец – Алексей Ильин сын Толченев с сыном – составляют первую гильдию. Они платят с обращающагося у них в торгу или самими объявленнаго капитала по 200 рублев. Сей самой строит собственным коштом недокончанную еще церковь во имя светителя Димитрия Ростовскаго.

Хоть здесь не отправляется знатнаго торгу, однакож довольно для пропитания такого небольшого города. Опречь чесноку и луку Дмитров почитает между своими продуктами и яблоки, кои здесь особливо хороши родятся и возят их в Москву. Купцы ездят по уезду, скупая всякой хлеб, которой они частию водой, частию ж сухим путем около 30 000 кулей весом в каждом по 9 пуд в Петербург отсылают. В отдаленных местах скупают до 1000 быков, коих здесь бьют, и отчасти продают мясо свежее, отчасти ж солониною; сало топят и из онаго делают на вологодской образец свечи, в чем, однакож, отдаленной торг не имеет участия, потому что все сие разходится единственно в городе и в околележащих местах. В городе считают 132 лавки, в коих все, что там ни разходится и что из Москвы и других городов привозят, находится в продаже, как-то: шелковые, шерстяныя и бумажныя материи, китайка, кумачи, сделанные и выкрашенные по персидскому манеру, полотно, стекляная посуда, сахар, плоды, мед, воск, восчанья и сальныя свечи, разныя железныя товары и медная посуда, съестныя припасы, мука, крупа и другия мелочныя товары. Продают и виноградныя вина, и аглинское пиво, что удивительным не покажется, когда известно, что употребление онаго даже до крайних пределов Сибири простирается. Естли кому похочется знать, каких ремеслов живут здесь мастеровые люди и сколько оных числом, сие явствует по следующему росписанию:

12 кузнецов,	5 свешников,
11 шапошников и перчатников,	4 крашенника,
4 сапожника,	2 стекольщика,
3 портных,	1 столяр.

За нечто особенное почесть можно о Дмитрове, что там не бывает ярманки еженедельные. Торговые дни бывают по воскресеньям и четверткам. На 5 мельницах мелют в год до 1000 кулей ржи и ячменю.

5 кожевен снабжают город и уезд юфтью, которую также отчасти возят в Москву. Горшечной завод ставит изразцы не только для сего города, но и для некоторых пограничных городов. В 8 дворах ткнут на простых станках, не так, чтоб то походило на фабрику, до 25 кусков толстаго сукна, из коих в каждом по 90 аршин. Шерсть покупается в Москве. Набойку набивают в одном доме, а мишуру и мишурныя ленты для крестьянства делают в трех. Материалы для сего получают из Москвы. Готовую работу отчасти збывают и там. Однакож все сие не великой важности. В уезде сего города находятся две суконныя фабрики: 1) полковника Ивана Михайловича Самарина в деревне Мохниве, 2) подпорутчика Матвея Зиновьева в селе Спасском. Первая о 34, а другая о 14 станях. Флеровая фабрика секунд-майора гвардии Льва Ильича Орлова о 15 станях. Фарфоровая фабрика, о которой после подробно сказано будет. Сверх того в деревне Подчерпове и других имеется до 70 мишурных станоев у разных крестьян, коих дмитровской казначей маиор Маслов снабжает работою и получает от того прибыток.

В Дмитрове, так же как и повсюду, случается, что при каждом вновь отдаваемом кабачном откупе откупщики удивительным образом набивают друг у друга цену, почему откуп каждыя четыре года знатно возвышается. В прошедшия 4 года за откуп платили 20 500 рублей, а нынешней и новой откуп заключен на 27 500 рублей. Разумеется, что здесь говорится не об одном городе, но о всем Дмитровском уезде. Уезд состоит из 10 станоев, или дистриктов, кои звания следующие; також и число душ мужеска полу по последней ревизии 1763 года. От моровой язвы, бывшей в 1771-м году, мало в сей стороне померло.

1. Повельской стан	8422 души
2. Вышегородской	3757
3. Инобожской	1311
4. Каменской	10 796
5. Лутовенской	2953
6. Гараменской	971
7. Раменской	924
8. Быжевской	10 603
9. Мужповской	771
10. Берендеевской	4211
Итого:	35 719 душ

В оном числе:

Экономических крестьян	16 652 души
Помещичьих	19 136, в том числе
	102 души, заложенные в банк и невыкупленные
Старых служеб	7
Разкольников	47

Получаемыя с них ежегодно доходы известны, но к сему присокупают еще 83 разкольникових баб, из коих каждая с себя платит по 35 коп. Естли бы изчислять все доходы котораго города, то бы должно в разсуждение принять и соляныя, получаемыя в соляной конторе, и разныя

канцелярския пошлины, отсылаемые в Камер-коллегию, в Штатс-контору и в Коллегию экономии. Но сие не принадлежит до нынешняго моего предмета, притом же некоторые из сих доходов переменчивы, и невозможно все принадлежащая к тому известия собрать в скором времени. По канцелярскому известию 1776-го года известно, что тогда казенныя доходы города Дмитрова с его уездом до 108 000 рублей простигались.

Две находятся дороги, ведущия от Москвы чрез Дмитров к Волге. От Дмитрова до Кашина считается 114 верст и от Дмитрова ж до Углича – 144 версты. Естли сравнить оную с ведущею от Москвы чрез Сергиев Троицкой монастырь, Переславль-Залеской, Ростов в Ярославль, то сия [на] 66 верст длиннее, нежели Кашинская. Прямая дорога от Дмитрова до Троицкаго монастыря считается 40 верст, до Клина – 54 версты, до Рузы – 100 верст. Пределы Дмитровскаго уезда с околележащими городами отстоят от Дмитрова по обыкновенным дорогам с Москвою в 24-х, с Кашином – в 30, с Угличем – 100, с Переславлем-Залеским – 25, с Клином – 45, Рузою – в 70 верстах. Из сего и из печатной карты Московской провинции явствует, сколь нескладен вид Дмитровскаго уезда. Дабы оной лучше ограничить, надлежало бы несколько отнять со стороны Углича и Рузы, а с Московской стороны и Переславля-Залескаго прибавить.

О судовом ходу из Дмитровскаго уезда в Волгу не намерен я здесь упоминать, потому что при следующей моей поездке к тому месту, где отправляются суда, то есть к Рогачевской пристани, надеюся быть сам. Сверх того уже и выше при случае, что представлено Яхрому сделать судоходною, несколько о том упомянуто.

Наипаче любопытство путешественника возбуждено, быть может, фарфоровою фабрикою, которую аглинской купец, живущей в Москве, Франц Гарнер пред несколькими годами завел в Дмитровском уезде и в такое состояние привел, каковаго сначала по причине многих при том встречавшихся затруднений едва надеяться можно было. Я спешил туда ехать и 13-го числа поутру в 10 часов, позавтракавши, из Дмитрова отправился. Первые 14 верст дорога лежит по Кашинской большой дороге.

Орудьево – село экономическое, из 52 дворов состоящее, с деревянною церквью Покрова Пресвятыя Богородицы, 10 верст от Дмитрова.

Введенеево – село в 4-х верстах от Орудьева, состоит только в одной церкви Введения Богородицы и в дворах церковнических. Прихожане – помещичьи и другие крестьяне – живут в разных близлежащих деревнях.

Тут оставил я Кашинскую дорогу и поворотил к фабрике вправо. Прехавши несколько хлебных полей, следует большей лес, коего часть принадлежит к фабрике г. Гарнера. Приметить оное вскоре можно, отъехавши 7 верст от Введенеева и въехавши в Гарнерову дачу. Владельцы помещичьих деревень вырубил в своих лесных дачах большия деревья, но господин Гарнер бережет свою часть, которая для того и гораздо гуще прежней, и обещает фабрике прочность на многия годы, может и навсегда, естли хорошо сохранена и, где нужно, молодыми деревьями засажена будет. Сей лес подал повод к заведению фабрики.

Межа господина Гарнера простирается от 2 до 3-х квадратных верст, в том числе нет пахотной земли, все состоит в лесе.

Ягода – речка, не доезжая несколько до фабрики; переезжают посредством мельничной плотины. Построенная под плотиною мельница служит и для молония потребнаго на фарфор кварца. Во время высокой вешней воды рыба заходит из волей даже в сию речку. При збытии же воды остается отчасти в оной и доставляет иногда жителям обильную ловлю. Фабрика построена при устье речки Ягоды на правом берегу реки Дубны. До сих мест считается от Дмитрова 25, может быть, и менее верст. Я прибыл туда после полудни в 2 часа, осмотрел все достопамятное того же дня, о прочем осведомился и в сумерки обратно ехал в Дмитров.

На заводе ожидали госп[одина] Гарнера, которой с начала зимы пребывал в Петербурге и два дни спустя к заводу и приехал. Поставленной от него надзирателем над фабрикой г. Мейснер – человек хороших качеств – во всем, что видеть и знать потребно, меня удовлетворял, равно как и жена его. Между тем временем, что он водил меня по мастерским полатам, [она] приготовила нам ужин. Там был еще живописец немец, которой женат на пачерице госп[одина] Мейснера. У него было множество русских учеников, коих тамошняя дворяне отдают туда без платы, чтоб чему ни есть научиться. Равным образом и другия мастерския избы наполнены были рускими же крестьянскими детьми. Взрослых принимают на несколько лет по контрактам, и некоторые получают по мере их знания плату и пищу. Одним словом, опричь надзирателя и живописца, все прочие рабочие люди суть русские. Естли господа себе воображают, что их рабы поймут все искусство, как делать фарфор, дабы чрез то завести собственные фабрики, то сия надежда исполняется не может, потому что каждое мастерство при делании фарфора имеет особливых работников, кои в работе других мастеров участия не имеют.

Вербилками называлась та деревня, где теперь фарфоровой завод. Она состояла по ревизии 1763 года из 22 душ мужескаго пола и принадлежала некоторому молодому князю Урусову, которой худою экономиею в такая пришел обстоятельства, что его недвижимое имение с публичнаго торгу продано. Для деревни Вербилки, потому что при ней нет пахотной земли, не было охотников. Господин Гарнер купил оную в 1767 году за 1800 руб. К сему прикупил он еще деревню, из 27 душ состоящую, в уезде Переславля-Залезскаго, переселил крестьян сюда, а землю продал соседям. Жаль того, что он деревень не мог купить на собственное, но на чужое имя.

Сначала надеялись, что можно для делания фарфора употреблять ежемскую глину, из коей делаются изящныя в огне постоянныя горшки, употребляемая с великою пользою в химии и металлургии. Безразсудно бы было на заведение издержать великую сумму денег, пока о сущности главнаго и не везде находящагося материала подлинно неизвестно было. Найдено потом, что ежемская глина пригодна токмо для делания форм, в коих фарфор обжигают, но в толь пространном и естест-

венными сокровищами толико обогащенном государстве, какова Россия, не может быть недостаток в какой вещи, для человеческой пользы потребной, когда для изыскания оной не будет пощажено ни труда, ни издержек. Петербургская фарфоровая фабрика получает свою белую глину из Сибири, из Исетской провинции Оренбургской губернии, вблизи Челябинской крепости.

Госп[один] Гарнер достает оную ближе. Ему привозят оную из Глухова сколько потребно тамошния жители, коим он платит по 29 коп. за пуд. Цена привлекает людей. Когда ж им известно, сколько у него разойдется, то фабрика не имеет никогда недостатка в сем нужном материале. Но к тому еще употребляется белой блесноватой камень кварц, из Олонца привозимой, за которой платится по 30 коп. с пуда и которой чрез толчение и перемывку становится глиною и, будучи наподобие теста, всевозможныя виды принять может. Желтоватой мулм, в коем сей кварц лежит, помешал бы белизне фарфора, естли бы онаго рачительно не отделяли и кварц от сей инородной материи не очищали, что первою есть работою на фабрике, также и от твердаго дикаго камня, которой часто с кварцом смешан бывает. Не вдруг, но мало-помалу нужныя для делания фарфора выгоды частыми опытами известны стали; весьма мало ж от показания первых мастеровых людей, обязавшихся работы разныя при фабрике исправить и надо всем дирекцию иметь. Однакие художества и ухватки, хотя известны были тем, кои служили в других фарфоровых фабриках, но выгоднейшее составление всего потребнаго изыскать предоставлено было самому г. Гарнеру и нынешнему надзирателю г. Мейснеру, которой за 8 лет назад вступил в сию должность. Никто не станет порицать гарнеровой фарфор, будто оной не был настоящим фарфором. Оной может ровнятися добротою со всяким иностранным. Тот только в нем порочат недостаток, что глазурь на нем не столь бела, как на саксонском. Сие правда, однакож, стараются поправить сей недостаток, и кажется, что уже далеко в том успели. Новейшие опыты, кои я ныне на фабрике видел, подают несомненную надежду в хорошем успехе. Естли живопись на гарнеровом фарфоре не выходит против саксонской, хотя она китайскую и далеко превосходит, то сие приписать должно наблюдению разумной економии. Безразсудно бы было с самага начала принимать для работы знатных живописцов и давать им большую плату, когда еще неизвестно, будет ли выручка соразмерна с издержкою и довольно она награждать станет ли?

Сказывают, что г. Гарнер уже до 8000 рублей издержал на фабрику, а выручка только за два года началась. Еще же и не можно утверждать, чтоб выручка по сие время велика была. От сей фабрики находится в Москве подле Зеркальнаго ряду фарфоровая лавка, где всякая фарфоровая посуда – чашки, тарелки, блюда, кукли – умеренною ценою продаются. Такая же лавка есть в Твери, и намерение положено, чтоб такая же учредить и в других городах. Места, кои в работе несовершенно удались или несколько повредились, отбирают и продают дешевле.

Лучшее, что г. Гарнер поныне в своей фабрике делал, есть большой столовой сервис, сделанной по приказанию для двора, с многими архитектурно-ническими украшениями, порталами, группами для десертов. Сей, будучи в прошлом зиме отвезен в Санкт-Петербурх, заслужил, сказывают, там похвалу. Еще другие такие же сервисы делать заказано. Для каждого кавалерского ордена и торжества особливой сервис с знаками того ордена. Сизподи каждого места, к[ак]-т[о] тарелки, блюда или чашки, поставлена литера G для означения, что она из гарнеровой фабрики.

Желать надлежит, чтоб вышеупомянутое обстоятельство, по коему г. Гарнер землю и людей, кои нужны ему были для фабрики, купил на чужое имя, не сделало вреда фабрике или со временем не в конец оную не раззорило б. По закону иностранец, будучи не Российской подданной, равномерно и каждой, хотя россиянин, да не из дворянства, не имеет права владеть в собственности деревнями и крестьянами. Из сего запрещения исключил Петр I Российских мещан, желающих заводять фабрики и мануфактуры, для привлечения их к сим предприятиям, потому что фабрику без работников содержать не можно, однакож сие не может простирается до больших владений. Естли бы в России были люди вольныя средняго состояния, кои по своему б изволению могли избрать навсегда какое художество или ремесло, то фабриканту нечего б опасаться, чтоб у него когда-либо мог быть недостаток в вольных рабочих, естли с ними справедливо и по своей должности поступать станет. Но что из того следует, когда фабрикант принужден нанимать господских людей, коих помещик, видя, что они чему-либо научились и ему могут в другом чем быть полезными, на всякой час может у него назад взять? Нанимать и обучать на их место новых? На то требуется времени; от того фабрике остановка. Чем какая фабрика важнее, знатнее, полезнее и славнее, тем более, кажется, заслуживает она изъятия от общих правил. Можно определить для каждой фабрики число работников, кои для нее нужны. Можно ограничить на некоторое время вольность владеть деревнями и собственными крестьянами, пока на фабрике будет продолжаться работа. Некоторые фабриканты содержат единственно фабрики под тем видом, чтоб пользоваться сопряженною с тем вольностию, не делая почти ничего или весьма мало. Один купец в Москве носит имя фабриканта, потому что делает сургуч. Можно изчислить, сколько ему времени и людей потребно, чтоб на целой год снабдить все лавки в Москве сургучом. Сие не может почесться достохвальным. Напротив того, гарнерова фарфоровая фабрика доставляет работу и пропитание более двумстам человекам. Она стоит ему великаго иждивения. Она способствует тому, что уже не столько денег, как преж сего, выходит за саксонской фарфор из государства. Она делает честь России, ибо, не упоминая о казенной С.-Петербургской фарфоровой фабрике, делание фарфора, за недостатком искусных в сем деле мастеров, здесь как будто снова изобретено быть долженствовало. Теперь г. Гарнер потерять может право собственности над фабрикою, из чего воспоследует великая помеха в продолжении

работы, разве всевысочайшим милостивейшим указом от угрожающего ему разорения защищен будет. Причина та, что г. Гарнер как при покупке деревни Вербилки не мог по силе законов купчую писать на свое имя, велел оную написать на имя бывшего тогда в чести и зажиточного мужа, который имел собственные фабрики и был ему приятелем, по прозванию Вырудова, в чем он с него по обыкновению взял подписку. Правда, что Вырудов после того не чинил на Вербилки никакого требования, ниже слышно было, что он или наследники его впредь какое на то право иметь могут. Но он содержится под жестоким следствием за недостаток казны в Кригс-комисариате. Если все его имение и деревни будут конфискованы, то страх не безоснователен, что и Вербилки к тому ж причислены быть могут. Для испрошения на то престательства ея императорскаго величества, столь милостивой, как и величайшей государыни, был он в Петербурге и опять туда поедет.

Вся работа на фабрике, выключая молот кварца на мельнице, производится в большем четвероугольно построенном деревянном доме, более 50 покоев содержащем, в коем также живут надзиратель Мейснер и живописец Кестнер. Подле онаго строил г. Гарнер другой деревянной же небольшой дом для своего жилища, когда он летом бывает здесь несколько месяцев с своею фамилиею. Крестьяне живут оттуда вблизи. В похвалу его учреждения должно сказать, что как его крепостныя крестьяне, так и работающие на фабрике господские люди, равно как и смежныя дворяне и начальники дмитровския, весьма им довольны и никогда без похвалы о нем не вызываются.

Отужинав у гос[подина] Мейснера, отправился я обратно в Дмитров по той же дороге, коею приехал, куда я в полночь прибыл. Подводчики для сей езды даны от мещанства, потому что в Дмитрове ямщиков нет.

14-го, 15 и 16 числа собирал я потребныя о городе Дмитрове и его уезде известия, которые приведены выше. Что учинив, мог я продолжать поездку и продолжал 16-го числа в 10 часов вечера на мещанских же подводах в Клин, как следует.

Яхрома отдалается от сей дороги неподалеку от города в правую сторону и течет потом паралельна с дорогою в разстоянии 4-х и 5 верст, коей высокия берега даже до нижеследующаго села Рогачева непрерывно находятся в виду. Равным образом виден также вдоль всей сей дороги вдаль стоящей на Яхроме недалеко от ея устья заштатной мужской монастырь, которой Николаевским Песношским называется.

Ятлена – речка, кою переезжают в 10 верстах от Дмитрова.

Синьково – село в 4-х верстах от речки Ятлены, имеет деревянную церковь Пророка Илии и до 40 дворов экономических крестьян, принадлежавших Троицкой лавре. При нем течет речка Варвара.

Бунаткина – дер[евня] на речке Бунатке, 4 версты от Синькова, экономическая.

Ведерницы – село из 30 дворов экономич[еских], в 3 верст[ах] от Бунаткиной, с деревянною церковию во имя Св. Троицы, на коея месте

теперь каменная в два яруса строится. Оное село, как и прежде помянутые, принадлежало Троицкой лавре.

Подвязьма – дер[евня] близко онога села, принадлежала Николаевскому Песношскому монастырю, которой отстоит отсюда в 5 верстах.

Рогачево – село и Рогачевская пристань, обыкновенно за одно почитаются, но в самом деле различны. Село лежит на дороге в 4 верстах от Ведерниц, хотя на реке Сестре, однакож от того места, где Яхрома впадает и где пристань находится, в некотором отдалении. На пристани я не был. Я осмотрел бы оную, когда б не была ночь, или расположил бы я путь мой иначе, если б не в тех мыслях был, что пристань в самом том месте, где село, находится. Она лежит в версте от села; на том месте, где суда нагружаются, находится токмо 4 двора, несколько анбаров, кабак и харчевня. Уповательно, весною там тем многолюднее, чем пустее в прочие времена года бывает. Сказывают, что иногда суда от Волги пустыя возвращаются.

Николаевской монастырь лежит в 5 вер[стах] от пристани, считая от Дмитрова на правом берегу Яхромы. Сей монастырь за штатом, однакож остались в нем строитель и несколько монахов, кои от рыбной ловли в реке Дубне и от доброхотных подателей имеют довольное пропитание. При монастыре состоит только 6 дворов прежних монастырских служек.

Другой такой же заштатной монастырь, под названием Медведевой пустыни, лежит ниже соединения рек Яхромы и Сестры на правом берегу Дубны и сделан приходскою церквьюю.

Я прибыл в полночь в Рогачево, где мне надлежало переменить лошадей и осведомиться об обстоятельствах сего места, к чему требовалось несколько часов.

Сие село большое экономическое, из 123 дворов состоящее, с одною каменною и другою деревянною церквьюю. Первая церковь во имя Николая Чудотворца, а другая во имя Иоанна Крестителя. Чрез село впадает в Сестру речка Рогачевка, на коей находится мучная мельница. Число душ мужеска полу в сем селе состоит из 374 душ, а женска из 446*. Сия перепись учинена после моревой язвы, однакож не слышно, чтоб мор здесь свирепствовал. Жители большею частию зажиточныя люди, кои пользуются водяным хождением на Дубне.

Река Сестра имеет свое начало около 20 вер[ст] от Рогачева к востоку из озера Сенеш. Она течет сперва на Клин, а оттуда поворачивается к Рогачеву и соединяется потом с Яхромою. По соединении теряют обе реки свое звание и получают название Дубны, коя до своего устья в реку Волгу продолжается. Сие устье есть около 25 верст выше Кимры, где на правом берегу реки Волги находится село Дубенское, – устье, мимо коего я ехал в 1733-м году во время учиненнаго мною из Твери в Казань по Волге путешествия. От Рогачева до Дмитрова считается 25, а до Клина 29 верст.

* Далее зачеркнуто: что с обыкновенным содержанием, по коему от 4-х до 5-х человек на каждой расположить можно, не согласуется. – *Ред.*

17-го числа на разсвете, отправившись далее в путь, проехал я следующие селения:

Доршево – село помещичье, в 10 верстах от Рогачева, с новопостроенною каменною церквюю во имя Рождества Богородицы и недостроенным господским домом; состоит из 20 крестьянских дворов.

Воронино – село также господское, из 30 дворов состоящее, с церквюю Покрова Богородицы, в 9 верстах от Доршева. Здесь протекает речка Сестра. Крестьянка, ходившая по воду, прошла мимо. Я спросил у ней о имени их помещика. Она ответствовала: "Есть везде добрые и лихие люди". Сие разтолковал мне мой ямщик, что помещик их прозывается Лихой, однакож не уповательно, что баба сия слыхивала, что во Франции говорят про норманцов³. С сего села начинается уезд города Клина.

17-го числа поутру в 7 часов прибыл я в Клин. Хотя сей город лежит на Петербургской большою дороге и довольно известен, однакож от того, естли б не приключилась другая причина, тамошня мои упражнения не уменьшились бы. Я почувствовал, может быть, от ночнаго безпокойства и от чрезвычайной в сие время ночной стужи, новой припадок болезни, от чего прежния мои намерения и предприятия пресеклись. Может быть, несколько к тому ж прибавилось и тряска от езды, потому что я для збережения времени люблю ездить скоро. По предосторожности, чтобы мне в таком месте, где я не мог иметь никакого медицинскаго вспоможения, не сделалось хуже, собрал я вскорости нужныя известия о Клине, отложил дальнюю мою поездку в Волоколамск и Ярополец и помышлял только о том, как бы скорее возвратиться в Москву. Я выехал из Клину того же дня ввечеру, получивши от воеводы, от товарища его и от секретаря с великою учтивостию нужное вспоможение.

Город Клин и вотчина Романовской фамилии, упоминаемая в "Книге о мятежах" на стр. 60 под названием село Клин, что в Юрьевском уезде, не должно почесть за едино. О романовском селе Клине упомянул я в "Опыте новой истории Российской" на немецком языке, в V томе, стр. 114 с прибавлением родовым жилищем. Из сего некоторые заключали, что то должен быть город Клин. Но есть и другое место Клин или, лучше сказать, небольшая полоса земли под сим названием на реке Оке около 100 верст ниже Коломны, где река Цна с северной стороны с Окою соединяется. На сем месте вдаля в реку Оку угол, которой на клин походит, что и имя означает. Там-то, может статься, была вотчина Романовской фамилии, которая по пресечении сей фамилии, уповательно, взята на государя и престало быть господским или помещичим жилищем. Прибавление "в Юрьевском уезде" (через сие разумеется город Юрьев Польской) показывает, что речь идет не о городе Клине.

Я не сомневаюсь, чтоб Клин не был опреж сего таким же городом, как и прочие. Кажется, что он равной древности с Дмитровом, имеет и такую же внутри крепость, как и Дмитров⁴; по крепости же места назывались городами. Место, населенное мещанами, но ни снаружи, ни внутри не

имеющее укрепления, не могло слыть городом; называли оное посадом. Олеарий в описании своего путешествия на стр. 64 называет Клин большим селом, без сомнения, за недостатком наружных крепостных укреплений. Но по сей причине надлежало бы и города Дмитров и Можайск, и многие другие назвать селами.

Клин имеет то особенное, что, выключая церковных служителей и немногих разночинцов, весь населен ямщиками. Но не всегда так было. До Петра Великого жили в Клину купцы, ремесленники, общим именем посадскими называемые, как и в других городах. Но творческой дух великого монарха мог из своих подданных все сделать, что хотел. Купцы и ремесленники превратились в ямщики, когда то полезно и нужно было. Дальния намерения государя требовали умножения ямщиков; сие впоследствии в начале сего столетия, года же точно не назначено. Но царская грамота, данная в 1686-м году, доказывает бесспорно, что в тогдашнее время жители из обыкновенных мещанских классов, т.е. из посадских, состояли. Здесь прилагается с оной грамоты точный список, полученной от тамошняго ямщицьяго старосты: "От царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, в Клин воеводе Зорину. В нынешнем во **РЧД** году в **С** день писал ты к нам, великим государем, а в отписке твоей написано: бил челом нам, великим государем, Клина города земской староста Василей Фирсов и все посадские люди, а в Клине в съезжей избе подали тебе челобитную за руками: в прошлом де во **РЧГ** году по нашему, великих государей, указу писцы стольник наш Иван Пашков да подъячей Ананья Воробьев посадскую их оброчную землю за рекою за Сестрою помещиков стольника нашего Алексея Благово да Антона Жабина от поместной их деревни Слободки от полевой земли отмежевали и столбы были поставлены, и ямы покопаны, и в нынешнем де во **РЧД** году мая в **А** день за час-де до вечера стольника нашего Алексея Благово да Антона Жабина деревни Слободки староста Максимка Докорин да Антона Жабина крестьянин Сенька Алфимов, собрався многолюдством все, паломав на той их посадской оброчной земле, писцовы столбы выкопали и ямы заровняли, и межник сорили неведомо по какому нашему государскому указу, и чтоб тебе против их челобитья стольника нашего Алексеевых крестьян Благово да Антоновых крестьян Жабина деревни Слободки взять в Клин и разпросить, почему они писцовые столбы выкопали и ямы заровняли, и межник пересорили; и того же числа ты стольника нашего по Алексеевых крестьян Благово да по Антоновых крестьян Жабина в деревню Слободку посылал, и они де взяты были и допрашиваны, а в допросе стольника нашего Алексеев крестьянин Благово староста Максимка Докорин, крестьянин Фимка Федоров, да Антоновы крестьяне Жабина Прохорко Афонасьев да Ивашко Терентьев, да Сенька Елфимов сказали: на той де земле писцовые столбы выкопали и ямы заровняли по приказу помещиков своих, а к распросным речам рук приложить никому не велели, и ты де для работной поры велел их

свободить на поруки до нашего, великих государей, указу, и как к тебе сия наша, великих государей, грамота придет, и ты б тех крестьян взял и разпросил, и по досмотру, и по сыску велеть их держать за караул, и о том к нам, великим государем, писал, а отписку велел подать в Приказе Устюжские чети наши государственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателю ближнему нашему боярину и наместнику новгородскому князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи. Писан на Москве лета **ЗРЧД** мая **И** день".

Может быть, что некогда впредь за благо разсуждено будет великое число ямщиков в Клину несколько уменьшить, а зажиточных между оными, коих довольно есть, возвратить на прежнее состояние их предков. Тогда найдется повод к сей перемене в приобщенной грамоте. Кажется, что многие ямщики желательно ожидают сию перемену, когда б новое учреждение Московскаго наместничества воспоследует. Любочестие не оставляет никого, когда усматривается возможность питать оную. При том и казенному интересу было б не без пользы. Зажиточные ямщики не перестают отправлять торги, хотя под скрытным именем. Но казна чрез то теряет, потому что ямщики с торгов своих никаких податей не платят, много имеют во владении государевых земель, чтобы при сей перемене, потому что купечество не долженствует владеть землями, досталось на государя. Кому прежде принадлежали ямщицьи земли, как они еще ямщиками не были? Без сомнения, государю. Им дано было столько земель, [для] того что в государевых отправлениях подводы гнать должны были безденежно. Ныне получают они за то немалые прогонные деньги. Землями же пользуются сверх того и отдают на оброк. Еще же ямския управители, когда вдруг много подвод потребуется, снимают сию тягость с ямщиков и налагают на государевых и помещичьих крестьян или изходятельствуют ямщикам прибавку прогонных денег. Сие обстоятельство достойно внимания.

Во окруженной земляным валом вышиною в 6 сажень внутренней крепости, oprичь коей здесь другога укрепления нет, надлежало было быть по примеру других городов соборной церкви. Здесь того нет. Жительство разделяется на две слободы. Первая – разночинская и солдатская, вторая – ямская, между коими течет река Сестра. В первой две церквы: 1) бывшая прежде монастырская церковь Успения Пресвятыя Богородицы, ныне приходская; 2) Преподобнаго Сергия Чудотворца. В другой слободе: 3) Воскресения Христова, 4) Николая Чудотворца каменная, которая еще не отделана. Публичныя строения суть следующие: деревянной дворец, где ея императорское величество соизволяет стоять, когда здесь проезжает, воеводская канцелярия, воеводской дом, два соляныя анбара, 4 кабака и тому принадлежащее. Без купечества ратуша не бывает, полицию содержит один воевода. Ямщики имеют особливаго управителя, которой находится под ведением Московской ямской конторы. Дворов считаются 9 церковнических, 8 канцелярских служителей, 22 солдатских. Известно, что в службе состоят при канцеляриях

воеводских по салдатской команде, в малых городах определен 1 обер-офицер, 27 унтер-офицеров и рядовых, а здесь сверх того поручик для чрезвычайных дел. Ямщиков, живущих в здешней ямской слободе, 138 дворов, в коих, по их показанию, 319 душ мужеска и 313 женского полу. Многие ямщики живут по деревням, которые прежнее разсуждение более утверждают, что они, поелику ямщики, за излишние здесь почтены быть могут, потому что то в других уездах не в обыкновении. Уезд города Клина есть малейшей в Московской провинции. Оной разделяется на три стана, состоящих по числу душ обоего пола, как следует:

Подгородной стан (поблизости к городу)

Помещичьих крестьян	2661	2563
Экономических	815	819
Ямщиков	1103	1062

Поволжской стан (к Волге-реке лежащей)

Помещичьих	2573	2462
Экономических	3495	3354
Ямщиков	821	777

Поламской стан (при реке Ламе лежащей)

Помещичьих	3728	3749
Экономических	718	750
Итого:	16 233	15 869 ⁵

Винной откуп в прошлые четырех годах состоял за 8300 руб. Ныне возвысился до 15 200 рублей. Сей откуп уподобляется барометру в разсуждении важности городов. Из прежних моих путевых описаний явствует, что откупщики с прошедшаго года сей откуп для пользы казенной почти до половины умножили, однакож значит ли то, что люди зделались совестнее, что они довольны меньшим прибытком, нежели их предшественники? Я думаю, что прибыток был пред тем неизвестен, а как оной чрез скорое обогащение многих откупщиков явственным зделался, то более к откупу появилось охотников, которые цену один у другаго перебили. Никто не мыслит, чтоб здесь был непрестанной торг. И годовою ярманки здесь не бывает. В субботу производится небольшой торг, когда крестьянство возит в город свои продукты, а зажиточные ямщики продают различные товары, кои они в Москве и Твери закупают. Трактирщик немец с позволением правительства поселился в Клину в той надежде, что от часто проезжающих по такой большой дороге людей будет получать довольное пропитание, однакож он пользы себе не нашел. Клинской уезд граничит с Тверским наместничеством при впадающей в Волгу реке Шоше. В оную впадает река Лама, которая течет от Волоколамска. Сии суть единственно реки в сей стороне, заслуживающие внимания. О Сестре-реке и Дубне выше упомянуто. В прежния времена ездили по большей части в Тверь чрез Волоколамск, а не чрез Клин. Путешествующие должны и ныне предпочитать оную, естли они не бывали в великолепном селении фельдмаршала графа Чернышева, я хочу сказать в Ярополче.

Закключаю сие известие о Клине показанием разстояния сего города от ближних городов, вокруг онаго лежащих:

От Клина до Москвы	82 [верст]
до Твери	85
до Дмитрова	55
до Волоколамска	62
до Звенигорода	68

Обратной мой путь из Клина до Москвы остался без описания по причине моей болезни. Мне столь было трудно, что я спешил только как бы скорее прибыть к домашним. Для сей причины проехал я всю ночь и прибыл 18-го мая в Москву, бывши в отсутствии от дому ровно 8 дней.

История жизни и царствования Феодора Алексеевича

Предисловие

Никто до сих пор не только не писал удовлетворительной истории жизни и царствования Феодора Алексеевича, но даже и не решался на подобную попытку. Некоторые страницы у Штраленберга и незначительные известия о войне с турками, помещенные в Киевском Синописе¹, не заслуживают даже упоминания. Татищев, кажется, собирал известия о сем царствовании с намерением написать полную его историю, однако от этих известий остались мне только немногие отрывки, которые, впрочем, могут быть почитаемы разве за изустные предания, и, следовательно, они останутся неверными, пока не будут подтверждены письменными документами и связью истории или же получат высокую степень вероятия².

Такой недостаток истории тем легче дополнить, что царствование Феодора Алексеевича продолжалось только шесть лет и в архивах находится множество очень важных о нем известий.

На историю Феодора можно смотреть как на переходность от великих деяний царя Алексея Михайловича к преобразованиям, совершенным Петром Великим. Только в Западной Европе это царствование осталось весьма малоизвестным. История должна справедливо судить о всяком государе и с благодарностию заметить, сколь многое уже было приготовлено отцом и братом Петра Великаго. История должна изследовать улучшения до их источников, продолжать свои изыскания до наших счастливых времен, в которых величайшая монархия своим божественным умом обнимает все, что может служить для блага России, предприимлет несказанные труды для всеобщаго усовершенствования и ежедневными опытами ручается за безконечное продолжение своих благодеяний.

Вспомошествоемый богатым запасом письменных документов из лучших архивов я собираю материалы для истории царя Феодора Алексеевича. Любители истории удовольствуются сим началом. По открытии большого числа источников можно будет и писать подробнее.

История царя Феодора Алексеевича, основанная на письменных документах

Царь Феодор Алексеевич родился 8-го июня 1657 года, начал царствовать с 30 января 1676 года. Он был сын царя Алексея Михайловича, который от обоих браков своих оставил сыновей и дочерей. При вступлении на престол Феодора Алексеевича царский дом состоял из следующих особ. I. От первой супруги царя Алексея Марии Ильиничны из дворянского дома Милославских, вступившей в брак 13 февраля 1647 года и скончавшейся 13-го марта 1669, кроме царя Феодора, находились еще в живых царевны: Евдокия, рожденная 18-го февраля 1650 года, Марфа, рожденная 26-го августа 1652 г., София, рожд. * 17-го сент. 1657 г., Катерина, рожд. 27-го нояб. 1658 г., Мария, рожд. 18-го янв. 1660 г., Феодосия, рожд. 7-го июня 1662 г.; царевич Иоанн, рожд. 27-го авг. 1666 года. II. От овдовевшей царицы Натальи Кириловны из дворянского дома Нарышкиных, вступившей в брак с Алексеем Михайловичем 22-го января 1671 года: царевич Петр Алексеевич, впоследствии Петр Великий, рожд. 30-го мая 1672 года; царевны: Наталия, рожд. 22-го авг. 1673 г., и Феодора, рожд. 4-го сент. 1674 года. Эта последняя, однако, умерла в царствование Феодора 28-го нояб. 1677 года. Кроме того, в живых находились три сестры царя Алексея Михайловича: Ирина, рожд. 22-го апр. 1627 г., Анна, рожд. 14-го июля 1630 г., и Татьяна, рожд. 5-го янв. 1636 года.

Царевич Феодор с младенчества был слаб здоровьем, но не в такой степени, как царевич Иоанн. Превосходныя душевныя качества перваго, не доставшиися в удел последнему, с избытком вознаградили то, в чем природа отказала телесному составу Феодора. Под надзором отца он получил основательное воспитание. Симеон Полоцкий, монах из Белой России греческаго вероисповедания, был весьма любим царем Алексеем Михайловичем. Этому монаху поручено было образование детей царских. Царевич Феодор обучался у него латинскому языку и стихотворству (вероятно, только на русском языке). Ему приписывают рифмованный перевод 132 и 145 псалмов на русский язык. Писала ли стихи и царевна София, как подтверждал один поэт нашего времени, для этого и для многих других известий, представленных им исторически, нет достаточных доказательств³.

У Феодора был старший брат, царевич Алексей, который подавал большие надежды, но 17-го января 1671 года скончался, и таким образом, престол должен был достаться Феодору. Царь Алексей, подтверждая определение судьбы, представил своего сына Феодора народу на возвышенном, нарочно для того устроенном месте 1-го сентября 1674 года, а по тогдашнему летоисчислению в первый день Нового года. Феодор говорил с этого места поздравительную речь отцу своему и участвовал в общей радости. Боярин князь Федор Федорович Куракин и окольный Иван

* Здесь и далее сохранены сокращения рукописи. — *Ред.*

11. Миллер Г.Ф.

Богданович Хитрово, блюстители воспитания царевича, стояли возле него во все продолжение его речи.

Это было торжество, которое в виде церковного обряда совершалось ежегодно и называлось "действием Нового года". Патриарх или первый митрополит, отслужив молебен, говорил царю поздравительную речь.

Последнее соблюдено было и в тот раз, но уже по окончании речи царевича. Хотя при том не упоминали о наследстве престола, но это само собою разумелось. Народ узрел теперь будущего своего государя, которого, может быть, он по тогдашним обычаям и по причине слабого его здоровья еще никогда и не видал. Царские чиновники получили прибавочное жалованье, как это обыкновенно случалось при важных происшествиях.

Все государственные бумаги, находимые в архивах, подтверждают согласно, что царь Алексей Михайлович пред кончиною своею призвал к себе Феодора и, вручая ему святой крест и скипетр, внятыми словами благословил его на царство.

Если это правда, то нельзя думать, чтобы миролюбивая и кроткая царица Наталья Кириловна и умный государственный муж Артемон Сергеевич Матвеев могли огорчить последние минуты царя Алексея, убеждая его обойти старшаго, хотя и слабого здоровьем, но к царствованию способнаго царевича Феодора и объявить наследником престола младшаго, еще несовершеннолетняго Петра, с тем чтобы до вступления его в возраст мужеский царица и первый боярин Артемон Сергеевич правили государственными делами⁴. Может быть, об этом носились слухи в народе, ибо польский резидент Павел Свидерский, бывший тогда в Москве, то же самое доносил своему двору, а в Солусских письмах об этом было даже и напечатано (часть 1, стр. 600)⁵. Из напечатаннаго же на голландском языке описания посольства голландца Конрада фон Кленка, пребывавшаго тогда тоже в Москве, легко заключить можно, что это были только слухи, которым разумные люди не верили, ибо в сем описании ни слова не сказано о подобном обстоятельстве⁶.

Конечно, надобно сознаться, что надежды царицы Наталии касательно своего сына не счастливо исполнились бы, если бы Феодор, вступивши на престол, дозволил участвовать в государственных делах Милославским, родственникам своим по матери, и их друзьям, как этого можно было опасаться. Но Феодору при воспитании внушены были обязанности детей к родителям, и, хотя Наталия была ему только мачиха, она никогда не имела причины на него жаловаться. Феодор уважал ее, старался предупредить все ея желания, оставил при ней прежний хорошо устроенный придворный штат. Феодор любил Петра и сам направлял его воспитание и учение, смотрел на него как на своего наследника, хотя имел ближайшаго брата Иоанна, который был еще слабее здоровьем, нежели он сам, и пред которым Петр имел чрезвычайно много преимуществ, как телесных, так и душевных.

Матвеев должен был более опасаться и подвергся тяжкому и долго-

временному преследованию. Его челобитные и защитительные сочинения, писанные им в заточении, напечатаны ("История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева", в С-т Петербурге, 1776, 8°). Издатель хвалит в предисловии заслуги сего истинно великаго мужа, повторяет вышеупомянутые слухи, но с изменением обстоятельств, основываясь на других, мне неизвестных источниках, и уверяет, что заточение Матвеева должно приписать не чему другому как излишней его преданности к царице и ея сыну.

Кто не сомневается в истине тех слухов, тот должен признать и веро-
роятность наказания, павшаго на Матвеева. Но в жалобах и защити-
тельных сочинениях последнего нет ни малейшаго о том намека. Все, в
чем обвиняли Матвеева, было выдуманно и ни на чем не основано, оттого
должно думать, что его преследовали по другим причинам, но эти причи-
ны, равно как и те, кои относились к царевичу Петру и его родительнице,
оставались втайне.

Матвеев был любимец счастья, который единственно своими заслугами
возвысился и поддерживал себя при жизни Алексея. Царица Наталия, вос-
питанная в доме Матвеева и им впервые представленная царю, несмотря
на почтение к ней Феодора, была всегда ненавистна родственникам его по
матери, а может быть, и другим знатым боярам. Многие считали прес-
туплением низкость рода и заслугами приобретенную доверенность столь
умнаго монарха. Для них несносно было видеть предпочтение таких
людей знатнейшим лицам в государстве. Подобныя заслуги старались
очернять обвинениями в чародействе, как случилось и теперь. Были
люди, которые почитали себя обиженными, если Матвеев не допускал их
к должностям по их желанию. Отсюда понятно, как этот великий госу-
дарственный муж, не замешанный ни в каких важных преступлениях, по
одним козням и клеветам подвергся опале в начале новаго царствования.

В боярской книге 7184 года (в 1676-м, а по нынешнему летоисчислению
в последних четырех месяцах 1675-го) записаны бояре в следующем по-
рядке по количеству их жалованья, простиравшаго от 200 до 1260 рублей:

князь Юрий Алексеевич Долгоруков,
" Григорий Семенович Куракин,
" Никита Иванович Одоевский,
Афанасий Лаврентьевич Ордин-На-
шокин,
князь Федор Федорович Куракин,
" Юрий Петрович Трубецкой,
Петр Михайлович Салтыков,
князь Яков Никитич Одоевский,
" Иван Борисович Репнин,

" Владимир Дмитриевич Долгоруков,
" Юрий Никитич Борятинский,
" Иван Петрович Пронский,
Василий Борисович Шереметев,
Петр Васильевич Шереметев,
князь Иван Иванович Ромодановский,
Богдан Матвеевич Хитрово,
князь Григорий Зунчевич Черкаской,
" Юрий Иванович Ромодановский.

Другая довольно подробная перепись бояр всего царствования Феодора
находится в 5-й части "Опытов Вольного Российского общества", где на
309-й странице сказано: "Боярин Артемон Сергеевич Матвеев сослан в
ссылку в Пусто-озеро". Должно быть, что царь в самом начале своего
правления клеветами наушников возставлен был против Матвеева,

котораго невинность при безпристрастном изследовании легко бы открылась, но Феодор, принявши клевету за истину, почел за нужное удалить его от двора. В упомянутой боярской книге Матвеев включен в третий класс так называемых думных дворян, кои получали жалованья по 250 рублей ежегодно, что доказывает уже значительное унижение. ("Впредь писать в окольныхчех, ныне в боярех".)

Преследование Матвеева началось тем, что 9-го февраля отняли у него надзор за Аптекою, который вместе с Посольским приказом был препоручен ему, и передали эту должность боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому. Думали, что от этого зависело здоровье царя. При изготовлении царю лекарства сперва обязаны были отвеживать его врачи, а остаток от приема должен был выпивать боярин. Говорили, что Матвеев этого не выполнял; и вот одно из множества обвинений, на него взведенных. Но он и в этом отношении оправдал себя в своих сочинениях.

Из челобитных Матвеева видно, что сначала было определено ему не заточение в Пустозерске, а воеводство Верхотурское. Но, вероятно, это удаление не удовлетворяло мести врагов его, и они почитали необходимою удалить его еще более, дабы тем избавиться от всякой с его стороны опасности. Он прибыл водою в Лаишев, город при устье Камы; здесь во время приготовлений своих к дальнейшему зимнему пути он вдруг был задержан. Над ним произвели следствие, о котором в Москве и не думали.

Стрелецкий полуголова (можно перевести эту должность словом "подполковник" или "майор") Алексей Лузгин 25-го ноября приехал в Лаишев и потребовал от Матвеева медицинской книги, в которой многия положения выражены были цифирью. Это доказывает, как неосновательны были жалобы врагов. Матвеев, если у него искали признаков чародейства, то он мог добросовестно доказать, что подобных вещей не знал. Книгу, исписанную аптекарскими рецептами против разных болезней, он показал полуголове и сам предложил ему строжайший обыск своей квартиры и вещей для удостоверения, что в них нет ничего противозаконнаго. Но полуголова, не имея на то царскаго предписания, не согласился на его предложение. Двое слуг Матвеева, один — крещеный жид, другой — карло, дали повод думать, что они могут донести что-нибудь на своего господина, и Матвеев их сдал по требованию правительства. 22-го декабря того же года приехали в Лаишев из Москвы думный дворянин Федор Прокофьевич Соковнин и думный дьяк Василий Семенов с приказанием обыскать все бумаги и книги Матвеева. Они ничего особенного не нашли, но медицинскую книгу взяли с собою в Москву.

После того потребовали Матвеева в Казань, где обвинения, допросы и преследования вновь начались. Боярин Иван Богданович Милославский был тогда главным там начальником. Матвеева привезли сюда казанский дворянин Гавриил Нармацкий и упомянутый выше полуголова Лузгин, которые 11-го июля 1677 года отобрали от него все его имение под видом законной конфискации. Его содержали под крепкою стражею, отняли у

него верных слуг, не хотевших оставить его в несчастии, покушались было даже разлучить его с сыном Андреем, единственною его отрадою в скорби. Но униженные мольбы превозмогли злобу неприятелей; сына ему оставили. Этот Андрей, впоследствии граф Андрей Артемонович Матвеев, имел тогда от роду около семи лет.

Ничто не может быть бессмысленнее тех обвинений, которые взвели на Матвеева в Москве в то время, как он был в Лаишеве, или которых пытками добились от слуг его. Его обвинили в держании у себя чародейских книг и в знакомстве с злыми духами. Николай Спафарий, ученый грек из Молдавии, который находился в должности переводчика в Посольском приказе в Москве и собирался тогда ехать при посольстве в Китай, был обвинен в том, что обучал Матвеева и его сына чародейству. Другия преступления и вины, о коих можно читать в оправдательных сочинениях Матвеева, я для краткости опускаю. Хотя доводы его были очень основательны, однако нимало не помогли ему. Челобитной его, писанной на имя царя, в Казани не приняли, почему он взял ее с собою в Пустозерск, место своей ссылки, самое необитаемое и неудобное в целой России, если исключить некоторые еще более отдаленныя места на севере Сибири. Кажется, оно назначено для самых грубых преступников. О времени прибытия сюда Матвеева нет известий налицо. Открывается только, что первая его челобитная отправлена была им отсюда к царю 13-го июня 1676 года с одним путешественником, который охотно принял на себя это поручение. Есть причина думать, что эта челобитная не дошла до царя, по крайней мере она осталась без действия. Летом 1679 года послал Матвеев вторую челобитную, а в 1681 году третью, на которую наконец вышло решение: Матвеев, хотя не был совершенно освобожден, однако получил разрешение оставить грустный Пустозерск и поселиться сперва в Мезени, а потом в маленьком городке Луге; въезжать в Москву было ему еще запрещено. Подействовало ли ходатайство патриарха, которому он отправил три письма вместе с челобитными царю, или его другия письма к знатным придворным, после напечатанныя, или наконец смягчился ли боярин Иван Михайлович жалобами Матвеева до сострадания, все это неизвестно. Достоверно то, что добрый царь Феодор Алексеевич, известившись о несправедливости возведенных на Матвеева обвинений, старался прекратить преследование невиннаго, но чтобы предупредить могущия произойти смуты, не возвратил ему тотчас его достоинство и имения, а предоставил это времени. В "Истории малолетства Петра Великаго" можно читать продолжение того, на чем мы здесь остановились, и несчастную судьбу Матвеева.

В это же самое время в обстоятельствах другаго рода находился муж, с избытком осыпанный милостями царя Алексея Михайловича, слишком легко наказанный за свои заблуждения, который, конечно, получил бы прощение от царя Алексея, если бы согласился принять оно. Феодор, восшедши на престол, встретил этого честолюбца изъявлениями милости, вероятно, убежденный к тому своими сестрами и тетками. Это был

прежний патриарх Никон. Он жил как простой монах в Ферапонтовом монастыре в Белозерском уезде, а потом, 2-го июня 1676 года, переведен был в Кириловскую Белозерскую пустынь; наконец, получил дозволения дожидаться своей кончины в Воскресенском монастыре, им самим основанном на р. Истре. Но не доехав до места, он умер на пути близ Ярославля 17-го августа 1681 года. Тело его по царскому приказу отправлено было в Воскресенский монастырь и похоронено с патриаршими почестями.

Известно, что царь Феодор Алексеевич разными посольствами к восточным патриархам исходатайствовал грамоту, на основании которой Никон снова мог бы получить патриаршество, если бы остался жив, но эта грамота пришла в Москву уже 20-го сентября 1682 года, когда правительство по кончине Феодора потерпело известный важный переворот. Если бы захотели счесть ошибками правительства благодетельные, несогласные со зрелыми отеческими распоряжениями, то оно могло бы извиниться тем, что в этом случае нечего было опасаться, даже если бы Никон остался в живых, потому что он вовсе лишен был участия в делах церковных. Имя Никона благославляют многие за добро, сделанное им для церкви, и в особенности в основанных им монастырях, а всего более в Воскресенском, несмотря на упорство, настойчивость, гордость Никона, ничем не извиняемая. Для тех же, которых он преследовал за неосновательное учение и отлучал от церкви, имя это ненавистно.

Здесь да дозволено будет мне познакомить читателя с тогдашними главами Российского духовенства. Они были следующие:

патриарх Иоаким, из дворянского дома Савеловых, с 1674 года,
 в Новгороде архиепископ Комелий, с 1674 года, он был прежде архиепископом в Тобольске,
 в Казани архиепископ Иоасаф, с 1675 года,
 в Тобольске архиепископ Корнелий, с 1668 [года], после него Павел с 1678 года,
 в Ростове архиепископ Иона, с 1653 года,
 в Крутицах архиепископ Варсонофий, с 1676 года,
 в Рязани архиепископ Иосиф, с 1674 года.
 Все, доселе изчисленные, пользовались титулом митрополитов.
 В Нижнем Новгороде архиепископ Филарет, с 1672 года,
 в Смоленске Симеон, с 1676 [года],
 в Белгороде Михаил, с 1672 [года],
 в Суздале Стефан, с 1667 [года],
 в Чернигове Лазарь, с 1653 [года],
 в Вологде Маркел, с 1654 [года],
 в Твери Иосиф, с 1673 [года],
 в Коломне епископ Павел, с 1676 [года],
 в Вятке епископ Иона, с 1674 [года].

К этому надобно присоединить еще четыре архиепископских и епископских места, учрежденных царем Феодором в 1682 году, а именно: в Холмогорах, в Устюге, в Тамбове и в Воронеже. Епископами в них были: в Холмогорах — Афанасий, в Устюге — Елазий, в Тамбове — Леонтий, в Воронеже — Митрофан. Из этих епископств первые два находились прежде в епархии Вологодской, а последняя — в Рязанской. Тамбовское при Петре Великом было присоединено к Воронежскому, но ныне всемилодивейшею государынею снова восстановлено. Многие по причине

обширности государства желают, чтобы при новейшем государственном устройстве в каждом наместничестве находился особый епископ или архиепископ.

Вот и другие особы, которыя, исключая бояр, в случае требования заседали в Тайном приказе, как это показано в боярской книге 1676 года (еще полнее в 5 томе "[Опытов] Вольного Российского общества"):

Окольничие

князь Дмитрий Алекс[еевич] Долгоруков,
князь Борис Иванович Троекуров,
Иван Федорович Большой Стрешнев,
Семен Артемьевич Измайлов,
Иван Михайлович Боборыкин,
Матвей Степанович Пушкин,
князь Данило Степанович Великогагин,

князь Константин Осипович Щербатов,
князь Иван Петрович Борятинский,
князь Иван Борисович Троекуров,
Петр Дмитриевич Скуратов,
князь Григорий Афанасьевич Козловской,
Василий Семенович Вольнской,
Матвей Богданович Милославской.

Думные дворяне

Ларион Дмитриевич Лопухин,
Яков Тимофеевич Хитрово,
Афанасий Семенович Нестеров,
Артемон Сергеевич Матвеев,
Иван Павлович Матушкин,
Григорий Борисович Нащокин,

Борис Гаврилович Юшков,
Иван Севастьянович Большой Хитрово,
Иван Иванович Ржевской,
Федор Иванович Леонтьев,
Григорий Иванович Ртищев,
Афанасий Иванович Нестеров,
Богдан Иванович Ордин Нащокин.

Постельничий Федор Алексеевич Полтев.
Стряпчий с ключем Иван Кузмин сын Кузмин.

Думные дьяки

Герасим Доктуров,
Лукиан Голосов,
Ларион Иванов,

Александр Дуров,
Семен Титов,
Лукиан Тимофеев сын Голосов *.

Нет сомнения, что вместе с восшествием на престол юнаго царя сделаны были приготовления к утверждению его в новом высоком сане пред всем народом посредством помазания и венчания. Но торжество это происходило уже 13-го июня. Патриарх Иоаким совершил церемонию с помощью находившихся тогда в Москве архиепископов и прочаго духовенства. Это были выше изчисленные митрополиты Новгородский, Ростовский, Крутицкий, Рязанский, Нижегородский, архиепископы Вологодский, Смоленский, Суздальский, Тверской, Коломенский и один епископ из Сербии Иоаким, далее архимандриты Викентий из Троицкой Сергиевской Лавры, Макарий из Новоспасскаго монастыря, Иов из Юрьевскаго в Новгороде, Пахомий из Симонова близ Москвы, Сильвестр из Савинскаго в Звенигороде, Моисей из Петровскаго в Москве, Амвросий из Богдавленскаго тоже в Москве, наконец игумены Арсений из Знаменскаго монастыря в Москве, Гавриил из Колязинскаго, Герасим из Угрюжскаго, Никифор из Воздвиженскаго, Нил из Новинскаго, Феофилакт из Златоустинскаго, Дионисий из Стретенскаго; сверх того все соборные

* Так в рукописи, имя Л.Т. Голосова повторено дважды. — *Ред.*

протоиереи. Церемонии при царском венчании описаны весьма многими, потому мы извлечем здесь только важнейшие обстоятельства, могущие служить объяснением для истории и родословных.

Духовенство собралось рано утром в патриаршем доме и отправилось оттуда в Успенский собор, где пред алтарем устроено было возвышение с двенадцатью ступенями и покрыто драгоценными тканями. Царь в сопровождении бояр и придворных отправился из своих покоев в Грановитую палату и дождался там приготовлений к венчанию. Здесь произвел он из окольных бояре Родиона Матвеевича Стрешнева и Ивана Федоровича Стрешнева, из стольников в бояре Михайла Ивановича Морозова, из думных дворян в окольных Александра Севастьяновича Хитрово. При подобных повышениях не смотрели ни на старшинство по службе, ни на прежние достоинства. Царь действовал совершенно по своему усмотрению.

Царские знаки венчания, находящиеся ныне в Мастерской палате, сохранились прежде в Казенном дворе, весьма крепком строении близ Благовещенского собора. Следующия лица должны были по царскому приказу нести эти знаки в Успенский собор: 1. Св. Крест золотой с частью Древа Господня и Св. бармы — одеяние, в которое облачались цари при венчании, несены были на золотом блюде протоиреем Благовещенского собора Никитою в сопровождении причта. За Св. Крестом следовал боярин Иван Андреевич Хилков. 2. Царскую корону нес боярин Родион Матвеевич Стрешнев. 3. Скипетр нес боярин Иван Федорович Стрешнев. На Стрешневых взирали как на царских родственников, потому что мать царя Алексея Михайловича происходила от рода Стрешневых. 4. Державу нес государственный казначей Иван Богданович Камынин. 5. Золотое блюдо с дорогими камнями нес думный дьяк Диментий Башмаков. 6. Стоянец, на который полагали державу, нес думный дьяк Василий Семенов.

Как скоро эти лица прибыли к Успенскому собору и архиепископы и епископы, назначенные патриархом, приняли от них знаки венчания, отправился и царь со свитою своею в собор. Помолясь перед алтарем, он взошел на возвышение, где находились два седалища, одно для царя, другое — для патриарха. Первое — из слоновой кости, украшено было золотом и дорогими камнями — оно прислано в дар Борису Годунову персидским шахом Аббасом I и употреблялось после при царских венчаниях; снимок с него помещен в описании коронации императрицы Елисаветы. Возле царя стояли бояре: князь Никита Иванович Одоевской, князь Юрий Алексеевич Долгоруков и Богдан Матвеевич Хитрово. Царя держали под руки бывшие дядьки его князь Федор Федорович Куракин и окольный Иван Богданович Хитрово. Позади царя для услужения находились комнатный стольник Василий Семенов Змиев и некоторые стряпчие. Перед царем стоял думный дьяк Посольского приказа Григорий Карпов сын Богданов, которому поручен был надзор за порядком всего торжества.

Царь говорил довольно длинную речь патриарху, и патриарх отвечал ему тем же, как видно из описания сего венчания. Но не совсем вероятно то, что слабый царь мог говорить так продолжительно. После окончания обоих речей царь изъявил желание венчаться на престол, и патриарх не только дал ему на то свое согласие, но и напутствовал его своим благословением и спасительным поучением и вслед за тем начал венчание молитвою. Знаки венчания, каждый особо, были подносимы ему лицами из знатнейшаго духовенства и переходили к царю уже из рук патриарха. По древнему обычаю последний возложил на царя венец. Только Петр I венчал свою супругу сам, и последующие Российские монархи тоже собственноручно полагали венец на главу свою. За поздравительною и вместе поучительною речью патриарха следовали обыкновенныя церковныя действия. Царь был помазан миром и приобщен св. тайн, причем бояре Родион Матвеевич Стрешнев, князь Юрий Петрович Трубецкой и Иван Федорович Стрешнев держали на золотых блюдах венец, скипетр и державу. Потом патриарх говорил еще речь, по силе которой творил царю низкие поклоны, чему следовали и другие: в церкви иначе нельзя выразить общей радости о счастливо совершенном венчании. Оставивши Успенский собор царь посетил еще соборы Архангельский и Благовещенский, отслужив в них молебны, и отправился в свои покои. Патриарх и другие знатные особы духовнаго и светскаго сана обедали в Грановитой палате. Царь и патриарх сидели отдельно за одним столом, знатное духовенство и бояре за особыми столами.

Вот краткое, но достаточное извлечение из большой книги, в которой описано подробно венчание царя Феодора Алексеевича.

Должно было предполагать, что за венчанием скоро последует и бракосочетание царя, к чему уговаривали его сестры и родственники по матери для обеспечения престолонаследия. Но протекли годы, а Феодор все еще не решался; сверх того случились препятствия, которые замедлили это важное дело. Эти препятствия известны только по изустным преданиям, и в архивах не сохранено письменных о том известий. Разве принять за документ собственноручное сочинение о том покойнаго Татищева, которое попало мне в руки после его смерти. Надобно им удовольствоваться, хотя годы в нем вовсе не означены.

Царь следовал однажды за крестным ходом, как вдруг случайно на улице заметил между зрителями юную девицу, которая привлекла все его внимание. Он послал узнать, кто она такая, где живет и какими средствами. Посланный думный дворянин Иван Михайлович Языков, бывший вместе и постельничим, разознал все подробно и принес царю ответ, что она дочь дворянина Грушецкого и живет у тетки своей, жены думнаго дьяка Заборовскаго. В тот же день Языков послан был еще раз к думному дьяку и принес известие еще подробнее, почему царь и приказал Заборовскому иметь всевозможное попечение о своей племяннице и не позволять ей выходить замуж без извещения государя.

Это было еще тайною для царской фамилии, когда Иван Михайлович

Милославский, так жестоко гнавший невинного Матвеева в Казани, возвратился в Москву. Бояре князь Юрий Алексеевич Долгоруков и Богдан Матвеевич Хитрово, бывшие в начале царствования Феодора Алексеевича первыми его министрами, уже прежде опасались, что Милославские их выгеснят, как скоро боярин Иван Михайлович выпросил позволение возвратиться и принять участие в государственных делах; потому они сами советовали царю возвратить Милославского как близкого ему родственника, притом как умного государственного человека, могущаго быть полезным при совещаниях в важных случаях. Этим они надеялись приобрести дружбу Милославского, ибо он был бы обязан им своим возвращением. Но они соблюли и ту осторожность, что еще до прибытия его в Москву выхлопотали ему начальство во многих приказах с намерением или обременить его делами, или подвергнуть ответственности за какие-нибудь проступки его товарищей по службе, назначенных частию из друзей, частию из врагов его. Стрелецкий приказ удержал за собою князь Долгоруков, как опытный воин, а Оружейный — боярин Хитрово, потому что был уже прежде оружничим, то есть заведывал царской Оружейной палатою.

Милославский въехал в Москву, как в триумфе, встреченный радостными восклицаниями народа, жаднаго до новостей, и был принят царем очень милостиво. Он столь возгордился этим, что осмелился изъяснить царю неудовольствие, как скоро узнал о его намерениях касательно девицы Грушецкой и даже обвинил ее в предосудительном образе жизни, дабы воспрепятствовать этому союзу. Но царь знал душу своего недоброжелательнаго родственника и думал, что Милославский имеет для него в виду другую невесту, чрез которую надеется управлять царем по своему произволу. Между тем Феодор Алексеевич впал в уныние, которое предвещало дурныя следствия. Это уныние, однако, прошло, когда Языков с другом своим Лихачевым еще раз навестил дьяка и угрозами заставил его и девицу Грушецкую признаться во всем искренно. Оказалось, что они были совершенно невинны. После этого царь предпринял прогулку через ту улицу, где жил дьяк, снова увидел под окном Грушецкую и так был восхищен ею, что решился не откладывать долее бракосочетания.

Этим заканчивается почти романтический рассказ Татищева. Его можно почитать только за изустное предание, ничем не подтвержденное, но и не опровергнутое, которое, впрочем, несколько дополняется письменными известиями и частными обстоятельствами.

Я не отыскал, в какой именно день совершилось это бракосочетание, но достоверно то, что оно происходило до 21-го сентября 1680 года, ибо в этот самый день царь ездил в Троицкую Сергиевскую лавру на богомолье с молодою царицею. Она называлась Агафиею и была дочь сельскаго дворянина Семена Грушецкаго, который уже не был в живых, потому что не упоминается ни в каком случае. Иначе его почтили бы титлами, как царева тестя. Сестра царицы Анна была замужем за сибирским царевичем Васильем Алексеевичем, который, как известно, участвовал в прес-

туплениях царевича Алексея Петровича и за то лишился высокого своего титула и соединенных с ним почестей. Царица умерла в родах 14-го июля 1681 года, а за нею последовал и сын ее, названный во св. крещении Илиею. Род Грушецких продолжается и донине, равно как и потомки сибирского царевича под именем Сибирских князей.

В следующем году, 15-го февраля, царь вступил во второй брак, кажется, более по убеждению своих сестер, нежели по собственному желанию. Царь был уже очень болен, почему и спешили бракосочетанием, так что не выждали даже траура по умершей царице. Царь должен был сидеть во все продолжение свадебного обряда. Избранная невеста была Марфа Матвеевна, из той отрасли дома Апраксиных, которой впоследствии даровано было графское достоинство. Отец ее, Матвей Васильевич Апраксин, во время царя Алексея Михайловича был воеводою в Астрахани и 9-го августа 1668 года в степи между Саратовым и Пензою вместе со своею свитою, состоявшею из сорока человек, убит толпою калмыков и башкирцев, которые тогда производили большая возмущения. Тело его положено в Златоустинском монастыре, где покоятся и другие члены этой фамилии. Царица Марфа скончалась 17-го января 1716 года в С.-Петербурге, а брат ее генерал-адмирал граф Федор Матвеевич 10-го ноября 1728 года в Москве. О двух других братьях царицы, которых потомки и теперь существуют, я умалчиваю.

Изложивши личные обстоятельства жизни Феодора, я теперь приступаю к государственной истории его царствования. Она есть переход от счастливого и славного царствования Алексея Михайловича к преобразованиям Петра Великого. Начинания Феодора по причине краткой его жизни остались не оконченными. Кто сравнит устройство России при Феодоре с устройством ее пред Феодором и после него, тот может определить истинную цену того и другого. Всякого монарха суживают по его деяниям, заслугам каждого отдают справедливость, чтобы не казаться невеждами или льстецами; стараются не приписывать одному той чести, которой заслуживают многие. Феодор положил основание многим улучшениям в государстве, которые Петр Великий продолжал, и, сколько силы человеку позволяют, старался довести до совершенства. Я обо всем этом стану говорить по порядку времени.

Первое действие Феодора состояло в том, что на другой же день утром известили народ о новом управлении и разослали розрядные приказы или грамоты во все города и области к воеводам с повелением привести народ к присяге в верности новому царю, причем и воеводы утверждались в своих должностях. Указов в то время еще не было. Грамоты вошли в употребление со времен Иоанна Васильевича. Если сравнивать эти два слова в собственном их смысле, то грамоты менее заключают в себе обязательной силы, нежели указы, потому что первыя в грамматическом смысле писались желательным образом, между тем как

30 января

указы выражают неограниченную повелевающую власть. Для объяснения, как тогда сочинялись грамоты, я приложу к сему сочинению копию с вышеупомянутой грамоты.

В воскресенье пред масляной неделей, как и в прочие праздники, некоторые лица, назначенные по Розряду, присутствовали при богослужении в Успенском соборе, а именно: боярин князь Юрий Петрович Трубецкой, князь Иван Андреевич Хилков, окольничий Никита Михайлович Бабарыкин, думный дворянин Иван Иванович Баклановский и думный дьяк Дементий Башмаков. Того же думного дьяка Башмакова царь именно в этот день назначил печатником и приказал ему ведать Печатный приказ, где царския повеления приложением царской печати получали обязательную силу.

Ночныя нападения, разбои, смертоубийство, особенно на маслянице, были в Москве еще весьма обыкновенны, несмотря на неусыпное попечение царя Алексея Михайловича о всеобщей безопасности. На крики, слышанные ночью, никто не дерзал выходить из дома. Часто находили утром убитыя и ограбленныя тела на улицах. Этот недостаток полиции, если тогдашнее благоустройство можно назвать полицией, царь Феодор Алексеевич старался исправить в самом начале своего правления.

31 января

Он запретил всем жителям Москвы оставаться на улицах во время масляницы позже четвертаго часа пополуночи. Никто не смел носить оружия, позволено было только вооружаться дубинами. Ослушников задерживали при городских воротах караульные стрельцы и представляли в Стрелецкую канцелярию. Только одни священники и церковнослужители в важных случаях освобождались от этого запрещения, но и они наравне с другими не могли носить при себе оружие. Приказы, требовавшие общаго исполнения, объявлялись дворянам чрез дьяка словесно утром у нижняго крыльца, которое вело к царским покоям, а потом записывались в розрядныя книги; при объявлении же других приказов, относившихся к некоторым особам, наблюдалось только последнее. Такого же рода были приказы боярам, окольничим и прочим чинам Тайнаго приказа являться каждое утро в первом часу к своей должности. Повышения и перемещения должностных лиц относились тоже к повелениям последнего рода; из них важнейшее заслуживает упоминания в родословных знатных людей. Оно состояло в следующем. Боярин князь Иван Борисович Репнин получил под свое владение Поместный приказ, окольничий князь Константин Осипович Щербатов — Ямской

1 февраля

3 февраля

приказ, окольный князь Владимир Дмитриевич Долгоруков — Новую Четъ — приказ, доставлявший большой доход продаже всех напитков в пользу казны; боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков — Стрелецкой приказ и Смоленский, боярин князь Никита Иванович Одоевский — Аптекарский приказ, который несколько лет был под надзором боярина Матвеева по причине особенной к нему доверенности покойного царя.

4 февраля

8 февраля

Удаление от этой должности было, кажется, первым изъявлением немилости царя к Матвееву. Может быть враги последнего представляли царю, что Матвеев не достоин такого места, которое имеет важное влияние на здоровье царское: врачи, хирурги, аптекари и их подчиненные зависели от Аптекарского приказа. Между ними был один химик, который величал себя алхимиком и о котором после упоминается в защитительных сочинениях Матвеева. Аптекарский приказ и придворная аптека находились в одном доме неподалеку от дворца. Здесь ежедневно утром врачи собирались, получали приказания от боярина или от заседавших в приказе дьяков, совещались о прописываемых лекарствах, присутствовали при изготовлении оных и должны были отведывать их сами. Боярин, поднося царю лекарство, сливал несколько себе в руку и выпивал, что выполняемо было Матвеевым весьма добросовестно, как он сам доказывает в своих оправдательных сочинениях. Названия в рецептах, хотя и были медицинские, однако писались русскими буквами. Если бы теперь обыскать нынешнюю Медицинскую контору в Москве, то может быть, нашлось бы довольно достопримечательного в отношении к медицинским древностям. Матвеев, впрочем, заведывал не одним приказом Аптекарским, но и другими важными местами в Москве, как-то: приказами Посольским, Новгородским (Новгород имел своего боярина и воеводу, которые получали предписания от сего приказа), Володимирским, Галицким, Малороссийским. Матвеев в 1654 году своими переговорами с казацким гетманом Хмельницким весьма много содействовал присоединению Малой России к государству. Этими приказами управлял Матвеев вместе с Посольским, как вдруг 4-го июля того же года у него их отняли и поручили думному дьяку Лариону Иванову.

Тайный приказ, учреждение царя Алексея Михайловича, Феодор уничтожил, как ненужный, предоставивши самому себе право решать дела, в нем производившиеся, и выбравши в свои поверенные дьяка Даниила Полянского, который служил в этом приказе. Какого рода дела в нем произ-

водились, этого нельзя видеть из известий, мною собранных, но можно полагать, что эти дела сходствовали с нынешними кабинетными делами. Во всяком случае, Страленберг ошибается, думая, что предметом действий этого приказа было строгое исследование грубых преступлений. Боярам князю Никите Ивановичу Одоевскому и князю Михайлу Юрьевичу Долгорукову и думному дьяку Дементью Башмакову поручено было рассмотреть и описать бумаги этого приказа. Тут опять была бы надежда иметь материалы для истории тогдашнего времени, если бы можно было отыскать эти бумаги. То же надобно сказать об одном труде, который был возложен царем на боярина князя Якова Никитича Одоевского, сына Никиты Одоевского, ему поручено было описать Мастерскую палату и сохранявшиеся в ней драгоценности. Что такое Мастерская палата, знают те, которые видели эту сокровищницу, привлекающую внимание каждого; в ней хранится множество золотых и серебряных сосудов, разного рода искусственных вещей, кои по приказанию прежнего царя заказывались для двора, также подарки иностранных послов. Царские знаки венчания, которые находились прежде в царской кладовой, и некоторыя венчалныя одеяния разных царей и цариц хранятся тоже в Мастерской палате. Сверх того в ней есть весьма замечательная рукопись — подлинное Уложение царя Алексея Михайловича, которое в некоторых местах не сходствует с печатными изданиями и еще отличается от них тем, что на полях его означены источники, из коих оно почерпнуто, и что в конце его собственноручно подписывались все участвовавшие в составлении его⁷. Царь Феодор получил Мастерскую палату в прежнем ее положении; в разных ее отделениях приготавливались для царя дорога вещи. Овдовевшая царица имела свою Мастерскую палату. Эти драгоценности, приготавливаемые в палатах, и преимущественно кубки, назначались царем и царицей в подарки разным лицам, причем величина кубка соответствовала заслугам того, кто удостоивался подарка. Кубков было так много, что при торжественных пиршествах можно было обставить и закрыть ими всю среднюю комнату Грановитой палаты. В наше время кажется неприлично называть этот приказ Мастерским, потому что в нем нет уже мастеровых, производящих работы. Название сокровищницы было бы соответственнее, особенно если бы соединили с нею царскую Оружейную палату, заключающую в себе собрание редкостей и древностей, и если бы при предполагаемом построении нового Кремля обратили

на то внимание. Кто не пожелал бы иметь описание этих вещей в том виде, в каком они были при царе Феодоре?

Думают, что царь более вследствие советов посторонних, нежели по собственному распоряжению отдал воеводство Казанское, столь значительное по своим доходам, боярину Ивану Богдановичу Милославскому, своему родственнику, отнявши это место у князя Юрия Ивановича Ромодановскаго. Хотя бояре, члены Тайнаго приказа, и старались для поддержания своего веса удалить из Москвы Милославскаго, однако воеводство Казанское также льстило последнему. Несколько времени спустя эти же самые бояре советовали царю возвратить его, думая, что если царь решится на это сам, то они не приобретут никакой благодарности от новаго любимца за свою к нему дружбу. Этот муж будет еще часто предметом наших разсуждений.

Есть много примеров в России, что великие люди как на войне, так и в мирное время оказывали услуги отечеству. Оба эти великие качества часто соединялись в одном лице. Управлять городом и областью в качестве воеводы и вместе побеждать неприятеля на бранном поле в древние времена было также обыкновенно, как и то, что правители городов, даже не записанные в военную службу, назывались воеводами. Таков был князь Василий Васильевич Голицын, который в царствование Феодора начал отличаться воинскими качествами и впоследствии играл важнейшую роль в делах государственных. Будучи стольником, он уже начальствовал над войском. Окольничий князь Григорий Афанасьевич Козловский и думный дворянин Андрей Васильевич Толстой находились под его начальством. Но эта необыкновенная зависимость высшего от низшаго продолжалась только до 14-го мая, когда царь произвел князя Голицына в бояре.

Путивль и Рыльск, важные города на р. Сейме, составляли тогда границу между Россиею и отпавшими от нея безпокойными казаками. Голицын, еще будучи стольником, находился при своем войске в Путивле, а окольничий князь Константин Осипович Щербатов с другою армией стоял в Рыльске, но получил приказ в случае требования соединиться с Голицыным. Поместному дворянству приказано было непременно явиться в войско к 19-му марта. Переменное счастье в войне часто безпокоило царя Феодора Алексеевича, впрочем, в это время важнаго ничего еще не случилось. Действительныя происшествия лучше будет рассказывать в связи, нежели по частям.

9 февраля

Совершенную противоположность с Голицыным представлял Федор Шакловитый — писарь, который вместе с ним вырос, но которого герой наш, вероятно, не успел разгадать. Шакловитой весьма искусно скрывал злое свое сердце, пока его умение писать не вознесло его в следующее царствование до высших почестей. Это же умение писать было потом причиною его гибели. Царь Феодор переместил его из Тайного приказа в Розряд и пожаловал в дьяки. Это было началом его возвышения.

9 марта Около Звенигорода тогда находились, вероятно, железные рудники. Другой писарь Тайного приказа — Маркелла Ватагин — получил в качестве дьяка надзор за этими рудниками.

19 марта При обыкновенном торжестве в Вербное воскресенье царь этот раз не присутствовал. В сем случае упоминают бояр: князя Ивана Александровича Воротынского, князя Михаила Юрьевича Долгорукова и окольного князя Владимира Дмитриевича Долгорукова.

Каждый являлся в этот день, несмотря на празднество, в трауре. Патриаршую лошадь вели под устцы келарь Чудовского монастыря и Иван Лызлов, патриарший боярин. Неизвестно, был ли этот Лызлов отец или брат стольника Андрея Лызлова, который в то время написал историю татар на русском языке, отчасти и напечатанную. Книга эта не без ошибок, потому что сочинитель заимствовал польскими и латинскими писателями, не обратив внимания на источники русские, столь богатые и обильные⁸.

Сельский дворянин Иван Семенович Головкин, служивший подполковником в немецком войске царя Алексея Михайловича, был произведен Феодором в московские дворяне, потому что это звание считалось почетнее всякого офицерского чина. Дворянин имел пред офицером то преимущество, что всегда мог являться ко двору. Полковник вменял себе в честь быть вместе с стольником. Это время можно считать началом заслуженного дома графов Головкиных, ибо Иван Семенович был отец канцлера Гавриила Ивановича, коего потомки распространились в России, Германии и Голландии.

Самыя знатныя фамилии нередко пятнают сами честь своего имени. Фамилия Салтыковых навлекла на себя нареkanie тем, что знатнейшие члены ея перешли в Польшу во время смут, предшествовавших царствованию Михаила Феодоровича. Некоторые потомки ея и теперь еще встречаются между польскими магнатами, другие в царствование Алексея Михайловича с его разрешения возвратились

в Россию. В числе последних находился Степан Иванович Салтыков, московский дворянин, которого царь Феодор на место стольника Петра Пушкина определил начальником Московского судного приказа. Пушкин, раздраженный этим, подал царю просьбу, в которой объяснил, что Салтыковы, возвратившись в Москву, еще не оправдались в своем удалении в Польшу. Но это несправедливо, ибо если царь позволил им возвратиться, то, конечно, простил их преступление. Пушкин за эту просьбу по приговору Тайного приказа посажен был на несколько дней в тюрьму.

7 мая

Мы уже заметили, что у царицы Натальи Кириловны был свой двор, состоявший, как и царский, из молодых дворян, которые могли получать в этой службе чин стольника. Случалось, однако, что и стольники, и дворяне переходили от одного двора к другому частью в надежде на повышение, частью убежденные к этому другими лицами, которые имели свои виды. Но так как это относилось более ко двору царицы, то таковые переходы, кажется, совершались не иначе как с ее согласия. Однажды царь взял таким образом к себе 7 стольников, которые служили его отцу и при царице найдены были лишними. Между ними находился Алексей Семенович Шеин, одаренный необыкновенными воинскими способностями, которые при Петре Великом рано развернулись. Князь Григорий Федорович Долгоруков — комнатный стольник царицы Натальи — получил также чин стольника при дворе Феодора. Он впоследствии был одним из величайших дипломатов своего времени. Сергей Александрович Хитрово также произведен был в стольники при царе, бывши прежде стольником у царицы. Стольников можно сравнить с нынешними камергерами; некоторые из них постоянно ночевали в царских прихожих.

5* мая

7 мая

14 мая

8 мая, в день Феодора Стратилата, царь праздновал свои именины и по этому случаю назначил многих придворных к высшим должностям. Этим особ было до 50 числом. Первое празднование именин царя по восшествии его на престол должно было ознаменоваться необычайными милостями. Непосредственно за венчанием царя следовали два повышения членов фамилии царевой матери. Матвей Богданович Милославский произведен был из стольников в окольничьи, а Иван Михайлович Милославский — из окольничих в бояре. Последний был ближайший родст-

27 июня

* Так в рукописи. — *Ред.*

венник родительницы царя, то есть Мария Ильинична происходила от одного с ним прапрадеда.

Должно быть, в это время здоровье царя поправилось, ибо он для перемены воздуха иногда ездил в деревню и возвращался в тот же день или на другой. Когда силы позволяли ему, он и долее не возвращался. Некоторые из первых государственных и придворных чиновников постоянно сопутствовали ему во всех этих прогулках, другие оставались в царском дворце для его охранения и в неожиданных случаях для подачи совета или помощи. Это называлось "Москва приказана боярам". Бояре каждый раз назначались для сего царем.

2 июля

Первую поездку предпринял царь утром в Новодевишский монастырь, за 2 версты от города выше по течению р. Москвы лежащий; эта поездка была вместе и богомольем, потому что царь присутствовал в монастыре при богослужении. После сего он обедал в так называемом комнатном шатре, а к вечеру возвратился в город.

Во вторую поездку, 16-го июля, царь посетил село Покровское, слободу города Москвы, на севере, близ Немецкой слободы. Здесь царь Алексей Михайлович выстроил себе дом и отдыхал в нем от занятий правительственных. Прежде это селение было отделено от города и называлось Рубцово. Название Покровского оно получило от церкви, которую царь Алексей повелел в нем устроить. Пространство между ним и Москвою наконец совершенно исчезло, когда город, увеличиваясь более и более в объеме, подошел к самому этому селению. Царь поехал туда в первом часу пополудни и возвратился на другой день в том же часу пополуночи.

Третья поездка продолжалась только несколько часов, которые царь провел в селе Воробьевском. Это место известно своею возвышенностью, с которой видна вся Москва и которая называется тоже Воробьевскими горами. На вершине их царь Алексей построил увеселительный дом, коего фундамент был складен из мячковских квадратных камней. Этот дом возобновлен по повелению великой императрицы Екатерины II. Под горой на берегу р. Москвы, против Новодевичьяго монастыря есть маленькая деревня с церковью, или село.

28 июля

В четвертую поездку царь опять заехал утром в Новодевичий монастырь и присутствовал там при богослужении, которое совершено было патриархом. Оттуда отправился в Хорошовское село, где, может быть, в то время основан был конный завод. По крайней мере мы не знаем, су-

ществовали ли в России прежде царя Феодора этот и другие значительные конные заводы. Феодору Алексеевичу, как большому охотнику до красивых лошадей, приписывается основание самых древних казенных конных заводов. Хорошевское и доселе доставляет весьма красивых лошадей в императорскую конюшню. Но есть два селения этого имени, в 8 верстах одно от другаго выше города по течению Москвы. Царь на третий день прежним путем возвратился в Москву.

За увесилительными поездками следовало богомолье, о котором я ничего не нашел, кроме того, что царь 20-го августа с обыкновенною свитою бояр отправился в Троицкую Лавру и употребил на это десять дней. Был ли царь в состоянии совершить часть путешествия пешком, как обыкновенно водится при богомольях, о том ничего не сказано.

Можно усмотреть внимательность царя и первых бояр к хорошему порядку московских приказов при решении дел слишком важных, которыя докладывались царю и высшему Тайному приказу. Случались ошибки и замедления, если Тайный приказ обременен был собственными делами и не мог выслушивать докладов от приказов. Иногда никто не являлся с докладом, а иногда докладчиков было так много, что происходили споры о первенстве. Один старался опередить другаго, но кто приходил прежде всех, почти первый и докладывал наперекор опаздавшим. Вследствие этого царь издал повеление, чтобы каждый приказ присылал доклады в день, ему назначенный. Приятно слышать, что за сто лет были подобные повеления, которыя, пришедши в забвение, возобновились ныне умом и попечительностью величайшей императрицы. Доклады приказов в Тайном приказе распределены были следующим образом. 4-го августа в пятницу — Розряд, Посольский и Малороссийский приказ, Новгородская четь; 5-го и 6-го августа в субботу и воскресенье докладов не было; 7-го августа в понедельник — приказы Большой казны, Иноземский, Рейтарский, Большаго прихода; 8-го августа во вторник — приказы Казанскаго дворца, Поместный, Сибирский, Челобитный; 9-го августа в среду — приказы Большаго дворца, Судный, Дворцовый, Оружейный, Костромская четь, Пушкарский; 10-го августа в четверг — приказы Володимирский судный, Московский судный, Монастырский, Земский; 11-го августа в пятницу — приказы Стрелецкий, Разбойный, Хлебный и Устюжская четь.

Если обратить внимание на первое вступление в свет таких людей, которые приобретают известность своими

4 августа

6 августа

заслугами, то увидим, какое преимущество имеет природный дар пред воспитанием и учением. Так, при Феодоре начал отличаться Феодор Алексеевич Головкин*, который при Петре Великом не только в России достиг высоких почестей, но даже у иностранцев стяжал большую славу. Его отец Алексей Петрович и дядя Петр Петрович долгое время служили государству, будучи воеводами в Сибири. Но это не могло служить для сына или внука уроком лучше тех, какие подавала ему сама природа. Царь Феодор пожаловал его в стольники с приказанием, чтобы молодой Головкин с сентября месяца был при отце во всех его путешествиях. Царевна София и первый министр ея Голицын удостоили его посольства в Китай, и, таким образом, степени окольничаго и боярина не могли миновать его. Он был назначен большим послом в том посольстве, в свите коего находился сам Петр Великий, скрывая свой сан под одеждою незнатнаго человека⁹. Наконец, он дослужился адмирала и потом председателя Посольскаго приказа (то же, что канцлер). Чего можно было более ожидать от его ума, способностей и привязанности к престолу? Ко всем этим почестям проложил ему путь царь Феодор Алексеевич.

Стольник Иван Максимович Языков сделался первым любимцем и был пожалован в постельничьи. Кажется, он был достоин этого доверия, ибо об нем не было никаких дурных слухов и он удержался на своем месте до самой кончины царя.

10 и 14 сентября

Царские поездки разделялись на зимния и летния, но царь предпринимал их и осенью, из чего можно заключить об улучшении его здоровья. Два раза ездил он в Коломенское – летний увеселительный дом отца его, возобновленный великою императрицею. При первой поездке упоминается также увеселительный дом в Тухалех, построенный как кажется, в это время под названием "потешной двор, что построен в Тухалех на Студенце". Если это, как предполагать надобно, был двор, назначенный для соколиной охоты, которую царь по примеру отца своего очень любил, то из этого объясняется, что слово "потешный" имело более странное значение, нежели как принимали его в Москве и в Преображенском.

8 октября

29 ноября

Первая поездка продолжалась три дня, а вторая – шесть дней. В Покровское царь ездил снова, но только для богомолья. На путешествие в Троицкую лавру он употребил двенадцать дней, заезжал в Александровскую слободу и в

* В рукописи описки, должно быть: "Головин". – Ред.

Переславль-Залесский. Потом, в декабре был в Хорошове, проехал оттуда в Саввин Сторожевский монастырь в Звенигороде и возвратился через семь дней в Москву. Как кажется, эта последняя поездка не имела на его здоровье ожидаемого действия.

5 декабря

Я опять возвращаюсь к боярину Артемону Сергеевичу Матвееву, который оставил после себя собрание челобитных и оправдательных сочинений, служащих нам материалами для истории этого боярина. Его ни в чем не допрашивали, мало этого – ему не позволили даже судиться законным порядком. Он был разжалован сперва в окольных и назначен воеводою в Верхотурье, куда он и отправился летом в сопровождении сына своего Андрея. Имущество и все, что он желал взять с собою в путь, ему покамест оставили. Между виновниками этой опалы до сих пор, кажется, находился и сам царь. Но враги Матвеева тем не удовольствовались. Матвеев прибыл водою в Лаишев на р. Каме близ Волги, откуда зимним путем намеревался отправиться далее. Во время этих приготовлений к пути приехал в Лаишев стрелецкий полуголова Алексей Лузгин и стал требовать от Матвеева лечебника, в котором многия правила написаны были цифирью. Это доказывает, как неосновательны были обвинения, взведенные на него врагами. У него было собрание рецептов против разных болезней, которое он как-то затерял, но после открылось, что один из прислужников его от излишней предосторожности сжег это собрание. Обыкновенные аптекарские знаки невеждами-доносчиками приняты были за чародейственное писание. Так как Матвеев не имел этого лечебника, то и предложил полуголове все свои бумаги для освидетельствования их содержания, но полуголова, не имея на то приказания, не согласился на желание Матвеева, а взял только, как ему было предписано, двух слуг Матвеева, одного – крещеного жида, а другаго – карлика, и с ними поехал обратно в Москву.

6 июля

25 ноября

Четыре недели спустя к Матвееву из Москвы прибыли новые чиновники – думный дворянин Федор Прокофьевич Соковнин и думный дьяк Василий Семенов, которым поручено было рассмотреть все бумаги, книги и вещи боярина для узнания, нет ли в них чего-либо противного религии, ибо продолжали подозревать его в чародействе. Они ничего не нашли особенного и отобрали от Матвеева, от трех его двоюродных братьев и от девяти слуг письменныя сказки, что при обыске ничего предосудительного не оказалось. Когда они собирались в обратный путь,

22 декабря

Матвеев хотел послать с ним челобитную к царю для своего оправдания, но они ее не приняли.

31 мая 1677 года

Между прочим, тех, кои показали, что могут донести что-нибудь на Матвеева, продолжали допрашивать в Сыском приказе, где обыкновенно судились большие преступники. Приговор наконец состоялся в том, что "по памяти Сыскаго приказа за великия вины и неправды велено Матвеева записать по Московскому списку", вследствие чего все его имение было конфисковано и он с весьма малым содержанием сослан был на всю жизнь в Пустозерск.

11 июня

Для выслушания сего приговора, привезеннаго дьяком Иваном Гороховым, Милославский велел дворянину Гавриилу Нармацкому и полуголове Алексею Лузгину перевезти несчастнаго Матвеева в Казань. Его содержали под строгим присмотром, отобрали у него все, что нашли при нем, даже бумаги, коими он мог доказать свое право на собственность, им в Москве оставленную; многих верных слуг его разослали по деревням, из коих они были взяты, других пустили на волю. Хотели разлучить его и с сыном Андреем, 10-тилетним ребенком, но, вероятно, сжалились над униженными мольбами безутешнаго отца: Этот Андрей был тот самый граф Андрей Артемонович Матвеев, который при Петре Великом прославился посольствами к иностранным державам и оказал великия услуги отечеству.

Такой судебный приговор, написанный в общих выражениях и не дерзнувший обвинить Матвеева ни в каких других преступлениях, кроме чародейства, конечно для здравомысливших служил лучшим оправданием Матвеева. Но об этом в Москве уже не думали, потому что царь был совершенно убежден в виновности Матвеева и доказать ему противное было невозможно. Весьма замечательно, что Матвеев не был наказан за чародейство как за главное преступление, а Спафарий, обвиненный в том же, вовсе не подвергся наказанию.

Этот Николай Спафарий, родом грек, служил с 1670 года переводчиком при Посольском приказе, а во время суда над Матвеевым находился при посольстве в Китае. История не должна умолчать об нем, тем более что его обвиняли в обучении Матвеева чародейству. Спафарий – человек заслуженный, был прежде у молдавского господаря меченосцем (spatharius), откуда и получил свое прозвище. Кто имел понятие о науках и знал иностранные языки, тот всегда мог надеяться на расположение Матвеева. Последний обходился со Спафарием не как с подчиненным, а как с другом. Оба запирались иногда в особую комнату, читали

книги, которых, разумеется, никто кроме их не мог понимать и которых Спафарий должен был объяснять любознательному боярину. Поэтому их должна была постигнуть одинаковая участь. Спафарий, как многие ученые перед ним и после него, не избежал обвинения в чародействе. Он был весьма счастлив, что его заслуги, отсутствие и полезные донесения и делах посольских охраняли его от наказания. Он до 1707 года был переводчиком в Посольском приказе. О путешествии его в Китай мы будем говорить позже.

Матвеев, потерявши всякую надежду доказать в Москве свою невиновность, покорился жребию. Челобитную, которой в Казани не приняли, он взял с собою в Пустозерск, где воевода решил отправить ее с своим рапортом в Москву 26-го июня 1678 года. Однако она осталась без действия. Вторая челобитная, которая в 1679 году была послана с нарочным, тоже не принесла пользы. Третью челобитную Матвеев отослал с другим ссыльным, получившим свободу в 1681 году. Вследствие этой челобитной Матвеев не получил совершенного прощения, однако ему позволено было сперва жить в Мезени, а потом поселиться в городке Луге, что во Владимирской земле.

Отступивши от порядка времени, мы должны возвратиться к началу 1677 года, который замечателен необыкновенным явлением. Царь произвел знатного купца или гостя Аверкия Степанова сына Кирилова в думные дьяки, вероятно, потому, что его опытность в делах превосходила звание его. Боярин Иван Михайлович Милославский, заведывавший Большою казною и Большим приходом, взял его к себе в помощники. Сын этого Кирилова, Яков Аверкиев, также произведен был в дьяки.

7 марта

При венчании, равно как и при новоселье, когда царь переходил в новый деревянный дворец, построенный возле старого, он отказывался от подарков, кои были ему подносимы, а возвращал их по принадлежности. Это служит доказательством воздержанности царя, не хотевшаго вовлекать своих подданных в издержки. Напротив, боярин Иван Михайлович был ненасытным. Не довольствуясь начальством над местами, ему вверенными, он старался увеличить власть свою принятием на себя новых должностей. Таким образом, поступили в его владение Иноземский и Рейтарский приказы, в распоряжение коих находились иностранные пехотные и конные полки. Вслед за тем поручены были ему Новгородский приказ, Володимирская и Галицкая четь. Вероятно, честолюбие и корысть более,

14 января

нежели опытность в делах и рвение к общему благу, заставляли его думать, что он в состоянии управлять столь многими и важными делами. Наконец, Милославскому стоило только пожелать какой-либо должности, и бояре – члены Тайного приказа – спешили угождать ему, дабы не заслужить его неприязни. Увидим впоследствии еще более примеров его ненасытности.

В этом году в Вербное воскресенье отправляли празднество в воспоминание въезда Иисуса Христа в Иерусалим, но царь при том не присутствовал. Два боярина – князь Иван Алексеевич Воротынский и князь Владимир Дмитриевич Долгоруков – вели под устцы лошадь, которая представляла ослицу. Не недостаток благоговения, но слабое здоровье царя заставило его отказаться от участия в этой процессии, тем более при ней необходимо было идти долгое время пешком.

Не излишним считаю упомянуть здесь о первом заслуженном воине русском, который числился в корпусе, набранном из иноземцев, и дослужился первого генеральского чина. Это был Венедикт Андреевич Змиев, получивший уже при царе Алексее Михайловиче чин генерал-лейтенанта. Царь Федор произвел его в генерал-аншефы, о чем и дано было знать Военному приказу для сообщения в Розряд. Он был прежде думным дворянином, что, по мнению тогдашнего дворянства, было важнее чина генеральского. Немного спустя Аггей Шепелев, бывший стольником и в звании думного дворянина командовавший стрелецким полком, получил также генеральство, и оттого после назывался думным генералом. Третий русской генерал был Григорий Иванович Косагов, который, однако, достиг этой степени позже двух первых. Он в первый раз помещен в числе думных дворян в боярской книге от 1686 года. Там сказано, что из генералов произвели его в думные дворяне: новое доказательство, что последнее звание предпочтается было высшим военным должностям.

Первые известия о заведениях, основанных в России иностранцами, найденные в архивских бумагах, не допускают заключения, что эти заведения именно в это время, которое обозначено в известиях, устроены. Царь Федор Алексеевич поехал в это время в Аптекарский сад, где лечебные растения разводились, сушились и сохранялись для царской аптеки. А в каком месте был этот Аптекарский сад? Как видно по следам, еще уцелевшим, в довольно широком и глубоком рве, окружающем Кремль, на берегу Неглинной. Никто не стал бы теперь искать его

там, ибо всякому известен большой ботанический сад, находящийся в одном из предместий Москвы. Начало первого сада с достоверностью можно приписать царю Алексею Михайловичу, который преимущественно старался выписывать из Германии искусных врачей. Между последними был Ларенцо Блументрост, отец двух императорских лейб-медиков, которому, как кажется, и принадлежит заведение этого сада.

При наступлении лета царь до поздней осени снова предпринимал разные поездки в окрестности Москвы, из чего можно заключить, что здоровье его тогда поправилось. Увеселительная прогулка в Коломенское продолжалась 10 дней. С большою пышностью ездил царь на богомолье в Троицкой монастырь, как видно из приказа, данного на возвратном пути боярину князю Григорью Семеновичу Куракину, которому приказана была Москва. Этот приказ важен в отношении к тогдашним обычаям, почему я и приложил его здесь под № 2*. Царь отправлялся еще на богомолье во Флорищеву пустынь и в городок Вязники во Владимирском уезде. В этой поездке царь явился в полном блеске: его сопровождали 9 бояр, 7 окольныхчих, 1 кравчий, 1 постельничий, 1 думный дворянин, 2 думных дьяка, 1 рында и множество стольников, назначенных царю для прислуги, кроме других придворных чинов. Стольник князь Яков Алексеевич Голицын был возницею; два стольника стояли на ухабе и чередовались с двумя другими; 1 окольныхчий, 1стряпчий и 1 дьяк ехали впереди, надзирая за чистотою и безопасностью дороги. По сколькоу еще каждый из этих знатных придворных имел своей прислуги согласно с тогдашними обычаями! Как многочисленна и великолепна была, вероятно, эта свита!

В последнюю прогулку к великой скорби царского дома ранняя смерть постигла юную царевну, дочь царя Алексея Михайловича от второго брака по имени Феодору, которой едва исполнилось три года и два месяца. Тело усопшей на другой день поставлено было в дворцовой церкви и по возвращении царя похоронено в Воскресенском монастыре. Царь в трауре (печальном смиренном платье) следовал за гробом. Но ни царевич Иоанн Алексеевич, ни овдовевшая царица, ни сестры и тетки царевны здесь не упоминаются. Впереди царя за гробом шли окольныхчи, думные дворяне, думные дьяки и ближние люди, за царем – бояре, стольники, стряпчие, московские дворяне и дьяки. Патриарх и

От мая до
сентября
1677 года

27 сентября

От 22 ноября до
12 декабря

13 декабря

* В рукописи приложения отсутствуют. – Ред.

все духовенство встретили усопшую в монастыре. С этого дня три дворянина поочередно находились вместо почетной стражи в монастырской церкви. Это продолжалось 12 дней и тем кончился обряд погребения, который при похоронах взрослых и преимущественно царствовавших особ был продолжительнее: 10 важнейших особ в продолжении 40 дней попеременно являлись на почетную стражу.

Новый пример неутолимой жадности к корысти боярина Ивана Михайловича Милославского. Он так умел вкратце в доверенность царя, что получил еще под свое ведомство Новую Четвь – очень выгодный приказ, в который поступали многие царские доходы и преимущественно питейные сборы. Недовольный тем Милославский старался также подчинить своему ведомству дела волжских калмыков, которые случались иногда в Москве. Он принял под свое управление и Пушкарский приказ. До сего времени дела калмыков зависели от Посольского приказа, в котором по отставке Матвеева председательствовал думный дьяк Ларион Иванов; теперь же эти дела перешли в Новую Четвь к людям, вовсе их не знающим; потому через несколько дней они поступили в Казанский дворец, где, без сомнения, лучше могли быть управляемы. Но и это после отменено.

19 декабря

30 декабря

19 декабря

В то же время Монастырский и Челобитный приказы были уничтожены и дела их поручены другим приказам. Боярин князь Василий Васильевич Голицын, сражавшийся в Украине с турками и татарами, назначен был начальником Владимирского судного приказа, в которой при нем поступили дела Челобитного приказа. В Москве судных приказов было 3: Владимирской, Московской и Дворцовый. Первой, кажется, существовал с тех пор, как Москва сделалась местопребыванием великих князей вместо Владимира; второй был областной Московской, а третий – для придворных слуг. Сколь долго каждый из них существовал, еще не исследовано. До нашего времени остался один судный приказ – Московский, образующий первую инстанцию в судебных делах, откуда подают апелляцию в Юстиц-коллегию.

Дела Монастырского приказа велено было перевести в Приказ Большого дворца, который заведовал доходами со всех поместий дворцовых. Так как монастырские приказы заведывали монастырскими имениями и излишек доходов с этих имений шел в казну, то весьма естественно было поручить их наравне с другими одному лицу, на безкорыстие коего можно было полагаться. Это лицо был боярин,

дворецкий и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово, который вместе с своим двоюродным братом, окольным Александром Севастьяновичем Хитровым председательствовал в Приказе Большаго дворца. В этой перемене, однако, Милославский и его приверженцы нашли свои выгоды: Новой Чети препоручен был сбор недоимок с монастырских имений под ближайшим надзором думнаго дьяка Ивана Горохова как будто в награду за услуги, оказанныя последним в деле Матвеева.

В это время боярин Иван Богданович Милославский возвратился из Казани в Москву неизвестно по просьбе ли старших бояр, как видно из некоторых изустных преданий, или по собственному своему желанию. Он упоминается при прогулке царя в Коломенское, где был первым из сопровождавших Феодора бояр. После него упоминают князя Михаила Юрьевича Долгорукова и князя Юрия Петровича Трубецкого. Он находился и при поездке во Флорищеву пустынь, причем выше его были только бояре князя Федор Федорович Куракин и Алексей Андреевич Голицын. Много примеров к тому и в следующем году. Все это показывает, что царская милость к сему родственнику не изменилась, несмотря на то, что он, по преданию, более всех других себе равных противился браку царя, о котором мы скоро будем говорить. Впоследствии Милославский старался отличиться и на войне, но имел опаснаго соперника – генерала Змиева, который находился в его корпусе. Равным образом и Иван Михайлович Милославский поддержал свой вес в управлении вверенными ему приказами. Брат перваго, окольным Матвей Богданович Милославский, также часто участвовал в торжествах.

Еще надобно упомянуть о двух повышениях в этом году, которые по своим причинам и следствиям важнее, чем прочия. Первое относится к царскому любимцу Ивану Максимовичу Языкову, который в день Рождества Христова с оставлением при прежней должности царскаго постельничаго пожалован был в думные дворяне. В приказе об этом употреблено особенное выражение: "Постельничаго Ивана Максимовича Языкова писать постельничим думным". Поэтому он стал старше думнаго дворянина и одною статьею ниже окольным. Другаго повышения удостоился Андрей Виниус, который получил должность в Аптекарском приказе без назначения над ним боярина. Доселе он служил переводчиком в Посольском приказе, оказал там большия услуги и за несколько лет до последняго повышения отправлен был при посольстве в Англию, Францию и

От 13 до
19 окт[ября]

28 ноября

25 декабря

Испанию. Несмотря на свое происхождение (он был немец или голландец), он исповедовал греко-российскую веру, родился или здесь в Москве, или в самом юном возрасте привезен был в Россию отцом своим, тоже Андреем. Потому он знал хорошо русский язык и писал на нем так умно, что его сочинения могли служить тогда образцами. Новая возложенная на него должность доказывает, сколько царь и бояре ему доверяли. Но надобно сказать, что он был в состоянии исправлять эту должность лучше, нежели знатнейшие бояре.

1678,
14 марта

В третьем году своего царствования Феодор Алексеевич обрадовал народ личным присутствием при празднестве в Вербное воскресенье. Царь шел пешком и вел патриаршую лошадь за конец повода, а князь Федор Федорович Куракин держался за средину повода. Это великолепное торжество достойно описания для памяти потомства (Приложение № 3).

3 августа

В то время возгорелась война с турками за город Чигирин. Окольный и воевода Иван Иванович Ржевский, которому поручена была защита этого города, умер от пушечного ядра. Сын его, Алексей Иванович Ржевский, служил при дворе стольником. По получении печального известия о кончине отца его царь произвел его в думные дворяне и оставил за ним отцовския поместья.

1679,
8 февраля

И царский дом был опечален смертию царевны Ирины, дочери царя Михаила Федоровича, рожденной 1629 года апреля 22-го и оставившей после себя в живых еще двух сестер. Она по воле родителя своего была обещана датскому принцу Вольдемару, брату короля Христиана IV, но по смерти царя Михаила Федоровича брак этот не состоялась.

При царе Михаиле употребляли осторожность, которою пользовался и Алексей Михайлович, и которая состояла в том, что на южных незащищенных границах для прекращения татарских набегов устроены были на ровных местах вал, а в лесах – засеки. Оставлены были только некоторые проходы под защитою стражи. Эта осторожность имела целью не только обезопасение соседних стран от неприятеля, сколько предохранение от нечаянных вторжений. Ибо поселяне таким образом выигрывали время, спасались бегством в города и войско успевало собираться и стройно выступало против неприятеля. Стража назначалась из нисших окружных дворян, которые и назывались засечными головами, ибо и вал считался засекою. Им подчинена была засечная стража. Главный надзор

принадлежал засечным дозорщикам, которые объезжали все засеки и побуждали подчиненных к исполнению их обязанности. Это была служба довольно тяжелая, но само сохранение каждого делало ее сносною. Она облегчалась еще сменюю голов и подчиненных в летнее время. Зимю набегов неприятельских опасаться было нечего.

Все же засеки находились под начальством Разряда и воевод, посылаемых на границы. Древнейшие засеки, вероятно, были за Тулой, Рязанью и Каширой. Все оне содержались в хорошем порядке и были исправляемы по мере надобности.

Пространство и устройство этих укреплений можно видеть из их росписи в розрядной записной книге от 1678 года. Около Тулы был вал в 7 верст длины, которым и начиналась тульская линия, или засека. Тульская засека тянулась в длину на 64 версты 506 сажень; при ней были 5-ры ворота.

Веневская засека была в 25 верст длины с одними воротами.

Каширская – в 30 вер[ст] длины с 3-мя воротами.

Рязанская – в 49 вер[ст] дл[ины] с 4-мя воротами.

Рязская – в 49 вер[ст] дл[ины] с 3-мя воротами.

Гжатская – в 70 вер[ст] дл[ины] с одними воротами.

Козельская – в 111 вер[ст] 339 саж[ен] длины с 5-ми воротами.

Перемышльская – в 20 вер[ст] дл[ины] с одними воротами.

Лихвинская – в 88 вер[ст] длины с 7-ми воротами.

Бельская – в 26 вер[ст] дл[ины] с 2-мя воротами.

Пространство всех засек равнялось 532 верстам, всех ворот в них было 32. Много труда употреблено было для столь слабой и неверной защиты, ибо, несмотря на все это, поселения часто попадались тысячами в плен татарам.

Теперь не только опасались набегов татарских, по причине коих издан был приказ об исправлении некоторых поврежденных засек, но приготовлялись к более страшной грозе со стороны турок, принявших к себе изменника Дорошенку, казацкаго гетмана, который, впрочем, вскоре опять отпал от них. Это обстоятельство служило для Турции предлогом к занятию заднепровских казацких земель своими войсками. Счастье, которое благоприятствовало ей несколько лет в войне с Польшею и при завоевании крепости Каменец Подольска, ободряла ее надежду завоевать таким же образом Киев и всю Русскую Украину.

Первый приступ сделали турки на Чигирине – укрепленное место на р. Тесмине, содержавшее в себе множество военных казацких снарядов и оружия. В нем находился тогда русский гарнизон. Этот приступ, однако, не удался. Турки были отражены. Потом, когда дошел до них

1678,

25 июля

1677,

27 августа

слух, что боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский и гетман Иван Самойлович приближаются с сильным войском для освобождения города, они обратились в бегство, были преследованы русскими и потеряли большое число людей.

1678,
9 июля

Но в следующем году летом турки снова явились под Чигириным с более сильным войском и предприятие их увенчалось успехом. Город защищался так же храбро, как и в первый раз, гарнизон в нем был увеличен. Полковник Патрик Гордон, шотландец, вступивший в 1660 году в Российскую службу, возобновил и исправил укрепления. Князь Василий Васильевич Голицын, во время первой осады стоявший с резервной армией в восточной стороне Днепра, после отступления турок снабдил крепость и военными снарядами. Но как неприятель не щадил народа, не прерывал почти приступов и мог во всякое время получить подкрепление, то выгоды были не на стороне русских.

3 августа

Притом случилось, что обер-комендант крепости окольный Иван Иванович Ржевский был убит неприятельскою бомбою. Такое несчастье побудило русских оставить крепость. Турки, пользуясь тем, вошли в нее с другой стороны. Капитуляции не было, и в плен не взяли никого. При отступлении Гордон взорвал укрепления, и 40 тысяч турок взлетело на воздух. Это уничтожило все замыслы неприятеля, он отступил, и с тех пор Чигирин остался пустым местом. Вследствие этого еще при царе Феодоре Алексеевиче заключен был мир с турками и крымскими татарами, о чем в своем месте будет упомянуто.

11 августа

1680

1675,
3 марта

Мы возвратимся к Николаю Спафарию, столь замечательному во многих отношениях мужу. Царь Алексей Михайлович послал его в Китай, опасаясь тогда раздоров с этим государством, которые могли быть вредны для пограничных с ним мест Сибири. В это время не знали еще в Москве, как далеко сибирские казаки распространяли свои большей частью самовольные завоевания по р. Амуру местам, которых китайское правительство считало своими собственными. Казаки между тем проникли весьма далеко, выстроили даже Албазин и разные укрепленные селения на р. Сие для отражения нападений. Знатный амурский тунгус Гантимур, обиженный китайцами, предался покровительству России и своим примером увлек многих соотечественников, которые и платили нам хорошую дань. В России тогда о Китае знали, вероятно, только то, что сообщил дворянин Байков, посланный некогда из Тобольска в Пекин. Нельзя, однако, полагать, что его известия были

важны, потому что китайцы из осторожности держали его взаперти. Спафарий, напротив, гораздо более мог узнать из сочинений пекинских иезуитов. Вот, может быть, причина, почему боярин Матвеев советовал царю употребить Спафария для этого посольства.

Китайцы сначала не слишком противились завоеваниям казаков на р. Амуре, вероятно, потому, что китайский богдыхан, третий из Манжурской династии, был еще молод, и спокойствие государства не совсем установилось после недавнего переворота. Китайские сановники посылали в Сибирь письма на китайском языке, жаловались в них на казацкия вторжения и требовали выдачи знатного тунгуса Гантимура, который, как кажется, был для них очень важен. Но ни в Сибири, ни в Москве этих писем не понимали, и, следовательно, жалобы китайцев остались неудовлетворенными. О перебежчике Гантимуре в Москве даже и слуху не было, как видно из инструкции, данной Спафарию при отъезде его. В Нерчинске есть еще и теперь потомки этого Гантимура.

Искреннее желание царя жить с китайцами в мире и согласии является в том, что Спафарию приказано было взять с собою непонятныя для русских письма китайския и достать с них в Пекине перевод. Вместе с тем ему препоручено было обещать всякое удовлетворение. Целью переговоров Спафария были взаимная свободная торговля государств, обоюдныя посольства и откровенная дружба, как прилично соседям. Даже казакам на Амуре велено было сообразоваться с тем, в чем условится с китайцами Спафарий. Особенно подтверждено было последнему, чтобы честь царскаго имени не была унижена пред китайскою гордостью и чтобы совершенное равенство соблюдалось в церемониале и в титулах обоих царей, чтобы царския письма вручены были послом самому богдыхану в публичной аудиенции, а не через придворных сановников; точно так же, чтобы ответныя письма богдыхан собственноручно отдал послу при прощеньи. Я умалчиваю о препоручениях Спафарию собирать подробныя известия о Китайском государстве, к чему поводом послужило любознание; равно образом не могу излагать того, что будет подробно изложено о сем посольстве в Собрании дипломатических сношений, трактатов и переговоров между Россиею и Китаем¹⁰. Скажу, однако, что Спафарий чрез Нерчинск и китайский город Чичигар на р. Науне прибыл в Пекин без всяких приключений. Ему не удалось победить спесь и своенравие китайцев; публичной аудиенции он не имел и потому не мог

14 сентября вручить царских писем богдыхану, не получил от него письменного ответа и не принял ответов, доставленных ему придворными. Таким образом, ближайшая цель этого посольства, то есть прекращение споров касательно р. Амура, была не достигнута. Спафарий после многих неприятностей, которые вышли у него с китайцами при переговорах, оставил Пекин и возвратился в Москву. Он привез с собою значительный запас полезных известий, которые хранятся в Архиве иностранных дел в Москве и для подробного описания сего посольства могли бы служить обильными источниками. Между теми известиями есть письма иезуита Фердинанда Фербиста к царю Феодору Алексеевичу, в коем Фербист обещается всеми силами содействовать русскому интересу и вместе хвалит ловкость и действия посла.

1689 Других сношений с Китаем в то время не было. Каким образом казакия завоевания на р. Амуре распространились до ея устья, а после Албазин и оба берега Амура по мирному договору возвратились к Китаю, это относится к времени несовершеннолетия Петра Великого и правления Софии. Здесь следует нам говорить о других посольствах к царю Феодору Алексеевичу и от него к другим дворам.

1655, 11 января Еще при жизни царя Алексея Михайловича было в Москве посольство от Генеральных штатов Соединенных Нидерландов и от штатгалтера их принца Оранскаго. Конрад ван Кленк был избран для этого посольства, потому что он прежде жывал в Москве и знал русский язык, как видно из описания этого посольства, напечатанного на голландском языке под заглавием "Historisch verhael of Beschryving van de Voyage gedaen onder de Suite van den Heere Koenraad van Klenk etc." Amsterdam, 1677, 4°. Сочинитель этой книги на 45-й странице дает заметить, что он называется Павлом де Болье и был шталмейстером у посла. В этом описании, как и во многих других, ничего не упоминается о государственных делах, о цели посольства и о достижении ея. Сочинитель пишет только то, что всякому могло быть известно. Подробно, умно, безпристрастно и поучительно описывает он путь чрез Архангельск, тогдашнее состояние города Москвы, царскаго двора, государственнаго устройства в России, обычаев и пр. Это было весьма пышное посольство. Посол с свитою из 60 особ прибыл в Архангельск 1 сентября на трех кораблях, из коих на одном находились 22 лошади. Публичный въезд в Москву был 12-го января. 16-го января посол имел публичную аудиенцию у царя. 19-го и 20-го объяснил цель своего

прибытия боярину князю Михайлу Юрьевичу Долгорукову и Конференции при дворе.

Совсем с другим намерением Генеральные штаты отправили послом в Москву славного ученого Николая Гейнзиуса. Это посольство как в голландской, так и в нашей истории вовсе неизвестно. Весьма немного об нем говорится в письме, которое Гейнзиус во время рождения Петра Великого написал своему другу, столько же известному, Иоанну Георгу Гревусу и которое мною напечатано для объяснения истории Петра Великого. Препоручения, данная Гейнзиусу, относились к интересам голландских и гамбургских купцов, производивших весьма выгодную торговлю через Архангельск с Россиею. Англичане по известным причинам лишились своих преимуществ, которые им трудно уже было приобрести снова после опрометчивости графа фон Картиста¹¹. Иностранные купцы просили о понижении в Архангельске тарифа, который тогда возвысился. Такою надеждою льстили себя особенно голландцы. Но тариф остался тот же. Главный предмет сего посольства был совсем другой. Безпокойный король шведский Карл XI, приискивая повода к новой войне с Россиею и обвиняя ее правительство в неисполнении всех условий Кардисскаго (1661) и Плюйскаго (1666) договоров, упротребил Соединенные Штаты употребить свое посредничество для того, чтобы царь удовлетворил требования шведов. Карл делал это для сохранения благовидности и надеялся, что дружественное для обеих держав государство заставит обратить внимание на жалобы, в коих ему в Москве отказали. Но это посольство осталось без последствий.

Хотя Соединенные Нидерланды всячески старались при том доказать свою дружбу к Швеции, однако после чрез посла Кленка обнаружили совершенно противное. Еще продолжалась война, которую Лудовик XIV внес в Соединенные Штаты. Швеция была на стороне Франции и всячески препятствовала Дании и некоторым немецким князьям оказывать помощь республике. Не довольствуясь тем, что курфирст Бранденбургский Фридрих Вильгельм ослабил шведов сражением при Фербеллине, Нидерланды просили Россию для устрашения шведов поставить на границах Швеции войска под видов готовности помочь Дании, если обстоятельства того потребуют. В то же время можно было назначить с обеих сторон на границе конгресс для разсмотрения шведских требований, чем занимались уже два года. Счастье датчан в войне было очень переменное, но неприязненные действия со шведами начались бы, если

1670

1672

1675

12. Миллер Г.Ф.

бы царь Феодор не был бы столь миролюбиваго образа мыслей. Он, подобно родителю, не решался разорвать добровольнаго и присягою утверждённаго мира. Вскоре после всего этого узнали, что все эти меры были лишняя. Император, Франция, Дания, Швеция и курфирст Бранденбургский заключили мир в Нимвегене.

Здесь можно опустить, во-первых, жалобы о возвышении таможенных пошлин в Архангельске, о замедлении тамошней ярманки, о запрещении складки товаров и о продаже их другим лицам, кроме купцов, во-вторых, предложения о торговле шелком с персиянами, получившей уже некоторое движение через армян, о чем можно читать в бумагах, приведенных в приложениях. Просьба о дозволении голландским купцам путешествовать сухим путем через Сибирь в Китай не была исполнена. Важный для истории результат этого посольства состоит в том, что несколько полков стрелецких и 4 армейских приготовлены были к походу против шведов при первой надобности. Эти армейские полки имели своих иностранных полковников, большая часть обер-офицеров были тоже иностранцы, равно и все устройство было нерусское.

Голландский посол кончил, таким образом, свои препоручения и 1/11 мая приглашен был на прощальную аудиенцию, а потом 11/21 июня выехал из Москвы, восхищенный многими милостями, царем ему оказанными. Одним из важнейших пунктов его переговоров было исходатайствовать беспошлинный вывоз 60 000 четвертей ржи для Генеральных Штатов через Архангельск, но правительство согласилось на отпуск только 20 000 четвертей. Обратный путь посла лежал через Архангельск. Другие голландские посланники, Гейнзиус и еще два прежде него, приезжали через Ригу, Плесково и Новгород и возвращались тем же путем. Но тогда Соединенные Нидерланды находились со Швецией в дружественных отношениях, на что теперь уже нельзя было надеяться.

ДОПОЛНЕНИЯ

[Проект создания Исторического департамента Академии наук]

Ея И.В. действительному камергеру, Академии наук президенту и орденов святого Александра и святыя Анны кавалеру, сиятельному графу Кириле Григорьевичу Разумовскому предложение, каким образом надлежит сочинять историю и географию о Российской империи.

Довольно известно есть, коим образом каждому человеку, какого бы кто звания ни был, в истории необходимая нужда есть; она обыкновенно называется зеркалом человеческих действий, по которому о всех приключениях нынешних и будущих времен, смотря на прошедшия, разсуждать можно. Чего ради из давних лет все европейские государи старались, чтоб история их государств обстоятельно была описана, и притом не жалели никаких иждивений к получению желанного намерения, ибо не токмо многие ученые люди в каждой земле от своей охоты в том трудились, но по большей части и от государей самых особливые к тому историографы, или истории описатели, учреждены были, которым наипаче поручено сочинение истории о том государстве с таким определением, чтоб государственные архивы и приказныя дела, также и находящиеся при церквах и монастырях документы знатнейших городов пересмотреть и все, что в них к истории принадлежащаго найдется, с пользою употреблять; токмо в одной России к снисканию равномерного полезного намерения еще никаких довольных учреждений не учинено.

Российская история между всеми историями прочих европейских государств весьма мало известна. Сколькo в иностранных печатных книгах об оной ни находится, однакож такая описания в славу Российской империи служить не могут, потому что сочинители тех книг, яко иностранцы, которые в России ненадолго пребывание имели и Российскаго языка довольно не знали и довольных способов к такому важному делу не имели, также иногда, следуя своим пристрастиям, сущей правды не высмотрели, или иные, и не бывши в России, к описанию об оной устремились, и одни из сочинений других выписывали или неосновательным разглашениям поверили, или только то, что в публичных ведомостях объявляется, за основание приняли. Из чего явно есть, что такие историкки ничего обстоятельного, совершенного и достоверного написать не могли. Но паче всего сожаления достойно, что они разумный свет толикими неправдами

ослепили, между которыми малое число правдивых известий едва познать можно.

Сколько же в России письменных исторических книг и летописцов находится, из которых мы по сие время Российскую историю почерпаем, то того весьма не довольно будет, ибо в них объявляется только вообще о действиях прежних великих князей и царей Российских и о некоторых бывших их войнах, но так не обстоятельно, что к получению подлинной пользы в истории, для собрания в пример всяких учений о государственных и народных делах не остается никакой надежды. В них же находятся везде недостатки, ибо о происходивших приключениях случай, поводы и причины почти везде умалчиваются; о пользе или убытке, которые произошли из каких предприятий, мало что упоминается. Сочинители некоторые описывали только часть Российской истории, а именно некоторые провинции, а не всего государства; не можно ни из чего получить довольнонаго показания, до которых мест в древния времена Российския границы распространялись и каким образом сие государство от времени до времени больше и сильнее учинилось, в котором году застроены какие города, а наипаче знатнейшие, также и церкви и монастыри и кто их создатель были – то от большой части упущено. Не можно сыскать с довольноным обстоятельством известия, что учинилось в то время, когда Россия чрез несколько сот лет под татарским игом находилась, о древностях языческих и татарских времен, которые во многих случаях весьма полезное изъяснение подать могут, не приобщено истории о знатнейших княжеских и старинных шляхетных фамилиях, которые всегда с общею историею государства участие имеют, в небрежении оставлены. Где по благополучном окончании бывший с соседственными государствами войны желанный мир заключен, при котором упомянуть весьма нужно, на каких статьях договор о том устоялся, того при сочинении таких летописцев нимало наблюдаемо не было, не упоминая о прочих погрешностях и недостатках, дабы сие предложение не весьма пространним учинить.

Такого же состояния есть и география Российской империи. Что чужестранцы об ней писали, о том и упоминать нечего, потому что они о подлинном разделении государства, о течении рек, о положении места городов и других знатных мест обстоятельнаго известия не имели, отчего не токмо там многие из знатнейших городов, но и целыя провинции и губернии пропущены. А паче не могли они объявить о особливых нужнейших обстоятельствах каждого места, а именно о способностях и неспособностях оных, о укреплениях, о величине, о публичных строениях, церквах и монастырях, о числе жителей или дворов, о их торгах и промыслах и о прочих происходящих из истории или до оной касающихся достопамятных обстоятельствах, умалчивая о бесчисленных погрешностях в именах, ибо некоторые имена так испорчены или вместо подлинных ложныя поставлены, что незнающему или тому, кто Россию не всю объездил, никаким образом того разуметь не можно.

Что касается до сочинения ландкарт, то уже оныя премудрыми и

полезнейшими учреждениями блаженныя и вечнодостойныя памяти е.в. императора Петра Великаго имея и поныне благополучный успех, приведены к такому совершенству, что почти уже мало к ним прибавления потребно, ибо и в чужестранных государствах, где науки уже чрез несколько сот лет процветают, едва могут похвалиться таким прилежным рачением в сочинении своих ландкарт, как Россиские геодезисты в прошедшия 30 лет на то трудов положили, также по учреждению бывшей Оренбургской экспедиции чрез полученныя геодезии офицерами известия к сочинению исторической географии положено изрядное основание. А что сие дело как для славы государства, так и для пользы всенародной ко изданию на свет географическаго описания о Российском государстве еще не довольно, то весьма основательно усмотрено, когда запотребно разсуждено, чтоб при печатанных генеральной и специальных ландкарт о Российской империи для большаго изъяснения сообщить географическое описание. Ибо хотя кроме вышепоказанных еще много и других известий имелось, однакож описание не так обстоятельно воследовать могло, нежели как от Академии наук, в России учрежденной, надеяться надлежало.

А понеже в описании истории и географии о Сибири довольно число времени и иждивений употреблено, которое удалось и не бесплодно, ибо чрез то сия отдаленная земля в разсуждении всех ея обстоятельств учинилась известнее, нежели самая середина Немецкой земли тамошним жителям быть может, а в прочих частях Российской империи, о которых история и география почти в таком же безвестном состоянии находится, в каком была за 10 лет перед сим и сибирская, таких же предприятий не учинено, того ради всемерно служить может к безсмертной славе Ея И.В. самодержицы всероссийской, а всем подданным к всегдашней пользе, ежели ко исполнению вышеупомянутаго намерения воследует надлежащее определение о сочинении истории и географии о Российской империи таким же образом, как я в сочинении истории и географии о Сибири и в собирании надлежащих к тому известий по сие время трудился. А каким образом сие важное и пространное дело наиспособнейше в действо производить можно, о том сообщаю мое мнение в следующем.

1

Способы, по которым историю о Российской империи сочинять надлежит, суть нижеписанные: 1) все письменныя историческия книги, яко степенныя книги, летописцы и хронографы как о всей России вообще, так и о разных частях оной; 2) письменныя книги, содержащая в себе татарскую историю на татарском, турецком и персидском языках; 3) архивы, в Москве и Санкт-Петербурге, также и в прочих знатнейших Российских городах обретающиеся; 4) жития святых в церковных книгах, а наипаче тех, которые произошли от крови великих князей и царей, а притом и иных, которые с Российскою историею участие имеют; 5) письменныя

ведомости и известия, хранящиеся по разным церквам и монастырям, о заложенных таких зданий; 6) надгробныя и другия надписи при церквах и в монастырях московских, также и в иных знатнейших городах Российских; 7) родословныя книги княжеских и знатных шляхетных фамилий и ежели при оных фамилиях другия какия известия находятя, до изъяснения российской истории касающиеся; 8) всякия Российския древности, из которых о древних временах и приключениях хотя не совершенное, однакож не совсем отменное свидетельство получить можно; 9) словесныя повести о прежде бывших случаях в России, у простых людей находящиеся в памяти, но понеже в них много баснословнаго случается, того ради с осторожностью принимать должно; 10) иностранныя печатныя историческия книги о России, Лифляндии, Курляндии, Пруссии, Польше, Швецкой, Дацкой, Немецкой, Турецкой, Персицкой, Китайской землях и о прочих государствах, где отчасти Российская история, сколь о том сочинителям известно было, описана, а паче для тех случаев, по которым соседственныя государства чрез войны, трактаты, союзы и чрез прочая с Российскою историею сообщение имеют.

2

А что Академия наук при нынешнем ея состоянии все вышеозначенные способы сама собою собрать не может, оное потому явно, что к такому делу вспомогательные указы потребны, которые от вышней команды получить надлежит. И ежели я, яко профессор истории при Академии наук, к сему делу определен буду, то потребны еще другие служители и надлежит во все части Российской империи учинить отправления, в чем Академия за недостатком в деньгах иждивений на себя принять не в состоянии. А все благополучно исполнять и в совершенство привести будет можно, ежели указом Ея И.В. соблаговолено будет учредить при Академии наук особый Департамент Российской истории, и мне, старшему профессору истории при Академии, главное надсмотрение над оным поручить, и во исполнение такого намерения определить меня историографом, и присовокупить ко мне потребных людей для вспоможения, и на все определить довольную сумму денег, причитая оную к академической сумме, ибо Департамент истории, яко часть Академии наук, всегда с оною соединен быть должен.

3

Понеже я представляю самага себя к главному надзиранию над Департаментом истории, к чему, кроме прочих историографу приличных свойств, здесь особливо требуется в Российском языке искусство, чтоб Российския письменныя книги, архивные документы и надписи без перевода читать и употреблять мог, то я себе не в похвалу, но по самой истине сказать должен, что я уповаю пред прочими Академии членами ко управлению сего дела больше способным быть. А предлагаю я о том не для

снискания себе большей чести и прибыли, но мысль моя клонится только к всеобщей пользе и чтоб в таком нужном деле положить начало и по наставлении тех, которые мне для вспоможения даны будут, оное бы дело в таких руках оставить, от которых бы Россия себе чести и пользы впредь ожидать могла. И сие не имеет быть препятствием к приведению к концу истории сибирской, также и прочих до оной земли касающихся описаний, мною сочиняемых, ибо между тем, как потребныя к сочинению всероссийской истории известия собраны будут, то сибирския дела могут притти в совершенство. А чтоб тем скоряе их к концу привести, то те люди, которые к сочинению всероссийской истории определятся, также и в том мне к вспоможению весьма пристойно трудиться могут.

4

При Историческом департаменте кроме историографа должны быть служители следующие: 1) адъюнкт, который бы историографу в сочинении истории чинил всегдашнее вспоможение. И ежели он будет русский, то надлежит ему главнейшие европейские языки знать, также и в науках иметь некоторое искусство. А когда будет он иностранный, то должно ему Российский язык знать или по крайней мере о изучении его весьма стараться; 2) второй адъюнкт русской нации, которому безпрестанно надлежит ездить в знатнейшия места Российской империи. И ежели будет он искусен только в латинском языке и притом в науках иметь нарочитое основание, то сего довольно, в прочем же довольно ему быть человеку здраваго и бодраго разума, хорошаго состояния и тихаго с людьми обхождения, без которых дарований он своею ездою никакой пользы принести не может; 3) переводчик, который все то, что историограф Российской истории напишет, имеет перевести на русский язык ко взнесению для апробации, куды повелено будет. А к тому потребно, чтоб он в исторических переводах имел надлежащее искусство; 4) и 5) двое копейстов, один немецкаго, а другой русскаго языка, для переписывания набело сочиняемой истории и переводов. А они б числились не подъячими, но как студенты и притом бы при Академии обучались языкам и наукам, дабы со временем на упалыя места в адъюнкты произведены быть могли; 6) канцелярист или подканцелярист для отправления приказных дел, которые при Департаменте истории происходить могут, оному ж можно и поручить мелочные расходы, которые необходимо при департаменте происходить имеют; 7) копейст у приказных дел; 8) сторож.

5

Хотя при Академии наук уже разныя письменныя книги, содержащая Российскую историю, находятся, однакож уповать можно, что оных еще гораздо более в разных местах у многих людей сыщется, и для того указом во всенародное известие должно объявить, что имеющие такая

рукописныя историческя книги—летописцы в губерниях и в городах в канцелярии сносили, а оттуда в Академию наук отсыланы были для списывания с оных при Департаменте истории копий, а потом оныя опять всякому исправно возвращены быть имеют, причем надлежит паче смотреть того, чтоб собирать летописцы такие, в которых история особливых частей Российской империи описана, например, как печатный Синописис не должен почитаться всеобщю историею России, но только частною историею Малой России, или так называемой Украйны, потому ж и находятся особливые летописцы казанские и астраханские и, ежели слуху поверить, то и Новгород, Устюг, Смоленск, может быть, еще и другие знатныя города свои особливые истории имеют. А чем оныя реже и чем обстоятельнее в них всякия приключения тех стран описаны, тем оне нужнее и полезнее к сочинению всеобщей Российской истории служить могут. А сообщение таких летописцев должно происходить добровольно, ибо ежели строгими указами повелено будет оныя отбирать, то оныя обявят, что таких книг у них не находится. Того ради в сем больше надобно надеяться на отправляемаго в посылки адъюнкта, который чрез дружеское обходительство имеет получить то, чего указами достать не можно будет.

6

Есть же при Академии наук и письменныя на татарском языке историческя книги, однакож у казанских, касимовских и романовских татар оных собрать еще более можно, о получении которых назначенный в посылки адъюнкт старание иметь должен. Но понеже теперь при Академии знающих татарский, турецкий и персидский языки никого не обретається, то для переводу таких книг должно требовать на время означенных языков переводчиков из Коллегии иностранных дел или для Академии искуснаго человека в азиатских языках надлежит выписать нарочно из Германии или из Англии. Что же касается до калмыцкаго языка, то иногда переводчик надобен будет, котораго кроме Иностранной коллегии нигде сыскать не можно.

7

Обретающиеся в Москве и в Санкт-Петербурге архивы имеет историограф сам пересматривать и из них выписывать все то, что к пользе всероссийской истории прилично будет. И понеже в Правительствующем Сенате мая 20-го дня 1740-го году и апреля 16-го дня 1742-го году определение учинено, чтоб, внесенныя в Правительствующий Сенат из Тайной канцелярии старинныя письма, также и находящияся в Печатной конторе архивныя дела пересмотревши, сделать реэстр и, что служит к истории, отдать в Академию, то во исполнение такого определения оным зачинать надлежит, а потом осведомиться, где из преждебывшаго Разряду

и Посольского приказу архивы ныне находятся, потому что они к сочинению истории весьма нужны будут. Но при сем не должно быть совсем безнадежным, хотя по большей части такие архивныя письма от древности и мокроты погнили, мышами и червьями съедены или разодраны и побросаны в кучи, ибо по прилежном пересматривании оных всегда что-нибудь найдется, которое к изъяснению истории служить может. Из губерний, провинций и городов можно собрать самыя лучшия известия из тех архивов, которые от прежних четвертных приказов московских остались. Сверх сего должно прилежное пересмотрение учинить архивам всех знатных городов для сыскания из того их времени и лет и причины их заложения, и употребленных к тому способов, и кем оные построены, также всяких потом происходивших случаев. И сие будет главнейшая должность адъюнкта, который в посылки определится, причем необходимо нужно, чтоб при отправлении адъюнкта указами подтверждено было, дабы ему в произведении такого дела во всем чинить вспоможение и давать ему пересматривать архивы, и велеть выписывать все то, что к пользе всероссийской истории он запотребно найдет.

8

Понеже история завоеванных провинций, а именно Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, Карелии и Финляндии, необходимо же надлежит к всероссийской истории, то равным же образом в помянутых провинциях, в городах губернские, рыцарские и магистратские архивы употреблять должно. А чтоб письменныя книги и старинныя исторические документы оных земель, которых у любопытных людей между лифляндским и эстляндским шляхетством много находится, способнее собрать, то надлежит учинить чрез печатные листы публикацию и просить о сообщении находящихся у них известий для переписки, в чем они, рассуждая происходящую им честь от обстоятельнаго описания истории о их отечестве, никак не отрекутся.

9

Равным образом можно уповать, что княжеския фамилии и знатное дворянство Российское по учинении к исполнению такого намерения во всенародное известие публикации, имеющихся у них историческия и другия, до чести их фамилии касающияся известия охотно сообщат. Сюда, кроме родословных книг, принадлежит и сие, в каких важных и высоких чинах предки состояли, в каких походах они находились, к каким посылкам и посольствам употреблены были, также отчасти какія жалованныя грамоты на вотчины и земли им даваны были, из которых, ежели оныя самыя древния, в общей истории некоторое изъяснение учиниться может.

10

О житиях святых, которыя с Российскою историею немало участия имеют, здесь для того упоминать нечего, что оныя в церковных книгах уже напечатаны, и так получить их без труда можно. Обретающияся при церквах и в монастырях известия, котораго году оныя застроены, надгробныя и другия надписи, древности и словесныя объявления, о которых упомянуто в первом пункте сего предложения, должен собирать отправляемый в посылки адъюнкт, которому о сем от историографа дается обстоятельная инструкция.

Ежели кроме находящихся в императорской библиотеке при Академии наук печатных книг, содержащих в себе историю Российскую и соседственных государств, еще иныя потребны будут, то Академия по представлению историографа должна оныя, выписав из иностранных краев, сообщить в Департамент истории, которыя потом в императорскую библиотеку отданы быть имеют.

12¹

Понеже историограф, яко профессор при Академии, должен получать гостюю квартиру, дрова и свечи, а для способности ему от Департамента истории в дальнем разстоянии жить невозможно, также и определяемым к департаменту служителям вблизиности жить должно; того ради прилично кажется, чтоб отвезть или нанять к сему делу каменный дом, где бы от пожарнаго случая не иметь опасения.

13

Весьма бы полезно было, чтоб историографу с своею экспедициею жить в Москве, ибо сей город за центр всего государства почесть можно, где всякие известия способнее и скорее получены быть могут, также и в разсуждении того, что тамошние архивы, как в 7 пункте сего предложения упомянуто, историограф сам пересматривать имеет, однакож надобно ему несколько времени пробыть в Санкт-Петербурге, дабы то, что в Санкт-петербургских архивах находится и что коллегии и канцелярии сообщать будут, привести в порядок, и так, положивши начало в Санкт-Петербурге, потом путь воспрять должен в Москву, а оттуда возвратно в Санкт-Петербург для приведения к концу всего дела.

14

А чтоб в бытность историографа в Москве или в иных от Санкт-Петербурга отдаленных местах на письменныя пересылки с губерниями и с прочими знатнейшими городами в России издержки не было, то надлежит в почтовые конторы, Санкт-петербургскую и московскую, также и в Ямской приказ послать для ведома указы, чтоб присылаемые от Департамента истории пакеты без платежа принимаемы и в надлежащие места

отправлены были; равным же образом, которые в Департамент истории из других мест присланы будут, без денег отдаваны были. А для отвращения в сем случае всяких подлогов в Департаменте истории надлежит учредить особливую печать, дабы оною все надлежащая письма и пакеты печатать, о чем на почтовых дворах и в Ямском приказе объявить должно, чтоб по оной печати можно было видеть, которыя письма и пакеты из Департамента истории отправляются.

15

При сем учреждаемом департаменте на все расходы на приклад получить можно следующую сумму:

Жалованья	
Историографу	1200 руб.
Адъюнкту истории	400
Адъюнкту, отправляемому в посылки	300
Переводчику	300
Двум студентам в копейской должности, каждому по 100 руб.	200
Канцеляристу	200
При нем копейсту	72
Сторожу	36
	Итого 2708 руб.
На прочие расходы	
За наем дому	300
На дрова, на свечи в контору и для историографа	150
На бумагу, перья, чернила и сургуч	30
На путевые расходы адъюнкту в год	100
	Всего: 3288 руб.

16

Но понеже другие расходы случиться могут, которых наперед узнать нельзя, и дабы вышняя команды малыми делами не утруждать, то б повелено было на вышеозначенный штат определить ровную сумму 3500 рублей, а о всяких расходах, кроме жалованья, надлежит ежегодно подавать счета. И оный расход по силе 4 пункта сего предложения поручить можно канцеляристу, потому что ему довольно времени станет.

17

Хотя к истории какого государства описание нравов и обычаев живущих в оном народов свойственно и не касается, однакож историограф охотно в оном деле трудиться может, а притом случается, что народные обычаи и поведения многократно с историею участие имеют. Сие же описание полезно и тем приятнее, чем обычаи народов неизвестнее. А понеже в России столь много живет разных народов, которых языки совсем отменные, а нравы и обычи их еще обстоятельно не описаны,

также и все языки их неизвестны, а некоторые из них в идолопоклонстве пребывают или мухаметанскаго закону держатся, от чего можно взять повод к пространному описанию; того ради пристойно кажется такое описание сообщить с историею, к чему отправляемый в посылки адъюнкту известия собирать будет таким образом, как оное от меня по всей Сибири о всех тамошних народах учинено и с некоторых в России около Казани живущих народов, а именно с черемисов, чуваш и вотяков, уже начало положено, к чему, ежели соблаговолено будет, совершенное наставление дать могу.

18

Ежели к сему делу и описание географии о Российской империи сообщить, как оное историческим образом обыкновенно отправляется, то сие равным образом не бесполезно быть имеет. А такая известия собирать определяемому в посылки адъюнкту приказать можно, или чтоб его не отяготить многими делами, то надлежит определить к тому другаго адъюнкта, а оному от меня обстоятельная инструкция дана будет. При сем паче всего то нужно, дабы повторением сделанных дел напрасно времени не тратить, чтоб прежде всего находящиеся при Оренбургской комиссии известия, которая геодезии офицерами уже собраны, в Департамент истории отданы были.

О сем представляет профессор Герард Фридрих Миллер.

Важности и трудности при сочинении Российской истории

1. Определить, из каких именно народов состоялся Российский народ еще до Рюрика и после него, не по догадкам, но по точным свидетельствам Российских летописцев, согласясь с иностранными писателями.

2. Рюрик, откуда призван ли, чтоб быть самовластным государем?

3. Первое начало христианской веры в России еще до Ольги. Начало Российскаго письма с коего времени?

4. Ольга приняла ли крещение в Цареграде?

5. Границы Российскаго государства при Святославе Игоревиче и Владимире Великом. Где был Корсунь – город, где крестился Владимир Великий?

6. Разделение России Владимиром Великим между его сыновьями с означением границ cadaго владения.

7. Где был Тмутаракань? Сей вопрос заслуживает прилежнаго разсмотрения.

8. В чем состояли вольности; даны Новуграду Ярославом Владимировичем? Изяснить судебник сего государя и сына его Изяслава. Владение Ярослава Владимировича над Лифляндиею.

9. Разделение России Ярослава Владимировичем между его сыновьями, и каждому владению пределы.

10. Езда Изяслава Ярославича в немцы.

11. Княжение Рязанское, Муромское, Смоленское, Чермной России подробно описать.

12. Владимир Мономах, свойство его с греческим императором и от чего прозвание Мономаха? Все свойства с греческим императорским домом и сообщения с патриархами греческими, согласясь с историей царградской.

14¹. Какие именно города в Северной России построены Георгием Владимировичем Долгоруким и сыном его Андреем? Строение и приращение Москвы.

15. Границы государства, как Северной, так и Южной России во время нападения татарского.

16. Завладение Белой Россией и большей части Южной России Литвою и онаго следствия. Границы прежние Белой России к югу. Границы Киевского великого княжения пред взятием онаго Литвою.

17. Как Чермная Россия отошла в Польшу? согласясь с польскими и венгерскими историками. Ея города и границы.

18. Имели ли венгерцы какое право на Чермную Россию?

19. Границы Владимирского великого княжения и приращение онаго.

Князь Даниил Александрович Московский был ли великим князем или удельным?

20. Пределы Новгорода Великого, когда сей город был в цветущей силе и как убавился.

21. Пределы Тверские, Ярославские, Ростовские, Нижегородские.

22. Родословия князей владетельных и удельных.

23. История митрополитов, и когда какая епархия учреждена, а бывшие епархии пресеклись.

24. История патриаршества в России.

Инструкция переводчику Андреяну Дубровскому

1. Сочинить ему всему пути журнал, в котором написать в каждой день, которыми местами ездили и место от места сколь далеко, так, чтоб во оном журнале все города, крепости, слободы, горные и протчие заводы, монастыри, села, деревни, заставы, реки, речки, озера, горы, леса и протчия именитыя урочища написаны были с подлинным или примерным расстоянием. Причем и того наблюдать надобно, какова дорога, гладка ли или горыста, или болотиста, прямая ли или кривая, полями ли езда производилась или лесами, сухим ли путем или водою и пр.

2. Каждое знатное место, яко города, крепости, заводы, описать по их местоположению, укреплению, величине, числе церквей и домов обыва-

тельских, какое в них публичное строение, а на горных заводах сколько печей плавительных и какую руду плавят, и с центра руд сколько фунтов каких металлов выходит, и в каждом месте каких чинов жители живут, и сколько их каждого чина порознь.

3. Какая историческая известия о начале городов, крепостей, заводов, монастырей и протчаго собрать можно, хотя б и по скаскам тамошних жителей, оныя записать и, ежели о том есть какие грамоты или указы, с них списать копии.

4. Всем губерниям, чрез которыя путь производиться будет, сочинить описание, какие в них провинциальные и к провинциальным приписные города, пригородки или крепости. И все оные города и протчие места описать по тому ж, как во втором и третьем параграфе объявлено, хотя оные и не на дороге будут, ибо такая известия можно собрать и в губернских и провинциальных городах по канцелярским ведомостям и по скаскам.

5. О Закамской, Царицынской и Украинской линиях спрашивать, где случай будет, и записывать, какие в каждой числятся крепости и как они сряду одна по одной следуют и в каком они между собою разстоянии.

6. Спрашивать в каждом месте и записать, какое там происходит земледельство, в доброй год сколь прибыльное и сколь в посредственной год, какова тамошняя земля, навозом ее удобряют ли или нет, какой хлеб пашут и какими в протчем промыслами промышляют.

7. Какой где происходит торг, а особливо на границах, и какими товарами приходящими и отходящими и каждой товар откуда происходит и по какой цене, и что за провоз платят с весу сухим путем и водою до Москвы или до других знатных городов, и каких товаров больше в провозе бывает, и какой доброты.

8. Какие где есть мануфактуры и фабрики, которые описать со всеми обстоятельствами и с машинами, при том употребляющимися, и с числом людей, которые в каждой фабрике работают.

9. О каждой реке или озере спрашивать и записать, какие в них рыбы находятся и как оные промышляют, в лесах какой лес растет, на полях какие травы, а особливо которые в человеческую пользу употребляются. Какие где звери и птицы есть и как оные звери, птицы, рыбы, лес, травы, коренья на языках разных иноземческих народов, яко татар, вотяков, чувашов, черемисов, мордвы, калмыков и прочих называют. О травах и кореньях известия подавать могут обретающиеся в каждом месте лекары, травники и лекарки, которых о том спрашивать почасту и домогаться разговорами о том проведать.

10. Травы всякие собирать летом, когда цветут, и сушить в серой бумаге, а семена их собирать, когда созреют, начиная с Петрова дня по самую глубокую осень, которые держать в особливых бумашках. Редких зверей и птиц делать чучелы, и редкие рыбы положить в бочонки, простым вином наполненные. Также собирать ему с каждого заводу и рудника руды с описанием и всякие иные курioзные вещи. И оное все присылать в Академию при репортах, отдав в каждом месте тамошним

командирам при доношении редкое то, чего нет здесь около Санкт-Петербурга.

11. Когда где случатся какие знатные метеоры, оные описать прилежно и с ветром и с протчею погодою, которая перед тем была и последует, и записать точное время, в которое что усмотрится. О ветрах, примечать силу оных и продолжение, також и течение облаков, и записать, в которыя числа где реки льдом стали и когда вскрываются.

12. В Астрахани спрашивать многих людей, а особливо стариков и любопытствующих, правда ли, что Каспийское море чрез тридцать лет прибывает и чрез другие тридцать лет убывает? И ныне прибывает ли или убывает? и с которого году?

13. Ежели где можно достать какие манускрипты, чертежи, планы и ландкарты, оные выпросить для Академии и прислать сюды при репортах. Буде же доставать невозможно, то только уведомить Академию о том письменно.

14. В знатных городах, а особливо в губернских и провинциальных, проведать, есть ли там люди любопытные и в науках некоторое основание имеющие, которые в академические корреспонденты назначить можно. Ежели такие есть и оные в том будут согласны, то объявить Академии о их именах, чину, достоинности и прочем состоянии и обнадежить их, что прийдет им от его сиятельства малороссийскаго гетмана и Академии наук президента на то патент, да смотря по трудам их, награждены будут от Академии всякими вновь издающимися книгами.

15. Репортовать в Академию почасту и по крайней мере чрез всякие три месяца, дабы Академия о его трудах известна была и оные бы употребить могла в пользу.

16. К сей инструкции прилагается* еще особливо наставление о делах, до истории натуральной касающихся, по которому также поступать с крайним прилежанием, и ежели что явится не довольно разумительнаго, то требовать ему от Академии дальнейшаго изъяснения.

Декабря 8 дня 1759 году.

Из переписки

Г.Ф. МИЛЛЕР — А.М. ГОЛИЦЫНУ, 9 января 1766 г.

Принося нижайшую благодарность вашему сиятельству за продолжение вашей ко мне милости, оказанной в письме вашем от 29 декабря, я буду отвечать точным и подробным образом на предложенныя мне вопросы, прося только ваше сиятельство не скучать, естли ответ мой будет немного долог.

Естли я соглашусь принять на себя должность смотреть над архивами,

* В рукописи приложение отсутствует.

то, конечно, не для того, чтоб я хотел более жалованья, нежели теперь получаю, и не для получения ранга. Я весьма доволен своим щастьем. Я не искал никогда наружной отмены, стремясь единственно только оказать услуги империи, которой я служу уже более сорока лет. Во-первых, я старался привести в совершенство Российскую историю, которую хотя мне должно было оставить, однако я, оставя оную с великим сожалением, льщусь опять войти в сие дело и трудиться также для Академии, от которой я получу пенсион, естли буду употреблен к архивам. Пусть коллегия определит мне жалованье, сколько она разсудит за благо по моим заслугам, я с благодарностью буду доволен всем, что мне определено будет от толь просвещенных и благодетельных министров.

Как господину Собакину препоручены дела коллегии в Москве, то я почту себе за честь трудиться под его дирекциею. Знание его и опыты будут мне предводительствовать к лутшему исполнению моей должности.

Я не знаю, желает ли господин Мальцов прочь от дел по худости своего здоровья. Естли он хочет, он может быть награжден довольным пенсионом, и я возьму на себя все его должности. Естли же нет, дела могут быть между нами разделены, как коллегия каждому из нас предписать за благо разсудит.

Поступок мой будет соответствовать надлежащему согласию, которое я буду стараться соблюсти с теми, с коими и под повелением коих я трудиться буду.

Не зная еще, в каком состоянии находятся архивы, я не могу ничего сказать, каким образом их привести в порядок, но хочу представить вашему сиятельству мое мнение, каков сей порядок быть должен.

Можно считать архивные пиесы под двумя видами и разделить их на два класса. Первый класс содержать будет пиесы, кои не имеют более никакого сопряжения с теперешними делами, но кои служат к познанию истории, географии и дают сведение о состоянии наук, художеств, законов, нравов, комерции, мануфактур, земных продуктов и проч. Второй класс будет содержать пиесы, кои касаются особенно до министерства, кои могут быть сопряжены во всякое время с государственными делами, как внутренними, так внешними, и быть потребны в негоциациях с главными дворами в Европе. Сие разделение классов может быть положено основанием архивного порядка, но оно только надлежит до одного основания, сверх же того потребно другое, которое я различу по подписям.

Я уже означил подпись перваго класса, кои суть история, география, науки и художества, законы, нравы, комерция, мануфактуры, земныя продукты. Подписи втораго класса суть трактаты союзныя, мирныя, пограничныя, субсидныя, комерческия, письма царей Российских к разным дворам, письма к ним от помянутых дворов, представления чужестранных министров, резидующих при дворе Российском, ответы и внушения, учиненныя сим министрам, инструкции, повелении, рескрипты, данныя и посланныя к Российским министрам, резидующим при дворах чужестранных, рапорты и реляции сих министров, дела партикулярных людей и

проч. Дела и неготиации каждого государства, каждого двора, каждого министра должны быть положены вместе. Одни только неготиации, продолжаемая многими министрами, трактующими об одной материи в коих многия дворы были интересованы, сии только одни я бы исключил из вышеупомянутого распределения.

Сей архивный порядок можно назвать систематическим. Остается другой — хронологической, по которому можно разучредить пиесы, принадлежащая к одному делу, следуя их числам. Естли же число не поставлено, можно искать по истории.

По приведении архивы в порядок можно учинить каталог так полной, чтоб не было в нем пропущено ни малейшаго листочка, разве только когда надобно будет отбросить некоторыя пиесы, кои не могут иметь никакого употребления. Сей каталог будет служить более росписью для тех, кои в архиве после нас будут, нежели реэстром для скорого приискания нужных пиес. Можно оныя находить весьма легко, естли архива будет разобрана по классам, подписям и годам.

Представляя себя к сему распределению и к учинению каталога, я обещаюсь хранить тайну всяким образом ненарушимо. Я не сообщу никому ничего без точного повеления моих главных, буду также наблюдать, чтоб архивы были всегда в том порядке.

Буду предлагать коллегии, естли что, по моему мнению, должно быть опубликовано для чести нации, для совершенства истории и наставления тех, кои в дела вникают. Я думаю, что также было бы полезно публиковать под произведением коллегии дипломатической корпус Российской, в котором так, как в записках Ламбертовых, но с большею исправностью, можно поставить в заглавии историческое предупреждение для лутчаго изъяснения материи. Я беру на себя сочинение онаго.

Может статься, что в архивах найдутся пиесы забытыя, кои могут служить к возобновлению древних претензий или могут быть полезны другим каким-либо образом в неготиациях нашего времени. В таком случае, есть должность надсматривающаго над архивою, дать знать об оных министерству. Коллегия благоволит дать мне в помощь двух или трех молодых людей, кои знали бы хорошо свой язык и были бы искусны в чужестранных языках. Я могу чрез них оставить потомству знания, приобретенныя мною в России.

Что надлежит исправления двух должностей, о чем ваше сиятельство приказали мне донести вам, надобно признаться, что один человек не может обнять их пространства таким образом, чтоб одна другой не мешала. Я говорил в прежнем моем письме об одном генеральном надсматривании воспитательнаго дома, которое я могу исправлять в случае, естли его превосходительство Иван Иванович Бецкой не захочет меня отрешить совсем от этой должности. Но необходимо должен быть другой, которой бы входил в подробности, касающиеся до економии, до строения, до подрядчиков, до щетов и денежных расходов. Сии вещи не могут быть исправляемы ни с какою другою должностию. Они занимают и требуют

особливаго на то человека. Я знаю, сколько я мало способен к таким делам, потому что они против моей склонности. К сему месту потребен человек проворной, знающий в том обходится и безкорыстной, каковых в Петербурге найти не трудно. Можно ему дать то жалованье, которое я получаю от воспитательнаго дома, потому что я буду иметь оное от коллегии. Буду просить только, чтоб в уважение моих трудов позволено мне было жить в воспитательном доме с топкою и содержанием теперешним. Я не найду, может быть, дому ближе к архивам, как тот, в котором я теперь живу.

Однако, как бы то ни было, я буду доволен всем тем, что будет мне назначено и определено. Уверен, что чрез милость и великодушное снисхождение вашего сиятельства дело кончится к моему удовольствию. {...}

Г.Ф. МИЛЛЕР — А.А. РЖЕВСКОМУ, 29 сентября 1772 г.

За милостивое писание вашего высочородия от 19 сего сентября покорное мое благодарение приношу. И по оному с совершенным повиновением исполнять стараться буду. Поправленные статьи, которые в.в. ко мне обратно прислать изволили, сочинены были прежде того, как требование г. Робинета, высочайшим Ея Величества благоволением укрепленное, до меня доходило. Теперь легко, кажется, понимаю причины, премудрую государыню к предпочитанию робинетовых суплементов новому изданию женевскому побуждающие; чрез сие парижское первое издание лишилось бы некоторым образом своего достоинства. Новыми прибавлениями в заслуженной своей цене останется. Что в.в. о ненужном мне употреблении энциклопедии писать изволили, то позвольте, милостивый государь, вам донести мое о сем мнение. Старое исправить не меньше нужно, мне кажется, как прибавить новое. Сочиняя я на предновые статьи, каковые под теми же словами есть в энциклопедии, но погрешностями исполненные, без сумнения надлежит упоминать об оных погрешностях при новых сочинениях, чего без книги учинить невозможно, и для того потребно полной экземпляр энциклопедии всегда при руках иметь. К тому ж его сия[тельство] г. вице-канцлер, которому я о том прежде писал, в своем письме от лица Ея И.В. меня обнадежил, что полной экземпляр энциклопедии ко мне прислан будет. Когда ваше высочородие изволили мне приказать, чтоб я нанял человека вольнаго для переписывания набело сочиняемых мною новых статей к пополнению энциклопедии или бы прислал черные в Академию, то принужден я изъясниться вам, милостивому государю моему, пространнее, чего ради для прекращения времени и полезнейшаго употребления моих трудов необходимо нужно при мне быть копейсту на ежегодном жалованье таковому, о каком я представил вашему высочородию. Я не из числа тех сочинителей, которые себя ласкают, якобы свои сочинения одним махом в совершенство привести могли. Сколь часто я оные вновь пересматриваю, то мне по моей от самолюбия отдаленной старости кажется, что подвержены многим недостаткам. Итак, я всегда в своих сочинениях много поправляю и, что после найдется, к делу

служащее, приписываю. По сей причине, естли кто к моей руке не гораздо привык, то оные, пока вчерне, едва прочесть, а меньше того без важных погрешностей списать может. Таким образом, не имея при себе копейста, который бы был при мне безотлучно, принужден я одно дело иногда переписать дважды или трижды, чем с великим соболезнованием потеряю много времени, которое бы я к новым сочинениям с пользою употребить мог. Для того и черные сочинения, пока не совершенно перебелены, в Академию переслать не токмо за бесполезно, но для моей чести за невозможно почитаю. (...)

Г.Ф. МИЛЛЕР — НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ. [После 1775 г.]

(...) История должна свое совершенство получить от употребления архивов. Разрядной архив и Архив Коллегии иностранных дел содержат много к тому служащих известий. Архив Правительствующаго Сената и архивы прочих государственных коллегий и главнейших канцелярий могли бы также в пользу истории употреблены быть, но оные по большей части не зачинаются прежде, как с того времени, когда Сенат, коллегии и оные канцелярии учреждены бывали. Где находятся прежних приказов архивы, неизвестно. В прошлом 1775 году найден старинной архив в Москве в погребках под Благовещенскою соборною церковью, которой еще не разобран. Полезно бы было наведаться, где прежних приказов архивы ныне находятся, поручить все архивы, старинные и новые, в ведомство одной знатной особы, которая к сему делу склонность имеет (...)

Г.Ф. МИЛЛЕР — У. КОКСУ, 4 октября 1778 г.

(...) Я, старый путешественник, не нахожу странными любые происшествия, которые могут случиться во время путешествия. В то же время не могу не выразить Вам сожаления по случаю того, что Вам пришлось в конце концов довольствоваться прескверными кибитками.

Я не говорил Вам о том, что имеется в архивах по поводу женитьбы, предложенной царю Ивану Васильевичу на английской девице, если, впрочем, это будет Вам угодно. Ее звали Мария Гастингс, и она была дочерью графа Хантингдона, известного в истории королевы Елизаветы. Медик, англичанин Роберт Джекоб сделал в Москве предложение, разумеется весьма неразумное, поскольку царь уже был женат на своей последней жене, которая его пережила¹. Медик представил девицу как племянницу королевы, а ее отца — владетельным принцем. Царь, изменчивый в своих любовных привязанностях и в отношениях с женами, отправил в 1582 г. в Англию посла. Его звали Григорий Писемский². Данные ему инструкции предусматривали, чтобы он сообщил королеве о сделанном царю предложении. Он должен был также повидать девицу, заказать ее портрет, познакомиться с положением ее семьи и возвратиться в сопровождении посла королевы, с которым можно было бы согласовать условия женитьбы. Если ему заметят, что царь уже женат, он должен был сказать, что царь, имея женой свою подданную, вправе раз-

вестись с ней и жениться на другой. Если бы спросили, какова будет судьба детей, которые могут родиться от нового брака, он должен был ответить, что право на наследование престола принадлежит, безусловно, старшему сыну (Федору), но что дети, которые могут родиться, будут наделены богатыми владениями. Во время пребывания Писемского в Лондоне пришло известие о рождении царицей князя. Это был несчастный Дмитрий.

Писемский после длительного ожидания из-за чумы, свирепствовавшей в Лондоне, получил аудиенцию у королевы, повидал девицу, которая была больна легкой оспой, заказал ее портрет и вернулся в Москву в 1583 г. Королева послала вместе с ним дворянина Джерома Бовса в качестве посла. Это был человек малоприятного нрава. Это про него ходила басня, что его шляпа намертво пригвождена к голове. Он заявил, что не уполномочен что-либо решать, а лишь выяснить намерения царя. Вместо того, чтобы хвалить Марию Гастингс, он говорил о ней в весьма безразличном тоне.

Прежде чем он смог вернуться в Англию, царь умер, и вот так закончилось это дело, о котором до сих пор не говорил ни один историк и которое ради чести обоих народов не заслуживает, быть может, предания огласке.

Перехожу к наблюдениям, которые Вы смогли сделать в Новгороде. Я хорошо представляю, какие виды древних литер Вы видели на одеянии священника в Юрьевском монастыре. Их находят также в заголовках многих древних рукописей. Это обыкновенные русские буквы, но заглавные, вставленные одни в другие, чтобы занимали меньше места. Нужно иметь опыт, чтобы их прочитать³. Я сомневаюсь, что тот, кто показывал Вам эти одеяния, не ошибся в имени Дмитрия Киевского, а может быть также в годе, который он определил в 320 лет тому назад. В Киеве не было иного князя или великого князя Дмитрия кроме того, который известен в истории под именем Изяслава, сына Ярослава, внука Владимира Великого. Старые русские князья носили обычно два имени: одно — по крещению, а другое — княжеское. Вы можете заметить, что этот князь жил в одиннадцатом веке. Неизвестно ни имя его жены, ни был ли он вообще женат. Если со времени изготовления одеяния, которое Вы видели, прошло только 320 лет, то это время относится к правлению великого князя Василия Васильевича, за четыре года до его смерти. Два его двоюродных брата были владетельными князьями галицкими, и с ними, равно как с их отцом и старшим братом, он почти все время воевал. Один из этих двух, носивший прозвание Шемяка, умер в Новгороде в 1453 г. Возможно, что его жена, имени которой я не нашел, но которая была дочерью князя Дмитрия Заозерского (замечание, доказывающее, что он был женат), носила имя София, что она его пережила и имела возможность в 1458 г. подарить монастырю одеяние, сработанное собственными руками⁴.

Вот, что я думаю. Что же до прозвания "Киевский", которое Ваш про-

водник, говорите Вы, придал князю Дмитрию, то не хотел ли он сказать "Галицкий"? Если Вы не найдете способа его оправдать, значит он плохо прочитал.

Что же до того, что Вы говорите о надгробной надписи Феодосии, жены Ярослава Всеволодовича и матери Александра Невского, то Вы могли бы добавить, что она умерла в 6749 (1241) г. Об этом сказано в самой надписи. Она была дочерью Мстислава Мстиславича, князя галицкого, но из другого Галича, чем помянутый выше⁵. Это Галич в Красной Руси, которая принадлежит теперь Австрии.

Вот имена князей, погребенных в соборе в Новгороде:

Федор Ярославич, брат Александра Невского, умер в 1228 г.

Владимир Ярославич, родился в 1020, умер в 1052 г.

Александра, жена Ярослава Владимировича и мать Владимира Ярославича, умерла в 1051 г.

Я не нашел надгробную надпись князя Мстислава, о которой Вы говорили, и прошу Вас сообщить мне ее. Я знаю, что в Новгороде по традиции считали, что якобы створы, через которые входят в кафедральный собор, были доставлены из древнего Херсона, где крестился Владимир Великий. Их называют поэтому Корсунские Двери, а вестибюль церкви, где они находятся, — Корсунская паперть. Но если принять эту версию, то как объяснить надписи латиницей, которые можно видеть на створах?

"Fe wicmannus megdeburgensis

Alexander epeeꝑcdeblucich

Ave Maria Gracia plena unus ecugi"⁶.

И многие другие.

Сообщения через Балтийское море с Германией и северными странами были не более частыми, чем с Грецией.

Поскольку Вы меня спрашиваете, какого автора можно было бы почитать по истории Новгорода, я мог бы рекомендовать Вам отрывок, опубликованный в V томе моего "Sammlung", если бы я сам не был автором. Иностранцы весьма неточны и делают много ошибок. Герберштейн подобен прочим на протяжении всей своей жизни. (...)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705—1783)

В русской историографии XVIII—XIX вв. вряд ли найдется другой историк, который бы и при жизни, и после смерти подвергался таким нападкам, как Г.Ф. Миллер, суждения о котором были бы столь полярны, а научным наследием которого, несмотря на это, столь активно пользовались бы многие поколения специалистов, причем не только исследователей истории России, но и географов, этнографов, лингвистов, историков культуры и др. Парадокс и в том, что имя ученого, которого некоторые именovali не иначе как "отцом русской истории", не говоря уже о его трудах, почти неизвестно широким кругам читателей, а если и известно, то лишь как имя человека, дерзнувшего спорить с великим Ломоносовым по "норманскому вопросу". Давно уже стала библиографической редкостью изданная в 1937—1941 гг. А.И. Андреевым и С.В. Бахрушиным "История Сибири" Миллера. Появившиеся же в последние годы статьи с объективной оценкой различных сторон деятельности историка публиковались в специальных научных изданиях и известны немногим, а единственное монографическое исследование¹ вышло небольшим тиражом и также осталось малоизвестным.

Истоки подобного положения восходят к концу 40-х — 50-м годам нашего века, когда в ходе кампании по борьбе с космополитизмом было предписано считать, что "деятельность иностранных академиков принесла не столько пользы, сколько вреда для русской историографии, направляя ее по ложному пути некритического подражания иноземной исторической литературе"². Результатом такого подхода явилось то, что многих авторов интересовали не реальные заслуги Миллера, а лишь тот факт, что он был немцем, да еще и с клеймом "норманиста". Изменить это положение и способствовать тому, чтобы Миллер занял подобающее место и в общественном сознании, и в истории науки, можно, наверное, лишь одним способом — сделав доступными и известными его труды. Именно такова прежде всего цель настоящего издания.

¹ Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг, Томск, 1988.

² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 190.

* * *

"Российскому государству служу я с 1725 г., но не имел я счастья в живых застать Петра Великого..."³ Этими словами начинается автобиография Герарда Фридриха Миллера, написанная спустя полвека уже немолодым академиком, автором десятков научных трудов. Упоминание о Петре I не случайно. По преданию, мальчиком Миллер видел русского царя, когда тот проезжал через его родной город Герфорд в Вестфалии, и долго бежал за его каретой. Наблюдавшие эту сцену местные жители решили, что мальчик наверняка будет служить русскому монарху⁴. Вывод, который в наши дни может показаться странным, для людей той эпохи был вполне естествен, ведь на их глазах Россия превращалась в мощную державу, где для иностранцев открывались, как казалось, неограниченные возможности. Миллер же по рождению принадлежал как раз к тому социальному слою германского общества, для которого поиски счастья на чужбине были в то время обычным делом.

Он родился 18 октября 1705 г. в Герфорде, в пасторско-ученой семье. Его отец был ректором местной гимназии, существовавшей еще с первой половины XVI в. и славившейся суровыми порядками и дисциплиной. Мать происходила из семьи профессора теологии и советника консистории г. Ринтельна Герарда Бодинуса. Именно в Ринтельн, а вернее в его университет, отправился Миллер по окончании гимназии в 1722 г. Однако спустя менее чем два года он переехал в Лейпциг, где стал учеником известного философа и историка И.Б. Менке. Знакомство с Менке, хоть и непродолжительное, сыграло в судьбе Миллера решающую роль. Во-первых, у Менке был большой опыт в издании исторических источников — области исторической науки, практически неизвестной в тогдашней России. Во-вторых, Менке был еще и журналистом, издателем популярного научного журнала. В Лейпцигском университете Менке читал курс по журналистике, который слушал Миллер и который ему впоследствии очень пригодился. Наконец, в ученой среде, в которой оказался Миллер, все связанное с Россией вызывало большой интерес, а новости из далекой страны постоянно печатались на страницах журнала Менке. По мнению С.В. Бахрушина, определенное влияние на Миллера в это время оказали также труды Г.В. Лейбница по местной истории, основанные на разысканиях в брауншвейгских архивах⁵.

В июне 1725 г. Миллер получил в Лейпцигском университете степень бакалавра, а уже в ноябре он прибыл в Петербург в качестве "студента" Императорской Академии наук. Первоначально обязанности Миллера в Петербургской академии сводились к преподаванию истории, латыни и

³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1937. Т. 1. С. 147.

⁴ Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. II. С. 56.

⁵ Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 16.

географии в академической гимназии — занятие, к которому Миллер был явно не расположен и которого старался избегать и впоследствии. Вскоре, однако, активный и способный "студент" был замечен академическим начальством в лице И.Д. Шумахера и его стали использовать везде, где требовались энергия и организаторский талант. Так, в 1728 г. Миллеру было поручено наблюдать за академической типографией, он участвовал в организации академической книжной лавки, библиотеки и архива Академии. Но главное событие того же 1728 г. состояло в том, что Сенат, отбывший вместе с двором в Москву после свержения А.Д. Меншикова, поручил Академии наук издание "Санкт-Петербургских ведомостей", а в Академии не нашлось никого, кроме Миллера, кто мог бы взять на себя эту обязанность. Когда же в 1729 г. вслед за президентом Академии Л. Блуменростом и конференц-секретарем Х. Гольдбахом в Москву отправился и Шумахер, то, как отмечал П.П. Пекарский, "Миллер по управлению академическими делами занимал его место"⁶. В своей автобиографии историк утверждает, что ему было поручено "при Академии вице-секретарство"⁷.

Вполне понятно, что такая активность и стремительная карьера молодого человека, не имевшего научных заслуг и к тому же протекже Шумахера, не могли вызвать особых симпатий у солидных профессоров Академии, что в полной мере проявилось, когда в 1730 г. подошла и очередь Миллера быть избранным в профессора Академии. Впрочем, к этому времени он успел зарекомендовать себя еще в одном качестве.

Занявшись изданием "Санкт-Петербургских ведомостей", а также академических "Комментариев" на латинском языке, первые два тома которых вышли в 1728—1729 гг., Миллер задумал использовать открывшиеся возможности для основания принципиально нового журнала научно-популярного профиля, издаваемого как приложение к "Санкт-Петербургским ведомостям". В традициях XVIII в. журнал получил длинное и громоздкое название: "Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях". Как пишет крупнейший знаток русской журналистики XVIII в. П.Н. Берков, это был "первый русский журнал вообще, первый русский журнал Академии наук и, наконец, первый русский литературный и научно-популярный журнал"⁸. На его страницах печатались стихи В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова, статьи Я. Штелина по истории драматического искусства, естественнонаучные работы Л. Эйлера и Г. Крафта, а также многочисленные статьи по истории Европы, Америки и Азии. Некоторые из них были написаны Миллером, но это еще не были работы подлинно исследовательские. Будущий историк только пробовал себя в новом качестве. Впрочем, одновременно он занялся еще одним направлением, характерным для европейских историков того времени, а для Миллера ставшим впоследствии одним из

⁶ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 312.

⁷ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 147.

⁸ Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 64.

важнейших. Речь идет о генеалогии. В 1728 г. во Франкфурте-на-Майне было издано составленное Миллером родословие графов Сапег. "Этим первым опытом, — вспоминал Миллер, — я подготовил себя к трудным, но полезным работам представлять на таблицах родословия из истории, а также знатнейших русских семейств"⁹.

"Примечания к Ведомостям" (так принято для краткости называть этот журнал) издавались Академией наук до 1742 г., когда пали жертвой раздоров среди академиков. Однако Миллер был вынужден оставить редакторство еще раньше: в 1730 г., получив стараниями Шумахера звание профессора, он отправился в зарубежную командировку — первую в истории Академии наук. Поводом к поездке послужила смерть отца и необходимость в связи с этим налаживания семейных дел. Но, помимо Германии, Миллер посетил Англию и Голландию. Главная цель командировки состояла в том, чтобы рассеять неприятные слухи о нравах Петербургской Академии наук, которые стали в то время распространяться среди ученых Европы, завязать более тесные научные связи и попытаться завербовать для Академии наук новых членов. Со всеми тремя задачами Миллер успешно справился, но главное — сам он установил тесные контакты со многими зарубежными коллегами и даже был принят в члены ряда зарубежных научных обществ.

Вернувшись в Петербург в августе 1731 г., Миллер обнаружил резкую перемену в отношении к себе со стороны Шумахера, который стал холоден и скрытен. К тому же обнаружилось, что из запертого шкафа в казенной квартире Миллера исчезли все хранившиеся там письма Шумахера. В результате между Миллером и Шумахером возникла непримиримая вражда, изначальной причиной которой было скорее всего какое-то недоразумение, но которая продолжалась вплоть до смерти Шумахера и в значительной мере сказалась на судьбе истории.

Спустя год после возвращения из Европы Миллер представил академической Конференции проект еще одного издания — научного журнала по русской истории на немецком языке. Первый том "Sammlung Russischer Geschichte", вышедший в 1732 г., открывался текстом этого проекта, в котором Миллер, в частности, писал: "История Российского государства и принадлежащих к нему стран представляет столько трудностей, что написать о ней систематическое сочинение едва ли можно надеяться в двадцать и даже более лет"¹⁰. Проект содержал план издания источников по русской истории, поражающий необычной широтой охвата, особенно если принять во внимание, что Миллер еще не владел тогда русским языком и его знакомство с самими источниками ограничивалось лишь рукописями библиотеки Академии наук. Между тем в проекте молодой ученый говорит об издании летописей, Степенной книги, "Сказания" Авраамия Палицына и других важнейших источников. Это была уже серьезная программа, рассчитанная на долговременную перспективу. Очевидно,

⁹ Пекарский П.П. История... Т. 1. С. 312.

¹⁰ Цит. по: Белковец Л.П. Россия... С. 65.

что к этому времени Миллер (по-видимому, не без влияния Г.З. Байера) окончательно сделал выбор в пользу русской истории как основного направления своих научных занятий. Но история в ту пору была неотделима от географии и проект Миллера предусматривал также публикацию в журнале историко-географических описаний различных частей Российской империи. Наконец, еще одна важная задача нового издания, которую провозглашал Миллер и которую он потом решал всю свою жизнь, состояла в исправлении неточностей в иностранных сочинениях о России.

Первые три выпуска нового журнала вышли уже в 1732—1733 гг. Затем, после отъезда Миллера в Сибирь редактором журнала стал А.Б. Крамер, издавший в 1734—1735 гг. еще три выпуска "Sammlung". После смерти Крамера в 1735 г. эстафету подхватил Байер, благодаря которому вышли три выпуска второго тома журнала. Затем наступил более чем 20-летний перерыв, и лишь в 1758 г. Миллер вновь вернулся к изданию "Sammlung" и до 1764 г. выпускал по шесть номеров журнала ежегодно.

Значение "Sammlung" невозможно переоценить. Достаточно сказать, что именно здесь впервые в русской истории была осуществлена публикация отрывка из "Повести временных лет", да еще и с достаточно подробным комментарием Миллера, в котором уже тогда в полной мере проявился метод критического анализа источников. Правда, при этом была допущена досадная ошибка, ибо Миллер доверился переводчику, который приписал авторство летописи игумену Киево-Печерского монастыря Феодосию. Впрочем, Миллер вскоре заметил случившееся и в ряде своих работ последующего времени указывал на это.

На многие годы журнал "Sammlung Russischer Geschichte" стал основным источником по русской истории для всей просвещенной Европы. Тома журнала стояли на полках библиотек Вольтера, Гердера, Гёте и многих других деятелей европейской культуры. Журнал способствовал распространению и популяризации знаний по русской истории и в самой России, ведь в то время немецким языком владели все мало-мальски образованные люди, и, следовательно, всякий, кто интересовался историей отечества, становился читателем журнала.

Миллер, однако, понимал, что для создания подлинного научного авторитета лишь издания источников и исправления чужих погрешностей недостаточно. В 1733 г. он совершает решительный шаг, присоединившись ко второй Камчатской экспедиции В. Беринга. В составе так называемого академического отряда, в который наряду с ним входили профессора И.Г. Гмелин, Делиль де Ла Кройер и другие, Миллер провел в Сибири долгих десять лет. Он побывал почти во всех крупных городах и населенных пунктах Урала и Сибири, обследовал их архивы и собрал огромный научный материал в виде подлинных документов и их копий, историко-географических описаний и анкет, богатейших лингвистических и этнографических данных, сведений по экономике и демографии, путевых дневников и описаний. Весь этот материал и по сей день не только не потерял

своего научного значения, но и далеко не изучен в полной мере. Его введение в научный оборот продолжается и поныне и рассматривается как актуальная научная задача¹¹. Объем же его столь велик, что работы хватит еще не одному поколению историков. Значение собранных Миллером материалов отнюдь не ограничивается Сибирским регионом. Так, именно к этому собранию восходит значительная часть источниковой базы по истории Смутного времени. Уже тогда, на начальных стадиях своей научной карьеры, Миллер проявил поразительную интуицию настоящего историка-архивиста и сумел отыскать и привезти в Россию комплекс документов, не имевших аналогов в архивах центра. "Что было бы с временами Лже-Дмитриев и смутного правления бояр в Междоцарствии... — восклицал П.М. Строев, — если б Миллер, один Миллер не восстановил их актами, кои он открыл в пыли городских архивов Сибирских?"¹²

Для Миллера-историка Сибирь стала прежде всего научной школой. "В 1733 г., — писал С.В. Бахрушин, — из Петербурга выезжал еще новичок, приступавший лишь к работе над историческими источниками. Через десять лет Миллер вернулся уже выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии... десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба"¹³. Именно в Сибири Миллер окончательно овладел русским языком, самостоятельно (как убедительно доказано недавно Д.Я. Резуном и А.Х. Элртом¹⁴) разработал специальные анкеты для изучения истории, географии и этнографии Сибири, освоил методику работы с архивными документами, приобрел навыки их копирования, а также обширные познания в различных областях, без которых, как он сам признавался, невозможно была бы его дальнейшая научная деятельность.

Работа Миллера во время пребывания в Сибири не ограничивалась только сбором документов. За десять лет им были составлены многочисленные научные очерки и "обсервации", написан ряд интереснейших трудов. Так, уже в первые годы экспедиции он прислал в Петербург "Известие о путешествиях и торговле русских с Китаем", историю г. Нерчинска; в 1740 г. по заданию императрицы Анны Иоанновны написал "Историю о странах, при реке Амуре лежащих". Миллером и Гmeliным была подготовлена подробная инструкция отправленному ими на Камчатку С.П. Крашенинникову, а позднее именно Миллер подготовил к изданию его "Описание земли Камчатки".

Десять лет скитаний по Сибири XVIII в. для человека европейской культуры были, конечно, нелегким испытанием. Миллер тяжело болел,

¹¹ См.: *Элрт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

¹² *Барсуков А.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 69.

¹³ *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 17.

¹⁴ *Резун Д.Я.* О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982; *Элрт А.Х.* Указ. соч.

едва не ослеп, но зато нашел себе спутницу жизни — вдову немецкого хирурга, которая, по отзыву его коллеги А.Л. Шлёцера, была "во всех отношениях отличная и при том безупречная женщина и превосходная хозяйка"¹⁵. В Петербург Миллер вернулся героем: ему было чем гордиться, и он был вправе рассчитывать на признание своих заслуг. И тут необходимо сказать несколько слов о характере ученого.

Практически во всех работах о Миллере, даже тех, авторы которых отказывают ученому в каких-либо заслугах и таланте, всегда подчеркивается великое трудолюбие Миллера, его работоспособность, скрупулезность. "Знаменитый трудолюбец", "неутомимый труженик" — наиболее часто употребляемые по отношению к нему эпитеты. В сознании читателя невольно возникает образ кабинетного ученого, поглощенного своими научными занятиями, эдакого книжного червя, живущего в своем мирке и мало интересующегося суетой вокруг. На самом же деле Миллер был человеком активным, деятельным и при этом гордым, самолюбивым, вовсе не безразличным к почету и славе. Вполне в традициях своего времени он умел быть льстивым по отношению к власти имущим и непримиримым с врагами. Образу кабинетного затворника не соответствовала и внешность Миллера. Впрочем, единственное свидетельство подобного рода сохранилось только в воспоминаниях Шлёцера: Миллер "был картинно красив, поражал высоким ростом и силой... Он мог быть чрезвычайно весел, нападал на остроумные, причудливые мысли и давал колкие ответы; из маленьких глаз его выглядывал сатир"¹⁶. Заносчивость, вспыльчивость, импульсивность нередко подводили Миллера и тяжело сказывались на обстоятельствах жизни ученого, в особенности в более чем двадцатилетний петербургский период его жизни после возвращения из Сибири.

Уже на пятый день по приезде Миллера в Петербург произошло событие, имевшее для Миллера весьма неприятные последствия. Именно тогда произошел известный конфликт членов Академии с адъюнктом М.В. Ломоносовым. Профессора подали президенту Академии прошение не допускать Ломоносова на свои заседания. Миллер, который, по словам Пекарского, "не терпел противоречий и никогда не спускал тем, кто, по его мнению, так или иначе унижал его звание академика", принял в демарше академиков деятельное участие. Ломоносов же "однажды объявил, что никогда не простит ему именно этого участия"¹⁷.

Последующие несколько лет Миллер занимался в основном обработкой привезенных из Сибири материалов и написанием на их основе "Истории Сибири", своего самого значительного труда. Попутно, как он отмечает в своей автобиографии, он писал и публиковал небольшие сочинения на разные темы. Так, в 1744 г. по заказу президента Коммерц-коллегии князя Б.Г. Юсупова была написана работа "Известие о торгах сибирских".

¹⁵ Цит. по: Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 19.

¹⁶ Шлёцер А.Л. Общественная и частная жизнь. СПб., 1875. С. 26.

¹⁷ Пекарский П.П. История... Т. 1. С. 335—336.

Впрочем, небольшой работу можно назвать лишь условно: в опубликованном виде объем ее составляет примерно 3,5 печатных листа и это при том, что "при печатании должно было некоторые предложения, для пользы российский интереса мною написанные, а к общему сведению не надлежащие, выключить"¹⁸.

В том же 1744 г. Миллер внес в Конференцию проект создания в Академии наук Исторического департамента, вновь повторенный Миллером два года спустя в представлении президенту Академии. Но в 1744-м, и в 1746-м Академия, в которой по-прежнему заправлял недруг Миллера Шумахер, никак не отозвалась на предложения историка. Более того, и в его непосредственной работе ему чинились всевозможные препятствия. Так, в 1746 г. ему было предписано сдать в архив Академии все материалы, привезенные из Сибири. Причем именно обработка материалов Камчатской экспедиции вменялась Миллеру в прямую обязанность, а заниматься "общей российской историей" ему было фактически запрещено. Неожиданно была прервана и работа Миллера над картой Сибири, над которой он трудился в 1745—1746 гг.: все карты с указанием сделанных Берингом открытий были затребованы правительством и возвращены лишь несколько лет спустя, в 1752 г.

Еще одним направлением научной деятельности Миллера оставалась генеалогия. По-видимому, уже тогда Миллер начал систематически собирать данные по родословию различных ветвей Рюриковичей и других русских дворянских фамилий. В 1746 г. это обернулось для него большими неприятностями. Историк-любитель П.Н. Крекшин подал на рассмотрение Сената "Родословие великих князей, царей и императоров", в котором род Романовых возводился к Рюрику. Работа была передана в Академию наук, где попала на отзыв к Миллеру, составившему собственное родословие Романовых, в котором историк доказывал их происхождение от Захарьиных-Юрьевых. Между тем Миллер и Крекшин были хорошо знакомы и прежде, по-видимому, поддерживали хорошие отношения и обменивались рукописями: Крекшин был коллекционером, обладателем неплохого собрания русских летописей, а Миллер, в свою очередь, делился с ним своими материалами. В момент конфликта у Крекшина находились какие-то тетради Миллера с выписками из иностранных сочинений о России. Узнав, что Миллер составил родословие, опровергающее его выводы, Крекшин подал на Миллера донос в Сенат в том, что историк хранит у себя записи, содержащие "поносительные, ложные и укорительные дела". Сенат вынужден был заняться разбирательством, вызывая на свои заседания и президента Академии, и отдельных академиков в качестве экспертов. Академики на сей раз выступили на стороне своего собрата по корпорации, что, видимо, и спасло Миллера, хотя формально дело было закрыто лишь в 1764 г., когда Сенат постановил сдать его в архив, поскольку "зачалось оное по самопроизвольному

¹⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 149—150.

от Крекшина представлению"¹⁹. Однако президент Академии граф К.Г. Разумовский, очевидно раздраженный необходимостью являться в Сенат и вообще тратить время на подобные пустяки, издал указ, по которому Миллеру было объявлено, чтобы он "ни в какие родословные исследования не токмо высочайшей фамилии Ее Императорского Величества, но и партикулярных людей без особенного на то указа не вступал и никому таких родословий под опасением штрафа не подносил"²⁰.

Эпизод с Крекшиным был лишь первым в ряду серьезных служебных неприятностей Миллера, тем более опасных, что в 1747 г. он, дабы не покидать Россию, вынужден был принять российское подданство и подписать с Академией новый контракт. Правда, при этом он получал звание российского историографа и должность ректора университета при Академии, но одновременно оказывался еще более зависимым от академического начальства, чем прежде. Надо полагать, подписывая контракт, Миллер испытывал большие сомнения: с одной стороны, работа в Петербургской Академии наук, сопровождаемая необходимостью постоянной борьбы за удовлетворительное жалованье, бесконечными придираками, подозрениями и кознями Шумахера, с другой — достаточно ясная перспектива научной карьеры на родине, где приобретенных в России знаний и опыта с лихвой хватило бы на много лет успешной научной работы. Но, видимо, российская история, заниматься которой по-настоящему можно было только в России, притягивала его куда сильнее. И Миллер сделал выбор, окончательно связав свою судьбу с этой страной.

Иначе поступил коллега Миллера по Камчатской экспедиции профессор И.Г. Гмелин. В 1747 г. он получил от Академии отпуск для поездки за границу, причем Миллер и Ломоносов подписали совместное за него поручительство. Когда в августе 1748 г. стало ясно, что Гмелин в Россию возвращаться не собирается, обоим профессорам "до окончания дела и до указа" вдвое уменьшили жалованье. Ломоносов впоследствии утверждал, что согласился поручиться за Гмелина "ласканием Миллеровым" и из-за доброго отзыва о Гмелине С.П. Крашенинникова²¹.

Спустя короткое время положение Миллера усугубилось из-за скандала, связанного с письмом к нему Ж.Н. Делиля. Крупный французский астроном, работавший в Петербургской Академии наук с 1726 г. и помимо астрономии занимавшийся изучением и составлением географических карт, копии которых отсылал во Францию, в 1747 г. покинул Россию и порвал с Академией какие-либо отношения, всячески пороча ее в глазах европейской научной общности. Академиком было запрещено переписываться с Делилем и сообщать ему что-либо, касающееся русской науки. Миллер, по крайней мере внешне, солидаризировался с официальной точкой зрения, считал поведение Делиля предательством и ввос-

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 578. Л. 2.

²⁰ Веселовский К.С. Запрещение историографу Миллеру заниматься генеалогией // Русская старина. 1896. № 9. С. 626.

²¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 756, 280.

ледствии немало сил потратил на опровержение печатавшихся Делилем историко-географических материалов²². Между тем было перехвачено письмо Делиля к Миллеру, написанное еще в 1747 г., по пути в Европу из Риги. В письме, хоть и несколько туманно, говорилось о некоей договоренности ученых о совместной публикации каких-то компрометирующих Академию документов. Для расследования дела была учреждена специальная комиссия, посадившая Миллера под домашний арест и несколько раз его допрашивавшая. Характерно, что расследованием занималась не Тайная канцелярия или какое-то иное судебное-следственное учреждение, а Академия, причем полицейские функции выполняли, и вполне охотно, сами профессора.

Нравы тогдашней Академии наук как нельзя лучше характеризует тот факт, что 20 октября 1748 г. академики В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов учинили в квартире Миллера обыск, в ходе которого "во всех его камерах, ящиках и кабинетах осмотря, сколько сыскать могли, взяли". При обыске у Миллера были обнаружены многочисленные родословные таблицы, что вызвало особое недовольство руководства Академии, а Ломоносов и спустя много лет, в 1764 г., вспоминал, что Миллер якобы "вместо самого общего государственного исторического дела больше упражнялся в сочинении родословных таблиц в угождение приватным знатым особам". Именно на них, по-видимому, намекал Ломоносов и когда утверждал, что дело о письме Делиля было замято благодаря "просьбам миллеровых при дворе приятелей"²³. Впрочем, ни о каких высоких покровителях Миллера достоверно не известно. До конца своих дней Ломоносов был склонен подозревать историка в нелояльном отношении к России, т.е., попросту говоря, в политической неблагонадежности. Только в свете этого может быть понята и правильно оценена вся история взаимоотношений двух выдающихся ученых.

В течение многих лет Ломоносов был убежден, что Миллер только и занимался выискиванием "пятен на одежде российского тела", а в его сочинениях было "множество пустоши и нередко досадительной и для России предосудительной"²⁴. На деле же за спором двух, может быть, самых ярких личностей в Петербургской Академии наук XVIII в. стояло разное понимание задач историка и целей исторического исследования. И это особенно ярко проявилось в 1749 г. во время знаменитой дискуссии по "норманскому вопросу" и при обсуждении в созданном Шумахером Историческом собрании Академии глав "Истории Сибири".

Дискуссия по "норманскому вопросу" была инициирована тем же Шумахером и его ближайшим помощником Г.Н. Тепловым, предложившими собранию обсудить "диссертацию" Миллера "О происхождении народа и имени Российского". Основная ее идея была связана с доказательством скандинавского происхождения Рюрика и названия "Русь".

²² См. с. 111–116 настоящего издания.

²³ Ломоносов М.В. Указ. соч. Т. 10. С. 175, 287, 185.

²⁴ Там же. С. 231–232.

Идея была не нова и в сущности лишь развивала положения теории Г.З. Байера, основывавшейся на том, что в финно-угорских языках слова, обозначающие шведов, имеют корень, близкий по звучанию к слову "Русь". Идя еще дальше, Байер и Миллер делали вывод об организующей роли варягов в создании русского государства. Для Ломоносова подобная трактовка была неприемлема как антипатриотическая. Поддержанный профессорами Н.И. Поповым, В.К. Третьяковым, И.Э. Фишером, С.П. Крашенинниковым и Ф.Г. Штрубе де Пирмонтом, он отрицал варяжскую этимологию слова "Русь" и доказывал происхождение варяжских князей от племени роксолан. Аргументация Ломоносова покоилась в основном на "Сказаниях о князьях владимирских" — литературно-публицистическом сочинении XVI в., в котором генеалогия русских князей возводилась к римскому императору Августу через легендарного Пруса и которое должно было служить подкреплением притязаний Москвы на византийское наследие. Другим источником Ломоносова был созданный в XVII в. "Синописис" — историческое сочинение, к середине XVIII в. уже сильно устаревшее. Миллер, несомненно, знал источники по русской истории лучше Ломоносова, и с позиций тогдашней исторической науки его аргументация была едва ли не безупречной. При этом для Миллера была важна прежде всего научная истина, в то время как Ломоносов видел в "норманском вопросе" аспект политический, связанный, как ему казалось, с ущемлением русского национального достоинства. Как справедливо заметил М.Н. Тихомиров, Ломоносов "возмущался миллеровскими работами не потому, что Миллер говорил о значении варягов, а потому, что тот, повторяя Байера, практически отрицал какое-либо развитие культуры у древних славян"²⁵.

Нет никаких оснований подозревать Миллера в каких-либо антирусских настроениях и предубеждениях. Напротив, вся его жизнь и деятельность подтверждают слова Шлёцера о том, что "в отношении достоинства России" он был "горячим патриотом"²⁶. Дело было именно в понимании научной истины и ее значения. По мнению Миллера, она не должна была зависеть от политических пристрастий и конъюнктуры. Историк "должен казаться без отечества, без веры, без государя, — писал он, — все, что историк говорит, должно быть строго истинно и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести"²⁷. Ломоносов, напротив, требовал, чтобы историограф "был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел практического состояния... природный россиянин... чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию"²⁸.

²⁵ Цит. по: Шмидт С.О. Памяти учителя: (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 23.

²⁶ Шлецер А.Л. Указ. соч. С. 25—26.

²⁷ Пекарский П.П. История... Т. 1. С. 381.

²⁸ Ломоносов М.В. Указ. соч. Т. 10. С. 148—149.

Острота дискуссии подогревалась и свойствами характеров двух ее главных участников. "Каких же не было шумов, браней и почти драк! — вспоминал впоследствии Ломоносов. — Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замалчивался палкою и бил ею по столу конферентскому"²⁹. "Если учесть, — комментирует эти слова М.А. Алпатов, — что Ломоносов был тоже человек крутого нрава и ходил тоже с палкой, то нетрудно себе представить всю ожесточенность этих ученых баталий"³⁰.

Впрочем, не это предопределило итог спора. Научная истина, конечно же, совсем не интересовала тогдашних руководителей Академии, но, как отмечал тот же Алпатов, "варяжский вопрос разделился не в сфере самой науки, а в сфере политики. Став затем научным, он не только не потерял свою прямую связь с политикой, но, напротив, навсегда оказался связанным со жгучими национальными и политическими проблемами современности"³¹. Впоследствии крупнейшие русские историки М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский практически без возражений принимали норманскую теорию, и лишь в конце 30-х годов уже XX века "норманская проблема" вновь приобрела особую остроту. С этого времени, как подчеркивают современные исследователи, "воинствующий антинорманизм становится одним из священных знамен советской исторической науки, а его представители занимают почетные места в научной иерархии"³². Здесь не место вдаваться в существо спора норманистов и антинорманистов. Достаточно сказать, что окончательно точка в нем еще не поставлена, а многие исследования последнего времени, в том числе археологические, указывают на правоту ряда положений, высказанных Миллером³³. Впрочем, позднее он трактовал появление Рюрика с братьями на новгородской земле в качестве предводителя военной дружины, насильственно захватившей власть в Новгороде. Важнее другое: совершенно беспочвенны обвинения против Миллера — историка, человека и патриота.

Политическая подоплека дискуссии предопределила административный характер ее завершения: "скаредную диссертацию" Миллера велено было предать огню, а сам он на год был переведен из профессоров в адъюнкты.

Параллельно с рассмотрением "диссертации" Миллера шло обсуждение отдельных глав и печатание первого тома "Истории Сибири". И тут Шумахер также сделал все возможное, чтобы дискредитировать историка и затруднить его работу. Так, у Миллера пытались отобрать право на чтение корректуры его труда, отказывали в возможности дополнить текст

²⁹ Там же. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 549.

³⁰ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 23.

³¹ Там же. С. 9.

³² Думин С.В., Турилов А.А. "Откуда есть пошла русская земля?" // История отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 15.

³³ Там же. С. 18—19.

"Истории" необходимыми документами. Характерно мнение академической Канцелярии в мае 1749 г., что "лучше и безопаснее было, чтоб летописцы и жалованные грамоты особливо напечатав, показав их наперед в надлежащем месте для опробации, ибо оные дела такие, о которых рассуждать должны господа министры или Правительствующий Сенат"³⁴. Не обошлось и без очередного столкновения с Ломоносовым, который резко выговорил Миллеру за то, что тот в своей "Истории" назвал разбойником завоевателя Сибири Ермака. "О сем предмете, — полагал Ломоносов, — должно писать осторожно и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать". Когда же Миллер, отказываясь изменить первоначальный текст, предложил убрать его вовсе, Ломоносов заметил, что "буде оные рассуждения, которые об его делах с несколько похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выключить"³⁵. Между тем и в этом случае Миллер вовсе не собирался очернить Ермака и лишь излагал ту научную истину, какую мог извлечь из имевшихся в его распоряжении источников, ведь легенда о разбойнике Ермаке была широко распространена и в летописях, и в исторических преданиях.

Совершенно иначе отнесся к труду Миллера В.Н. Татищев, которому Шумахер в 1749 г. послал отпечатанные первые несколько глав, явно надеясь на отрицательный отзыв. "С великим моим удовольствием присланное от вас начало сибирской истории прочитал и з благодарением возврасчаю, — отвечал Татищев. — Сие есть начало русских участных историй и нельзя инаго сказать, как хваления и благодарения достойная в ней. Сколько труда, столько смысла сочинителя, и наипаче образец впредь пожелаем о других пределах сочинять, чрез что слава, честь и польза России преумножится"³⁶. Первый том "Истории Сибири" на русском языке вышел в 1750 г., основную часть второго Миллеру удалось опубликовать лишь в журнале "Ежемесячные сочинения", с которым связан следующий период научной деятельности ученого.

Первый номер "Ежемесячных сочинений" появился на свет в январе 1755 г. О истории его возникновения существует немало легенд и спекуляций. Так, в любом труде по истории русской журналистики, изданном в последние десятилетия, можно прочесть, что журнал был основан Ломоносовым, но редактором был Миллер. В некоторых работах уточняется, что назначение Миллера явилось следствием козней врагов Ломоносова. Характеризуя журнал, все без исключения авторы сходятся в его высокой оценке, но Миллер при этом оказывается как бы ни при чем.

Подобная трактовка истории журнала впервые, по-видимому была выдвинута П.Н. Берковым в его монографии "История русской журна-

³⁴ Цит. по: Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 83.

³⁵ Из протоколов Исторического собрания Петербургской Академии наук // Библиографические записки. 1861. Т. III. № 17. С. 515—517.

³⁶ Татищев В.Н. Записки. Письма, 1717—1750. М., 1990. С. 343.

листки XVIII в". Аргументы автора сводятся к следующему. В 1753 г. И.И. Шувалов попросил Ломоносова прислать к нему в Москву комплект "Примечаний к Ведомостям". Ломоносов исполнить просьбу своего покровителя не сумел, ибо журнал уже стал библиографической редкостью. В ответном письме от 3 января 1754 г. Ломоносов, воспользовавшись поводом, высказал мысль о полезности издания Академией наук нового журнала. В том же 1754 г. он написал статью "О должности журналиста". Именно эти факты позволили Беркову прийти к следующему выводу: "Вероятно, Шувалову идея Ломоносова пришлась по душе, и ей был дан ход. Будучи всеильным в то время фаворитом Елизаветы Петровны, Шувалов, — очевидно, в неофициальном порядке — предложил тогдашнему президенту Академии наук графу К.Г. Разумовскому издавать силами академиков журнал на русском языке"³⁷. Легко заметить, что Берков здесь еще не утверждает, но лишь предполагает. Разговор Шувалова с Разумовским, конечно, мог состояться, хотя в равной мере допустимо, что его могло и не быть, а если он и произошел, то совсем не обязательно в нем упоминалось имя Ломоносова. Однако от предположения Берков переходит к утверждению: «Акад. Г.Ф. Миллер... пользуясь связями с всеильным и враждебным Ломоносову Тепловым, захватил в свои руки редактирование "Ежемесячных сочинений"»³⁸. Между тем никаких фактов, подтверждающих это, нет. Впрочем, известно, что в марте 1754 г. Миллер, назначенный конференц-секретарем Академии наук, выступил с программой издания "энциклопедического журнала". При обсуждении проекта журнала на заседании академической Конференции всем академикам было вменено в обязанность постоянно снабжать журнал материалами для публикации. Понятно, что при этом кто-то должен был быть ответственным перед Академией за выпуск журнала, и сподручнее всего было поручить подобную роль тому, кто в силу своего служебного положения был облечен правом требовать от коллег выполнения решения Конференции. Именно таким правом обладал Миллер как конференц-секретарь³⁹.

Отстраненный от участия в журнале Ломоносов, по мнению Беркова, «отказался от прямого участия в "Ежемесячных сочинениях"». По крайней мере за его подписью не напечатано за все время издания академического журнала ни одно произведение»⁴⁰. Утверждение Беркова было повторено в статье Г.А. Гуковского, и, хотя тут же опровергнуто примечаниями редактора⁴¹, версия эта по-прежнему иногда появляется на страницах печати. Между тем даже если не касаться спорного вопроса об авторстве стихотворения "Правда ненависть рождает", напечатанного в первом

³⁷ Берков П.Н. Указ. соч. С. 83.

³⁸ Там же. С. 84.

³⁹ См.: *Примаковский А.П.* Первый научно-популярный журнал в России // *Вестн. АН СССР.* 1955. № 5. С. 63—64.

⁴⁰ Берков П.Н. Указ. соч. С. 87.

⁴¹ *Гуковский Г.А.* Русская литература в немецком журнале XVIII века // XVIII век. Л., 1958. Сб. 3. С. 398.

номере журнала за 1755 г., которое Б.Л. Модзалевский приписывал Ломоносову, трудно было не заметить стихов Ломоносова в журнале за 1764 г., где его имя напечатано крупным шрифтом. Что же касается идеи создания журнала, то в ней, видимо, не было ничего оригинального и она попросту, как говорится, витала в воздухе. Таковы факты, касающиеся истории возникновения журнала, но в сущности вопрос о том, кто его задумал, значительно менее важен, чем кто его издавал. Ведь взгляды и вкусы редактора не могли не отразиться на выборе статей, авторов, определении лица издания.

Характеризовать журнал в целом непросто, ибо в нем печатались и стихи, и проза, и статьи по физике, астрономии, метеорологии, биологии, геологии, агрономии, географии и т.д. Среди авторов "Ежемесячных сочинений" — В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский, М.М. Херасков, П.И. Рычков, Ф.И. Соймонов, С.А. Порошин, М.М. Щербатов, С.Я. Румовский и другие виднейшие представители русской культуры и науки того времени. На страницах журнала публиковались переводы из изданий ранних английских просветителей Р. Стила и Дж. Аддисона, из "Гражданина мира" О. Голдсмита, излагались теории К. Линнея и И.Г. фон Юсти. Здесь же появились первые русские печатные переводы Вольтера.

Уже в первые месяцы существования "Ежемесячных сочинений" с его страниц прозвучал призыв заниматься русской историей. В статье "Сомнительства, касающиеся до Российской истории" Миллер рассматривает статью немецкого ученого И. Геснера, обратившего внимание на неточность летописного известия о дате обручения Игоря и Ольги, а затем предлагает своим читателям самим разобраться в хронологии "Повести временных лет" и прислать в редакцию журнала свои мнения, которые он как редактор готов опубликовать. Подобный призыв Миллер повторяет вновь два года спустя в статье "Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве". Снова, в который уже раз Миллер говорит о недостатках сочинений иностранных авторов и о необходимости серьезных занятий русской историей. Ни на одном иностранном языке до сих пор не издана история России, написанная русским, да и на русском языке такого труда нет, и даже русская молодежь, интересующаяся историей своего отечества, вынуждена читать иностранных авторов. Как исправить положение? Миллер предлагает несколько способов. Прежде всего надо писать труды по русской истории, начав с издания того, что уже имеется — летописей и "Истории Российской" В.Н. Татищева. И если создать крупный сводный труд по истории России непросто, то полезно составлять историко-географические описания отдельных регионов, как сделал П.И. Рычков в трудах об Оренбургской губернии. И, наконец, еще один способ — писать примечания на выходящие за рубежом книги. Свой призыв Миллер будет повторять еще не раз, но он не ограничивался лишь этим и сам первый подавал пример.

Статья "Предложение, как исправить..." появилась в марте 1757 г., в то самое время, когда правительство Елизаветы Петровны по инициативе И.И. Шувалова обратилось к Вольтеру с предложением написать историю России в царствование Петра I. Как известно, Ломоносову и Миллеру было поручено снабжать Вольтера необходимыми материалами. Ломоносов был обижен тем, что поручение дано не ему, пытался поучать Вольтера и принудить его работать по предложенному им плану. Но, надо полагать, Миллер был обижен ничуть не меньше, ведь он к тому же официально носил звание российского историографа. В результате и появилась статья, основная мысль которой в том, что русскую историю должны писать прежде всего отечественные историки.

Статья 1757 г. — не единственная, где Миллер обращается к теме "Иностранные писатели о России". Еще в феврале 1755 г. он опубликовал в "Ежемесячных сочинениях" небольшую статью "Рассуждение о двух браках, введенных чужестранными писателями в род великих князей всероссийских". Она посвящена разбору двух сочинений, вышедших в Германии, в которых доказывалось происхождение рода русских великих князей и герцогов Брауншвейг-Люнебургских от одного корня в результате брака одного из киевских князей. Миллер тщательно анализирует показания различных иностранных источников, сравнивая их с данными русских летописей, отдавая при этом предпочтение последним. "Российские летописи, — считает Миллер, — не так совершенны, чтоб нужды не было пополнять их из чужих известий", но делать это можно лишь в том случае, когда "дела так предлагаются, что подлинным известиям российским не прекословят или по оным изъясняемы быть могут". Миллер иллюстрирует предлагаемый принцип на примере двух разбираемых им работ и в результате приходит к выводу, что утверждения их авторов ошибочны. Историк отмечает, что даже если бы иностранные авторы оказались правы, то к царствующему дому Романовых их вывод все равно не имел бы никакого отношения. Это замечание указывает на второй, политический смысл статьи, ведь она была написана во время царствования Елизаветы Петровны, пришедшей к власти как раз в результате свержения Брауншвейгской фамилии.

В 1761 г. на страницах "Ежемесячных сочинений" появляется новая работа Миллера — "Опыт новейшей истории о России", которая рассматривалась им как продолжение "Истории Российской" Татищева. Начинается работа с того, с чего в наши дни начинается всякое историческое исследование, — с обзора источников. Не разделяя еще источники в современном значении этого понятия и литературу вопроса, Миллер, однако, сразу же делит их по происхождению — на русские и иностранные, отмечая, что иностранные авторы "слышали много несправедливо, худо разумели и неисправно рассуждали". Далее автор характеризует "Летопись о многих мятежах", Степенную книгу, хронографы, разрядные и родословные книги, труды Татищева и Манкиева и, наконец, "архивные письма", вывезенные им из Сибири. Таким образом, источниковая база

”Опыта” была весьма широка, многие источники впервые вводились в научный оборот.

Источниковедческие замечания Миллера, несомненно, способствовали развитию этой научной дисциплины, но не менее интересно и содержание ”Опыта”. Перед ученым стояла сложная задача описать события одного из самых трагических периодов русской истории. Но принцип — ”должность историка требует, чтоб о всем объявить бес пристрастия”, действовал и тут. Так, не пытаясь опровергнуть версию о ”злодействах” Бориса Годунова, Миллер признает в нем ум и способности незаурядного государственного деятеля. По его мнению, в правление Годунова произошло укрепление Русского государства, его международного авторитета. Он особенно отмечает усилия Годунова по распространению просвещения, по борьбе с голодом, миролюбивую внешнюю политику. Однако погубили Бориса ”ненависть, ревность, страх и подозрения, яко обыкновенные спутники временщиков”. Эти качества Бориса одержали верх в его характере и в результате привели к падению. Таким образом, причины падения Годунова, по Миллеру, нравственного характера. Подобная точка зрения отличалась от позиции последователей Миллера — М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина.

Еще в предисловии к своему труду Миллер писал, что время, которому посвящен ”Опыт”, не такое, ”которое великолепно представляется мыслям нашим или которого память достойно бы было выхвалять потомству”. Но история подобна картине, где мрачные события оттеняют события светлые. Так, разве можно было бы по достоинству оценить заслуги великих князей московских, собравших под своей державой Русь в единое государство, если бы этому не предшествовали мрачные времена раздробленности и монголо-татарского ига? Причем, если история призвана играть нравоучительную роль, то описание людских пороков может быть едва ли не полезнее описания добродетелей. ”Человеку сродно, — пишет Миллер, — взирать на доброе дело... яко обыкновенное, без великого восторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается. Пускай порок примет вид добродетели, сколь долго может, время делает оной извесным и мерским”⁴².

Эти актуально звучащие и сегодня рассуждения автора первого в отечественной историографии труда по истории Смуты ему не помогли. Уже в январе 1761 г., когда ”Опыт” Миллера на русском языке еще не появился, а был известен лишь по немецкой публикации, в ”Sammlung Russische Geschichte”, президенту Академии наук было подано представление, в котором, в частности, сообщалось, что ”Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годунова и Растригины, самую мрачную часть российской истории, из чего чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе”⁴³. Обвинение было тем более нелепым, что история Смуты начала XVII в. была прекрасно

⁴² Ежемесячные сочинения. 1761. Т. 1. С. 3—64.

⁴³ Ломоносов М.В. Указ. соч. Т. 10. С. 232.

известна за границей, но по сочинениям иностранных же очевидцев, в которых было немало ошибок и которые Миллер и стремился опровергнуть. Более того, в самой России в то время о событиях Смуты можно было узнать только из иностранных сочинений. "Опыт" Миллера был первой попыткой дать научное, документированное изложение событий. Но в том-то и дело, что с точки зрения охранительной идеологии русскому человеку знать подлинную историю этой эпохи было ненужно и даже опасно, ведь речь шла о времени междуцарствия, гражданской войны, крестьянских восстаний, частой смены правительств. В 1761 г. на закате елизаветинского царствования это ощущалось, видимо, особенно остро, и подобные знания, выражаясь языком того времени, казались "соблазнительными". Судя по всему, представление было доложено не только президенту Академии наук, ибо запрет на продолжение публикации "Опыта" был получен историком непосредственно от Конференции при высочайшем дворе — высшего органа исполнительной власти того времени.

Спустя несколько месяцев Миллер начал печатать в "Ежемесячных сочинениях" другой свой труд, которому также суждено было сыграть существенную роль в историографии. Это было "Краткое известие о начале Новгорода". Тема новгородской "вольницы" занимает видное место в русской литературе XVIII в. О Новгороде, каждый по-своему, писали А.П. Сумароков, Я.Б. Княжнин, Екатерина II, И.Н. Болтин, А.Н. Радищев. Последний, как показано С.Л. Пештичем, пользовался статьей Миллера⁴⁴.

Миллер довел свою историю Новгорода до середины XVII в., уделив особое внимание присоединению Новгорода к Москве. Историк предпринял попытку описать общественное устройство Новгородской вечевой республики, указав при этом, что вечевой колокол "почитался защитой города и явным свидетельством народной вольности". Вместе с тем, относясь к демократическим порядкам Новгорода с определенной долей симпатии, Миллер выступает здесь как сторонник централизованного государства и о присоединении Новгорода пишет с одобрением. В статье историк вновь коснулся вопроса о происхождении русского народа, на сей раз возводя славянскую государственность к племени роксолан. Впервые в этой работе прозвучала и тема городских восстаний XVII в.

Названные статьи составляют лишь небольшую часть работ Миллера, опубликованных в "Ежемесячных сочинениях", и может создаться впечатление, что, пользуясь положением издателя, историк монополизировал право на публикацию в журнале исторических трудов. Однако, внимательно рассмотрев содержание журнала за десять лет его существования, легко увидеть, что это не так. Миллер старался распределять материал в журнале довольно равномерно и в каждом номере помещать хотя бы одну статью исторического или географического содержания, причем непременно оригинальную, непереводаемую. Но таких статей в портфеле

⁴⁴ Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1965. Ч. II. С. 222.

редакции было немного. Профессора Петербургской Академии наук не спешили выполнять данное при основании журнала обещание активно участвовать в его издании. Когда же оригинальные сочинения появлялись, Миллер с удовольствием уступал место. Так, например, в 1759 г. в "Ежемесячных сочинениях" не было ни одной его статьи, ибо в одиннадцати из двенадцати номеров печаталась "История Оренбургская" П.И. Рычкова. То же повторилось в 1762 г.: одиннадцать номеров заняты "Топографией Оренбургской" Рычкова, и опять ни одной статьи Миллера. В 1763 г. на смену Рычкову приходит Ф.И. Соймонов: с января по ноябрь печатается его "Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого". Следует заметить, что при издании трудов Рычкова и Соймонова Миллер не просто воспроизводил чужой текст, но и редактировал его, по мере необходимости дополняя и исправляя.

Помимо уже названных работ Миллера, на страницах "Ежемесячных сочинений" увидели свет такие его труды, как "Известие о бывшем городе Ниэншанце" (1755), задуманное автором как часть истории Петербурга; "О первом летописателе Российском преподобном Несторе" — первый специальный труд по русскому летописанию (1755); "О первых Российских путешествиях и посольствах в Китай" (1755); "Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков" (1756) — одна из первых в России работ по этнографии; "Роспись губерниям, провинциям, городам, крепостям и другим достопамятным местам, в России находящимся" (1757); "Поправки погрешностей, учиненных г. де Бюфоном в первой части Натуральной его истории при объявлении о разных странах и местах Российского государства" (1757); "Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государством 7197 (1689) года" (1757); "О китовой ловле около Камчатки" (1757); "Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных" (1758); "Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше" (1760); "Известие о запорожских казаках" (1760); "Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства" (1761); "Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных" (1764) — первая специальная работа по русской археологии.

"Ежемесячным сочинениям" суждено было сыграть важнейшую роль и в становлении русской журналистики: с конца 50-х и особенно в 60-е годы XVIII в. на свет появилось немало ежемесячников, бравших за образец журнал Миллера. Но все они существовали недолго, в то время как "Ежемесячным сочинениям" было уготовано целых десять лет жизни. Можно с уверенностью сказать, что если "вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник"⁴⁵, а на протяжении XVIII—начала XIX в. комплект журнала дважды переиздавался, то не

⁴⁵ Евгений [Болховитинов]. Указ. соч. Т. II. С. 67.

последнюю роль в этом сыграли исторические труды Миллера. Они были первыми в русской историографии по целому кругу проблем, открыв начало изучения важнейших вопросов русской истории эпохи средневековья. Исторические знания, причем не только о событиях и людях прошлого, но и об источниках и трудах по истории России, впервые получили столь широкую аудиторию. Можно лишь пожалеть, что обстоятельства сложились таким образом, что 1764 год стал последним годом издания журнала.

1 января 1765 г. указом Екатерины II Миллер был назначен главным надзирателем Московского воспитательного дома. В литературе высказывались различные предположения относительно причин, побудивших историка принять это назначение. Думается, разгадка проста: Миллеру было уже 60 лет, возраст по понятиям XVIII в. весьма почтенный, в Петербурге у него было много врагов и много разных обязанностей, отвлекавших от основного дела — занятий русской историей. Еще в 1762 г. в одном из частных писем Миллер написал слова, удивительно современно звучащие и сегодня: «Протоколы заседаний, внешняя и внутренняя переписка, издание в свет "Комментариев" и русского журнала, над которым я, не имея помощников, работаю восьмой уже год, отнимают у меня чрезвычайно много времени, а между тем силы меня покидают, и я едва в состоянии выносить работу до 12 и до часа ночи. Историк страны, о которой еще так мало написано, должен быть занят одною этой работою»⁴⁶.

Москва сулила историку возможность спокойной службы и научных занятий. Однако оставить журналы было, видимо, все же жалко, Миллер настоятельно просил Академию наук продолжать издание "Ежемесячных сочинений", обещая свою помощь и предлагая составить содержание журнала на год вперед. При обсуждении этого вопроса Ломоносов выступил с проектом издания вместо "Ежемесячных сочинений" ежеквартального журнала по вопросам экономики и физики. На вопрос из академической Канцелярии, согласится ли кто-либо из профессоров продолжить издание "Ежемесячных сочинений", положительного ответа получено не было. Такая же судьба постигла и "Sammlung Russischer Geschichte".

В решении Миллера перебраться в Москву определенную роль сыграло, по-видимому, то обстоятельство, что именно в Москве находились крупнейшие архивы того времени. Еще в отвергнутом академическим начальством проекте создания Исторического департамента Академии наук историк писал: "Весьма бы полезно было, чтоб историографу со своею экспедициею жить в Москве, ибо сей город за центр всего государства почесть можно, где всякие известия способнее и скорее получены быть могут, также и в разсуждении того, что тамошния архивы... историограф сам пересматривать имеет..."⁴⁷ Вероятно, тогда же была написана и публикуемая в настоящем издании записка "Важности и трудности при сочинении Российской истории", в 24 пунктах которой перечислены

⁴⁶ Цит. по: Пекарский П.П. История... Т. 1. С. 387—388.

⁴⁷ См. с. 362 настоящего издания.

важнейшие проблемы истории средневековой России, причем большинство из них остаются актуальными и по сей день⁴⁸. Некоторыми из этих проблем Миллер уже занимался сам, другие же и через двадцать лет после составления записки оставались неизученными. Сочетать исследовательскую работу с обширной административной деятельностью шестидесятилетнему ученому было уже не под силу.

Попав в Москву, Миллер почти сразу же стал хлопотать о переводе в Архив Коллегии иностранных дел. Должность, которую он мог рассчитывать получить, была явно ниже той, которую он занимал в Воспитательном доме. Архив находился в непосредственном подчинении Московской канторы Коллегии иностранных дел, возглавлявшейся М.Г. Собакиным — крупным чиновником и поэтом-любителем, не слишком хорошо разбиравшимся в документальных богатствах, оказавшихся под его началом. Так, например, он полагал, что все "челобитческие дела" следует уничтожить, поскольку "тех людей и в живых нет и по челобитью их тогда ж решение чинено"⁴⁹. Помимо Собакина, в архиве имелись и другие служащие, с которыми Миллеру приходилось считаться старшинством службы. Ученого, однако, все это не останавливало. "Ежли я соглашусь на себя должность смотреть над архивами, — писал Миллер вице-канцлеру князю А.М. Голицыну 9 января 1766 г., — то, конечно, не для того, чтоб я хотел более жалованья, нежели теперь получаю, и не для получения ранга. Я весьма доволен своим щастьем. Я не искал никогда наружной отмены, стремясь единственно только оказать услуги империи, которой я служу уже более сорока лет. Во-первых, я старался привести в совершенство российскую историю, которую, хотя мне должно было оставить, однако я, оставя оную с великим сожалением, льщусь опять войти в сие дело и трудиться также для Академии, от которой я получаю пенсион, если буду употреблен к архивам"⁵⁰. В конце марта желание историка было наконец удовлетворено: именным указом ему было повелено находиться при Архиве Коллегии иностранных дел. Одновременно он оставался профессором Академии наук, от которой также получал жалованье. Это было едва ли не единственное исключение в истории Петербургской Академии наук, ибо по ее уставу члены Академии должны были жить в Петербурге.

Придя в архив, Миллер сразу же активно взялся за работу. В рапорте в Коллегию от 5 июня 1766 г. он сообщал: "Первые дни препровождал я свидетельствованием архивы, в каком ныне состоянии находится и какие преж сего описи делам сочинены". И хотя "при сем разборе приключалась мне жестокая болезнь в голове, для которой я 26 мая из ноги кровь пустил", но, не желая "время препроводить втуне", "сочинил я на французском языке примечания на лист короля Лудовика XIII, писанной

⁴⁸ См. с. 364–365 настоящего издания.

⁴⁹ Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1946. Т. 1. С. 7.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 42. Л. 1—1 об.

к государю царю Михайлу Феодоровичу 1635 году”⁵¹. Спустя месяц Миллер отправляет в Коллегию еще одну работу — “Изъяснение краткого содержания” дневников генерала Патрика Гордона. С одной стороны, историк, видимо, всячески стремился доказать начальству свою полезность, с другой — демонстрировал научное значение архивных документов. Нетрудно представить чувства, испытанные Миллером, когда он ближе познакомился с составом Архива, ведь он же был первым профессиональным историком, пришедшим сюда, где еще ни один документ не был изучен.

Тема “Миллер и архивы” заслуживает специального рассмотрения. Как уже говорилось, Миллер принимал непосредственное участие в создании архива Академии наук и уже в первые годы жизни в России начал собирать собственную коллекцию документов, значительно пополнившуюся в результате Сибирской экспедиции. “Устраивать архив, — писал историк, — приводить его в порядок и сделать его полезным для политики и для истории — вот занятия, совершенно сообразные с моими склонностями и познаниями”⁵². Однако значение архивных документов как исторического источника Миллер в полной мере осознал, видимо, лишь в Сибири. В составленной им для рассылки по сибирским городам анкете вопрос о состоянии местного архива стоял на одном из первых мест и играл определяющую роль в планах ученого по посещению того или иного населенного пункта.

К работе в архиве Миллер был подготовлен всей своей многолетней научной деятельностью, и не случайно поэтому в уже цитированном письме историка к А.М. Голицыну, написанном еще до непосредственного знакомства с Архивом, мы находим столь целостное и ясное представление о его будущих задачах. План Миллера по систематизации документов и созданию к ним справочного аппарата^{52а} по-разному оценивается историками архивного дела в России. Так, в предисловии к Путеводителю ЦГАДА 1946 г. говорилось, что “к счастью, его проект остался только на бумаге”⁵³. В.Н. Самошенко полагает, что “в вопросах классификации архивных документов и организации системы их хранения Миллер сыграл отрицательную роль”, хотя его замыслы “в целом соответствовали идеям... К. Линнея”⁵⁴. С этим согласен и В.Н. Автократов, писавший что “Миллер не ошибся в оценке предполагаемой классификации с точки зрения требований современной ему науки”⁵⁵. Действительно, Миллер, несомненно, был знаком с европейскими работами по систематике, а с Карлом Линнеем состоял в переписке. Другое дело, что предложение

⁵¹ Там же. Л. 143—144.

⁵² Пекарский П.П. История... Т. 1. С. 394.

^{52а} См. с. 368 настоящего издания.

⁵³ Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель. Т. 1. С. 7.

⁵⁴ Самошенко В.Н. Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986. С. 26.

⁵⁵ Автократов В.Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX—начала XX в. // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 4.

Миллера о составлении тематических коллекций из документов "первого класса" противоречит современным архивоведческим принципам пофондового хранения документов. Но такие коллекции практически и не были созданы.

Изучив архив, Миллер обнаружил, что он уже "как бы на два департамента разделен". В первом хранились "самые важнейшие дела, как то с иностранными дворами заключенные трактаты, письма высоких владетелей, собственноручныя рукописи Петра Великаго и все древния свидетельства, сколь много оных с 14-го столетия еще и теперь находится", во втором — "все прочие дела, как то входящия и отходящия посольства или касающияся до внутренняго состояния архива"⁵⁶. Выделение внешнеполитических дел было оправдано еще и тем, что эти документы продолжали интенсивно использоваться в сугубо практических целях. Подобное разделение сохранялось вплоть до конца деятельности ученого.

В соответствии с планом Миллера из внешнеполитических документов был сформирован ряд фондов по сношениям с иностранными государствами. Внутри фонда документы, как правило, делились на три части: грамоты, книги и остальные делопроизводственные документы. Большая часть описей к этим фондам была составлена Н.Н. Бантыш-Каменским. Описи "закрепили складывающийся на протяжении XVIII в. в архиве Коллегии иностранных дел порядок организации хранения документальных комплексов", причем созданные фонды "отражали... характер и структуру дипломатических связей страны с европейскими и азиатскими державами и народами, вошедшими в состав Российской империи, создавали возможность для быстрого отыскания необходимых документов". По мнению Н.В. Калачева, описи Н.Н. Бантыш-Каменского "замечательны по своей тщательности и верности"⁵⁷. Здесь уместно отметить, что и исторические обзоры внешних сношений Российского государства, благодаря которым наиболее прославился Бантыш-Каменский, были также задуманы Миллером. Еще в октябре 1766 г. он предлагал Коллегии иностранных дел: "По делам как внутренним, так и иностранным удобно сочинить исторические описания, а паче негоциациям и перепискам с каждым двором с самого начала до 1700 году... с приобщением достопамятнейших дел списков"⁵⁸.

Что же касается документов "первого класса", то в отношении их осуществить свой план историку не удалось, потому что содержание документов оказалось более многоаспектным, чем он предполагал. В результате был сформирован ряд коллекций как по видовому (например, "Боярские и городские книги"), так и по тематическому принципу (например, "Дела о Посольском приказе и о служивших в нем"). Значительный комплекс приказных документов, не подвергшихся такой разборке, составил коллекцию "Приказные дела старых лет", внутри которой систематизация

⁵⁶ РГАДА. Ф. 199. П. 389, ч. 1. Д. 2. Л. 197.

⁵⁷ Цит. по: *Козлова Н.А.* Труды Н.Н. Бантыш-Каменского по истории России // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 289.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 42. Л. 276.

была осуществлена по хронологическому принципу, а дела различных приказов были перемешаны. В настоящее время сотрудниками РГАДА проводится переописание коллекции, пока не завершено^{58а}. Таким образом, можно заключить, что план Миллера был претворен в жизнь в той части, которая оказалась реально осуществимой применительно к документам Архива Коллегии иностранных дел и не противоречила структуре Посольского приказа.

Планы ученого не ограничивались систематизацией документов. В письме вице-канцлеру от 9 января 1766 г. он предлагал и пути их использования: "Буду предлагать Коллегии, естли что, по моему мнению, должно быть опубликовано для чести нации, для совершенства истории и наставления тех, кои в дела вникают". Здесь же Миллер впервые ставит вопрос об издании "дипломатического корпуса российского", т.е. сборника актов, снабженного "историческим предуведомлением для лутчаго изъяснения материи"⁵⁹. Осуществить эти замыслы историку удалось лишь отчасти.

Положение, которое занял Миллер в Архиве Коллегии иностранных дел, было неопределенным. В указе Екатерины II о его назначении говорилось: "Коллежского советника и Академии наук профессора Миллера повелеваем определить к Московскому архиву нашей Коллегии иностранных дел для разбору и описи дел и быть ему под надзиранием действительнаго статскаго советника Собакина"⁶⁰. Помимо Собакина, был еще управляющий Архивом коллежский советник Мальцов, который делиться с Миллером властью, конечно, не собирался. Отношения ученого с ними были, видимо, напряженными и оставались такими вплоть до середины 70-х годов, когда Собакин умер, а Мальцов вышел в отставку, но к тому времени и Миллеру уже исполнилось 70 лет. Впрочем, документы свидетельствуют, что деятельность Миллера изменила положение в Архиве задолго до того, как он стал там единоличным хозяином.

Работу в Архиве Миллер начал с изучения состояния дел. Архив Коллегии иностранных дел после пожара в здании бывшего Посольского приказа в Кремле в 1747 г. был переведен в другое помещение. При этом дела были перемешаны и свалены в сундуки, размещенные в сырых, тесных подвалах Ростовского подворья в Китай-городе. В результате ко времени появления в Архиве Миллера многие документы сгнили. В одном из первых своих доношений историк сообщал, что собирался приступить к изучению и описанию документов по истории русско-китайских отношений, но плачевное физическое состояние дел заставило начать с отбора сгнивших и отсыревших дел. После сортировки он подвергал документы тщательной экспертизе, сохраняя те, что представляли какой-либо научный интерес и при этом еще были читаемы. Остальные приходилось

^{58а} См.: Воскобойникова Н.П. Описание древних документов архивов московских приказов XVI—начала XVII в. М., 1994.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 42.

⁶⁰ Там же. Ф. 199. П. 389, ч. 1. Д. 6. Л. 16.

уничтожать⁶¹. Одновременно ученый занимался описанием дел. 30 октября 1766 г. он сообщает коллегии: "Принялся я в средних числах нынешнего месяца за новое описание английских грамот, потому что прежняя опись сочинена была весьма не обстоятельно за незнанием того, кто оную делал, английского языка, и нашел я больше сорок грамот, которые совсем были пропущены"⁶². Однако было ясно, что обеспечить сохранность документов и нормальную работу в помещении Ростовского подворья невозможно. В том же доношении Миллер писал: "Для господина канцелярии советника Мальцова и для меня, и для двух секретарей больше нет места, как маленькая горненка мерою не с большим на две сажени поперешных, а естли бы по моему желанию делалось, то б надлежало было иметь для разбору архива большую залу, в которой бы было зделано довольно шкафов и полок"⁶³.

В 1767 г. в Москву для открытия Уложенной комиссии прибыла императрица Екатерина II. Миллер был ей лично знаком: еще в 1762 г. он редактировал немецкий перевод Манифеста о восшествии на престол, позднее удостоился аудиенции, преподнес комплект "Sammlung Russischer Geschichte" и получил поручение помогать фельдмаршалу Миниху в написании мемуаров. Немаловажную роль играло и то, что императрица интересовалась русской историей; именно она в 1767 г. предложила Миллера в Уложенную комиссию в качестве депутата от Академии наук. Деятельность Миллера в комиссии малозаметна, и его имя практически не упоминается в ее протоколах, но как профессиональный историк Миллер не остался в стороне от дискуссий. Так, его ответом на жаркие споры о правах дворянства стало небольшое сочинение "О российском дворянстве", легшее позднее в основу публикуемой в настоящем издании книги "Известие о дворянах [Российских]". Возможно, именно это сочинение, поддерживавшее позиции аристократов, вызвало раздражение Екатерины II и стало поводом к ее записке А.И. Бибикову, где о Миллере говорится с явным неодобрением⁶⁴, однако по приезде в Москву императрица дала Миллеру аудиенцию, которой он не преминул воспользоваться для поправления дел Архива. Ученый убедил Екатерину в необходимости выделения денег для покупки под Архив нового здания. За 11 тыс. руб. был приобретен дом генерал-аншефа князя А.М. Голицына на углу Хохловского и Колпачного переулков, ранее принадлежавший думному дьяку Е.И. Украинцеву. Перед перемещением туда документов дом был отремонтирован. В целях безопасности деревянная лестница заменена каменной, деревянная крыша — железной, причем было использовано железо с крыши здания бывшего Посольского приказа в Кремле. Для нового архива была заказана и специальная мебель. Документы были

⁶¹ Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 42. Л. 143—143 об.

⁶² Там же. Л. 276 об.

⁶³ Там же. Л. 275 об.

⁶⁴ Белковец Л.П. К вопросу об оценке историографических взглядов Г.Ф. Миллера // История СССР. 1985. № 4. С. 158—159.

вынуты из сундуков и, как мечтал Миллер, размещены в застекленных шкафах. Многие дела в сундуках так отсырели и сцементировались, что их пришлось вырубать топором. При перемещении многие дела были перепутаны, а изготовление шкафов заняло несколько лет и было закончено лишь к 1775 г. Тогда же стало возможным приступить к систематическому описанию документов.

Административно-организационная деятельность Миллера не прервала его научных занятий. С конца 60-х годов под его руководством в Архиве разворачивается большая работа по сбору историко-генеалогических материалов. В 1768 г. Миллер получает от генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского разрешение пользоваться документами Разрядного архива и посылает туда служащих Архива Коллегии иностранных дел для копирования документов. Копируются разрядные, родословные, боярские книги, благодаря чему до нас дошел ряд ценных источников, подлинники которых затем погибли в 1812 г. Но Миллер этого, конечно, предвидеть не мог, его цель состояла прежде всего в создании систематического свода данных по генеалогии русского дворянства. Из боярских, разрядных и родословных книг делались выписки по фамилиям, в результате сложились так называемые генеалогические тетради Миллера, в которых находятся сведения более чем о 200 фамилиях. Параллельно составлялись сборники выписок из записных книг московских приказов, в основном Разрядного и Посольского. По всей видимости, конечной целью предпринятой работы была новая родословная книга, идея которой была в то время очень популярна, но по сути впервые в русской историографии речь шла о воссоздании истории целого сословия.

Еще одна цель, которую преследовал Миллер, состояла в стремлении сосредоточить в Архиве Коллегии иностранных дел как можно больше ценных материалов. Так, когда в его поле зрения попал комплекс грамот Коллегии экономии, он специально обратился к одному из руководителей коллегии, П.В. Бакунину, с просьбой о передаче этих документов в Архив. Свою просьбу он повторил и в докладе на имя Екатерины II: "Между прочими оной коллегии делами находятся прежних государей жалованные архиерейским домам, разным монастырям, пустыням и соборным церквам на учреждение оных, и на вотчинное владение подлинныя грамоты, а поелику оныя для истории Российской империи, паче же для дипломатического корпуса необходимо нужны, в разсуждении сего не изволите ли, Ваше величество, для лучшаго сбережения указать вышеписанныя подлинныя грамоты взять в Московской Коллегии иностранных дел архив, где несколько таковых подлинных грамот издавна уже хранятся"⁶⁵. Просьба Миллера не была удовлетворена, и грамоты Коллегии экономии попали на хранение во вновь созданный Московский архив старых дел.

Об обеспокоенности Миллера судьбой архивов свидетельствует и публикуемая в настоящем издании записка, в которой впервые в истории

⁶⁵ РГАДА. Ф. 199. П. 389, ч. 2. Д. 2. Л. 65—65 об.

архивного дела в России высказывается мысль о необходимости его централизации — мысль, далеко опередившая свое время. Архив для Миллера был не просто собранием бумаг, но прежде всего научным центром, тем местом, где должны были сосредоточиваться усилия по изучению истории. Для этого он, в частности, считал необходимым иметь при Архиве хорошую библиотеку и типографию для издания документов. В черновике доношения в Коллегию иностранных дел от 6 июля 1766 г. читаем: "При сем же за потребно почитаю коллегии представить, не соизволит ли некоторую сумму назначить на укомплектование находящейся при архиве библиотеки, в том только, что касается до министерских и посольских дел и до истории Российской и тех государств, в которых для России больше обстоит нужды. В библиотеке при Архиве, хотя есть нарочитое число книг, но есть между оными много и негодных, кои можно бы было отдать книгопродавцам по оценке и за выручаемые деньги купить надобные. Но сих денег весьма недовольно будет... На первой случай потребно около тысячи рублей, а потом ежегодно по двести"⁶⁶.

Коллегия не откликнулась на этот призыв, и лишь в 1783 г. в указе Екатерины II о покупке за 20 тыс. рублей библиотеки и архива самого ученого (характерно, что он отказался отдать свое собрание книг в частные руки и продал государству на таких условиях, что его коллекция книг и рукописей оказалась на хранении в Архиве) было повелено ежегодно ассигновать определенную сумму на пополнение библиотеки Архива. В результате РГАДА — наследник Архива Коллегии иностранных дел — обладает одним из ценнейших в стране книжным собранием, подлинными жемчужинами которого являются книги из библиотеки самого Миллера — редкие иностранные издания XVI—XVII вв. Что же касается типографии, то добиться ее открытия Миллеру так и не удалось. Зато он развернул активную издательскую деятельность на базе типографии Московского университета.

Среди многочисленных изданий, осуществленных им в эти годы, в первую очередь должны быть названы труды Татищева. Выше уже говорилось о татищевской оценке "Истории Сибири" (которая, впрочем, скорее всего осталась неизвестной Миллеру) и о неоднократно повторенных со страниц "Ежемесячных сочинений" призывах к изданию "Истории Российской". Следует добавить, что первый номер журнала открывался публикацией принадлежавшей перу Татищева "Краткой росписи великим князьям всероссийским". Как и другие публикации в первых номерах журнала, и она не была подписана, но в редакторском предисловии Миллер сообщал, что она составлена "некоторым ныне уже покойным знатным мужем, который в истории и географии своего отечества столь много трудился, что одно объявление его имени довольно было бы к доказанию исправности и преимущества сей росписи"⁶⁷. Эти слова были,

⁶⁶ Там же. Л. 19—19 об.

⁶⁷ Ежемесячные сочинения. 1755. Т. 1. С. 1.

конечно, понятны читателям журнала, но убедили, видимо, не всех. Нашелся некто, подвергнувший публикацию критике за отдельные неточности. "Хотя сие родословие мною не сочинено, — отвечал Миллер своему критику, — однако должность всякого честного человека того требует, чтобы защищать умерших, если несправедливо в гробах своих обесчещены бывают". И далее: "Разве мне было поправлять сочинение толь великаго человека, как был господин Татищев? И поправлять тут, где нужда того не потребовала? Столь я не дерзновенен"⁶⁸.

В 1755 г., в момент выхода в свет первого номера "Ежемесячных сочинений", Татищева уже не было в живых, но еще при жизни историка Миллер потратил немало сил, уговаривая руководство Академии купить татищевское собрание рукописей. Уговоры не подействовали, и после смерти Татищева большая часть рукописей погибла в огне пожара в его имени, породив проблему "татищевских известий". Переехав в Москву, Миллер познакомился с сыном Татищева Евграфом и получил от него для издания рукописи "Истории Российской". В 1768—1769 гг. вышли в свет подготовленные Миллером первая и вторая части первого тома "Истории", в 1773 г. — второй том, в 1774 г. — третий. В издании Миллера было немало ошибок и неточностей, за что уже в XIX в. его нередко резко критиковали, обвиняя в искажении авторского текста. Однако, как доказано исследованиями последних десятилетий, все дело было в рукописях, которыми обладал Миллер⁶⁹. Сохранилась корректура другого труда Татищева, также изданного Миллером, — примечаний к судебнику 1550 г. Этот уникальный документ позволяет судить о том, насколько принципы, декларированные Миллером в ответе неизвестному критику в 1755 г., претворялись на практике. Анализ правки Миллера показывает, что она касалась лишь тех мест рукописи, где имелись явные противоречия, и никогда не меняла смысл текста. Миллер не только издавал, но и собирал рукописи Татищева, и немало в этом преуспел. Многие сочинения Татищева известны нам сегодня лишь по рукописям, сохраненным Миллером.

Среди других изданий, осуществленных Миллером в московский период его жизни, — сборник проповедей Гавриила Бужинского (1768), разрядные записи XVII в. (1769), "Ядро Российской истории" А.И. Манкиева (1770 — Миллер неверно считал автором этого сочинения князя А.Я. Хилкова, и его ошибка была исправлена лишь С.М. Соловьевым), Степенная книга (1775), переписка Б.П. Шереметева с Петром I (1774). Ко всем изданиям Миллер делал свои примечания, вводные статьи. Особой работы потребовало издание "Географического лексикона Российской государства", составленного Ф.А. Полунинным. Автор лексикона был знаком Миллеру еще по Петербургу, где, будучи кадетом Шляхетного корпуса, Полунин сотрудничал в "Ежемесячных сочинениях" в качестве переводчика. Состав-

⁶⁸ РГАДА. Ф. 199. П. 284, ч. 1. Д. 13. Л. 1—2 об.

⁶⁹ См.: Валк С.Н. О рукописях первой части "Истории Российской" В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 68.

вив в конце 60-х годов свой лексикон — первый подобный труд в России, — Полуниев передал рукопись в типографию Московского университета и, получив назначение на должность воеводы г. Вереи, уехал из Москвы. Подготовка издания была поручена Миллеру. Историк стал не только редактором, но и соавтором словаря. Ряд статей ему пришлось переработать, а такие крупные, как "Россия", "Москва", "Петербург", Миллер написал заново. Из-за эпидемии чумы выход издания в свет задержался и осуществился лишь в 1773 г.⁷⁰

Еще одно направление издательской деятельности Миллера было связано с той помощью, которую он оказывал Н.И. Новикову. Именно Миллер предоставил Новикову для публикации в "Древней Российской вивлиофике" ряд драматических произведений конца XVII—начала XVIII в., в том числе Симеона Полоцкого, а также многочисленные документы из Архива Коллегии иностранных дел, на что было получено специальное разрешение императрицы. Уже после смерти Миллера, в 1787 г., по его рукописи Новиков осуществил издание Бархатной книги, до сих пор остающееся единственной публикацией этого ценнейшего памятника русской генеалогии конца XVII в.

Документы свидетельствуют, что историк не просто снабжал Новикова рукописями для издания, но и принимал непосредственное участие в их подготовке к публикации. Так, например, он правил копии документов, предоставленные Новикову М.М. Щербатовым. Последний был фактически учеником Миллера. Именно он рекомендовал Щербатова Екатерине II в качестве человека, способного написать историю России, помогал ему в поисках архивных документов, а также советами и рекомендациями. В предисловии к первому тому своей "Истории" Щербатов писал: "Я должен признаться, что он не токмо вложил мне охоту к познанию отечества моего; но, увидя мое прилежание, и побудил меня к сочинению оной"⁷¹. Несколько десятков неопубликованных писем Щербатова к Миллеру, охватывающих период почти в двадцать лет, хранятся в "портфелях" историка. Характеризуя эту переписку, американская исследовательница Дж. Афферика отмечала, что "резкость тона некоторых писем составляет как бы поверхностный слой, под которым остается глубокое взаимное уважение, рожденное обоюдной преданностью исторической науке, гордость людей, которые доставили просвещенному русскому читателю возможность познакомиться с поучительными уроками минувших веков"⁷².

В 1771 г. французский издатель Робине обратился к вице-канцлеру А.М. Голицыну с письмом, в котором предлагал русским ученым принять участие в дополнении нового издания "Энциклопедии" Дидро и Д'Аламбера статьями о России. О письме Робине было доложено Екатерине II,

⁷⁰ См. подробнее: *Илизаров С.С.* История создания и публикации первого русского географического словаря // *АЕ* за 1977 год. М., 1978. С. 90—97.

⁷¹ *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. XIV.

⁷² *Афферика Дж.* Переписка князя М.М. Щербатова с Г.Ф. Миллером // *Реализм исторического мышления. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского.* М., 1991. С. 272.

которая повелела Академии наук подготовить соответствующие статьи. На чрезвычайном заседании академической Конференции 17 августа 1771 г. исполнение этого приказа было возложено на Миллера. Историк активно взялся за дело, как используя свои старые работы, так и готовя новые. Распоряжение императрицы не заставило его врасплох, так как еще за несколько месяцев до этого женевский издатель Крамер через русского посла в Гааге князя Д.А. Голицына просил об исправлении статей о России в "Энциклопедии" для нового ее издания, что также было поручено Миллеру. Историк прежде всего отослал в Петербург свою работу "О народах, издревле в России обитавших". "Мое намерение, — писал Миллер в Академию наук, — при сем касалось не до одних энциклопедистов, но до всякого роду читателей, следовательно, и до тех, которые о российской истории полное понятие получить желают, следовательно, и до предбудущих российских историописателей, чтоб им подать повод к описаниям тех произхожденей, которые по сие время несколько в темноте у нас остались"⁷³. Распоряжение о написании статей для "Энциклопедии" застало Миллера в разгар работы над лексиконом Полунина. Два его листа уже были к этому времени отпечатаны, и Миллер также отослал их в Петербург для перевода на французский язык. В конечном счете участие русских ученых в "Энциклопедии" не состоялось, но ряд статей Миллером был написан, их черновики хранятся ныне в РГАДА⁷⁴.

В одном из писем Миллера вице-директору Академии наук А.А. Ржевскому, написанном в связи с работой для "Энциклопедии", историк как бы приоткрывает завесу над своей творческой лабораторией: "Я не из числа тех сочинителей, которые себя ласкают, якобы свои сочинения одним махом в совершенство привести могли. Сколь часто я оные вновь пересматриваю, то мне по моей от самолюбия отдаленной старости кажется, что подвержены многим недостаткам. Итак, я всегда в своих сочинениях много поправляю и что после найдется, к делу служащее, приписываю"⁷⁵. Действительно, многочисленные черновики сочинений Миллера, сохранившиеся и в "портфелях" РГАДА (ф. 199) и в архивном фонде Петербургского отделения Архива РАН (ф. 21), свидетельствуют о кропотливой длительной работе буквально над каждой строчкой и позволяют проследить все этапы создания его научных трудов. Первые черновики читать практически невозможно из-за бесчисленных помарок, вставок, зачеркиваний, исправлений. Вторые черновики уже чище, с них рукописи переписывались набело. Беловые рукописи Миллер вновь правил, а затем их вновь переписывали. При этом, если работа писалась по-немецки, историк всегда сам редактировал русский перевод, делая вставки и исправления, в результате которых текст подчас становился совсем иным, чем в немецком оригинале. Значительная часть работ Миллера была пер-

⁷³ РГАДА. Ф. 199. П. 150, ч. 1. Д. 24. Л. 2.

⁷⁴ Там же. Д. 24.

⁷⁵ См. с. 370–371 настоящего издания.

воначально написана на родном ему немецком языке, однако некоторые сразу же писались по-русски. Среди них книга "Известие о дворянах [Российских]", созданная в 1776 г. по заказу Екатерины II.

Архивные документы позволяют восстановить историю написания этого труда едва ли не по дням. В сборнике указов Екатерины II генерал-прокурору Сената князю А.А. Вяземскому имеется собственноручная записка императрицы: "Нет ли в Разрядном архиве какие ни на есть узаконения касательно дворянства? Второе. Какая бывали дворянские службы? Какая ныне есть и выбрать можно из Разрядной архивы доказательство на дворянство? Князеву дать приказание, чтоб он посмотрел, есть ли кто способен при Разрядном архиве, чтоб делать мог отдельные выписки, и не может ли Миллер в сем помощи делать". На обороте записки помета: "Получено 25 февраля 1776"⁷⁶. Уже на следующий день Вяземский писал Миллеру, передавая вопросы императрицы, и просил собрать сведения "из имеющихся в вашем распоряжении Архивы Коллегии иностранных дел" и, "все оное порядочно выписав", "незамедля сюда доставить"⁷⁷. Миллер отвечал письмом от 3 марта: "Вашего сиятельства милостивое ко мне письмо, отпущенное февраля 26 дня, удостоился я получить того ж февраля 29 числа по вечеру и того же часу готовился по оному по возможности моей чинить исполнение. Хотя, Ваше сиятельство, требует от меня токмо по Архиву Коллегии иностранных дел об оной материи справки, однакож, как дворянство больше ведомо в Разряде, так и по Разрядной архиве стал я собирать касающиеся до оного известия... сравнивая оные с другими, лучше изъясняется истина и одные другие пополнять могут. Как скоро, милостивый государь, сочинением моим успею, что через две недели, считая тут же и переписку набело, чиниться может, не укосню я оное вашему сиятельству доставить"⁷⁸. Ровно две недели спустя Миллер отсылает Вяземскому часть "Известия о дворянах [Российских]", сопровождая ее письмом, в котором пишет: "...преуспев нарочито в описании древнего дворянства... имею я честь сообщить Вашему сиятельству, что уже готово"⁷⁹. Затем, 4 апреля Миллер отсылает вторую часть своего труда. Наконец, 18 апреля, отмечая на пустой странице печатного "Месяцеслова" свои почтовые отправления, Миллер записывает по-немецки: "Князю Вяземскому окончание сочинения о дворянстве"⁸⁰. Таким образом, время написания книги датируется весьма точно: между 29 февраля и 18 апреля.

В "портфелях" Миллера в РГАДА хранится написанный по-русски собственноручный черновик Миллера с многочисленными помарками и исправлениями⁸¹. Здесь же и беловой список с авторской правкой на

⁷⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 464. Л. 398—398 об.

⁷⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 52. Л. 182.

⁷⁸ Там же. Л. 183—183 об.

⁷⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 191. Л. 14.

⁸⁰ Там же. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1551. Л. 51.

⁸¹ Там же. Ф. 199. П. 387. Д. 4.

полях. Сопоставление этой правки с текстом списка, отправленного Миллером Вяземскому, показывает, что значительная ее часть более позднего происхождения. Эта правка не попала и в опубликованный позднее текст книги.

История издания "Известия о дворянах [Российских]" также заслуживает внимания. Книга Миллера увидела свет через семь лет после смерти автора в частной петербургской типографии ротмистра лейб-гвардии Конного полка И.Г. Рахманинова. Издательская деятельность Рахманинова началась в 1784 г. Вступая на новое поприще, он так определял свои цели: "Моему отечеству, трудами моими по возможности доставлять полезные книги"⁸². И.А. Крылов и Г.Р. Державин вспоминали о Рахманинове как о человеке "умном и трудолюбивом" и "большом вольтерьянце": "Вольтер и современные ему философы были его божествами"⁸³. В историю русского просветительства Рахманинов вошел как один из первых в России издателей и переводчиков Вольтера. Среди изданных им книг сочинение Миллера "Известие о дворянах [Российских]" было, по-видимому, единственным непереводам. Первоначально книга вышла без указания автора и издателя на титульном листе. Позднее появился второй вариант с именами Миллера и Рахманинова и посвящением издания Екатерине II. В "Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века" утверждается, что эти изменения были внесены после поднесения книги императрице, но в 1793 г. Г.Р. Державин в письме к жене просил ее купить экземпляр книги Миллера, так как она "для ее величества надобна"⁸⁴. Таким образом, неверным оказывается и утверждение каталога о том, что книга не была в продаже. Самому Державину книга была подарена Рахманиновым. Последний был близко знаком со многими видными деятелями русской культуры XVIII в., в том числе с Н.И. Новиковым. Именно от Новикова, по мнению И.М. Полонской, Рахманинов получил рукопись книги Миллера⁸⁵. Но роль Новикова этим не ограничилась. На титульном листе книги значилось, что издателем были дополнены к сочинению Миллера "некоторые статьи". Имелся в виду ряд документов, ранее опубликованных Новиковым в "Древней Российской вивлиофике" и в приложении к "Бархатной книге". Причем по сравнению с этими публикациями некоторые документы были даны в издании Рахманинова в сокращенной, а некоторые, наоборот, в более полной редакции. Таким образом, есть все основания утверждать, что фактическим издателем "Известия о дворянах [Российских]" был Новиков.

"Известие о дворянах" суждено было оставить глубокий след в историографии. Это был не просто первый труд о русском дворянстве, но и первый труд по истории одного сословия. Само по себе появление

⁸² Полонская И.М. И.Г. Рахманинов — издатель Вольтера // Тр. ГБЛ. М., 1965. Т. 8. С. 129.

⁸³ Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 356.

⁸⁴ Державин Г.Р. Соч. СПб., 1856. Т. 5. С. 861.

⁸⁵ Полонская И.М. Указ. соч. С. 133.

подобной проблематики в русской историографии XVIII в. было явлением новым и прогрессивным, а высокий научный уровень поставил книгу в ряд выдающихся памятников исторической мысли. Ею пользовались все, кто обращался впоследствии к этой проблематике, а в самом конце XIX в. П.Н. Милоков удивлялся, как вообще подобное сочинение могло появиться в XVIII столетии⁸⁶.

Однако историю далеко не всех сочинений Миллера можно проследить по архивным документам. Так, в них нет никаких следов работы ученого над историей Пугачевского восстания. Между тем именно Миллер, как доказано специалистами, был автором статьи "Надежные известия о мятежнике Емельяне Пугачеве и затеянном им бунте", опубликованной А.Ф. Бюшингом⁸⁷. Это была первая в дореволюционной историографии попытка описания и анализа причин, хода и поражения восстания, да вдобавок предпринятая в то время, когда пугачевская тема находилась под запретом. Последнее и объясняет отсутствие в бумагах Миллера каких-либо черновиков его работы над статьей.

По-видимому, разбирая перед смертью свой архив и готовя его к передаче в Архив Коллегии иностранных дел, историк очистил его от всех документов, которые могли его скомпрометировать. Миллер-служащий был крайне осторожен даже перед лицом смерти, Миллер-ученый не мог пройти мимо интереснейшего и значительного события, очевидцем которого ему довелось быть. Историк собрал целую коллекцию материалов о Пугачеве, известную в литературе под названием "пугачевского портфеля" Миллера. В нем первоначально находилась и рукопись "Летописи" П.И. Рычкова, который, по-видимому, был главным информатором Миллера о событиях пугачевщины. Миллер публиковал сочинения Рычкова, рекомендовал его к избранию в члены Академии наук, состоял с ним в многолетней переписке. "Летопись" также была прислана ему для издания, однако осуществить его Миллеру не удалось. В ответ на предложение исправить свой труд в соответствии с требованиями цензуры Рычков отвечал: "...что я в свое сочинение вносил, сие все такая правда, которую и делами и людьми доказать можно. Не угодно ли будет его превосходительству (имелся в виду куратор Московского университета И.И. Мелиссино. — А.К.) или вам из онаго сочинить другое такую методою, как пристойно для публики. Мое пускай остается в архиве"⁸⁸. Получив такое разрешение, Миллер не преминул им воспользоваться, значительно дополнив, естественно, свой труд сведениями из других источников.

Тема народного восстания не была для Миллера случайной. Еще

⁸⁶ Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С. 105.

⁸⁷ Блок Г.П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Гвоздиков И.М. К изучению источников "Истории Пугачева" А.С. Пушкина // Двадцать седьмая пушкинская конференция: Тезисы докладов. Оренбург, 1983. С. 12—13; Белковец Л.П. К вопросу об оценке... С. 164.

⁸⁸ Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. СПб., 1867. С. 148.

в работе по истории Новгорода он коснулся темы городских восстаний, им была собрана коллекция материалов о Чумном бунте 1771 г., его позиция по крестьянскому вопросу была значительно более прогрессивной, чем у многих его современников и коллег. Более того, тщательный анализ взглядов ученого заставил Л.П. Белковец "связать само начало обсуждения крестьянского вопроса в России с именем Г.Ф. Миллера"⁸⁹ Выводы, к которым приходит исследовательница, несмотря на то что речь идет лишь о сочинениях Миллера, опубликованных за границей, свидетельствуют о роли ученого не только в развитии русской исторической науки XVIII в., но и общественной мысли. Конечно, было бы чрезмерной натяжкой говорить о какой-либо оппозиции Миллера правительству, скорее о принадлежности к наиболее передовым слоям тогдашнего русского общества. К сожалению, до сих пор недостаточно изучена обширная переписка ученого, а часть ее, например с Н.И. Новиковым, видимо, была уничтожена.

В 1775 г. Миллеру исполнилось 70 лет. К этому времени его авторитет и в России и за ее пределами был очень велик. Известный английский путешественник Уильям Кокс, чьи произведения были популярны в России в конце XVIII в., так вспоминал о своем посещении Москвы в 1779 г., где на обеде у князя М.Н. Волконского он познакомился с Миллером: "Миллер говорит и пишет свободно по-немецки, по-русски, по-французски, по-латыни и свободно читает по-английски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Он обладает до сих пор изумительной памятью, и его знакомство с самыми малейшими подробностями русской истории прямо поразительно. После обеда этот выдающийся ученый пригласил меня к себе, и я имел удовольствие провести несколько часов в его библиотеке, в которой собраны чуть ли не все сочинения о России вышедшие на европейских языках; число английских авторов, писавших об этой стране, гораздо больше, нежели я думал. Его собрание государственных актов и рукописей неоценимо и хранится в величайшем порядке"⁹⁰. Знакомство ученых не ограничилось лишь совместным обедом и приятной беседой после него: сохранилась переписка Миллера с Коксом, в которой историк отвечает на ряд вопросов коллеги по истории России, в частности, о русско-английских отношениях XVI в.⁹¹

За год до встречи с Коксом Миллер также совершил путешествие по городам Московской губернии. Поездка была санкционирована Коллегией иностранных дел и Академией наук. В результате появился цикл статей по истории Коломны, Можайска, Рузы, Звенигорода, Дмитрова, Троице-Сергиевой лавры, Саввино-Сторожевского монастыря и Переславля-Залесского, начиная с которых, по мнению современного исследователя, можно с уверенностью говорить о появлении, выделении и обособлении

⁸⁹ Белковец Л.П. К вопросу об оценке... С. 155.

⁹⁰ Коукс (Кокс) У. По России и Польше в исходе XVIII столетия // Русская старина. 1907. № 10. С. 182—183.

⁹¹ См. с. 371—373 настоящего издания.

проблемы изучения древнерусского города в отечественной историографии⁹².

Цикл статей о городах Московской губернии состоит из двух частей — путевого дневника и собственно исторических очерков о городах и монастырях. При чтении первого легко убедиться, что характер дневника сильно отличается от большинства произведений этого жанра второй половины XVIII—начала XIX в. Путевой дневник Миллера лишен экспрессивных описаний красот природы и путевых встреч, каких-либо лирико-философских или общественно-политических размышлений. Сочинение Миллера — не литературное произведение, но научный труд, составленный по определенной программе и включавший ряд обязательных компонентов. Это была та программа, которая в основном сложилась еще в Сибири, а позднее была сформулирована в инструкции переводчику Академии наук Андриану Дубровскому, отправлявшемуся в 1759 г. в путешествие по России в качестве сопровождающего одного из племянников канцлера М.И. Воронцова⁹³. Таким образом, очерки по истории городов Московской губернии, задуманные как часть историко-географического описания региона, явились результатом серьезной многолетней подготовки ученого.

Работая в Архиве Коллегии иностранных дел, Миллер немало сил потратил на воспитание кадров первых русских архивистов. Под руководством ученого приобретались профессиональные навыки архивной работы, вырабатывались принципы научного описания документов. Еще в письме к вице-канцлеру от 9 января 1766 г. Миллер писал: "Коллегия благоволит дать мне в помощь двух или трех молодых людей, кои знали бы хорошо свой язык и были бы искусны в чужестранных языках. Я могу через них оставить потомству знания, приобретенныя мною в России"⁹⁴. Таких помощников и учеников он нашел в лице М.Н. Соколовского и Н.Н. Бантыш-Каменского, уже работавших в Архиве к моменту его назначения сюда, один в должности переводчика, другой — актуариуса. Ко времени смерти Миллера они уже возглавили два департамента Архива. "Может статься, — писал Миллер вице-канцлеру И.А. Остерману за месяц до кончины, — что по моей смерти многие същутся посягателей на мое место в Архиве, ибо прежде моего времени при оной жить было очень выгодно и мало было дела. А как теперь Архив более уже не похож на инвалидный дом, и всяк, при оном находящейся, не должен никакого труда щадить, также отчасти должен иметь и знание, то я по моей совести для блага Архива и для награждения искусства и прилежности обоих сих господ не могу подать другава совета, как чтобы по моей смерти мой чин и жалованье с равным уполномочением был разделен между ими... Ибо, естли им предпочесть кого-либо другава... то сие

⁹² Илизаров С.С. Русский город глазами историков XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 154.

⁹³ См. с. 365–367 настоящего издания.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

приведет дух их в слабость и великое сделает препятствие устроению Архива к пользе Российской истории, которой мы уже имели точной опыт"⁹⁵. Это своеобразное завещание ученого было исполнено: М.Н. Соколовский, И.М. Стриттер и Н.Н. Бантыш-Каменский были назначены директорами архива. После смерти Соколовского и отставки Стриттера директором остался Бантыш, а после его смерти директором стал А.Ф. Малиновский, тоже ученик Миллера.

Уже при его жизни и благодаря ему Архив Коллегии иностранных дел наряду с Московским университетом превратился в своего рода научный и культурный центр Москвы, к которому были близки Щербатов, Новиков, Карамзин, деятели Румянцевского кружка. Изменилось отношение к работе архивиста: в начале XIX в. представители знатнейших дворянских семейств почитали за честь начать свою служебную карьеру в Архиве Коллегии иностранных дел.

Автор нескольких десятков трудов по истории России, ученый с мировой славой, которым по праву могла бы гордиться его вторая родина, Миллер не нашёл состязя, не был отмечен чинами и наградами. Лишь за два месяца до смерти историк, находившийся на русской службе уже около шестидесяти лет, получил чин статского советника и орден Св. Владимира 3-й степени. Тогда же, как уже упоминалось, именным указом Екатерины II были приобретены его библиотека и архив и оставлены на вечное хранение в Архиве Коллегии иностранных дел. 11 октября 1783 г. Миллера не стало.

* * *

Оглядываясь на путь, пройденный русской исторической наукой с начала XVIII в., мы видим прежде всего гигантские фигуры Татищева, Щербатова, Карамзина, Соловьёва, Ключевского — ученых, создавших монументальные сводные труды по русской истории. Затем, как бы на заднем плане многочисленная плеяда историков "второго эшелона", разрабатывавших отдельные частные проблемы и методы работы с определенными видами исторических источников или изучавших хронологически ограниченные периоды истории. Чем ближе к нашему времени, тем таких историков становится все больше, тем глубже и уже специализация отдельных ученых, тем все более не под силу одному человеку обобщить накопленный наукой материал.

В XVIII в., когда история русской исторической науки только начиналась, ситуация была иной, и, помещаемый во времени между Татищевым и Щербатовым, Миллер как бы проигрывал на их фоне. Его небольшие работы, разбросанные по периодическим изданиям XVIII и XIX вв. или вышедшие отдельными книжками, известными лишь библиофилам (полной библиографии трудов Миллера нет до сих пор), теряются рядом с их многотомными "Историями". Может быть, поэтому многим,

⁹⁵ РГАДА. Ф. 199. П. 389, ч. 1. Д. 2. Л. 198—198 об.

кто пытался оценить его роль в отечественной историографии, казалось, что Миллер при всем его несомненном трудолюбии был менее талантлив, менее способен к широкому обобщениям. Недобрую роль сыграло и восходящее к С.М. Соловьеву разделение ученых, работавших в XVIII в. на ниве русской истории, на две группы⁹⁶. С одной стороны, русские Татищев, Ломоносов, Щербатов, Болтин, с другой — немцы Байер, Миллер, Шлёцер. Но у подлинной науки нет и не может быть национальности, и любой, претендующий на звание историка, своими трудами попросту либо принадлежит, либо не принадлежит к ней.

Для того чтобы понять и правильно оценить истинные масштабы личности Миллера, его роль в становлении русской исторической науки, необходимо представить себе ее состояние в тот момент, когда историк начинал свою научную карьеру. Еще не только не существовало систематического изложения истории России, но не были определены ни ее предмет, ни основные проблемы, ни источниковая база. Потом появилась "История Российская" Татищева. Положив в основу своего труда несколько списков русских летописей и аналитически переработав их, он как бы поставил последнюю точку в летописном периоде русской историографии и одновременно положил начало научному ее этапу. Теперь, чтобы подняться на новый уровень обобщения и осмысления, необходимо было определить, чем и как следует заниматься, освоить принципиально новые виды источников, разработать методику их поиска, изучения, публикации и интерпретации. Необходимо было определить круг вопросов, поиск ответов на которые следовало вести в первую очередь и без разрешения которых любой сводный труд по русской истории стал бы лишь сводкой основных фактов и подражанием "Истории" Татищева⁹⁷. Иными словами, предстояла тяжелая и в определенной степени черновая работа. Именно она и выпала на долю Миллера, но это не значит, что он был просто чернорабочим в истории, как называл его П.Н. Милюков.

Начав с изучения доступных ему летописей и близких к ним источников, таких, как хронографы и Степенная книга, он постепенно расширял состав известных науке источников, вводя в научный оборот царские указы XVI—XVII вв., родословные, разрядные, записные, боярские книги и списки, десяти, актовые источники, делопроизводственные документы местных учреждений, источники по истории внешней политики. Именно Миллер привез из Сибири знаменитую Ремезовскую летопись, впервые изучил подлинный столбец с текстом Соборного уложения 1649 г., издал подготовленный Татищевым текст Судебника 1550 г. Велика заслуга Миллера и в разработке метода критического анализа источников о России иностранного происхождения. Так создавалась основа для дальнейшего развития исторической науки, и нетрудно заметить, что по существу

⁹⁶ См.: Каменский А.Б. Комментарии // Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. XVI. С. 695—696.

⁹⁷ Собственно, такого рода исторических "опытов", практически ничего не внесших в развитие истории как науки, в течение XVIII столетия появилось немало.

созданная ученым источниковая база мало отличается от той, какой располагают современные исследователи.

Многие из наблюдений Миллера, впервые примененных им приемов работы с источниками давно стали для историков привычными. Наука шагнула далеко вперед, источниковедение стало самостоятельной исторической дисциплиной, и вполне естественно, что мало кто задумывается над тем, кому принадлежит первенство в этой области, кто был истинным первопроходцем. Конечно, Миллер — не теоретик, а в первую очередь практик и даже прагматик. Сталкиваясь с новыми, неизвестными тогдашней науке видами источников, он руководствовался главным образом здравым смыслом и тем опытом европейской исторической школы, который привез с собой в Россию. Мысли о теоретическом обобщении накопленного им собственного опыта не приходили, да, по-видимому, и не могли прийти ему в голову; методология истории, ее философия волновали его лишь постольку, поскольку эпоха, в которую ему довелось жить, была пропитана духом философии Просвещения. И это вполне объяснимо, ведь перед ним было по сути безбрежное неводеланное поле, *terra incognita*, по которой ему предстояло проложить дорогу многим последующим поколениям.

Целый ряд сюжетов русской истории, лишь затронутых его старшим коллегой Татищевым, Миллер развил в специально посвященных им работах и поднял до уровня самостоятельных научных проблем и целых направлений отечественной историографии, каковой статус они сохраняют до сих пор. Таковы история русского летописания и Новгородской республики, дворянства и русского средневекового города, истоков реформ Петра Великого и Смуты, Сибири и русских географических открытий. Современному читателю, знакомому с историографией последующего времени, одни выводы, наблюдения и замечания Миллера кажутся привычными и в определенной мере каноническими, а другие — наивными и даже примитивными. Потому, наверное, и в историографических обзорах тех или иных проблем отечественной истории имя историка далекого XVIII в. появляется далеко не всегда. Сказывается и понятное стремление принять за точку отсчета более капитальный труд, и своеобразная инерция сознания, отодвигающая "норманиста" Миллера на задний план, и попросту слабое знание его работ, в первую очередь тех, что так и остались непереверденными на русский язык.

И все же, часто сами того не сознавая, мы, историки конца XX в., являемся постоянными потребителями огромного наследия, оставленного нам нашим предшественником более 200 лет назад. О начальном периоде греческой философии С.С. Аверинцев писал, что «даже блестящее творчество греческих умов на арене философии — выдвижение спорящих между собой систем, концепций и доктрин, осуществление важных частных открытий — бледнеет рядом с более уникальным их делом — с созданием самой названной "арены", которая предоставила простор для споров и открытий... Те, кто пришел позже, работали внутри философии... но

только тем, кто пришел раньше, дано было работать над выяснением самой сущности философии»⁹⁸. Заменяв в этом высказывании слово "философия" на слово "история", мы получим ясное представление о роли Миллера и его современников в становлении нашей исторической науки.

Однако значение деятельности Миллера не ограничивается лишь сферой исторической науки. Ученый прожил в России долгую жизнь. На его глазах приходили и уходили правители страны, начинались и заканчивались войны, расширялась империя, происходила смена целых исторических эпох. За эти десятилетия страна прошла огромный путь от молодого государства, лишь недавно заявившего о себе на мировой арене, до державы, без позволения которой, по хвастливому заявлению екатерининского диплома А.А. Безбородко, не могла выстрелить ни одна пушка на континенте. Большой путь прошло в своем развитии и русское общество: менялось его историческое сознание, начало складываться национальное самосознание, сформировалась новая отечественная культура – основа получившей общемировое значение культуры XIX в. И в этих процессах немалая заслуга принадлежит Миллеру.

Собственно становление исторической науки в XVIII в. неотделимо от общекультурного процесса, оно было его составной и неотъемлемой частью. Изучение исторического прошлого страны, включение его фактов в систему мировосприятия русских людей в значительной мере и составляло существо процесса формирования национального самосознания, складывания новой культурной среды. Появление любой журнальной или книжной публикации на историческую тему становилось событием не только и даже, может быть, не столько научной, сколько культурной жизни, равнозначным появлению нового литературного произведения, театральной постановки или живописной работы. Именно в это время в моду входит коллекционирование предметов старины и искусства и хранить в своей библиотеке древний манускрипт становится не менее престижным, чем быть обладателем полотна знаменитого живописца. Но слой потребителей новой культуры был еще очень узок, а занятия историей еще не стали делом лишь профессионалов. И потому исторические сюжеты и даже попытки собственных исторических разысканий занимали важное место в творчестве литераторов В.П. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и Я.Б. Княжнина, императрицы Екатерины II, издателя Н.И. Новикова и вельможи А.Р. Воронцова.

Миллер на протяжении ряда десятилетий был полноправным членом этого культурного сообщества, был близко знаком и с высшими должностными лицами империи, и с учеными, писателями, деятелями искусства. Его статьи по истории России, печатавшиеся в "Ежемесячных сочинениях", документы, которые он издавал сам или предоставлял для "Древней Российской вивлиофики" Новикова, были рассчитаны на ту же аудиторию,

⁹⁸ *Аверинцев С.С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 46.

что и комедии Сумарокова и Фонвизина, оды Державина, портретные произведения Рокотова и Боровиковского. Русские люди читали их с той же жадностью, что и книги Вольтера или статьи о рациональном ведении хозяйства, публиковавшиеся в "Трудах Вольного Экономического собрания". Они знакомили читателей с историей их отечества, пусть еще не полной и отрывочной, но уже написанной на уровне требований тогдашней исторической науки. Многие читатели этих миллеровских работ именно из них впервые узнавали и о существовании несметных документальных богатств, и о целых периодах русской истории, и о конкретных ее эпизодах и фактах. Так постепенно восстанавливались в большой мере порванные на рубеже XVII–XVIII вв. связи русского общества с его историческим прошлым, заполнялись "белые пятна" в сознании людей.

Прошло время и появились исторические труды Щербатова, Болтина, Карамзина. Работы Миллера начали забываться, отошли на второй план, стали частью истории исторической науки. Но его наследием, той базой, которую он заложил для будущих поколений, продолжали и продолжают пользоваться. Так, ученики Миллера в Архиве Коллегии иностранных дел на основе его материалов составили статью по истории московских приказов XVI–XVII вв. Однако, не обладая знаниями своего учителя, они допустили ряд ошибок и создали этим проблему, над решением которой долго бились их последователи, полагавшие, что статью написал сам Миллер⁹⁹. Другую проблему для будущих историков создал Карамзин, также воспользовавшийся миллеровскими материалами, но не посчитавший нужным об этом упомянуть¹⁰⁰. Впоследствии подобная практика стала обычной, и, например, Ключевский без всяких ссылок на источник воспроизводил данные Миллера из его "Известия о дворянах [Российских]". О "портфелях" же Миллера постепенно стали складываться легенды. Так, знаток древнерусского искусства П.Д. Барановский несколько десятилетий назад обмолвился, что видел в них копию надписи с могильной плиты Андрея Рублева, и с тех пор ее безуспешно ищут искусствоведы¹⁰¹. А сотрудники РГАДА любят рассказывать, что один их бывший коллега говорил, будто нашел в "портфелях" список "Слова о полку Игореве"...

Незадолго до своей смерти, обращаясь к императрице с просьбой о пожаловании недвижимого имения, Миллер писал о своих сыновьях: "А дети мои, коих я воспитал для услужения отечеству – и действительно они служат капитанами – прямые будут сыны отечества..."¹⁰² Историк не ошибся: его обрусевшие потомки и поныне живут в России.

⁹⁹ См.: Каменский А.Б. Изучение истории государственных учреждений Московской Руси во второй половине XVIII в. // Ист. зап. М., 1982. Т. 108. С. 259–272.

¹⁰⁰ См.: Каменский А.Б. Две новгородские надписи из "Портфелей Г.-Ф. Миллера" // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 109–113.

¹⁰¹ См.: Брюсова В.Г. Спорные вопросы биографии Андрея Рублева // Вопр. истории. 1969. № 1. С. 35–48.

¹⁰² Цит. по: Белковец Л.П. К вопросу об оценке... С. 162.

* * *

Научное наследие Миллера обширно и тематически разнообразно, что обусловило сложности отбора его произведений для данного издания. По существу какая бы из миллеровских работ ни была включена в сборник, она наверняка привлекла бы внимание и специалистов, и всех интересующихся историей России. Однако составитель руководствовался прежде всего мыслью о том, что эта книга призвана положить начало возможно долгому и непростому возвращению Миллера к читателю. И потому в первую очередь необходимо показать широту его научных интересов, разнообразие как используемых им источников, так и методов работы с ними. Включенные в сборник работы, как представляется, отвечают этой задаче. Они относятся к разным периодам долгой творческой жизни историка и потому дают представление и о его эволюции как исследователя.

При подготовке работ Миллера для настоящего издания составитель столкнулся и с рядом трудностей археографического характера. Это вызвано в первую очередь тем обстоятельством, что за основу публикации взяты в одном случае рукописи XVIII в. (иногда правленные рукой самого историка, а иногда представляющие собой беловые переводы его сочинений) или прижизненные издания. В другом случае – это публикации XIX в., представляющие собой новые переводы миллеровских текстов, при жизни историка на русский язык не переводившиеся. Наконец, в третьем – переводы с французского и немецкого языков, специально выполненные для этого сборника.

При передаче текстов, восходящих к XVIII в., составитель руководствовался правилами издания исторических документов этого периода. Орфография подлинника сохранена, не употребляемые в наше время буквы заменены на современные, знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами, осуществлено смягчение звонких согласных в словах типа "больше", "меньше"; в ряде случаев для удобства восприятия текста потребовалась дополнительная разбивка его на предложения и абзацы. При подготовке к изданию исправлены очевидные описки и опечатки. Вместе с тем, поскольку рукописи Миллера переписывались разными людьми, возможно различное написание одних и тех же слов и личных имен, например: "Димитрий" – "Дмитрий", "Витовт" – "Витофт", "Федор" – "Феодор" и т.д. В подобных случаях сохранена орфография подлинника. Когда же разное написание одних и тех же слов встречается в пределах текста одного сочинения, проведена унификация, причем за основу взято написание, более близкое к современному. Так, например, слова "русский" и производные от него печатаются с двумя буквами "с". Аналогично обстоит дело с использованием прописных и строчных букв. В большей части публикуемых текстов в соответствии с традицией XVIII в. имена собственные и географические названия выделены курсивом, однако и тут обнаруживается определенная непоследовательность.

При публикации курсив сохранен и также проведена унификация его употребления.

Рукописи, правленные рукой Миллера, содержат многочисленные поправки, вставки на полях и над строкой, специально в публикации не оговоренные. Исключение составляют вымаранные автором отрывки текста, несущие смысловую нагрузку и иногда исключенные Миллером по цензурным соображениям. Такие отрывки даны в подстрочных примечаниях. В публикуемом тексте в квадратных скобках вставлены специально не оговариваемые слова, пропущенные переписчиком или отсутствующие в рукописи в силу ее дефектности. Также в квадратных скобках в целях унификации в ряде случаев раскрыты встречающиеся в тексте сокращения.

В некоторых публикуемых работах имеются авторские подстрочные примечания и библиографические ссылки. Последние, как правило, не соответствуют современным представлениям об оформлении библиографических ссылок, причем нередко они существенно различаются и между собой. Так, например, ссылаясь на иностранные издания, Миллер в одних случаях обозначает номера страниц латинской литерой "р", а в других – русским словом "страница". В издании миллеровское оформление ссылок сохранено, поскольку это также является ценной иллюстрацией техники научной работы исследователя XVIII в.

При передаче текстов, восходящих к публикациям XIX в. или вновь переведенных для данного издания, использовались современная орфография и пунктуация.

* * *

На протяжении многих лет работы над изучением творческого наследия Г.Ф. Миллера, а затем и на начальном этапе подготовки этого издания составитель пользовался поистине бесценными советами и рекомендациями профессора А.Л. Станиславского (1939–1990), о котором хранит благодарную память. Идея подготовки сборника с самого момента ее зарождения была поддержана чл.-кор. РАН В.И. Бугановым, неизменно оказывавшим содействие книге на всем ее долгом пути к печатному станку и своей работой в качестве ответственного редактора немало сделавшим для ее совершенствования. Издание это не могло бы появиться на свет и без помощи сотрудников Российского государственного архива древних актов, хранящих бесценные "портфели" Миллера. Всем им, и прежде всего М.П. Лукичеву и Ю.М. Эскину, а также оказавшим помощь в составлении примечаний В.А. Бронштэну и В.Е. Юровскому составитель выражает искреннюю признательность.

А.Б. Каменский

Настоящее издание подготовлено к печати А.Б. Каменским. Им же написана статья, составлены примечания и Указатель имен. Примечания к статьям "Описание морских путешествий" и "Известия о новейших кораблеплаваниях" написаны О.М. Медушевской. Статья "Описание Коломны" переведена с немецкого Е.Е. Рычаловским, письмо Миллера к У. Коксу переведено с французского В.А. Бронштэном.

ПРИМЕЧАНИЯ

О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных

Печатается по: Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Т. I. С. 275–298.

¹ Имеется в виду В.Н. Татищев, писавший в "Истории Российской": "По обстоятельствам же видно, что он [Нестор] не со слов, но с каких-либо книг и писем из разных мест собрав и в порядок положил..." (*Татищев В.Н. История Российская*. М.; Л., 1962. Т. I. С. 96). Позднее А.Л. Шлецер отрицал существование летописной традиции на Руси до Нестора. Однако исследованиями А.А. Шахматова справедливость мнения Татищева и Миллера была полностью доказана.

² Богемцы – жители Богемии. Так с 1526 по 1918 г. называлась Чехия, входившая в состав Австро-Венгерской империи.

Венеды – древнейшее название славян, встречающееся у Геродота, Плиния Старшего, Тацита, Птолемея и других античных авторов, согласно которым венеды заселяли территорию от р. Одры на Западе до водораздела Днепра и Оки на востоке и между Балтийским морем на севере и Прикарпатьем на юге. Во второй половине XI – начале XII в. на побережье Балтийского моря между устьями рек Лабы и Одры существовало государственное объединение полабских славян, так называемая Вендская держава.

Иллириане, иллирийцы – общее название группы индоевропейских племен, населявших в древности северо-запад Балканского полуострова от побережья Адриатического моря до Дуная.

³ Стрыйковский Мацей (Матвей) (1547 – после 1582) – польский историк XVI в., автор "Хроники Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси" – сочинения, получившего широкое распространение в России со второй половины XVII в.

⁴ В "Преддзвездении" к "Истории Российской" Татищев перечислил восемь известных ему "русских историй", послуживших источником его труда (см.: *Татищев В.Н. История Российская*. М.; Л., 1962. Т. I. С. 84).

⁵ Первый том "Истории Российской" был издан Миллером в 1768 г.

⁶ Патерик Печерский – Киево-Печерский патерик – сборник произведений агрографического характера, состоящий из рассказа об основании Киево-Печерского монастыря, Жития Феодосия Печерского, написанного Нестором, двух монашеских посланий и рассказа о двадцати шести печерских черноризцах. Сложился в течение XIII–XIV вв. и дошел до нас в редакциях – тверского епископа Арсения 1406 г. и монаха Печерского монастыря Кассиана 1460–1462 гг.; впервые опубликован в Киеве в 1661 г. Это издание было воспроизведено в 1678 и 1702 гг., последним и пользовался Миллер.

⁷ Четьи Миней (Великие Миней Четьи) – свод древнерусских оригинальных и переводных памятников (в основном житийных и риторических) церковно-учительного и исторического характера, рассчитанный на годичный "круг чтения" из 12 книг по числу месяцев. Создан в первой половине XVI в. по инициативе митрополита Макария.

⁸ В 1732 г. Миллер опубликовал в "Sammlung Russischer Geschichte" отрывок из "Повести временных лет", переведенный на немецкий язык И.В. Паусом. При этом переводчиком была допущена ошибка, о которой и сообщает Миллер. Версия об авторстве Феодосия сохранялась в течение некоторого времени, в особенности на Западе, где публикация 1732 г. была хорошо известна.

⁹ Расчеты Миллера основаны на Студитском общежительном уставе, созданном в IX в. греческим церковным деятелем Федором Студитом и введенном в Киево-Печерском монастыре Феодосием Печерским. Согласно уставу каждый будущий монах должен был прожить год в монастыре в качестве послушника.

Вывод Миллера о дате рождения Нестора противоречил взглядам Татищева, который считал, что Нестор родился в 1040 г. Уже в XX в. точка зрения Миллера была поддержана

М.Д. Приселковым (см.: *Приселков М.Д.* Нестор-летописец. Пб., 1923. С. 9), однако современные исследователи более осторожны и относят рождение Нестора к 1050-м годам (см.: *Творогов О.В.* Нестор // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* М., 1987. Вып. 1. С. 274–278).

¹⁰ Владимир в Волины – город на Западной Украине, в 988–1336 гг. столица Владимиро-Волинского княжества.

¹¹ Тмутаракань (Тмутаракань) – так в X–XII вв. называли Таманский полуостров, где находилось Тмутараканское княжество со столицей Тмутаракань (современная станица Таманская).

¹² Ср.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 9/10. С. 126.

¹³ Ср.: Там же. С. 149.

¹⁴ Согласно Лаврентьевской летописи Сильвестр стал епископом Переяславля в 1118 г. (см.: Там же. М., 1962. Т. I. Стб. 291).

¹⁵ Вопрос об истории составления "Повести временных лет" и роли в ней Нестора и Сильвестра остается дискуссионным до сих пор. По мнению А.А. Шахматова, Сильвестр был составителем так называемой второй редакции "Повести временных лет" (*Шахматов А.А.* "Повесть временных лет". Пг., 1916. Т. I. Примечания. С. II, X–XXI, XXVI–XXVII). Приселков считал, что Сильвестр переработал заключительные статьи "Повести временных лет" (*Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 42, 43), а А.Г. Кузьмин фактически приписывает Сильвестру работу, традиционно относимую к Нестору (*Кузьмин А.Г.* Начальные этапы русского летописания. М., 1977. С. 152–167).

¹⁶ Речь идет о Русской Правде – старейшем памятнике древнерусского права, которую Миллер знал, по-видимому, по Софийской I летописи, где под 1019 г. говорится, что после победы над киевским князем Святополком Окаянным новгородский князь Ярослав Мудрый отпустил своих воинов, дав "Правду" и "Устав".

¹⁷ Имеется в виду Троицкая редакция Никоновской летописи, которую Миллер знал по рукописи, поступившей в академическую библиотеку в 1741 г. от Феофана Прокоповича (ныне: БАН. 17.2.5). С этой рукописью был знаком и Татищев, для которого с нее была снята копия.

¹⁸ Имевшийся у Татищева список летописи до нас не дошел. По мнению некоторых исследователей, именно к нему восходит ряд так называемых татищевских известий, не имеющих аналогов в других источниках.

¹⁹ Миллер имеет в виду так называемую Радзивилловскую летопись. Подлинник ее спустя три года после опубликования статьи Миллера был захвачен в качестве трофея в Семилетней войне и в 1767 г. издан (ныне: БАН. 34.5.30).

²⁰ Миллер имеет в виду книгу: *Philips J.C.* Oude en nieuwe Staat Van't Rusland op Moscovische Keizerryk Histore van Rusland... t'Utrecht, 1744.

²¹ В 1635 г. в Киево-Печерской типографии были напечатаны на польском языке труды С. Косова "Exegesis" и "Patericon".

*Предложение, как исправить погрешности,
находящиеся в иностранных писателях,
писавших о Российском государстве*

Печатается по: Ежемесячные сочинения, к пользу и увеселению служащие. СПб., 1757. Т. I. С. 224–231.

¹ Миллер имеет в виду свою статью "О первом летописателе Российском преподобном Несторе..."; см. с. 5–14 настоящего издания.

² Сочинения П.И. Рычкова "История Оренбургская" и "Топография Оренбургская" были изданы Миллером в "Ежемесячных сочинениях" соответственно в 1759 и 1762 гг.

³ Начало исполнения предложенного Миллером плана было положено им самим. Еще в 1755 г. в "Ежемесячных сочинениях" были опубликованы его статьи "Сумнительства, касающиеся до Российской истории" и "Рассуждение о двух браках, введенных чужеземными писателями в род великих князей всероссийских", посвященные разбору ошибок иностранных авторов. В мартовском номере журнала за 1757 г. была опубликована статья

"Поправки погрешностей, учиненных господином де Бюфоном в первой части *Натуральной его истории* при объявлении о разных странах и местах Российского государства". Автор статьи неизвестен, но ее содержание дает основание утверждать, что им также был Миллер.

*Описание морских путешествий по Ледовитому
и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных*

Печатается по: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Т. 1. С. 3–27, 99–120, 195–212, 291–325, 387–409; Т. 2. С. 9–32, 99–129, 195–232, 309–336, 394–424.

¹ Особенностью публикуемых трудов Миллера по истории российских географических открытий ("Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных" и "Известии о новейших кораблеплаваниях по Ледовитому и Камчатскому морю с 1742 года, то есть по окончании второй Камчатской экспедиции. Часть из истории государства великия императрицы Екатерины Вторья") является использование автором широкого круга подлинных первоисточников, как нарративных и документальных, так и картографических. Некоторые из анализируемых им карт публиковались в последующее время, другие сохранились в архиве самого Миллера, Архиве Академии наук, государственных учреждений России XVIII в. Наиболее полным изданием картографических документов по истории российских географических открытий XVII–XVIII вв. является "Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-западной Америке XVII–XVIII вв." (М., 1964) (далее: Атлас географических открытий). По ходу изложения истории российских сухопутных экспедиций и морских плаваний при упоминании Миллером конкретных географических объектов в данной публикации даются далее ссылки на те "чертежи" землепроходцев и карты геодезистов и ученых, которые позволяют лучше понять интерпретацию их Миллером, его аргументацию в полемике, постепенное уточнение географических и картографических представлений. Среди них "чертежи", отражающие маршруты С.И. Дежнева, походов на Чукотский полуостров и Камчатку, карты первой и второй Камчатских экспедиций В. Беринга, карты французского астронома Ж.Н. Делиля, предложенные им для участников экспедиции В. Беринга и А.И. Чирикова к берегам Америки, карты побережья Ледовитого океана, плаваний на Куриль и к берегам Японии, к Алеутским островам и др.

² "Анианский пролив" – термин, отражавший общее предположительное представление о том, что между материками Азии и Америки имеется свободный морской путь. Встречается на карте Мира Зальтерио 1566 г. "Streto de Anian" (см.: Атлас географических открытий. № 14), на амстердамской карте плаваний В. Баренца 1598 г. "Estrecho de Anian" (Там же. № 23).

³ Сообщение о плавании голландских кораблей "Кастриком" и "Брескес" в 1643 г. в регионе Восточно-Китайского и Японского морей Миллер взял из книги голландского ученого Н. Витсена. В свою очередь труд Витсена "О Северной и Восточной Тартарии" был основан на широком круге источников. К плаванию "Кастрикома" Миллер обращается неоднократно.

⁴ Ф. Дрейк – английский мореплаватель, руководитель ряда плаваний в Вест-Индию, в 1577–1588 гг. совершил кругосветное путешествие.

⁵ Французский мореплаватель Мартин д'Агиллар прошел на северо-западном побережье Америки севернее мыса Blanco. На карте Ж.Н. Делиля 1733 г. отмечен открытый им залив ("Entrée Decouverte par Martin d'Agillar") (см.: Атлас географических открытий. № 78).

⁶ Известия о плаваниях греческого морехода И. де Фука и испанского адмирала де Фонте были сообщены Ж.Н. Делилем в его докладе Французской Академии наук 1750 г. и в его книге и карте (см.: *De l'Isle J.N. Nouvelles cartes des découvertes de l'Amiral de Fonte et autres navigateurs Espagnols, Portugais, Anglois, Hollandoirs, François et Russes dans la mer Septentrionales avec leur explication.* Paris, 1753).

⁷ Первая Камчатская экспедиция (1725–1730 гг.) была первой крупной морской научной экспедицией России, организованной по указу Петра I. Инструкция главе экспедиции капитану Витусу Берингу была написана Петром I 6 января 1725 г. (см.: Экспедиция Беринга: Сб. документов / Под ред. и со вступ. ст. А.А. Покровского. М., 1941).

⁸ Ф.М. Апраксин – первый генерал-адмирал русского флота, с 1717 г. – президент Адмиралтейств-коллегии.

⁹ Работая в составе академического сухопутного отряда второй Камчатской экспедиции в городах Сибири, Миллер нашел в якутском архиве уникальные документы о походе С.И. Дежнева 1647–1648 гг. Миллер изучил документы, собрал свидетельства бывалых людей и впоследствии ввел новые данные в научный оборот.

¹⁰ Моржовый зуб – моржовые клыки.

¹¹ Сохранилась рукописная карта, по-видимому, составленная Миллером, на которой представлены пути из Якутска на Чукотку и к устью реки Анадырь. Надписи по-латыни. Показаны, в частности, "острова зубатых" – *Insulae dentatorum*, – что соответствует рассказам землепроходцев, упоминаемым Миллером, о "зубатых людях". Название возникло из-за обычая аборигенов украшать лицо изделиями из моржового клыка, в том числе и прорезывающая для этого губы. Карта опубликована: Атлас географических открытий. № 79. Эти данные позднее использовались на академических картах данного региона.

¹² Документы, найденные Миллером и введенные им в научный оборот, сохранились и исследуются учеными (см.: *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971).

¹³ Миллер обращается к вопросу о том, что в действительности представляет собой остров, или "Большая земля", которая ошибочно показана на некоторых картах в Ледовитом океане, недалеко от устьев рек Яны и Колымы. Устные свидетельства о некой Большой земле в этом месте сообщил в Петербурге в 1726 г. якутский казачий голова А. Шестаков, и по его известиям было составлено несколько карт. Одну из них имел в своем распоряжении Ж.Н. Делиль, от которого данное представление перешло в западноевропейскую картографию. Миллер, полемизируя с Делилем, привлекает свидетельства полярных мореходов и землепроходцев, высказывает свое мнение о том, что Большой земли в указанном месте нет.

¹⁴ Сам-третей – втроем, с двумя товарищами.

¹⁵ Д.А. Траурнихт – якутский воевода с 1697 г. Ему предписывалось способствовать выяснению вопроса, возможно ли пройти из устья Лены морским путем в Тихий океан (см.: *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971).

¹⁶ Миллер переходит к открытой полемике с Ж.Н. Делилем и французским картографом Ф. Бюашем, на картах которых Большая земля представлена против устья Колымы (*Buache Ph.* *Considérations géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au Nord de la Grande Mer, appelée vulgairement la Mer du Sud.* Paris, 1753).

¹⁷ Ж.Н. Делиль был профессором Петербургской Академии наук в 1726–1747 гг. Во время подготовки второй Камчатской экспедиции Делиль подготовил карту, обобщив те известия, которыми располагала западноевропейская картография о северо-востоке Азии, северо-западе Америки и разделяющем их океане. Делиль использовал также русские источники, в том числе данные А. Шестакова о Большой земле на севере. При отъезде из России он имел с собой значительное собрание материалов, копий документов и карт. См.: *Golder F.A.* *Russian expansion on the Pacific.* 1641–1850. Cleveland, 1914; *Андреев А.И.* Очерки по историко-географии Сибири. М.; Л., 1985. Вып. 2.

¹⁸ Среди материалов, имевшихся в распоряжении Ж.Н. Делиля в Петербурге, была карта, составленная по известиям якутского казачьего головы А. Шестакова, бывшего в Петербурге в 1726 г. На этой карте к северу от Чукотского полуострова показана "Большая земля" (см.: Атлас географических открытий. № 68). Возможно, что не вполне определенные сведения о Большой земле, населенной людьми и имеющей разнообразную флору и фауну, в действительности относились к Аляске (см.: *Берг Л.С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946). Для Миллера в его труде важно было развеять неверные представления о наличии Большой земли в Ледовитом океане, поскольку это, в свою очередь, было связано с главной проблемой – возможностью свободного плавания Северным морским путем.

¹⁹ *Avril Ph.* *Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Avec une description de la Grande Tartarie et les différents peuples, qui l'habit.* Paris, 1697.

²⁰ Карта якутского дворянина Ивана Львова опубликована (см.: Атлас географических открытий. № 55). Одна из первых русских карт, на которых на основании конкретных дан-

ных показаны Чукотский полуостров, острова Диомиды, Аляска (в виде огромного острова). Надписи сообщают об образе жизни живущих в этом регионе людей.

²¹ Ганноверский резидент Ф. Вебер был в России в 1714–1720 гг. (*Weber F. Das veränderten Russlands. Hannover, 1738. Т. 3.*)

²² Миллер обращает внимание на общность в обычаях народов, живущих в отдаленных друг от друга регионах. Он ссылается на свидетельства Марко Поло, который, изучив монгольский язык, получил ценные сведения о народах Азии, их образе жизни; по возвращении Поло в Венецию в 1292 г. эти сведения вошли в западноевропейскую географическую литературу. Миллер опирается также на данные Н. Витсена из его книги "О Северной и Восточной Тартарии".

²³ *De l'Isle J.N. Nouvelles cartes des découvertes de l'Amiral de Fonte et autres navigateurs... Paris, 1753; Buache Ph. Considérations géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au Nord de la Grande Mer, appelée vulgairement la Mer du Sud. Paris, 1753.*

²⁴ Старший брат Ж.Н. Делиля – знаменитый французский ученый, картограф Гийом Делиль.

²⁵ Историю исследования Камчатки и островов Миллер освещает по материалам, собранным им во время работы в якутском и других сибирских архивах, а также позднее полученных из Большерецкой, Нижнекамчатской и Охотской канцелярий.

²⁶ Избрант Идес – глава русского посольства в Китай для возобновления дипломатических и торговых отношений (1693–1695 гг.), описавший свое путешествие.

²⁷ Накопление сведений о Камчатке нашло отражение в чертежах конца XVII – начала XVIII в. Чертеж Камчатки Ремезова–Атласова см.: Атлас географических открытий. № 48; см. также № 47, 49.

²⁸ Ф.И. Страленберг (Табберт фон Страленберг) попал в Сибирь с другими шведскими военнопленными в ходе Северной войны. За годы пребывания в Сибири (1711–1721 гг.) изучал ее географию, этнографию, составлял карты. По возвращении на родину издал труд, ставший важным источником для западноевропейской науки (*Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord und Östliche Teil von Europa und Asia insoveit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der Grossen Tartarey in sich begreiffet. Stockholm, 1730. Рус. пер.: Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л., 1985. Ч. 1–2.*)

²⁹ Чертежи Камчатки и близлежащих островов конца XVII–начала XVIII в. опубликованы (см.: Атлас географических открытий. № 48, 49). Чертеж походов И. Козыревского 1713 г. См.: Там же. № 50.

³⁰ *Kampfer E. The History of Japan. London, 1727.*

³¹ Путешествие голландского корабля "Кастриком" излагается Миллером по известиям книги Н. Витсена "О Северной и Восточной Тартарии", вышедшей первым изданием в Амстердаме в 1692 г. Миллер много работал с трудом Витсена. Представления о "Земле Езо" были распространены в западной картографии. Опираясь на них, Ж.Н. Делиль на своей карте 1733 г., предложенной для руководства второй Камчатской экспедиции, расположил этот неопределенный географический объект между Камчаткой и "Островами Японии" (см.: Атлас географических открытий. № 78). В ходе второй Камчатской экспедиции были получены научные данные о регионе. Зная о сильной вулканической деятельности в нем, Миллер высказал предположение о том, что очертания островов, принятые в XVII в. за "Землю Езо", могли измениться.

³² Я.А. Ельчин (Елчин) – полковник, якутский воевода, организовавший по указаниям сибирского губернатора М.П. Гагарина ряд экспедиций из Якутска на Камчатку (1713–1716 гг.). См., например: "Карта якутская и Камчатскому мысу и прежнему пути на Камчатской мыс, тако ж и новой" (Атлас географических открытий. № 56). На ней показан маршрут "Большого Камчатского наряда" Елчина. См. также: *Греков В.И.* Очерки по истории русских географических открытий и исследований 1725–1765 гг. М., 1960.

³³ Штраленберг – Страленберг, см. примеч. 28.

³⁴ Сибирский губернатор М.П. Гагарин в 1721 г. был казнен за злоупотребления властью и хищения.

³⁵ Экспедиция геодезистов Ивана Евреиннова и Федора Лужина (1719–1721 гг.) была направлена для исследования Курильских островов, которые были ими нанесены на карту. В

1722 г. карта была представлена Евреиновым Петру I и получила одобрение. См.: Русские открытия на Тихом океане и в Северной Америке в XVIII в.: Сб. документов / Под ред. А.И. Андреева. М., 1948; Атлас географических открытий. № 61.

³⁶ Первая Камчатская экспедиция (1725–1730 гг.) освещена Миллером по тем источникам, которые были в его распоряжении. Среди них, по-видимому, была Краткая реляция – отчет Беринга, представленный им в Адмиралтейств-коллегию по возвращении 10 февраля 1730 г., вместе с отчетом, а также вахтенный журнал бота "Св. Гавриил" и карта. Однако итоговая карта и журнал не были в то время глубоко изучены. Введение в научный оборот вахтенного журнала экспедиции и его анализ с использованием достижений современной науки, а также моделирование плавания дали возможность более полно оценить сделанные открытия и их значение. См.: *Сопоцко А.А.* История плавания В. Беринга на боте "Св. Гавриил" в Северный Ледовитый океан. М., 1989.

³⁷ На изложение результатов первой Камчатской экспедиции Миллером могло оказать влияние то, что Адмиралтейств-коллегия, вначале положительно оценив ее итоги, в 1738 г. пришла к мнению, что полностью своей задачи экспедиция не выполнила (см.: Экспедиция Беринга: Сб. документов / Под ред. и со вступ. ст. А.А. Покровского. М., 1941).

³⁸ Более полно морской поход М. Гвоздева и И. Федорова к островам Диомиды по маршрутам Первой экспедиции Беринга прослеживается по их рапортам и картам. См.: *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.

³⁹ Карту Ж.Н. Делиля см.: Атлас географических открытий. № 78. Она имеет следующее название: "Carte, representant la situation et la distance de la Tartarie Orientale jusquaux terres les plus voisines de l'Amerique. Dressee pour la conduite des nouvelles navigations que l'on entreprendra sur ces Mers".

⁴⁰ Доклад Ж.Н. Делиля Парижской Академии наук 8 апреля 1750 г. о новейших морских экспедициях, предпринятых с целью отыскания пути из Атлантического океана в Тихий, и экспедиции адмирала В. де Фонтене, совершившего плавание из Перу для открытия морского пути из Атлантики в Южное и Тартарское моря.

⁴¹ Включению Миллера в состав второй Камчатской экспедиции способствовали обер-секретарь Сената, ученый и картограф И.К. Кирилов и капитан В. Беринг.

⁴² Участники второй Камчатской экспедиции – академики и адъютанты Академии Миллер, И.Г. Гмелин, Л. Делиль де Ла Кройер, Г.В. Стеллер, И.Э. Фишер, С.П. Крашенинников, Я.И. Линденау – вели огромную переписку разностороннего содержания и имеющую большое значение (см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2).

⁴³ *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. Спб., 1755. Миллер заканчивал издание труда Крашенинникова и написал для него биографию ученого. Большое научное наследие Г.В. Стеллера, в том числе его описание морского путешествия к берегам Америки, описание Камчатки, его записки, дневники, рапорты, переписка полностью еще не изданы. Об этом см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965.

⁴⁴ В результате работ северного отряда второй Камчатской экспедиции был обследован и картографирован огромный регион Восточной Сибири и берегов Ледовитого океана. См.: "Карта от города Иакуцка реки Лены, Алдана, Май и Юдомы до судовой пристани Юдомского креста, в которой положена опись и реки Урака и часть берегов Пенжинского моря з журналов штурмана Дементьева 1737 г." (Атлас географических открытий. № 92), "Генеральная карта сочинена с разных карт от А до В описи Муравьева и Павлова, от В и С описи лейтенантов Малыгина и Скуратова, от С до D и Енисея описи Овцына, от Енисея до Е штурмана Стерлигова, от Е до F штурмана Челюскина и геодезиста Чекина, от F до Чукоцкого берега описи Лаптева. В Морской Академии 1742 года" (Там же. № 91), "Генеральная карта второй Камчатской экспедиции с маршрутами следования судов В. Беринга и А.И. Чирикова 1741 г., М. Шпанберга, составленная в 1742 г. (Там же. № 93).

⁴⁵ *Histoire généalogique des Tatars. Traduit du manuscrit tartare d'Abulgasi – Bayadur – Chan.* Avec les cartes géographique. Leyden, 1726.

⁴⁶ Английский капитан Д. Вуд (Wood) в 1676 г. предполагал открыть морской путь в Ост-Индию через северо-восток, плывя к Новой Земле и далее "к Татарии и Японии". Один из кораблей разбился у берегов Новой Земли, второе судно подошло к месту аварии через

10 дней (см.: Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1936. Т. 1, вып. 2).

⁴⁷ Миллер стремился показать практическую невозможность свободной навигации Северным морским путем из-за суровости климата и состояния ледовой обстановки у побережья Ледовитого океана. Однако ему не удалось убедить в этом своих оппонентов. После опубликования данного труда Миллера дискуссии вспыхнули с новой силой. Северный морской путь остался центральной проблемой и второго труда Миллера – "Известия о новейших мореплаваниях..."

⁴⁸ Карты плаваний М. Шпанберга от Охотска до Большерецка, на Курильские острова и в Японию 1736–1739 гг. см.: Атлас географических открытий. № 105; карту Курил капитана Вальтона – Там же. № 104; сводную карту по данным Шпанберга, Вальтона и Шхельтинга – Там же. № 106.

⁴⁹ См. примеч. 30.

⁵⁰ Атлас Российский императорской Академии наук. СПб., 1745.

⁵¹ И.К. Кирилов – создатель Генеральной карты Российской империи, Атласа Российского 1734 г. и ряда географических и экономических трудов. Использовал данные Ф. Страленберга (*Strahlenberg Ph.J. Das Nord und Östliche Teil...* Stockholm, 1730).

⁵² Д'Анвиль – французский географ, использовавший, в частности, карту В. Беринга 1730 г. Эта карта и отчет В. Беринга опубликованы в труде Дюгальда (*Du Halde J.B. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise.* Paris, 1735).

⁵³ *Buache Ph. Considérations géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au Nord de la Grande Mer, appelée vulgairement la Mer du Sud.* Paris, 1753.

⁵⁴ Карта Японии Беллина была получена Миллером в 1753 г., и на ее основании он вносил дополнения в свою уже готовую карту. О карте Беллина см. также: *Golder F.A. Bering's voyages.* New York, 1925. Vol. 2. P. 101.

⁵⁵ Л. Делиль де Ла Кройер – французский астроном и географ.

⁵⁶ Карта Ж.Н. Делиля, выполненная для ориентирования второй Камчатской экспедиции.

⁵⁷ См.: Атлас географических открытий. № 78.

⁵⁸ Понски "Земли Езо", которую Делиль расположил между Камчаткой и "Островами Японии". На карте Делиля надписи: "Terre d'Eso"; "Terre de la Compagne"; "Terres vues par Don Jean de Gama"; "I. des Etats" ("Земля Езо"; "Земля Компани"); "Земли, виденные Ж. де Гама"; "Остров Шгатов". – Атлас географических открытий. № 78).

⁵⁹ Итоговая карта, показывающая маршруты Беринга и Чирикова и их открытия 1741 г. Завизирована сибирским губернатором Д. Чичериным. См.: Атлас географических открытий. № 117.

⁶⁰ Миллер обращается для определения растения, описанного Стеллером, к трудам естествоиспытателя К. Линнея (Linné K.). Возможно, он считает, что это растение – гортензия скальная (*Hort. cliff.*). Однако есть и другие определения. См. об этом: *Golger F.A. Bering's voyages.* New York, 1925. Vol. 2. P. 101.

⁶¹ *Gmelin J.G. Flora Sibirica.* SPb., 1747–1749. Т. 1–2.

⁶² Карты плавания "Св. Петра" см.: Атлас географических открытий. № 99–102.

⁶³ И.Г. Гмелин в 1751–1752 гг. издал свое описание путешествия в Сибирь (*Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1743.* Göttingen, 1751–1752. Т. 1–2).

⁶⁴ Миллер в косвенной форме раскрывает свое авторство "Письма", опубликованного в 1753 г. без имени автора (*Lettre d'un officier de la marine Russe...* Amsterdam, 1753). "Письмо" было опубликовано в качестве первого ответа на издание книги и карты Делиля.

⁶⁵ Ж.Н. Делиль в своем труде высказывал мнение о том, что В. Беринг не достиг берегов Америки, сделал это лишь А.И. Чириков на корабле "Святой Павел", где вместе с ним был брат Ж.Н. Делиля – Л. Делиль де Ла Кройер. А.И. Андреев отмечает, что многие путевые журналы и карты в момент отъезда Делиля из России еще не были получены Адмиралтейств-коллегией (см.: *Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири.* М.; Л., 1965. Вып. 2).

⁶⁶ *Nouvelle Bibliothèque Germanique ou Histoire littéraire des pays du Nord.* Amsterdam, 1753. Vol. XIII.

⁶⁷ При издании "Письма" в английском переводе были приведены замечания английского мореплавателя Артура Доббса "A letter from a Russian sea-officer to a person of distinction at the court of St. Petersburg, containing his remarks upon Mr de l'Isles chart and memoir relative to the new discoveries northward and eastward from Camtschatka, together with some observations on that letter by Arthur Dobbs, Esq., Governor of North Carolina. To which is added Mr de l'Isle's explanatory memoir on his chart, published at Paris and now translated from the original French" (London, 1754).

⁶⁸ В этой части своего труда Миллер, отвечая на замечания в адрес анонимного автора "Письма морского офицера", как бы возвращается к вопросам, более подробно рассмотренным им ранее. Главным аргументом Миллер считает создание сводной карты, которая взамен не вполне ясных и по-разному толкуемых упоминаний (например, о Земле Езо и др.) представляет достоверные знания, добытые участниками научных экспедиций.

⁶⁹ Карта Миллера сохранилась и известна исследователям в двух вариантах – 1754 и 1758 гг. Карту 1758 г. под названием "Карта, представляющая изобретения, Российскими мореплавателями на Северной части Америки с около лежащими местами учиненныя" см.: *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940; *Сопозко А.А.* История плавания В. Беринга на боте "Св. Гавриил" в Северный Ледовитый океан. М., 1983.

⁷⁰ См. примеч. 50. Атлас состоял из Генеральной и 19 региональных карт, был крупным достижением своего времени, высоко оценивался д'Анвилем, французским картографом, которому был послан на отзыв (см.: *Медушевская О.М.* Картографические источники XVII–XVIII вв. М., 1957).

⁷¹ "Доброе принятие сего Атласа во всей Европе" отмечал Миллер в статье "Известия о ландкартах, касающихся Российского государства" (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Т. 2. С. 505). В то же время Миллер отмечал, что в нем не были учтены новейшие данные о Сибири; предложенные Миллером исправления не были приняты во внимание при подготовке академического "Атласа Российского" 1745 г. Именно тогда Миллер и приступил к созданию новых карт Сибири. В 1746 г. "большая генеральная карта сочинения профессора Миллера" и другие его карты вместе с имевшимися при Академии наук печатными и рукописными картами второй Камчатской экспедиции (всего свыше 35 карт и планов) были переданы в Кабинет, что на ряд лет приостановило работу (см.: *Андреев А.И.* Очерки по историкогеографии Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2).

⁷² О Большой земле против устья реки Колымы см. примеч. 13.

⁷³ Изображение "китовой ловли" в Ледовитом океане восходит к традициям представления этого региона на западноевропейских картах. Так, например, на карте плаваний В. Баренца все морское пространство до полюса содержит изображение китов (Амстердам, 1598). См.: Атлас географических открытий. № 23. В свою очередь, видя на картах свободный ото льдов океан, западноевропейские географы и картографы с трудом верили утверждениям Миллера о трудностях плаваний по Северному морскому пути из Европы вокруг северо-востока Азии в Тихий океан.

⁷⁴ Дюгальдовы карты – изданный французским ученым Дюгальдом труд иезуита Жербильона, бывшего в 1676–1707 гг. при дворе китайского императора в Пекине (*Du Halde J.B.* Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise. Paris, 1735).

⁷⁵ Атлас Российской империи И.К. Кирилова. СПб., 1734.

⁷⁶ См. примеч. 50.

⁷⁷ Источниками для изображения северо-западного побережья Америки послужили Миллеру карты двух плаваний – В. Беринга и А.И. Чирикова, которые потеряли друг друга в океане и действовали далее раздельно, достигнув Америки в разных местах. Миллер на своей обобщающей карте свел эти данные воедино. На карте Миллера, о которой идет речь в данном его труде, отмечены пунктиром "Путь корабля Св. Павла под командою капитана Черикова" и "Путь корабля Св. Петра под командою капитана командира Беринга" (см.: *Сопозко А.А.* История плавания В. Беринга на боте "Св. Гавриил" в Северный Ледовитый океан. М., 1983. Рис. 5).

⁷⁸ По английским картам у Миллера изображены очертания северо-востока Америки – Гудзонов залив, Баффинов залив, Баффинов пролив и др.

*Известии о новейших кораблеплаваниях по Ледовитому
и Камчатскому морю с 1742 года,
то есть по окончании второй Камчатской экспедиции.
Часть из истории государственования
великия императрицы Екатерины Вторыя*

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 537. Д. 1.

¹ Новый труд Миллера явился продолжением и развитием темы об истории российских географических открытий и исследований в Тихом и Ледовитом океанах. Ученым собрано было много новых документов и карт, в том числе судовых материалов экспедиции В.Я. Чичагова, и в 1776–1777 гг. он написал публикуемый здесь текст. Труд, однако, не был полностью завершен, ученый продолжал работать над ним, и при его жизни данный труд не публиковался. Он был опубликован лишь однажды – на немецком языке – П.С. Палласом в 1793 г. На русском языке публикуется впервые. См.: *Muller G.F. Nachrichten von den neusten Schiffahrten in Eismeer und in der Kamtschatkischen See seit dem Jahr 1742, da die zweite Kamtschatkische Expedition aufgehört hat. Ein Stück aus dem Regierung Geschichte der grossen Kayserin Katharina II // Neue nordische Beyträge. Spb., 1793. Vol. V.* В центре внимания вновь оказался вопрос о возможности свободного морского плавания Северным морским путем – из Атлантики вдоль берегов Северо-Восточной Азии и далее в Тихий океан. После выхода в свет большого труда Миллера о российских открытиях дискуссия развернулась вновь. Швейцарский географ С. Энгель опубликовал работу, в которой подверг критике суждения Миллера и даже предположил, что Миллер из политических соображений преувеличил суровость ледовой обстановки в Ледовитом океане. Он считал также, что на карте Миллера неверно – слишком протяженно – представлены очертания Северо-Восточной Азии. Работа Энгеля, вышедшая в свет в 1765 г., не вызвала печатных возражений Миллера и была переиздана в 1772 и 1777 гг. (*Engel S. Mémoires et observations géographiques et critiques sur la situation des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique d'après les relations les plus recentes auxquelles on a joint un essai sur la route aux Indes par le Nord et sur un commerce très vaste et très riche à établir dans la mer de Sud. Lausanne, 1765*). Идеи Энгеля нашли поддержку в работах английских авторов, в то же время другие ученые, географы и картографы, напротив, разделяли взгляды Миллера. Публикуемый здесь незавершенный труд Миллера содержит новые аргументы о трудности и даже нереальности свободного плавания существовавших тогда морских судов Северным морским путем.

На публикуемой рукописи две пометы: "Переводил Правительствующаго Сената Переводчик Иван Пырской" и "Списано с оригинала, посланново в С.-Петербург по письму Адмиралтейской коллегии вице-президента графа Ивана Григорьевича Чернышева. Февраля 17 дня 1785 году".

² Миллер имеет в виду следующие издания своего труда: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Т. 1–2; *Nachrichten von Seereisen... // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1758. Bd. 3; Voyages et découvertes... Amsterdam, 1766.*

³ Возвратившись на Камчатку, участники второй Камчатской экспедиции привезли с собою сведения о богатстве островов пушными зверьями. Начиная с 1743 г. на Алеутских островах, вначале на Ближние, а затем на вновь открываемые более отдаленные, снаряжаются промысловые экспедиции. В 40–60-х годах были составлены карты Алеутских островов. Многие из них сохранились и опубликованы. См.: Русские открытия на Тихом океане и в Северной Америке в XVIII в. М., 1948; *Медушевская О.М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII века // Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та. 1954. Т. 7; Medushevskaja O.M. Cartographic Sources Half of the Russian Geographic Discoveries in the Pacific Ocean in the Second Half of the 18th Century Russia // The Canadian Cartographer. 1972. Vol. 9. December.*

⁴ В ходе дискуссий западные географы высказывали критические суждения о карте, приложенной в статье "Краткое известие о новоизобретенном Северном архипелаге" (Месяцослов на 1774 год). Миллер разделяет эту критику. С 1776 г. при участии Миллера готовилась в Академии наук новая Генеральная карта Российской империи.

⁵ Миллер имеет в виду расхождение собственных взглядов на возможность плаваний по Ледовитому океану (высказанных в работе 1758 г.) и взглядов М.В. Ломоносова, который был убежденным сторонником Северного морского пути. В 1763 г. Ломоносов написал "Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию" (см.: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. VI).

⁶ Ломоносов вместо плавания от Новой Земли на восток признавал лучшим путь вдоль западных берегов Шпицбергена, о котором ему сообщали русские промышленники. О проекте Ломоносова см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2.

⁷ В. Баренц – голландский мореплаватель, руководивший экспедициями к Шпицбергену, Новой Земле (1594–1597 гг.). Английский мореплаватель Д. Вуд в экспедиции на северо-восток дошел до Новой Земли (1676 г.).

⁸ Проект Ломоносова нашел поддержку в правительственных кругах, и в мае 1764 г. Адмиралтейств-коллегия приступила к организации двух научных экспедиций – В.Я. Чичагова и П.К. Креницына.

⁹ Суждения С. Энгеля (1765 г.) не вызвали ответа Миллера, хотя Энгель, по-видимому, ожидал этого.

¹⁰ Миллер переходит к разбору суждений о своей карте 1758 г., и в частности о том, что очертания северо-востока Азии у него излишне растянуты.

¹¹ Карта 1758 г. отразила те представления о протяженности Азии на северо-восток, которые установлены Первой экспедицией Беринга, прошедшего между Чукотским полуостровом и Аляской (*Du Halde J.B.* Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise. Paris, 1735).

¹² Атлас Российской империи И.К. Кирилова. СПб., 1734.

¹³ *Engel S.* Geographische und kritische Nachrichten und Anmerkungen über die Lage der nordischen Gegenden von Asien und Amerika nach den allerneuesten Reisebeschreibungen. Leipzig, 1772.

¹⁴ *Vaugondy R. de.* Lettre de Mr Robert de Vaugondy à Mr *** au sujet d'une carte systématique des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique. Paris, 1768.

¹⁵ *Buache J.N.* Mémoires sur les pays de l'Asie et de l'Amérique située au nord de la mer du Sud. Accompagné d'une carte de comparaison des plans de MM. Engel et de Vaugondy, avec le plan des cartes modernes. Paris, 1775.

¹⁶ Экспедиция В.Я. Чичагова, подробно изложенная далее. Экспедиция П.К. Креницына.

¹⁷ Возможно, "Краткое известие о новоизобретенном Северном архипелаге" академика Я. Штелина.

¹⁸ Граф И.Г. Чернышев – в 1760 г. назначен обер-прокурором Сената. Позже занимал другие административные посты. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии.

¹⁹ Ряд карт, присланных из Охотска полковником Ф. Плениснером, братьями В. и Т. Шмалевыми, сохранились. См., например: Атлас географических открытий. № 126, 127, 131, 132 и др. Карты направлялись сибирской администрацией из Охотска, Тобольска, Иркутска в Адмиралтейств-коллегию, а некоторые из них – в специально сделанных экземплярах лично Миллеру. Присланные карты использовались при подготовке экспедиций Креницына и Чичагова. Присланная Плениснером "Карта реки Анадыря с околележащими местами, также земляцы Чукотской и часть Северной Америки" была представлена в Адмиралтейств-коллегию и дана В.Я. Чичагову при отправлении его в арктическую экспедицию (см.: Атлас географических открытий. № 127).

²⁰ А.И. Андреев установил, что автором книжки о "Похождениях четырех матрозов на острове Шпицбергене", опубликованной на французском, немецком и русском языках, был Ломоносов (см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2). В.Н. Берх сообщает, что эта книжка была известна Екатерине II в период подготовки экспедиции Чичагова (*Берх В.Н.* Хронологическая история всех путешествий в северные страны. СПб., 1821. Ч. 1).

²¹ Здесь и далее использованы общеупотребительные обозначения сторон света NSW0 (север, юг, запад, восток), а также Z – зенит.

²² Д. Баррингтон – английский ученый, сторонник мнения о возможности плаваний Северным морским путем (*Barrington D. The probability of Reaching the North pole discussed. London, 1775*).

²³ *Phips K.J. Reise nach dem Nordpol. Auf Befehl Ihre Kön. Grossbritt. Majestät unterkommen im Jahr 1773 von K.J. Phips. Bern, 1777*. К этому переводу с английского труда Фипса С. Энгеля, швейцарский географ и давний оппонент Миллера, дал свои примечания.

²⁴ Опыт плавания Фипса, встретившего непреодолимые льды, не убедил С. Энгеля. В 1777 г. он издал новый труд, остро полемизируя с Миллером (*Engel S. Neuer Versuch über die Lage der nördlichen Gegenden von Asia und Amerika und den Versuch eines Wegs durch die Nordsee nach Indien nebst denen Schriften so Hr Daine Barrinton in London zu Behauptung eben dieses herausgegeben. Mit drey Charten. Basel, 1777*).

²⁵ Для исследования Алеутских островов и Аляски в 40–60-х годах XVIII в. большое значение имели плавания частных промышленных компаний, в ходе которых составлялись чертежи и карты вновь открытых островов. Это карты П. Шишкина и С. Пономарева, В. Шилова, А. Толстых. Для научного описания и картографирования этого региона была направлена экспедиция капитанов П.К. Креницына и М.Д. Левашова (1764–1770). Карты плаваний Креницына и Левашова см.: Атлас географических открытий № 151–156.

Известие о дворянях [Российских]

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 387. Д. 5.

¹ Слово "Российских" было прибавлено к названию книги Миллера ее первыми издателями И.Г. Рахманиновым и Н.И. Новиковым в 1790 г. Под этим названием книга более всего известна в историографии.

² Историю создания и публикации "Известия о дворянях [Российских]" см.: *Каменский А.Б. История создания и публикации книги Г.Ф. Миллера "Известие о дворянях российских" // АЕ за 1981 год. М., 1992. С. 164–172*.

³ Разрешение пользоваться материалами Разрядного архива было получено Миллером в 1768 г. Этот архив был создан в 1711 г. на основе материалов ликвидированного Разрядного приказа – центрального учреждения допетровской России, ведавшего обороной государства, учетом и обеспечением служилых людей, назначением их на должности.

⁴ Миллер, вероятно, знал, что одновременно с ним аналогичные вопросы были переданы чиновнику Межевой канцелярии А.Т. Князеву, которому был поручен сбор материалов в Разрядном архиве.

⁵ Миллер имеет в виду Государев родословец, созданный при дворе Ивана Грозного в 1555 г.

⁶ Петр I вернулся в Москву из первого путешествия за границу 25 вгуста 1698 г.

⁷ Соборное уложение 1649 г. фиксирует две формы землевладения – поместное и вотчинное. Первое рассматривается как условное держание, получаемое за службу, в связи с чем права помещика по распоряжению и владению поместьем определенным образом ограничивались. Миллер был первым историком, изучившим подлинный столбец с текстом Уложения и произведшим первые его измерения (см.: *Забелин И.Е. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1850. Кн. 1. Отд. II. С. 1–20*).

⁸ Имеется в виду Указ 23 марта 1714 г. о порядке наследования в движимых и недвижимых имениях, известный в литературе как "Указ о единонаследии".

⁹ Миллер ссылается на издание "Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым" (М., 1768). Книга была подготовлена к печати Миллером.

¹⁰ Писцовые книги – делопроизводственные документы, составлявшиеся в процессе валового описания всей территории страны. Миллер, однако, ошибался, относя появление первых писцовых книг ко времени царствования Михаила Федоровича; историкам известны и более ранние книги, в том числе конца XV в. В 1627 г. указом царя Михаила Федоровича

было объявлено о новом валовом описании, которое должно было зафиксировать положение, сложившееся в стране после окончания Смуты.

¹¹ До податной реформы Петра I основной единицей обложения на Руси была соха, состоявшая из определенного количества четвертей, число которых зависело от принадлежности земли государству, частным лицам или духовным земледельцам, а также от качества земли. Четверть равнялась примерно 5600 кв.м. С 1718 г. в России была введена подушная подать.

¹² Разрядные записные книги – “записные книги всяких дел”, которые ежегодно велись в Разрядном приказе и куда записывали важнейшие события при царском дворе, списки воевод по городам, царские указы, боярские приговоры, отписки воевод и пр.

¹³ Бархатная книга – родословная книга, составленная в конце XVII–начале XVIII в. в Палате родословных дел Разрядного приказа, учрежденной царем Федором Алексеевичем в 1682 г. после отмены местничества. В основу Бархатной книги был положен Государев родословец XVI в., лишь незначительно пополненный росписями, поданными представителями дворянских родов. Работа над Бархатной книгой завершена не была; ее единственное издание было осуществлено Н.И. Новиковым в 1787 г. по списку, предоставленному ему Миллером.

¹⁴ Миллер полемизирует здесь с точкой зрения, ярким выразителем которой был М.М. Щербатов.

¹⁵ А.Д. Меншиков в 1706 г. получил от австрийского императора титул князя Священной Римской империи, а в 1707 г. от Петра I титул князя Ижорского.

¹⁶ Ср.: ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 39.

¹⁷ Ср.: Табель о рангах, п. 11 (Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 63).

¹⁸ Должность герольдмейстера была введена Табелью о рангах 23 января 1722 г.; инструкция герольдмейстеру утверждена 5 февраля того же года (ПСЗ. I собрание. Т. 6. № 3896). Штат Герольдмейстерской конторы, основной функцией которой был учет дворянства и контроль за службой дворян, был утвержден 19 февраля 1725 г.

¹⁹ Миллер цитирует так называемую Тысячную книгу 1550 г., в которой было зафиксировано именование под Москвой согласно указу Ивана Грозного 1000 “лутчих слуг” из провинциальных детей боярских. Несколько списков Тысячной книги хранились в Архиве Коллегии иностранных дел, однако цитата не точна (ср.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А.А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 53).

²⁰ По подсчетам А.А. Зимина, в Тысячную книгу записано 1050 детей боярских и 28 лиц других чинов.

²¹ Миллер цитирует здесь десятню по Владимиру 1570 г., подлинник которой не сохранился до наших дней.

²² В источниках упоминается “литвин Розмысл”, который во время осады Казани в 1552 г. предложил разрушить тайный ход из крепости к водному ключу. В результате удачного подкола ход был взорван и город остался без питьевой воды.

²³ Миллер имел в виду неудачи в Ливонской войне.

²⁴ Осенью 1633 г. русская армия, пытаясь освободить осажденный поляками Смоленск, была окружена и вынуждена капитулировать. Во время русско-польской войны 1654–1667 гг. Россия добилась освобождения Смоленщины, захватила значительную часть Белоруссии и закрепила присоединение Украины.

Еще накануне Смоленской войны 1632–1634 гг. было создано шесть солдатских и рейтарских полков, в которые могли добровольно вступать свободные люди. Офицерами в этих полках были иностранцы. После окончания войны полки были распущены. В 1654–1667 гг. началось комплектование регулярных полков на основе принудительного набора “даточных людей”. Общее число служивших в этих полках (вместе с иностранными наемниками) к концу XVII в. составляло примерно 120 тыс. человек, в то время как нерегулярная дворянская конница насчитывала примерно 16 тыс.

²⁵ 23 октября 1660 г. русская армия потерпела поражение от поляков в сражении под Чудновом.

Чигиринская война – война России с Османской империей 1677–1678 гг. Основные военные действия велись вокруг крепости Чигирин на Правобережной Украине. В августе

1677 г. русской армии удалось отстоять Чигирин и разбить объединенную крымско-османскую армию в сражении у Бужина, однако год спустя, в августе 1678 г., османы овладели крепостью. В 1678 и 1689 гг. в правление царевны Софьи русской армией были предприняты Крымские походы, окончившиеся неудачей. Взятие русской армией Азова состоялось 18 июля 1696 г.

²⁶ В 1705 г. в Астрахани вспыхнуло стрелецкое восстание, подавленное карательными войсками под командованием графа Б.П. Шереметева в марте 1706 г.

²⁷ В начале 30-х годов XVIII в. Воинской комиссией под руководством Б.-Х. Минниха была осуществлена военная реформа, разработан и введен новый "Пехотный строевой устав", "Прусская экзерциция" и другие уставы.

²⁸ Известие, по-видимому, почерпнуто Миллером из разрядных книг.

²⁹ Миллер имеет в виду боярскую книгу 1616 г. и называет ее "списком", поскольку рукопись, которой он пользовался, была переписана "с списка" после кремлевского пожара 1626 г.

³⁰ Сведения из боярской книги 1686 г.

³¹ Лал – древнерусское название драгоценного камня, как правяло, рубина.

³² Анна Комнина (1083 – ок. 1153) – старшая дочь византийского императора Алексея I Комнина, автор мемуаров об отце "Алексиада". Миллер пользовался, по-видимому, греческим изданием этой книги.

³³ В 1575 г. Иван Грозный посадил на царский трон татарского хана Симеона Бекбулатовича, оставив за собой титул князя московского. Царствование Симеона Бекбулатовича продолжалось около года, после чего он перешел на "великое княжение" в Тверь.

³⁴ Миллер имеет в виду изданные им "Повседневные дворцовые времен государей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича записки". М., 1769. Ч. 1–2.

³⁵ Имеется в виду село Кудрино (Большое Кудрино), располагавшееся между Арбатом и нынешней Красной Пресней и на восток до Хлынова (ныне: Хлыновский тупик).

³⁶ См. примеч. 16 к статье "О первом летописателе Российском...".

³⁷ Князь И.Ф. Овчина Телепнев-Оболенский был фаворитом царицы Елены Глинской. С его помощью ей удалось избавиться от опеки семибоярщины и узурпировать власть. После смерти царицы бояре расправились с князем.

³⁸ Джильс Флетчер, автор сочинения "О государстве русском", посетил Россию в 1588 г.

³⁹ Миллер не ошибся: И.Ю. Сабуров действительно был родным братом царицы Соломонии Сабуровой. Его отставка была вызвана, по-видимому, разводом Василия III с женой и ее насильственным пострижением в монахиню.

⁴⁰ Б.Я. Бельский был убит в 1611 г. во время восстания в Казани под руководством дьяка Н.М. Шульгина.

⁴¹ Имеется в виду латинское слово "cancelli" – решетка, загорода.

⁴² Показательно, что Миллер, во-первых, выделяет приказных в отдельное сословие и, во-вторых, называет его "третьим", ставя между дворянством и мещанством, в то время как именно последнее и соответствовало этому названию во Франции.

⁴³ По всей видимости, Миллер имеет в виду тот факт, что после возвращения Е.И. Украинцева из Турции в 1701 г., где им был подписан Константинопольский мир, он фактически был отстранен от активной дипломатической деятельности, в то время как П. Шафиров был в это время близок к начальнику Посольского приказа Ф.А. Головину. До отправления в Константинополь начальником Посольского приказа фактически был Украинцев.

⁴⁴ Новичный оклад – первый оклад, назначаемый лицу при производстве в новый чин.

⁴⁵ Стрелецкое войско было создано Иваном Грозным в 50-е годы XVI в. и расформировано Петром I после стрелецкого бунта 1689 г.

⁴⁶ См. примеч. 13.

⁴⁷ Имеется в виду публикация "Род князей Голицыных, начиная от Гедемина, с 8-ю родословными таблицами и изображением на стали голицынского герба" // Древняя Российская вивлиофика. СПб., 1774. Ч. 4. С. 161–268. Эта публикация явилась переделькой издания: *Memoirs sur l'origine et la genealogie de la maison des Princes de Golitzin*. Francfort; Leipzig, 1767. Родословие Б.П. Шереметева опубликовано в издании "Письма Петра Великого,

писанные к генерал-фельдмаршалу тайному советнику... графу Борису Петровичу Шереметеву". М., 1774.

⁴⁸ Указом Петра III 1762 г. недворянам было запрещено покупать "деревни" и "населенные земли", т.е. по сути крепостных крестьян. Ненаселенная земля, например под фабрику, могла быть куплена. В странах, где не было крепостного права, покупка недвижимого имущества не была сопряжена с покупкой крестьян.

⁴⁹ Социальная категория однодворцев, приравненных к государственным крестьянам, возникла в связи с податной реформой Петра I, однако реально многие однодворцы являлись владельцами нескольких крепостных душ.

⁵⁰ Вполне очевидно, что Миллер намекает здесь на то, что введение Табелю о рангах возможности выслуги дворянского звания было временной мерой. Подобная интерпретация этого положения была характерна для многих идеологов дворянства того времени и нередко звучала во время обсуждения дворянского вопроса в Уложенной комиссии 1767–1768 гг.

[Описание городов Московской провинции]

1. Езда в Коломну

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 362, ч. 1. Д. 6.

¹ Дворцовое, т.е. принадлежащее императорской фамилии, село Люберицы (Люберцы) получило статус села после постройки в 1632 г. церкви Преображения. Отсюда, видимо, и название села, данное во время владения им. А.Д. Меншиковым. После опалы Меншикова село было отписано в казну. С 1925 г. Люберцы – город, один из промышленных центров Московской области.

² Основанный Екатериной II Воспитательный дом для сирот был построен архитектором К.И. Бланком в 1764–1770 гг. (ныне: ул. Солянка, 12). Миллер был директором Воспитательного дома в 1765–1766 гг.

³ Казанская церковь в с. Марково была построена в 1672–1680 гг., как предполагают, крепостным зодчим князя Я.Н. Одоевского П. Потехиным. Церковь отличается необычным убранством в виде зеленых изразцов, резьбы карнизов и наличников, белокаменных деталей.

⁴ Постройка нового архиерейского дома в Коломне велась, как считается, М.Ф. Казаковым или кем-то из его учеников.

⁵ Голутвин монастырь в Коломне был основан Дмитрием Донским по совету преподобного Сергия Радонежского в 80-е годы XIV в.

⁶ Стены и башни Голутвина монастыря были возведены в 70-е годы XVIII в., как считается по проекту М.Ф. Казакова. Древнейшее сооружение монастыря – Богоявленский собор XIV в. – неоднократно перестраивался и приобрел свой современный облик уже в XVIII–XIX вв.

⁷ Корабль "Орел" был построен в Дединове в 1668 г.

⁸ Автором сочинения "Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого" был Ф.И. Соймонов. Миллер редактировал и дополнил это сочинение, впервые опубликованное в "Ежемесячных сочинениях" в 1763 г.

⁹ В 1688 г. в с. Измайлово Петр I обнаружил английский бот, который, по его собственному признанию, пробудил в нем страсть к мореплаванью. В настоящее время бот хранится в Центральном военно-морском музее в Петербурге.

¹⁰ Гродетур – плотная шелковая ткань.

¹¹ Бобринев монастырь основан в XIV в., а первый каменный собор в нем, согласно имеющимся сведениям, построен в 70-е годы XVI в. Сохранившийся до наших дней Рождественский собор перестроен в 1830 г.

¹² Село Бронницы впервые упоминается в летописи под 1453 г. Государственный конский завод был создан здесь в конце XVII в. В 1700 г. село было подарено Петром I А.Д. Меншикову.

2. Описание Коломны

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 362, ч. 2. Д. 2. Перевод с немецкого Е.Е. Рычаловского.

¹ Миллер ошибся: первое упоминание в летописях о Коломне относится к 1177 г.

² Великий князь Василий Васильевич был захвачен Дмитрием Шемякой и князем Иваном Можайским в Троицком монастыре и ослеплен 16 февраля 1446 г.

³ Имеется в виду хан Улуг-Мухаммед.

⁴ См.: Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771.

⁵ Т.е. платящие семигривенную подушную подать.

3. Поездка в Троицкой Сергиев монастырь, в Александрову слободу и Переславль-Залесский

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 362, ч. 2. Д. 4.

¹ Никольская церковь в патриаршем селе (ныне город) Пушкино построена в 1692–1694 гг.

² Путевой дворец в селе Братовищине снесен в 1819 г.

³ Миллер имеет в виду свое сочинение "Воспитание государя императора Петра Великого" // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. 1780. Ч. IV.

⁴ В 1766 г. Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства объявило конкурс на лучший ответ на вопрос о праве крестьян иметь в собственности землю и движимое имение. Считается, что задача была сформулирована императрицей Екатериной II. На конкурсе было прислано свыше 160 работ. Первая премия была присуждена французскому ученому Беарде де Аббей, вторая – А.Я. Поленову.

⁵ В 1770–1773 гг. Миллер подготовил к изданию составленный Ф.А. Полунным "Географический лексикон Российского государства", в котором заново написал ряд статей.

⁶ Миллер ошибся в дате издания словаря, должно быть: 1773 г.

⁷ Царица Марфа Алексеевна действительно родилась 26 августа 1652 г. Умерла же она в июле 1707 г. Царевна Феодосия Алексеевна родилась 28 мая 1662 г. и умерла в декабре 1713 г.

⁸ Новгородские (Васильевские) врата действительно находятся в Александровой слободе. Они были сняты с Софийского собора в Новгороде по приказу Ивана Грозного в 1570 г.

⁹ Миллер ошибся: ансамбль Успенского девичьего монастыря в Александровой слободе включает постройки XVI–XVII вв. Так, Троицкий собор построен в 1505–1513 гг., в XVI в. построены Покровская церковь и колокольня, в XVII в. – Успенская церковь, возведены стены с четырьмя угловыми башнями и надвратной церковью Федора Стратилата, построены Келейный корпус и Трапезная палата.

¹⁰ См. ["Описание Переславля-Залесского"] в настоящем издании с. 257.

4. [Описание Переславля-Залесского]

Печатается по: Новые ежемесячные сочинения. 1789. Декабрь. С. 3–34.

¹ Миллер не ошибся: Переславль-Залесский действительно основан Юрием Долгоруким в 1152 г.

² Имеется в виду "Летопись о многих мятежах" – сочинение XVII в. по истории Смутного времени. Впервые издана в 1771 г.

³ Имеется в виду сочинение Миллера "Известие о начале Преображенского и Семеновского полков" // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. 1778. Ч. IV.

⁴ В 1803 г. для хранения бота было выстроено специальное здание – усадьба “Ботик”, существующее с того времени в качестве музея.

⁵ Пролог – древнерусский житийный сборник.

⁶ Горицкий монастырь в Переславле-Залесском основан в XIV в. В первой половине XVI в. здесь были сооружены пятиглавый Успенский собор и церковь Иоанна Предтечи, в XVII в. – Святые ворота, считающиеся одним из интереснейших памятников русского зодчества этого времени. В XVIII в. по приказу епископа Амвросия был перестроен Успенский собор и проведены обширные работы по убранству храма. Неподалеку от собора, на месте сломанной Ивановской церкви началось строительство здания так называемой “Гефсимании”, оставшееся незавершенным и разобранным в конце XIX в.

⁷ Расчеты Миллера верны: Троицкий Данилов монастырь в Переславле-Залесском действительно основан в 1508 г. в правление великого князя Василия III. Однако Троицкий собор был возведен уже в 1530–1532 гг. ростовским зодчим Григорием Борисовым. На средства князя И.П. Барятинского были выстроены: в 1687 г. Всехсвятская церковь, в 1689 г. шатровая колокольня, в 1695 г. трапезные палаты при Похвальской церкви, келейный корпус и монастырская ограда.

⁸ Каменные стены Никитского монастыря были действительно возведены при Иване Грозном. Тогда же был перестроен собор над могилой св. Никиты Столпника, сооруженный при Василии III.

⁹ По преданию, Федоровский монастырь был основан в XIV в. на месте битвы московского войска с тверским в 1304 г. До настоящего времени сохранился лишь собор XVI в.

¹⁰ Богородицкий Сретенский женский монастырь, по-видимому, был основан в середине XVII в.; он существовал уже в 1660 г.; в 1764 г. – выведен за штат, а в 1788 г. – преобразован в приход.

5. Поездка в Можайск, Рузу, Звенигород

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 362, ч. 1. Д. 5. Л. 10–24.

¹ Имеется в виду сочинение Миллера “Опыт новейшей истории о России”.

² Миллер ошибся: митрополит киевский и всея Руси Киприан скончался 16 сентября 1406 г. Он был писателем, переводчиком, редактором. Его перу принадлежит “Повесть о Митяе” и ряд других сочинений.

³ Степенная книга – памятник русской исторической мысли XVI в. Создана в 1560–1563 гг. по инициативе митрополита Макария, состоит из 17 граней (степеней) от Владимира Святославича до Ивана Грозного. Первое печатное издание Степенной книги осуществлено Миллером в 1775 г.

⁴ Петрей дз Ерлезунда (1570–1622) – шведский дипломат и историк, автор сочинения по истории России “Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Moschkow”. А.Я. Хилков (1678–1718) – русский дипломат, которому Миллер ошибочно приписывал авторство изданного им в 1770 г. “Ядра Российской истории”. В действительности, как установил С.М. Соловьев, автором этого сочинения был А.П. Манкиев.

⁵ Село Большие Вяземы перешло во владение Бориса Годунова не позднее 1585–1586 гг. В конце XVI в. здесь были построены Преображенская церковь и звонница, именуемая Миллером колокольней.

⁶ Князь Б.А. Голицын с 1682 по 1689 г. был воспитателем Петра I. Он оставался верен Петру в ночь на 5 августа 1689 г., когда прошел слух о походе восставших стрельцов на Преображенское. Голицын сопровождал царя в Троице-Сергиев монастырь и сыграл важную роль в последовавших затем событиях, приведших к отстранению от власти царевны Софьи.

⁷ Усадебный дом в Больших Вяземах сохранился до настоящего времени; построен в 1784 г.

⁸ По всей видимости, Миллер имеет в виду “Книгу Большого чертежа”. Он, однако, ошибается относительно времени ее создания: первоначальная редакция составлена в 1627 г. В 60–70-е годы XVII в. были созданы вторая, третья и четвертая редакции. “Книга Большого чертежа” была впервые издана Н.И. Новиковым в 1773 г. под названием “Древняя Российская гидрография”.

⁹ Чумкасы – расстояние в 5 верст.

¹⁰ Городок-крепость Борисов был действительно основан в царствование Бориса Годунова в 1599 г.

¹¹ См. примеч. 2 к ["Описанию Переславля-Залесского"].

¹² По губернской реформе 1775 г. в городах учреждались ратуши, в которые каждые три года избирались бургомистр и два ратмана из городских жителей.

¹³ В 30-е годы XVIII в. многие представители рода Долгоруковых оказались в ссылке за участие в так называемой "затейке верховников" – попытке ограничения самодержавия при вступлении на престол Анны Иоанновны. Княгиня Елена Алексеевна Долгорукова была дочерью князя Алексея Григорьевича и женой князя Юрия Юрьевича Долгоруковых.

¹⁴ Имеется в виду двухнедельный пост в честь праздника Успения Богородицы, отмечаемого 15 августа (по ст. ст.).

¹⁵ Село Иславское в середине XVII в. принадлежало Морозовым, затем отошло в казну, а в 1682 г. царем Федором Алексеевичем пожаловано Апраксиным и принадлежало сначала Петру, затем Федору, а потом Андрею Матвеевичу Апраксиным. Потомком последнего, графом Петром Федоровичем Апраксиным в 1772 г. с. Иславское было продано Пелагее Павловне Дурново (ее, видимо, и имели в виду "Подвошники" Миллера), которая заложила его Анне Яковлевне Архаровой. После смерти последней с. Иславское перешло к ее мужу – обер-штеркригскомиссару Ивану Петровичу Архарову, который и владел селом в 1778 г.

¹⁶ См. с. 293–301 настоящего издания.

6. Описание города Можайска

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 362, ч. 1. Д. 5. Л. 1–9 об.

¹ Можайск впервые упоминается в Никоновской летописи под 1231 г., с 1303 г. Можайск входил в состав Московского княжества.

² "Древняя Российская вивлиофика" – сборник документов по истории России, издававшийся Н.И. Новиковым. Первое издание в 10 томах осуществлено в 1773–1775 гг. В 1788–1791 гг. вышло второе дополненное издание в 20 томах. Миллер оказывал Новикову помощь в подборе документов для этого издания.

³ Сигизмунд Герберштейн (1416–1566) – австрийский дипломат и путешественник, автор сочинения "Regum moscoviticarum commentarii" (см.: *Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988*).

⁴ См.: *Moscovie Ortus et Progres us. Auctore Daniele Printz a Buchau, August, Imper. Maximiliani et Rudolphi consiliario, nec non bis ad Iohannem Basilidem, Magrum Ducem Moscoviae Legato extraordinario. Gubenaе anno 1679.*

⁵ Миллер ошибся: каменные стены и башни Можайского кремля построены позже, в 1624–1626 гг.

⁶ Петров день празднуется 29 июня.

⁷ См. примеч. 4 к "Описанию Коломны".

⁸ У Миллера ошибка в подсчетах, должно быть: 274.

7. Описание Звенигорода

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 362, ч. 1. Д. 2.

¹ Изложение Миллером истории Звенигорода, в том числе его версия об основании города Юрем Долгоруком, соответствует и современной точке зрения. В историографии XIX в. существовало мнение об основании города в XIV в. (ср.: *Боровкова С.Н. Заповедная звенигородская земля. М., 1982. С. 44–61*).

8. Известие о Савине Сторожевском монастыре

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 362, ч. 1 Д. 2.

¹ По современным данным, преподобный Сергей Радонежский скончался в 1392 г. (*Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопр. истории. 1992. № 10*).

² Царский дворец в Саввино-Сторожевском монастыре, построенный в 1650–1654 гг.: пострадал от пожара в 1742 г. и в 1778 г. был перестроен.

³ "Обоих государей" – младших братьев царевны Софьи, царей Ивана и Петра Алексеевичей, провозглашенных царями после смерти в 1682 г. царя Федора Алексеевича и последовавшего за этим стрелецкого бунта.

⁴ В XVIII в. "Кабинетом" называлось специальное учреждение – личная канцелярия императоров и императриц.

9. Поездка в Дмитров

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 362, ч. 1. Д. 8.

¹ Считается, что Борисоглебский монастырь в Дмитрове был основан в XII в.; первое письменное известие о нем относится к 1472 г.

² Собор Борисоглебского монастыря был сооружен в 1537 г. После Смуты в начале XVII в. и после пожара 1672 г. храм перестраивался и одно время был пятиглавым, однако в 1778 г., за год до приезда Миллера, четыре главы были разобраны и собор приобрел первоначальный вид. Алексеевский придел был действительно пристроен к собору в царствование Алексея Михайловича в 1656 г.

³ Миллер имеет в виду французское выражение "reponse ambigue", используемое для характеристики жителей Нормандии и обозначающее уклончивый, двусмысленный ответ.

⁴ Первое упоминание о Клине в летописи относится к 1234 г.

⁵ Итоговые подсчеты Миллера не точны, должно быть: 15 914 и 15 536. Возможно, в сведениях о Поламском стане пропущены данные о ямщиках.

История жизни и царствования Федора Алексеевича

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 53. Д. 9.

¹ Киевский Синописис – историческое сочинение XVII в., изданное в Киеве в 1674 г.

² В "портфелях" Миллера хранится небольшая черновая рукопись В.Н. Татищева о царствовании Федора Алексеевича (РГАДА. Ф. 199. П. 53. Д. 1). Рукопись издана под заголовком "Царство царя Федора Алексеевича" (*Татищев В.Н. История российская. Л., 1968. Т. VII. С. 172–183*).

³ О литературном творчестве царевны Софьи-Алексеевны известно, что она была автором не сохранившейся трагедии и виршей к портрету князя В.В. Голицына.

⁴ По мнению современных исследователей, заговор Нарышкиных с целью возведения на престол малолетнего Петра в обход старшего брата имел место. Именно это и стало причиной опалы А.С. Матвеева.

⁵ Все имеющиеся сведения о попытках А.С. Матвеева возвести на престол Петра в обход Федора восходят к иностранным источникам (см.: *Соловьев С.М. М., 1991. Кн. VII. С. 179*).

⁶ См.: *Historisch Verhael, ot Beschrijving van de Voyagie, gedaen onder de Suite van den Heere K. van Klenk. Amsterdam, 1677.*

⁷ См. примеч. 7 к "Известию о дворянах [Русских]".

⁸ Патриарший боярин Иван Федорович Лызлов действительно был отцом Андрея Лызлова, автора "Скифской истории", первое издание которой было осуществлено Н.И. Новиковым в 1776 г. В основе этого труда были в основном иностранные источники, однако автор использовал также Степенную книгу, Хронограф редакции 1512 г., Киевский Синописис, "Историю о великом князе Московском" А.М. Курбского и др.

⁹ Имеется в виду "великое посольство" – первое заграничное путешествие Петра I.

¹⁰ Миллер имеет в виду задуманный им в конце жизни и одобренный Екатериной II план издания русских дипломатических документов.

¹¹ Торговые привилегии английских купцов были ликвидированы в 1649 г. после казни короля Карла I.

ДОПОЛНЕНИЯ

[Проект создания Исторического департамента Академии наук]

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 421. Д. 4.

¹ В рукописи пропущен № 11.

Важности и трудности при сочинении российской истории

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 150, ч. 19. Л. 381–381 об.

¹ В рукописи пропущен № 13.

Инструкция переводчику Андреяну Дубровскому

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 412, ч. 2. Д. 19.

Из переписки

Г.Ф. Миллер – А.М. Голицыну

Печатается по: РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–5.

Г.Ф. Миллер – А.А. Ржевскому

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 150, ч. 1. Д. 24. Л. 3–4.

Г.Ф. Миллер – неизвестному лицу

Печатается по: РГАДА. Ф. 199. П. 150, ч. 18. Д. 1. Л. 1.

Г.Ф. Миллер – У. Коксу

Печатается по: Архив князя Воронцова. М., 1884. Т. XXX. С. 373–377.

Перевод с французского В.А. Бронштэна.

¹ В 1581 г. Иван Грозный женился на Марии Нагой.

² У Миллера ошибка: Писемского звали Федор Андреевич.

³ Речь идет о тексте, написанном вязью.

⁴ Миллер не ошибся: женой Дмитрия Шемяки была действительно дочь князя Дмитрия Заозерского Софья. Свадьба состоялась в 1436 г.

⁵ Жена князя Ярослава Всеволодовича Феодосия была дочерью Мстислава Мстиславича Удалого, князя торопецкого.

⁶ Корсунские врата расположены на западном фасаде Софийского собора в Новгороде. Они были выполнены в Магдебурге по заказу епископа Вихмана мастерами Рихманом и Веймутом предположительно в 1152–1154 гг., о чем и сообщает приведенная Миллером латинизированная надпись. В Новгород врата попали, по-видимому, в качестве военного трофея в виде отдельных металлических пластин и в XIII в. закреплены на деревянной основе мастером Авраамом и при этом дополнены несколькими элементами русской работы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	–	Археографический ежегодник
БАН	–	Библиотека Академии наук
ПСЗ	–	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аббас I Великий 328
Аббей Беарде, де 431
Аверинцев С.С. 411
Авраам, епископ коломенский 235, 237
Авраам, новгородский мастер 435
Аврам, новгородский тысяцкий 253
Аврил Ф. 37
Автократов В.Н. 395
Аглоблин *см.* Оглоблин И.Ф.
Аддисон Джозеф 388
Аксинья Борисовна (Годунова), царевна 216
Александр, епископ коломенский 237
Александр Иванович Ольгамонтович, кн. 258
Александр Патрекеевич, кн. 285—286
Александр Ярославич Невский, вел.кн. 257, 293, 373
Александра, княгиня 373
Александров Юрий 82
Алексеев Федот (Холмогорец) 21, 22, 25, 26
Алексей Алексеевич, царевич 300, 321
Алексей Михайлович, царь 13, 181, 183, 187, 190, 193, 194, 196—198, 200, 201, 203, 204, 209, 211, 213, 216, 221, 224, 225, 229, 232, 241, 248, 253, 262, 272, 299, 301, 306, 320—323, 325, 328, 331—334, 336, 338, 344, 345, 348, 350, 352, 427, 429, 434
Алексей Петрович, царевич 331
Алексей I Комнин 195, 429
Алатов М.А. 385
Алфимов Семен 316
Амвросий, архимандрит Богоявленского монастыря в Москве 327
Амвросий, епископ коломенский 235, 237
Амвросий (Зертис-Каменский), митрополит московский 260, 261, 432
Амосов Федот 33—36
Анабара Семен 53
Анастасия, княгиня 294
Анастасия Александровна, княгиня 287
Андреев Александр 226, 274
Андреев А.И. 374, 386, 420, 422, 423, 426
Андрей Большой Васильевич, кн. 288, 289
Андрей Дмитриевич, кн. 285, 294
Андрей Иванович, кн. 287
Андрей Младший Васильевич, кн. 288
Андрей Юрьевич Боголюбский, вел.кн. 365
Андрей Ярославич Владимирский кн. 304
Аничков Иван Михайлович 211
Анкудинов Герасим 22, 25
Анна Егорьевна, грузинская царевна 230
Анна Иоанновна, императрица 190, 379, 433
Анна Комнина 195, 429
Анна Михайловна, царевна 300, 321
Антоний, епископ переславский 260
Антоний, митрополит коломенский 237
Антоний Печерский 6—8, 10
Анцифоров Данила 47
Апраксин Андрей Матвеевич 209, 433
Апраксин Матвей Васильевич 331
Апраксин Петр Матвеевич 190, 433
Апраксин Петр Федорович 433
Апраксин Федор Матвеевич 20, 58, 331, 420, 433
Апраксинья 331, 433
Арсений, архимандрит Голутвина монастыря в Коломне 229
Арсений, епископ переславский 260
Арсений, епископ тверской 417
Арсений, игумен Знаменского монастыря в Москве 327
Артел 108
Архаров Иван Петрович 433
Архарова Анна Яковлевна 433
Аткинс 108
Атласов Владимир Васильевич 25, 44—46, 421
Афанасий, епископ коломенский 234, 237
Афанасий, епископ переславский 258
Афанасий (Алексей Артемьевич Любимов), епископ холмогорский и важский 326
Афонасьев Прохор 316
Афферика Дж. 402
Бааренс *см.* Баренц В.
Бабаев Василий 135—138, 140, 157, 164
Байбаков Андрей (в монашестве Аполлос) 246
Байер Готфрид Зигфрид 378, 384, 410
Байков, дворянин 350
Бакар Вахтангович, царевич 230
Баклановский Иван Иванович 331
Бакунин Павел Васильевич 339
Бантыш-Каменский Николай Николаевич 396, 408, 409
Барановский П.Д. 413
Баренц (Бааренс) Виллем 128, 419, 426
Барингтон Денес 177, 178, 427

* Принятые сокращения: вел. — великий(ая), гр. — граф, кн. — князь.

- Барсуков А. П. 379
 Барятинская, княжна 252
 Барятинский Иван Петрович 29, 262, 327, 432
 Барятинский Юрий Никитич 323
 Басманов Федор Алексеевич 208
Бахрушин С. В. 374, 375, 379
 Башмаков Дементий Минич 328, 331, 334
 Безбородко Александр Андреевич 412
 Безнин Михаил Андреевич 197
Белковец Л. П. 374, 398, 406, 407, 413
 Беллин Жак-Никола 84, 88, 116, 123, 423
 Бельский Богдан Яковлевич 210, 429
Берг Л. С. 420
 Беринг Витус Ионассен 48, 58—63, 65—68, 77, 90, 93, 102, 103, 116, 127, 130, 132, 378, 381, 419, 423—426
Берков П. Н. 376, 386, 387
Берх В. Н. 426
 Бецкой Иван Иванович 369
 Бибииков Александр Ильич 398
 Биркин Иван Васильевич 213
 Бирон Эрнст Иоганн 212
 Бишинг *см.* Бюшинг А. Ф.
 Благово Алексей 316
 Бланк К. И. 430
Блок Г. П. 406
 Блументрост Лоренцо 345, 376
 Боборыкин Иван Михайлович 327
 Боборыкин Никита Михайлович 331
 Бобрещев-Пушкин Иван Иванович 213
 Бовс, Джером 372
 Богданов Григорий Карпович 328
 Бодинус Герард 375
 Болотников Иван Иванович 223
 Болтин Баим Федорович 213
 Болтин Иван Никитич 391, 410, 413
 Болье Павел, де 352
 Бонак, половецкий кн. 10
 Борис Александрович, вел. кн. 287
 Борис Васильевич, кн. 288
 Борис Федорович Годунов, царь, 182, 183, 190, 198, 201, 204, 206—208, 210, 212, 213, 216, 224, 269, 273, 328, 390, 432
 Борисов Григорий 432
 Борневолоков (Болноволоков) Петр 135, 163, 164
 Боровиковский Владимир Лукич 412
Боровкова С. Н. 433
 Босой Кирилл 224
 Бриль Адам Иванович 133
Бронштэн В. А. 415
Брюсова В. Г. 413
 Брюхо Семен Иванович 211
Буганов В. И. 415
 Будаковы, помещики 259
 Буддаков Тимофей 27, 28
 Бурков Василий 164
 Бутурлин Василий Иванович 209
 Бутурлин Иван Васильевич 205
 Буш Генрих 54, 57
 Бюаш (Буаш) Филипп 36, 43, 44, 52, 84, 88, 116—118, 120, 122, 124, 125, 131, 420, 421, 423, 426
 Бюффон Жорж Луи Леклерк, де 17, 392, 419
 Бюшинг (Бишинг) Антон Фридрих 178, 406
 Вагин Меркурий 31, 32
 Ваксель Свен 68, 76, 93, 95—97, 100—103, 106, 109, 110, 112, 113
Валк С. Н. 401
 Вальтон Виллиам 68, 77, 78, 80—84, 423
 Варлаам, епископ коломенский сер. XV в. 235, 237
 Варлаам, епископ коломенский в 1564—1565 гг. 237
 Варлаам, епископ коломенский в 1724—1731 гг. 237
 Варлам, игумен Киево-Печерского монастыря 7, 8
 Варсонофей, архиепископ крутицкий 326
 Василий, архиепископ новгородский 253
 Василий III Иванович, вел. кн. 201, 204, 207, 208, 210, 212, 213, 219, 236, 261, 287, 289, 290, 429, 432
 Василий Алексеевич, сибирский царевич 330
 Василий Васильевич Темный, вел. кн. 235, 260, 261, 285, 288, 294, 295, 305, 372, 431
 Василий Георгиевич (Юрьевич) Косой, кн. 295, 296
 Василий Дмитриевич, вел. кн. 235, 258, 294, 298
 Василий Иванович Шуйский, царь 183, 187, 193, 198, 201, 204, 206, 209—211, 224, 286
 Василий Михайлович Верейский, кн. 287, 288
 Василий Симеонович Стародубский, кн. 287
 Васильев Анофрей 224
 Васильев Сыдавной Семен Зиновьев 216
 Вассиан, епископ коломенский 237
 Ватагин *см.* Ватолин
 Ватолин (Ватагин) Маркелл Васильев 336
 Вебер Христиан-Фридрих 41, 421
 Веймут, магдебургский мастер 435
 Векентиев Федор 212
 Великий-Шестунов Петр Васильевич 206
 Великогагин Данила Степанович 327
 Венамин, епископ коломенский 237
 Венедикт, архимандрит Лужецкого монастыря в Можайске 273
Веселовский К. С. 382

- Викентий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 327
 Вилегин Иван 34—36
 Виниус Андрей Андреевич 347
 Витовт, вел.кн. 235, 290, 294
 Витсен Н. 41, 121, 123, 419, 421
 Вихман, епископ магдебургский 436
 Вишневецкий Дмитрий Иванович 192
 Владимир Андреевич, кн. 234
 Владимир Всеволодович Мономах, вел.кн. 11, 257, 259, 293, 365
 Владимир Святославич, кн. 187, 364, 372, 373, 432, 433
 Владимир Ярославич, кн. 373
 Владислав, королевич 248, 279, 290
 Власьев Афанасий Иванович 216
 Воейков Андрей Матвеевич 213
 Воейков Баим Васильевич 197
 Вогонди Роберт, де 131, 426
 Волков Абрам Степанович 256
 Волконский Григорий Константинович 193
 Волконский Михаил Никитич 226, 407
 Волинский Василий Семенович 216, 327
 Вольдемар, принц 348
 Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) 378, 388, 389, 405, 413
 Вуд *см.* Вуд Д.
 Воробьев Ананий 316
 Воронцов Александр Романович 412
 Воронцов Михаил Илларионович 408
 Воротынский Иван Александрович 33, 344
 Воротынский Михаил Иванович 208
Воскобойникова Н.П. 397
 Всеволод Юрьевич, кн. 304
 Вуд (Вуд) Джон 74, 128, 178, 423, 426
 Вышеславский Федор Яковлевич 213
 Вяземский Александр Алексеевич 180, 399, 404, 405
 Вяземский Афанасий Иванович 210
 Вятка Яков 29

 Гавренев Иван Афанасьевич 198, 225
 Гавриил, игумен Калязинского монастыря 327
 Гавриил (Бужинский), епископ 401
 Гавриил Кременецкий, епископ, затем митрополит казанский 237
 Гагарин Василий Иванович 30, 47, 52
 Гагарин Матвей Петрович 30, 31, 33, 54, 56, 194, 421
 Газус (Гаас) Иоганн Маттиас 74, 131
 Гама Хуан, де 67, 87, 88, 423
 Гантимур, тунгусский царек 350, 351
 Гантимуров Павел Петрович 193
 Гарднер Франц 302, 309—313
 Гастингс Мария 371, 372
 Гвоздев Михаил 63, 64, 422
Гвоздикова И.М. 406
 Гедимин, кн. 430
 Геевы 252
 Гейнзиус Николай 353, 354
 Гейссельберг Андрей 93, 98
 Гендриков, гр. 302
 Геннадий, епископ переславский 260
 Генс Яков 63, 65
 Георгий Васильевич, кн. 261
 Георгий Владимирович *см.* Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий
 Герасим, епископ коломенский вт.пол. XIV в. 225, 237
 Герасим, епископ коломенский в 1560—1564 гг. 237
 Герасим, игумен Угряжского монастыря 327
 Герасим (Смердков), епископ коломенский в 1481—1489 гг. 235, 237
 Герберштейн Сигизмунд 289, 290, 373, 433
 Гергон, архимандрит, затем епископ псковский 300
 Гердеболь, пробовальщик руд 63
 Гердер Иоганн Готфрид 378
 Гермоген, патриарх 183
 Геродот 417
 Геронтий, епископ коломенский, затем митрополит московский 235, 237
 Геснер И. 388
 Гёте Иоганн Вольфганг 378
 Глебов Александр Иванович 200, 302
 Глебов Богдан Матвеевич 213
 Глебов Никита Данилович 218
 Глинская Елена Васильевна 207, 208, 261, 429
 Глинский Михаил Васильевич 207
 Глинский Михаил Львович 261
 Глинский Юрий Васильевич 208
 Гмелин Иоганн Георг 64, 69, 91, 109, 113, 378, 382, 422, 423
Гнучева В.Ф. 424
 Годунов Борис Федорович *см.* Борис Федорович Годунов
 Годунов Григорий Васильевич 206
 Годунов Дмитрий Иванович 207, 211
 Годунов Степан Васильевич 206
 Голдсмит Оливер 388
 Голицын Александр Александрович 271
 Голицын Александр Михайлович, вице-канцлер 367, 394, 395, 402, 435
 Голицын Александр Михайлович, генерал-фельдмаршал 398
 Голицын Алексей Андреевич 347
 Голицын Борис Алексеевич 209, 270, 432
 Голицын Василий Васильевич 204, 205, 216, 317, 335, 340, 346, 350, 434

- Голицын Дмитрий Алексеевич 403
 Голицын Михаил Васильевич 270
 Голицын Николай Михайлович 267, 269, 270
 Голицын Юрий Михайлович 208
 Голицын Яков Алексеевич 345
 Голицыны 220, 430
 Головин Алексей Петрович 340
 Головин Петр Петрович 340
 Головин Федор Алексеевич 216, 340, 429
 Головина, помещица 269
 Головкин Гаврила Иванович 212, 336
 Головкин Иван Семенович 212, 336
 Головкина 243
 Головин Иван Гаврилович 211
 Голосов Лукиан (Лукьян) Тимофеевич 327
 Гольгин Иван 30
 Гольдбах Христиан 376
 Гордон Патрик 350, 395
 Горелов Андрей 26, 27
 Горенский Петр Иванович 208
 Горохов Иван Савинович 342, 347
 Грамотин Иван Тарасевич 198
 Грачевы 292
 Гревиус Иоганн Георг 353
 Грен (Грен) Джон 88, 116, 125
Греков В.И. 421
 Григорий, епископ коломенский 235, 237
 Григорьев Александр 300
 Гроций Гуго 182
 Грушецкая (Грушевская) Агафья Симеоновна 330
 Грушецкая (Грушевская) Анна Симеоновна 330
 Грушецкий (Грушевский) Симеон Степанович 329, 330
Гуковский Г.А. 387
 Гуторов Петр 54
- Давид, епископ коломенский 237
 Давыдов Иван Иванович 252
 Д'Агиллар Мартин 20, 419
 Д'Аламбер Жан Лерон 402
 Дампизр Уильям 107, 108
 Д'Анвиль Жан-Батист 84, 88, 116, 120, 121, 123, 130, 423, 424
 Даниил, епископ звенигородский 294
 Даниил, основатель Даниловского монастыря в Переславле-Залесском 261, 262
 Даниил Александрович, кн. 257, 305, 365
 Данилов Акинфий Иванович 218
 Данилов Федор 253
 Даурцов Тимофей 38
 Дежнев Семен Иванович 21—25, 37, 419, 420
- Делиль Вильгельм 125
 Делиль Гийом 43, 421
 Делиль де Ла Кроер, Людовик 67—69, 84, 85, 87, 104, 114, 115, 378, 422—424
 Делиль Жозеф Никола 36, 43, 44, 52, 67, 87, 88, 114, 115, 118, 122, 124, 125, 131, 382, 383, 419—423
 Дементьев Аврам 89, 90
 Демидов Акинфий Никитич 222
 Державин Гаврила Романович 405, 412
 Дефонте см. Фонте В., де
 Дефук Иоган 20
 Джекоб Роберт 371
 Дидро Дени 402
 Дионисий, игумен Сретенского монастыря 327
 Дмитрий Александрови, кн. 257, 259
 Дмитрий Андреевич, кн. 288
 Дмитрий Георгиевич (Юрьевич) Красный, кн. 295, 296
 Дмитрий Георгиевич (Юрьевич) Шемяка, кн. 286, 287, 295, 296, 372, 431, 436
 Дмитрий Заозерский, кн. 372, 436
 Дмитрий Иванович, царевич 372
 Дмитрий Иванович Донской, вел.кн. 234, 235, 285, 294, 298, 305, 430
 Дмитрий Константинович, вел.кн. 234
 Доббс Артур 115, 116, 125, 424
 Докорин Максим 316
 Долгоруков Алексей Григорьевич 433
 Долгоруков Василий Дмитриевич 323
 Долгоруков Владимир Дмитриевич 333, 336, 344
 Долгоруков Григорий Федорович 337
 Долгоруков Дмитрий Алексеевич 327
 Долгоруков Михаил Васильевич 269
 Долгоруков Михаил Юрьевич 334, 336, 347, 353
 Долгоруков Юрий Алексеевич 211, 224, 323, 328, 330, 333, 431, 434
 Долгоруков Юрий Юрьевич 433
 Долгорукова Елена Алексеевна 281, 433
 Долгоруковы 433
 Дорошенко Петр Дорофеевич 349
 Дохтуров Герасим Семенович 327
 Дрейк Френсис 19, 419
 Дровнин Василий Григорьевич 212
 Дровнин Григорий Афанасьевич 212
 Дроздов Афиноген Петрович 278
 Дубровский Андрей 365, 408, 435
 Дубровский Богдан Минич 211
Думин С.В. 385
 Дурново Пелагея Павловна 433
 Дуров Александр Степанович 327
 Дюгальд Жан Баптист 120, 130, 423, 424
 Дягилев Иван 82

- Евгений (Болховитинов) 375, 392
 Евдокия Алексеевна, царица 300, 321
 Евдокия Дмитриевна, вел. княгиня 234
 Евдокия Федоровна (Лопухина), царица 197
 Евреинио Иван 57, 58, 421, 422
 Екатерина I Алексеевна, императрица 58, 205, 222, 254
 Екатерина II Алексеевна, императрица 127, 132, 135, 338, 391, 393, 397, 398, 400, 402, 404, 405, 409, 412, 419, 425, 427, 430, 431, 434
 Екатерина Алексеевна, царица 300, 321
 Елагин Иван 84, 86, 104
 Елазий, архиепископ устюжский 326
 Елена Глинская см. Глинская Елена Васильевна
 Елизавета I Английская 371
 Елизавета Петровна, императрица 126, 233, 254, 255, 259, 260, 276, 300, 328, 387, 389
 Елизаров Федор Кузьмич 215
 Ельчин (Елчин) Яков Агеевич 54, 56, 421
 Ендауров Егор 68
 Ермак Тимофеевич 386
 Еропкин Иван Федорович 198
 Еропкин Михаил Степанович 211
 Ерш Иван 211
 Ефимов А. В. 420, 422
 Ефимовский Андрей Михайлович 268, 276, 277
- Жабин Антон 316**
 Желябужский Иван Афанасьевич 213
 Жербильтон Жан Франсуа 424
 Жеребцов Иван Алексеевич 213
 Жихарев Степан Петрович 405
 Жохов Василий Алексеевич 272
 Жуков Петр Федорович 228
- Забелин И. Е.* 427
 Заболотский Игнатий 192
 Заборовский Семен Иванович 329
 Зальтерно Болонгини 419
 Замыцкий Дмитрий Андреевич 199, 213
 Захарьины-Юрьевы 381
Зимин А. А. 428
 Зиновьев 30
 Зиновьев Матвей 308
 Змиев Василий Семенович 328
 Змиев Венедикт Андреевич 344, 347
 Зорин, воевода, г. Клин 316
 Зюзин Василий Григорьевич 197
- Иван I Данилович Калита, вел. кн.** 253, 284, 285, 293
Иван III Васильевич, вел. кн. 184, 186, 199, 201, 204, 206, 207, 210—212, 219, 236, 261, 287
Иван IV Васильевич Грозный, царь 13, 182—190, 192, 196, 197, 199—202, 204, 206—208, 210—213, 216, 217, 219, 253, 263, 289, 290, 331, 371, 427—433, 436
Иван V Алексеевич, царь 197, 209, 212, 213, 218, 219, 300, 316, 321, 322, 345, 434
Иван Андреевич Можайский, кн. 286, 287, 431
Иван Андреевич, кн. 288
Иван Дмитриевич, кн. 257, 259, 305
Иван Иванович, кн., сын Ивана Ивановича Красного 294
Иван Иванович, царевич, сын Ивана Грозного 196
Иван Иванович Красный, вел. кн. 285, 288, 293, 294
Иван Ларион Иванович 216, 327, 333, 346
Игнатъев Василий 53
Игнатъев Исая 21
Игнатъев Федор Иванович 211
Игорь, кн. 388
Идес Избрант 44, 421
Иероним, префект семинарии в Савино-Сторожевском монастыре 301
Измайлов Артемий Васильевич 213
Измайлов Михаил Львович 229
Измайлов Михаил Михайлович 227
Измайлов Петр Иванович 230
Измайлов Семен Артемьевич 327
Изориним, префект семинарии Савино-Сторожевского монастыря
Изяслав Ярославич, кн. 7, 364, 365, 372
Илизаров С. С. 402, 408
Илларион, епископ коломенский 235, 237
Илларион, митрополит киевский 7
Илларионов Григорий 279
Ильинский Михаил Иванович 247
Иоаким, епископ сербский 327
Иоаким (Савелов), патриарх московский 271, 326, 327
Иоаникий, митрополит ставропольский, затем коломенский 237
Иоанн, епископ коломенский 237
Иоанн, игумен Киево-Печерского монастыря 9
Иоанн, летописец 12
Иоанн III, митрополит киевский 11
Иоасаф, архиепископ казанский 326
Иоасаф, патриарх московский 300
Иов, архимандрит Юрьевского монастыря в Новгороде 327
Иов, епископ коломенский, затем патриарх московский 237
Иона, архиепископ вятский 326

- Иона, архиепископ ростовский 326
Иона, митрополит московский 235
Ионстон 108
Иосиф, архиепископ рязанский 326
Иосиф, архиепископ тверской 326
Иосиф, архимандрит Даниловского монастыря в Переславле-Залесском 262
Иосиф, епископ коломенский в 1565—1572 гг. 237
Иосиф, епископ коломенский в 1588—1617 гг. 237
Иосиф, митрополит коломенский 237
Ирина Михайловна, царевна 300, 321, 348
Истопниковы 194
- Казакow Михаил Федорович 430
Казимеров Лев 81
Калачов Н.В. 396
Каменский А.Б. 410, 413, 427
Камынин Иван Богданович 211, 328
Канг-Хия, хан 120
Карамзин Николай Михайлович 385, 390, 409, 413
Карл I 434
Карл XI 353
Кассиан, монах Киево-Печерского монастыря 417
Катаев 32
Катырев-Ростовский Иван 223
Качиков Иосиф 104
Кашин Михаил Федорович 199
Кемпфер Энгельберт 52, 62, 78, 421
Кестнер, живописец 313
Киприан, архиепископ коломенский 237
Киприан, митрополит московский 13, 268, 432
Кириллов Аверкий Степанович 343
Кириллов Яков Аверкиевич 210, 216, 343
Кирилов (Кириллов) Иван Кириллович 67, 83, 123, 131, 422—424, 426
Клейн Иаков Теодор 108
Кленк Конрад, Ван 322, 352, 353, 435
Клузий *см.* Клузий Карл
Клузий (Клузий) Карл 108
Ключевский Василий Осипович 385, 409, 413
Княжнин Яков Борисович 391, 412
Князев Анисим Титович 404, 427
Кобелев Тимофей 30, 48
Кобенцель Иоган 289
Козлова Н.А. 396
Козловский Григорий Афанасьевич 327, 335
Козловский Иван 223
Козыревский Иван 47—49, 56, 421
Козыревский Петр 48
Кокс (Коукс) Уильям 371, 407, 435
Колб Петер 108
Колумб Христофор 108
- Комелий, архиепископ новгородский 326
Кондамине, де Ла 108
Кондырев Ждан Васильевич 213
Кондырев Иван Тимофеевич 213
Копай 34, 36
Копнин Петр Третьяков 223
Коркодинов Иван Юрьевич 208
Корнелий, архиепископ тобольский 326
Косатов Григорий Иванович 344
Косов Сильвестр 14, 418
Котковский Федор 39
Коукс *см.* Кокс У.
Кошелев Иван 70
Крамер Адольф Бернгард 378
Крафт Георг Вольфганг 376
Крашенинников Степан Петрович 69, 379, 382, 384, 422
Крекшин Петр Николаевич 381, 382
Креницын Петр Кузьмич 426, 427
Крупышев Трифон 64
Крылов Иван Андреевич 405
Кубенский Иван Иванович 206, 208
Кузмин Иван Кузьмич 327
Кузьмин А.Г. 418
Кузяков Григорий 33
Куракин Григорий Семенович 323, 345
Куракин Федор Федорович 321, 323, 328, 347, 348
Куракины 220
Курбский Андрей Михайлович 204, 434
Кучкин В.А. 433
- Лабат Д.Б. 108
Лагонтан 96, 97
Лазарь, архиепископ черниговский 326
Лаптев Дмитрий Яковлевич 68, 72, 73
Лаптев Харитон Прокофьевич 71
Ларионов Василий 77
Ларионов Григорий 225
Лассениус Петр 68, 71, 72
Лау(с) Теодор 113
Левашов Михаил Дмитриевич 427
Лейбниц Готфрид Вильгельм 375
Леонтий, архиепископ тамбовский 326
Леонтьев Иван Федорович 213
Леонтьев Федор Иванович 327
Лицинталь 14
Лицинау Я.И. 422
Линней Карл 108, 388, 395, 423
Лихарев Давид 212
Лихарев Михаил 223
Лихачев Алексей Тимофеевич 330
Лихачев Михаил Тимофеевич 210, 223
Лихачев Федор Федорович 198, 216
Лобанов Петр Семенович 199
Ловчиков Григорий Дмитриевич 213

- Ломоносов Михаил Васильевич 374, 376, 380, 382—390, 393, 410, 426, 427
 Лопец Франциско 108
 Лопухин Аврам Никитич 198
 Лопухин Илларион (Ларион) Дмитриевич 198, 224, 225, 327
 Лопухин Леонтий Илларионович 225
 Лопухин Никита 224
 Луговской Томило Иудич 198
 Лужин Федор 57, 421
 Лузгин Алексей 324, 341, 342
Лукичев М.П. 415
 Лызлов Андрей Иванович 336, 434
 Лызлов Иван Федорович 336, 434
 Лыков Борис Михайлович 208
 Львов Иван 37, 38, 420
 Людовик XIII 394
 Людовик XIV 353
 Лютвидт (Лютвидж) 177
- Макарий, архимандрит Новоспасского монастыря в Москве 327
 Макарий, митрополит московский 13
 Макарий, патриарх антиохийский 300
 Макаров, помещик 256
 Малгин (Мальгин) Никифор 29, 30, 42
 Малиновский Алексей Федорович 409
 Мальгин Степан Григорьевич 68, 70, 422
 Мальгин *см.* Малгин Н.
 Мальцов 368, 397, 398
 Мамай, хан 235
 Манкиев Александр Ильич 389, 401, 432
 Мария Алексеевна, царевна 300, 321
 Мария Борисовна, вел. княгиня 287, 288
 Мария Ильинична (Милославская), царица 299, 321, 338
 Мария Нагая, царица 435
 Маркел, архиепископ вологодский 326
 Марков Алексей 33
 Мартынов Федор 217
 Марфа Алексеевна, царевна 251, 252, 300, 321, 431
 Марфа Матвеевна (Апраксина), царица 197, 331
 Маслов, майор 308
 Матвеев Андрей Артамонович 325, 341, 342
 Матвеев Артамон Сергеевич 198, 216, 322—325, 327, 330, 333, 341—343, 346, 347, 351, 434
 Матушкин Иван Павлович 327
 Матюшкин Афанасий Иванович 198, 213
 Махмет *см.* Улуг-Мухаммед
Медушевская О.М. 424, 425
 Мейерберг Августин, фон 252
- Мейснер, надзиратель Гарднеровского фарфорового завода 310, 311
 Мелиссино Иван Иванович 406
 Мельницкий Назарий 217
 Менке И.Б. 375
 Меншиков Александр Данилович 186, 227, 232, 376, 428, 430
 Мещанинов Демид Демидович 231
 Мещанинов Иван Демидович 231
 Мещеринов Алексей 224
 Мещерский Василий Никитич 256
 Милославский Иван Богданович 324, 335, 347
 Милославский Иван Михайлович 325, 329, 330, 337, 342—344, 346, 347
 Милославский Матвей Богданович 327, 337, 347
 Милославские 322
Милюков П.Н. 406, 410
 Минин Кузьма 198
 Минин Федор 70
 Миних Бурхард Кристофор 190, 398, 429
 Митрофан, епископ воронежский 326
 Митрофан, епископ коломенский 237
 Михаил, архиепископ белгородский 326
 Михаил, епископ коломенский 237
 Михаил Александрович, вел.кн. тверской 305
 Михаил Александрович Верейский, кн. 286—288
 Михаил Всеволодович кн. 262, 263
 Михаил Федорович, царь 13, 183, 190, 195, 198, 200, 201, 204, 206—209, 211, 213, 215, 216, 223, 224, 229, 248, 259, 279, 299, 300, 305, 336, 348, 395, 427, 429
 Михаил Ярославич Тверской, вел.кн. 305
 Михайлов Константин Михайлович 211
 Михайлов Родион 29
 Мнишек (Сандомирская) Марина 216
 Многогрешный Михаил 30
Модзалевский Б.Л. 388
 Моисей, архимандрит Петровского монастыря в Москве 327
 Молин Амбгорн 56
 Монастырский Данила 30
 Морозка Лука Семенович 44
 Морозов Михаил Иванович 328
 Морозов Михаил Яковлевич Русалка Филимонов 206
 Морозов Семен 295
 Мосальский Василий Михайлович Рубец 206
 Мотора Семен 24
 Мстислав Мстиславич Удалой, вел.кн. 373, 436
 Мулграва, лорд 177
 Мунгал Петр 38

- Муравьев Степан Воинович 68—70, 422
 Мурат-Гирей 217
 Мусин-Пушкин Валентин Платонович 277
 Мясной Лукьян 223
- Нагаев Алексей Иванович** 154
 Нагой Афанасий Федорович 198
 Нагой Михаил Иванович 213
 Нагой Михаил Федорович 207
 Нарбеков Афанасий Самойлович 211
 Нармацкий Гавриил 324, 342
 Нарышкин Кирилл Алексеевич 209
 Нарышкин Кирилл Полуэктович 198
 Нарышкины 435
 Наседкин Михаил 30
 Наталья Алексеевна, вел. княжна 254
 Наталья Алексеевна, царевна 321
 Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица 321, 337
- Наумов Иван Федорович** 213
 Наумов Федор Михайлович 213
 Нащокин Афанасий Лаврентьевич 216
 Нащокин Григорий Борисович 327
 Нелединский-Мелецкий Степан Петрович 205
 Немтинов Михаил 134, 135, 143, 144, 152, 154, 176
 Нестеров Афанасий Иванович 327
 Нестеров Афанасий Семенович 327
 Нестор, летописец 5—10, 12—14, 16, 187, 202, 304, 392, 417, 418
 Никита, епископ коломенский 237
 Никита, митрополит коломенский 235, 237
 Никита, протоиерей Благовещенского собора в Москве 328
 Никита Столпник 262, 263, 432
 Никифор, игумен Воздвиженского монастыря 327
 Никифор, митрополит киевский 11
 Никлас 297
 Николаев Иван 259
 Никон, епископ коломенский 235, 237
 Никон, патриарх московский 13, 326
 Никон Великий, монах Киево-Печерского монастыря, летописец 9
 Нил, игумен Новинского монастыря 327
 Новиков Николай Иванович 260, 402, 405, 407, 409, 412, 427, 428, 432, 434
 Норденберг, фон 250
- Оболенский Лопата Федор Васильевич** 206
 Оболенский Овчина Телепня Иван Федорович 207, 429
 Овца Дмитрий Владимирович 210
 Овцын Дмитрий 68, 70, 422
 Оглоблин (Аглоблин) Иван Федорович 278
- Ододуров Иван Григорьевич 211
 Одоевский Никита Иванович 204, 223, 323, 324, 328, 333, 334
 Одоевский Яков Никитич 323, 334, 430
 Озеров Федор 135
 Оларий Адам 316
 Олег Иванович Рязанский, кн. 235
 Олфериев Роман Васильевич 197
 Ольга, княгиня 364, 388
 Ольгерд, вел.кн. литовский 234
 Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич 198, 323
 Ордин-Нащокин Богдан Иванович 327
 Орлов Лев Ильич 308
 Остафьев Иван 64
 Остерман Иван Андреевич 408
 Остерман Федор Андреевич 272, 291
 Ошанин Василий Федорович 212
 Ощера Иван Васильевич 199
- Павел**, архиепископ тобольский 326
 Павел, архимандрит коломенский 235, 237, 326
 Павел, епископ коломенский в 1657—1667 гг. 237
 Павел, митрополит коломенский в 1676—1682 гг. 237
 Павлуцкий Дмитрий 63, 65, 66
 Паисий, папа и патриарх Александрийский 300
 Палицын Авраамий 13, 377
 Паллас Петр Семен 425
 Панин Василий Никитич 198
 Панов Никифор 135—138, 140, 146, 156, 157, 164
 Паус Иоганн-Вернер 417
 Пахомий, архимандрит Симонова монастыря в Москве 327
 Пашков Афанасий 224
 Пашков Иван 316
Пекарский П.П. 376, 380, 384, 393, 406
 Пермяков Яков 31, 32
 Пестриков Василий Григорьевич 216
 Петр I Алексеевич, император 20, 54, 57, 58, 103, 118, 125, 126, 180, 181, 184, 186—188, 190, 196—198, 200—202, 204, 205, 209, 212, 213, 215—219, 221, 222, 229, 230, 242, 243, 251, 252, 255, 258, 270, 271, 275, 312, 316, 320—323, 325, 326, 329, 331, 337, 340, 342, 352, 353, 357, 375, 389, 392, 396, 401, 411, 420—422, 427, 428, 429, 430, 431, 432—434
 Петр II Алексеевич, император 254
 Петр III Федорович, император 227, 430
 Петр Дмитриевич, кн. 295, 305
 Петрей Де Ерлезунда 269, 432

- Пештич С.Л.* 391
 Пивов Роман Михайлович 198—200
 Пимен, архиепископ новгородский 253
 Писемский Федор (Григорий) Андреевич 371, 372, 435
 Платон, архиепископ московский 245—247, 300
 Плаутин Михаил 68, 104
 Плениснер 133, 426, 427
 Плещеев Иван Афанасьевич 209
 Плиний Старший 417
Погодин М.П. 385
 Погожий Исак 223
 Подлесов Андрей Романович 223
 Пожарский Дмитрий Михайлович 223
Покровский А.А. 419, 422
 Поленов А.Я. 431
 Поликарп, архимандрит Киево-Печерского монастыря 10, 11
 Поло Марко 41, 421
Полонская И.М. 405
 Полтев Федор Алексеевич 327
 Полуниин Федор Афанасьевич 401, 403, 431
 Польшин Иван Иванович 252
 Польшина (урожд. Давыдова) 252
 Полянский Даниил (Данила) Леонтьевич 333
 Пономарев Петр (в монашестве Павел), наместник Троице-Сергиева монастыря 245
 Пономарев С. 427
 Попов Никита 384
 Попов Петр Ильич 39, 40, 60
 Попов Сергей Сидорович 231
 Порной Федор 38
 Поротов Алексей 30
 Порошин Семен Андреевич 388
 Порфирий, епископ коломенский, затем митрополит белгородский 237
 Потехин П. 430
 Поярков Петр 135
 Прасковья Федоровна, царица 209
Примаковский А.П. 387
 Принц Даниил 289, 433
Приселков М.Д. 418
 Проестев Давыд Григорьевич 213
 Прозоровский Алексей Петрович 209
 Прозоровский Борис Иванович 276
 Пронский Иван Петрович 323
 Прончищев Василий Васильевич 68, 71
 Протопопов (Верхотуров) Федор 48
 Пртолей 417
 Пугачев Емельян Иванович 406
 Пуфендорф Самуэль 182
 Пушкин Александр Сергеевич 406
 Пушкин Гаврила Григорьевич 213, 214
 Пушкин Григорий Гаврилович 210
 Пушкин Иван Михайлович 213
 Пушкин Матвей Степанович 327
 Пушкин Петр Михайлович 337
 Пырский Иван 425
 Пяттов Яков Деевич 215
 Радзивилл Богуслав 14
 Радищев Александр Николаевич 391
 Разин Степан Тимофеевич 229
 Разумовский Алексей Кириллович 226
 Разумовский Кирилл Григорьевич 355, 382, 387
 Раий 108
 Ракитин Иван Васильевич 56
 Рафаил, епископ коломенский 237
 Рахманинов Иван Герасимович 405, 427
 Ребров Иван 28
Резун Д.Я. 379
 Ремезов Семен Ульянович 421
 Решнин Иван Борисович 323, 332
 Ржевский Алексей Андреевич 370, 403, 435
 Ржевский Алексей Иванович 348
 Ржевский Иван Иванович 327, 348, 350
 Рихман, магдебургский мастер 435
 Робине(т), французский издатель 370, 402
 Рокотов Федор Степанович 412
 Романов-Юрьев Александр Никитич 208
 Романовы 381, 389
 Ромодановский Григорий Григорьевич 350
 Ромодановский Иван Иванович 323
 Ромодановский Юрий Иванович 323, 335
 Ростислав Мстиславич, кн. 11
 Ртищев, подштурман 71, 72
 Ртищев Григорий Иванович 211, 327
 Ртищев Михаил Алексеевич 211
 Ртищев Федор Михайлович 211
 Рублев Андрей 413
 Румовский Степан Яковлевич 388
 Рындин Моисей 135, 144, 163, 167, 175, 176
 Рычков Петр Иванович 16, 388, 392, 406, 418
 Рюрик 364, 381, 383
 Сабуров Иван Юрьевич 208, 429
 Сабуров Михаил Федорович 206
 Сабуровы 287
 Сава, епископ коломенский 237
 Сава, основатель Савино-Сторожевского монастыря 297, 298
 Савелов Петр Петрович 271, 277
 Савеловы 273
 Савельев Сидор 90
 Салтыков Андрей Михайлович 210
 Салтыков Василий Федорович 209
 Салтыков Лев Андреевич 210

- Салтыков Михаил Михайлович 208
Салтыков Петр Михайлович, боярин 209, 323
Салтыков Петр Михайлович, губернатор 283
Салтыков Степан Иванович 337
Салтыковы 336
Самарин Иван Михайлович 308
Самарин Кириян Иванович 212
Самойлович Иван 350
Самошенко В.Н. 395
Сандвич Джон Монтегю 177
Санима 46
Санкин Григорий 34
Сапеги 377
Свидерский Павел 322
Свидригайло (Швидригайло) Ольгердович, кн. 258
Святополк Окаянный, кн. 418
Святослав Игоревич, кн. 364
Селиверстов Юрий 25
Семен Иванович Гордый *см.* Симеон (Семен) Иванович Гордый
Семенов Василий Григорьевич 218, 224, 328, 341
Серапион, епископ переславский 260
Сергий Радонежский 229, 235, 248, 257, 267, 297, 298, 430, 434
Сильвестр, архимандрит Савино-Сторожевского монастыря 327
Сильвестр, епископ переславский 260
Сильвестр, игумен Михайловского Выдубицкого монастыря, летописец 9—11, 418
Симеон, архиепископ смоленский 326
Симеон Алексеевич, царевич 300
Симеон Бекбулатович, кн. 196, 429
Симеон Иванович, кн. 287
Симеон (Семен) Иванович Гордый 284, 285, 293
Симеон Полоцкий 321, 402
Симон, епископ владими́ро-суздальский 10, 11, 12
Скребыкин Матвей 39
Скуратов Алексей 68, 70, 422
Скуратов Петр Дмитриевич 327
Собакин Калист Васильевич 208
Собакин Михаил Григорьевич 368, 394, 397
Соймонов Федор Иванович 388, 392, 430
Соковнин Алексей Прокофьевич 213
Соковнин Федор Прокофьевич 198, 324, 341
Соколов Кузьма 54, 55
Соколовский Мартын Николаевич 408, 409
Соленикова Евдокия 266
Соловьев Сергей Михайлович 385, 401, 409, 410, 432, 434
Соломония Юрьевна (Сабурова), вел.кн. 208, 429
Сопоцко А.А. 422, 424
Сорокоумов Иван 53, 54
София, вел. княгиня 235, 294
Софья Алексеевна, царевна 185, 196, 197, 243, 299, 300, 321, 340, 352, 429, 432—434
Софья Андреевна, королева 286
Софья Дмитриевна, княгиня 372, 436
Спафарий Милеску Николай 325, 342, 343, 350—352
Стадухин Василий 32, 33
Стадухин Михаил 23—26, 28
Стадухин Тарас 29
Станиславский А.Л. 402, 415
Стародубцев Сава 111
Стеллер (Штеллер) Георг Вильгельм 69, 84, 85, 87, 91—93, 95, 98, 101, 102, 106, 108, 113, 422, 423
Стефан, архиепископ суздальский 326
Стефан, игумен Киево-Печерского монастыря, затем епископ Владимира на Волыни 6, 8
Стил Роберт 388
Страленберг Филипп Иоганн 45, 46, 54, 83, 118, 320, 334, 421—423
Стрешнев Иван Федорович Большой 327, 328, 329
Стрешнев Родион Матвеевич 328, 329
Стрешнев Тихон Никитич 184, 215
Стрешневы 328
Стриттер И.М. 409
Строгановы 184, 286
Строев П.М. 379
Стрыйковский Мацей (Матвей) 5, 417
Сукин Иван Иванович 212
Сукин Федор Иванович 210
Сулешев-Черкасский Василий Еншеевич 208
Сумароков Александр Петрович 388, 391, 412
Татищев Василий Никитич 6, 9, 11—14, 16, 182, 183, 187, 191, 199, 202, 210, 304, 320, 329, 330, 386, 388, 400, 401, 409—411, 417, 418, 428, 434
Татищев Евграф Васильевич 401
Татищев Игнатий Петрович 198
Татищев Михаил Игнатьевич 213
Татьяна Михайловна, царевна 300, 321
Тацит Корнелий 417
Творов О.В. 418
Тевено(т) Мельхиседек 120
Тексеира Луис 87
Теплов Григорий Николаевич 383, 387

- Терентьев Иван 316
 Терешкин Иван Васильевич 39
 Титов Семен Степанович 327
Тихомиров М.Н. 384
 Тихон, епископ коломенский 237
 Толбухин Гаврила 77
 Толочанов Семен Федорович 211
 Толстой Андрей Васильевич 198, 335
 Толстых Андреян 427
 Толченев Алексей Ильич 307
 Тольдин Егор Васильевич 39
 Тохтамыш, хан 235
 Траурнихт Дорофей Афанасьевич 30, 31, 38, 39, 47, 52—54, 420
 Траханиотов Никифор Васильевич 211
 Третьяковский Василий Кириллович 376, 383, 384, 388, 412
 Третьяков Петр Алексеевич 216
 Тригаутий 41
 Троекуров Борис Иванович 327
 Троекуров Иван Борисович 224
 Трубецкой Алексей Никитич 227
 Трубецкой Дмитрий Юрьевич 271
 Трубецкой Иван Юрьевич 205
 Трубецкой Юрий Петрович 323, 329, 331, 347
 Трубников, помещик 256
 Туренин Василий 223
Туршлов А.А. 385
 Тучков Михаил Васильевич 206
- Угрюмов (Фадеев) Александр Филиппович 259, 264
 Угрюмов Филип Фадеевич 259, 263, 264, 266
 Украинцев Емельян Игнатъевич 216, 398, 429
 Улуг-Мухаммед (Махмет, Улу-Ахмет), хан 235, 286, 431
 Урусов Семен Андреевич 208
 Уседский Томило 279
 Усов Алексей 21
 Ушатый Чулок Василий Васильевич 207
- Фадеев см. Угрюмов А.Ф.**
 Федор (Феодор) Алексеевич, царь 185, 196—198, 201, 204, 209, 211, 213, 216, 223, 250, 299—301, 320—326, 329—354, 428, 433—434
 Федор Андреевич Стародубский, кн. 287
 Федор Иванович, царь 183, 198, 199, 201, 204, 206—208, 210, 212, 213, 216, 372
 Федор Святославич Смоленский, кн. 285
 Федор Студит 417
 Федор Ярославич, кн. 373
- Федоров Ефим 316
 Федоров Иван 63, 422
 Федоров Иван Петрович 207
 Феодор, епископ коломенский 237
 Феодора Алексеевна, царевна 321, 345, 431
 Феодосий, епископ коломенский XVI в. 237
 Феодосий, епископ коломенский XVIII в. 228, 230
 Феодосий Печерский 6—10, 378, 417
 Феодосия, княгиня 373, 435
 Феодосия Алексеевна, царевна 251, 252, 300, 321
 Феофан Прокопович 418
 Феофилакт, архимандрит Савино-Сторожевского монастыря 301
 Феофилакт, игумен Златоустинского монастыря 327
 Феофилакт, ректор семинарии в Занко-носпасском монастыре, затем епископ переславский 260, 262
 Феррапонт, основатель Феррапонтова бело-зерского и Лужецкого можайского монастырей 285
 Фербиаст Фердинанд 352
 Фермор Виллим Виллимович 278
 Филарет, архиепископ нижегородский 326
 Филарет Никитич, патриарх московский 183, 190, 203, 223, 248, 300
 Филькеев Прокопий 56, 57
 Фипс Константин Джон 177, 178, 427
 Фирсов Василий 316
 Фишер Иоганн Эбергард 384, 422
 Флетчер Джильс 208, 429
 Фонвизин Денис Иванович 412
 Фонте В., де 20, 89, 114, 116, 125, 419, 422
 Фотий, митрополит московский 294
 Фридрих-Вильгельм, курфюрст Бранденбургский 353
 Фук Иоанн, де 44, 419
- Хабаров Иван Иванович 206
 Хантингдон, граф 371
 Хворостинин Федор Иванович 206
 Хвостов, помещик 256
 Херасков Михаил Михайлович 388, 412
 Хилков Андрей Яковлевич 269, 287, 401, 432
 Хилков Иван Андреевич 328, 331
 Хитров Софрон 84, 91, 93, 94, 102, 103, 110
 Хитрово Александр Севастьянович 328, 347
 Хитрово Богдан Матвеевич 210, 323, 328, 330, 347
 Хитрово Иван Богданович 321, 322, 328
 Хитрово Иван Севастьянович Большой 327
 Хитрово Сергей Александрович 337
 Хитрово Яков Тимофеевич 327

- Хлопов Федор Семенович 212
 Хмельницкий Богдан Михайлович 333
 Хованский Андрей Иванович 243
 Хованский Иван Андреевич 242, 243, 299
 Христиан IV 348
 Хрущов Степан Лукьянович 211
- Чаадаев Иван Иванович** 198
 Челяднин Андрей Федорович 207
 Челяднин Василий Андреевич 206
 Челяднин Иван Андреевич 207
 Черемисин Демекша Иванович 197
 Черкасский Алексей Михайлович 227
 Черкасский Григорий Зунчельевич 323
 Черкасский Иван Борисович 211
 Черкашенин, квартирмейстер 81
 Чернышев Захар Григорьевич 302, 318
 Чернышев Иван Григорьевич 132, 152, 268, 425, 426
 Чириков Алексей Ильич 58, 59, 67, 68, 76, 84, 85, 87—90, 98, 103, 104, 110, 112, 113, 116, 419, 423—425
 Чихачев Иван 84, 104
 Чичагов Василий Яковлевич 135—138, 140, 142—146, 151—155, 164, 169, 170, 175, 176, 178, 425—427
 Чичерин Василий Петрович 255
 Чичерин Денис Иванович 133, 423
- Щакловитый Федор Леонтьевич** 218, 219, 336
 Шамаев Иван 30
 Шапкин Семен Иванович 211
 Шарлевоа Ксавьер 120, 123
 Шафиров Петр Павлович 216, 429
Шахматов А. А. 417, 418
 Шейн Алексей Семенович 337
 Шелтинга Александр 68, 77, 83, 84
 Шепелев Аггей Алексеевич 198, 344
 Шереметев Борис Петрович 190, 204, 205, 210, 220, 228, 401, 429, 430
 Шереметев Василий Борисович 228, 323
 Шереметев Владимир Федорович 283
 Шереметев Петр Борисович 226—228, 232, 234, 303, 323
 Шереметев Петр Васильевич 204, 210
 Шереметевы 227
 Шестаков Афанасий 36, 37, 63—66, 420
 Шестаков Иван 63—65
 Шилов В. 427
 Шишкин П. 427
 Шлецер Август Людвиг 380, 384, 410, 417
 Шмалев Василий 133, 426
 Шмалев Тимофей 133, 426
Шмидт С. О. 384
- Шпанберг Мартын 58, 59, 67—69, 76—80, 83, 84, 88, 116, 117, 123, 422
 Штелин Якоб 376, 426
 Штеллер см. Стеллер Г. В.
 Шттинников Андрей 62
 Штрубе де Пирмонт Фридрих Генрих 384
 Шубин Алексей Иванович 255
 Шувалов Иван Иванович 387, 389
 Шуйский Василий Иванович см. Василий Иванович Шуйский
 Шульгин Никанор 429
 Шумахер Иоганн Даниил 376, 377, 381, 382, 386
- Щелкалов Андрей Яковлевич** 216
 Щелкалов Василий Яковлевич 216
 Щербатов Константин Осипович 327, 332, 335
 Щербатов Михаил Михайлович 304, 385, 388, 390, 402, 409, 410, 413, 428
 Щербинин, капитан-командор 72
- Эйлер Леонард 376
Элерт А. Х. 379
 Энгель Самуэль 129—131, 179, 425—427
Эскин Ю. М. 415
- Юдин, звенигородский воевода** 296
 Юрий Васильевич, кн. 288, 305
 Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, кн. 12, 257, 259, 293, 304, 365, 431, 434
 Юрий (Георгий) Дмитриевич Шемяка, кн. 235, 286, 294—296, 298
Юровский В. Е. 415
 Юрьев Данила Романович 206
 Юрьев Никита Романович 206
 Юрьев Федор 224
 Юсти Иоганн Генрих Готтлиб, фон 388
 Юсупов Борис Григорьевич 380
 Юшков Алексей Александрович 201, 204
 Юшков Борис Гаврилович 327
- Ягайло (Ягелла), король Польши** 286
 Языков Иван Максимович 211, 212, 329, 330, 340, 347
 Яковлев, помещик 269
 Ямес Ламбе 135
 Янов Иван Васильевич 271
 Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. 7, 12, 202, 364, 365, 372, 373, 418
 Ярослав Всеволодович, кн. 257, 373, 435
 Ярыгин, подпоручик 152
- Avril Rh.* 421
Golder F. A. 420, 423
Philips J. C. 418

СОДЕРЖАНИЕ

О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных.....	5
Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве.....	15
Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных.....	19
Известии о новейших кораблеплаваниях по Ледовитому и Камчатскому морю с 1742 года, то есть по окончании второй Камчатской экспедиции. Часть из истории государственования великия императрицы Екатерины Вторыя.....	127
Известие о дворянх [Российских].....	180
[Описание городов Московской провинции].....	226
История жизни и царствования Феодора Алексеевича.....	320

ДОПОЛНЕНИЯ

[Проект создания Исторического департамента Академии наук].....	355
Важности и трудности при сочинении Российской истории.....	364
Инструкция переводчику Андреяну Дубровскому.....	365
Из переписки.....	367

ПРИЛОЖЕНИЯ

Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) (А.Б. Каменский).....	374
ПРИМЕЧАНИЯ (А.Б. Каменский и О.М. Медушевская).....	417
Список сокращений.....	435
Указатель имен.....	436

Научное издание

Миллер Герард Фридрих

СОЧИНЕНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ИЗБРАННОЕ

Утверждено к печати Редакцией серии "Памятники исторической мысли"

Заведующая редакцией "Наука-история" *Н.Л. Петрова*

Редакторы *С.А. Левина, Л.М. Кузнецова*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*. Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Э.Д. Алексева, Н.Л. Голубцова, Н.П. Круглова*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ИБ № 1739

ЛР № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 20.10.95. Формат 60×90/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,0 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отг. 29,1. Уч.-изд.л. 32,2. Тираж 5000 экз. Тип. зак. 3093

Издательство "Наука". 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Санкт-Петербургская типография № 1 РАН. 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Г. Ф. МИЛЛЕР · СОЧИНЕНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Г. Ф. МИЛЛЕР

СОЧИНЕНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РОССИИ

ИЗБРАННОЕ

